

К 70-летию
воссоздания
философского факультета
в структуре
Московского университета

Философский
факультет
МГУ
имени М.В. Ломоносова:
страницы истории

Издательство
Московского университета

Lomonosov
Moscow State University
Faculty of Philosophy

*Faculty
of Philosophy
Lomonosov
Moscow State University:
Pages of History*

Edited by A.P. Kozyrev

Moscow
University Press
2011

*К 70-летию
воссоздания
философского факультета
в структуре
Московского университета*

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Философский факультет

*Философский
факультет
МГУ
имени М.В. Ломоносова:
страницы истории*

Под редакцией А.П. Козырева

Издательство
Московского университета
2011

УДК 1(09)
ББК 87.3;74.58
Ф56

Книга издана при поддержке выпускника философского факультета МГУ — старшего партнера «КСК групп» И.М.Островского

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова:
Ф56 страницы истории / Под ред. А.П. Козырева. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 496 с., илл.

ISBN 978-5-211-06301-3

Книга включает в себя библиографическое исследование С.Н. Корсакова «Деятели философского факультета», в котором впервые даются написанные на основе новых материалов портреты сменявших друг друга деканов, в числе которых последний декан философского факультета МИФЛИ Ф.И. Хасхачих, погибший на фронтах Великой Отечественной войны, и 16 деканов и исполняющих обязанности декана, руководивших факультетом после его воссоздания в структуре МГУ 25 декабря 1941 г. В их личной истории, а также в списках их публикаций отражаются история страны и Московского университета, общественные дискуссии и споры, роль философского факультета в общественной, идеологической и политической жизни страны, динамика изменения структуры философского образования за последние 70 лет. Во второй части собраны записанные в разные годы интервью с выдающимися профессорами философского факультета, а также профессором филологического факультета МГУ А.А. Тахо-Годи, которые в живой форме беседы доносят до читателя этапы истории факультета, воскрешают образы выдающихся ученых и знаковых людей, работавших на факультете.

Для философов, историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей России советской и постсоветской эпох.

Ключевые слова: философское образование, философские дискуссии, философские группы, советская философия, марксистская философия, диалектический и исторический материализм, идеология, идейная борьба, сталинские репрессии, сталинизм, реформы в образовании, структурные изменения, обновление.

Faculty of Philosophy Lomonosov Moscow State University:
Pages of History / Ed. A.P. Kozyrev. Moscow: Moscow University Press, 2011. — 496 p., with illustrations.

The book includes bio-bibliographical inquiry by S.N. Korsakov "Deans of the Faculty of Philosophy", which is based on new research and for the first time demonstrates the portraits of successive deans, including the last Dean of the Faculty of Philosophy of the Moscow Institute for Philosophy, Literature and History – F.I. Hashachih, who died in the World War II, and 16 deans and acting deans who led the faculty after its recreation in the structure of the Moscow State University on December 25, 1941. In the history of persons as well as the lists of their publications the history of our country and the history of Moscow University, public discussion and debate, the role of the Faculty of Philosophy in social, ideological, and political life, changes in the structure of philosophical education in the last 70 years are reflected. The second part includes interviews with prominent professors of the Faculty of Philosophy recorded in different years, as well as interviews with the professor of the Faculty of Philology A.A. Taho-Godi which in the vivid form of conversation convey to the reader the stages of the Faculty's history, evoke images of outstanding scientists and iconic people working at the Faculty.

The book is intended for philosophers, historians and all readers interested in the history of Soviet Russia and post-Soviet eras.

Keywords: philosophical education, philosophical discussions, philosophical groups, Soviet philosophy, Marxist philosophy, dialectical and historical materialism, ideology, ideological struggle, Stalin's repressions, Stalinism, reform in education, structural changes, update.

© С.Н. Корсаков, текст части I, илл., 2011

© Философский факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011

ISBN 978-5-211-06301-3

СОДЕРЖАНИЕ

О ДЕКАНАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО... (В.В. Миронов)	7
---	---

Часть I

С.Н. Корсаков

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ОТ АВТОРА	13
Хасхачих Федор Игнатъевич	16
Каплан Иосиф Григорьевич	24
Андреев Григорий Георгиевич	32
Чернышев Борис Степанович	42
Кутасов Дмитрий Алексеевич	53
Берестнев Владимир Федорович	64
Мальцев Василий Иванович	80
Гагарин Алексей Петрович	90
Молодцов Василий Сергеевич	108
Овсяников Михаил Федотович	126
Цыганкова Эмма Николаевна	154
Мелюхин Серафим Тимофеевич	163
Богатов Виталий Васильевич	189
Косичев Анатолий Данилович	198
Косолапов Ричард Иванович	216
Панин Александр Владимирович	249
Миронов Владимир Васильевич	257
ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ...	276

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II БЕСЕДЫ

«ИСТИНА ДОСТИЖИМА ТОЛЬКО В НЕКОТОРЫХ ОБЛАСТЯХ»	323
<i>Беседа с профессором кафедры логики философского факультета МГУ Анатолием Александровичем Старченко. 2006 г.</i>	
ДОМ НА АРБАТЕ	344
<i>Беседа с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Азой Алибесковной Тахо-Годи. 2004 г.</i>	
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СОКОЛОВ: «ЧТОБЫ СЛОВАМ БЫЛО ТЕСНО, А МЫСЛЯМ ПРОСТОРНО».....	373
<i>Беседа с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ Василием Васильевичем Соколовым. 2003 г.</i>	
ЗНАМЕНИТЫЕ ДИСКУССИИ	401
<i>Беседа с профессором кафедры логики Евгением Казимировичем Войшвилло. 1992 г.</i>	
«В РОССИИ КАРЛА ЯСПЕРСА НЕ БЫЛО».....	413
<i>Беседа с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры эстетики философского факультета МГУ Еленой Васильевной Волковой. 2007 г.</i>	
«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»	429
<i>Беседа с академиком РАН Теодором Ильичом Ойзерманом. 2004 г.</i>	
ОПЕРЕЖАЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ	450
<i>Беседа с профессором кафедры мировой и российской политики философского факультета Александром Митрофановичем Ковалевым. 2005 г.</i>	
«Я ДОВОЛЕН ТЕМ, ЧТО СДЕЛАЛ».....	468
<i>Беседа с профессором кафедры философии и методологии науки филологического факультета МГУ Александром Владимировичем Паниным. 2011 г.</i>	
«С УНИВЕРСИТЕТОМ У МЕНЯ СВЯЗАНА ВСЯ ЖИЗНЬ...»	490
<i>Беседа с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры истории зарубежной философии Геннадием Георгиевичем Майоровым</i>	

О ДЕКАНАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

25 декабря 2011 г. философский факультет празднует 70-летие своего воссоздания в Московском университете имени М.В. Ломоносова. История отечественной философии за это время и судьба факультета неразделимы. Такие даты всегда связаны с воспоминаниями, с определенным переосмыслением прошлого и, конечно, с теми людьми, которые работали на факультете.

Философский факультет присутствует в университете с момента его основания, то есть с 1755 г. Иначе и не могло быть. Наличие философского факультета — это основной признак любого классического университета. Тем более это справедливо для XVIII в., когда преподавание философии понималось гораздо шире, чем сегодня, и включало в себя весь спектр наук, как естественных, так и гуманитарных.

В 1804 г. по новому университетскому уставу произошла реорганизация университета и вместо трех факультетов было создано четыре отделения, в том числе отделение нравственно-политических наук. После 1817 г. при министре А.Н. Голицыне в связи с тенденциями объединения духовного и светского образования в России преподавание философии в университете практически прекращается, ненадолго возобновляясь в конце 40-х годов. В 1850 г., после известной резолюции тогдашнего министра народного просвещения кн. Ширинского-Шихматова, поданной императору Николаю I: «Польза от философии сомнительна, а вред очевиден», кафедра философии была закрыта на десять лет. По иронии судьбы автора резолюции звали Платоном. Была закрыта не только кафедра как некая структурная единица, но нанесен удар по философии как таковой, ибо согласно Указу императора было запрещено чтение центральных философских дисциплин: теории познания, метафизики, нравоучительной философии и истории философии. Чтение таких предметов, как логика и психология (традиционно относившихся к философским), было разрешено лишь профессорам богословия.

В 1860 г. в рамках историко-филологического факультета была восстановлена кафедра философии. Несмотря на очень «осторожное» отношение к философии со стороны властей, после принятия университетского устава 1863 г. происходит рост ее популярности, связанный с деятельностью выдающихся русских философов, таких, например, как П.Д. Юркевич, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой и многих других. С 1863 г. курс истории философии права читался на юридическом факультете, до 1919 г. выпускавшем юристов с весьма

серьезной философской подготовкой. В 1906 г. на историко-филологическом факультете организуется группа философских наук и вводится курс по истории новой философии.

После 1917 г. новая власть довольно быстро приходит в столкновение со свободной мыслью, которая является условием изучения и преподавания философии. В 1919 г. в Московском университете открывается факультет общественных наук, где наряду с преподаванием экономики, истории, юриспруденции большое место отводится философии, которую преподают в этот период такие крупные философы, как А.А. Богданов, Н.Н. Суханов, С.А. Франк. Именно в этот период зарождается тенденция преподавания философии как, прежде всего, диалектического и исторического материализма. После высылки из России в 1922 г. большой группы ведущих представителей русской гуманитарной мысли преподавание философии в ее классическом виде было прекращено.

В 1930 г. образуется историко-философский факультет, который просуществовал лишь год, а затем на его базе, путем присоединения литературного факультета, вне стен Университета, создается легендарный МИФЛИ.

И вновь зигзаг судьбы и истории. В труднейшие для страны годы, когда немцы были под Москвой и в глазах обывателя необходимость в философии была весьма незначительной, 25 декабря 1941 г. в Ашхабаде, куда во время войны был эвакуирован Московский университет, происходит воссоздание философского факультета в структуре университета путем реорганизации соответствующего факультета МИФЛИ и передачи на новый факультет кафедры философии исторического факультета. Вот откуда возникает термин «воссоздание», который означает восстановление философского факультета в структуре МГУ.

Перипетии судьбы нашего факультета, как мне представляется, связаны с тем, что любая власть нуждается в собственном идеологическом оправдании, и философия здесь, как система теоретического мировоззрения, занимает важное место. Поэтому, когда это власти необходимо, она готова поддержать соответствующие образовательные структуры, которые, по ее разумению, в будущем будут работать на эту власть. Вспомним хотя бы период так называемого «застоя» в СССР, когда были введены рекомендации обкомов КПСС для поступления на факультет. Однако философия всегда основана на свободе, точнее, свободном мышлении, которое трудно запретить какими-либо идеологическими барьерами и установлениями. Свобода мышления — это внутреннее состояние личности, которое может присутствовать в нем в условиях самого тоталитарного режима. Впрочем, как и несвобода, сопряженная с конъюнктурным мышлением, которая вполне может сочетаться с самым демократическим внешним оформлением. Свобода философского мышления подразумевает определенный плюрализм мнений, в том числе и тех, которые могут прямо противоречить принятым идеологическим установкам. И вот когда государство отходит от

идей либерализма в широком смысле этого слова, то философский плюрализм, да еще помноженный на критичность аналитического мышления, которое все способно подвергать сомнению, становится неудобным для власти. Философию прижимают или признают в качестве единственной истинной лишь одну систему, а философские факультеты закрывают либо пытаются превратить в придаток идеологии. Не случайно философский факультет, если так можно выразиться, поставляя и крупных идеологических функционеров, и одновременно целую плеяду «диссидентов», которые оказывались в оппозиции к власти. Именно в условиях жесткого режима 50-х гг. прошлого столетия на факультете вызревало поколение людей, которые в значительной мере повлияли на развитие философии с 60-х годов вплоть до нашего времени.

В связи с такой «трудной» историей представляется интересной и оценка той роли, которую внесли в развитие факультета его руководители, то есть деканы. Решение о публикации такой книги было не простое, так как многие годы, особенно в период СССР, философский факультет был, как это тогда обозначали, «кузницей идеологических кадров» и во многом зависел от той политической линии, которую проводили тогда партия и руководство страны. Соответственно, руководство факультета не могло оказаться вне функционирующей системы. И здесь, может быть, центральной проблемой, а может быть, и критерием оценки становится возможность человека, будучи руководителем в условиях жесткого идеологического диктата, оставаться внутренне свободным и принимать решения, способствующие развитию факультета. Думаю, что схожие проблемы принятия того или иного решения, выбора того или иного вектора развития встают перед человеком, исполняющим функции руководителя, всегда, а в некоторые периоды истории становятся мучительно трудными для осуществления. Иногда это просто невозможно понять со стороны «внешнего наблюдателя», не подозревающего, какой спектр проблем иногда приходится урегулировать одновременно, чтобы найти ту линию поведения, которая удовлетворяет и общим интересам, связанным с развитием факультета, и индивидуальным интересам личностей, которые как философы в наибольшей степени чувствуют себя свободными.

Поэтому моя цель в этом предисловии не давать оценку тем людям, которые в конкретные годы возглавляли факультет, а призвать читателя к внимательному отношению к тем социокультурным обстоятельствам, в которых работал тот или иной декан, попытаться «влезть в его шкуру» и понять правомерность (или неправомочность) принятия тех или иных решений. Публикация этой книги — трудное решение. Я понимаю, что не все фигуры вызовут симпатии, но это, наша с вами история, которую уже нельзя изменить. Я могу лишь ограничиться призывом внимательного чтения и понимания того, что в данном контексте невозможно просто сопоставление людей, особенно в нашей стране, ибо условия работы каждого из деканов, даже в последние годы, весьма существенно

О ДЕКАНАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

различались. Каждое время порождало проблемы, которые необходимо было преодолеть с наименьшими потерями для коллектива факультета и в какой-то степени для развития нашей философии.

В контексте этого я не могу не высказать лишь пару слов о деятельности на этом посту Александра Владимировича Панина, с которым я 11 лет проработал в должности заместителя декана. Для факультета, который позиционировался как идеологический, это были, может быть, самые тяжелые годы. Существовала реальная угроза его закрытия, и лишь немногие коллеги знают, как много пришлось преодолеть, чтобы факультет работал и развивался. А.В. Панину удалось это осуществить без особого «погружения» в эти неприятные проблемы коллектива факультета, который продолжал в спокойной обстановке выполнять свои образовательные функции, развивать научные направления и просто достаточно комфортно существовать.

Данное исследование — это не некая официальная позиция факультета. Это авторская работа, для которой характерны личностные оценки и интерпретации, могущие также вызвать недовольство или даже раздражение. Но такова судьба любого автора.

В.В. Мионов

Член-корреспондент РАН, профессор,
декан философского факультета МГУ

Часть I

С.Н. Корсаков

ДЕКАНЫ
ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МГУ
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Изучение прошлого необходимо для лучшего понимания настоящего и нас самих. Кто мы? Какие мы? Откуда идем? Куда можем прийти? Вписанная в цепную последовательность событий, наша собственная жизнь становится неслучайной.

В 2011 г. исполняется 70 лет со дня восстановления философского факультета в составе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. История факультета дорога каждому, кто ощущает собственную причастность к ней. В настоящей работе впервые в хронологической последовательности представлены биографии всех деканов философского факультета МГУ начиная с 1941 г.

Каковы мотивы подобного исследования? Ведь декан прежде всего администратор и только потом — ученый. Некоторым удается успешно сочетать обе ипостаси, но это далеко не общее правило. Вместе с тем современный подход к изучению развития философской науки учитывает не только эволюцию идей, но и социальную историю философии. Невозможно адекватно понять те или иные идеи, выдвинутые философами, если не вписать их в контекст времени. Особенно это касается тех периодов, когда отношения между философией и властью были напряженными, когда философов подвергали политическим репрессиям. В этом случае можно сказать, что история административного управления становится составной частью социальной истории философии.

Показательно, какие фигуры выдвигает время на руководящие посты. Это могут быть люди разного калибра, но в них время как бы персонифицировано и наглядно отражены изменения социального контекста развития философии в стране. Кроме того, в смене философов-руководителей отражаются и имманентные процессы изменения приоритетов в философских исследованиях. Все это свидетельствует в пользу биографическо-хронологических исследований подобного рода.

Восстановление биографий деканов — трудоемкая работа. Чаще всего в живой памяти остается первый по хронологии руководитель и те, кого в качестве педагогов помнят ныне работающие преподаватели. Между этими двумя «вехами» часто располагается «серое» пространство. Тех, кто попал в него, подчас не знают даже по фамилии.

Основой для данного издания стала работа, проведенная нашими предшественниками и нашедшая отражение в коллективной монографии «История философской мысли в Московском университете» (М., 1982), сборнике воспоминаний «Философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (М., 2002) и книге А.Т. Павлова «Философия в Московском университете» (СПб., 2010). Много ценной информации по нашей теме содержит книга А.Д. Косичева «Философия. Время. Люди» (2-е изд. М., 2007). Большую помощь в работе оказали словари П.В. Алексеева «Философы России XIX—XX столетий» (4-е изд. М., 2002) и «Философы России начала XXI столетия» (М., 2009). Следует назвать также статью А.П. Козырева «Философия в Московском университете». Благодаря этим источникам был составлен предварительный список деканов, который уточнялся и дополнялся в ходе работы.

Особо встал вопрос о включении в книгу тех, кто исполнял обязанности декана, но официально в этой должности утвержден не был. Вопрос был решен положительно во всех тех случаях, когда и.о. не просто временно замещал заболевшего или находившегося в отпуске декана, а когда на тот период времени декана как должностного лица на факультете вообще не было (В.И. Мальцев, Э.Н. Цыганкова, В.В. Богатов, Р.И. Косолапов).

Работа над темой потребовала тщательного изучения документов нескольких архивов: Российского государственного архива социально-политической истории, Архива РАН, Архива МГУ, Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива города Москвы, Центрального Московского архива-музея личных собраний, архива отдела кадров Института философии РАН.

В ходе работы проводились встречи с родственниками уже умерших деканов, в результате бесед с ними пополнялась информационная база данных исследования. Проводились также встречи с ныне живущими героями очерков.

Отдельной задачей работы стало составление максимально полной библиографии трудов деканов и литературы о них. Подобная задача также решалась впервые. В этих целях были просмотрены каталоги Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, указатели ИНИОН РАН, «Летопись журнальных статей», «Летопись рецензий». Кроме того, выявлялись монографии, статьи, очерки и воспоминания о героях книги. Ценным источником информации были списки трудов из личных дел деканов. Однако иногда при обращении к книгам, в которых согласно спискам должны были быть статьи деканов, оказывалось, что эти источники отсутствуют. Подобные случаи отмечены в тексте знаком «*». Так же обозначены монографии, которые не удалось обнаружить в библиотеках.

ОТ АВТОРА

Каждая биография проиллюстрирована портретом (см. цветную вклейку). Найти некоторые фотографии оказалось непростым делом. Но здесь на помощь пришло не только изучение личных дел, но и применение специальных поисковых архивных технологий (поиск по номеру партбилета), а также обращение к личным архивам.

Автор начал собирать материалы по теме в начале 1990-х гг., еще будучи студентом философского факультета МГУ. Тогда же им были записаны интервью с Е.К. Войшвилло, А.М. Ковалевым, А.Д. Косичевым, Т.И. Ойзерманом, Б.Г. Сафроновым и В.В. Соколовым.

Автор признателен заместителю декана философского факультета МГУ А.П. Козыреву за оказанную помощь в сборе материала для книги. Особую благодарность автор выражает профессору П.В. Алексееву за большую помощь и нравственную поддержку в подготовке настоящего издания.

ФЕДОР ИГНАТЬЕВИЧ ХАСХАЧИХ

Декан в 1941 г.

Федор Игнатьевич Хасхачих родился 21 марта 1907 г. в с. Чермалык Приморского района Донецкой области, расположенном на берегу Азовского моря, в бедной крестьянской семье. Семья принадлежала к колонии греков, давно натурализовавшихся в России. В молодые годы он работал в сельском хозяйстве отца, а после его смерти — в хозяйстве брата. Окончив семилетку, осенью 1926 г. поступил в Мариупольский педагогический техникум. Среди учеников школы, а затем техникума выделялся своей начитанностью и прилежанием¹. Через год поступил на факультет советского права МГУ. Обучаясь в МГУ, Ф.И. Хасхачих занимался преподавательской деятельностью: в 1929/30 учебном году вел занятия по диалектическому материализму в Техникуме изобразительных искусств, а в первом семестре 1930/31 учебного года — в Механико-машиностроительном институте имени Н.Э. Баумана.

Окончив в 1930 г. МГУ, Ф.И. Хасхачих в течение девяти месяцев работал в Ростове-на-Дону заведующим контрольно-плановой частью Северо-Кавказской краевой рабоче-крестьянской инспекции и одновременно преподавал диалектический материализм в Ростовском институте инженеров путей сообщения. В феврале 1932 г. крайкомом ВКП(б) был переведен в Новочеркасск на должность заведующего кафедрой диалектического материализма сельскохозяйственного института. Вел занятия также в Новочеркасском политехническом институте. В 1932—1934 гг. состоял членом Новочеркасского городского бюро Союза научных работников. В то время заведующему идеологической кафедрой приходилось отвечать за многое. Интересный факт: в 1933 г. партколлегия Новочеркасской районной контрольной комиссии ВКП(б) объявила Ф.И. Хасхачиху выговор «за необеспечение 100% выхода колхозников на работу в день пасхи 16 апреля 1933 г.» Вскоре выговор был снят.

Осенью 1934 г. Ф.И. Хасхачих поступил в аспирантуру философского факультета Московского института истории, философии и литературы, в котором были объединены выделенные из МГУ гуманитарные факультеты. Одновременно преподавал в МИФЛИ.

В 1937 г. Ф.И. Хасхачих окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Познаваемость мира и его закономерностей». Он был

---

¹См.: Серцова А.П., Карпов Г.Д. Философ — воин — патриот // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 5. С. 117.

зачислен и.о. доцента на кафедру диалектического материализма и с февраля 1938 г. стал работать в деканате философского факультета МИФЛИ инспектором по кадрам. С мая 1938 г. являлся штатным доцентом кафедры диамата. Вел общественную работу. Регулярно назначался политруком колонны факультета на демонстрациях. С ноября 1939 г. был лектором по диалектическому и историческому материализму в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). В 1941 г. его избрали депутатом Сокольнического райсовета г. Москвы.

Лекции Ф.И. Хасхачиха, как вспоминают его бывшие студенты в МИФЛИ А.П. Серцова и Г.Д. Карпов, отличались четкостью и ясностью формулировок, строгой логичностью и последовательностью, глубиной мысли и доходчивостью.

15 сентября 1938 г. Ф.И. Хасхачих был назначен деканом философского факультета МИФЛИ¹. Его работы тех лет посвящены естественно-научным основаниям теории познания, античному скептицизму, критике агностицизма. Интерес Ф.И. Хасхачиха к гносеологическим проблемам стимулировался общением с работавшим тогда в МИФЛИ болгарским философом Т.Д. Павловым. С 1 июля 1940 г. Ф.И. Хасхачих — докторант Института философии АН СССР, сталинский стипендиат. На время работы над диссертацией он ушел с должности декана. В Институте философии Ф.И. Хасхачих выступил с докладом по теме своей диссертации². К началу Великой Отечественной войны им была написана докторская диссертация на тему «Материя и сознание», в которой он рассматривал такие вопросы, как соотношение категорий отражения, раздражимости и ощущения, переход от неоощущающей материи к ощущающей, возникновение и развитие человеческого мышления, соотношение чувственного и логического познания. Но защитить диссертацию Ф.И. Хасхачих не успел из-за начала войны.

Можно ли считать Ф.И. Хасхачиха первым деканом философского факультета МГУ? Он находился в творческом отпуске в 1940/41 учебном году в связи с написанием докторской диссертации. По окончании учебного года вернулся к своим обязанностям. По свидетельству Б.В. Бирюкова, бывшего в 1941 г. студентом философского факультета МИФЛИ, уже в сентябре 1941 г. студентам сообщили, что МИФЛИ сливается с МГУ³. Таким образом, хотя приказ о реорганизации был подписан в декабре 1941 г., фактически процесс преобразования философского факультета МИФЛИ в философский факультет МГУ происходил еще при декане Ф.И. Хасхачихе.

А.П. Серцова и Г.Д. Карпов вспоминают, как в первый же день войны декан Ф.И. Хасхачих выступил на митинге, проходившем на философском

¹Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

²Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 79.

³Бирюков Б.В. Трудные времена философии. М., 2005. С. 94.

факультете, и призвал студентов и преподавателей вступить в ряды защитников Родины. В его личном деле имеется запись за 1940 год, в которой указано, что ему предоставлена отсрочка от призыва в военное время до особого распоряжения. Но это обстоятельство не остановило Ф.И. Хасхачиха.

В июле 1941 г. Ф.И. Хасхачих вместе со своими студентами и преподавателями стал рядовым политбойцом истребительного батальона, штаб которого расположился в здании Сокольнического райсовета. В октябре 1941 г. батальон включили в состав 7-го полка 5-й стрелковой дивизии Московского народного ополчения, выведенной для защиты юго-западных рубежей столицы. Ф.И. Хасхачих получил назначение на должность агитатора полка. А.П. Серцова и Г.Д. Карпов пишут: «Нам обоим, авторам этих записок, довелось с нашим деканом пройти ратный путь в одних рядах начиная с истребительного батальона Сокольнического района столицы. Будучи вместе с деканом, мы видели его непосредственно в боях при защите Москвы в 1941 г. и на Калининском фронте в ходе контрнаступления в начале 1942 г.»¹ «Мы оба, бывшие студенты МИФЛИ, находились рядом с деканом и можем засвидетельствовать и по дневным наступлениям, и по ночным атакам, с каким бесстрашием участвовал в боях наш любимый учитель. В мирные предвоенные годы мы не могли даже предположить, что на фронте сложатся такие близкие, братские отношения между нами, студентами, и нашим наставником-деканом. Но это было так. Там же, на фронте, он дал нам рекомендации для вступления в Коммунистическую партию. Особенно яркой была наша последняя с ним встреча 23 февраля 1942 г., когда он собрал политруков и партийный актив для проведения беседы о 24-й годовщине героической Красной Армии. Сейчас даже трудно себе представить, как в населенном пункте, только что освобожденном от немецких захватчиков, в развалинах льнозавода, в грязном полуподвальном помещении, защищавшем нас от осколков фашистских мин, наш декан говорил бойцам, бесконечно уставшим от непрерывных боев, недоеданий, вдохновляющие слова об освободительной миссии Красной Армии. Его уверенный тон, страстная убежденность придавали силы бойцам, поднимали их на штурм вражеских укреплений. Мы размышляем сейчас о том, что, по-видимому, это был единственный за всю историю случай, когда декан философского факультета с оружием в руках отстаивал те идеи, которые были его призванием»².

В декабре 1941 г. было принято решение о демобилизации всех, кто имел ученую степень, а Ф.И. Хасхачиху была предложена ответственная работа в Москве. Но он сказал: «Пока моя Родина в опасности, мое место на фронте; я не имею права покинуть своих боевых друзей».

¹ Серцова А.П., Карпов Г.Д. Указ. соч. С. 118.

² Серцова А.П., Карпов Г.Д. Декан-комиссар // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Фило-софия. 1987. № 5. С. 72.

В январе 1942 г. полк и дивизия, в которых служил Ф.И. Хасхачих, получили общегармейские номера, были включены в состав 22-й армии Калининского фронта и направлены под Ржев. На Калининском фронте за несколько месяцев Ф.И. Хасхачих прошел путь от рядового до майора. С 19 по 28 февраля 1942 г. 875-й полк 158-й дивизии, в котором он служил, после продолжительного марша участвовал в ожесточенных боях у населенного пункта Холмец Оленинского района Калининской области, расположенного северо-западнее Ржева, где немцами был создан укрепленный пункт сопротивления. В боях был смертельно ранен начальник штаба полка и убиты комиссар и командир полка. Агитатор политчасти полка Ф.И. Хасхачих заменил сначала комиссара, а затем командира полка и водил солдат в ночную атаку. Полк сумел удержать деревню Сазоново. За этот подвиг Федор Игнатьевич был награжден медалью «За отвагу». Профессор А.П. Серцова, свидетель и участник того боя, вспоминала: «Навсегда запомнился нам облик спокойного и мужественного командира, умело отдававшего оперативные распоряжения, поражавшего своей храбростью»¹.

158-я дивизия сражалась в районе поселков Оленино и Нелидово, неоднократно форсировала Волгу. Ф.И. Хасхачих служил агитатором политотдела дивизии. Он ходил в атаки, делил с бойцами тяготы фронтовой жизни, проводил большую агитационно-пропагандистскую работу среди личного состава, выступал с докладами о положении на фронтах, о международном положении страны. В окопах и землянках, в строю и на передовой он вдохновлял воинов на подвиги, вселял уверенность в победе. Ф.И. Хасхачих пользовался любовью и уважением солдат и командиров. О нем неоднократно писала дивизионная газета «За Родину».

В августе 1942 г. 158-я дивизия была передана 39-й армии. Ф.И. Хасхачих стал агитатором политотдела 39-й армии. По приказу командования Калининского фронта 39-я армия вела осенью 1942 г. бои северо-западнее Ржева, выполняя задачу по ликвидации плацдарма противника на левом берегу Волги. Действия войск Калининского фронта сковывали значительные силы немецко-фашистской армии, не давая ей перебрасывать подкрепления под Сталинград. Бои в районе Ржевского выступа и Оленино приняли упорный характер, потребовавший от наших войск предельного напряжения сил. Среди командиров и политработников были значительные потери.

5 ноября 1942 г. Ф.И. Хасхачих погиб от прямого попадания вражеского снаряда во время выступления перед бойцами с докладом в одном из стрелковых батальонов. Снаряд пробил деревянный настил блиндажа. В вещевом мешке Ф.И. Хасхачиха была обнаружена подготовленная им для печати ста-

¹Серцова А.П. Коммунист, ученый, воин // Московский университет. 1967. 7 апреля.

тъя «Чтобы победить врага, надо научиться его ненавидеть». Она завершалась словами твердой уверенности в победе: «Люди, которые познали радость свободной жизни, не станут рабами». Член Военного совета 39-й армии, Герой Советского Союза генерал-лейтенант В.Р. Бойко вспоминал о Ф.И. Хасхачихе: «В нем сочетались высокая идейность и деловитость, постоянная готовность выполнить самое трудное поручение»¹. Ф.И. Хасхачих соединял в себе философа и воина — защитника Родины. В общесоюзном философском журнале «Под знаменем марксизма» (1942. № 10) появился некролог о Ф.И. Хасхачихе, подписанный генералами и офицерами 39-й армии Калининского фронта. Боевые товарищи писали: «Всю ту страсть, с которой он отдавался научной работе, весь организаторский талант он вложил в дело борьбы против ненавистного врага».

Ф.И. Хасхачих был похоронен на берегу Волги, вблизи деревни Пустошка Селижаровского района Тверской области. В память о нем и о других погибших на фронте преподавателях и студентах философского факультета МГУ 1 октября 1965 г. на факультете была установлена мемориальная доска².

Рукопись докторской диссертации Ф.И. Хасхачиха была сохранена в Институте философии АН СССР и опубликована после войны. В 1946 г. вышла его брошюра «О познаваемости мира», которая вошла в качестве раздела в опубликованную в 1952 г. книгу Ф.И. Хасхачиха «Материя и сознание». К 60-летию со дня рождения Ф.И. Хасхачиха был издан сборник его работ «Вопросы теории познания диалектического материализма». Работы Ф.И. Хасхачиха использовались в послевоенные годы на философском факультете МГУ в качестве учебных пособий. Написаны они простым, доступным языком. Книги Ф.И. Хасхачиха были переведены на иностранные языки и изданы в разных странах. В ГДР в газете «Ноес Дойчланд» была опубликована рецензия «Об одной интересной философской работе» на книгу ученого.

В книгах Ф.И. Хасхачиха излагается вполне традиционная материалистическая гносеология; принцип опытного происхождения знаний дополняется принципом признания реальности внешнего мира как источника наших ощущений. Автор показывает как наши чувства проверяются друг другом и даже способны в определенных границах заменять друг друга. Ф.И. Хасхачих в отличие от философов-идеалистов не испытывает сомнений в познавательных возможностях наших органов чувств. «Если бы органы чувств искаженно отображали действительность, — писал он, — то человек не мог бы биологически целесообразно приспособляться к окружающей среде»³. Раздражимость как общее свойство живых организмов мыслилась им как орудие ориентировки и

¹ Бойко В.Р. С думой о Родине. М., 1982.

² Памяти героев // Московский университет. 1965. 1 октября.

³ Хасхачих Ф.И. О познаваемости мира. М., 1946. С. 10.

приспособления к среде. Развитие нервной системы есть дальнейшее совершенствование координации всех функций организма. Целесообразное поведение животных ученый связывал с работой безусловных и условных рефлексов. Однако он шел дальше и признавал за животными начальную способность сознания. Вследствие этого ему пришлось выдвинуть рискованное предположение о том, что наличие у обезьяны сознания в зародышевой форме «есть продукт чисто биологического развития, в то время как сознание человека есть, прежде всего, продукт общественного развития»¹. И далее он объясняет, что, употребляя в отношении животных слово «сознание», понимает под ним не собственно сознание, а его «зародышевую форму»². Конечно, если бы автор воспользовался вошедшим позднее в оборот понятием «биологический интеллект», подобной путаницы бы не возникло. Переходя к характеристике мышления первобытных людей, Ф.И. Хасхачих, напротив, рисует исторически верную картину: неспособность к обобщению и абстрагированию, избыточное развитие памяти. На материале первобытного мышления он удачно показывает несостоятельность агностических и идеалистических интерпретаций проблемы сознания. В мышлении современного человека философ усматривал прямую последовательную связь между внешним раздражением, возбуждением нерва, работой мозга и, наконец, сознанием. Ф.И. Хасхачих находился на уровне гносеологии своего времени. Он рассматривал возникновение понятий как результат многократной повторяемости определенных практических действий. В послевоенной советской философии будет высказана мысль о том, что источником образования понятий является не повторяемость как таковая, а общественно выработанные способы действий с предметами, создающие в совокупности идеальное измерение реальности. Ф.И. Хасхачих, признавая идеальный характер мышления, делал акцент на материальных основах сознания, а мозг рассматривался им как орган мышления.

В марте 1967 г. на философском факультете состоялось заседание Ученого совета, посвященное 60-летию со дня рождения Ф.И. Хасхачиха. С докладом выступил Г.Д. Карпов. Ветеран войны Н.Я. Михайлов рассказал собравшимся, что в 1967 г. разыскал могилу Ф.И. Хасхачиха. За ней ухаживали жители деревни Пустошка Селижаровского района Калининской области. О Ф.И. Хасхачихе на заседании говорили Ф.В. Константинов, Т.И. Ойзерман, генерал-лейтенант И.С. Безуглый, А.П. Серцова, сестра героя М.И. Хасхачих. К заседанию была подготовлена выставка, посвященная жизни и творчеству Ф.И. Хасхачиха.

Могилу Ф.И. Хасхачиха посещали студенты философского факультета МГУ.

¹Хасхачих Ф.И. Материя и сознание. М., 1952. С. 85.

²Там же. М., 1952. С. 87.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 194895.

Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 213. Л. 127–127 об.

Сочинения

Познаваемость мира и его закономерностей: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1937.

Замечания по поводу проекта Программы по диалектическому и историческому материализму // Под знаменем марксизма. 1937. № 9. С. 185–186.

Некоторые вопросы теории отражения // Под знаменем марксизма. 1937. № 11–12. С. 32–59.

К вопросу о переходе от материи к ощущению // Фронт науки и техники. 1938. № 6. С. 32–56.

Борьба В.И. Ленина против махизма // Советская наука. 1939. № 1. С. 41–61.

Материя и сознание. М., 1940. 88 с.; 2-е изд. М., 1951. 208 с.; 3-е изд. М., 1952. 208 с. Переведена и издана в Будапеште (1953. 127 с.), Бухаресте (1953. 182 с.), Софии (1953. 187 с.), Берлине (1955. 277 с.), Праге (1954. 150 с.), Таллине (1954).

Познаваемость мира и его закономерностей. М., 1940. 86 с. Под названием: О познаваемости мира. 2-е изд. М., 1946. 100 с.; 3-е изд. М., 1952. 96 с. Переведена и издана в Монтевидео (1947. 109 с.), Берлине (1949. 131 с.), Будапеште (1950. 142 с.), Варшаве (1950. 102 с.), Братиславе (1951. 103 с.), Бухаресте (1951. 93 с.).

Основные моменты процесса познания // Под знаменем марксизма. 1940. № 12. С. 45–70.

Теория познания диалектического материализма. М., 1941. 138 с.

Об античном скептицизме // Труды Моск. гос. института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. 1941. Т. IX. С. 3–29.

Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967. 327 с.

Истина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 49–68.

Литература

Ф.И. Хасхачих (Некролог) // Под знаменем марксизма. 1942. № 10. С. 127.

Макаровский А.А. Рец. на кн.: Хасхачих Ф.И. О познаваемости мира. М., 1946 // Советская книга. 1947. № 3. С. 60–62.

Бетяев Я.Д. Полезное пособие по марксистско-ленинской теории познания: Рец. на кн.: Хасхачих Ф.И. О познаваемости мира. М., 1946 // Большевик. 1947. № 6. С. 56–64.

Рожин В.П. Рец. на кн.: Хасхачих Ф.И. Материя и сознание. М., 1951 // Советская книга. 1952. № 7. С. 73–76.

Ребане Я. Полезная книга для изучающих марксистскую философию: Рец. на кн.: Хасхачих Ф.И. Материя и сознание. Таллин, 1954 // Коммунист Эстонии. 1954. № 12. С. 62–67.

Памяти философа-воина: К 20-летию со дня гибели Ф.И. Хасхачиха // Вопр. философии. 1962. № 12. С. 177.

ФЕДОР ИГНАТЬЕВИЧ ХАСХАЧИХ

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Философ-патриот // Философские науки. 1967. № 6. С. 143–146.

Кубанцев Л. Рец. на кн.: *Хасхачих Ф.И.* Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967. 327 с. // Дон. 1967. № 9. С. 168–169.

Слуцкий М.С. Рец. на кн.: *Хасхачих Ф.И.* Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967. 327 с. // Новый мир. 1967. № 10. С. 280.

Серцова А.П. Коммунист, ученый, воин // Московский университет. 1967. 7 апреля. Хасхачих Федор Игнатьевич // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 432.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Федор Игнатьевич Хасхачих // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 242–243.

Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 156–158.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Он думал о будущем // Московский университет. 1985. 3 июня.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Декан-комиссар // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 5. С. 70–75.

Косолапов Р.И. Предисловие к работе Ф.И. Хасхачиха «Истина» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 43–49.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Философ — воин — патриот // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 5. С. 117–119.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Хасхачих Федор Игнатьевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий. М., 2002. С. 1038.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. 22 июня 1941 года. М., 1995. 189 с.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Москва устояла. 1941. История и судьбы людей. М., 1996. 314 с.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. На солдатском поле. М.; Волгоград, 1998. 76 с.

Серцова А.П., Карпов Г.Д. Ветераны — молодым. М., 2000. 127 с.

Корсаков С.Н. Федор Игнатьевич Хасхачих (1907–1942). 100 лет со дня рождения // Тверские памятные даты на 2007 год. Тверь, 2007. С. 163–165.

ИОСИФ ГРИГОРЬЕВИЧ КАПЛАН

Декан в 1941–1943 гг.

Фигура И.Г. Каплана как декана философского факультета МГУ оставалась до сих пор совершенно неизвестной. И тому были свои причины, связанные как со временем, когда он был деканом, так и с его тяжелой судьбой, которую не обошли сталинские репрессии. Поэтому сегодня нам ценен каждый факт из этой вновь восстановленной биографии.

Иосиф Григорьевич Каплан родился 12 (25) марта 1900 г. в Одессе в семье кустика-портного. Его отец и три старших брата состояли в социал-демократической организации, участвовали в революции 1905 г. В их доме помещался склад оружия, хранилась нелегальная литература, он был базой боевой группы. Все это определило жизненный путь И.Г. Каплана. Он окончил начальную школу, затем в 1911–1915 гг. на средства братьев учился в высшем начальном училище. С 1914 г. стал зарабатывать уроками, временами подрабатывал в обойно-драпировочной мастерской. Поступил на вечерние курсы, где в 1916 г. начал серьезно знакомиться с нелегальной литературой; участвовал в собраниях социал-демократического кружка молодежи, в распространении листовок и брошюр. Посещал занятия на естественном отделении Новороссийского университета в Одессе, где проучился три курса (1917–1918).

В апреле 1917 г. И.Г. Каплан вступил в партию большевиков. Вел пропагандистскую работу среди молодежи, крестьян, рабочих, солдат гарнизона как в Одессе, так и в Одесском уезде, участвовал в январских боях 1918 г., в ходе которых в Одессе была установлена советская власть. После падения советской власти в феврале 1918 г. работал в подполье в Одессе и в Тираспольском и Анапском уездах среди оккупационных войск: сначала немецких и австрийских, а позже — французских. В апреле 1919 г. вступил в 1-й советский батальон Красной гвардии Одессы и был инструктором Одесского партийного комитета, а с мая 1919 г. — председателем партийной ячейки Одесского гарнизона.

С приходом Красной армии в июле 1919 г. И.Г. Каплан был призван на военную службу и с маршевой ротой отправлен на Южный фронт (Юго-Восточное направление) в район г. Балашова. Он служил в 9-й армии инструктором и временно исполняющим должность начальника политотдела 14-й, а с августа 1919 г. — 22-й стрелковой дивизии на Южном фронте. С сентября 1919 г. был помощником начальника, а с января 1920 г. — временно исполняющим должность начальника политотдела 23-й стрелковой дивизии на Юго-Восточном фронте. Принимал участие в боях.

И.Г. Каплану приходилось не только принимать участие в боях, но и заниматься организацией ревкомов в освобожденных Красной армией волостях и уездах Саратовской губернии, Донской и Кубанской областей, Екатеринославской и Александровской губерний и в Крыму. Некоторое время он состоял председателем или членом этих ревкомов, а в мае — августе 1921 г. — секретарем Евпаторийского уездного комитета партии и в мае—декабре 1921 г. — членом Крымского обкома партии.

В апреле 1920 г. после расформирования 23-й стрелковой дивизии И.Г. Каплан был назначен начальником отдела политпросвещения 9-й армии, а с мая 1920 г. служил начальником политотдела 9-й стрелковой дивизии на Кавказском и Южном фронтах. В октябре—декабре 1920 г. принимал участие в боях на Южном фронте против войск Врангеля. Политотделом 9-й армии в 1920 г. был награжден часами и кожаным костюмом.

С декабря 1920 г. И.Г. Каплан служил в Харьковском военном округе помощником начальника политотдела 4-й армии, с января 1921 г. — начальником политотдела 46-й стрелковой дивизии 4-й армии. В 1921 г. политотделом 4-й армии был награжден кожаным костюмом.

В сентябре 1921 г. дивизию расформировали и И.Г. Каплан был назначен начальником окружной Военно-политической школы Харьковского ВО, а в декабре 1921 г. переведен в политуправление Харьковского ВО на должность начальника отделения. С января 1922 г. И.Г. Каплан служил зам. начальника политотдела 15-й Сивашской стрелковой дивизии в г. Николаеве. В сентябре 1922 г. был переведен в Московский военный округ и назначен военкомом 2-го стрелкового корпуса. В 1922 г. получил благодарность командования Московского ВО за работу на маневрах.

В марте 1923 г. И.Г. Каплан был назначен военкомом и начальником политотдела 11-й кавалерийской дивизии. В мае 1923 г. вместе с дивизией был направлен на борьбу с басмачами на Туркестанский фронт, где принимал участие в боях. С марта 1924 г. являлся начальником отдела агитации и пропаганды политуправления Туркестанского фронта. С октября 1925 г. был военкомом, а с февраля 1926 г. — помощником начальника по политчасти Туркестанских курсов востоковедения, одновременно в феврале—августе 1926 г. заведующим отделом агитации и пропаганды Ташкентского обкома партии.

В июле 1926 г. И.Г. Каплана перевели в Москву и в августе 1926 г. назначили заведующим кафедрой Военной академии им. Фрунзе. Приходилось неоднократно выезжать в командировки: в марте—апреле 1927 г. и в январе—феврале 1931 г. — в Ленинград для знакомства с опытом работы Военно-политической академии им. Толмачева; в июне—июле 1928 г. — в Самару для участия в окружной экзаменационной комиссии по отбору кандидатов в Академию; в апреле 1932 г. — в командировку по заданию ЦК ВКП(б). со

временем военная служба стала затруднительной для Каплана вследствие заболевания туберкулезом. Он находился на санаторном лечении в Сокольниках в октябре 1928 г. и июле — августе 1929 г. и на курортном лечении в Гурзуфе в августе — сентябре 1931 г. и августе — сентябре 1932 г.

Не оставляя преподавательской работы, И.Г. Каплан в августе 1929 г. поступил в аспирантуру РАНИОН, а затем стал слушателем Института красной профессуры, который окончил в 1932 г.

В январе 1933 г. И.Г. Каплана направили заведовать культурно-пропагандистским отделом Донецкого обкома партии, после чего с апреля 1933 г. он работал секретарем райкома партии в г. Ровеньки Донецкой области. В марте 1934 г. его вновь перевели в Москву руководить агитационно-пропагандистским отделом Партиздата.

В апреле 1935 г. он перешел на научную работу — был ученым секретарем «Ученых записок» Коммунистической академии. Постановлением президиума ВАК от 20 декабря 1935 г. ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. В мае 1936 г. он был зачислен старшим научным сотрудником в Институт философии АН СССР, где проработал шесть с половиной лет. У И.Г. Каплана было две основные темы его философских занятий. Одна была связана с его длительной службой в армии. Он написал ряд работ по философским аспектам военных вопросов. Другая тема, которой он интенсивно занимался, работая в Институте философии, — теория культуры. В 1939 г. он совместно с М.А. Егоровым написал главу на эту тему для готовившегося в Институте философии АН СССР учебника по диалектическому и историческому материализму¹. В том же году им была написана объемная монография на тему «Социализм и культура», в двух частях. Монография не была опубликована, она хранится в Архиве РАН². Ученым был сделан ряд публикаций по вопросам культуры, список которых, впервые составленный, дается в конце статьи.

Сегодня работы И.Г. Каплана не представляют научного интереса. Заслуживает внимания, правда в отрицательном смысле, его статья против Д.Б. Рязанова, опубликованная в 1931 г. Академик Д.Б. Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса и действительный член Института философии, был арестован в то самое время, когда по указанию Сталина была развернута травля А.М. Деборина и его сторонников как «меньшевистствующих идеалистов». В этой кампании принял участие и И.Г. Каплан. Со страниц журнала «Под знаменем марксизма» он обвинял в «меньшевистствующем идеализме» Д.Б. Рязанова. Этим он хорошо зарекомендовал себя перед новым — митинским — философским руководством. «Рязанов был одним из защитников Де-

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 2. Д. 108.

² Там же. Д. 93–94.

борина во время философской дискуссии. Деборин боролся против признания ленинского этапа в философии, и не-ленинец Рязанов, естественно, оказывал ему поддержку в этом "святом деле"¹, — составлял И.Г. Каплан формулу обвинения.

Рязанов не понимал сущности марксизма, заявлял И.Г. Каплан. Это обвинение в адрес лучшего знатока текстов Маркса и Энгельса он мотивировал тем, что, по мнению Рязанова, марксизм в области военного дела не применим в чисто технических вопросах, так как является методом изучения общественных явлений. Эту азбучную истину И.Г. Каплан расценил как «чудовищное извращение»: наряду с марксизмом не могут существовать никакие другие научные методы. Вот пример абсурда, до которого доводили марксизм вульгаризаторы-сталинисты.

Работая в Институте философии, И.Г. Каплан вел занятия в МИФЛИ по совместительству, руководил аспирантами. В сентябре 1940 г. он перешел из Института философии на философский факультет МИФЛИ на постоянную работу.

Когда в декабре 1941 г. было принято решение Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Народного комиссариата просвещения РСФСР о ликвидации МИФЛИ и воссоздании философского факультета МГУ, И.Г. Каплан был назначен его деканом и заведующим кафедрой диалектического и исторического материализма. Факультет тогда находился в эвакуации сначала в Ашхабаде, а с лета 1942 г. — в Свердловске. На протяжении полутора лет эвакуации И.Г. Каплан вел на факультете два курса по истмату и курс по истмату на гуманитарных факультетах. В последний год эвакуации на факультете осталось только двое преподавателей, читавших философские курсы: И.Г. Каплан и находившийся в эвакуации в Свердловске М.А. Дынник, который в 1942 г. был приглашен на факультет вести занятия по истории философии, после того как Б.С. Чернышев был вызван в Москву, а Д.Ю. Квитко умер в Ашхабаде. На И.Г. Каплана и М.А. Дынника легла вся работа со студентами и аспирантами. Кроме того, в начале 1943 г. И.Г. Каплана назначили директором Марксистско-ленинского университета для научных работников. Решением партбюро университета ему было поручено руководство агитмассовой работой. По поручениям Свердловского обкома ВКП(б) он побывал в важнейших городах области, где выступал на партактивах с теоретическими и политическими докладами. В августе 1942 г. по заданию Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он выезжал в Пермь, где вел занятия с преподавателями основ марксизма-ленинизма Пермской области.

¹Каплан И.Г. Рязановщина и военное дело // Под знаменем марксизма. 1931. № 4–5. С. 117.

Об И.Г. Каплане как о декане и о жизни факультета в эвакуации вспоминает Н.Ф. Овчинников: «Летом 1941 г. я закончил физико-математический факультет Свердловского университета. Освобожденный от фронта в результате болезни, пережитой в юности (ограниченность подвижности суставов), я после получения диплома работал преподавателем физики в средней школе, расположенной на окраине города в местечке Малый Исток. Вскоре я был принят лаборантом на кафедру физики Военной академии им. Жуковского, эвакуированной из Москвы в Свердловск. В холодном и голодном уральском городе появляются московские институты, потеснив в местных зданиях людей, работавших там. Вблизи с Академией им. Жуковского, как я узнаю, размещается в одном из зданий Уральского политехнического института Московский университет, переехавший из знойного Ашхабада в морозный Свердловск. Трудно сейчас рационально выразить, что именно, какое чувство или какая мысль привели меня на философский факультет Московского университета, разместившегося через дорогу от моей работы. На философском факультете МГУ мне удалось поговорить с деканом. Это был пожилой человек — на вид за шестьдесят¹. Он принял меня вполне доброжелательно. Позднее мне стало понятно, что как декан он был заинтересован в то смутное и безлюдное время принять меня на первый курс факультета, хотя я всего лишь попросил его позволить посещать лекции и семинары по философии. На первом курсе, как я позднее узнал, было всего пять человек — три студентки и два инвалида войны, только что вернувшиеся с фронта. Один из них — Юрий Орлов, потерявший на войне руку, был удивительно мужественным человеком. Я внутренне преклонялся перед его, не нахожу других слов, органической добротой и каким-то естественным стремлением к справедливости во всех поступках и во всех жизненных ситуациях. Декан, выслушав меня, предложил мне прийти через неделю, пояснив, что он хотел бы зачислить меня не просто вольнослушателем, но полноправным студентом. Но для этого он должен выяснить, могу ли я на законном основании, уже имея одно высшее образование, продолжить обучение в другом вузе, по другой специальности. Через неделю при встрече декан сказал, что мне повезло — он воспользовался приездом в Свердловск тогдашнего министра высшего образования Кафтанова, и министр сказал ему, что вообще получение второго высшего образования запрещено — необходимо сначала поработать несколько лет по своей первой специальности. Но физику, в порядке исключения, можно разрешить приобрести еще и философскую специальность. Таким образом, подкрепив свое намерение высоким авторитетом, декан зачислил меня на первый курс философского факультета МГУ. Не оставляя работы на кафедре физики, я стал посещать лекции по истории античной

¹И.Г. Каплану было тогда всего сорок лет.

философии, которые тогда читал М.А. Дынник. Как я понял тогда — он был в Свердловске единственным специалистом по истории философии и читал лекции на всех курсах философского факультета. Лекции на первом курсе обычно читались поздно вечером, и потому мне не приходилось получать разрешение на их посещение на моей работе. В памяти, как сказал бы современный эстет, сюрреалистическая картина: в промерзшей аудитории сидит в зимнем пальто и в шапке, а порою и укутанный в шаль, профессор, а перед ним четыре, пять или редко шесть продрогших и голодных студентов слушают неторопливый и приглушенный голос лектора (не простудить бы голос) — рассказ о милетской школе, о Пармениде, Демокрите, Платоне. Я был зачислен на философский факультет МГУ с сентября 1942 г. В начале 1943 г. удалось сдать экзамены по античной философии, а на лекции-семинаре Дынника я подготовил и произнес доклад об истоках древнегреческой философской мысли. Вскоре, в марте — апреле 1943 г., заговорили о возвращении университета в Москву. С чувством сожаления я внутренне прощался со своими молодыми сокурсниками. Однако произошло другое. Декан вызвал меня и предложил поехать в Москву в качестве студента философского факультета. Формальные трудности (и немалые) он обещал взять на себя, от меня требовалось только согласие. Эвакопоезд шел в Москву более недели. Друзья студенты помогли мне поселиться в общежитии на Стромьинке. Философский факультет в Москве уже жил своей жизнью, когда мы там появились. Знакомого по Свердловску декана факультета я уже не встречал. Московским деканом был тогда Дмитрий Кутасов. Соединившись с москвичами, второй курс составил уже человек десять. В конце войны на наш курс пришло еще человека три или четыре из бывшего ИФЛИ, ликвидированного во время войны»¹.

Той частью факультета, которая была в эвакуации, И.Г. Каплан руководил до ее возвращения в Москву. Но в Москве уже давно возобновилась учеба на философском факультете МГУ, где вели занятия те, кто не был в эвакуации, и вновь приглашенные на факультет преподаватели и был назначенный декан.

После воссоединения факультета И.Г. Каплана не хотели видеть в МГУ. 23 июля 1943 г. И.Г. Каплан выехал в служебную командировку по заданию ЦК ВКП(б). Накануне отъезда он написал ректору университета письмо, в котором перечислил свои заслуги в период эвакуации, и закончил его словами: «Несколько странно, когда меня пытаются освободить от работы в университете и при этом не приводят никаких доводов, не считают нужным поговорить»². Вернувшись 1 сентября 1943 г. в Москву, И.Г. Каплан отгулял отпуск и уволился из МГУ.

¹ Овчинников Н.Ф. Вспоминая прошлое // *Вопр. философии*. 1999. № 7. С. 106–109.

² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34л. Д. 3618. Л. 2 об.

С сентября 1943 г. И.Г. Каплан преподавал философию сначала в Московском институте инженеров коммунального строительства, а с августа 1944 г. — в МВТУ им. Н.Э. Баумана.

В октябре 1946 г. И.Г. Каплана настигли сталинские репрессии. Он был арестован, осужден и отправлен в карагандинские лагеря. Только 11 июля 1955 г. постановлением Прокуратуры СССР, МВД и КГБ его полностью реабилитировали. В августе 1955 г. он вернулся в Москву и в течение нескольких месяцев пытался восстановить свои гражданские права и устроиться на работу.

С февраля 1956 г. И.Г. Каплан преподавал философию во Всесоюзном заочном электротехническом институте связи. С июля 1956 г. работал в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта старшим преподавателем кафедры диалектического и исторического материализма. Выступал перед трудящимися с лекциями и докладами на общественно-политические темы.

Умер Иосиф Григорьевич Каплан 19 сентября 1963 г. в Москве, похоронен в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Источники

- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 134936. Регистрационный бланк члена КПСС № 07275221 (1954).
 Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–81.
 Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34л. Д. 3618.

Сочинения

- Методика решения задач по политическому обеспечению боевой деятельности войск. М., 1928. 61 с. Соавторы: Н.А. Русанов, А.А. Таланкин.
 Рязановщина и военное дело // Под знаменем марксизма. 1931. № 4–5. С. 99–118.
 За большевистское изучение истории ВКП(б): Сб. мат-ов к письму тов. Сталина в редакцию ж. «Пролетарская революция» / Сост. И.Г. Каплан. М., 1932. 468 с.
 «Кадры решают все» и на научном фронте // Вестн. Коммунистической академии. 1935. № 6. С. 3–6.
 Рец. на кн.: *Фурщик М.М.* Диалектический материализм и современная социал-демократия // Под знаменем марксизма. 1936. № 1. С. 153–162.
 Славная годовщина (20-летие Красной Армии) // Книга и пролетарская революция. 1938. № 2. С. 13–20.
 За окончательную победу социализма в области культуры // Антирелигиозник. 1938. № 4. С. 15–19.
 Проблемы культуры и стахановское движение // Под знаменем марксизма. 1938. № 6. С. 61–77.

ИОСИФ ГРИГОРЬЕВИЧ КАПЛАН

Рец. на кн.: *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории. М., 1938 // Под знаменем марксизма. 1938. № 9. С. 198—206.

Философский труд по военному вопросу. Рец. на кн.: *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1—2. М., 1936 // Под знаменем марксизма. 1938. № 12. С. 152—159.

Коммунизм и армия // Под знаменем марксизма. 1939. № 5. С. 21—33.

О полной победе социализма в области культуры // Комсомольская правда. 1939. 5 марта.

Литература

Памяти И.Г. Каплана // Инженер транспорта. 1963. 27 сентября.

Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. М., 1995. С. 455.

60 лет воссоздания философского факультета // Московский университет. 2002. Февраль. Приложение.

ГРИГОРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АНДРЕЕВ

Декан в 1942 г.

Григорий Георгиевич Андреев родился 2 декабря 1916 г. в с. Большая Вруда Ямбургского уезда Петербургской губернии, ныне Волосовского района Ленинградской области, в семье крестьянина-бедняка. Окончил начальную школу, затем школу-шестилетку (1923) в родном селе. По окончании начальной школы был отдан в батраки и пастухи к кулаку-хуторянину. Проработав менее года, получил травму и вернулся в свое село. В 1927 г. окончил среднюю школу на станции Елизаветино Балтийской железной дороги и поступил на физико-математическое отделение Ленинградского педагогического техникума им. К.Д. Ушинского. После окончания в 1930 г. техникума был оставлен там же преподавателем подготовительного отделения. Параллельно учился в двухгодичном учительском институте, которое и окончил.

В октябре 1930 г. Г.Г. Андреев в счет «2000» уехал работать в Северный край, в с. Старое Шуйского района (ныне Междуреченский район Вологодской области), преподавателем истории и заведующим школы колхозной молодежи. Преподавал историю и математику. Руководил кружком политехучебы. Был уполномоченным райкома ВКП(б) и райисполкома по проведению коллективизации и других хозяйственно-политических мероприятий. В январе 1933 г. переехал в Архангельск и с февраля 1933 г. стал работать завучем и преподавателем истории и политэкономии средней школы им. М.В. Ломоносова в Октябрьском районе Архангельска.

В сентябре 1934 г. по командировке Северного крайкома ВЛКСМ Г.Г. Андреев приехал на учебу в Москву и был принят на второй курс в Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН). Принят был без испытаний, так как перед тем полностью сдал экзамены за II курс заочного обучения.

В сентябре 1934 г. философский факультет КУПОНа был слит с философским факультетом МИФЛИ. Г.Г. Андреев учился на философском факультете МИФЛИ, которое окончил в 1938 г. с отличием. С 1936 г. параллельно с учебой в МИФЛИ преподавал в московских вузах, на заочном отделении МИФЛИ. С сентября 1938 г. учился в аспирантуре МИФЛИ. Вел в институте общественную работу. Являлся штатным лектором МГК и МК ВЛКСМ. В 1936—1938 гг. был членом пленума и членом Президиума Центрального бюро Пролетстуда. В 1939—1940 гг. по совместительству с учебой преподавал диалектический и исторический материализм для аспирантов

Физико-химического института им. Л.Я. Карпова. В 1941 г. окончил аспирантуру. 6 июня 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Философские и исторические взгляды П.А. Лаврова» и получил ученую степень кандидата философских наук.

15 октября 1941 г. Г.Г. Андреев добровольно вступил в народное ополчение. Сначала был рядовым, затем командиром отделения автоматчиков 1-го стрелкового батальона 7-го стрелкового полка 5-й Московской стрелковой дивизии Московской зоны обороны. С 17 октября 1941 г. по 9 февраля 1942 г. батальон занимал оборону под Москвой, в районе Воронцовского совхоза на Калужском шоссе. Г.Г. Андреев вел в батальоне и политическую работу: был политгрупповодом и лектором политотдела дивизии.

В конце января 1942 г. Г.Г. Андреев был демобилизован и в феврале 1942 г. назначен деканом философского факультета МГУ и доцентом кафедры истории философии¹. Одновременно с мая 1942 г. работал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР. Институт философии в Москве остался почти без кадров, так как сотрудники уехали в эвакуацию, поэтому по предложению директора Института П.Ф. Юдина кадровый состав был усилен преподавателями МГУ — Г.Г. Андреевым, В.Ф. Асмусом и Б.С. Чернышевым². Г.Г. Андреев включился в работу по подготовке многотомной «Истории философии» и написал главу «Критика Марксом и Энгельсом анархизма» для четвертого тома. Как известно, этот том не был издан.

На философском факультете Г.Г. Андреев читал курс диалектического и исторического материализма. Как декан, он стремился к обновлению преподавания. Именно он пригласил работать на факультет А.Ф. Лосева и П.С. Попова. Об этом Г.Г. Андреев с гордостью вспоминал до конца жизни.

Г.Г. Андреев вел общественную работу: руководил семинаром политучебы с партактивом в Краснопресненском райкоме ВКП(б), выступал с докладами и лекциями в воинских частях и на предприятиях. В июле—августе 1942 г. по заданию Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) ездил в командировку в Алтайский край в составе лекторской группы. Во время посещения местного краеведческого музея он посоветовал создать экспозицию об участии края в Великой Отечественной войне за счет площадей, занятых экспозицией о дооктябрьском периоде³.

В декабре 1942 г. Г.Г. Андреев был направлен на дипломатическую работу. Он был назначен атташе Миссии СССР при Правительствах Польши,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 86845.

² Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

³ Впоследствии, когда Г.Г. Андреев был арестован, этот факт пытались использовать, чтобы обвинить его в «клевете на национальную политику партии».

Чехословакии, Югославии, Греции, Нидерландов и Норвегии в Лондоне. В феврале 1943 г. Г.Г. Андреев вылетел в Лондон. Работая в советском посольстве, он занимался Нидерландами, изучал голландский язык. Редактировал бюллетень советской прессы, издававшийся для советских граждан, проживавших в Лондоне, объемом 14—15 страниц, по материалам радиопередач из Москвы. В условиях, когда почта в Лондон поступала с опозданием в несколько месяцев, бюллетень имел большое значение. В посольстве Г.Г. Андреев руководил занятиями по партучебе. В ноябре 1943 г. его неожиданно вызвали в Москву¹.

Прибыв в декабре 1943 г. в Москву и явившись в Наркомат иностранных дел, Г.Г. Андреев с удивлением узнал, что никакого указания о его вызове НИДовское начальство не давало; ему порекомендовали явиться на прием к В.Г. Деканозову. 21 декабря 1943 г. Г.Г. Андреев явился в приемную Деканозова — ставленника Берия в Наркомате иностранных дел. Из кабинета Деканозова вышел работник НКВД и попросил пройти в здание НКВД на Лубянке для беседы «о впечатлениях о Лондоне» «минут на 30—40». Г.Г. Андреев был приведен во внутреннюю тюрьму НКВД и там арестован. Через 12—14 часов после ареста он был вызван на допрос. Обвинение ему предъявлено не было. Г.Г. Андреев заявил, что не совершал никаких преступлений, и потребовал передать вопрос в ЦК ВКП(б)². В ответ он услышал лишь грубые окрики. Затем в течение двух недель шли допросы, целью которых было вымотать физические и нравственные силы и «убедить» в бесполезности отстаивать свою невиновность, в решенности предстоящего осуждения. Первые десять суток Г.Г. Андреева постоянно лишали сна. Все вопросы следствия сводились к тому, когда он познакомился с доцентом МГУ М.Г. Седовым, сколько раз с ним встречался и что М.Г. Седов говорил о секретаре ЦК ВЛКСМ О. Мишаковой. Так стала проясняться причина ареста.

Г.Г. Андреев с О. Мишаковой никогда не встречался, а вот М.Г. Седов имел с ней дело, когда работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О. Мишакова — характернейшая личность того времени. На ее совести гибель многих комсомольцев, включая генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева. Она работала инструктором ЦК ВЛКСМ и была направлена в качестве представителя ЦК ВЛКСМ на областную комсомольскую конференцию в Чебоксары, где добилась исключения из комсомола секретарей обкома ВЛКСМ и занялась разоблачением «врагов народа». Бюро ЦК ВЛКСМ 15 марта 1938 г. осудило деятельность Мишаковой, в результате которой «люди честные, преданные партии, зачислались в

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14842.

² ЦК ВКП(б) заочно исключил его из партии 16 ноября 1944 г.

разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа»¹, и сняло ее с должности. Но решение это не было выполнено.

Мишакова заручилась мощной поддержкой Берия. В августе 1938 г. формулировка решения была исправлена на «по личной просьбе с предоставлением отпуска». Но Мишакову это не удовлетворяло. 7 октября 1938 г. она написала письмо Сталину, в котором «оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представила пострадавшей за борьбу с ними»². 13 ноября 1938 г. бюро ЦК ВЛКСМ было вынуждено восстановить Мишакову на работе «как неправильно освобожденную». А 19–22 ноября 1938 г. с участием Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б) прошел пленум ЦК ВЛКСМ, на котором А.В. Косарева и еще четырех секретарей ЦК ВЛКСМ сняли с должности за «бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)»³. Косарев был вскоре арестован и расстрелян, а Мишакова стала секретарем ЦК ВЛКСМ.

Тогда-то с ней и пришлось работать М.Г. Седову⁴. Он не мог смириться с той атмосферой, которую создавала в ЦК ВЛКСМ Мишакова: постоянная подозрительность, оскорбления работников, использование чужого труда при подготовке статей. Во время одного из разговоров с ней Седов назвал ее «дурой». Мишакова поставила вопрос об исключении его из партии «за подрыв авторитета секретаря ЦК ВЛКСМ». Обращение Седова «за правдой» в бюро ЦК ВЛКСМ обернулось для него снятием с должности. Тогда он поставил вопрос о Мишаковой в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Во время беседы с Седовым в марте 1940 г. руководитель управления, будущий директор Института философии Г.Ф. Александров, сказал, что ему известно ненормальное положение в отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, но, поскольку все это связано лично с О. Мишаковой, он решать вопрос не берется и предлагает Седову написать заявление в ЦК ВКП(б). После этого, в апреле 1940 г., Седов был вызван к секретарям ЦК А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову, которые устроили ему жестокую выволочку, обвинив в клевете и охаивании лучшего комсомольского руководителя. Седов был исключен Комитетом партийного контроля из партии и уволен из ЦК ВЛКСМ. Он перешел работать в МГУ. Спустя год Седов представил в КПК блестящие характеристики от секретаря партбюро Д.А. Кутасова и заведующего кафедрой И.И. Минца.

¹ Александр Косарев: Сборник воспоминаний. М., 2003. С. 124.

² Трущенко Н.В. Косарев. М., 1988. С. 387.

³ Исторический архив. 1993. № 5. С. 77.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14135.

Но началась война, и он ушел в народное ополчение. КПК принял решение рассмотреть вопрос о партийности Седова после предоставления им отзыва военкома воинской части. Демобилизовавшись в январе 1942 г., после решения об отзыве с фронта лиц, имеющих ученую степень, Седов передал в КПК столь же блестящие характеристики от парторга роты и военкома части. Но, видимо, влияние Мишаковой было столь велико, что КПК отказал Седову под надуманным предлогом — им якобы представлены партийно-политические, но не боевые характеристики. Седов продолжил работать в МГУ и работал, по сохранившимся отзывам, очень хорошо, его любили и уважали студенты, ценили за оригинальность и яркость мысли коллеги. Новое его обращение в КПК нечем было бы парировать, а восстановление его в партии было бы признанием правоты его обвинений в адрес Мишаковой.

Мишакова не могла с этим смириться. Она решила уничтожить обидчика и обратилась за помощью к своему покровителю — Берия. Но по канонам того времени арест, так сказать, «с гарантией» должен был быть мотивирован участием человека в какой-либо «контрреволюционной группе», на «сборищах» которой как минимум «велись антисоветские разговоры». При желании такой группой могла оказаться любая компания сослуживцев, собравшихся дома в нерабочее время за рюмкой или стаканом чая. Так под удар попали все, кто заходил к М.Г. Седову и имел с ним какое-нибудь личное общение. 26 августа 1943 г. органы НКВД арестовали М.Г. Седова. Были арестованы также заведующий отделением заочного обучения МГУ М.Ф. Иванов и еще два человека — П.Г. Абрамовский и А.И. Ведищев. Следователи стали добиваться от них признательных показаний в антисоветских разговорах. Г.Г. Андреев был арестован последним, так как находился за границей.

Через две недели после ареста Г.Г. Андрееву предъявили формальное обвинение, но мотивировки его названы не были, да их и не могло быть. «Скажите мне, в чем состоит моя вина, какие именно я совершил проступки, за что арестован и нахожусь в тюрьме?» — спрашивал он и слышал в ответ матерную брань, оскорбления и угрозы. Г.Г. Андреева перевели в Бутырскую тюрьму. Он вспоминал: «... следствие велось с явно предвзятым мнением и с заранее заданной установкой во что бы то ни стало, любыми мерами и средствами обвинить и осудить меня»¹.

Следствие «на ходу» стряпало обвинение, принуждало подтверждать и подписывать сфальсифицированные показания. Все усилия следователя были направлены на то, чтобы путем крючкотворства, подтасовок, вымогательства и угроз вынудить признать факт существования «контрреволюционной группы Седова». Знакомство с Седовым и посещение его на дому уже рассматрива-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14842. Л. 29.

лись как преступление. Свидетелей по делу не допрашивали. Во время очных ставок протокол велся строго по указаниям следователя, который решал, что из показаний записывать, а что нет, сам же диктовал «скорректированные» формулировки ответов допрашиваемых. Г.Г. Андреев категорически отрицал все обвинения как клеветнические. Показательно, что, поскольку главной задачей следствия было обвинить и посадить М.Г. Седова, Г.Г. Андрееву не предъявили никаких обвинений в связи с его пребыванием за границей, например любимое обвинение в шпионаже. Следователь говорил ему: «Ты только за границей стал настоящим советским гражданином, а до поездки за границу был врагом», на что Г.Г. Андреев заметил: что-то странно получается: послали за границу «врага», а он не враг, а преданный советский гражданин.

В тюрьме у Г.Г. Андреева случилось два сердечных приступа, и на последние допросы его буквально волокли за руки. Следователям НКВД нужно было любым способом добиться от него признательных показаний, и они были мастера на всякие уловки по этой части. Наконец следователь поставил Г.Г. Андреева перед выбором: или признаться в своей виновности, или дать показания на другого участника «группы»: «А не то заставим сделать и то, и другое». Г.Г. Андреев ответил: «Я вижу, участь моя предрешена, на себя писать неправду — это дело касается меня одного, и я признаюсь виновным, но на других клеветать не буду». В просьбе получить бумагу, чтобы написать жалобу, ему было отказано. 1 марта 1944 г. Особое совещание при НКВД вынесло участникам «группы» приговор. М.Г. Седов был приговорен к десяти годам тюремного заключения, Г.Г. Андреев — к восьми, остальные тоже были осуждены. С июля 1944 г. Г.Г. Андреев отбывал наказание в Воркутлаге, а в 1949 г. был переведен в режимный лагерь в Печлаге. В Воркуте работал экономистом — начальником плановой части на строительстве шахт № 25, 17, 27, 40, 19—32. Трижды подавал заявления о пересмотре дела: два раза в МВД и один раз в Генеральную прокуратуру.

С декабря 1951 г., после освобождения из заключения, Г.Г. Андреев жил в Воркуте без права на выезд и работал на комбинате «Воркутауголь» начальником планового отдела строившейся шахты № 30. В январе 1955 г. шахта была введена в эксплуатацию. Г.Г. Андреев работал активно, передавая другим свои опыт и знания.

В 1953 г., после ареста Берия, Г.Г. Андреев передал в Москву письмо, в котором рассказал о том, как было сфальсифицировано его дело, и попросил направить дело на перерасследование. Но человек, с которым было передано это письмо, испугался последствий и заявление в ЦК не передал. 1 марта 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 01.03.1944 г. и прекратила дело за недоказанностью. Это означало, что Г.Г. Андрееву долж-

ны были выдать паспорт и снять ограничения на место жительства. Однако об этом решении ему не сообщили. В сентябре 1954 г. с большими усилиями он добился разрешения МВД Коми АССР на право разового выезда по курортной путевке на лечение. Будучи проездом в Москве, он узнал о решении Судебной коллегии. 30 октября 1954 г. близкий к Берия генерал НКВД, курировавший дело «группы Седова» был расстрелян за преступления. 6 августа 1955 г. во изменение предыдущего постановления Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР вновь отменила постановление Особого совещания при НКВД СССР от 01.03.1944 г., но сделала это уже с принципиально иной формулировкой: за отсутствием состава преступления. Как было сказано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, «доказательств, подтверждающих обвинение, следствием собрано не было. Но Седов был выведен как организатор антисоветской группы, Андреев и др. — как участники этой группы, а совместные их выпивки — как антисоветские сборища»¹.

21 октября 1955 г. Г.Г. Андреев обратился с заявлением в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС с просьбой о восстановлении его в партии. Среди тех, кто дали ему положительную характеристику, были профессора философского факультета МГУ Ф.И. Георгиев и И.Я. Щипанов. 25 ноября 1955 г. он был восстановлен в членах КПСС.

В 1956 г. Г.Г. Андрееву после нескольких настойчивых обращений, направленных в КПК при ЦК КПСС, удалось вернуться в Москву и возобновить преподавательскую работу в МГУ. Но жилье ему не вернули. На его просьбу о предоставлении жилья Мосгорисполком в марте 1957 г. ответил отказом. Неоднократно он обращался в ректорат и партком МГУ, в Моссовет, в МИД с просьбой помочь ему в получении жилплощади и прописки в Москве — все безрезультатно. Приходилось скитаться по знакомым, которые сами жили в стесненных условиях. Наконец 22 апреля 1957 г. Г.Г. Андреев написал зам. председателя КПК при ЦК КПСС П.Т. Комарову. 16 мая 1957 г. П.Т. Комаров обратился к председателю Мосгорисполкома Н.Н. Бобровникову с предложением рассмотреть просьбу Г.Г. Андреева. Просьба была удовлетворена.

С сентября 1956 г. Г.Г. Андреев — доцент, а с 1976 г. — профессор кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ. Преподавал философию в ИСАА МГУ. Он активно работал, не был озлоблен жизнью, но боль и обида за то, что с ним сделали, его не покидали. С удовольствием вспоминал он о времени своей работы деканом философского факультета МГУ.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14842. Л. 21.

Г.Г. Андреев занимался проблемами этики. В его работах последовательно проводилась точка зрения о социальной определенности нравственных ценностей и поступков людей, о роли классов и классовой борьбы в развитии морали.

Основным объектом исследований Г.Г. Андреева в последние годы жизни были общественные отношения. Одним из первых он обратился к философскому осмыслению категории общения, стремясь включить ее в систему философско-социологических категорий. Сегодня исследования проблем коммуникации стали одним из ведущих направлений философии и социологии культуры¹, но в середине 1970-х гг., как на это справедливо обращал внимание Г.Г. Андреев, понятие общения попросту отсутствовало в философских словарях, издававшихся в нашей стране. Между тем потребность в философском осмыслении этой категории была вызвана возросшим интересом к данной проблематике в рамках социологических, психологических, педагогических, лингвистических исследований. Невозможно было обойтись без применения категории общения и в таких философских дисциплинах, как этика и эстетика. Частнонаучные, эмпирические определения отражают лишь тот или иной аспект общения как многогранного процесса.

Г.Г. Андреев верно зафиксировал известную идеологическую трудность с изучением категории общения. К. Маркс и Ф. Энгельс использовали в «Немецкой идеологии» понятия общения и форм общения, а потом заменили их на понятие «производственные отношения». Г.Г. Андреев доказывал, что понятия «общение» и «форма общения» употребляются в «Немецкой идеологии» наряду друг с другом и используются для раскрытия разных сторон общественных связей. Он отметил двойственность понятия «общение»: оно выражает как сущностные социальные отношения людей, так и процесс их непосредственного межличностного взаимодействия.

По мнению Г.Г. Андреева, «общение» — понятие более емкое, чем «коммуникация», причем коммуникация является одной из сторон процесса общения. Он рассматривал общение по аналогии с деятельностью (материальным производством) как всеобщий процесс, связывающий субъектов в социальный организм. Сознвая опасность психологизации при осмыслении категории общения, Г.Г. Андреев указывал на общественные отношения — обмен деятельностью и вытекающий из него обмен результатами — как на объективную основу общения. Вместе с тем в этом процессе всегда присутствует субъективная, психологическая и эмоционально-оценочная сторона. Какова ее роль? Здесь Г.Г. Андреев приводит мысль из «Немецкой идеологии» о том, что межличностные отношения — способ воспроизводства общественных от-

¹ Достаточно сослаться на работы нынешнего декана философского факультета МГУ В.В. Миронова.

ношений. Отсюда Г.Г. Андреев делает вывод о единстве деятельности, общественных отношений и общения. При этом общественные отношения и общение представляют собой стороны единого процесса социальной жизни. Но существуют они не как самостоятельные реальности, а только в конкретных формах проявления, через конкретные взаимодействия социальных субъектов (индивидов, групп, общностей). Соответственно в акте обмена деятельностью понятие «общественные отношения» фиксирует общие и существенные моменты, а понятие «общение» — конкретность их проявления.

Г.Г. Андреевым были также специально исследованы отдельные виды общественных отношений: нравственные отношения, правовые отношения. Он отмечал, что в литературе эти понятия не получили однозначной интерпретации. Различие во мнениях было связано в основном с вопросом о том, относить ли эти виды отношений только к сфере общественного сознания или также и к сфере общественного бытия. Г.Г. Андреев разделял последнюю точку зрения, имея в виду соотношение нравственной (и правовой) деятельности и нравственного (и правового) сознания. В системе нравственных отношений поступок индивидуального субъекта выступает одновременно как форма воплощения нравственного действия и как проявление нравственных отношений. Поступок опосредован нравственным сознанием, как индивидуальным (мотивы и убеждения), так и общественным (нормы и ценности). В систему правовых отношений наряду с отношениями между двумя персонифицированными субъектами входят и иные, более широкие формы отношений.

Умер Григорий Георгиевич Андреев 28 мая 1996 г. в Москве.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304283; Ф. 589. Оп. 3. Д. 14842.

Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 210. Л. 26—26 об.

Сочинения

Философские и исторические взгляды П.А. Лаврова: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1941.

Происхождение нравственности. Исторические типы нравственности // Формы общественного сознания. М., 1960. С. 106—123.

Предисловие // Взаимодействие форм общественного сознания. М., 1964. Соавторы: Д.М. Угринович, А.Я. Чугаев.

Взаимоотношение нравственности политики // Взаимодействие форм общественного сознания. М., 1964. С. 121—160.

Проблема общения в исследованиях социалистического образа жизни // Развитие марксистско-ленинской теории в материалах XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 184—185. Соавтор: А.В. Телюк.

ГРИГОРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АНДРЕЕВ

Общение как социологическая категория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1976. № 5. С. 29–38. Соавтор: А.В. Телюк.

Нравственные отношения // Общественные отношения: Вопросы общей теории. М., 1981. С. 98–109.

XXVI съезд КПСС и методологические проблемы исследования общественного сознания // Творческое развитие теории марксизма-ленинизма в документах и материалах XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 112–114. Соавтор: М.Я. Рожанский.

Правовые отношения // Новый исторический тип общественных отношений. М., 1986. С. 125–137.

Литература

Андреев Григорий Георгиевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 49.

«Будущего нет и не может быть без наук...»: Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова. М., 2005. 726 с.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ

Декан в 1943 г.

Борис Степанович Чернышев родился 11 (24) апреля 1896 г. в Москве. Его дед работал токарем на текстильной фабрике Хлудовых в Егорьевске. Отец значился по сословной принадлежности мещанином и являлся потомственным почетным гражданином. По профессии он был врачом, имел степень доктора медицины.

В 1906—1915 гг. Б.С. Чернышев учился в 4-й Московской гимназии — лучшей гимназии в Москве, где Б.С. Чернышев получил блестящее образование. Он прекрасно знал древние языки — латынь и древнегреческий, и хорошо — новые. В особенности отлично владел французским и немецким, в несколько меньшей степени — английским, итальянским и испанским языками. В 1908 г. ему довелось единственный раз в жизни побывать за границей: по причине болезни отца и своей собственной он находился на отдыхе и лечении в Ницце. С пятнадцати лет зарабатывал частными уроками. Окончив гимназию с золотой медалью, Б.С. Чернышев поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1920 г. В 1919 г. он был призван в армию и прослужил один месяц в запасном полку, а затем в 1919—1920 гг. был лектором военкомата в Москве¹.

В 1920 г. начинается педагогическая деятельность Б.С. Чернышева. Он учителствует во 2-й школе II ступени Замоскворецкого района (до 1924 г.) и в школе II ступени им. А.Н. Толстого Хамовнического района (до 1925 г.). Одновременно в 1920—1922 гг. служит лектором губполитпросвета, а в 1922—1924 гг. читает лекции по логике в Военно-педагогическом институте, является лектором губполитпросвета в рабочих клубах.

В 1923 г. Б.С. Чернышев начинает вести научно-исследовательскую работу — он становится старшим научным сотрудником социологического отделения Государственной академии художественных наук, где работает до 1927 г. В печатном органе ГАХН вышла его первая публикация — «Социологические мотивы в эстетике Гегеля»².

В 1924 г. Б.С. Чернышев поступил в аспирантуру Института научной философии. Этот институт был организован Г.Г. Шпетом при Москов-

¹ Архив РАН. Ф. 350. О. 3. Д. 323. Л. 99—103.

² Чернышев Б.С. Социологические мотивы в эстетике Гегеля // Искусство. 1927. № 4. С. 5—34.

ском университете, а затем вошел в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Итогом обучения в аспирантуре стала диссертация «Софисты», которую Б.С. Чернышев защитил 5 ноября 1928 г.¹

С 1927 г. Б.С. Чернышев вел преподавательскую работу на философских кафедрах вузов. С 1927 г. он был старшим ассистентом, с 1928 г. — доцентом, с 1930 по 1932 г. — профессором и зав. кафедрой философии Московского автомеханического института им. М.В. Ломоносова. С 1928 г. работал доцентом, а в 1930—1932 гг. профессором Московского финансово-экономического института, с 1930 г. доцентом, а затем профессором Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. С 1932 г. работал старшим научным сотрудником ЦАГИ. Он преподавал также в Автотракторном институте, Институте связи, Институте физкультуры, на курсах повышения квалификации творческих работников при Радиоцентре, на курсах повышения квалификации при Главном управлении кинофотопромышленности, в Марксистско-ленинском университете для научных работников, в 1936—1938 гг. был профессором Института красной профессуры философии.

В 1928 г. Б.С. Чернышев был включен в список старших научных сотрудников вновь формируемого Института философии Коммунистической академии². Но, когда 15 декабря 1928 г. список проходил утверждение на заседании бюро президиума Комакадемии, кандидатуру Б.С. Чернышева отклонили³. Причиной стало, видимо, небольшое количество опубликованных им трудов. Тем не менее Б.С. Чернышев принимал участие в обсуждении научных докладов, которые делались в институте. 14 мая 1930 г. Б.С. Чернышев выступил в Институте философии Комакадемии с докладом «Философия фашизма Джентиле»⁴. Своим докладом Б.С. Чернышев зарекомендовал себя как профессионал в области изучения зарубежной философии. Летом 1930 г. Б.С. Чернышев был на внештатной основе включен в созданную в Институте философии Комакадемии бригаду по изучению современной идеалистической философии. Но работе этой не суждено было продолжаться долго. После состоявшегося в октябре 1930 г. заседания президиума Комакадемии, на котором была разгромлена деборинская школа, Институт философии был полностью переформирован и нацелен на решение совсем других задач — по идеологическому обслуживанию политики партии. В институт были набраны новые люди, среди которых Б.С. Чернышеву места не нашлось.

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 65.

² Там же. Оп. 3. Д. 10.

³ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 185. Л. 87; Д. 200. Л. 35.

⁴ Там же. Ф. 355. Оп. 2. Д. 133.

На основе доклада о Джентиле Б.С. Чернышев написал статью и опубликовал ее в журнале «Под знаменем марксизма». Статья Б.С. Чернышева была вскоре осуждена Б.Э. Быховским на страницах того же журнала. Б.Э. Быховский не только оценил статью Б.С. Чернышева как «немарксистскую, антипартийную», не только назвал ее «нагромождением вредной лжи о фашизме и его философе», но даже заявил, что Б.С. Чернышев «осмеливается клеветать на Ленина, фальсифицировать Ленина»¹. После такой отповеди о работе в Институте философии не могло быть и речи. Вернулся Б.С. Чернышев в Институт философии в 1932 г. и проработал здесь старшим научным сотрудником до 1934 г.

В 1935 г. Б.С. Чернышев написал книгу о философии Б. Кроче. 25 декабря 1935 г. уполномоченный Главлита по цензуре при Соцэкгизе А.И. Сухно доложил по начальству, что книга была конфискована при сдаче в печать по его указанию². В феврале 1936 г. А.И. Сухно направил Сталину докладную записку «о философской продукции и положении на философском фронте». О книге Б.С. Чернышева он писал: «Монография сотрудника Философского института Чернышева об итальянском философе Бенедетто Кроче представляет собой не оружие борьбы с чуждой идеологией, а образец апологетики»³. В июне 1936 г. А.И. Сухно сообщил зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Талю, что книга Б.С. Чернышева «Кроче — философ итальянского либерализма» — «апологетическая работа, написанная не с марксистских позиций, типично объективистски-либеральная монография», и доложил, что набор книги был рассыпан по его личному требованию⁴. Сохранившиеся отрывки из книги о Кроче были опубликованы спустя четырнадцать лет после смерти Б.С. Чернышева. Все случившееся заставило Б.С. Чернышева как автора оригинальных текстов замолчать на несколько лет. Он публиковал только переводы, рецензии и энциклопедические статьи.

Все в большей степени Б.С. Чернышев связывал свою судьбу с родным Московским университетом. В 1929—1930 гг. Б.С. Чернышев работал доцентом по философии на химическом факультете МГУ. В 1930 г. МГУ был реорганизован, на основе его гуманитарных факультетов был создан Московский институт философии, истории и литературы, где Б.С. Чернышев работал с 1932 г. С сентября 1934 г. он работал в МИФЛИ на постоянной основе, состоял в должности профессора кафедры истории философии, с 1938 г. исполнял

¹ Быховский Б.Э. О фашисте Джентиле // Под знаменем марксизма. 1931. № 9—10. С. 72.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15785. Л. 139 об.

³ Там же. Л. 161.

⁴ Там же. Л. 158.

обязанности заведующего этой кафедрой. Он читал курсы истории античной, средневековой, новой и современной философии для студентов и аспирантов философского факультета, неизменно получая самую высокую оценку за свою работу от слушателей и руководства деканата и института. В 1939—1940 гг. вел лекционный курс по истории античной философии у студентов III курса философского факультета и семинарские занятия по истории философии с аспирантами. На историческом факультете МИФЛИ читал лекционный курс «Проблема закономерности в истории». В МГУ в это же время занимался историей философии с аспирантами кафедры диамата. Он вел занятия по истории философии с аспирантами Института философии АН СССР. Им было написано свыше сорока отзывов на кандидатские и докторские диссертации.

15 марта 1937 г. Президиум АН СССР присудил Б.С. Чернышеву ученую степень кандидата философских наук без защиты диссертации. 17 февраля 1938 г. ВАК утвердил его и.о. профессора по кафедре философии. В 1940 г., после окончательного перехода Г.Ф. Александрова на работу в ЦК ВКП(б), Б.С. Чернышев возглавил кафедру истории философии МИФЛИ. Как заведующий идеологической кафедрой, он в том же году вступил в партию. В 1939—1941 гг. руководил секцией Союза воинствующих безбожников при Сокольническом райкоме ВКП(б). По заданиям райкома читал лекции на московских предприятиях. В 1939 г. был зам. председателя участковой комиссии по выборам депутатов райсовета.

Б.С. Чернышев был одним из основных авторов «серой лошади» — «Истории философии», подготовленной в Институте философии АН СССР, три тома которой вышли в 1940—1943 гг. В 1936 г. руководство института решило подготовить многотомную «Историю философии». К работе над ней были привлечены квалифицированные специалисты: Л.И. Аксельрод, В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, М.А. Дынный, О.В. Трахтенберг, Б.С. Чернышев и др. Первый том вышел в 1940 г., второй — в 1941 г. Эта «История философии» не устарела и сегодня. Студенты прозвали ее «серой лошадьё»: «серой» — из-за цвета обложки, «лошадьё» — из-за того, что она всегда «вывозила» на экзаменах.

Как известно, принадлежность отдельных глав авторам в томах этого издания не оговорена. Вопрос о том, кем какие главы написаны, уже ставился в литературе¹. Вместе с тем мы располагаем сведениями о том, какие главы принадлежат перу Б.С. Чернышева. В статье о нем в «Философской энциклопедии» эти главы перечислены. Среди них параграф о логике Гегеля в третьем томе и ряд глав об античных философах в первом томе. Параграф о логике

¹ См.: Каменский Э.А. Из истории изучения русской философской мысли в 40-х годах XX века // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. X. М., 1992. С. 204—216.

Гегеля очевидно принадлежит Б.С. Чернышеву, — здесь можно сослаться на его цикл лекций о логике Гегеля. Что же касается принадлежности текстов об античных философах, то этот вопрос прояснить помогают архивные поиски.

В Архиве РАН сохранились представленные Б.С. Чернышевым в редколлегию «Истории философии» главы о софистах, академниках, перипатетиках, стоиках¹. Поскольку же из академической школы во многом вырос античный скептицизм, принято говорить, что Б.С. Чернышеву принадлежит также и текст о скептиках. Первоначально, однако, Б.С. Чернышевым были написаны только некоторые главы раздела об античной философии. Остальные главы были заказаны другому профессору кафедры истории философии МИФЛИ, В.К. Сержникову, который и написал их. Но в 1938 г. он был репрессирован и в заключении умер. В связи с арестом В.К. Сержникова на темы, которые он разрабатывал, было предложено писать Б.С. Чернышеву. Изучение текстов Б.С. Чернышева и В.К. Сержникова позволяет сделать вывод, что Б.С. Чернышев написал главы заново. Был ли он знаком с текстами, подготовленными репрессированным коллегой, — не ясно.

В научной печати² «серой лошади» было посвящено довольно много рецензий. Можно привести мнение Е.П. Ситковского, который счел недостатком «объективизм» в рассказе Б.С. Чернышева об античных философских школах: излагается учение, и самому читателю предоставляется решать, что в этом учении «приемлемо», а что нет (разумеется, с современных позиций это не недостаток, а достоинство). Положительно оценили рецензенты обзор Чер-

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 2. Д. 122, 128, 129, 130, 132.

² См.: *Вышинский П.Е.* Первый том «Истории философии» // Политическая и социально-экономическая литература. 1941. № 1. С. 36—42; *Ситковский Е.П.* Рец. на кн.: История философии. Т. 1. М., 1941 // Под знаменем марксизма. 1941. № 3. С. 180—189; Рец. на кн.: История философии. Т. 1. М., 1941 // В помощь марксистско-ленинскому образованию. 1941. № 3. С. 60—62; *Мильнер Я.А.* Рец. на кн.: История философии. Т. 1. М., 1941 // Политическая агитация. 1941. № 3. С. 60—62; *Садовский Н., Сидоров М.* Серьезный труд по истории философии: Рец. на кн.: История философии. Т. 1. М., 1941 // Большевик. 1941. № 5. С. 88—96; *Макаровский А.А.* Работа над V томом «Истории философии» // Под знаменем марксизма. 1941. № 5. С. 133—138; *Меерович И.* Капитальный труд по истории философии // Правда. 1941. 18 января; *Вышинский П.Е.* Марксистская история философии // Красный флот. 1941. 7 февраля; *Коган Л.А.* Ценный труд по истории философии // Большевицкое знамя (Одесса). 1941. 28 февраля; *Перлов А.С.* Рец. на кн.: История философии. Т. 1. М., 1941 // Комсомольская правда. 1941. 11 марта; *Маковельский А.О.* Рец. на кн.: История философии. Т. 2. М., 1941 // Изв. Азербайджанского филиала АН СССР. 1943. № 7. С. 95—98; *Каменский Э.А.* Рец. на кн.: История философии. Т. 3. М., 1943 // Под знаменем марксизма. 1943. № 3. С. 86—95; *Смирнова Э.А.* Марксистская история философии // Пропагандист. 1943. № 10. С. 43—48; *Марксистский труд по истории философии* // Правда. 1943. 29 марта.

нышевым римской идеологии. Высоко был оценен также его раздел о Гегеле (в рецензии Э.В. Смирновой).

Перед войной и в военные годы Б.С. Чернышев читал цикл лекций о философии Канта и Гегеля. В.В. Соколов вспоминает: «Как лектор он был своеобразной противоположностью Асмусу. Он иначе не представлял себе философского творчества. Он не читал сплошь, а это были размышления над вопросами, проблемами, понятиями. Все время курил. Курил, и во время лекций пепел сыпался на костюм. На лекциях было интересно, он давал школу».

В 1941 г. Б.С. Чернышев вместе с МИФЛИ был эвакуирован в Ашхабад. В декабре 1941 г. МИФЛИ был расформирован, его философский факультет стал философским факультетом МГУ, а Б.С. Чернышев — заведующим кафедрой истории философии философского факультета МГУ. Приказом по МГУ от 25 мая 1942 г. Б.С. Чернышев был вызван из эвакуации для налаживания работы факультета в Москве. Вернувшись в Москву, он приступил к работе заведующего кафедрой истории философии. 3 июля 1942 г. Б.С. Чернышев защитил в Ученом совете МГУ свою известную работу о софистах в качестве докторской диссертации. С ноября 1942 г. он заведовал кафедрой истории западной философии философского факультета МГУ. 13 марта 1943 г. решением ВАК ему была присуждена ученая степень доктора философских наук. С марта 1943 г. Б.С. Чернышев работал деканом философского факультета МГУ.

В мае 1942 г. Б.С. Чернышев возобновил по совместительству свою работу в Институте философии АН СССР, куда его, В.Ф. Асмуса и Г.Г. Андреева пригласил сотрудничать директор Института П.Ф. Юдин. Почти все сотрудники были эвакуированы в Алма-Ату, и в Московском отделении института почти не осталось работников. Главным делом Б.С. Чернышева здесь было продолжение работы над «серой лошадью». В Москве было плохо с питанием, здания не отапливались. Сотрудники института по заданиям Киевского райсовета направлялись на работы по разгрузке дров. Вот характерная примета времени: 9 октября 1942 г. профессор Б.С. Чернышев должен был явиться для разгрузки дров к 8 часам утра в 12-ю базу Мосгортоба, расположенную в Западном порту в районе Фили¹. В военные годы Б.С. Чернышев неоднократно выступал с лекциями и докладами по поручению партийных организаций, работал по заданиям Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

19 января 1943 г. Ученый совет Института философии АН СССР принял решение выдвинуть три тома «Истории философии» на соискание Сталинской премии². В подготовленном для Комитета по Сталинским премиям обосновании подчеркивалось, что представляемая работа всецело основана на изучении первоисточников и является наиболее фундаментальной работой по философии,

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 107. Л. 12.

² Там же. Д. 125. Л. 4.

выполненной в стране в последнее время. В числе малоизученных тем, которые получили освещение на страницах «Истории философии», были названы римская философия, патристика и схоластика, средневековая арабская и еврейская философия, Кембриджская и Шотландская школы и английская этика XVIII в., американское Просвещение, итальянская, датская и американская философия первой половины XIX в. Указывалось и на то, что в третьем томе дан анализ реакционных философских учений, послуживших одним из источников фашистской идеологии. К получению Сталинской премии были представлены ответственные редакторы издания Г.Ф. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин и П.Ф. Юдин и основные авторы — В.Ф. Асмус, О.В. Трахтенберг и Б.С. Чернышев¹. Всем им была присуждена Сталинская премия.

Перу Б.С. Чернышева принадлежит около 80 энциклопедических статей — в Большой советской энциклопедии, Малой советской энциклопедии, Кратком философском словаре («Академики», «Гегель», «Индукция», «Логика Гегеля», «Перипатетики», «Силлогизм», «Софистика», «Софисты», «Стоики», «Формальная логика»). В 1940 г. в «Учительской газете» была напечатана статья ученого о Гераклите.

Б.С. Чернышев выступал и как переводчик. Помимо широко известного перевода «Трубного гласа» Бруно Бауэра, им были выполнены переводы «Лекций по эстетике» Гегеля (т. XIII, кн. 2 «Сочинений». М., 1940 — на основе перевода, начатого Б.Г. Столпнером), «Нищеты философии» Маркса (1941). Остались неопубликованными его переводы «О природе вещей» Сенеки, «О законе Пегаса и Килленском осле» Джордано Бруно, «О природе» Робине, «Фихте» Куно Фишера. Эти работы были лишь заматрицированы.

Об С. Чернышеве как о декане сохранились благодарные отзывы студентов (Б.В. Бирюков, З.А. Каменский, В.В. Соколов). По словам В.В. Соколова, Б.С. Чернышев был очень добрым человеком, всегда помогал ученикам, переписывался с находившимся на фронте С.Т. Калтахчаном. Если студент всерьез интересовался философскими проблемами, Б.С. Чернышев не жалел на него времени.

Критический отзыв о его деканстве есть в книге А.А. Тахо-Годи о А.Ф. Лосеве, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Автор пишет, что пребывание А.Ф. Лосева на факультете было «головной болью» для декана Б.С. Чернышева, который постоянно боялся репрессивных мер в этой связи. Надо сказать, что опасения Б.С. Чернышева были оправданны.

Участие Б.С. Чернышева в создании «серой лошади» оказалось роковым для него. 27 января 1944 г. известный проработчик, профессор философского факультета МГУ З.Я. Белецкий написал И.В. Сталину письмо о «серьезных

¹ Там же. Л. 2–3.

ошибках в освещении немецкой философии» в третьем томе «Истории философии», одним из авторов которого был Б.С. Чернышев. З.Я. Белецкий доказывал бредовый тезис о том, что немецкая классическая философия не один из источников марксизма, а аристократическая реакция на Великую французскую революцию. Напомнил он и о националистических воззрениях классиков немецкой философии. Далее З.Я. Белецкий так писал о «положении дел» на факультете: «Свое приглашение на философский факультет Лосев понял как просьбу обосновать в терминах марксистской философии гегелевскую идеалистическую диалектику. Курс, читавшийся Лосевым, не контролировался. Лекции Лосева пользовались большой популярностью, их посещали не только студенты, но и аспиранты и научные работники. В середине декабря 1943 г. при активной поддержке одного из работников Управления пропаганды и агитации ЦК тов. Светлова В.И. Лосева удалось снять с работы. Однако дело улучшения работы на философском факультете удалением одного Лосева ограничиваться не может. На философском факультете в течение последних полутора лет, по какой-то странной забывчивости, было почти полностью прекращено изучение материалистической философии, изучалась в основном лишь идеалистическая философия. Для изучения, например, идеалистической философии Канта, Юма, Гегеля были созданы годовые семинары. Был создан даже добровольный кружок для изучения философии Канта. Что же касается материалистической философии, как и философии диалектического и исторического материализма, то они в течение этого времени рассматривались как некая устаревшая мода. Можно себе представить, какие обнаружались сейчас идейные шатания и теоретические колебания в среде студенчества. В данное время многое на факультете уже выправлено. Однако нам не удастся сделать всего необходимого, если 3-й том «Истории философии» сохранится как обязательный учебник по истории философии, если останутся прежние программы и, наконец, если сохранится прежний стиль работы философского руководства»¹. Если учесть, что именно Б.С. Чернышев был инициатором детального изучения философии Канта и Гегеля на факультете, слова З.Я. Белецкого были для него своего рода приговором.

Сталин, с его давним пренебрежением ко всякому гегельянству, благожелательно отнесся к письму Белецкого, посчитав изменение оценок немецкой классической философии идеологически полезным. В результате было принято постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу, а с третьего тома «Истории философии» была снята Сталинская премия, присужденная ранее всему изданию. Ситуацией воспользовался Г.Ф. Александров и его группа, которые давно вынашивали планы удара по группе М.Б. Митина — П.Ф. Юдина. М.Б. Митин

¹Цит. по кн.: Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 106—107.

лишился постов директора Института Маркса, Энгельса, Ленина и главного редактора журнала «Под знаменем марксизма», а П.Ф. Юдин — должности директора Института философии АН СССР. На идеологических активах новые официальные лица советской философии из окружения Г.Ф. Александрова усердно комментировали постановление ЦК¹.

Б.С. Чернышев попал «под раздачу». В это время было арестовано несколько студентов МГУ, и это также стало поводом для публичных проработок. Б.С. Чернышев был снят с должности декана. Согласно документам Архива МГУ заявление об уходе он подал даже раньше, чем разразилась «гроза». 10 декабря 1943 г. Б.С. Чернышев официально был освобожден от должности.

Б.С. Чернышеву пришлось «оправдываться». На открытом партсобрании в Институте философии АН СССР 28 июня 1944 г., посвященном «вопросу о недостатках научной работы в области философии», он был вынужден выступать после разгромного доклада нового директора Института В.И. Светлова, объявившего третий том «серой лошади», где ведущим был раздел Б.С. Чернышева о логике Гегеля, «недоброкачественным». Фактический редактор «Истории философии» Б.Э. Быховский прекрасно понимал правила игры и каялся «профессионально», по канону сталинской критики и самокритики. Б.С. Чернышев же относился ко всему происходящему серьезно, пытался искать у себя ошибки, не находил никакого «злого умысла» и страдал от своего ложного положения. В выступлении на партсобрании он сказал, что все свои усилия он направит на то, чтобы выправить ошибки, которые были допущены им в статье о «Науке логики» Гегеля. Поскольку в докладе В.И. Светлова в качестве приоритетов было обозначено изучение трудов товарища Сталина и разработка истории русской философии, Б.С. Чернышев предложил «пойти навстречу кадрам работников наших национальных республик, которые работают над арабскими, персидскими, хасидскими, староузбекскими и другими источниками»². Последняя фраза показывает, с одной стороны, насколько Б.С. Чернышев был и оставался истинным ученым в любой ситуации, человеком, мыслящим свою жизнь только в рамках научных задач, а с другой — насколько он оставался наивным человеком и не был способен понимать извивы политической конъюнктуры, — попробовал бы он изучать «хасидские источники» в Институте философии и на философском факультете в 1944 г.

¹См.: Светлов В.И. О недостатках преподавания философии в вузах: Доклад на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук 16 августа 1944 г. М., 1944. 21 с.; Он же. О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии // Вестн. АН СССР. 1944. № 7–8. С. 23–29.

²Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 146. Л. 8–9.

Б.С. Чернышев очень переживал за все происходящее вокруг третьего тома «Истории философии». И его слабое сердце не выдержало.

4 сентября 1944 г. Борис Степанович Чернышев скончался от сердечного приступа.

Источники

Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 323. Л. 99–103.

Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34л. Д. 9978.

Сочинения

Социологические мотивы в эстетике Гегеля // Искусство. 1927. № 4. С. 5–34.

Софисты. М., 1929. 175 с.

Выступление по докладу М.М. Фурщика «“Марксизм” Каутского» в Институте философии Коммунистической академии // Вестн. Коммунистической академии. 1929. № 29. С. 168.

Выступление по докладу М.А. Дынина «Учение Гегеля о случайности» в Институте философии Коммунистической академии // Вестн. Коммунистической академии. 1929. № 34. С. 185.

Рец. на кн.: Дынин М.А. Диалектика Гераклита Эфесского. М., 1929. 205 с. // Летописи марксизма. 1930. № 1. С. 203–204.

Современный идеолог фашизма (Джиованни Джентиле) // Под знаменем марксизма. 1931. № 4–5. С. 133–155.

Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом / Пер. и предисл. Б.С. Чернышева. М., 1933. 139 с.

О книге Кассирера «Философия просвещения» // Под знаменем марксизма. 1934. № 3. С. 203–208.

Рец. на кн.: Дынин М.А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936 // Фронт науки и техники. 1936. № 12. С. 140–145.

Кабанис // Большая советская энциклопедия. Т. 30. М., 1937. Стб. 399–401.

Рец. на кн.: Дынин М.А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936 // Книга и пролетарская революция. 1937. № 2. С. 146–147.

О логике Гегеля. М., 1941. 78 с.

О логике Гегеля // Труды Московского государственного института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. Т. IX. М., 1941. С. 30–96.

«Лекции по эстетике» Гегеля // Правда. 1941. 27 января.

Гераклит // Учительская газета. 1941. 5 мая.

Главы в издании «История философии». Т. I. М., 1941; Т. III. М., 1943.

Софисты: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1942. 336 с.

Бенедетто Кроче и диалектика // Вопр. философии. 1958. № 8. С. 63–73.

[Фрагменты лекций о философии Канта] // Вопр. теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 5. Калининград, 1980. С. 121–133.

Софисты. М., 2006. 174 с.

Литература

Быховский Б.Э. О фашисте Джентиле // Под знаменем марксизма. 1931 № 9–10. С. 60–72.

Казарин А.И. Рец. на кн.: Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. М., 1933 // Вестн. Коммунистической академии. 1934. № 4. С. 149–155.

Сушкова В. Рец. на кн.: Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. М., 1933 // Бюллетень Заочно-консультационного отделения ИКП. 1934. № 7. С. 21–22.

Борис Степанович Чернышев (Некролог) // Московский большевик. 1944. 7 сентября.

Чернышев Борис Степанович // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 479.

Жучков В.А., Каменский Э.А. Б.С. Чернышев и его лекции по философии Канта // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 5. Калининград, 1980. С. 119–121.

Соколов В.В. Б.С. Чернышев (1896–1944) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 244–245.

Андреева И.С. «По плодам их...» // Русская философия во второй половине XX века. Ч. 3. М., 2000. С. 18–55.

Алексеев П.В. Чернышев Борис Степанович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 1063.

Бирюков Б.В. Трудные времена философии. М., 2006. С. 67–70.

Андреева И.С. Философы России второй половины XX века. Портреты. М., 2009. С. 56–61.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУТАСОВ

Декан в 1943—1949 гг.

Дмитрий Алексеевич Кутасов родился 1 сентября 1904 г. в станции Абинской Кубанской области. Отец его из крестьян, сельский учитель; мать — крестьянка-казачка, портниха, кустарь-одинокка. Отец состоял в партии анархистов-коммунистов, участвовал в революции 1905—1907 гг. За участие в экспроприациях и других актах был арестован, судим и приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Как писал сам Д.А. Кутасов в автобиографии, на каторге отец его, очевидно, пошел на сотрудничество с властями, результатом чего стало его освобождение в 1913 г. В 1914 г. отец был призван в армию и пропал без вести во время июльского наступления 1917 г.

В 1912—1914 гг. Д.А. Кутасов учился в двухклассном училище в родной станции. В 1914 г. переехал на хутор Романовский Кубанской области (ныне г. Кропоткин Краснодарского края), где учился в двухклассном училище и прогимназии на средства матери. С июня 1918 г. работал по найму: учеником-монтером у электрика Селиванова в городской электростанции, учеником наборщика в типографии С.Д. Михайлова. В сентябре 1918 г. вновь пошел учиться в школу.

В марте 1920 г. войска Красной армии пришли на Кубань. В апреле 1920 г. Д.А. Кутасов стал комсомольцем и добровольно вступил в Красную армию. Служил красноармейцем караульного батальона 22-й дивизии в том же хуторе Романовском. В декабре 1920 г., отслужив, снова пошел в школу II ступени. С мая по сентябрь 1921 г. работал подручным слесаря в мастерских централизации депо станции «Кавказская» на хуторе Романовском, переименованном в Кропоткин. С октября 1921 г. учился в вечерней железнодорожной школе II ступени. В апреле—сентябре 1922 г. состоял членом Кропоткинского горкома ВЛКСМ.

В июле 1922 г. Д.А. Кутасов окончил школу и в августе 1922 г. поступил во 2-й МГУ. На III курсе занимался в семинаре по историческому материализму, на IV — в семинаре по историческому материализму и в семинаре повышенного типа по изучению Гегеля. Проявил активность в учебе, показал большую начитанность и хорошие способности в решении теоретических проблем, как историко-философских, так и общественно-политических. В 1922—1924 гг. во 2-м МГУ избирался членом комсомольского бюро университета, комсоргом общественно-экономического отделения и комсоргом I курса, был

парторгом общежития, состоял в стипендиальной, жилищной и других комиссиях. Там же начал преподавательскую деятельность в качестве ассистента. В 1926—1927 гг. ему как одному из наиболее способных студентов было поручено вести кружок по историческому материализму на I курсе и по диалектическому материализму на втором курсе агропедфака 2-го МГУ. В 1926 г. преподавал обществоведение в вечерней рабочей школе завода «Идеал».

В июле 1927 г. Д.А. Кутасов окончил общественно-экономическое отделение аграрно-педагогического факультета 2-го МГУ. Считая его способным к научно-теоретической работе, преподаватели вуза дали ему рекомендацию в аспирантуру. Он подал заявление в комиссию по подготовке научных работников при президиуме Государственного ученого комитета с просьбой зачислить его в аспирантуру. Перед зачислением собрал рекомендации преподавателей, среди которых были С.С. Кривцов и А.В. Шестаков. В октябре 1927 г. Д.А. Кутасов был зачислен в аспирантуру Института научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). На экзаменах получил оценки: по историческому материализму и теоретической экономике — «три», по специальности — «четыре». Специальность сдавал профессору В.К. Сережникову. Тема вступительной работы Д.А. Кутасова — «Категории диалектики: сущность, явление и действительность у Гегеля и в марксизме». Его научным руководителем был К.К. Милонов. Профессор А.А. Ческис в своем отзыве на работу Д.А. Кутасова 20 октября 1927 г. писал, что автор хотя и выказал определенное знакомство с вопросом о роли диалектики в марксизме, а также с возникшими в научной литературе спорами по этому вопросу, но не показал понимания изучаемых им категорий. Изложение им малой «Логики» Гегеля рецензент назвал «неясным»: «Комментарий автора и цитаты из Малой Логики показывают, что он усвоил терминологию, но не понял духа и сущности гегелевской философии». Оценил А.А. Ческис вступительную работу Д.А. Кутасова на «три»¹.

В учебе Д.А. Кутасов сначала себя не проявил. Учебный процесс был сориентирован прежде всего на изучение истории философии путем анализа первоисточников. 6 июня 1928 г. комиссия по учету академической работы и успеваемости в составе И.П. Подволоцкого, В.Н. Ральцевича и П.А. Шария постановила перевести Д.А. Кутасова на II курс условно, обязав его представить доклад по античной философии к 1 октября 1928 г.

Чтобы «закрепить» переход на II курс, Д.А. Кутасов выбрал для доклада по истории философии тему полегче — «Проблема материи у французских материалистов XVIII века» — и несколько раз выступил на семинаре. В докладе рассматривались социальные корни и идеологические истоки классического

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 34. Л. 82.

французского материализма, его методология и онтология, категории субстанции, модусов и атрибутов, учение о материи и элементы диалектики. Учения Ламетри, Дидро, Гельвеция и Гольбаха были изложены автором обстоятельно с обильным, иногда чрезмерным цитированием¹.

Отзыв, который на доклад дал И.К. Луппол, был весьма сдержанным. В нем отмечалось, что доклад представляет собой «внимательно выполненную работу»², что сходство и различие взглядов отдельных материалистов представлено удовлетворительно, хотя глава о материи разработана слишком кратко и поверхностно. В целом Луппол назвал доклад удовлетворительным и считал его.

Та же картина повторилась через год. Видимо, с изучением истории философии Д.А. Кутасову не везло. 13 мая 1929 г. Л.И. Аксельрод записала в его аспирантских документах, что в семинаре по Канту он не только не сделал доклада, но и вообще не выступал. 4 июня 1929 г. Д.А. Кутасов вновь был условно переведен на III курс с обязательством представить доклад по философии Гегеля до 1 октября 1929 г.

Совершенно иначе — успешно — пошли дела аспиранта Кутасова, когда перешли к изучению исторического материализма. Здесь он сумел проявить себя на семинарах. Переводу на II курс помогла его работа в истматовском семинаре, которая, по заключению комиссии, членами которой были И.П. Подволоцкий, В.К. Сержников и А.Х. Чичикалов, была весьма успешной: «Трудоспособен и внимателен к материалу, хотя и не всегда самостоятелен»³. После сделанного Д.А. Кутасовым доклада «Исторический материализм как наука» руководитель семинара И.П. Разумовский написал в своем отзыве 22 мая 1929 г., что, несмотря на отдельные недостатки и «темноту» в освещении проблемы, докладчик сумел продемонстрировать достаточную методологическую выдержанность, умение пользоваться методом марксизма и критически его применять. Выступления Д.А. Кутасова на семинаре профессор назвал серьезными и вдумчивыми⁴. Он считал его несомненно способным к научной работе.

За 1929 г. Д.А. Кутасов отчитался докладом «Исторический материализм как наука». Четко изложив марксистское понимание исторического материализма как специфического применения законов диалектического материализма к развитию общества, Д.А. Кутасов вместе с тем обосновывал мысль, что исторический материализм — отдельная самостоятельная наука, которая изучает общество и устанавливает его общие законы. В докладе ставились вопросы о том, является ли исторический материализм социологией или только

¹ Там же. Оп. 2. Д. 58.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Оп. 3. Д. 34. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 85.

методологией, является ли он философией истории, каков характер законов и категорий исторического материализма. Д.А. Кутасов высказал точку зрения, согласно которой исторический материализм — методология всех общественных наук, потому что в качестве социологической теории он устанавливает законы общества. Исторический материализм является также методологией истории, устанавливая особенные законы общественно-экономических формаций. Против самого термина «социология» Д.А. Кутасов не возражал, считая истмат марксистской философией истории и вместе с тем — социологией¹.

В 1928 г. произошло слияние Института научной философии РАНИОН с Философской секцией Коммунистической академии. В результате был основан Институт философии Комакадемии. С сентября 1929 г. Д.А. Кутасов числился аспирантом этого института. По совместительству с учебой он вел семинары по философии на математическом и педагогическом факультетах 2-го МГУ (сентябрь 1927 г. — ноябрь 1929 г.), во 2-м Московском медицинском институте (октябрь 1928 г. — сентябрь 1930 г.).

В сентябре 1930 г. Д.А. Кутасов окончил аспирантуру и был направлен в Хабаровск заведовать кафедрой диамата Дальневосточного заочного коммунистического университета. После преобразования партийного вуза в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу он был назначен ее проректором по учебной части и аспирантуре. Специалистов по философии такого уровня здесь не было, поэтому параллельно Д.А. Кутасов с октября 1930 г. заведовал кафедрой философии Хабаровского медицинского института, а с октября 1931 г. — и кафедрой философии Хабаровского планового института. В Хабаровске он выполнял разную общественную работу: был зам. председателя краевого правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков, членом краевого бюро Секции научных работников, членом бюро краевого совета Союза воинствующих безбожников, членом редколлегии журналов «Дальневосточный партработник» и «Партийная учеба» (Хабаровск).

С марта 1933 г. Д.А. Кутасов заведовал кафедрой диамата, истории ВКП(б) и ленинизма Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. Л.М. Кагановича в Москве; вел преподавательскую работу по философии на Центральных курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), в Центральной школе НКВД СССР, во Всесоюзной плановой академии и Всесоюзной академии социалистического земледелия.

В январе 1936 г. Д.А. Кутасов перешел в МИФЛИ. Сначала работал старшим преподавателем, 23 марта 1937 г. был утвержден ВАКом в ученном звании доцента. В 1939—1940 гг. был заместителем директора МИФЛИ по научно-исследовательской работе и аспирантуре и ученым секретарем

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 77.

МИФЛИ. В 1940/41 учебном году Д.А. Кутасов являлся деканом философского факультета МИФЛИ. О том, что представлял собой тогда факультет, подробно рассказал сам Д.А. Кутасов на страницах журнала «Под знаменем марксизма». В 1939 г. на факультете обучался 181 человек, в 1940 г. — 213. Аспирантов в 1939 г. было 58, в 1940 г. — 53. В 1939 г. были защищены две докторские диссертации (Г.Ф. Александров, А.П. Гагарин) и 19 кандидатских (Г.С. Васецкий, А.Я. Зись, Г.А. Курсанов, В.И. Светлов и др.), в 1940 г. — 21 кандидатская диссертация. Темы диссертаций были самые разные: теория отражения, художественный образ, учение о понятии, об умо-заключении, соотношение диалектической и формальной логики и др. Много диссертаций защищалось по истории философии, как зарубежной (философия Бруно, Бэкона, Спинозы, Гельвеция, Дешана, Канта, Фихте, Гегеля, Фейербаха, Дицгена, Лафарга, Джемса, Бергсона, Адлера), так и отечественной (философские взгляды Ломоносова, Радищева, Чаадаева, Белинского, Герцена, Бакунина, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Михайловского, Менделеева, Плеханова, идеи Г. Сковороды, Е. Кохпеци, М.Ф. Ахундова). Вместе с тем за 1937—1940 гг. было отклонено и не допущено к защите 5 докторских и 23 кандидатских диссертации. Кроме обучения своих докторантов и аспирантов в эти годы на философском факультете в порядке экстерната были приняты кандидатские экзамены у 21 соискателя и 41 человек стоял на учете для сдачи аспирантских экзаменов; оказывалась консультационная помощь диссертантам со стороны¹.

Д.А. Кутасов вел общественную работу: с мая 1939 г. был лектором и руководителем лекторской группы Сокольнического райкома ВКП(б) г. Москвы. В октябре 1941 г. он выехал в эвакуацию в Саратов. С декабря 1941 г. по июль 1942 г. работал лектором Саратовского обкома ВКП(б).

В августе 1942 г. Д.А. Кутасов вернулся в Москву и приступил к работе в должности доцента философского факультета МГУ. Он продолжал также выполнять общественную работу: в августе 1942 г. — январе 1949 г. был лектором МГК ВКП(б), часто выступал с инструктивными докладами перед пропагандистами и агитаторами Москвы и Московской области. В июне 1944 г. выезжал по командировке ЦК ВКП(б) и Главпура в Румынию, в г. Боташани, на 2-й Украинский фронт.

С октября 1943 г. работал доцентом философского факультета МГУ. 10 декабря 1943 г. Д.А. Кутасов сменил Б.С. Чернышева в должности декана философского факультета МГУ. Как декан, он был хорошим организатором,

¹ См.: Кутасов Д.А. Работа философского факультета Московского государственного института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского // Под знаменем марксизма. 1941. № 1. С. 166—168.

всегда помогал нуждавшимся в помощи, и делал это не напоказ. У всех, кто с ним общался, остались хорошие воспоминания.

Д. А. Кутасов был прекрасным лектором курса «Введение в философию» и замечательным популяризатором философии. Материал преподавал грамотно и остроумно. Поясняя свою мысль, мог создать надолго запоминавшийся образ. Например, на первой лекции говорил студентам: «Быть марксистом — это значит ходить по лезвию бритвы», шаг в сторону — и ты уже отступил от марксизма. Для «марксизма», который насаждался в сталинское время, это утверждение было, конечно, справедливым.

Бывший студент МИФЛИ писатель С. Л. Львов вспоминал о лекциях Д. А. Кутасова: «До войны студентом ИФЛИ имени Чернышевского слушал я лекции по основам диалектического и исторического материализма у Д. А. Кутасова. Курс этот включал в себя несколько лекций по научному атеизму. Строились они на обзоре основных “доказательств бытия божия” и способах их опровержения. Читал Кутасов эти лекции с блеском. Задачу свою он не облегчал, не довольствовался тем, что опровергал наиболее простые “доказательства” бытия божьего. Нет, он знакомил нас и с наиболее современными, выстраивал всю систему изоциренных доводов и тут же разрушал ее»¹.

Лекционной манере Д. А. Кутасова соответствовали и его публикации. Монографий у него не было, он написал лишь несколько популярных брошюр. Конечно, по своему содержанию они во многом устарели, но нельзя не отметить легкий, увлекательный стиль изложения, которым они написаны. Показательна в этом отношении брошюра «В чем состоит основной вопрос философии». С первых же строк чувствуется профессионализм автора: он начинает с обыденного представления о философии (философия бесполезна, это общие рассуждения, отвлеченные, оторванные от жизни и т.п.) и противопоставляет этому представлению научное понимание. Автор говорит о важности освоения философии для осознанной выработки мировоззрения любым человеком, поясняет специфику языка философии, а также то, обстоятельство, что многие философские категории суть не специальные термины, а слова обыденной речи. Дав представление о трудностях изучения философии, он внушает читателю уверенность, что для увлеченного человека эти трудности преодолимы. Изложение сопровождается яркими и наглядными примерами из опыта естественных наук. Автор дает простые и понятные объяснения изучаемым проблемам. Завершая брошюру, Д. А. Кутасов противопоставляет свою позицию той весьма распространенной точке зрения, что основной вопрос философии совершенно излишен и им не следует заниматься.

¹ Львов С. Л. Быть или казаться? М., 1987. С. 305.

Вторая половина 1940-х — первая половина 1950-х гг. были временем острой борьбы между З.Я. Белецким с его немногочисленными сторонниками и большинством советских философов¹. Поскольку же Белецкий заведовал на философском факультете кафедрой диалектического и исторического материализма, эпицентром борьбы оказывался факультет. По своему теоретическому содержанию борьба эта не выходила за рамки вульгаризированной Сталиным версии диамата. Однако Белецкий легко находил слабые места у циничных лидеров советского «философского фронта», которые, не веря ни в какой марксизм, использовали философию в качестве инструмента карьерного роста. Поэтому своими письмами Сталину о наведении идеологической чистоты в советской философии Белецкий держал в страхе академиков как из группы Митина, так и из группы Александрова. Сталин считал, что Белецкий хотя и не отличается философской квалифицированностью, но обладает верным политическим чутьем, и к его мнению прислушивался. Руководству факультета Белецкий доставлял одни лишь хлопоты.

Развернутая Сталиным кампания борьбы с «космополитизмом» подсказала большинству профессорско-преподавательского состава факультета способ борьбы с Белецким. Дело в том, что на его кафедре работало по тем временам слишком много евреев. И когда на факультете состоялось партийное собрание, прошедшее в классическом стиле сталинских показательных разоблачений, Белецкий и его сотрудники подверглись антисемитским нападкам. Среди обли-

¹См.: Головаха И. О методе работы профессора Белецкого с аспирантами // Московский университет. 1945. 29 ноября; Селектор М.Э. Об одном извращении в преподавании // Вопр. философии. 1948. № 1. С. 348–350; Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора З.Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 87–102; Кессиди Ф.Х. О феномене З.Я. Белецкого // Философские науки. 1997. № 2. С. 85–97; Интервью с В.Ж. Келле // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 2. С. 3–14; Интервью с А.М. Ковалевым // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 4. С. 3–24; Интервью с Т.И. Ойзерманом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2004. № 6. С. 40–61; Павлов А.Т. Профессиональное философское образование в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2005. № 1. С. 3–23; Бирюков Б.В., Верстин И.С. Идеологические события сороковых годов прошлого столетия и проблема русского национального сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2005. № 3. С. 69–91; Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007; Ойзерман Т.И. Советская философия в середине 1940-х — начале 1950-х годов // Человек. 2007. № 2. С. 50–62; № 3. С. 72–84; Келле В.Ж. Попытки будить мысли студентов не прошли безнаказанно // Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР: 1940–1960-е годы. СПб., 2008. С. 305–307. В словаре П.В. Алексеева «Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды» (М., 2002) помещена справка о З.Я. Белецком; мемуарная часть написана Ф.Х. Кессиди (С. 100–101), биографическая — С.Н. Корсаковым (С. 100).

чителей особенно усердствовали П.Т. Белов, Н.Г. Тараканов, Д.И. Чесноков и И.Я. Щипанов. Партсобрание приняло ряд репрессивных решений, смысл которых сводился к удалению Белецкого и его сторонников с факультета.

Но события получили неожиданный поворот. З.Я. Белецкий обратился за помощью к Г.М. Маленкову. Зная об отношении Сталина к Белецкому, Маленков поддержал последнего и дал соответствующие указания. Сторону З.Я. Белецкого принял и министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов. Он вызвал декана факультета и всех заведующих кафедрами в министерство и горячо выступил в защиту З.Я. Белецкого. Не последнюю роль сыграло и то, что З.Я. Белецкий был активным сторонником Т.Д. Лысенко.

После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. на коллегии Минвуза СССР обсуждалась работа философского факультета МГУ и его декана Д.А. Кутасова. На заседании выступили И.И. Презент, З.Я. Белецкий, Т.И. Ойзерман и др. Было отмечено, что факультет не перестроил свою работу в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, речью А.А. Жданова на философской дискуссии 1947 г. и итогам августовской сессии ВАСХНИЛ. Коллегия Минвуза сочла, что «при попустительстве» со стороны руководства факультета на ряде кафедр допускались «серьезные идеологические ошибки». Имея в виду З.Я. Белецкого и его кафедру, члены коллегии осудили деканат факультета за то, что он не поддерживал работников, выступавших с правильных позиций против «объективистских, формалистических течений». Министр С.В. Кафтанов заявил, что декан Д.А. Кутасов руководил факультетом неудовлетворительно, не вникал в существо учебной и научно-исследовательской работы, уклонялся от активного участия в разрешении острых вопросов идейной жизни факультета, идейного воспитания студентов, не оказывал необходимого влияния на работу кафедр¹.

Наказан был только Д.А. Кутасов². На отчетно-выборном партсобрании философского факультета секретарь парткома МГУ М.А. Прокофьев подверг его критике за слабую постановку вопросов идеологической борьбы³. В итоге Д.А. Кутасов был освобожден от занимаемой должности «как не обеспечивающий руководства факультетом»⁴ с оставлением в должности доцента. После снятия с должности декана Д.А. Кутасов уже не сдерживал себя. 31 мая 1949 г. на университетской партконференции он выступил с резкой критикой

¹ В коллегии Министерства высшего образования СССР // Вестн. высшей школы. 1948. № 12. С. 31–34.

² См.: Ойзерман Т.И. Советская философия в середине 1940-х — начале 1950-х годов // Человек. 2007. № 3. С. 81.

³ Под знаком критики и самокритики // Московский университет. 1949. 18 февраля.

⁴ Приказом министра С.В. Кафтanova — с 23 февраля 1949 г., приказом ректора МГУ А.Н. Несмеянова — с 14 марта 1949 г.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУТАСОВ

работы кафедры Белецкого, обвинив его в «космополитизме» (обвинение весьма опасное по тем временам), в подборе кадров по национальному признаку, в извращении отдельных положений марксистско-ленинской теории, в групповщине, зажиме критики и самокритики, и предложил заменить руководство кафедры диалектического и исторического материализма¹. В декабре 1950 г. Д.А. Кутасов был исключен из штатов МГУ как не утвержденный в должности доцента.

С апреля 1948 г. по август 1953 г. Д.А. Кутасов заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма Московской областной высшей партийной школы. В сентябре 1951 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В последние годы жизни он работал в Московском автодорожном институте, вел общественную работу, которую вынужден был оставить в 1966 г. в связи с тяжелой болезнью.

Д.А. Кутасов отличался большим жизнелюбием и был прекрасным товарищем.

Д.А. Кутасов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946, 1946), медалями «В память 800-летия Москвы» (1947), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1965).

Умер Дмитрий Алексеевич Кутасов 30 апреля 1968 г. Похоронен в Москве, в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 276838. Регистрационный бланк члена КПСС № 00109896 (1954).

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 34.

Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34л. Д. 4901.

Сочинения

Исторический материализм: Программа для марксистско-ленинских кружков. М., 1927.

Исторический материализм: Программа для марксистско-ленинских кружков. М., 1928. В соавторстве.

Объяснительная записка и программа по историческому материализму для курсов переподготовки // Коммунистическая революция. 1928. № 8. С. 96—106. В соавторстве.

Программа по историческому материализму для одногодичных марксистско-ленинских кружков // Пропагандист. 1928. № 13. С. 28—42. В соавторстве.

Диалектическая закономерность в природе и обществе // Пропагандист. 1928. № 15. С. 33—34.

¹Московский университет. 1949. 6 июня.

Что собой представляет эмпириокритицизм Маха и Авенариуса и в чем его отличие от материализма // В помощь партучебе. 1928. № 18. С. 17—20.

Исторический материализм: Программа для марксистско-ленинских кружков. М., 1929. В соавторстве.

Программа для деревенских партшкол на 1929—1930 учебный год. М., 1929. В соавторстве.

Производительные силы и производственные отношения // Пропагандист. 1929. № 18. С. 18—21.

Теория базиса и надстройки. Право и государство // Пропагандист. 1929. № 18. С. 23—24.

О теории вращающегося кулака в социализм // В помощь партучебе. 1929. № 16. С. 1—4.

О взаимоотношении составных частей марксизма-ленинизма // Революция и культура. 1929. № 23—24. С. 100—101.

Возможно ли предсказание будущего? // Безбожник. 1929. 8 сентября.

Кто создал природу // Безбожник. 1929. 27 октября.

Теория и практика // Безбожник. 1930. 15 марта.

Марксизм-ленинизм — научная теория рабочего класса // Безбожник. 1930. 5, 15 апреля.

Против правооппортунистического двурушничества // Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1930. 7 ноября.

Ленин в борьбе с оппортунизмом // Дальневосточный партработник (Хабаровск). 1931. № 1—2. С. 11—20.

Классовая борьба в деревне на новом этапе // Партийная учеба (Хабаровск). 1931. № 2. С. 63—73.

К итогам Октябрьского пленума ЦК ВКП(б) // Дальневосточный партработник (Хабаровск). 1931. № 11—12. С. 14—19.

Ленинизм в борьбе на два фронта // Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1931. 22 января.

Колхозники — действительно прочная опора советской власти // Ленинский путь (Хабаровск). 1931. 1 мая.

Учение о классовой борьбе // Партийная учеба (Хабаровск). 1932. № 11—12*.

К коммунизму через диктатуру пролетариата // Партийная учеба (Хабаровск). 1932. 12 декабря*.

Учение марксизма-ленинизма о социализме и коммунизме и задачи построения бесклассового социалистического общества в СССР // Партийная учеба (Хабаровск). 1933. № 1—2. С. 44—48.

О чистке рядов партии // Хабаровский рабочий. 1933. 9 января.

Работа философского факультета Московского государственного института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского // Под знаменем марксизма. 1941. № 1. С. 166—168.

Философский факультет // Московский университет. 1944. 27 июня.

Философский факультет // Московский университет. 1945. 4 июля.

Философский факультет // Московский университет. 1946. 20 июня.

Советские философы // Московский университет. 1947. 28 июня.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУТАСОВ

Выступление на обсуждении второго номера журнала «Вопр. философии» // *Вопр. философии*. 1948. № 1. С. 358.

Гениальное произведение марксистско-ленинской философии: Речь на кн.: *Ленин В.И.* Соч. 4-е изд. Т. 14. М., 1947 // *Правда Востока*. 1948. 15 июня.

Материальность мира и закономерности его развития // *Московский пропагандист*. 1952. № 1. С. 16–23.

Выступление на обсуждении книги «Исторический материализм» // *Вопр. философии*. 1955. № 2. С. 224–226.

В чем состоит основной вопрос философии. М., 1958. 62 с.

Значение закона единства и борьбы противоположностей для практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза // *Учен. зап. кафедры диалектического и исторического материализма ВПШ при ЦК КПСС*. 1958. Вып. 1. С. 56–75.

Вопросы атеизма в преподавании диалектического и исторического материализма в высших партийных школах // *Учен. зап. кафедры диалектического и исторического материализма ВПШ при ЦК КПСС*. 1960. Вып. 2. С. 123–138.

Исторический материализм — основа коммунистического мировоззрения. М., 1961. 54 с. Соавтор: А.И. Тер-Захарян.

Из царства необходимости — в царство свободы. М., 1962. 48 с. Соавтор: А.И. Тер-Захарян.

Литература

Дмитрий Алексеевич Кутасов (Некролог) // *Московская правда*. 1968. 8 мая.

Дмитрий Алексеевич Кутасов (Некролог) // *За автомобильно-дорожные кадры*. 1968. 8 мая.

Зотова Л.И. Д.А. Кутасов (1904–1968) // *История философской мысли в Московском университете*. М., 1982. С. 260–261.

Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. М., 1995. С. 472.

Алексеев П.В. Кутасов Дмитрий Алексеевич // *Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды*. М., 2002. С. 525.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ БЕРЕСТНЕВ

Декан в 1949 г.

Владимир Федорович Берестнев родился 16 (29) июня 1901 г. в г. Сычевка Смоленской области. Отец служил продавцом, мать была домохозяйкой. Мать разошлась с отцом, когда В.Ф. Берестневу было шесть лет, и поступила работать швеей на фабрику.

В мае 1917 г. В.Ф. Берестнев окончил городское училище и поступил на службу «мальчиком» на склад Сычевской уездной продовольственной управы. Весной и летом 1917 г. вел культурно-пропагандистскую и политическую работу среди молодежи. После Октябрьской революции 1917 г. был назначен заведующим учетом и распределением продуктов в уездном продовольственном комитете, работал по организации комитетов бедноты и советских органов в уезде. С июня 1919 г. являлся инструктором губпродкома по Сычевскому уезду, организовывал проведение продразверстки в уезде. С февраля 1920 г. по решению политического бюро Смоленской Губчека был заведующим разведкой и информацией политического бюро в Сычевской уездно-городской милиции.

В августе 1920 г. В.Ф. Берестнев был призван в Красную армию и служил в г. Дорогобуже Смоленской губернии красноармейцем в 16-м стрелковом полку на Западном фронте. В сентябре 1920 г. его направили на артиллерийские курсы комсостава. Вместе в курсами в составе курсантской бригады он был отправлен на Южный фронт на борьбу с Врангелем. Здесь В.Ф. Берестнев служил политработником отдельного дивизиона тяжелой артиллерии сводной дивизии. После разгрома Врангеля принимал участие в борьбе с бандитизмом на Украине. В марте 1921 г. вместе с курсами выехал в Одессу, где являлся политработником батареи и участвовал в организации Командных курсов тяжелой артиллерии РККА. В июле 1921 г. был отозван в Киев и назначен начальником секретно-информационного отдела и оргинструктором Киевского окружного управления военных учебных заведений Киевского военного округа. В августе 1922 г. В.Ф. Берестнев был направлен на учебу на факультет общественных наук Московской высшей военно-педагогической школы РККА, по окончании которой с августа 1924 г. был парторгом и главным руководителем общественно-политической подготовки во Владикавказской командирской школе Северо-Кавказского военного округа. С октября 1927 г. преподавал на Курсах усовершенствования командного состава зенитной артиллерии в Севастополе.

В августе 1929 г. В.Ф. Берестнев перешел на партийную работу: заведующим Домом партийного просвещения Замоскворецкого райкома ВКП(б) и заведующим комвузом Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы, а с января 1931 г. — зав. подотделом пропаганды и зам. зав. отделом культуры и пропаганды Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы.

В сентябре 1931 г. В.Ф. Берестнев был зачислен слушателем Института красной профессуры философии. В ИКПФ был секретарем парторганизации; вел педагогическую работу на курсах марксизма-ленинизма. Окончив ИКПФ в апреле 1934 г., стал заместителем директора ИКПФ П.Ф. Юдина по научной и учебной части. В 1935 г. Ученый комитет при ЦИК СССР присвоил В.Ф. Берестневу ученое звание профессора. В 1936 г. совместно с М.А. Леоновым он составил проект программы курса по диалектическому и историческому материализму для вузов¹.

В.Ф. Берестнев входил в руководившую советской философией в 1930—1944 гг. группу Митина — Юдина и был одним из идеологов и организаторов политических репрессий в отношении советских философов. В частности, он отличился в борьбе с «шabalкинской» группой. Речь идет о некоторых выпускниках и преподавателях ИКП философии и естествознания, выступивших в 1931—1932 гг. во главе с П.И. Шабалкиным против монополии группы Митина — Юдина в советской философии. Оппоненты Митина и Юдина потерпели поражение, многие из них были отправлены на работу в провинцию. Но страх перед ними у митинцев не проходил. Ведь у руководителей-философов не было никаких гарантий, что именно они закрепятся на философском олимпе и партийное руководство не предпочтет им новую, более энергичную генерацию философов. Именно так велась в те годы кадровая политика во всех сферах деятельности: с санкции свыше приходила более молодая команда, вытесняла прежних руководителей, затем ее сменяла следующая и так далее. В 1937—1939 гг. эти циклы сократились до предела. Предотвратить такой сценарий можно было только одним способом: прийти на смену тем, кто руководил, но заменить их было просто нечем. Кампания против «шabalкинцев» велась группой Митина — Юдина одновременно в двух планах: публичном (статьи в печати) и негласном (письма в ЦК и НКВД).

В.Ф. Берестнев несколько раз выступал с политическими обвинениями против этой группы советских философов со страниц журнала «Под знаменем марксизма». Он писал: «Партийная организация ИКП философии за время 1930—1932 гг. провела серьезную борьбу против Шабалкинской группы (Шабалкин, Новик, Евстафьев, Адамян, Леонов, Лепешев, Токарев, Амелин, Волошин, Колоколкин, Львов, Базилевский, Шевкин, Тащилин и др.).

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 2. Д. 2.

Вдохновителями этой группы были Дмитриев, Амирагов, Фурщик и др. Эта группа, прикрываясь крикливыми, демагогическими фразами, вела борьбу против линии партии в философии, их антипартийная линия в философии перерастала в прямые выпады против руководителей партии (например, Евстафьев, Колоколкин)¹. Таковую же разоблачительную активность проявлял на страницах журнала еще один член митинской группы — Ф.В. Константинов.

Люди, чьи фамилии были названы в редакционных статьях Митина и Юдина, в авторских статьях Константинова и Берестнева, подвергались аресту. Сигналом служила публикация в журнале «Под знаменем марксизма». Сначала на них заводили персональные дела, основанием для этого был сам факт обвинения на страницах журнала; затем исключали из партии и, наконец, арестовывали. Аресты «шabalкинцев» были произведены примерно одновременно в разных регионах страны. Вот всего лишь два примера.

Профессор философского факультета МИФЛИ М.М. Фурщик писал 4 мая 1936 г. в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б): «...в статье В.Ф. Берестнева (Под знаменем марксизма. 1936. № 4. С. 142) против меня выдвигаются серьезные политические обвинения и не приводится ни одного доказательства, никаких конкретных фактов»². 11 августа 1936 г. бюро Киевского райкома ВКП(б) г. Москвы исключило М.М. Фурщика из партии за то, что он, «будучи преподавателем ИКПФ, был связан с контрреволюционными элементами Дмитриевым, Шabalкиным, имел с ними встречи и не вел борьбы на философском фронте против этой контрреволюционной группы». 9 декабря 1937 г. М.М. Фурщик был арестован.

После статьи В.Ф. Берестнева ростовская газета «Молот» в августе 1936 г. назвала А.Е. Евстафьева, работавшего директором Ростовского института марксизма-ленинизма, «злопыхательствующим двурушником». Секретарь горкома ВКП(б) (через несколько месяцев застрелившийся в ожидании ареста), быстро провел на бюро горкома вопрос об исключении А.Е. Евстафьева из партии «за участие в антипартийной группе Шabalкина в период учебы в ИКП». Попытки А.Е. Евстафьева объясниться и опровергнуть клевету наталкивались на недоверие и раздражение членов бюро. Через месяц А.Е. Евстафьева арестовали.

Однако, чтобы гарантированно избавиться от арестованных противников, их надо было подвести под «расстрельную» статью. Для этого их «антипартийные преступления» следовало перекалфицировать на обвинение в терроризме. И вот в одном из номеров журнала «Под знаменем марксизма»

¹ Берестнев В.Ф. Институт красной профессуры философии в борьбе за выполнение указаний товарища Сталина // Под знаменем марксизма. 1936. № 4. С. 142.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 13031. Л. 28.

Берестнев пишет: «Подвизавшаяся на философском участке так называемая Шабалкинская группка в своем большинстве оказалась группой врагов, группой контрреволюционеров-террористов <...>. Последующие события и привлечение к ответу главарей Шабалкинской группы, оказавшихся изменниками и предателями, показали, что эта группа... превратилась в группу врагов народа, контрреволюционных террористов»¹. Многие из философов, названных Берестневым террористами и шпионами, были расстреляны (Г.П. Адамян, Г.Ф. Дмитриев), покончили с собой (в частности, П.Ф. Липендин) или погибли в заключении (П.И. Новик, И.Г. Тащилин, М.М. Фурцик). Лишь некоторым удалось вернуться после реабилитации.

Если же человеку, которого Берестнев объявлял членом «антипартийной группы на философском фронте» удавалось на время уйти от предъявленных обвинений, Берестнев в очередной своей статье не просто называл его в числе «вредителей», а посвящал целую страницу тому, как обреченный пытается «замести следы». Так, в апрельском номере «ПЗМ» за 1936 г. Берестнев объявил шабалкинцем профессора ИКП философии Б.И. Базилевского. Но последнего спасло то, что он работал не в провинциальном комвузе, а в ЦК ВКП(б) помощником заведующего отделом. Тогда в октябрьском номере того же журнала за 1936 г. Берестнев уделил фигуре Базилевского персональное внимание, бичуя его за то, что он «до сих пор не признал открыто своих ошибок». В декабре 1936 г. Базилевский потерял свою должность в ЦК², а в январе 1937 г. был арестован.

Особенно живо и цинично звучали слова, написанные В.Ф. Берестневым о своих коллегах-философах в статье «Меньшевистствующий идеализм»³ для Большой советской энциклопедии: «Под руководством товарища Сталина партия разгромила механистов и меньшевистствующих идеалистов, разоблачила их антипартийные, антимарксистские взгляды. Вся теоретическая работа в области философии была перестроена по-новому в соответствии с указаниями т. Сталина и ЦК ВКП(б). Перестроена была также и работа по подготовке и выращиванию большевистски выдержанных философских кадров. В борьбе против линии партии многие механисты и меньшевистствующие идеалисты (Карев, Стэн, Гессен и др.) превратились в прямых врагов народа, агентов фашизма. Судебный процесс по делу троцкистских и бухаринских террористических банд, изменников, агентов фашистских охранных, злейших врагов народа пока-

¹ Берестнев В.Ф. О положении на философском фронте и задачах Института красной профессуры философии // Под знаменем марксизма. 1936. № 10. С. 122, 128.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Учетная карточка члена КПСС № 00082255 (1973).

³ Измышленное Сталиным абсурдное словосочетание, предназначенное для шельмования советских философов — марксистов-диалектиков.

зал, что враги партии, враги народа вербовали себе сторонников, в частности, из числа группировок, боровшихся против линии партии на идеологическом фронте, используя для своей деятельности притупление бдительности на ряде участков этого фронта. Не случайно меньшевистствующий идеализм стал идеологическим прикрытием деятельности троцкистов, троцкистской агентуры на философском фронте»¹.

Степень иррациональности сталинской террористической системы была такова, что даже активное участие в репрессиях не было гарантией личной безопасности. Неожиданно для себя под ударом оказался и сам активный проработчик. В.Ф. Берестнев провинился тем, что в июле 1936 г. вместе с директором вечернего отделения ИКПФ Б.Ю. Сливкером участвовал в банкете на даче А.И. Рыкова по поводу успешного окончания женой Рыкова вечернего отделения ИКПФ. Но в тот момент А.И. Рыков был наркомом связи СССР, и никто не мог предположить, что вскоре он окажется «врагом народа». На февральско-мартовском (1937) пленуме ЦК ВКП(б) А.И. Рыков был исключен из партии и арестован, а 17 октября 1937 г. сотрудник ИКПФ П.Н. Гапочка доложил в ЦК ВКП(б) заведующему Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлису о начале разбора дела Берестнева в ИКПФ². Директору ИКПФ П.Ф. Юдину пришлось отвечать за своего товарища. Вопрос разбирался парторганизацией и парткомом Института красной профессуры философии на восьми заседаниях в ноябре 1937 г. — январе 1938 г. Ситуацией воспользовались те, кто не был согласен с методами руководства П.Ф. Юдина и В.Ф. Берестнева. Они превратили эти заседания в трибуну для критики руководства ИКПФ и обвиняли партком в пассивности. В ходе заседаний В.Ф. Берестнев каялся в своем грехе, а П.Ф. Юдин настойчиво защищал В.Ф. Берестнева и свою собственную деятельность как директора института. 22 ноября 1937 г. на партсобрании Юдин признал ошибки, но заявил, что выводить Берестнева из состава парткома нет оснований. Партсоборание «отметило ошибку т. Юдина», не давшего хода делу Берестнева. 7 декабря 1937 г. Берестнев был освобожден от должности зам. директора ИКПФ. 25 декабря 1937 г. партком объявил Юдину выговор за «притупление политической бдительности». Критических настроений в ИКПФ это решение не погасило. На последующих заседаниях Юдину вновь пришлось выслушивать неодобрительные выступления в свой адрес как директора от целого ряда слушателей ИКПФ. Они говорили о пренебрежительном отношении к слушателям со стороны руководителей института, об их политической беспринцип-

¹ *Берестнев В.Ф. Меньшевистствующий идеализм // Большая советская энциклопедия. Т. 38. М., 1938. Стб. 830.*

² *Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15785. Л. 41.*

ности. Юдин извинялся, говорил, что в связи с перегруженностью работой мало занимался институтом, все передоверил Берестневу, а тот не справился¹. В конечном итоге Юдин и Берестнев были поддержаны ЦК ВКП(б), а главный организатор выступления против них А. Кутепов в январе 1938 г. был отчислен из ИКПФ.

В 1938 г. В.Ф. Берестнев работал профессором кафедры диалектического материализма философского факультета МИФЛИ. В апреле 1938 г. он перешел на постоянную работу в Институт философии АН СССР старшим научным сотрудником. По совместительству преподавал в МИФЛИ. В 1939 г. в Институте философии им совместно с П.С. Черемных были подготовлены главы III, IV, V, VI для раздела «Исторический материализм» в готовившийся в Институте философии учебник по диалектическому и историческому материализму². В мае 1939 г. директором Института философии был назначен П.Ф. Юдин, В.Ф. Берестнев стал помощником директора. Именно В.Ф. Берестневу было поручено написать обзорную статью о последних достижениях института³. В предвоенные годы число сотрудников института значительно увеличилось за счет выпускников ИКПФ и МИФЛИ. В секторе истории философии готовилась многотомная «История философии» («серая лошадь»). Сектор истории атеизма пополнился благодаря включению в его состав научно-исследовательского отдела Ленинградского Музея истории религии и атеизма. С 1938 г. при институте была организована аспирантура. В 1939—1940 гг. прошли защиты кандидатских диссертаций Г.Е. Глезермана, А.Я. Зися, В.С. Пауковой, Б.Г. Сафронова, В.И. Светлова. С 1939 г. на институт возложили подготовку по философии аспирантов всех научных учреждений АН СССР, в связи с чем была организована кафедра философии и воссоздана учебная часть⁴. В 1940 г. открылась докторантура. Состоялись первые защиты докторских диссертаций: В.Ф. Асмуса «Эстетика классической Греции» (8 января 1940 г.; оппоненты М.А. Дынник, Д.Ю. Квитко, Н.А. Кун), Б.Э. Быховского «Философия Декарта» (8 марта 1940 г.; оппоненты В.Ф. Асмус, И.К. Луппол, Е.П. Ситковский, О.В. Трахтенберг).

Началась Великая Отечественная война. Директор Института философии П.Ф. Юдин был вхож в высшее руководство страны и мог получать оперативную информацию об изменении линии фронта. В середине октября под Москвой создалось критическое положение. В ночь с 15 на 16 октября

¹ Там же. Л. 249.

² Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 2. Д. 107.

³ См.: *Берестнев В.Ф.* Институт философии Академии наук СССР за 10 лет // Под знаменем марксизма. 1941. № 1. С. 161—165.

⁴ Учебная часть и аспирантура ранее существовали в институте в годы директорства А.М. Деборина.

1941 г. Юдин лично руководил эвакуацией. Сотрудники были буквально подняты с постелей, собрали вещи и отправились на вокзал. В эвакуацию выехал и В.Ф. Берестнев. В Красноуфимске для эвакуированных сотрудников Института были подготовлены помещения, но в условиях военной неразберихи они оказались в Алма-Ате. Руководителем эвакуированных с ноября 1941 г. считался В.Ф. Берестнев в ранге зам. директора Института. Назревала необходимость сформировать два параллельно работающих отделения института: алма-атинское и московское. 23 мая 1942 г. П.Ф. Юдин направил обоснование этого предложения начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову¹. Приказом по институту от 26 мая 1942 г. эти отделения были сформированы². В состав алма-атинского отделения вошли находившиеся в эвакуации В.В. Адоратский, Э.Я. Белецкий, Э.Я. Кольман, А.А. Максимов, Ф.М. Путинцев и О.В. Трахтенберг. Руководить работой отделения как заместитель директора Института был назначен В.Ф. Берестнев. Работу алма-атинское отделение фактически начало в феврале 1942 г. Связь между московским и алма-атинским отделениями поддерживалась путем переписки. 6 марта 1942 г. П.Ф. Юдин писал сотрудникам алма-атинского отделения о необходимости усилить работу над третьим томом «Истории философии». В письме алма-атинскому отделению от 2 июня 1942 г. он подверг его сотрудников критике за пассивность в подготовке и присылке в Москву научной продукции³. Юдин потребовал установить строгие календарные сроки, поскольку под срывом оказалась сдача в набор третьего тома «Истории философии», притом что в том же году планировалось издавать и четвертый том. Главное — директор требовал от сотрудников присылать для публикации брошюры на антифашистские темы и по истории русской философии. В ответном письме В.Ф. Берестнев объяснял задержку трудными условиями жизни в эвакуации и большой загруженностью пропагандистской работой по заданию республиканских партийных органов⁴. Сотрудники вели большую пропагандистскую работу по заданиям лекторской группы при ЦК КП(б) Казахстана, причем не только в Алма-Ате. Они выезжали в другие областные центры Казахстана: Чимкент, Павлодар, Актюбинск. За 1942 год ими было прочитано 220 лекций и докладов. Их статьи печатались в журнале «Большевик Казахстана», республиканской и областных газетах. В.Ф. Берестневым были подготовлены для Совинформбюро статьи «О Сталине-полковнике», о Красной армии и др. Он публиковал статьи в газетах, читал лекции по радио, написал

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

² Там же. Д. 107. Л. 10.

³ Там же. Д. 117. Л. 13–15.

⁴ Там же. Л. 25.

статью «Ленин и Сталин о социализме и коммунизме» (совместно с Г.Н. Васильевым).

Положение эвакуированных в Алма-Ату сотрудников института было очень сложным. Приказ о снабжении их по московским нормам не выполнялся. По карточкам не выдавалось ничего, кроме хлеба, а в распределителе почти не было продуктов. Большинство эвакуированных были пожилыми и больными людьми, которые вели в основном научную работу, и мало кто из них был в состоянии заниматься на постоянной основе преподавательской деятельностью. На свою зарплату они не имели возможности покупать продукты на рынке. По приезде в Алма-Ату они были прикреплены к правительственной столовой и буфету, но с 1 июня их лишили столовского пайка. П.Ф. Юдин как мог пытался исправить эту ситуацию. Он, Кольман и Берестнев неоднократно обращались к казахстанским руководителям за помощью, но безрезультатно. 28 июня 1942 г. Юдин направил соответствующее письмо первому секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцову¹. 24 августа 1942 г. он написал письмо с просьбой помочь сотрудникам института на имя первого заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова².

Несмотря на сложности, сотрудники алма-атинского отделения института продолжали выполнять свой служебный и патриотический долг. В 1942 г. были подготовлены к печати брошюры на актуальные темы Берестнева, Быховского, Кольмана, Максимова, Путинцева. 8 апреля 1942 г. отделение провело заседание к 20-летию статьи Ленина «О значении воинствующего материализма». Свои статьи сотрудники высылали в редакцию журнала «Под знаменем марксизма».

В 1943 г. необходимость сохранять два отделения отпала. Руководство института поставило вопрос о реэвакуации сотрудников и увеличении штатной численности института. 17 февраля 1943 г. из Алма-Аты к месту постоянной работы в Москву выехали Э.Я. Белецкий, Э.Я. Кольман, Ф.М. Путинцев, П.С. Трофимов³. 27 апреля 1943 г. они прибыли в Москву. В.Ф. Берестнев приехал раньше — в октябре 1942 г.⁴ Алма-атинское отделение Института прекратило свое существование.

Вернувшись в Москву, В.Ф. Берестнев до января 1943 г. продолжал работать зам. директора Института философии АН СССР, а затем заведовал кафедрой философии АН СССР.

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Д. 108. Л. 3.

³ Там же. Д. 119. Л. 1.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Учетная карточка члена КПСС № 03078588 (1973).

В 1944 г. в советской философии произошла смена руководства: группу Митина — Юдина сменила группа Г.Ф. Александра. Все представители группы Митина — Юдина лишились своих руководящих постов и перешли на преподавательскую работу. В.Ф. Берестнев с октября 1944 г. заведовал кафедрой в Московском государственном художественном институте. 25 мая 1946 г. ВАК присвоил ему ученое звание профессора.

После философской дискуссии 1947 г. позиции группы Александра были подорваны. В августе 1947 г. В.Ф. Берестнев вернулся в Институт философии на должность зав. сектором эстетики. 29 января 1949 г. ему была присуждена ученая степень кандидата философских наук.

14 марта 1949 г. по совместительству с работой в АН СССР В.Ф. Берестнев был назначен деканом философского факультета МГУ. В.Ф. Берестнев пытался обновить систему преподавания на факультете. Он выступил с докладом «О мерах по улучшению подготовки философских кадров на философских факультетах университетов» на Всесоюзном совещании преподавателей общественных наук. В своем докладе декан сказал, что в существующем учебном плане недостаточное внимание уделяется подготовке студентов-философов в области конкретных наук. Он предложил увеличить срок обучения на факультете до шести лет, увеличить объем преподавания основных философских дисциплин, ликвидировать отделение логики, сохранив отделение психологии. Отделение философии предполагалось разделить на естественно-научный и гуманитарный циклы, а на циклах ввести преподавание конкретных наук (математика, физика, химия, биология; всемирная история, история СССР, история русской и советской литературы). Декан предложил также углубить специализацию студентов за счет введения в учебный план спецкурсов, спецсеминаров, курсовых работ (с III курса), а также предоставить на III и IV курсах один день, а на V — два дня для самостоятельной работы студентов¹.

Поскольку предложение увеличить срок обучения до шести лет не прошло, выделить дополнительное количество часов одновременно на философские и общеобразовательные дисциплины оказалось невозможным. В соответствии с представлениями того времени о философском образовании приоритет был отдан частным наукам. В тот период особенностью учебных планов философского факультета действительно было то, что в больших объемах учебных часов преподавались конкретные науки: физика, биология, история. Видимо, поэтому выпускники факультета тех лет с благодарностью вспоминают о полученном тогда образовании: кто хотел учиться — мог получить хорошие разносторонние и фундаментальные знания. Что касается собственно философ-

¹См.: Берестнев В.Ф. О мерах по улучшению подготовки философских кадров на философских факультетах университетов // Вопр. философии. 1949. № 1. С. 371—372.

ских дисциплин, то студенты могли получить основательные знания по истории философии и логике¹.

В связи с загруженностью в Институте философии времени для руководства факультетом у нового декана оставалось мало. Как свидетельствует А. Д. Косичев, декан бывал на факультете один-два раза в неделю. А это было время острой борьбы между различными группами философов (достаточно вспомнить сторонников и противников профессора Э. Я. Белецкого). Как ближайший соратник П. Ф. Юдина, В. Ф. Берестнев, естественно, занимал антибелецкианские позиции. Партбюро факультета по указанию ЦК ВКП(б) вынуждено было «отыгрывать назад» решения мартовского факультетского партсобрании о вынесении партвызысканий и увольнении Белецкого и его сторонников из МГУ. По словам А. М. Ковалева, бывшего тогда секретарем факультетского партбюро, В. Ф. Берестнев, «обычно ссылаясь на партийное бюро, ни одного решения сам не принимал»². Вместе с тем партбюро факультета, выражая настроения ведущих советских философов, пыталось вернуть утраченные позиции. 16 июня 1949 г. В. Ф. Берестнев вместе с А. М. Ковалевым и секретарем парткома МГУ А. М. Прокофьевым подписал письмо на имя Г. М. Маленкова, в котором они обвиняли Белецкого и его сторонников в групповщине, зажиме самокритики, потере политической бдительности. Чтобы исправить «крайне тяжелое положение», сложившееся, по их словам, на факультете, авторы письма предлагали отстранить Белецкого от работы в университете³. 20 июня 1949 г. Г. М. Маленков поручил разобраться с этим вопросом министру высшего образования СССР С. В. Кафтанову. 1 июля 1949 г. в письме на имя Маленкова Кафтанов отверг все обвинения, возведенные на Белецкого в письме руководителей философского факультета, и сделал вывод, что для освобождения Белецкого от должности не имеется оснований⁴. 8 июля 1949 г. ЦК ВКП(б) отменил все решения, направленные против Э. Я. Белецкого. Ситуация стала тупиковой. Факультет лихорадило, все это угнетало

¹ См.: *Пятигорский А., Садовский В.* Как мы изучали философию // *Свободная мысль.* 1993. № 2. С. 42–54; *Садовский В. Н.* Философия в Москве в 1950-е и 1960-е годы // *Вопр. философии.* 1993. № 7. С. 147–163; *Соколов В. В.* Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни // *Вопр. философии.* 2001. № 1. С. 69–82; *Он же.* Моя работа на философском факультете в предвоенные и послевоенные годы // *Философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Очерки истории.* М., 2002. С. 156–164; *Он же.* Ответы (и комментарии) на вопросы журнала «Вопр. философии» // *Вопр. философии.* 2009. № 11. С. 133–146.

² Интервью с А. М. Ковалевым // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия.* 2002. № 4. С. 13.

³ См.: *Косичев А. Д.* Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 150–153.

⁴ Там же. С. 153–156.

В.Ф. Берестнева. «Он заболел и вынужден был лечь в больницу. Наконец, сам подал заявление об уходе с поста декана»¹. 24 октября 1949 г. руководство отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направило Г.М. Маленкову докладную записку. В записке говорилось, что В.Ф. Берестнев как декан не справляется со своими обязанностями, и предлагалось освободить его от этой должности по состоянию здоровья². Отставка В.Ф. Берестнева состоялась 29 ноября 1949 г.

В феврале 1951 г. В.Ф. Берестнев поступил в докторантуру Института философии АН СССР. 6 июня 1954 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук и 8 января 1955 г. был утвержден в докторской степени. С мая 1953 г. работал в Институте философии старшим научным сотрудником, а после защиты диссертации с мая 1955 г. заведовал сектором эстетики, с апреля 1956 г. был зам. директора Института, с ноября 1959 г. вновь заведовал сектором эстетики. Был он и зам. председателя экспертной комиссии ВАКа.

Благополучная жизнь была прервана тенью, восставшей из прошлого. Из сталинских концлагерей вернулся П.И. Шабалкин³. Он решил призвать к ответу тех, кто искалечил его судьбу и погубил его товарищей. 24 октября 1961 г. П.И. Шабалкин направил на имя Н.С. Хрущева письмо, наполненное болью, в котором требовал восстановить справедливость. Он писал: «Конкретными и прямыми виновниками всех моих злоключений являются нынешние академики: Митин М.Б., Юдин П.Ф., профессора Константинов Ф.В. и Берестнев В.Ф. В 1929—1932 гг. я учился в Институте красной профессуры вместе с Юдиным и Константиновым в одной учебной группе, можно сказать, на одной учебной скамье. Во время учения, особенно в период известной философской дискуссии (1930—1931 гг.), мне пришлось резко критиковать недостатки в работе бюро первичной партийной организации Института, секретарем которого был Юдин, а членами — Митин и Константинов.

Я обвиняю всех этих лиц в клевете, которая послужила поводом для ареста меня органами НКВД и легла в основу всех чудовищных обвинений. Пользуясь своим, по сути дела, монопольным положением в редколлегии, эти лица превратили журнал “Под знаменем марксизма” в поставщика инсинуаций и клеветы против неугодных им людей.

Отождествив свои ошибки и свою низкую философскую культуру с линией партии в вопросах философии, эти люди клевету сделали своей профес-

¹ Там же. С. 18.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304283.

³ Шабалкин Павел Иванович (27.07.1904 — 28.02.1965). Похоронен в колумбарии Новодевичьего кладбища.

сией. В своей гнусной деятельности они не затрудняли себя доказательствами и фактами. Тем более что никаких фактов не было, их неоткуда было взять. Пусть они, вот теперь, приведут хоть один факт в доказательство своих чудовищных обвинений в предательстве, в терроризме, в измене Родине и в том, что будто я вел борьбу против линии партии в вопросах философии. Пусть они скажут — из каких грязных источников черпали грязные помои, которыми обливали честных и чистых коммунистов. Пусть скажут: для какой цели они серьезный философский журнал превратили в орган травли и дикой проработки своих же коммунистов, для чего они устраивали шабаш ведьм? Для чего и кому поставляли клевету?

На слезах, на крови и трагических страданиях своих же товарищей по партии эти люди делали свое благополучие и карьеру. Страшен «итог» их «плодотворной» деятельности»¹.

Отдельная строка в письме была посвящена Берестневу. Шабалкин квалифицировал его как «борзого клеветника», который «выдумывал чудовищные обвинения, облакая их в наукообразную форму, «философическую» терминологию, не заботясь о фактах и доказательствах»².

М.Б. Митину, П.Ф. Юдину, Ф.В. Константинову и В.Ф. Берестневу пришлось писать 15 июня 1962 г. в ЦК КПСС ответ на эти сочащиеся кровью и исполненные гнева страницы. Они не смогли придумать ничего лучшего, кроме как утверждать, что не имели никаких личных счетов с П.И. Шабалкиным и другими слушателями ИКП из-за их критических выступлений, а статьи в журнале поместили, так как «верили органам Госбезопасности», арестовавшим этих лиц.

Ознакомившись с этим «объяснением», П.И. Шабалкин во втором письме в ЦК КПСС от 1 июля 1962 г., опираясь на факты, показал, что статьи в журнале «Под знаменем марксизма» предшествовали арестам, и назвал эти статьи «сознательной клеветой». «Юдин и Константинов знали меня как свои пять пальцев, я знал их. В годы совместного учения мы бывали друг у друга. Их никто не мог ввести в заблуждение, и им не спрятаться за мертвые спины злейших врагов народа Ежова и Берия»³.

Это свидетельство очевидца совпадает с объективной оценкой исследователя. Говоря о погромных пассажах в статьях В.Ф. Берестнева 1936 года в адрес «членов шабалкинской группы» с обвинениями в терроризме и предательстве, И.И. Яхот в своей знаменитой книге о «подавлении философии в СССР» писал: «Трудно яснее высказаться, чтобы читатель понял: речь идет о людях, которые просто выступали против Митина, Юдина и других, как

¹Философские науки. 1992. № 1. С. 137, 138.

²Там же. С. 137.

³Там же. С. 138, 141.

выражается Берестнев, «товарищей, возглавлявших борьбу с деборинцами». И их за это уничтожили физически, объявляя предателями, шпионами»¹.

Хотя официальных решений по письмам П.И. Шабалкина принято не было, они получили широкое распространение в самиздате. В январе 1962 г. В.Ф. Берестнев был освобожден от должности зав. сектором эстетики Института философии АН СССР и остался старшим научным сотрудником. А в сентябре 1963 г. состоялось очередное переизбрание по конкурсу на должность старшего научного сотрудника сектора эстетики, и Берестнев не прошел по конкурсу. «Он это очень болезненно переживал. Уход из Института философии, где он был, по существу, руководителем, вызвал у него сильную психологическую травму»².

В ноябре 1963 г. В.Ф. Берестнев был вынужден перейти на кафедру философии МГПИ им. В.И. Ленина, где работал профессором, а с сентября 1974 г. — профессором-консультантом. Он был одним из авторов учебника «Обществоведение», вышедшего в 1971 г. и переизданного в 1973 г.

В свободное время В.Ф. Берестнев увлекался живописью, рисовал портреты знакомых.

В.Ф. Берестнев был награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1947), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975).

Умер Владимир Федорович Берестнев в феврале 1977 г. в Москве.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Учетная карточка члена КПСС № 03078588 (1973).

Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34л. Д. 781.

Сочинения

К изучению ленинизма. Владикавказ, 1927. 69 с.

Из опыта работы базовых партшкол // В помощь партучебе. 1930. № 17–18. С. 53–55.

Для чего нужна чистка партии // Пропагандист. 1933. № 4. С. 31–33.

Тридцатилетие большевистской партии // Под знаменем марксизма. 1933. № 4. С. 1–28.

Рец. на кн.: Диалектический и исторический материализм. Ч. 2. Исторический материализм. М., 1932 // Под знаменем марксизма. 1934. № 1. С. 177–189. Соавторы: А.Д. Авенир, В.С. Паукова, Б.Ю. Сливкер, Н.Е. Шелкопляс.

¹ *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // *Вопр. философии.* 1991. № 10. С. 98.

² *Косичев А.Д.* Философия. Время. Люди. С. 19.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ БЕРЕСТНЕВ

Борьба партии на два фронта в период социалистической реконструкции // Фронт науки и техники. 1934. № 1. С. 42—55.

Логика фракционной борьбы (от оппозиции к контрреволюции) // Под знаменем марксизма. 1935. № 3. С. 120—148.

Советская страна к своему совершеннолетию // Под знаменем марксизма. 1935. № 6. С. 10—24.

Институт красной профессуры философии в борьбе за выполнение указаний товарища Сталина // Под знаменем марксизма. 1936. № 4. С. 141—150.

О положении на философском фронте и задачах Института красной профессуры философии // Под знаменем марксизма. 1936. № 10. С. 123—133.

О проекте Программы по диалектическому и историческому материализму // Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 128—129.

Партия Ленина—Сталина в борьбе за победу социализма // Советское строительство. 1937. № 9—10. С. 134—135.

О проекте Программы по диалектическому и историческому материализму // Высшая школа. 1937. № 8—9. С. 56—89.

Коммунистическое воспитание // Большая советская энциклопедия. Т. 33. М., 1938. Стб. 833—838.

Меньшевиствующий идеализм // Большая советская энциклопедия. Т. 38. М., 1938. Стб. 827—830.

О подготовке кадров по философским и экономическим дисциплинам // Советская наука. 1938. № 2. С. 110—116. Соавтор: А. Ходжаев.

О преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей // Под знаменем марксизма. 1938. № 3. С. 23—50.

О преподавании диалектического и исторического материализма // Под знаменем марксизма. 1938. № 7. С. 168—180.

Исторический материализм // Краткий философский словарь. М., 1939. С. 95—101.

Торжество учения Ленина—Сталина о победе социализма в СССР // Пропагандист. 1939. № 2. С. 16—22.

Учение Ленина—Сталина о победе социализма в одной стране // Под знаменем марксизма. 1939. № 2. С. 177—193.

Победа социализма в СССР и развитие культурной революции // В помощь партийной учебе. 1939. № 6. С. 3—4.

Изучение основ марксизма-ленинизма в высшей школе // Советская наука. 1939. № 6. С. 102—111. Соавтор: М.А. Леонов.

Манифест побеждающего коммунизма // Большевик Украины. 1939. № 9.

О коммунистическом воспитании трудящихся и преодолении пережитков капитализма в сознании людей // Пропагандист. 1939. № 11. С. 6—12.

Об идейном содержании лекций // Правда. 1939. 19 мая. Соавтор: М.А. Леонов.

Производительные силы общества и производственные отношения людей // Большая советская энциклопедия. Т. 47. М., 1940. Стб. 145—162.

Торжество учения Ленина—Сталина о победе социализма в СССР // В помощь изучающим историю ВКП(б). Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 146—160.

Теоретические основы большевистской партии // Историко-революционный календарь. М., 1940. С. 571—584*.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

О полном соответствии производственных отношений производительным силам в социалистическом обществе // Проблемы экономики. 1940. № 5–6. С. 28–45.

Революция культурная // Большая советская энциклопедия. Т. 48. М., 1941. Стб. 449–463.

Институт философии Академии наук СССР за 10 лет // Под знаменем марксизма. 1941. № 1. С. 161–165.

Ненавидеть и беспощадно истреблять фашистское зверье. Алма-Ата, 1942. 56 с. (переведена на казахский язык).

Партия Ленина—Сталина — руководящая и направляющая сила развития советского общества // О советском социалистическом обществе. М., 1948. С. 241–297.

Критика и самокритика — движущая сила нашего развития // Молодой большевик. 1948. № 2. С. 27–38.

Проект Программы курса «Основы марксистско-ленинской эстетики» // Вопр. философии. 1948. № 2. С. 339–348. Соавтор: П.С. Трофимов.

О мерах по улучшению подготовки философских кадров на философских факультетах университетов // Вопр. философии. 1949. № 1. С. 371–372, 378.

О социалистической культуре и культурной революции в СССР // Большевик. 1951. № 10. С. 21–34.

О советской социалистической культуре: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1954. 1060 с.

О советской социалистической культуре: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1954. 30 с.

Книга о советской культуре: Рец. на кн.: Карпов Г.Г. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954 // Коммунист. 1954. № 17. С. 123–128.

Четвертая сессия Пакистанского философского конгресса // Вопр. философии. 1957. № 5. С. 165–166.

На IV сессии Пакистанского философского конгресса // Вестн. АН СССР. 1957. № 7. С. 62–64.

Основы марксистской философии. М., 1958. 688 с. В соавторстве.

На XVII конгрессе Международного института социологии // Вопр. философии. 1958. № 1. С. 168–170. Соавторы: Ю.Н. Семенов, С.Г. Широян.

Международная встреча социологов // Новое время. 1958. № 5. С. 14–16. Соавторы: К.В. Островитянов, П.Н. Федосеев.

Выступление на координационном совещании в Институте философии АН СССР // Вестн. АН СССР. 1959. № 8. С. 111.

Виды и жанры искусства // Основы марксистско-ленинской эстетики. М., 1960. С. 462–526. Соавторы: Ю.Б. Боров, Ю.Д. Колпинский, А.И. Тимофеев. Книга переведена и издана в Софии в 1961 г.

Основы марксистской философии. М., 1960. 672 с. Соавторы: Г.Е. Глезерман, М.А. Дынник, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, М.М. Розенталь, Ю.П. Францев, П.Н. Федосеев, А.Ф. Шишкин.

Основы марксистской философии. М., 1962. 656 с. Соавторы: Г.Е. Глезерман, М.А. Дынник, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, М.М. Розенталь, Ю.П. Францев, П.Н. Федосеев, А.Ф. Шишкин.

Основы марксистской философии. М., 1963. 656 с. Соавторы: Г.Е. Глезерман, М.А. Дынник, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, М.М. Розенталь, Ю.П. Францев, П.Н. Федосеев, А.Ф. Шишкин.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ БЕРЕСТНЕВ

Основы марксистской философии. М., 1964. 671 с. Соавторы: Г.Е. Глезерман, М.А. Дынник, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, М.М. Розенталь, Ю.П. Францев, П.Н. Федосеев, А.Ф. Шишкин.

Проблемы эстетики // История философии. Т. VI. Ч. 1. М., 1965. С. 443—470. Соавторы: Н.А. Лейзеров, В.З. Роговин.

Эстетика // Марксистско-ленинская философия в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965. С. 188—192. Соавтор: В.З. Роговин.

Эстетика // Марксистско-ленинская философия в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965. С. 289—297. Соавтор: В.З. Роговин.

Рец. на кн.: *Гольдентрихт С.С.* О природе эстетического творчества. М., 1966 // Вопр. философии. 1968. № 1. С. 165—166. Соавтор: М.П. Гальперин.

Обществоведение. М., 1970. 439 с. Соавторы: Л.Т. Антоненков, В.С. Готт, А.Я. Гончарова, М.В. Грязнов, И.П. Далматов, Ю.В. Дербинов, Д.И. Долгих, А.М. Икан, Л.Т. Карabanова, Н.С. Карташева, Д.И. Козлова, М.В. Лашина, М.П. Лебедев, А.М. Мочалов, А.Р. Мудрый, А.А. Пухов, Л.Е. Серебряков, С.Г. Спасибенко, В.А. Сулемов, М.И. Шумаков.

Обществоведение. М., 1973. 480 с. Соавторы: Л.Т. Антоненков, В.С. Готт, А.Я. Гончарова, М.В. Грязнов, И.П. Далматов, Ю.В. Дербинов, Д.И. Долгих, А.М. Икан, Л.Т. Карabanова, Н.С. Карташева, Д.И. Козлова, М.В. Лашина, М.П. Лебедев, А.М. Мочалов, А.Р. Мудрый, А.А. Пухов, Л.Е. Серебряков, С.Г. Спасибенко, В.А. Сулемов, М.И. Шумаков.

Литература

Теплов Е. За что мы их ненавидим: Рец. на кн.: Берестнев В. Ненавидеть и беспощадно истреблять фашистское зверье. Алма-Ата, 1942 // Казахстанская правда. 1942. 9 декабря.

Н.З. О новом проекте Программы «Основы марксистско-ленинской эстетики», составленном В.Ф. Берестневым и П.С. Трофимовым: Обзор замечаний и предложений // Вопр. философии. 1948. № 3. С. 327—339.

Берестнев Владимир Федорович // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 149.

Владимир Федорович Берестнев (Некролог) // Ленинец. 1977. 24 февраля.

Владимир Федорович Берестнев (Некролог) // Философские науки. 1977. № 3. С. 190.

Косичев А.Д. В.Ф. Берестнев (1901—1977) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 261—262.

Алексеев П.В. Берестнев Владимир Федорович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 111.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЛЬЦЕВ

И.о. декана в 1949 г.

Василий Иванович Мальцев родился 19 января (1 февраля) 1906 г. в Петербурге в семье слесаря Балтийского судостроительного завода; мать — разнорабочая. По найму начал работать с 13 лет — в летние месяцы. С апреля 1922 г. две навигации плывал матросом на нефтяных баржах управления Северо-Западного Волжского государственного речного пароходства (г. Рыбинск) по Мариинской водной системе. По окончании краткосрочных курсов культурорганизаторов с января 1924 г. был инструктором клубного бюро Пролеткульта в Рыбинске, а с августа 1925 г. — в Иваново-Вознесенске. В сентябре 1927 г. Иваново-Вознесенским губкомом ВКП(б) В.И. Мальцев был направлен на учебу в Москву на политико-просветительское отделение Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. По окончании академии с августа 1931 г. работал в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького директором учебного комбината и заведующим городком «Наука и техника».

В сентябре 1932 г. В.И. Мальцев поступил в аспирантуру МИФЛИ. Его научным руководителем был И.И. Новинский. В 1935 г. окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Диалектический материализм и дарвинизм», получив 27 ноября 1935 г. степень кандидата философских наук.

С сентября 1935 г. В.И. Мальцев работал доцентом кафедры основ марксизма-ленинизма Томского государственного университета. В ТГУ он был заместителем заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма, а в 1940 г. — проректором по научно-исследовательской работе. В 1938 г. получил выговор без занесения в личное дело «за притупление бдительности». 5 октября 1939 г. В.И. Мальцеву было присвоено ученое звание доцента.

В октябре 1940 г. В.И. Мальцев был по конкурсу избран доцентом кафедры диалектического материализма МГУ и по разрешению наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина переехал в Москву. В декабре 1941 г. в связи с воссозданием философского факультета МГУ В.И. Мальцев был назначен заместителем декана.

В октябре 1942 г. В.И. Мальцев был призван в армию и в ноябре 1942 г. направлен в Уральский военный округ, в г. Кыштым, на курсы младших лейтенантов. С августа 1943 г. он командовал ротой автоматчиков в 73-й стрелковой дивизии на Степном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. С июля 1944 г. служил агитатором политотдела 113-й стрелковой дивизии 57-й армии на 3-м Украинском фронте. Старший лейтенант В.И. Мальцев прошел боевой путь от Харь-

кова через Румынию, Болгарию и Югославию до Южной Венгрии. С января по декабрь 1945 г. был преподавателем кафедры марксизма-ленинизма военного факультета Московского института физкультуры.

В январе 1946 г. В.И. Мальцев вернулся на должность доцента философского факультета МГУ. С мая 1949 г. работал заместителем декана по научной части. Был директором вечернего университета марксизма-ленинизма при МГУ.

В ноябре 1949 г., после того как В.Ф. Берестнев по болезни ушел с работы декана философского факультета МГУ, В.И. Мальцев исполнял обязанности декана. А.Д. Косичев так описывает это время: «Факультет временно остался без декана, но продолжал успешно работать. Правда, ходили самые разные версии о новом назначении. Различные группы профессоров и преподавателей стремились подыскать такого кандидата, который бы отвечал их интересам — научным и педагогическим. Но это были напрасные потуги, так как назначение декана от них не зависело. До самого последнего времени мы не знали, кто будет деканом факультета»¹. Им стал А.П. Гагарин. Фактически он появился на факультете в январе 1950 г.

В 1953 г. В.И. Мальцев подготовил докторскую диссертацию. 20 января 1955 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Диалектический материализм и вопросы логики». 8 октября 1955 г. он был утвержден в степени доктора философских наук. С июня 1956 г. работал в должности профессора кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ. 28 сентября 1960 г. В.И. Мальцев был утвержден в ученом звании профессора.

Свою позицию в философской борьбе В.И. Мальцев занял, выпустив в 1959 г. брошюру о борьбе против механицизма в советской философии. Брошюра эта ни на шаг не отступала от того канона, который был задан постановлением ЦК ВКП(б) 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма». Ручательством правоты брошюры был и тот факт, что ее ответственным редактором выступил И.Я. Щипанов. И хотя в ней не было сказано ни одного доброго слова в адрес деборинцев — тех, кто действительно боролся с механистами, она заслуживает положительной оценки своей критической направленностью. Критика механистических тенденций в философии, безусловно, была и будет полезной. Механисты 1920-х гг. (А.К. Тимирязев, А.И. Варьяш, С.С. Перов и др.) возрождали позитивистский нигилизм в отношении философии. Сегодня подобные настроения также достаточно распространены. Практическим их выражением стала отмена кандидатского экзамена по философии в аспирантуре и замена его экзаменом по истории и философии науки. В наше время исторические реалии 1920-х гг. и место в них механистов вы-

¹Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 19.

глядят смещенными даже у такого выдающегося исследователя, как В.Ф. Пустарнаков¹. В этих условиях вполне объяснимы и оценки, явно искажающие историческую истину: некоторые авторы представляют механистов защитниками самостоятельности науки, а деборинцев — разоблачителями и доносителями, подавлявшими самостоятельные искания ученых². Правда истории, наоборот, состоит в том, что сторонники деборинской школы не только принимали новейшие достижения естествознания, но и активно занимались их методологическим осмыслением, прежде всего в физике и биологии; механисты же отвергали сами новые научные результаты в физике и в биологии, используя при этом идеологические аргументы. В.И. Мальцев четко зафиксировал позитивистский характер учения механистов и на конкретных примерах показал их неспособность решать такие философские проблемы, как, например, проблема структурной сложности и качественной несводимости более сложных форм организации к более простым.

Место В.И. Мальцева в истории философского факультета 1960—1970-х гг. обусловлено его участием в группе «диалектических логиков», в которую помимо него входили профессора М.Н. Алексеев и В.И. Черкесов. Этот период ознаменован борьбой между «формальными» и «диалектическими» логиками на кафедре логики. Ряд лет кафедрой заведовал В.И. Черкесов, затем М.Н. Алексеев. Продуктивных результатов борьба не имела и иметь не могла, ибо диалектическая логика как философская дисциплина еще не сложилась, а по своему статусу в рамках философского знания находится на более высоком уровне абстрагирования, чем логика в собственном смысле слова и не сводится к учению о формах мышления.

Необходимость диалектической логики В.И. Мальцев аргументировал потребностью отразить предметы и явления в их развитии. Формальную логику он рассматривал как предпосылку диалектической, поскольку вскрытие различий и противоположностей необходимо, чтобы обнаружить изменения, а чтобы обнаружить связь и единство объектов, нужно выявить степень их тождественности друг другу³. Ключевое различие формальной и диалектической логики В.И. Мальцев справедливо усматривал в том, как понимается «общее». В формальной логике «общее» выступает как совокупность тождественных признаков. Но при отображении объектов в их изменении, развитии

¹ См.: Пустарнаков В.Ф. Свет и тени в истории советской философии // *Вопр. философии*. 1997. № 11. С. 10—11.

² См.: Огурцов А.П., Филатов В.П. Подавление философии в СССР // *Русская философия: Малый энциклопедический словарь*. М., 1995. С. 414.

³ См.: Мальцев В.И. О некоторых чертах диалектической логики // *Ученые записки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*. Вып. 190. М., 1958. С. 3—26.

и многосторонних связях нельзя игнорировать особенное и индивидуальное, ибо именно в них заключается возможность перехода случайного в необходимое. Общее не существует вне и помимо единичного, и потому развитие единичного закономерно и может приводить к результатам, имеющим общее значение. Всякое понятие, отражающее органическую целостность, должно быть сложным, не сводимым к набору признаков. Оно должно отражать закономерное развитие объекта, его внутреннюю противоречивость, а также внутреннее единство объектов, охватываемых этим понятием, общность их происхождения. Фундаментальные понятия науки — «движение», «элемент», «вид», «ген» — эволюционируют от простой формально-логической формы с набором признаков к сложной диалектической форме. После открытий Менделеева при анализе химических элементов на первый план стали выходить не их константность, а их внутренние связи и возможность перехода одного вещества в другое. Поэтому для отображения такого сложного понятия в мышлении требуется мыслительная форма, которая не просто фиксировала бы общие признаки, а могла бы вскрыть моменты взаимной связи и взаимопревращения. Сложные диалектические понятия раскрывают сущность объекта в ее возникновении и развитии, в многосторонних связях целого, где само различие служит условием связи. В.И. Мальцев использует в качестве примера ленинское понятие класса. В этом понятии место в системе производственных отношений оказывается таким признаком, который присущ каждому классу, вместе с тем отделяет один класс от другого и, наконец, соединяет их в противоречивое единство. Наемный работник отчужден, его эксплуатируют. Но наниматель также отчужден, ведь, эксплуатируя других, он исключает себя из процесса деятельности. Налицо противоречивое единство, которое служит основой определения.

В своих работах по диалектической логике В.И. Мальцев отталкивался от известного положения В.И. Ленина о тождестве диалектики, логики и теории познания. Тождество — обнаружение общего — он понимал диалектически: не только как совокупность общих черт предметов, но и как закономерность их развития. Отсюда он делал справедливый вывод, что «обобщение как отражение объектов в их закономерном развитии не может удовлетвориться законами мышления, рассматриваемыми формальной логикой»¹. Обобщение как установление того или иного конкретного закона развития предполагает, согласно В.И. Мальцеву, вскрытие внутреннего противоречия изучаемого объекта.

Констатируя ограниченность родовидового способа определения, раскрывающегося через набор признаков, В.И. Мальцев взялся за решение такой сложной задачи, как установление способов определения понятия в диалек-

¹ Мальцев В.И. О единстве диалектики, теории познания и логики в марксистско-ленинской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1957. № 2. С. 83.

тической логике. Содержание понятия, утверждал он, не является агрегатом признаков, суммой взятых порознь черт, а должно отражать внутреннюю противоречивую связь, закон функционирования объекта. Он выделил следующие виды определения понятия в диалектической логике: определение через указание основы и новой ступени ее развития; определение через выражение в признаках противоречия; хорошо известное определение через соотношение предельно общих понятий. Автор ввел также, взяв за основу формулировки классиков, еще одну разновидность определения через соотношение: одно как «форма, способ существования» другого¹.

Выпущенный В.И. Мальцевым в 1964 г. «Очерк по диалектической логике» вызвал дискуссию в научной печати. Рецензенты отметили идеи автора о том, что в диалектической логике общее должно включать в себя внутреннюю противоречивую связь отображаемых явлений, что в конкретном, диалектическом понятии должны быть указаны различные и внутренне связанные противоположности. Упрек рецензентов вызвала нечеткость в определении предмета диалектической логики: что же все-таки она изучает? Автор и рецензенты сошлись, по крайней мере, на том, что предмет новой дисциплины включает в себя отражение движения в мышлении. В этом случае возникала новая проблема, решения которой не находилось: следует ли говорить об особых, диалектических формах понятий, суждений и умозаключений, не подвластных формальной логике?

В.И. Мальцев выступал по философским вопросам конкретных наук: биологии, психологии, лингвистики. В борьбе между биологами из «Ботанического журнала» и Т.Д. Лысенко по вопросу о внутривидовой борьбе он занял сторону последнего. Лысенко заявил широкой публике об очередном своем «открытии»: «Внутривидовой конкуренции в природе нет, и нечего ее в науке выдумывать». Оказывается, теория внутривидовой конкуренции в природе нужна лишь буржуазным ученым, чтобы оправдать мальтузианские выводы о борьбе за существование в обществе. «Аргументировал» свое «открытие» Лысенко в традиционном для себя демагогическом стиле: «Существует лишь конкуренция между видами — заяц ест волк, но заяц зайца не ест, он ест траву. Пшеница пшенице тоже не мешают жить»².

Биологам из «Ботанического журнала» и с биофака МГУ пришлось разъяснять «народному академику», что поедание зайцев волками не межвидовая конкуренция, а отношения «хищник — жертва» и что в литературе давно описана конкуренция именно между зайцами из-за пищи, удобных убежищ и т.д. Они показали, что утверждения Лысенко, будто теория внутривидовой конку-

¹ Мальцев В.И. Проблема определения понятий в диалектической логике // Проблемы диалектической логики. М., 1959. С. 3–26.

² Литературная газета. 1947. 18 октября.

ренции — мальтузианская, не что иное, как перенос биологических закономерностей в область социальной жизни¹.

Лысенко отвергал одно из важнейших положений научной биологии. Без внутривидовой конкуренции естественный отбор немислим. Среди особей данного вида действует естественная внутривидовая конкуренция. Уклонения от признаков вида первоначально совершаются в форме незначительных индивидуальных различий. Такое уклонение у какой-нибудь группы особей ослабляет конкуренцию между нею и исходным видом. Поэтому именно эти новые признаки сохраняются под действием естественного отбора. Наметившиеся среди потомков небольшие различия в дальнейшем углубляются, так как конкурирующим группам выгодно все более удаляться друг от друга. На начальных этапах расхождения признаков еще сохраняются особи, занимающие промежуточное положение между обособляющимися группами, но в борьбе за существование они неизбежно терпят поражение.

«Ценным вкладом» Лысенко в понимание вида В.И. Мальцев назвал усмотрение специфики внутривидовых отношений в увеличении численности вида. Как будто в размножении не играет никакой роли борьба между особями данного вида (отбор в брачных поединках и пр.)! Философ взялся даже утверждать, что внутривидовая борьба не получила обоснования фактами у самого Ч. Дарвина. Воспользовался он и типичным для лысенковцев приемом: обвинил оппонентов в мальтузианстве. Печально то, что в отличие от невежественного Лысенко В.И. Мальцев понимал роль внутривидовой борьбы в жизни организмов и даже вынужден был мягко заметить «народному академику», что, «чем больше внутривидовое разнообразие, тем шире круг возможностей для образования новых видов»².

В.И. Мальцев хвалил Т.Д. Лысенко за то, что в вопросе видообразования на первый план он выдвинул не внутривидовую конкуренцию, а изменения внешней среды. Между тем не всякая адаптация к изменениям среды окажется адекватной. Процесс видообразования нельзя понять, не учитывая объективного характера случайности, который лысенковцы отрицали: «Наука — враг случайностей!» Ведь речь идет о закономерностях статистического характера, где в основе необходимости лежит случайность. Достоин сожаления, что такой квалифицированный специалист в области диалектического материализма, как В.И. Мальцев, выступил в качестве апологета лысенковщины, помогал выдавать «учение» Лысенко с его примитивным метафизическим пониманием случайности за вершину диалектико-материалистической мысли. Великий диалектик Гегель прямо указывал: «...не следует понимать так, будто

¹ См.: Корсаков С.Н. Декан С.Д. Юдинцев // Природа. 2010. № 3. С. 63—71.

² Мальцев В.И. К вопросу о понятии биологического вида // Вопр. философии. 1959. № 7. С. 154.

случайное принадлежит лишь области нашего субъективного представления и поэтому должно быть всецело устранено для того, чтобы мы могли достигнуть истины»¹. И уж совсем не совместимой с лысенковщиной была позиция великого материалиста Маркса, который, как известно, утверждал, что «история имела бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли»².

Иную, положительную роль играли выступления В.И. Мальцева по вопросам психологии. Он твердо высказывался за признание идеального характера психического образа по отношению как к внешнему миру, так и, что существенно, к физиологическим процессам в мозгу человека³.

В философских вопросах языкознания В.И. Мальцев отстаивал тезис о языке как о материальном явлении. Он считал, что слову и языку в целом не принадлежит функция отражения. Отражает внешний мир не язык, а мышление. Язык есть материальное выражение мысли системой знаков. Слово не отражает действительности и безразлично к выражаемому через него идеальному содержанию. С В.И. Мальцевым можно согласиться: если бы действительность непосредственно содержалась в знаках языка, не было бы «мертвых» языков и проблемы чтения текстов на этих языках. Сам по себе знак не самостоятелен, предполагает необходимость установить связь между ним и идеальным содержанием⁴. Выражением соотношения звукового комплекса с понятием становится значение. В.И. Мальцев спорил с теми авторами, которые считали значение идеальным моментом, входящим в состав слова. С его точки зрения, значение — не отражение предмета, а отношение между ним и знаком, иначе говоря, значение есть отношение звукового комплекса не к предмету, а к понятию⁵. Слово материально, понятие идеально, значение есть отношение материального и идеального. Все это может показаться схоластическим теоретизированием. Но это не так. Если под значением разумеется понятие, последнее окажется лингвистической категорией. Если рассматривать значение в качестве идеальной стороны языка, мышление окажется частью языка и соответственно гносеология и логика должны стать лингвистическими дисциплинами. Именно филологизация философских проблем и самого стиля философствования (будь то в форме лингвистической философии или же в форме постмодернизма) ста-

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. С. 245.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

³ См.: Мальцев В.И. Еще раз о понимании психики // Философские науки. 1968. № 1. С. 85–90.

⁴ См.: Мальцев В.И. Семасиология и теория познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1965. № 6. С. 55–61.

⁵ См.: Мальцев В.И. Материальность языка и проблема лексического значения // Вопр. философии. 1965. № 11. С. 57–67.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЛЬЦЕВ

ла в наше время одной из основных опасностей для развития философии как рационального мировоззренческого мышления человека.

В 1968 г. В.И. Мальцев заболел и в марте 1970 г. был переведен на должность профессора-консультанта.

В.И. Мальцев был награжден орденом Красной Звезды (1944), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «За трудовую доблесть» (1951), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1965), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1968).

Василий Иванович Мальцев умер 22 февраля 1975 г.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 219394. Учетная карточка члена КПСС № 10468133 (1973).

Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Д. 4941.

Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 211. Л. 193—193 об.

Сочинения

Диалектический материализм и дарвинизм: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1935.

Проблема необходимости и случайности в учении Чарльза Дарвина // Под знаменем марксизма. 1939. № 9. С. 69—91.

Диалектический материализм и вопросы логики: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1953. 341 с.

Диалектический материализм и вопросы логики: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1953. 31 с.

Проповедь алогизма в буржуазной философии // Вестн. Моск. ун-та. 1953. № 1. С. 73—85.

Выступление на обсуждении книги «Диалектический материализм» // Вопр. философии. 1954. № 1. С. 202, 203, 204, 205, 206.

Философия // История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 394—397.

О ступенях познания // Вопр. философии. 1955. № 1. С. 142.

Вступительная статья // Корнфорт М. Наука против идеализма. М., 1957. С. 5—28.

О единстве диалектики, теории познания и логики в марксистско-ленинской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1957. № 2. С. 75—93.

Марксистско-ленинское учение о государстве. М., 1958. 71 с. Соавтор: С.П. Лебедев.

О некоторых чертах диалектической логики // Ученые записки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Вып. 190. М., 1958. С. 3—26.

Соотношение диалектики, теории познания и логики // Философские исследования. 1958. № 2 (на кит. яз.).

Учебное пособие по логике: Рец. на кн.: Логика / Под ред. Д.П. Горского, П.В. Та-ванца. М., 1956 // Вопр. философии. 1958. № 3. С. 171—176. Соавтор: С.И. Попов.

- Борьба в СССР против механицизма. М., 1959. 24 с.
- Проблема определения понятий в диалектической логике // Проблемы диалектической логики. М., 1959. С. 3—26.
- Вопросы диалектической логики в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Философские науки. 1959. № 4. С. 71—81.
- К вопросу о понятии биологического вида // Вопр. философии. 1959. № 7. С. 148—156.
- В.И. Ленин о диалектике отражения внешнего мира. М., 1960. 47 с.
- Место и роль категорий в диалектическом материализме. М., 1960. 44 с.
- Рец. на кн.: *Charlesworth M.* Philosophy and linguistic analysis. Pittsburgh, 1959. 234 p. // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1961. № 1. С. 53—58.
- Можно ли метод К. Маркса называть аналитическим? // Философские науки. 1961. № 4. С. 147—151.
- Рец. на кн.: *O'Neill R.* Theories of Knowledge. N.Y., 1960. 242 p. // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1962. № 1. С. 39—44.
- Значение и понятие // Проблема значения в лингвистике и логике. М., 1963. С. 3—7.
- Философия и революция // Селзам Г. Философия в революции. М., 1963. С. 5—16.
- Рец. на кн.: *Thorpe W.H.* Biology, psychology and belief. Cambridge, 1961. 60 p. // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1963. № 2. С. 44—50.
- Как освещать проблему единства диалектики, теории познания и логики? Рец. на кн.: *Черкесов В.И.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962 // Философские науки. 1963. № 3. С. 77—80.
- Очерк по диалектической логике. М., 1964. 189 с.
- Диалектический материализм: Методические указания. М., 1964. 140 с. Соавторы: Н.С. Козлов, С.П. Лебедев, В.И. Черкесов.
- Об ошибочных тенденциях в понимании психического // Философские науки. 1964. № 2. С. 116—125.
- О месте и задачах философских вопросов естествознания в марксистско-ленинской философии // Вопр. философии. 1964. № 6. С. 55—58.
- Предмет диалектической логики. М., 1965. 16 с. Соавторы: М.Н. Алексеев, В.И. Черкесов.
- Один из центральных вопросов диалектической логики: Рец. на кн.: *Батищев Г.С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1965. № 1. С. 89—91.
- Семасиология и теория познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1965. № 6. С. 55—61.
- Материальность языка и проблема лексического значения // Вопр. философии. 1965. № 11. С. 57—67.
- Ensayos de Logica Dialectica. Bogota, 1966.
- Предмет диалектической логики // Диалектика и логика научного познания. М., 1966. С. 286—301. Соавторы: М.Н. Алексеев, В.И. Черкесов.
- О противоречиях социалистической экономики // Философские науки. 1966. № 2. С. 90—97.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЛЬЦЕВ

Закон единства и «борьбы» противоположностей и проблема основного противоречия социалистической экономики // Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1967. С. 32—41.

Еще раз о понимании психики // Философские науки. 1968. № 1. С. 85—90.

Лексическое значение и понятие // Проблема знака и значения. М., 1969. С. 93—102.

Выступление на Ломоносовских чтениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 3. С. 74.

Диалектический материализм: Методические указания. М., 1975. 140 с. Соавторы: Ф.И. Георгиев, А.Я. Ильин, Е.И. Кукушкина, Н.С. Козлов, С.А. Лебедев, С.П. Лебедев, А.В. Панин, В.М. Федоров, В.И. Черкесов.

Литература

Мальцев Василий Иванович // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 287—288.

Габченко В.И. Интересная книга по диалектической логике: Рец. на кн.: Мальцев В.И. Очерк по диалектической логике. М., 1964. 189 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1965. № 2. С. 78—80.

Никитин П.И. Книга, предлагающая спор: Рец. на кн.: Мальцев В.И. Очерк по диалектической логике. М., 1964. 189 с. // Философские науки. 1965. № 4. С. 139—142.

Кузнецов К.Т., Чупахин И.Я. Книга, предлагающая спор: Рец. на кн.: Мальцев В.И. Очерк по диалектической логике. М., 1964. 189 с. // Философские науки. 1965. № 4. С. 142—146.

Мальцев Василий Иванович (Некролог) // Вечерняя Москва. 1975. 26 февраля.

Воронина Л.А., Герман Ш.М., Громов М.Н., Кочетков В.Ф., Михайлова Л.П., Самохвалов Н.И. Полезные пособия для студентов-заочников: Рец. на кн.: Диалектический материализм: Методические указания. М., 1975. 140 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 4. С. 81—82.

Молодцов В.С. В.И. Мальцев (1906—1975) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 252—254.

Алексеев П.В. Мальцев Василий Иванович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 596—597.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ГАГАРИН

Декан в 1949–1952 гг.

Алексей Петрович Гагарин родился 14 (26) марта 1895 г. в с. Хмелита Вяземского уезда Смоленской губернии двенадцатым ребенком в семье мало-земельного крестьянина-середняка. После столыпинской аграрной реформы наделная земля отца была продана с торгов местным кулакам Егору Михайлову и Разиным. Семья жила с доходов от усадьбы (продажа картофеля, огурцов, капусты). Овощи отец продавал в Вязьме для приобретения хлеба; также приторговывал табаком и другим бакалейным товаром.

Учиться Алексей Гагарин смог только на стипендию «для бедных крестьянских детей». В 1909 г. окончил земскую школу в родном селе и поступил учиться в Вяземское духовное училище, а затем — в Смоленскую духовную семинарию. Здесь он изучал греческий и латинский языки, а из новых языков — французский. В семинарии учился вместе с будущим известным писателем В.П. Ильенковым и будущим журналистом «Известий» Белянским. Семинарское начальство планировало направить его по окончании семинарии в духовную академию. Однако пребывание в семинарии привело Алексея Гагарина к разочарованию в теологии и религии вообще. Его как способного ученика удерживали, уговаривали, рисовали перспективы возможной духовной карьеры. В конце концов, в 1916 г. за политическую неблагонадежность и атеистическое вольнодумство он был намечен к исключению из семинарии. Тем не менее, он сдал в семинарии экзамен на звание учителя.

Впоследствии, став философом, А.П. Гагарин специализировался по истории и теории атеизма, а сам, несомненно, был атеистом. Но то ли воспринятая с детства обстановка православного богослужения, то ли мысли о том, что вся его жизнь могла сложиться иначе, время от времени приводили его в церковь. Очень ценно следующее свидетельство А.Д. Косичева, в течение длительного времени бывшего его заместителем в деканате философского факультета МГУ в начале 1950-х гг.: «В некоторые, особенно погожие солнечные дни А.П. Гагарин после обеда приглашал прогуляться по улице Герцена (теперь Большая Никитская) и рассказывал интересные истории из своей жизни, как он учился в религиозно-духовных учебных заведениях, какие писал работы по истории религии. Недалеко от университета в глубине двора по улице Герцена находилась старая действующая церковь. А.П. Гагарин приглашал зайти туда. Меня просил вести себя там серьезно и не смеяться. Когда он входил в церковь, такой импозантный, высокий, представительный, весь клир и присутствующие

богомольцы обращали на него внимание. Он стоял спокойный, уверенный в себе и о чем-то думал. Мне было тогда непонятно, что тянуло его в церковь. Ведь он считался неверующим. Вероятно, он вспоминал свои молодые годы, когда он учился в религиозно-духовных учебных заведениях»¹.

Грянула Февральская революция 1917 г. С марта 1917 г. А.П. Гагарин заведовал Хватов-заводским волостным отделом народного образования в Юхновском уезде Смоленской губернии. Сблизился с вяземскими и юхновскими большевиками и в октябре 1918 г. вступил в партию. В январе 1919 г. его избрали председателем, а после переименования этой должности — ответственным секретарем Юхновского укома РКП(б). Он постоянно был в разъездах по своему Юхновскому уезду, проявлял исключительную заботу о населении. Когда он приезжал куда-либо, его встречали криками: «Едет! Едет! Дядя Леша!» В 1918-1921 гг. служил в отрядах ЧОН, участвовал в борьбе против политического бандитизма в Юхновском уезде. В 1920 г. А.П. Гагарин был делегатом II Всероссийского съезда ответственных организаторов деревни, где слушал выступление В.И. Ленина. Вернувшись со съезда, А.П. Гагарин предложил Смоленскому губкому создать комиссию по изучению положения в деревне. На основании материалов, собранных комиссией, А.П. Гагарин опубликовал книгу «Хозяйство, жизнь и настроения деревни. По итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии». Книгой заинтересовался М.И. Калинин. Отдельные разделы книги перепечатывались в центральных газетах.

С начала Февральской революции А.П. Гагарин принял участие в очень напряженной борьбе с комиссаром Временного правительства по Вяземскому уезду и Хмелитской волости, сыном управляющего имением графини Гейден в Вазузе Хмелитской волости эсером Григорием Шугининым и поддерживавшими его кулаками Мамичевым, Разиным и др. Они всячески травили Гагарина. После Октябрьской революции Г. Шугинин вступил в партию большевиков и устроился в Москве в органы ВЧК—НКВД. Опасаясь разоблачения со стороны Гагарина, Шугинин принял меры по его дискредитации. В партийные органы через подставных лиц были направлены письма, в которых утверждалось, что Гагарин был попом и участвовал в крестьянских восстаниях. В 1921 г. во время чистки партии юхновские сторонники Шугинина настроили присланную из Смоленска проверочную комиссию во главе с Аренсом против Гагарина. В результате было принято беспрецедентное решение об исключении из партии секретаря Юхновского укома Гагарина вместе со всем составом укома. Вместо них во временный уком были назначены, по словам Гагарина, «пьяницы и бандиты» Беспалов и Буланов. Гагарин, однако, не растерялся. Он связался

¹ Косичев А.Д. *Философия. Время. Люди.* 2-е изд. М., 2007. С. 24.

с представителем смоленской контрольной комиссии Безайсом и членом ЦКК РКП(б) А.А. Сольцем. Они выслали на место чрезвычайную партийную комиссию и выездную сессию военного трибунала. Приехавшие представители власти полностью реабилитировали Гагарина и других членов укома, а «бандитскую группу» осудили. В январе 1922 г. А.П. Гагарин переехал в г. Рославль Смоленской губернии, где заведовал культурным отделом железнодорожных мастерских Орловско-Витебской железной дороги (свыше 4000 железнодорожников), был избран членом учпрофсожа и секретарем фракции РКП(б). Наладил здесь просветительскую работу, организовал вечернюю партшколу.

В сентябре 1922 г. А.П. Гагарин был утвержден зам. заведующего агитпропом Смоленского губкома ВКП(б). Одновременно с сентября 1924 г. он заведовал губсовпартшколой II ступени, где значительно улучшил постановку учебно-воспитательной работы. В это время он увлекся философией, издавал журнал «Долой богов». Экстерном окончил Смоленский государственный университет и с 1924 г. стал преподавать философию в университете и на рабфаке при нем.

В августе 1926 г. А.П. Гагарин был переведен на ту же должность зав. губсовпартшколой II ступени в Саратов. Здесь он был избран в правление Саратовского коммунистического университета и работал доцентом по диалектическому и историческому материализму в Саратовском государственном университете. В 1929 г. давний враг Гагарина Шугинин вновь собрал на него компромат, добавив, что Гагарин — «сын князя Гагарина из Сызранского уезда» (где Гагарин в действительности никогда не бывал). При этом сам Гагарин оставался в неведении о первоисточнике надуманных обвинений в свой адрес. По совокупности присланных материалов Саратовская городская контрольная комиссия ВКП(б) исключила Гагарина из партии. В это же время на родине его 75-летнего отца признали торговцем и лишили избирательных прав. Пока Гагарин опротестовывал эти решения, его отец умер. Гагарин собрал отзывы десятков коммунистов, знавших его с 1917-го г. Нижнее-Волжская краевая контрольная комиссия отменила решение Саратовской городской контрольной комиссии, но вынесла Гагарину выговор за несоблюдение финансовой дисциплины. В начале 1930 г. той же краевой контрольной комиссией выговор был снят.

В августе 1930 г. А.П. Гагарин был зачислен слушателем Института красной профессуры. Он был избран в партбюро института и старался зарекомендовать себя борцом за линию партии на философском фронте. В 1931 г., после того, как деборинцы были объявлены «меньшевистствующими идеалистами», А.П. Гагарин в своей статье приравнял их к меньшевикам-эмигрантам и западным социал-демократам («социал-фашистам», по терминологии того времени). Стремясь быть «святей папы», А.П. Гагарин тем самым взял на себя

функцию квалифицировать «формулу обвинения», что составляло прерогативу одной лишь «инстанции». А.П. Гагарин почувствовал, что хватил лишнего, и покаялся¹. В годы учебы А.П. Гагарин преподавал диалектический материализм в МГУ, Институте народного хозяйства им. Плеханова и в Академии советской торговли. В апреле 1932 г. он был зачислен доцентом по истории философии на философский факультет МИФЛИ.

В апреле 1933 г. А.П. Гагарин, как и многие столичные партработники, в разгар коллективизации был направлен на укрепление политотделов машинно-тракторных станций. А.П. Гагарина назначили начальником политотдела совхоза № 55 Николаевского района Сталинградского края. А.П. Гагарин сумел в короткое время добиться серьезных результатов в деле подъема экономики совхоза. За успехи в работе политотдела он был награжден орденом Ленина. После этого он был переведен в Сталинград, где работал зам. директора Сталинградского мясного треста по политчасти и преподавал в Сталинградском коммунистическом университете и других учебных заведениях.

В феврале 1936 г. А.П. Гагарин был вызван в Москву и назначен деканом и зав. кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МИФЛИ. Освоив немецкий язык, он подготовил и в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию «Франц Меринг и его философские взгляды». Работа А.П. Гагарина о Меринге была премирована дважды; второй раз — на Всесоюзном конкурсе молодых ученых под председательством академика В.А. Комарова. 17 мая 1938 г. А.П. Гагарин был утвержден ВАК в ученом звании профессора. В 1939 г. А.П. Гагарин защитил докторскую диссертацию на тему «Идеологический фронт классовой борьбы в России в 1917 году». Оппонентами по диссертации были Е.М. Ярославский, М.П. Баскин; 5 июля 1939 г. ВАК присудил ему ученую степень доктора философских наук.

По долгу службы А.П. Гагарин принимал активное участие в политическом шельмовании своих коллег — советских философов. В 1936 г. А.П. Гагарин, считая себя специалистом в области истории и философии западной социал-демократии, предъявил политические обвинения настоящему знатоку европейской социал-демократии И.М. Альтеру и видному дебординцу Г.К. Баммелю². Вскоре после этого оба названных философа были репрессированы.

Став деканом философского факультета МИФЛИ, А.П. Гагарин расширил масштабы репрессивных действий. В 1936 г. А.П. Гагарин вместе с зав. кафедрой истории философии МИФЛИ Г.Ф. Александровым занялся «проработкой» профессора кафедры исторического материализма МИФЛИ М.М. Фурщика, написавшего книгу о западной социал-демократии. Реден-

¹ Гагарин А.П. Письмо в редакцию // Антирелигиозник. 1932. № 5—6. С. 64.

² См.: Гагарин А.П. Критические заметки по вопросу о борьбе вокруг философского наследия Франца Меринга // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 117—125.

зенты обвинили профессора в антиленинизме и пропаганде социал-демократии: «Воспитавшись за границей на произведениях буржуазной философии и социал-демократических писаниях, М. Фурщик начал свою философскую деятельность в СССР, занимая, в основном, позиции меньшевистствующего идеализма. В 1930 г. Фурщик спутался с антипартийной шабалкинской группой вульгаризаторов марксизма, большинство участников которой, как в настоящее время выяснилось, скатилось на путь контрреволюционной троцкистско-террористической деятельности»¹. Не пощадили разоблачители и профессора кафедры истории философии МИФЛИ В.Г. Вандека, который в течение многих лет был научным руководителем Г.Ф. Александрова и помог ему защитить кандидатскую диссертацию: «Редактор этой книги т. Вандек сделал крупную ошибку, дав санкцию на выход в свет безусловно путаной и вредной книги, являющейся отрывком меньшевистствующего идеализма и механистических ошибок»².

10 мая 1936 г. на заседании парткома МИФЛИ А.П. Гагарин сделал доклад о борьбе с вредительством на философском факультете. Он сказал о том, что в ноябре 1935 г. парткомом был снят с работы заведующий кафедрой диамата Г.Ф. Дмитриев, разоблаченный как «враг народа». М.М. Фурщик был назван двурушником, который пытается скрыть свои антипартийные связи с Г.Ф. Дмитриевым. Партком вынес решение о постановке перед дирекцией института вопроса об отстранении М.М. Фурщика от работы. Бывший директор МИФЛИ М.И. Суслин и бывший декан философского факультета МИФЛИ А.А. Макаровский были обвинены в том, что вопреки решению парткома не приняли мер к своевременному снятию Г.Ф. Дмитриева с должности³.

В 1937 г. вышел из печати первый том «Ученых записок» МИФЛИ. Том был полностью посвящен статьям ученых философского факультета. А.П. Гагарин выступил со статьей о положении дел на факультете. В статье по существу была обоснована программа репрессий в отношении советских философов вообще и преподавателей факультета в частности. Жупел троцкизма, под который можно было подверстывать любое слово или дело, отождествлялся с кровавым inferнальным злом, а затем приклеивался ко всем неудобным.

В первую очередь досталось деборинцам. «Меньшевистствующий идеализм, — писал Гагарин, — был в рядах партии агентурой контрреволюцион-

¹ Александров Г.Ф., Гагарин А.П. Об антимарксистской вылазке под флагом защиты философии марксизма: Рец. на кн.: Фурщик М.М. Философия марксизма и современная социал-демократия. М., 1936 // Книга и пролетарская революция. 1936. № 11. С. 55.

² Там же.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 13031. Л. 6.

ного троцкизма: целый ряд изменников Родины, подлых террористов и предателей, окапывался за оградой меньшевистствующего идеализма»¹. Гагарин пошел даже дальше этой стандартной для 1937 г. обвинительной формулы, заявив, что дебординская школа — «меньшевистствующий идеализм» — была «тем каналом, по которому просачивались» в советскую философию фашистские течения. Выдающиеся советские философы оказывались не только вредителями и террористами, но и изменниками и агентами гестапо.

Следующими под обвинительный огонь Гагарина попали специалисты по философии и истории науки из разогнанного Института истории науки и техники, которым руководил Н.И. Бухарин. Он обвинил в «черной реакции» всех, кто работал в этом Институте и печатался в редактируемом Бухариным журнале «Социалистическая реконструкция и наука»: Я.И. Френкеля, Я.Н. Шпильрейна, В.А. Фока, М.П. Бронштейна, П.А. Флоренского². Вся новейшая физика оказалась у Гагарина «идеалистической пропагандой».

Наконец, А.П. Гагарин перешел к руководству МИФЛИ и философского факультета, заявив, что в его составе находилась «часть этих фашистских мерзавцев и шпионов иностранных разведок». А.П. Гагарин выражал удовлетворение по поводу того, что «прежние руководители Института и деканата были разоблачены как враги народа»³. «Бывший директор МИФЛИ предатель и контрреволюционер Пригожин пытался превратить МИФЛИ в штаб для контрреволюционных элементов», — так будущий профессор истмата Гагарин охарактеризовал А.Г. Пригожина, подлинного разработчика знаменитой истматовской «пятичленки». Среди разоблаченных «вредителей», преподававших в МИФЛИ, Гагарин называет историков С.А. Пионтковского и И.А. Занда, философов Г.Ф. Дмитриева и Левина. Неясно, какого Левина он имеет в виду: М.Л. Левина, дебординца, видного специалиста в области философии биологии, или Д.Д. Левина, заведовавшего кафедрой истмата, — оба были арестованы и погибли.

Теперь, после того, как «произведена полная смена руководства института и деканата», МИФЛИ и его философский факультет «энергично очищаются от “пригожинско-дмитриевского” охвостья». Чему же способствовали репрессии и в чем «крутой поворот» декана Гагарина? «На философском факультете

¹Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Труды Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 266.

²Единственный из этого перечня, кто не был репрессирован, — Я.И. Френкель. В.А. Фок арестовывался, но был выпущен благодаря заступничеству П.А. Капицы. Прочие были расстреляны.

³Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Труды Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. С. 267.

ликвидированы как чрезмерное увлечение изучением лишь идеалистических систем (Платона, Канта, Гегеля), так и недооценка историко-философского изучения материалистов и работ основоположников марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»¹.

Куда держать курс теперь, чтобы «ликвидировать как можно скорее все последствия вредительства и выкорчевать до конца все проявления всякого рода меньшевистствующего идеализма»? Нужно найти новых жертв. Гагарин сообщает, что «партийным коллективом преподавателей вскрыты крупные политические и философские ошибки в работах Тележникова, Фурщика, Вандека, Серезникова и др.»² Названные Гагариным философы, которых он собрался подвергнуть «критике и самокритике», еще находились на свободе. Все они были после публикации статьи Гагарина арестованы. Никто из них не выжил. Работы их были запрещены. Начало этому было положено все в том же первом томе «Ученых записок» МИФЛИ. Внимательный читатель отметит наличие в книге двух статей Г.Ф. Александрова: одна из них — по античной философии. Между тем в Российской государственной библиотеке сохранился отпечаток работы В.К. Серезникова о Сократе и Платоне из того же первого тома «Ученых записок» МИФЛИ, который по количеству страниц совпадает со второй статьей Г.Ф. Александрова. Но в «Ученых записках» никаких признаков работы В.К. Серезникова нет. Очевидно, что печатание тиража было приостановлено, и статья была подменена.

После того, как А.П. Гагарин публично заклеил своих коллег, людей, сделавших имя в философии еще в 1920-е гг. при А.М. Деборине, шансов выжить у них уже не оставалось. Понимали это они, прекрасно понимал это и Гагарин. Но он как чиновник-карьерист сталинского времени шел на это сознательно и сумел зарекомендовать себя преданным и решительным администратором в глазах высшего начальства.

Вместе с тем, есть разница между А.П. Гагариным и организаторами массового террора в отношении советских философов вроде М.Б. Митина или П.Ф. Юдина. Для них доносы — образ жизни. Иное дело — А.П. Гагарин, который, по всеобщим отзывам, был от природы по характеру своему добрым человеком.

Когда после посмертной реабилитации В.К. Серезникова его вдова стала хлопотать о назначении семье персональной пенсии и начала собирать для этого отзывы людей, знавших ее репрессированного мужа, первым откликнулся А.П. Гагарин. В заявлении от 2 января 1956 г. он всячески поддержал ходатайство о назначении семье В.К. Серезникова персональной пенсии, сославшись при этом на выдающиеся научные заслуги этого профессора МИФЛИ. О том,

¹ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ. С. 267.

² Там же. С. 269.

что привело к аресту В.К. Серезникова, А.П. Гагарин высказался предельно лаконично: «Причина ареста его нам была неизвестна»¹. Невозможно представить себе Митина, ходатайствующего о назначении персональных пенсий семьям его жертв. Таково было время, и таковы были люди, многие из которых не подлежат однозначной оценке и подобны в своей противоречивости надгробному памятнику Хрущева работы Э. Неизвестного.

В сентябре 1938 г. А.П. Гагарин был назначен заместителем председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанова. Поскольку всякое ответственное назначение сопровождалось проверкой со стороны органов госбезопасности, вновь всплыли старые обвинения в адрес Гагарина, сочиненные некогда Шугининым. Гагарин написал письмо Сталину, в котором просил дать ему очную ставку с обвинителями. Сам Шугинин к тому времени уже умер. Гагарин был вызван в Комиссию партийного контроля и здесь, наконец, узнал о происхождении этих обвинений. В КПК ему предложили дать дополнительные уточнения относительно своих родственников.

Работа А.П. Гагарина в ВКВШ закончилась в марте 1940 г. Он был командирован на недавно присоединенную к СССР Западную Украину, во Львов, для изучения обстановки и встреч с профессорско-преподавательским составом. Его пригласили участвовать в диспуте с видными львовскими теологами. «Развернулась оживленная полемика, в которой А.П. Гагарин потерпел поражение. Он надеялся на свои прежние религиозные знания, которые он, как оказалось, основательно подзабыл, а также не учел состав участников и слушателей дискуссии»². Теоретического багажа из передовиц журнала «Долой богов» было явно недостаточно для спора на равных с мастерами схоластики. А.П. Гагарин продолжил свою работу зав. кафедрой диалектического и исторического материализма МИФЛИ. В 1941 г. по совместительству он работал в ВПШ при ЦК ВКП(б) с момента ее организации.

В октябре 1941 г. А.П. Гагарин выехал в эвакуацию в Свердловск. Здесь он работал зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма в Свердловском педагогическом институте. Единственный сын А.П. Гагарина Евгений погиб на фронте, защищая Ленинград.

В мае 1942 г. А.П. Гагарин вернулся в Москву и был назначен зав. кафедрой философии МГПИ им. В.П. Потемкина. В МГПИ он был председателем Ученого совета общеуниверситетских кафедр. В 1946 г. выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, но не был избран. В МГПИ Гагарин работал до мая 1951 г. В декабре 1948 — ноябре 1955 гг. он состоял членом редсовета Госполитиздата. Возглавлял атеистическую секцию Всесоюзного общества «Знание».

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

² Косичев А.Д. Цит. соч. С. 25.

Деканом философского факультета МГУ А.П. Гагарин был назначен 19 ноября 1949 г. по инициативе министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова по совместительству с работой в МГПИ. При назначении Гагарина Кафтанов предполагал «разрулить» затянувшуюся историю с Белецким следующим образом: не имевший никакой ученой степени Белецкий уйдет в докторантуру, а декан Гагарин возглавит вместо него кафедру диалектического и исторического материализма¹. Но Белецкий уходит с заведования кафедрой не собиравшись.

А.П. Гагарин сразу же включился в борьбу сторонников и противников Э.Я. Белецкого, естественно, на стороне последних. Как вспоминает А.Д. Косичев, «на первой же партийной конференции коммунистов Московского университета А.П. Гагарин выступил с большой речью, в которой остановился на задачах философского образования и подверг резкой критике теоретические концепции Э.Я. Белецкого. Выступление Гагарина понравилось делегатам, часто прерывалось аплодисментами, и его избрали членом парткома МГУ»². 17 августа 1950 г. на имя М.А. Сулова было направлено письмо из отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), завизированное также и руководством Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), в котором в красках расписывалась непригодность Э.Я. Белецкого в качестве заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ. Среди обвинений был даже пункт: «Тов. Белецкий противопоставил себя парторганизации и не считается с ее мнением». Далее вносилось предложение о «рокировке»: Белецкий сменяет Гагарина в должности зав. кафедрой философии МГПИ им. В.П. Потемкина, а Гагарин занимает его место в МГУ. В отношении Гагарина это мотивировалось тем, что «он вошел в коллектив, занимает там правильную принципиальную позицию и стремится к улучшению работы философского факультета. Тов. Гагарин пользуется авторитетом в парторганизации университета. Партийной конференцией он избран в состав партийного комитета университета»³. Из этой попытки ничего не вышло. Инициативы А.П. Гагарина и его покровителей из аппарата ЦК ВКП(б) были парализованы новыми письмами Э.Я. Белецкого на имя Г.М. Маленкова. По оценке Г.С. Батыгина и И.Ф. Девятко, конфликт в эти годы выродился в вялотекущую склоку.

А.Д. Косичев дает интересную характеристику стиля работы А.П. Гагарина в качестве декана: «Как декан А.П. Гагарин трудился самозабвенно.

¹ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора Э.Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 101.

² Косичев А.Д. Цит. соч. С. 20.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 261926.

Почти каждый день он приходил в деканат в 9 часов утра и находился на факультете до 18 часов вечера, а иногда, когда были студенческие собрания или другие общественные мероприятия, он задерживался до 10–11 часов ночи. В дни, когда бывало много посетителей, А. П. Гагарин в течение всего рабочего дня не выходил из кабинета и даже забывал про обед. К нему всегда шел непрерывный поток студентов, аспирантов, преподавателей. Кроме того, к нему приезжало много посетителей из провинции. Он часто говорил своим заместителям и помощникам: хватит сидеть в кабинетах, надо быть среди студентов и аспирантов, присутствовать на заседаниях кафедр, посещать лекции¹.

А. П. Гагарин был яркой, колоритной личностью. За короткое время он сумел завоевать авторитет на факультете. Он систематически посещал лекции и семинарские занятия преподавателей. Все, кто с ним общался, чувствовали его доброе отношение, поэтому о нем сохранились хорошие воспоминания. Многим он помогал. Если к нему приходил исключенный с факультета студент, у которого не получается с учебой, Гагарин восстанавливал его на факультете, прикреплял к нему сильных студентов и даже просил отдельных преподавателей оказывать помощь этому студенту. Плохо о Гагарине не вспоминают.

В тот период факультет состоял из отделений философии, психологии и логики. На факультете обучалось 1150 человек. Имелось заочное отделение и экстернат. 152 человека обучались в очной аспирантуре, много было аспирантов-заочников². Кафедры диалектического и исторического материализма, логики, психологии, истории зарубежной философии и истории русской философии читали общие курсы по своим дисциплинам. Вопросы атеизма, эстетики, этики, социологии, философии естествознания рассматривались в рамках спецкурсов и спецсеминаров.

Как идеологический факультет, философский факультет напрямую испытывал на себе политические процессы, происходившие в стране. В основу обучения в начале 1950-х гг. были положены работы Сталина по языкознанию и политэкономии, материалы августовской сессии ВАСХНИЛ и Павловской сессии АМН СССР, канонизировавшие «учения» Лысенко и Лепешинской, статья Мао Цзэ-дуна «Относительно противоречия», опубликованная в «Большевике». Эти «классические произведения» прорабатывались в каждой группе. Сильнейшее влияние на идейную атмосферу оказывала и кампания борьбы с «космополитизмом». Соответствующими были темы дипломных работ и диссертаций, защищавшихся на факультете. Большинство этих работ кануло в Лету. Из приведенного А. П. Гагариным на страницах «Вопросов философии» списка, включавшего около 20 защищенных на факультете дис-

¹ Косичев А. Д. Цит. соч. С. 20.

² См.: Гагарин А. П. На философском факультете Московского государственного университета // Вопр. философии. 1951. № 3. С. 214.

сертаций и их авторов¹, только трое остались в истории отечественной философии. И темы их были типичны для того времени. Исключение составляет тема Ф.Х. Кессиди «Философия Гераклита Эфесского». А.И. Вербин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сущность и значение первых мероприятий диктатуры пролетариата по созданию социалистического базиса». Темой диссертации П.С. Шкуринова стали «Вопросы ленинско-сталинской теории социалистического строительства в трудах М.И. Калинина». И это — не самые нефилософские темы. Есть тут и «борьба нового со старым», и «ленинско-сталинская теория о возможности победы коммунизма в одной стране»², и «борьба с низкопоклонством и космополитизмом». Историко-философские темы — в основном по русской философии. Немногим отличались темы дипломных работ. Здесь и «ленинско-сталинский этап», и «мичуринская биология». Есть интересное исключение: тема пятикурсника М.Н. Грецкого «Борьба Французской компартии против экзистенциализма»³.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. А.П. Гагарин занялся новейшей англо-американской философией. Он самостоятельно изучил английский язык и опубликовал ряд работ по американскому прагматизму.

А.П. Гагарин умел выступать на разного рода собраниях. Но он с трудом справлялся с лекциями. Если хорошо подготовится, если он любит, прочувствовал материал, то хорошо читал лекцию. Если же он материал не пропустил через свою душу, лекции у него не получались. Студенты неоднократно высказывали критические замечания по этому поводу, жаловались на сухость изложения, частые повторы.

А.П. Гагарин вел большую общественную работу. Состоял членом философской секции Всесоюзного общества «Знание» и систематически выступал с лекциями по линии Общества. Был председателем экспертной комиссии ВАК по кандидатским диссертациям в области философии и истории партии. Работал внештатным лектором МГК ВКП(б).

На факультете на заседаниях Ученого совета, партийного бюро, кафедр продолжались дискуссии по наиболее обсуждаемым теоретическим вопросам. Они велись открыто, при стечении большого количества людей. На дискуссии в МГУ съезжалась вся философская общественность Москвы, присутствовали желающие студенты. Все имели возможность выступить со своей точкой зрения. Главным было — не перейти грань, отделявшую философское теоретизирование от политики. В основном дебатировались вопросы, поднятые в пись-

¹ См.: Гагарин А.П. На философском факультете Московского государственного университета. С. 215.

² Именно так! Не социализма, а коммунизма.

³ Гагарин А.П. На философском факультете Московского государственного университета. С. 217.

мах Белецкого Сталину. Как известно, в первом письме Белецкого о третьем томе «Истории философии» говорилось, что немецкая классическая философия есть аристократическая реакция на Великую французскую революцию. Гагарин знал, что Сталин поддержал эту оценку. Тем не менее, он продолжал придерживаться прежней общепринятой точки зрения, аргументируя ее тем, что сам Гегель приветствовал Великую французскую революцию, а с идеями французских материалистов не был согласен, прежде всего, как ученый. В ходе обсуждения на факультете в 1951 г. положений работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Гагарин и большинство преподавателей не согласились с положением, что надстройка отмирает одновременно с базисом, и указывали на то, что многие надстроечные явления продолжают жить после отмирания соответствующего базиса.

Споры на факультете разгорелись между Гагариным и Белецким и по вопросу о теоретических источниках марксизма. Белецкий считал, что марксизм не имеет теоретических источников, а является просто теоретическим обобщением реальных исторических процессов. Гагарин придерживался ленинского учения о «трех источниках» марксизма. В это время на историческом факультете училась дочь Сталина Светлана. Там она тоже изучала философию и при ответе на этот вопрос сказала, что консультировалась со своим отцом, и тот сказал, что марксизм не имеет неких теоретических, философских источников. Этот случай, конечно, повлиял на руководителей образования, высшей школы. Видя, что Гагарин входит в противоречие со Сталиным, они начали подумывать о том, чтобы освободить его от поста декана. Такая же история произошла и с проблемой объективной истины. Гагарин придерживался ленинского понимания, в соответствии с которым истина есть соответствие наших знаний объективному миру. Белецкий же онтологизировал истину. Занятия по философии у Светланы Сталиной вела Е. А. Куражковская, преподаватель с кафедры Белецкого. По ее словам, когда Светлана спросила у отца, что же такое объективная истина, он подвел ее к окну, показал рукой за окно и сказал: «Вот объективная истина. Объективный мир — это и есть объективная истина». Это тоже стало известно руководителям высшей школы, которые хорошо знали, что Белецкий находится в переписке со Сталиным и письма Белецкого становятся основанием для политических решений. Гагарин же продолжал упорно отстаивать ленинское понимание объективной истины.

В апреле 1951 г. руководство Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) направило Г. М. Маленкову докладную записку, в которой говорилось, что Отдел «располагает данными о том, что т. Гагарин в лекциях и на семинарских занятиях иногда допускал небрежные формулировки и непозволительную вольность в трактовке важнейших вопросов марксистско-ленинской теории. Тов. Гагарин вызывался в Отдел науки и высших учебных

заведений ЦК ВКП(б). Ему указано на необходимость устранения отмеченных недостатков»¹.

Гагарин пытался защищаться. 16 февраля 1952 г. он написал зав. сектором науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданову о дальнейшем разворачивании событий вокруг «проблемы Белецкого»². Но положительных последствий для Гагарина это не имело. Руководство Минвуза СССР было готово освободить его от поста декана факультета.

Поводом для увольнения А.П. Гагарина, как рассказывает А.Д. Косичев, стал случай, произошедший во время публичной лекции А.П. Гагарина в Политехническом музее по линии Общества «Знание». После лекции ему была подана записка: «Вы сказали в лекции, что все люди ошибаются. Могли ли ошибаться Ленин и Сталин в теории и на практике?» «А.П. Гагарин по своей простоте и даже, я бы сказал, наивности, ответил: “Конечно, могли, как и все люди; они не святые и потому могут ошибаться”. Одного этого было достаточно, чтобы карьера Алексея Петровича закончилась. На второй день после лекции в ЦК КПСС и Министерство высшего образования СССР посыпались заявления о случившемся. Началось разбирательство. Гагарина вызвали в ЦК и просили добровольно уйти в отставку. И буквально через несколько дней появился приказ по Министерству высшего образования об освобождении Гагарина от обязанностей декана философского факультета МГУ “согласно личному заявлению”. Всей этой операцией руководили заведующий Отделом ЦК КПСС Д.И. Чесноков и заместитель министра высшего образования М.А. Прокофьев»³. Согласно воспоминаниям А.М. Ковалева, сразу после злополучной лекции А.П. Гагарин говорил ему, что в аудитории находился белецкинец А.И. Вербин. Гагарину было ясно, что его оплошность будет использована против него. Ковалев передает ответ Гагарина на лекции в несколько иной редакции: «Не ошибался лишь один Иисус Христос»⁴.

Постановлением Секретариата ЦК от 1 октября 1952 г. А.П. Гагарин был освобожден от обязанностей декана философского факультета МГУ.

С мая 1951 г. А.П. Гагарин работал зав. кафедрой диалектического и исторического материализма в ИПК МГУ. Возглавляя кафедру, он во многом содействовал формированию в ИПК атмосферы доброжелательности, поощрения творческих усилий слушателей по подготовке кандидатских диссертаций.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304283.

² Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора Э.Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 101–102.

³ Косичев А.Д. Цит. соч. С. 26.

⁴ Интервью с А.М. Ковалевым // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 4. С. 14.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ГАГАРИН

Он многое сделал для того, чтобы помочь начинающим преподавателям философии, в большинстве случаев — солдатам и офицерам с высшим образованием, демобилизовавшимся из армии после окончания Великой Отечественной войны, выбрать тему научно-исследовательской работы, написать и защитить кандидатскую диссертацию. В 1959 г., будучи тяжело больным, А.П. Гагарин оставил заведование кафедрой.

А.П. Гагарин был награжден орденом Ленина (05.1934), двумя орденами Трудового Красного Знамени (10.1944; 10.1951), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1947), значком «Отличник народного просвещения».

Умер Алексей Петрович Гагарин 6 сентября 1960 г. в Москве. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304283. Регистрационный бланк члена КПСС № 00008426 (1954).

Сочинения

Долой богов! // Долой богов! Антирелигиозный, пасхальный иллюстрированный журнал. Смоленск, 1923. С. 1.

Разница между перво-христианским и научным коммунизмом // Долой богов! Антирелигиозный, пасхальный иллюстрированный журнал. Смоленск, 1923. С. 9—10.

Христианское непротивленчество — опора буржуазного господства. Кто и как сможет дать «мир на земле»? // Долой богов. Антирелигиозный рождественский общественно-научный и литературно-художественный журнал. Смоленск, 1923. С. 3—4.

Рабочий класс, наша партия и тов. Ленин. Смоленск, 1924. 15 с.

Хозяйство, жизнь и настроения деревни. По итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии. М.; Л., 1925. 112 с.

Общественная закономерность и объективная случайность. М., 1931. 128 с.

Идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма под флагом защиты диалектики и борьба на два фронта // Антирелигиозник. 1931. № 2. С. 9—12.

Письмо в редакцию // Антирелигиозник. 1932. № 5—6. С. 64.

Социологические и политические взгляды Лассалю // Из истории философии XIX века. М., 1933. С. 179—218.

Атеизм революционной французской буржуазии XVIII века: Рец. на кн.: Гольбах П. Священная зараза. Разоблаченное христианство. М., 1936 // Книга и пролетарская революция. 1936. № 6. С. 59—61.

Критические заметки по вопросу о борьбе вокруг философского наследства Франца Меринга // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 117—125.

Об антимарксистской вылазке под флагом защиты философии марксизма: Рец. на кн.: Фурщик М.М. Философия марксизма и современная социал-демократия. М., 1936 // Книга и пролетарская революция. 1936. № 11. С. 51—55. Соавтор: Г.Ф. Александров.

- Франц Меринг и его философские взгляды. М., 1937. 140 с.
- Франц Меринг и его философские взгляды: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1937.
- Мелье и его «Завещание» // Мелье Ж. Завещание. М., 1937. С. V—XXVIII.
- Учение о материи и познании у французских материалистов XVIII в. // Труды Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 85—114.
- На философском факультете МИФЛИ // Труды Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 265—269.
- Великий мыслитель (Л. Фейербах) // Комсомольская правда. 1937. 12 сентября.
- Великий социалист-утопист (Шарль Фурье) // Комсомольская правда. 1937. 8 октября.
- Рец. на кн.: *Дидген И.* Сочинения. М., 1938 // Под знаменем марксизма. 1938. № 7. С. 71—92.
- Советское студенчество овладеет марксистско-ленинской теорией // Советское студенчество. 1938. № 9. С. 16—19.
- Рец. на кн.: *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Комсомольский пропагандист и агитатор. 1938. № 34. С. 2—3.
- О различии между диалектикой Гегеля и диалектикой Маркса // Комсомольская правда. 1938. 24 октября.
- Идеологический фронт классовой борьбы в России в 1917 году: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1939.
- О книге Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» // В помощь изучающим историю ВКП(б). М., 1939.
- От издательства // Плеханов Г.В. Литературное наследие. Т. VII. М., 1939. С. III—XIII.
- Диалектика и метафизика // Большевик Украины. 1939. № 1.
- О постановке преподавания основ марксизма-ленинизма в высшей школе в новом учебном году // В помощь марксистско-ленинскому образованию. 1939. № 4. С. 42—48.
- Диалектика и метафизика // Советская наука. 1939. № 7. С. 52—66.
- О книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Советское студенчество. 1939. № 7. С. 26—30.
- О преподавании марксизма-ленинизма в высшей школе // Советское студенчество. 1939. № 8. С. 34—36.
- Франц Меринг // Известия. 1939. 20 января.
- Революционер науки // Учительская газета. 1939. 21 января.
- Марксизм не догма, а руководство к действию // Машиностроение. 1939. 29 января.
- Об интеллигенции // Красная звезда. 1939. Январь.
- Изучение истории партии в высшей школе // Правда. 1939. 31 января.
- Решительно улучшить дело педагогического образования // Учительская газета. 1939. 5 марта. Соавтор: М. Уроев.
- За решительное улучшение качества педагогического образования // Учительская газета. 1939. 13 апреля. Соавтор: М. Уроев.
- Знаменательный год // Комсомольская правда. 1939. 17 мая.
- Диалектика и метафизика // Учительская газета. 1939. 25 августа.
- Во львовских вузах // Известия. 1939. 11 декабря.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ГАГАРИН

Французский материализм XVIII века и его влияние на развитие социалистических и революционно-демократических взглядов эпохи буржуазных революций // Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. VI. М., 1940. С. 13—41.

Из истории идеологической борьбы в Западной Украине // Советская наука. 1940. № 6. С. 3—16.

Ленин и философия // В помощь марксистско-ленинскому образованию. 1940. № 8. С. 11—15.

Ленин и философия // В помощь изучающим историю ВКП(б). Сталинград, 1941. С. 13—19.

Прагматизм на службе империализма США // Философские записки. Т. II. М., 1948. С. 218—230.

Выступление на обсуждении второго номера журнала «Вопр. философии» // Вопр. философии. 1948. № 1. С. 360.

Торжество мичуринской биологической науки // Литература в школе. 1948. № 6. С. 63—65.

Выступление на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма и философии высших учебных заведений // Вопр. философии. 1949. № 1. С. 369—370.

О классовом характере религиозной морали. М., 1950. 24 с.; 2-е изд. Кишинев, 1951. 26 с. Переведена и издана в Вильнюсе (1951. 23 с.).

Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1950. 47 с.; 2-е изд. М., 1951. 116 с.; 3-е изд. М., 1953. 207 с. Переведена и издана в Софии (1952. 105 с.), Будапеште (1952. 135 с.), Бухаресте (1952. 98 с.), Берлине (1953. 144 с.), Праге (1954. 149 с.).

Мораль коммунистическая и мораль религиозная // Большевик Советской Латвии. 1950. № 17. С. 23—34.

Овладеть большевизмом // Московский университет. 1950. 6 сентября.

На философском факультете Московского государственного университета // Вопр. философии. 1951. № 3. С. 214—218.

На философском факультете // Вестн. Моск. ун-та. 1951. № 7. Вып. 3. С. 170—172.

Труды И.В. Сталина по вопросам языкознания и их значение для преподавания философских, экономических и юридических дисциплин // Вестн. Моск. ун-та. 1951. № 9. С. 25—34.

Выступление на партийной конференции университета // Московский университет. 1951. 1 марта.

Путеводный маяк // Московский университет. 1951. 8 июня.

Философский факультет // Московский университет. 1951. 16 июля.

Проникновение идей марксизма в Россию до 1883 года // Из истории русской философии XVIII—XIX веков. М., 1952. С. 301—317.

Происхождение и классовая сущность раннего христианства // Вестн. Моск. ун-та. 1952. № 7. С. 11—27.

Первая философская диссертация, защищавшаяся в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. 1952. № 7. С. 151—173.

Высший долг преподавателей общественных наук // Вестн. высшей школы. 1952. № 10. С. 61—62.

- Об одной творческой дискуссии в связи с защитой диссертации Д.Ф. Жуковым «О мировоззрении А.Н. Северцова» // Вестн. Моск. ун-та. 1952. № 10. С. 165–167.
- Интересный курс // Московский университет. 1952. 21 февраля.
- Маразм современной англо-американской буржуазной социологии и философии // Коммунист Советской Латвии. 1953. № 5. С. 55–68.
- Вейсманистская сущность «теории» филэмбриогенеза А.Н. Северцова // Вестн. Моск. ун-та. 1953. № 6. С. 55–70.
- Действие экономических законов как объективная основа победы Великой Октябрьской социалистической революции // Вестн. Моск. ун-та. 1953. № 11. С. 3–20.
- Происхождение и классовая сущность христианства. М., 1954. 24 с.
- Выступление на обсуждении книги «Диалектический материализм» // Вопр. философии. 1954. № 1. С. 202–203, 208.
- Философский фронт классовой борьбы накануне и в первый период социалистической революции в России и Московский университет // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957. С. 433–449.
- Будьте достойными преемниками революционной молодежи // Московский университет. 1957. 16 сентября.
- Борьба за установление Советской власти в Юхновском уезде. Смоленск, 1958. 77 с.
- Выступление // Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958. С. 491–492.
- Идеи диалектического и исторического материализма в трудах последователей Маркса и Энгельса // История философии. Т. III. М., 1959. С. 366–392. Соавторы: С.Ф. Одуев, И.Г. Платонов, Б.А. Чагин.
- Некоторые вопросы идеологической борьбы Коммунистической партии в области культуры в 1917–1921 гг. // Коммунистическая партия в борьбе за победу Октября. М., 1959. С. 271–293.
- О христианской религии и нравственности. Смоленск, 1960. 67 с.
- Горев (Гольдман) Борис Исаакович // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 390.
- Правда о христианской религии и нравственности. М., 1961. 48 с.
- О свободе совести. М., 1962. 32 с.
- Прагматизм США, его происхождение, социальные и теоретические корни, реакционная и антинаучная сущность. М., 1963. 64 с.

Литература

- Белевич Е. Путаники в роли консультантов // Правда. 1939. 16 ноября.
- Соколов В. Философствующие прислужники американского империализма: Рец. на кн.: Гагарин А.П. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Большевик. 1951. № 24. С. 71–75.
- Александров А. Лженаука на службе американского империализма: Рец. на кн.: Гагарин А.П. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Красноярский рабочий. 1951. 2 ноября.
- Куницын Г. Философствующие лакеи империализма: Рец. на кн.: Гагарин А.П. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Тамбовская правда. 1951. 1 декабря.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ГАГАРИН

Павлов П. На службе войны и реакции: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Северная правда (Кострома). 1952. 3 февраля.

Цебенко М.Д. Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Советская книга. 1952. № 3. С. 75–76.

Олещук Ф.Н. Литература на научно-атеистические темы: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* О классовом характере религиозной морали. М., 1950 // Советская книга. 1952. № 8. С. 64.

Проскурин А. Философствующие проповедники войны и реакции: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Коммуна (Воронеж). 1952. 30 марта.

Васильев К. Служанка американских агрессоров: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. М., 1951 // Горьковская правда. 1952. 9 апреля.

Кифоренко И. Служанка империалистической реакции: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. 2-е изд. М., 1953 // Советская Украина. 1953. № 12. С. 169–173.

Васильев Ф. Философствующие прислужники американского империализма: Рец. на кн.: *Гагарин А.П.* Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. 2-е изд. М., 1953 // Тамбовская правда. 1953. 27 ноября.

Крылатый Н. А.П. Гагарин // Московский университет. 1955. 26 марта.

Гагарин Алексей Петрович // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 316.

Алексей Петрович Гагарин (Некролог) // Московская правда. 1960. 8 сентября.

Алексей Петрович Гагарин (Некролог) // Московский университет. 1960. 13 сентября.

Алексей Петрович Гагарин (Некролог) // Философские науки. 1960. № 4. С. 164–165.

Алексей Петрович Гагарин (Некролог) // Наука и религия. 1960. № 10. С. 96.

Памяти А.П. Гагарина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1970. № 4. С. 91–93.

Косичев А.Д. А.П. Гагарин (1895–1960) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 231–234.

Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. М., 1995. С. 318.

Платонов Г.В., Недзвецкая Э.А. Полвека на службе высшей школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1999. № 5. С. 87–97.

Алексеев П.В. Гагарин Алексей Петрович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 206.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ МОЛОДЦОВ

Декан в 1952–1968 гг.

Василий Сергеевич Молодцов родился в д. Аверькиево Смоленской области 20 декабря 1899 г. (1 января 1900 г.)¹ в семье слесаря Николаевской и Курской железной дороги. В детстве жил с родителями в с. Подсолнечное Клинского уезда Московской губернии. Окончил трехклассную школу. С июня 1913 г. работал в Подсолнечном чернорабочим на стекольном заводе. В январе 1914 г. переехал в Москву.

В Москве он работал техническим сотрудником сначала в читальне им. Тургенева. Он был свидетелем массовых демонстраций в Москве в феврале 1917 г., разоружения жандармов в Грохольском переулке, ликвидации полицейского участка на Большой Спасской улице, прохода делегатов к солдатам в Спасские казармы. В октябре 1917 г. во время боев чуть не попал под обстрел, пробираясь от Мясницких ворот к центру города. В январе 1918 г. служащие читальни, где он работал, решили устроить забастовку и закрыть читальню. В.С. Молодцов вместе со старшим библиотекарем Иваном Васильевичем Королевым сумели помешать этому, открыли читальню, и она продолжала работать². С января 1918 г. В.С. Молодцов работал в передвижном библиотечном фонде Московского отдела народного образования. Одновременно с работой учился на общеобразовательных курсах.

В ноябре 1918 г. В.С. Молодцов был призван в Красную армию. Сначала служил красноармейцем 99-го пехотного полка 93-й отдельной стрелковой бригады в Москве. В городе было неспокойно. Столицу захлестывала волна бандитизма и грабежей. С наступлением темноты солдаты выходили патрулировать центральные улицы.

С января 1919 г. В.С. Молодцов — красноармеец-библиотекарь 6-го Ковровского полка железнодорожной обороны Москвы. В полку его уважали за грамотность, знания. В июне 1919 г. приняли в партию. Он вел агитационную, пропагандистскую, просветительскую работу, участвовал в ликвидации неграмотности. Привозил в роты книги, которые моментально расхватывались. Жили бойцы дружно, горячо веря в то, что борются за освобождение угнетенного народа.

¹ Место рождения приводится по семейному преданию. Сам В.С. Молодцов указывал в документах, что родился в Москве.

² Федоров В.М. Профессор В.С. Молодцов. 1899–1986 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 166.

В октябре 1919 г. В.С. Молодцова избрали секретарем комсомольской ячейки и назначили секретарем военкома, затем зам. военкома 17-го батальона 5-й бригады в Москве. Он проводил в части «партийную неделю»: выступал с докладами, разъяснял бойцам текущий момент, стремился доходчиво донести политику партии и идеи марксизма до красноармейцев, вел прием в партию. Он слушал выступление В.И. Ленина на VII Всероссийском съезде Советов.

В январе 1920 г. В.С. Молодцов был командирован от 5-й бригады в штаб Южного фронта. С апреля 1920 г. В.С. Молодцов служил в Актюбинске секретарем военкома 121-го батальона 27-й бригады обороны железных дорог Туркестанского фронта. Принимал участие в борьбе с басмачами. В декабре 1920 г. он поехал в Ташкент и поступил слушателем на артиллерийское отделение военного факультета Туркестанского университета. Активно участвовал в работе центральной фронтовой комиссии помощи голодающим детям. С мая 1922 г. В.С. Молодцов вновь служил в Москве секретарем военкома артиллерийского дивизиона 14-й стрелковой дивизии.

В ноябре 1922 г. В.С. Молодцов поступил на физико-математический факультет МГУ. Однако он не столько занимался учебой, сколько ходил на все собрания, коих тогда было множество, принимал участие в борьбе с антисоветски настроенной профессурой. Его потянуло к философии. Поняв, что физмат — «не его», В.С. Молодцов в мае 1924 г. оставил учебу¹ и занялся привычным делом — стал заведовать читальней им. Островского, а с ноября 1924 г. заведовал библиотекой им. Загорского в Народном доме Бауманского района Москвы. С сентября 1927 г. В.С. Молодцов работал инструктором Московского губернского союза работников просвещения. С октября 1929 г. он преподавал обществоведение в учебных заведениях Бауманского отдела народного образования. Избирался в состав Моссовета.

В сентябре 1930 г. В.С. Молодцов поступил в Коммунистический университет преподавателей общественных наук. Параллельно с учебой преподавал в Институте инженеров связи. В этот период он познакомился с М.Б. Митиным, дружеские отношения с которым сохранил до конца жизни². По окончании КУПОН он работал в Воронеже преподавателем диамата в филиале Института массового заочного обучения партактива (ИМЗО).

В сентябре 1934 г. В.С. Молодцов поступил в аспирантуру МИФЛИ. В сентябре 1935 г. перевелся слушателем в ИКП философии. В годы учебы преподавал в МГУ, Финансовом институте, Московском торфяном институте, в ИМЗО.

С октября 1937 г. В.С. Молодцов работал зам. заведующего отделом партийной жизни газеты «Правда»; с ноября 1937 г. заведовал издательским

¹ Он продолжил учиться заочно, но курса не кончил.

² На 80-летию В.С. Молодцова М.Б. Митин сказал, что они знакомы уже 50 лет.

сектором отдела печати ЦК ВКП(б). Как-то раз ему пришлось по заданию Сталина обеспечить организацию напечатания в течение одного дня книги Л. Фейхтвангера «Москва. 1937». Он не ложился спать и выполнил задание в срок. С февраля 1939 г. заведовал сектором в Отделе пропаганды ЦК ВКП(б). В январе 1940 г. В.С. Молодцов был назначен директором Госполитиздата, где работал до января 1941 г. С февраля 1941 г. преподавал философию на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б); в сентябре 1940 г. — августе 1941 г. преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

В ноябре 1941 г. В.С. Молодцов уехал в эвакуацию в Ижевск. Его назначили лектором Удмуртского обкома ВКП(б). Дома практически не бывал, все время находился в разъездах. В частности, он вел пропагандистскую работу среди бойцов 1120-й стрелковой бригады, сформированной на территории Удмуртии и отправлявшейся на фронт.

В декабре 1942 г. он с семьей был вызван из эвакуации в Москву и назначен редактором Совинформбюро, где проработал до сентября 1947 г. Выполнял работу по организации антифашистских комитетов советской общественности. В 1942—1946 гг. был зам. ответственного секретаря Антифашистского комитета советских ученых. В те же годы работал вместе с генералом А.С. Гундоровым и Вандой Василевской во Всеславянском комитете, в 1944—1946 гг. был ответственным секретарем журнала «Славяне». Один из ближайших учеников и коллег В.С. Молодцова В.М. Федоров подробно рассказывает в своей статье о военном периоде работы Молодцова¹. Тот активно публиковал антифашистские статьи в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Гудке». Особо важным поручением, которое он выполнял в Совинформбюро, была подготовка статей по военной тематике для зарубежной прессы. Его статьи «Все силы на разгром врага», «Красная Армия наступает», «Единство ученых в борьбе с нацизмом», «Гитлеровские палачи убивают детей», «Что делают гитлеровцы с землей и трудом колхозников», «Реакционные черты немецкой философии и гитлеровское варварство» и многие другие были опубликованы в странах антигитлеровской коалиции.

С декабря 1944 г. В.С. Молодцов преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б); в сентябре 1947 г. перешел в ВПШ на постоянную работу. В 1949 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В 1950 г. ему присваивается ученое звание доцента. В августе 1949 г. Молодцов был утвержден членом редколлегии журнала «Вопросы философии» и состоял в ней до июня 1968 г. С февраля 1949 г. стал зам. заведующего кафедрой диалектического материализма. В дальнейшем он числился и.о. заведующего кафедрой, поскольку формальный заведующий М.Б. Митин редко появлялся на кафедре, занимая

¹Федоров В.М. Указ. соч. С. 167.

одновременно несколько высоких должностей. В.С. Молодцов очень любил эту работу. Когда в октябре 1952 г. состоялось его назначение деканом философского факультета МГУ, из ВПШ его не хотели отпускать, и он сам не хотел уходить. 1 октября 1952 г. он был назначен, а 11 октября 1952 г. зачислен на должность декана.

Как вспоминает А.Д. Косичев, работавший тогда зам. декана, «в течение примерно месяца после назначения Молодцов не появлялся на факультете. Я позвонил в ЦК КПСС и сообщил об этом. Там очень удивились. Молодцова вызвали на Старую площадь, показали ему решение ЦК и сказали, что возврата в Высшую партийную школу нет и не будет, а надо принимать философский факультет. Как ни упирался Молодцов, волей-неволей пришлось ему перебраться в МГУ»¹. Совместительство в ВПШ В.С. Молодцов сохранял до июля 1956 г. Проработав почти десять лет в качестве назначенного сверх декана, В.С. Молодцов зарекомендовал себя как хороший организатор и внимательный к людям человек. Поэтому когда в марте 1961 г. была введена норма избрания деканов общим собранием профессоров и преподавателей, он был единогласно избран деканом снова.

С сентября 1954 г. В.С. Молодцов заведовал также кафедрой диалектического и исторического материализма, а после разделения кафедры в октябре 1960 г. — кафедрой диалектического материализма. Он возглавлял кафедру до июля 1969 г. 20 ноября 1954 г. В.С. Молодцов был одновременно утвержден ВАК в должности и в ученом звании профессора. По совокупности работ ему была присуждена ученая степень доктора философских наук. Он стал основателем журнала «Вестник Московского университета. Серия: Философия», более десяти лет был его главным редактором и до конца жизни оставался членом редколлегии журнала.

В.С. Молодцову удалось решить задачу, с которой не могли справиться несколько предыдущих деканов: «выжить» с факультета заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма З.Я. Белецкого и расформировать его кафедру. Большинство философов тех лет не любили Белецкого за его письма к Сталину по поводу третьего тома «Истории философии» и книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В результате принятых по этим письмам решений многие из них лишились своих должностей. Конфликт между группой Белецкого и остальной частью профессоров и преподавателей сотрясал факультет на протяжении нескольких лет.

Мы не можем здесь вдаваться в подробный анализ истории с Белецким. Выделим тезисно несколько положений, которые помогут обрисовать ситуацию в целом. Белецкий был человеком невежественным, а потому догматиком.

¹ Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 27.

Белецкий как секретарь парткома Института философии в 1934—1943 г. несет свою долю ответственности за репрессии в отношении советских философов. Письма Белецкого Сталину принесли много вреда нормальному развитию философии в стране. Белецкий принципиально отличался от других философов сталинской эпохи — своих противников — полным бескорыстием. Письма в ЦК не были для него инструментом карьерного продвижения за счет коллег, что было правилом для абсолютного большинства. На своей кафедре Белецкий сумел создать творческую атмосферу и вырастил плеяду талантливых философов (Ш.М. Герман, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, Ф.К. Кочетков, А.И. Вербин, Д.И. Кошелевский, В.П. Калацкий, Е.А. Куражковская).

Все средства борьбы с Белецким были испробованы: письма в ЦК, многодневные партсобрания, персональные дела. Ничто не дало результата. Став деканом, В.С. Молодцов долгое время не давал никакой оценки белецкианству, как бы соблюдая нейтралитет. В действительности он присматривался к расстановке сил и искал такие места в концепции Белецкого, которые могли сойти за идеологически невыдержанные¹. Единственное, что удалось пока сделать, это разделить кафедру диалектического и исторического материализма в 1953 г. на три: первая вела занятия на философском факультете, вторая — на гуманитарных, третья — на естественных факультетах². Белецкий возглавил вторую из этих кафедр, куда перешли работать его сторонники. Таким образом, белецкианцы уже не преподавали на факультете.

А.Д. Косичев в своих мемуарах заметил, что В.С. Молодцов, когда нужно, проявлял поистине искусство дипломата. Наконец, он нашел решение проблемы Белецкого. В 1955 г. Белецкий организовал на кафедре симпозиум о предмете философии. В докладе ученика Белецкого Ф.К. Кочеткова проводилась мысль, что философия не занимается всеобщими законами материального мира, а является собственно учением о мышлении. За Кочетковым выступил сам Белецкий, который также заявил, что диалектический метод есть теория научного мышления и не может выступать в качестве онтологии.

«В.С. Молодцов подослал на этот симпозиум стенографистку, которую приняли просто за слушательницу, так как до этого она не бывала здесь. Стенограмму доклада Кочеткова, выступления Белецкого и других участников симпозиума Молодцов не показал выступавшим, поскольку понимал, что они обязательно сгладят наиболее острые формулировки. Эту направленную стенограмму он сразу же переправил в отдел науки ЦК КПСС. Если секретари ЦК относились к Белецкому благожелательно, памятуя о его одобренных Стали-

¹ См.: Косичев А.Д. Указ. соч. С. 28.

² См.: Павлов А.Т. Философия в Московском университете // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 58—59.

ным инициативах, то в Отделе науки его не любили за постоянные жалобы на состояние философии, а также на сам Отдел науки, который, по его мнению, если и не потворствовал ревизионистам, то, во всяком случае, не боролся с ними. Поэтому направленная стенограмма тут же оказалась на столе у секретаря ЦК по пропаганде П.Н. Поспелова. Он пришел в ярость (шутка ли, на философском факультете МГУ отрицают мировоззренческое значение марксистской философии!) и распорядился созвать партийный актив МГУ, на котором самолично, не стесняясь в выражениях, разгромил «ревизионистскую» концепцию Белецкого и его учеников¹. Затем на факультете под руководством В.С. Молодцова было проведено обсуждение «Лекций по историческому материализму», выпущенных кафедрой Белецкого в 1954 г. Обсуждение носило резко критический характер². После этого Белецкий и все его сторонники были уволены из МГУ³.

Историческим курьезом оказалось то, что удаление в 1955 г. с факультета Белецкого и его сторонников совпало с изгнанием из числа преподавателей Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова за их известные «тезисы»⁴. Белецкианцы и ильенковцы не имели между собою ничего общего. Но и те и другие были изгнаны из МГУ одновременно и с одной и той же формулировкой: по обвинению в гносеологизме.

Принятые меры В.С. Молодцов подробно обосновал в специальной статье в журнале «Вопросы философии»⁵. В этой статье Молодцов обильно цитировал «неправильные» высказывания Белецкого и Кочеткова, не приводя ни одной ссылки. Поскольку все прекрасно знали, что Белецкий практически не публиковался⁶, становилось ясно, что автор статьи пошел на то, чтобы пе-

¹ Ойзерман Т.И. Советская философия в середине 1940-х — начале 1950-х годов: философский факультет МГУ // Человек. 2007. № 3. С. 81–82.

² См.: Коган Л.Н. Недостатки в сборнике лекций по историческому материализму // Вестн. высшей школы. 1955. № 6. С. 58–61; Демин П. Обсуждение «Лекций по историческому материализму» // Вопр. философии. 1955. № 6. С. 220–225.

³ Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко, ссылаясь на учеников Э.Я. Белецкого, датируют его смерть 1969 г. Однако партдокументы Белецкого были погашены в январе 1971 г., что указывает на 1970 год как год смерти.

⁴ См.: Мареев С.Н. Несколько слов об Ильенкове // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 1. С. 57–63; Коровиков В.И. Начало и первый погром // Вопр. философии. 1990. № 2. С. 65–69. Вопрос об удалении с факультета Ильенкова и роли в этом отдельных лиц требует специального исследования.

⁵ См.: Молодцов В.С. Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма // Вопр. философии. 1956. № 1. С. 188–194.

⁶ Строго говоря, Э.Я. Белецкому принадлежит ряд статей: И.М. Сеченов и И.П. Павлов // Большевик Казахстана. 1942. № 11. С. 30–35, № 16. С. 27–31; И.М. Сеченов и И.П. Павлов — великие ученые и патриоты нашей Родины // Под знаменем марксизма.

чатать в журнале фрагменты направленной стенограммы в целях разоблачения своих оппонентов. Далее, В.С. Молодцов, уже не называя имен, разоблачает «наших гносеологов», завершая статью приговором: «Абсолютно неправы так называемые гносеологии которые пытаются диалектику свести лишь к теории мышления и рассматривать теоретическое мышление само по себе, в отрыве от объективной диалектики»¹.

Подобные приемы борьбы с неугодными сотрудниками факультета не остались без ответа. На заседании парткома МГУ пока еще не уволенный Кочетков заявил: «В проекте резолюции моя фамилия названа рядом с именем Коровикова и Ильенкова, которые пытаются с идеалистических позиций пересмотреть предмет марксистской философии. Прошу мою фамилию исключить, так как я к идеалистам не принадлежу»². Собственно, даже из цитированных Молодцовым мест из доклада Кочеткова видно, что воззрения последнего были далеки от ильенковских и представляли собой своего рода реанимированный номинализм.

Что касается Э.В. Ильенкова, то он всю жизнь считал курс, взятый философами философского факультета под руководством В.С. Молодцова, ошибочным. Он полагал, что интенсивное развитие проблематики философ-

---

1942. № 4. С. 63–79; Фридрих Энгельс // Московский университет. 1945. 15 декабря; Текст выступления на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» // Вопр. философии. 1947. № 1. С. 314–325; «Манифест коммунистической партии» и победа социализма в СССР // Вестн. Моск. ун-та. 1948. № 5. С. 3–8; Диалектический материализм и борьба в области биологии // Вестн. Моск. ун-та. 1948. № 10. С. 21–34; На новом подъеме // Московский университет. 1948. 2 января; Выступление на собрании партийного актива университета // Московский университет. 1948. 25 сентября; Серьезная и вдумчивая подготовка — залог прочных знаний // Московский университет. 1950. 2 июня; Успешно сдадим экзамены по диалектическому и историческому материализму // Московский университет. 1951. 5 января; И.В. Сталин о базисе и надстройке и вопросы науки // Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию. М., 1952. С. 70–79; И.В. Сталин о базисе и надстройке и вопросы науки // Вестн. Моск. ун-та. 1952. № 1. С. 59–86. Кроме того, он написал статьи «Дарвин», «Дарвинизм», «Менделевизм», «Онтогенез», «Павлов», «Сеченов», «Филогенетический закон», «Эволюционная теория» для «Краткого философского словаря» и главы в «Лекциях по историческому материализму» (М., 1954). К числу его публикаций следует отнести и выступление на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. См.: О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948. М., 1948. Сам Э.Я. Белецкий указывал, что его первой публикацией была статья «Идейно-философские основы правого уклона» в журнале «Северо-Кавказский большевик».

¹Молодцов В.С. Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма. С. 193.

²Цит. по: Косичев А.Д. Указ. соч. С. 230.

ских вопросов естествознания подменяет собственно философскую работу в области материалистической диалектики. «Никак я не могу принять, — писал он в одном из частных писем, — что Молодцов — Трошин, старающиеся присвоить себе монополию на “истину в философии”, на роль “воплощения разума”, имеют на это большее право, чем те, которых они хотели бы осудить как “ревизионистов”»¹. Включение в рамки философии осмысления новейших достижений частных наук Ильенков называл «позитивистским извращением философии» и «псевдонаучной болтовней по поводу естествознания». В неотправленном письме в ЦК КПСС, написанном во второй половине 1960-х гг., Э.В. Ильенков утверждал, что «руководитель факультета В.С. Молодцов прямо и сознательно ориентировал кафедру диамата на разработку философских, то бишь методологических проблем современного естествознания. В.С. Молодцов не раз заявлял публично, что в плане разработки “диалектики вообще” все уже сделано. Это у него называется “применением” диалектики к природе и к мышлению. Практически дело оборачивается так, что “диалектика вообще” остается на уровне четвертой главы «Краткого курса», а ее развитие сводится к пополнению теоретического багажа четвертой главы частными понятиями современного естествознания, такими как информация, обратная связь, генетический код, анизотропность. Неудивительно, что такой диамат — персонифицированный Молодцовым, Казариновым и им подобными лекторами, — на всю жизнь прививает студентам ироническое отношение к философии вообще»². Здесь налицо принципиальное различие позиций в отношении самих путей развития философии. Середина 1950-х гг. вообще была исторической развилкой, временем выбора путей, в том числе и в отношении философии.

Как декан В.С. Молодцов уделял внимание совершенствованию учебных планов. Действовавшая система подготовки студентов-философов отличалась многопредметностью. Слишком много частных дисциплин были обязательными для студента. В новом учебном плане, разработанном под руководством декана Молодцова, главное внимание было уделено собственно философским дисциплинам. Расширилось преподавание историко-философских курсов за счет введения истории марксистско-ленинской философии, философии народов СССР. Был введен курс научного коммунизма. Созданы кафедры истории марксистско-ленинской философии (1957), теории и истории атеизма и религии (1959), этики и эстетики (1960), научного коммунизма (1962), разделена кафедра диалектического и исторического материализма на две самостоятельные кафедры (1960). Развивалась система спецкурсов по восточной фило-

¹ Э.В. Ильенков: личность и творчество. М., 1999. С. 260.

² Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 385–386.

софии, по философским проблемам естествознания. Что касается конкретных наук, то на факультете были введены физико-математический и биологический циклы, которые избирались студентами добровольно. Обязательным для всех стал курс «Философские проблемы современной науки»¹. Большое внимание декан уделял совершенствованию лекционных курсов и подготовке на их основе учебно-методических пособий для студентов. В качестве учебных пособий также использовались и коллективные монографии, подготовленные кафедрами.

В.С. Молодцов понимал, что успехи в учебной работе могут быть прочными только, если они базируются на крепком фундаменте научной работы. Поэтому он внимательно следил за формированием новых направлений исследований в области философии и стремился к тому, чтобы они были подхвачены факультетом. В лекционный курс диамата были включены такие темы, как проблема причинности, динамические и статистические закономерности, проблемы информации и связи, вопросы кибернетики. Молодцов внес большой вклад в постановку изучения и преподавания философских вопросов естествознания. Он имел вкус к этой работе, видимо, связанный с его первоначальным физико-математическим образованием. На руководимой им кафедре был разработан и введен в учебный план факультета курс «Философские проблемы естествознания»; подготовлены и изданы учебно-методические пособия по этому курсу. Вместе с А.М. Коршуновым В.С. Молодцов редактировал учебное пособие для студентов философских факультетов университетов (М., 1966. 120 с.) и курс лекций (М., 1967. 292 с.) по философским проблемам естествознания. В.С. Молодцов неоднократно отстаивал в руководящих органах необходимость выделения учебных часов для освоения философских вопросов естествознания. Он был одним из организаторов коллективных трудов по философским проблемам науки. На базе факультета проводились всероссийские конференции «Диалектический материализм и современный позитивизм» (1961), «Теория отражения и современное естествознание» (1963), «Марксизм и экзистенциализм» (1964), «Философские проблемы биологии» (1965), «Методологические вопросы системно-структурного исследования» (1967)². В 1960 г. на факультете было проведено совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР.

В.С. Молодцов хорошо понимал необходимость уделять большое внимание развитию на факультете логики в условиях, когда логика заняла важное место в современных технических дисциплинах, когда интенсивно стали развиваться новые неклассические направления в логике. Декан считал, что для студентов-логиков следует сократить объем преподавания остальных фило-

¹ См.: Молодцов В.С. На новый уровень подготовку философских кадров в университетах страны // *Вопр. философии*. 1959. № 7. С. 25–34.

² *Летопись Московского университета*. Т. II. М., 2004. С. 122, 158, 179.

софских дисциплин и вести занятия по особому учебному плану. В 1961 г. на факультете был проведен семинар для преподавателей логики.

Вместе с тем В.С. Молодцов был убежден в необходимости введения в учебный план курса диалектической логики. В 1959 г. на факультете была проведена межвузовская конференция по диалектической логике. Кафедру логики возглавляли «диалектические логики» В.И. Черкесов и М.Н. Алексеев. Эта двойственность породила ситуацию перманентного конфликта на кафедре логики между «формальными» и «диалектическими» логиками в период деканства Молодцова. Решение было найдено в разделении кафедры логики. В 1965–1966 гг. на факультете существовала кафедра диалектической логики. Заведующим был назначен М.Б. Митин, который давно претендовал на звание какой-нибудь кафедрой на философском факультете МГУ¹. Кафедра была создана приказом Минвуза СССР. В Минвузе это решение было поддержано зам. министра Н.И. Моховым. Однако через год кафедра была закрыта ректором И.Г. Петровским. Безусловно, для Петровского были ближе аргументы его коллег, занимавшихся математической логикой, а также логиков с философского факультета². Другое дело, что ни о каком развитии диалектической логики под руководством Митина не могло быть и речи. В конце концов, преподаватели кафедры диалектической логики перешли на кафедру диамата, что было более разумно даже в чисто содержательном плане, а кое-кто вовсе ушел с факультета.

Что касается отношений между деканом и ректором Петровским, то они изменились к худшему к концу деканства Молодцова. Первоначально отношение ректора было очень положительным, особенно когда он узнал о физико-математическом образовании Молодцова. Причиной охлаждения стала принципиальность декана. Петровский, как и многие представители естественных и точных наук, сдержанно относился к философии, считал полезным реформировать философское образование, закрыть философские факультеты и готовить философские кадры на базе изучения конкретных наук. В наше время подобная же позиция крупных ученых-естественников привела к замене экзамена по философии в аспирантуре экзаменом по истории и философии конкретной науки. Для В.С. Молодцова, вся жизнь которого была посвящена совершенствованию философского образования, была очевидна несостоятельность подобных нигилистических предложений, и он критиковал за них ректора Петровского. В частности, Молодцов резко выступил против предложений Петровского на

¹ См.: Бочаров В.А. Как это было // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 73–85; Бирюков Б.В. Борьба вокруг логики в Московском государственном университете в первое послесталинское десятилетие (1954–1965) // Логика и В. Е. К. М., 2003. С. 39–101.

² См.: Косичев А.Д. Указ. соч. С. 284–285.

специально созванном совещании в Отделе науки ЦК КПСС¹. Поэтому, как пишет А.Д. Косичев, когда в 1968 г. истек срок полномочий декана, ректор был настроен не в пользу Молодцова, и его кандидатура на должность декана больше не выдвигалась².

В период деканства Молодцова разворачиваются международные контакты факультета. В августе 1954 г. В.С. Молодцов выступал с докладом о принципе развития на II Международном конгрессе по философии науки в Цюрихе³. В 1957 г. студенты факультета активно участвовали в подготовке и проведении VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Зарубежные философы как из социалистических, так и из капиталистических стран проходили стажировку в МГУ⁴. На философском факультете с разовыми лекциями выступали приезжавшие в Москву профессора из США, Франции, других стран. Большой интерес вызвала лекция Н. Винсера.

В 1953—1964 гг. В.С. Молодцов был руководителем философской секции Научно-технического совета Минвуза СССР и сыграл большую роль в развитии философского образования в стране. Эта его работа была неоднократно отмечена благодарностями Министра высшего и среднего специального образования СССР. В.С. Молодцов не мог не задумываться о том, каким будет абитуриент, поступающий на факультет, насколько он подготовлен к восприятию философии в средних и средних специальных учебных заведениях. В июне 1957 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук В.С. Молодцов выступил с инициативой ввести во всех техникумах страны курс философии. Более того, он поставил вопрос о преподавании курса научного мировоззрения в 10-х и 11-х классах школ. Он предлагал для решения этих задач организовать курсы переподготовки преподавателей общественных наук, используя для этого вечерние и заочные отделения гуманитарных факультетов вузов. Таким образом, он стоит у истоков современного школьного курса обществоведения⁵.

Стиль работы В.С. Молодцова как декана следующим образом охарактеризован А.Д. Косичевым: «Как руководитель факультета, Молодцов в решении и больших и малых вопросов проявлял твердость, решительность наряду

¹ См.: Косичев А.Д. Указ. соч. С. 199.

² Там же. С. 30.

³ См.: Иовчук М.Т. Международный философский конгресс в Швейцарии // Вестн. АН СССР. 1955. № 3. С. 76—81.

⁴ См.: Скэнлан Д.П. Американский философ в Московском университете, 1964/65 г. // Вопр. философии. 2000. № 1. С. 132—141.

⁵ См.: Иовчук М., Казаринов В., Молодцов В. О гуманитарном образовании в средней школе и его роли в формировании мировоззрения молодежи // Коммунист. 1959. № 9. С. 125—128.

с уважением и принципиальностью к оппонентам. Если он принял решение, то сбить его или направить в сторону было уже невозможно»¹.

В личном плане В.С. Молодцов был очень скромным человеком. Сам о себе он не мог хлопотать. Зато другим людям помогал, нисколько не афишируя свои добрые дела. Он помогал материально П.В. Алексееву, когда последний испытывал трудности, причем сам предлагал свою помощь. В.М. Федоров рассказывает, что когда на факультет поступил юноша из интерната, у которого не было родителей, В.С. Молодцов стал ему помогать, передавая через своего секретаря под видом материальной помощи от факультета свои личные деньги². Случай этот был далеко не единичным. Вот что вспоминает В.И. Купцов: «Я начал заниматься философией в начале 1960-х годов. Сразу же после окончания Физико-технического института я пришел на философский факультет для того, чтобы узнать условия поступления на него. Декан этого факультета профессор В.С. Молодцов очень доброжелательно поговорил со мной и обратил мое внимание на то, что получать второе образование я не имею права, но могу поступить в аспирантуру. Я успешно сдавал экзамены, пока дело не дошло до истории партии. Мне не удалось убедить моего экзаменатора, что мои знания по этому предмету заслуживают положительной оценки. Я был в отчаянии. Теперь все кончено! Пересдавать вступительные экзамены в аспирантуру было нельзя, тем более по основному идеологическому предмету. Однако В.С. Молодцов так не считал. Он повел меня к ректору МГУ академику И.Г. Петровскому, и тот после разговора со мной разрешил пересдачу, чем я и воспользовался»³.

Срок полномочий декана истекал у В.С. Молодцова в 1968 г. По возрасту он уже не мог претендовать на переизбрание. 27 февраля 1968 г. новым деканом был избран М.Ф. Овсянников.

В.С. Молодцов пользовался уважением и любовью студентов благодаря своей искренности, чуткости, вниманию к студенческим проблемам. Смысл своей деятельности он выразил так: «Все постигнуть нельзя. Но никогда не надо останавливаться, нужно стремиться по-новому подходить к фактам, стараться находить то, что принесет пользу народу»⁴.

С июля 1969 г. В.С. Молодцов работал профессором на кафедре диалектического материализма философского факультета МГУ, читал студентам пер-

¹Косичев А.Д. Указ. соч. С. 28.

²См.: Федоров В.М. Профессор В.С. Молодцов. 1899—1986 // Ученики учителей: Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 170.

³Купцов В.И. О Серафиме Тимофеевиче Мелюхине как о человеке и заведующем кафедрой // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 161.

⁴Московский университет. 1977. 30 ноября.

вого курса цикл лекций «Введение в специальность». С сентября 1980 г. был профессором-консультантом. Под его руководством защищены 4 докторских и 25 кандидатских диссертаций. Он был одним из инициаторов и организаторов многотомного издания «Марксистско-ленинская диалектика» и членом редколлегии серии (планировалось восемь томов, вышло пять: М., 1983–1988). В пожилом возрасте надевал орден Ленина и вместе с молодежью участвовал во всех субботниках.

В.С. Молодцов состоял членом секции философских и юридических наук Комитета по Ленинским премиям (1962–1969), членом, а затем председателем экспертной комиссии ВАК (1953–1964), членом бюро секции философских наук Всесоюзного общества «Знание» (1951–1960), членом совета Главной редакции общественно-политической литературы (1966–1967), членом комиссии при Советском комитете защиты мира (1964), членом секции общественных наук Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (1965–1969), председателем ревизионной комиссии Философского общества СССР (1971–1982).

В.С. Молодцов был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции (23.01.1980), медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 800-летия Москвы», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 25 января 1975 г. он был награжден Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР; 27 марта 1978 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». 14 января 1980 г. Молодцов получил нагрудный знак «225 лет МГУ». 9 февраля 1982 г. ему был вручен знак «50 лет пребывания в КПСС».

Умер Василий Сергеевич Молодцов 30 сентября 1985 г. в Москве. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304624. Учетная карточка члена КПСС № 09402947 (1973).

Центральный архив г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 212. Л. 43–43 об.

Сочинения

Женщина в городских Советах // Организация управления. 1932. № 3. С. 86–88.

Диалектика и метафизика // О диалектическом и историческом материализме. М., 1939. С. 79–93.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ МОЛОДЦОВ

Диалектика и метафизика // В помощь изучающим историю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Саранск, 1939. С. 201—221.

Диалектика и метафизика // Большевик. 1939. № 2. С. 59—74.

Диалектика и метафизика // В помощь изучающим историю ВКП(б). Сб. 1. М.; Л., 1940. С. 284—298.

О забастовочном движении в годы революционного подъема // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 127—130.

Что делают гитлеровцы с землей и трудом колхозников // Спутник агитатора. 1943. № 11—12. С. 15—20.

Реакционные черты немецкой философии и гитлеровское варварство // Славяне. 1944. № 8. С. 20—25.

Великая борьба славян против немецких захватчиков завершилась победой // Блокнот агитаторов. 1945. № 15. С. 15—32.

Речь на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» // Вопр. философии. 1947. № 1. С. 104—109.

Коренное отличие марксистской философии от буржуазного мировоззрения. М., 1948. 44 с.

Выдающийся образец партийности в философии: Речь на кн.: Ленин В.И. Сочинения. 4-е изд. Т. 14. М., 1947 // Большевик. 1948. № 1. С. 24—42.

В.И. Ленин и И.В. Сталин о диалектическом законе противоречия: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1949. 226 с.

И.В. Сталин о раскрытии и преодолении противоречий // Вопр. философии. 1949. № 2. С. 205—226.

Великий вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма // Красная звезда. 1950. 29 сентября.

Марксистская диалектика как наука. М., 1951. 44 с. Переведена и издана в Будапеште (1952. 70 с.), Праге (1953. 45 с.).

О коренной противоположности марксистской философии буржуазному мировоззрению. М., 1951. 48 с. Переведена и издана в Берлине (1951. 64 с.), Будапеште (1951. 64 с.).

Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности в природе и обществе. М., 1951. 56 с. Переведена и издана в Будапеште (1952. 82 с.), Праге (1953. 54 с.).

Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Вопр. философии. 1951. № 5. С. 3—17.

Марксистская диалектика — научный метод познания и революционного преобразования мира // Московский пропагандист. 1951. № 8. С. 8—17.

О противоречиях при социализме и путях их преодоления // Большевик. 1951. № 14. С. 18—32.

За полноценный учебник по историческому материализму: Речь на кн.: Исторический материализм. М., 1950 / Под ред. Ф.В. Константинова // Правда. 1951. 3 августа. Соавторы: В. Платковский, Д. Чесноков.

Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности в природе и обществе // О диалектическом материализме. М., 1952. С. 40—81.

Вопросы диалектического материализма в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Вып. 2. М., 1952. С. 48—69.

Марксистская диалектика о развитии в природе и обществе. М., 1953. 72 с. Переведена и издана в Братиславе (1954. 78 с.).

Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности в природе и обществе // О диалектическом материализме. 2-е изд. М., 1953. С. 40—81.

И.В. Сталин об объективном характере законов природы и общества // Профессиональные союзы. 1953. № 2. С. 14—24.

Советские философы // Московский университет. 1953. 19 апреля.

Диалектический материализм. М., 1954. 440 с. Соавторы: Г.Ф. Александров, А.В. Востриков, С.П. Дудель, И.В. Кузнецов, М.А. Леонов, К.В. Мороз, Н.В. Овчинников, Т.И. Ойзерман, Д.М. Трошин, В.П. Чертков.

Выступление на обсуждении книги «Диалектический материализм» // Вопр. философии. 1954. № 1. С. 203.

В.И. Ленин о творческом характере марксистской философской науки // Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию Московского университета. Тезисы докладов философского факультета. М., 1955. С. 4—5.

В.И. Ленин о творческом характере марксистской философской науки // Вестн. Моск. ун-та. 1955. № 7. С. 98—99.

Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма // Вопр. философии. 1956. № 1. С. 188—194.

Философские произведения Плеханова // Правда. 1956. 18 ноября.

Диалектика превращения возможности в действительность. М., 1958. 52 с.

Выступление // Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958. С. 491.

Классовые и гносеологические основы ревизионизма // Вопр. философии. 1958. № 12. С. 14—24.

Закономерности перехода к коммунизму. М., 1959. 32 с.

В.И. Ленин о партийности в философии // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — важнейший этап в развитии марксистской философии. М., 1959. С. 39—51.

На новый уровень подготовку философских кадров в университетах страны // Вопр. философии. 1959. № 7. С. 25—34.

Выступление на координационном совещании в Институте философии АН СССР // Вестн. АН СССР. 1959. № 8. С. 110.

О гуманитарном образовании в средней школе и его роли в формировании мировоззрения молодежи // Коммунист. 1959. № 9. С. 125—128. Соавторы: М.Т. Ювчук, В.В. Казаринов.

Полезная инициатива Учпедгиза: Рец. на кн.: Панцхава И.Д. Диалектический материализм. М., 1958. 316 с. // Вопр. философии. 1959. № 10. С. 150—154. Соавторы: А.К. Курьяев, И.А. Майзель, Ю.С. Мелещенко, Ю.С. Новиков.

Об одновременном переходе стран социалистической системы к коммунизму // Некоторые теоретические вопросы строительства коммунизма. М., 1960. С. 171—191.

Автоматизация и комплексная механизация — важнейшее условие всестороннего развития личности // Совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР. Материалы для обсуждения на секции заведующих кафедрами философии. М., 1960. С. 32—37.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ МОЛОДЦОВ

Марксистская философия — передовое научное мировоззрение: Рец. па кн.: Основы марксистской философии. М., 1959. 688 с. // Вопр. философии. 1960. № 8. С. 167—174. Соавтор: Ц.А. Степанян.

«До встречи в Москве!» // Московский университет. 1960. 17 июня. Соавторы: Т.И. Ойзерман, В.В. Соколов.

Марксизм-ленинизм о классовых и гносеологических корнях религии // Основные вопросы научного атеизма. М., 1962. С. 266—274.

Выступление на партийной конференции университета // Московский университет. 1962. 1 июня.

Научное мировоззрение — каждому строителю коммунизма. М., 1963. 48 с.

Формирование научного мировоззрения. М., 1963. 38 с.

Выдающееся научное исследование по проблемам психологии: Рец. на кн.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959 // Философские науки. 1963. № 3. С. 96—100. Соавтор: Н.Ф. Талызина.

Предисловие // Методологические проблемы современной науки. М., 1964. С. 3—12.

Диалектическая логика — это новое понимание логической необходимости // Очерк о диалектической логике. М., 1964.*

Серьезное историко-философское исследование: Рец. па кн.: Нуцубидзе Ш.И. История грузинской философии. Тбилиси, 1960 // Вопр. философии. 1964. № 3. С. 162—164. Соавторы: В.А. Гагоидзе, С.Б. Церетели.

Возьмите перья в дорогу // Московский университет. 1964. 5 июня. Соавтор: В.Т. Калтахчян.

Возникновение диалектического и исторического материализма — революция в философии. М., 1965. 78 с.

Антикоммунизм — черное знамя империалистической реакции // Против империалистической идеологии антикоммунизма. М., 1965. С. 3—23.

Космос и философия // Московский университет. 1965. 27 апреля.

Воспитывать в себе воспитателей // Московский университет. 1965. 3 сентября.

Формирование коммунистического мировоззрения — основа коммунистического воспитания. М., 1966. 25 с.

О противоречиях // Диалектика и логика научного познания. М., 1966. С. 239—245.

Формирование научного мировоззрения // Социализм и коммунизм. Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966. С. 185—211. Соавтор: В.Ж. Келле.

Выступление на обсуждении шеститомной «Истории философии» // Философские науки. 1966. № 2. С. 135, 138.

Научное мировоззрение — основа коммунистического сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1966. № 6. С. 3—13.

С первых дней — за дело! // Московский университет. 1966. 6 сентября.

Объективность противоречий и их роль в развитии социализма // Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1967. С. 3—14.

Системность объекта // Методологические вопросы системно-структурного исследования. М., 1967. С. 3—7.

О некоторых закономерностях развития социалистического сознания // Великий Октябрь и актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1967. С. 42—51.

Социализм и обновление человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 5. С. 9—18.

Новый этап в жизни каждого из нас // Московский университет. 1967. 15 декабря.

В.И. Ленин и методологические проблемы науки // Методологические проблемы современной науки. М., 1970. С. 3—16.

Заключение // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т. II. М., 1970. С. 425—428.

Социалистический интернационализм — основа содружества народов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1972. № 6. С. 26—36.

Мировоззрение, научная картина мира, обучение // Проблемы формирования коммунистического мировоззрения. Мн., 1975. С. 21—40.

Научное мировоззрение и социальный прогресс // Философия и современность: К 75-летию академика М.Б. Митина. М., 1976. С. 39—48.

Мировоззрение и наука // Проблемы формирования коммунистического мировоззрения. Мн., 1976. С. 21—41.

Учение о будущем // Московский университет. 1977. 24 апреля.

Доклад председателя ревизионной комиссии // II съезд Философского общества СССР. М., 1978. С. 121—132.

Марксистско-ленинская философия — основа социалистического сознания. М., 1981. 163 с.

Выступление на советско-чехословацком симпозиуме по проблемам диалектики // Вестн. высшей школы. 1981. № 4. С. 75—76.

В.И. Мальцев (1906—1975) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 252—254.

Е.Ф. Муравьев (1896—1980) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 257—259.

Рец. на кн.: Платонов Г.В. Марксистско-ленинская философия и частные науки. М., 1982. 191 с. // Философские науки. 1984. № 4. С. 170—174. Соавтор: К.Т. Бельский.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 71—72.

Литература

Белова Н. О недостатках одной философской брошюры: Рец. на кн.: Молодцов В.С. Марксистская диалектика о развитии в природе и обществе. М., 1953. 73 с. // Московский пропагандист. 1953. № 6. С. 71—74.

Газенко В.И., Руткевич М.Н. За глубокое изучение проблем диалектического материализма // Вопр. философии. 1954. № 2. С. 227—232.

Шестидесятилетие профессора В.С. Молодцова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1960. № 2. С. 92—93.

Молодцов Василий Сергеевич // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 487.

Дергачева Л.П., Кравченко Л.Г., Якубов М.И. Ценное пособие по философским проблемам естествознания: Рец. на кн.: Философские проблемы естествознания / Под

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ МОЛОДЦОВ

ред. А.М. Коршунова, В.С. Молодцова. М., 1967. 292 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 5. С. 97–99.

Василий Сергеевич Молодцов // Московский университет. 1977. 26 апреля.

Реснянская Л. Счастье, которым живу // Московский университет. 1977. 30 ноября.

Федоров В.М. Талант организатора // Московский университет. 1985. 8 февраля.

Василий Сергеевич Молодцов (Некролог) // Московская правда. 1985. 4 октября.

Василий Сергеевич Молодцов (Некролог) // Вопр. философии. 1985. № 12. С. 157.

Василий Сергеевич Молодцов (Некролог) // Философские науки. 1986. № 2. С. 190.

Памяти Василия Сергеевича Молодцова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 79–81.

Федоров В.М. Профессор В.С. Молодцов. 1899–1986 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 165–173.

Алексеев П.В. Молодцов Василий Сергеевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 647–648.

Косичев А.Д. Молодцов Василий Сергеевич // Русская философия. М., 2007. С. 344–345.

МИХАИЛ ФЕДОТОВИЧ ОВСЯННИКОВ

Декан в 1968—1974 гг.

Михаил Федотович Овсянников родился 21 ноября 1915 г. в с. Пузачи Мантуровского (Солнцевского, Тимского) района Курской области в бедной крестьянской семье. Его отец погиб на фронте Первой мировой войны. Сам Михаил Федотович с детства занимался крестьянским трудом. Его близкий друг В.В. Соколов, проживший с ним три года в одной комнате в двух общежитиях МГУ, так говорит о нем: «Выйдя из самых глубин народа, он смог подняться до больших профессиональных вершин в области философии. Человек, увлеченный наукой. Врожденный интеллигент. Когда говорят, что интеллигентность — свойство не образованности, а характера — он может служить образцом такого интеллигента. Очень деликатный, никогда не обидит, выдержка хорошая была, редко выходил из себя».

Окончив начальную школу в родном селе, М.Ф. Овсянников продолжил учебу в школе II ступени в районном центре Мантурово. После окончания школы-девятилетки (школы колхозной молодежи) М.Ф. Овсянников в октябре 1932 г. уехал к родственникам в Мариуполь, где работал смазчиком электрокрана на заводе им. Ильича. В октябре 1933 г. он переехал в Москву, где стал работать на заводе «Фрезер» кочегаром, помощником машиниста паропутевого крана в железнодорожных мастерских, а затем слесарем и одновременно учился на вечернем рабфаке при этом заводе.

В эти годы М.Ф. Овсянников увлекался литературой, искусством. Окончив рабфак, в октябре 1935 г. поступил на филологический факультет Государственного педагогического института им. А.С. Бубнова (ныне — МПГУ). В институте учился хорошо, увлеченно, с 1936 г. стал получать стипендию имени М. Горького. Осваивал языки: немецкий, французский, английский. Его учителями были Б.И. Пуришев, Ф.П. Шиллер. Тщательно изучал литературоведение, но оно не увлекло его настолько, чтоб посвятить ему всю дальнейшую жизнь. На последнем курсе института он выбрал философию¹.

В сентябре 1939 г. М.Ф. Овсянников поступил в аспирантуру кафедры истории зарубежной литературы МПГИ. Одновременно сдавал кандидатские экзамены в аспирантуре кафедры диалектического и исторического ма-

---

¹См.: Соколов В.В., Турок Г.П. Михаил Федотович Овсянников. 1915—1987 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 182.

териализма МГУ. За полтора года он с блеском сдал экзамен кандидатского минимума по диалектическому и историческому материализму, а затем — по истории философии. Нужно было определить тему диссертации. Сначала М.Ф. Овсянников хотел заниматься эстетикой французских символистов. Он обратился за советом к Дьердю Лукачу, работавшему в тот период в Институте философии АН СССР. Георгий Осипович Лукач (так его тогда называли в России) предложил аспиранту тему «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака». Он же познакомил его со своим другом, коллегой и единомышленником М.А. Лифшицем. От них М.Ф. Овсянников воспринял любовь к Гегелю и неприятие вульгарного социологизма. Оба они принадлежали к так называемому «течению», группировавшемуся вокруг журнала «Литературный критик». Представители «течения» Г.О. Лукач, М.А. Лифшиц, В.Р. Грив в тот период написали много работ, посвященных социально-философскому и эстетическому осмыслению творчества Бальзака. Многие свои работы, опубликованные гораздо позже («Молодой Гегель», «Разрушение разума»), Лукач давал читать своему молодому другу еще в рукописи. В ходе работы над темой М.Ф. Овсянников часто обращался к Г.О. Лукачу за разъяснениями. Лукач мог беседовать с человеком, действительно заинтересованным философскими проблемами, неограниченное время. Совет заняться Гегелем и Бальзаком был вызван прежде всего желанием помочь в становлении молодого аспиранта как ученого. Ведь у таких великих авторов и нужно учиться всю жизнь. М.Ф. Овсянников читал и переводил книги на английском и немецком языках, а по-французски мог объясняться, поэтому «обучение» проходило плодотворно. Впоследствии М.Ф. Овсянников с благодарностью вспоминал советы Д. Лукача: «По-моему, Лукач был совершенно прав. Изучение Гегеля и Бальзака было очень интересной работой. Эта работа помогла моему развитию, тому, что я стал теоретиком искусства. Вообще, он сделал для меня очень много. Ему принадлежит большая заслуга в том, что я стал эстетиком»¹. Присущий всему творческому пути М.Ф. Овсянникова синтез теории и истории эстетики с историей философии ярко проявился уже в кандидатской диссертации.

В июле 1941 г., в первые дни Великой Отечественной войны, М.Ф. Овсянников вступил в народное ополчение Московского университета. В августе и сентябре 1941 г. это соединение было дислоцировано в районе Вязьмы, где их застало наступление немецко-фашистских войск на Москву. Вяземская операция 1941 г. развивалась неудачно для наших войск. Оборонительные работы в полосах дислокации советских войск не были завершены. 2 октября 1941 г. противнику удалось прорвать оборону советских войск и продвинуться вглубь

¹ Овсянников М.Ф. Воспоминания о Дьерде Лукаче // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 6. С. 21–22.

на 15–30 км. Контрудары армейских, а затем и фронтовых резервов, проведенные с утра 3 октября, не дали ожидаемых результатов. Решение на отвод войск на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж осуществить также не удалось. Клинья немецко-фашистских танковых групп соединились в районе Вязьмы и отрезали пути отхода четырем советским армиям. Части, в которой служил М.Ф. Овсянников, пришлось выходить из окружения. Окруженная группа армий оттянула на себя часть войск врага, наступавших на Москву, и позволила советскому командованию выиграть время для организации Можайской линии обороны. Окруженцы шли главным образом ночью, а днем спали, нередко прямо на уже замерзшей земле, когда постелью в лучшем случае служили ветки деревьев и немного сена, если оно оказывалось рядом¹. В середине октября 1941 г. часть окруженных советских войск прорвалась из окружения². С ними был и М.Ф. Овсянников. Ему и его товарищам удалось выйти в расположение 49-й армии в районе Малоярославца. При выходе из окружения он был ранен.

В 1942 г. было принято постановление правительства о демобилизации аспирантов третьего года обучения. В октябре 1942 г. М.Ф. Овсянников по болезни был демобилизован, восстановился в аспирантуре кафедры истории философии философского факультета МГУ. Научным руководителем его был Б.С. Чернышев. 15 ноября 1943 г. М.Ф. Овсянников с большим успехом защитил в МГУ кандидатскую диссертацию. В диссертации были использованы многочисленные источники на иностранных языках. Официальные оппоненты Г.О. Лукач и М.А. Лифшиц отметили незаурядные достоинства диссертации. Впоследствии в переработанном виде М.Ф. Овсянников издал свою работу в виде монографии «Искусство и капитализм».

С октября 1943 г. М.Ф. Овсянников работал на философском факультете МГУ ассистентом кафедры диалектического и исторического материализма, затем старшим преподавателем кафедры истории западноевропейской философии. Уже в этот период М.Ф. Овсянников читал студентам лекции по эстетике. Он был постоянно готов к общению со студентами. Его большие знания, редкая доброта привлекали к нему многих. Высоким был его моральный и научный авторитет на факультете. Он был человеком принципиальным, неспособным идти против своей совести. Поэтому он не мог остаться равнодушным к диктаторскому поведению заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма Э.Я. Белецкого, который навязывал всем мнение о

¹ См.: Соколов В.В., Турок Г.П. Михаил Федотович Овсянников. 1915–1987 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. С. 184.

² Вяземская операция 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия. М., 1985. С. 198.

том, что специально изучать историю философии не надо, что это лишь «мыслительный материал» для марксизма-ленинизма.

В 1946 г. М.Ф. Овсянников вместе с В.Ф. Асмусом выступил официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации В.В. Соколова, посвященной историко-философским проблемам. В ходе защиты произошел резкий обмен мнениями между З.Я. Белецким и его сторонниками и теми, кто понимал значимость изучения истории философии для того, чтобы стать настоящим философом. Несмотря на то что диссертация В.В. Соколова была защищена, заведующий кафедрой истории западноевропейской философии В.И. Светлов под давлением З.Я. Белецкого не решился зачислить В.В. Соколова на кафедру¹. В сентябре 1947 г. под давлением З.Я. Белецкого декан Д.А. Кутасов уволил М.Ф. Овсянникова с факультета. Увольнение сопровождалось политическими обвинениями. В феврале 1948 г. партбюро факультета заслушало на своем заседании отчеты руководителей тех кафедр, которые были заподозрены в «политической незрелости». Им «было указано на необходимость решительной борьбы с проявлениями буржуазного объективизма и преклонением перед буржуазной наукой». В числе главных обвиняемых были наваны В.Ф. Асмус и М.Ф. Овсянников².

М.Ф. Овсянников сумел устроиться на работу старшим преподавателем (затем доцентом) на кафедру диалектического и исторического материализма Московского областного пединститута. По совместительству он стал работать заместителем заведующего редакцией философии и психологии Издательства иностранной литературы. Заведовал редакцией М.А. Дынник. Однако через некоторое время органами МГБ был арестован директор этого издательства Б.Л. Сучков — товарищ М.Ф. Овсянникова по институту, с которым они вместе выходили из окружения в 1941 г. Угроза ареста нависла над М.Ф. Овсянниковым, и ему пришлось уйти с этой работы.

В 1946–1947 гг. М.Ф. Овсянников был докторантом Института философии АН СССР. Ему было предложено разрабатывать тему о философии Гегеля и написать раздел о Гегеле для нового издания «Истории философии». После того, как в результате письма З.Я. Белецкого Сталину в 1944 г. был

¹См.: Соколов В.В. Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни // *Вопр. философии*. 2001. № 1. С. 69–82; *Он же*. Моя работа на философском факультете в предвоенные и послевоенные годы // *Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории*. М., 2002. С. 156–164; *Он же*. Памятные факты о покойном друге // *Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года)*. М., 2007. С. 19–23.

²См.: *Эпштейн М.* Улучшать подготовку философских кадров // *Московский университет*. 1948. 14 февраля.

«осужден» третий том «Истории философии», Институту философии было поручено написать том заново. За это взялся М.А. Дынник, но до написания дело не дошло. Возможно, что именно М.А. Дынник и предложил М.Ф. Овсянникову это задание. Но это поручение не облегчило ситуацию, в которой оказался М.Ф. Овсянников. В МГУ В.И. Светлов, сделавший карьеру на критике третьего тома «серой лошади» и получивший кафедру истории философии, боялся З.Я. Белецкого, резко негативно настроенного против немецкой классической философии. При этом все знали, что «гегельянство» активно недолюбливает сам Сталин. Г.Ф. Александров, снятый со своего высокого поста в ЦК ВКП(б) и назначенный в октябре 1947 г. директором Института философии, решил не переделывать третий том, а готовить «Историю философии» заново, с первого тома. В этих условиях систематические занятия философией Гегеля были для советского философа делом опасным с непредсказуемыми последствиями. Одновременно новый директор фактически разогнал аспирантуру и докторантуру, и М.Ф. Овсянникову пришлось оставить занятия в докторантуре Института философии. За ним оставалась только должность старшего преподавателя в МОПИ.

М.Ф. Овсянников очень переживал удары, один за другим свалившиеся на него. У него наступил период тяжелого душевного кризиса, но он продолжал серьезно заниматься философией Гегеля. Отдушиной для него стали посещения квартиры А.Ф. Лосева, с которым М.Ф. Овсянников был знаком с конца 1930-х гг., а затем вместе работал в 1943 г. на философском факультете МГУ. М.Ф. Овсянников приходил к А.Ф. Лосеву на Арбат беседовать и читать еще не напечатанные работы А.Ф. Лосева по истории античной эстетики. М.Ф. Овсянников много почерпнул для себя из бесед с А.Ф. Лосевым, в том числе и для своей работы над эстетикой Гегеля. Постепенно М.Ф. Овсянников восстановился после пережитых неприятностей. Он никогда этого не забывал. Впоследствии М.Ф. Овсянников приглашал А.Ф. Лосева участвовать в написании «Истории эстетической мысли», печатал его статьи в сборниках «Эстетика и жизнь», подготовил представление А.Ф. Лосева к Государственной премии СССР от Института философии¹.

В 1954 г. В.В. Соколов, вернувшийся к тому времени на философский факультет, предложил новому заведующему кафедрой истории зарубежной философии Т.И. Ойзерману пригласить М.Ф. Овсянникова на освободившуюся ставку. В начале 1955 г. М.Ф. Овсянников был оформлен доцентом кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ по совместительству с основной работой в МОПИ. А с сентября, с начала но-

¹Тахо-Годи А.А. Вспоминая Михаила Федотовича Овсянникова // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). С. 23–27.

вого семестра, он опять стал штатным сотрудником философского факультета МГУ. 13 сентября 1957 г. М.Ф. Овсянникову было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. Согласно воспоминаниям В.П. Шестакова, М.В. Овсянников читал студентам спецкурс по «Феноменологии духа» Гегеля¹. Строился спецкурс скорее как спецсеминар: чтение текста Гегеля с последующим обсуждением, дискуссией, разбором сложных мест. По воспоминаниям П.В. Алексева, М.Ф. Овсянников читал раздел курса истории философии, посвященный Гегелю. «Этот чрезвычайно сложный раздел он излагал с большой глубиной, но настолько интересно, методически отработано, что это делало лекционный материал прочно и легко усвояемым»². В 1959 г. вышла его монография «Философия Гегеля», на основе которой М.Ф. Овсянников защитил в Институте философии АН СССР докторскую диссертацию «Философия Гегеля». 25 февраля 1961 г. ВАК присудила М.Ф. Овсянникову степень доктора наук. 6 сентября 1961 г. он стал профессором.

Книга М.Ф. Овсянникова была новаторской в том отношении, что в ней впервые в отечественной историко-философской литературе обстоятельно рассматривались все составные части гегелевской философии (феноменология духа, логика, философия природы, философия духа). В 1971 г. в серии «Мыслители прошлого» вышла еще одна книга М.Ф. Овсянникова о Гегеле, подготовленная на основе предыдущей монографии, но выполненная в научно-популярном жанре. Особое внимание М.Ф. Овсянников уделил гегелевской диалектике.

В июне 1960 г. на философском факультете была образована кафедра этики и эстетики. Заведующим кафедрой стал М.Ф. Овсянников. С 1968 г. кафедра эстетики философского факультета МГУ существует как самостоятельная. М.Ф. Овсянников заведовал ею до конца жизни.

Советская эстетика развивалась синхронно с мировой. В программу Всемирных философских конгрессов секции по эстетике стали включать только после Второй мировой войны. Международные конгрессы по эстетике и искусству начали созывать в 1930-е гг., но проходили они нерегулярно. В СССР эстетикой в Институте философии в конце 1920-х гг. серьезно занималась одна Л.Я. Зивельчинская. С середины 1930-х гг. над вопросами эстетики работали в Институте философии Г.О. Лукач и М.А. Лифшиц. Группа эстетики впервые была создана в Институте философии 25 июля 1945 г.³ Руководили группой, а затем сектором эстетики В.Ф. Берестнев и П.С. Трофимов. Общественного резонанса их работа не имела.

¹ См.: Шестаков В.П. М.Ф. Овсянников — выдающийся историк эстетической мысли // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). С. 32.

² Алексеев П.В. Овсянников Михаил Федотович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 698.

³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 160. Л. 14.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. сложилась принципиально иная ситуация. В период «оттепели», после XX съезда КПСС эстетика явилась вдруг, как Афродита из пены морской. Это время настоящего эстетического бума. Обращение к занятиям эстетикой стало одной из форм обретения свободы. Искусство перестали рассматривать только в аспекте служения политическим целям. На первый план вышла эстетическая сущность искусства. Обнаружилась потребность в изучении эстетики и вопросов эстетического воспитания у широких слоев населения. В вузах стали стихийно возникать кружки по эстетике, в которых читались доклады об искусстве, велись дискуссии о поэзии, музыке, живописи. Эстетику стали вводить как обязательный и факультативный курсы во многих вузах, в том числе и технических.

Но не было еще никаких центров, которые бы готовили преподавателей эстетики. М.Ф. Овсянников стал тем человеком, который смог организовать и возглавить это мощное научно-педагогическое движение. Он стал руководить городским семинаром преподавателей, которые рискнули без специальной подготовки читать эстетику. На занятия он приглашал докладчиков с новаторскими темами. В частности, у него выступил Е.Г. Яковлев с докладом «Искусство и религия»¹.

М.Ф. Овсянников большое внимание уделял выпуску популярной методической литературы по эстетике для университетов культуры, пропагандистов. Примером может служить научно-популярная книга «Эстетика» (1966). Вопросы широкой популяризации эстетических знаний были в поле зрения М.Ф. Овсянникова во все годы его лидерства в советской эстетике. 17 лет он руководил Общественным институтом эстетического воспитания при Центральном совете Педагогического общества РСФСР. Начиная с 1960-х гг. ни одно мероприятие, ни один государственный документ по вопросам эстетики и эстетического воспитания не готовился без самого активного участия М.Ф. Овсянникова. К нему обращались как к самому авторитетному специалисту по этим вопросам. Более 20 лет он возглавлял программную комиссию по эстетике Минвуза СССР. Под его руководством создавались программы по эстетике для различных типов учебных заведений. М.Ф. Овсянников задействовал все имевшиеся на тот момент организационные рычаги, чтобы обеспечить пропаганду эстетических знаний среди населения и особенно молодежи. Он являлся председателем секции эстетического воспитания молодежи при ЦК ВЛКСМ и Академии педагогических наук СССР, на протяжении многих лет руководил семинаром пропагандистов при МГК КПСС.

¹См.: Волкова Е.В. Страницы воспоминаний о профессоре М.Ф. Овсянникове // Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства: IV Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 23–24 ноября 2010 года). М., 2010. С. 37.

Кафедра эстетики философского факультета МГУ подготовила программы по курсу эстетики для вечерних университетов марксизма-ленинизма, университетов культуры, сети партпросвещения. Кафедра разрабатывала проблемы промышленной эстетики¹. В 1959 г. на факультете был проведен Республиканский семинар преподавателей эстетики, на котором лекции читали ведущие специалисты по эстетике из МГУ. В 1961 г. по инициативе кафедры была проведена дискуссия о природе эстетического с участием работников других вузов и научных учреждений Москвы.

С ноября 1963 г. М.Ф. Овсянников заведовал сектором эстетики Института философии АН СССР: сначала бесплатно, а с февраля 1976 г. — на полставки². С сентября 1974 г. работал по совместительству на полставки профессором кафедры философии АН СССР. В течение многих лет он был членом редколлегии и заведующим отделом эстетики редакции академического журнала «Вопросы философии», членом редколлегии журнала «Философские науки»; состоял заместителем председателя Научного совета АН СССР по проблемам эстетики; был одним из руководителей Советской эстетической ассоциации. В 1966 г. с предисловием М.Ф. Овсянникова в серии «Философское наследие», которая издавалась Институтом философии совместно с издательством «Мысль», вышла «Философия искусства» Шеллинга. М.Ф. Овсянников руководил изданием серий «Эстетика и жизнь» и «Эстетика за рубежом». Книги этих серий знакомили читателей с новейшими достижениями советской и зарубежной эстетики. М.Ф. Овсянников был в курсе всех направлений эстетической мысли, стремился поддерживать все новое в эстетической науке, даже если это новое не импонировало ему лично как исследователю.

В 1968 г. проводились выборы декана философского факультета МГУ. На эту должность руководством университета была выдвинута кандидатура М.Ф. Овсянникова. Ее поддерживала группа профессоров, в которую входили А.С. Богомолов, А.Я. Ильин и др. В другую группу профессоров, настроенных иначе, входили В.С. Молодцов, А.Д. Косичев, А.М. Ковалев и др. А.Д. Косичев в своих мемуарах подробно описал перипетии, связанные с выборами декана. В числе аргументов против кандидатуры М.Ф. Овсянникова указывали на его «мягкотелость», отсутствие «твердой руки», организаторской «хватки». В пользу кандидатуры М.Ф. Овсянникова выступил В.Ф. Асмус, который помнил его еще как любознательного и неутомимого аспиранта. М.Ф. Овсянников был избран деканом.

¹ В хоздоговорные работы включаются философы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1964. № 5. С. 93.

² В литературе указывается, что М.Ф. Овсянников заведовал сектором до 1986 г., но в его личном деле нет никаких документов о его освобождении от этой должности.

«Вновь избранный декан на деле оказался не таким бесхарактерным и “мягкотелым”, как до этого считали некоторые профессора и преподаватели, — пишет А. Д. Косичев. — Он снял с должности заведующего кафедрой профессора Г. С. Васецкого и повел активную борьбу против своих возможных противников — профессоров В. С. Молодцова, А. Д. Косичева, А. М. Ковалева, Д. Ф. Козлова, произвел частичную перестройку организационной структуры деканата, сделал своим первым заместителем по научной работе профессора А. С. Богомолова¹ и т. д.»². Ректорату и парткому МГУ пришлось разбирать сложную ситуацию групповой борьбы на факультете, проводить совещание с заведующими кафедрами и членами Ученого совета факультета об итогах работы нового декана и ходе перестройки факультета.

Сегодня несложно было бы квалифицировать одну боровшуюся группу как «прогрессивную», другую — как «ретроградную». Но давать подобные оценки — значит упрощать реальный неоднозначный исторический процесс. А. Д. Косичев критиковал работу М. Ф. Овсянникова как декана, однако сохранял при этом доброе отношение к нему и высоко ценил его как профессионала: «Под его внешней простотой, постоянным приветливым выражением лица и вообще видом “простолюдина” (термин Н. Г. Чернышевского для обозначения простого труженика) скрывалась боевая натура. Он никогда не спускал на тормозах важных проблем, а также не терпел обид и несправедливостей. Но злопамятным он не был»³. За время руководства факультетом М. Ф. Овсянникова благодаря умелой кадровой политике выдвинулись новые заведующие кафедрами, заместители декана, руководители общественных организаций.

В. В. Соколов и Г. П. Турук следующим образом характеризуют стиль работы М. Ф. Овсянникова на посту декана: «Несмотря на огромную занятость, Михаил Федотович оставался доступным всем человеком. К нему свободно шли со своими проблемами и студенты, и профессора. И ко всем он относился с исключительным тактом, вниманием, добротой. Это снискало ему заслуженную любовь коллектива и, конечно, не смогло не сказаться положительно на жизни всего факультета»⁴. М. Ф. Овсянников был нетипичным руководителем. Он органически не терпел бюрократических бумаг. И в то же время не жалел ни времени, ни энергии на разговор, на общение с людьми. К нему приезжали за советом и помощью со всех уголков страны. Если же в острой ситуации нужно было принимать решение, он руководствовался не соблюдением спущенных сверху инструкций, а интересами дела. Конечно, за такие решения

¹ Проработал в этой должности три месяца.

² Косичев А. Д. *Философия. Время. Люди*. 2-е изд. М., 2007. С. 30–31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Соколов В. В., Турук Г. П. Михаил Федотович Овсянников. 1915–1987 // *Учители об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета*. С. 187–188.

ему приходилось расплачиваться нервами и здоровьем, но живое дело шло вперед, а это было для него главным.

При декане М.Ф. Овсянникове философский факультет вышел на новый, более современный уровень развития. Суть нового качества жизни факультета, достигнутого при М.Ф. Овсянникове, состояла в том, что «развитие каждого творческого сотрудника не сковывалось никакими идеологическими ограничениями и навязчивостью идей»¹. Во времена идеологического контроля он сумел создать на факультете неидеологизированную атмосферу, не допускал преследований и проработок, прикрываемых идеологическими мотивами, использования административных рычагов в групповых интересах. Это не означало отсутствия убеждений. М.Ф. Овсянников был человеком идейным и принципиальным. Но будучи настоящим ученым, он умел четко отделять профессиональную работу в области философии от идеологического фони́рования.

Продолжалось совершенствование организационной структуры факультета. В 1968 г. на факультете были созданы самостоятельные кафедры этики и эстетики. Кафедру эстетики возглавил М.Ф. Овсянников и руководил ею до конца жизни. В 1969 г. было открыто отделение научного коммунизма, что существенно расширило проблематику научных исследований факультета. В 1971 г. была образована кафедра истории социалистических учений. В 1969 г. М.Ф. Овсянников стал главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия: Философия» и руководил им до 1983 г. До конца жизни М.Ф. Овсянников был председателем Философского общества МГУ и председателем Ученого совета философского факультета МГУ.

На пост декана М.Ф. Овсянников избирался дважды. Срок его полномочий заканчивался в 1974 г., и М.Ф. Овсянников не хотел оставаться больше в этой должности, отнимавшей много времени у научно-исследовательской работы. В связи с предстоящими выборами вновь обострилась групповая борьба на факультете, страсти разгорались. В результате М.Ф. Овсянников в феврале 1974 г. даже получил выговор без занесения в личное дело «за недостаточную подготовку проведения партийного собрания философского факультета МГУ». В июне 1974 г. он оставил пост декана.

М.Ф. Овсянников работал на стыке эстетики, истории эстетики и истории философии. Эстетика в любом случае оформилась бы в этот период как самостоятельная отрасль философского знания и практической деятельности. Мы отметили, что это был по сути объективный мировой процесс. Но пути становления и оформления эстетики в стране могли быть различными. И здесь решающую роль играл субъективный фактор. Этим «субъективным фактором» и стал

¹ Оруджев З.М. Михаил Федотович Овсянников // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 37.

М.Ф. Овсянников. Благодаря ему отечественная эстетика как наука выросла из истории философии. Она получила тем самым мощный общекультурный и теоретический фундамент. И потому созданная М.Ф. Овсянниковым российская эстетика живет сегодня и успешно демонстрирует свою жизнеспособность несмотря на кардинальные перемены, постигшие нашу философию и погубившие целые исследовательские направления. М.Ф. Овсянниковым был изначально избран верный вектор направленности становления новой дисциплины.

В пояснение этого тезиса можно указать на три масштабных проекта, которые были задуманы и реализованы М.Ф. Овсянниковым. Первый — это пять томов серии «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», вышедших под редакцией М.Ф. Овсянникова в 1962–1970 гг. Он прекрасно понимал, что по-настоящему освоить эстетическую науку можно только по первоисточникам. За практическим отсутствием таковых настоятельной была потребность в хрестоматии, антологии текстов классиков эстетики. Но ту же антологию можно было выполнить по-разному. М.Ф. Овсянников сделал из самой этой серии книг эстетическое явление. Тома были хорошо иллюстрированы. К подбору и комментированию текстов были привлечены уникальные специалисты первой величины: А.Ф. Лосев, В.П. Зубов, А.П. Каждан, И.Н. Голенищев-Кутузов, А.А. Аникст, Г.М. Фридендер, Л.Я. Рейнгардт, М.А. Лифшиц, А.В. Михайлов и др. Сам М.Ф. Овсянников писал к томам серии обширные вступительные статьи. Серия открыла для советского читателя много новых имен философов. Это касалось в основном античных и средневековых авторов, а также мыслителей Востока. По словам В.П. Шестакова, «многое из того, что было опубликовано в “Истории эстетики”, было переведено впервые и подготовлено специально для этого издания. Поэтому работа над этими книгами была не просто складыванием уже известного и готового знания, это был исследовательский проект, где было место и поиску и открытиям»¹.

Второй проект, которым с 1973 г. руководил М.Ф. Овсянников, — это серия томов «История эстетики в памятниках и документах». В редколлегия серии вошли А.А. Аникст, В.Ф. Асмус, К.М. Долгов, А.Я. Зись, М.А. Лифшиц, А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. После того, как первая потребность в знакомстве с текстами классиков эстетической мысли была удовлетворена, закономерным стал следующий шаг: публикация их научно прокомментированных сочинений в полном объеме. Сколько томов было издано в серии — оценки разнятся. К сожалению, отсутствует каталог серии, который

¹ Шестаков В.П. М.Ф. Овсянников — выдающийся историк эстетической мысли // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). С. 34.

сам мог бы служить путеводителем по истории эстетической мысли¹. В любом случае ясно, что в серии вышло несколько десятков томов. Следует учесть и то, что серия продолжала выходить и после смерти М.Ф. Овсянникова — в первой половине 1990-х гг., только сменив традиционный бордово-коричневый цвет обложек сначала на просто коричневый, а затем на желтый. Даже не проводя специального исследования, можно взять несколько томов серии, чтобы оценить, сколько сочинений выдающихся зарубежных мыслителей были переведены на русский язык впервые. Впервые были переведены «Критические размышления о поэзии и живописи» Ж.-Б. Дюбо, «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели» Ф. Хатчесона, «Лекции об изящных искусствах» Т. Рида, «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» Э. Берка, «Приготовительная школа эстетики» Жан-Поля, «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве» К.В.Ф. Зольгера и др. Что же касается сочинений русских мыслителей, то эти произведения в большинстве своем никогда ранее не переиздавались и в серии печатались по первым публикациям. Сказанное относится к «Размышлениям и разборам» П.А. Катенина, «Взгляду на нынешнее состояние русской словесности» В.К. Кюхельбекера и др. Состояние отечественной эстетической науки после публикации серии стало качественно иным. Мировая эстетическая мысль во всем ее разнообразии вошла в научный обиход сотен специалистов. Это существенно повысило их научный уровень. Стоит ли говорить о том, какую роль публикация серии сыграла в постановке изучения эстетики в вузах.

После того, как были решены две предыдущие задачи, совершенно закономерным стал следующий шаг: создание исследования по истории эстетики — не просто краткого очерка, какие издавались до этого, а фундаментальной много-томной истории. С 1985 г. под руководством М.Ф. Овсянникова стал реализовываться пятитомный проект «История эстетической мысли», в которой ведущими специалистами давалось систематическое исследование истории всей мировой эстетики. До выхода последнего тома М.Ф. Овсянников дожить не успел.

Научно-исследовательская и учебная работа в области эстетики была обеспечена также «Кратким словарем по эстетике», два издания которого вышли под редакцией М.Ф. Овсянникова.

Как руководитель кафедры эстетики М.Ф. Овсянников уделял большое внимание изданию учебной и учебно-методической литературы. Были разработаны программы по курсу эстетики для философских факультетов объемом 100 часов, для художественных вузов — объемом 72 часа и факультативный

¹Перечень книг, вышедших в серии за 1973—1983 гг., приводится в кн.: Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 462—464. К нему следует добавить также книгу Д. Дидро «Эстетика и литературная критика» (М., 1980), формально не входившую в состав серии.

курс — объемом 32 часа. Несколько раз печатался подготовленный кафедрой учебник по эстетике. К каждому следующему изданию учебник коренным образом перерабатывался. Учебник был переведен и издан в Болгарии, ГДР, Словакии, Чехии, на Кубе. Сам М.Ф. Овсянников несколько раз издавал учебные пособия по истории эстетики: сначала в соавторстве, затем индивидуально. От одной книги к другой рос не только объем, расширялась тематика, углублялась проработка вопросов. Завершением этой работы стало создание М.Ф. Овсянниковым классического учебника «История эстетической мысли». Изложение М.Ф. Овсянникова отличается компактностью, ясностью, глубиной и литературным изяществом. Большое внимание автор уделяет историческому развитию эстетических категорий. Ничего равного книге М.Ф. Овсянникова в учебной литературе по истории эстетики не создано, и по его учебнику еще долго будут учиться студенты.

Кафедра эстетики философского факультета МГУ под руководством М.Ф. Овсянникова стала центром эстетической мысли и подготовки специалистов по эстетике для России, всего Советского Союза, социалистических стран. Если иногородний эстетик почему-либо оказывался в Москве, он непременно навещался к М.Ф. Овсянникову, либо на кафедру эстетики МГУ, либо в сектор эстетики Института философии АН СССР. При кафедре эстетики философского факультета МГУ был образован специализированный совет по защите диссертаций по эстетике. В период руководства М.Ф. Овсянникова кафедрой было подготовлено около 40 докторов и около 400 кандидатов наук. Темы будущих диссертаций определялись таким образом, чтобы в результате проводимых исследований охватить все важнейшие направления эстетики. Лично М.Ф. Овсянниковым было подготовлено 15 докторов и около 100 кандидатов философских наук. Он был постоянно готов к общению со студентами, аспирантами. Всей душой отдавался работе с ними. Его отличала большая отзывчивость, человечность, отсутствие и тени какого-либо зазнайства.

В.В. Соколов и Г.П. Турук интересно рассказывают о кадровой политике М.Ф. Овсянникова на кафедре: «М.Ф. Овсянников очень тщательно подбирал кадры для работы на своей кафедре. Не спешил, всесторонне присматривался к той или иной кандидатуре. Иногда вакансии довольно долго оставались свободными. Но зато люди, которых он в конце-концов брал на кафедру, работали с полной самоотдачей. Сам великий труженик, Михаил Федотович требовал того же и от всех сотрудников»¹. Много внимания уделялось повышению квалификации сотрудников. На кафедре работал методологический семинар, на котором обсуждались актуальные проблемы эстетики. С докладами приглашались специалисты из Института философии АН СССР, видные деятели искусства.

¹ Соколов В.В., Турук Г.П. Михаил Федотович Овсянников. 1915–1987 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. С. 188.

Кафедра эстетики под руководством М.Ф. Овсянникова провела четыре Всесоюзные научные конференции по проблемам эстетики и ее преподавания (в 1963, 1972, 1983 и 1987 гг.). В каждой конференции участвовало около 400 специалистов из различных городов Советского Союза и других социалистических стран. Кафедра издавала не только материалы конференций. Регулярно печатались тематические сборники научных трудов, аспирантские сборники статей. При кафедре работал студенческий кружок по эстетике.

Кафедрой эстетики читался курс эстетики на восьми факультетах университета. В ходе лекций демонстрировались слайды, диапозитивы, диафильмы, магнитофонные записи, учебные кинофильмы. Причем, от показа имевшихся в прокате учебных кинофильмов сотрудники кафедры перешли к созданию своих учебных фильмов, соответствующих читаемым курсам. Были подготовлены и отсняты учебные фильмы: «Комическое», «Трагическое», «Творческий процесс». Нередки случаи, когда в аспирантуру кафедры приходят выпускники других факультетов. На протяжении многих лет М.Ф. Овсянников читал студентам философского факультета общий курс лекций по эстетике. Как лектор М.Ф. Овсянников был не очень ярким, обычно выступал спокойно, даже вяло. Но отсутствие внешнего блеска искупалось глубиной содержания. Лектор ориентировался именно на основательность, добротность, методическую выверенность. Того, кто следил за содержанием излагаемых мыслей, лекции М.Ф. Овсянникова увлекали, открывали слушателю новые миры, могли подчас изменить всю его жизнь.

М.Ф. Овсянников как эстетик получил большое признание за рубежом, что было неудивительно с его знанием языков и широчайшей историко-философской эрудицией. Он руководил советской делегацией и выступал на международных эстетических конгрессах: Амстердам (1964), Упсала (1968), Бухарест (1972), Дармштадт (1976), Дубровник (1980) и др. В Амстердаме он сделал доклад «Истоки новаторства в искусстве», в Упсале выступал с докладом «Свобода творчества и моральная ответственность художника», в котором рассматривал искусство в свете деятельностного подхода. Нередко тема следующего конгресса определялась по его предложению. В 1970 г. он был избран действительным членом Международного комитета эстетических исследований. Он состоял вице-президентом Международной эстетической ассоциации. «Эрудиция, личное обаяние, тактичность Михаила Федотовича снискали ему большой авторитет среди зарубежных философов и эстетиков»¹. Он вел интенсивную переписку с учеными многих стран, ему присылали монографии, отписки статей, приглашения на международные конгрессы. М.Ф. Овсянников много сделал для того, чтобы члены кафедры эстетики

¹ Соколов В.В., Турок Г.П. Михаил Федотович Овсянников. 1915—1987 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. С. 188—190.

контактировали с коллегами из Польши, Германии, Италии, Японии и других стран. М.Ф. Овсянников мог критиковать зарубежных коллег, но критика эта всегда была деловой и встречалась с пониманием. «Его уважали, — свидетельствует К.М. Долгов, — все самые выдающиеся эстетики того времени: Лукач, Осборн, Михелис, Банфи, Бензе, Лютцелер, Сурио, Имамичи, Татаркевич, Дюфрэнн, Морпурго-Тальябуэ и многие другие. С его мнением считались — каждый из известных эстетиков искал с ним встреч и бесед. Именно благодаря Михаилу Федотовичу зарубежные эстетики все с большим и большим уважением стали относиться к нашей эстетической науке и со все большим вниманием стали изучать исследования советских эстетиков»¹.

Во всех статьях и воспоминаниях о М.Ф. Овсянникове — россыпи характеристик его человеческих качеств. Все мемуаристы отмечают его объективность и принципиальность, тактичность и доброту, мудрость и скромность, совершенное бескорыстие, теплоту в отношениях с коллегами, заботу о начинающих ученых, огромную работоспособность. «Он буквально притягивал к себе других людей, очаровывал их своей изысканностью, внутренне присущей интеллигентностью, простотой, сердечностью и вниманием к их проблемам и интересам»².

В свободное время М.Ф. Овсянников увлекался фотографией, всегда носил с собой фотоаппарат.

М.Ф. Овсянников был награжден орденами Дружбы народов (23.01.1980), Отечественной войны II степени (1985), боевыми и юбилейными медалями, медалью «За трудовую доблесть», «В память 800-летия Москвы», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», Золотой медалью Академии художеств СССР, болгарским орденом Кирилла и Мефодия I-й степени.

М.Ф. Овсянников умер 11 августа 1987 г. Сохранились пронзительные воспоминания К.М. Долгова о последнем периоде жизни М.Ф. Овсянникова: «Михаил Федотович был человеком мужественным и стойким. Это касалось не только отстаивания принципиальных позиций в науке, в быту, в жизни вообще, но и в том, как он вел себя, когда на него обрушились великие беды и несчастья. Когда он заболел неизлечимой болезнью, то, несмотря на смертный приговор, о котором догадывался, а потом и узнал от врачей, Михаил Федотович мужественно боролся за свою жизнь. Он не был в это время ни угнетен, ни подавлен и не впадал в отчаяние, как это обычно бывает с большинством людей, обреченных на неминуемую смерть. Когда я приходил к нему в больницу, он выглядел довольно бодрым, а временами даже веселым, хотя бледным и не-

¹ Долгов К.М. Homo aestheticus // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). С. 41.

² Там же. С. 40.

сколько осунувшимся. На фоне бледного лица и всей белизны больничной палаты его темные глаза стали еще темнее — стали почти черными, и в них горел и сверкал обжигающий пламень воли к жизни и активной деятельности. В это время пришла верстка очередного тома «Истории эстетической мысли», главным редактором и одним и автором которой он был. Я спросил его о том, что может быть, он поручит мне или кому-нибудь из сотрудников сектора эстетики проверить этот текст, поправить, если есть какие опечатки, и внести необходимые исправления. Михаил Федотович категорически отказался и сказал, что он сам сделает все, что нужно, хотя в таком состоянии это было чрезвычайно трудно. И он действительно все прочитал и внес необходимые коррективы»¹.

М.Ф. Овсянников был прежде всего большим тружеником. Он трудился в науке так, как его предки (а потом и он сам) трудились на крестьянском поле. Его доброта и отзывчивость способствовали тому, что научная нива, которую он возделывал, привлекала к себе все больше и больше рабочих рук, и новые молодые силы, вдохновленные примером М.Ф. Овсянникова, смогли успешно продолжить то дело, основы которого он заложил в нашей стране. Важнейшим результатом многогранной работы М.Ф. Овсянникова и в МГУ, и за его стенами стало создание научного сообщества эстетиков в нашей стране.

На кафедре эстетики философского факультета МГУ при заведующих Е.Г. Яковлеве и А.С. Мигунове бережно сохраняется память о ее основателе. В кабинете кафедры выставлен портрет М.Ф. Овсянникова. Сотрудники кафедры регулярно навещали его вдову Нину Александровну вплоть до ее кончины в 2011 г. Ими изучался архив философа. На этой основе А.С. Мигунов в 1995 г. опубликовал по рукописи ранее не печатавшуюся статью М.Ф. Овсянникова. В 2007 г. Т.В. Кузнецова написала статью о М.Ф. Овсянникове для энциклопедии «Русская философия».

Кафедра эстетики в зале заседаний Ученого совета философского факультета МГУ регулярно проводит научные конференции памяти М.Ф. Овсянникова. Конференции состоялись в 2005, 2006, 2008 и 2010 гг.² На конференциях съезжаются эстетики со всей России, а также из Украины и Белоруссии. В них

¹ Долгов К.М. Homo aestheticus // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). С. 44.

² Эстетика: прошлое, настоящее и будущее. I Овсянниковская международная конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. 340 с.; Научное и постнаучное в современной эстетике. II Овсянниковская международная конференция (Москва, МГУ, 20–21 ноября 2006 года). М., 2006. 256 с.; Методы, понятия и коммуникации в современном эстетическом дискурсе. III Овсянниковская международная конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2008 года). М., 2008. 636 с.; Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства. IV Овсянниковская международная конференция (Москва, МГУ, 23–24 ноября 2010 года). М., 2010. 304 с.

принимают участие ученые всех возрастов, в том числе аспиранты и студенты. На конференциях обсуждается современное состояние понятийного аппарата эстетики, проблема метода в эстетике, средства эстетической коммуникации. Докладчики имеют возможность сопровождать свои выступления визуальным рядом, что немаловажно для эстетической конференции¹.

Источники

Институт философии РАН: архив отдела кадров. Личное дело М.Ф. Овсянникова.

Сочинения

Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1943.

О свободе совести в СССР // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 42. Вып. 3. М., 1956. С. 79–94.

Первые философские работы молодого Гегеля // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 42. Вып. 3. М., 1956. С. 207–223.

Некоторые вопросы эстетики Г.В. Плеханова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1957. № 1. С. 106–116.

Партийность и народность неразрывны // Советская культура. 1957. 17 сентября.

Учебно-методическое пособие по курсу «Основы марксистско-ленинской эстетики». М., 1958. 73 с. Соавтор: В.С. Корниенко.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих // Малая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1958. Стб. 888–890.

Философия (в Германии) // Малая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1958. Стб. 1012–1013.

Фейербах о происхождении религии // Материализм и религия. М., 1958. С. 119–133.

О некоторых проявлениях ревизионизма в эстетике // Философские науки. 1958. № 4. С. 45–54.

Маркс и основы эстетики // Вопр. литературы. 1958. № 5. С. 3–16.

К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве // В помощь политическому самообразованию. 1958. № 6. С. 134–142.

Сборник по вопросам истории философии: Рец. на кн.: Из истории философии. Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС. Вып. 28. М., 1957 // Вопр. философии. 1958. № 6. С. 139–146. Соавторы: Ю.К. Мельвиль, И.С. Нарский, В.В. Соколов.

Основоположники марксизма о проблемах искусства и эстетики // Вестн. истории мировой культуры. 1958. № 6. С. 196–202.

¹ Данилочкина А.Н. III Овсянниковская международная конференция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2009. № 3. С. 103–111; Коломиец Г.Г. На пути к алгоритмической эстетике (По следам IV Овсянниковской международной эстетической конференции) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2011. № 3. С. 99–104.

- Служить миллионам трудящихся // Творчество. 1958. № 8. С. 19—21.
- Маркс и искусство // Советская культура. 1958. 4 мая.
- Философия Гегеля. М., 1959. 306 с. Переведена и издана в Праге (1962. 347 с.),
Будапеште (1963, 361 с.).
- История домарксистской зарубежной философии. М., 1959. 169 с. Соавтор: В.В. Соколов.
- Философия Гегеля: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1959. 306 с.
- Философия Гегеля: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1959.
- В.И. Ленин о философских истоках махизма // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — важнейший этап в развитии марксистской философии. М., 1959. С. 289—310.
- О пластичности и гармонии в философских этюдах Бальзака // Из истории эстетической мысли в Новое время. М., 1959. С. 119—145.
- Труд В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы эстетики // Искусство. 1959. № 4. С. 8—12.
- Рец. на кн. Beiträge zur Kritik der Gegenwärtigen bürgerlichen Geschichtsphilosophie. Berlin, 1958. 543 S. // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1959. № 4. С. 24—28.
- Курс лекций по диалектическому материализму: Рец. на кн.: Панцхава И.Д. Диалектический материализм. М., 1958 // В помощь политическому самообразованию. 1959. № 5. С. 131—137. Соавтор: Е. Вейцман.
- Проблема современности в искусстве — проблема политическая // Художник. 1959. № 9. С. 2—4.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 327—336.
- Гегельянство // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 336.
- О марксистской оценке социологической концепции Гегеля // Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века. М., 1960. С. 68—88.
- Послесловие // Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М., 1960. С. 624—655.
- Правда жизни — высший критерий художественности // Художник. 1960. № 3. С. 1—5.
- В.И. Ленин и проблемы эстетики // Искусство. 1960. № 4. С. 4—9.
- Ценный вклад в историко-философскую науку: Рец. на кн.: История философии. Т. III—IV. М., 1957, 1959 // Вопр. философии. 1960. № 10. С. 155—164. Соавторы: Ш.Ф. Мамедов, М.В. Яковлев.
- Основные этапы истории эстетических учений // Основы марксистско-ленинской эстетики. М., 1961. С. 28—173. Соавтор: З.В. Смирнова.
- Содержание нашей эпохи // Творчество. 1961. № 4. С. 1—2.
- Советское искусство — средство коммунистического воспитания // Искусство. 1961. № 4. С. 2—6.
- Содержание и форма в искусстве // Советская культура. 1961. 21 февраля.
- Введение // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. М., 1962. С. 7—60.
- От редколлегии // Об эстетическом воспитании трудящихся. Вып. 1. М., 1962. С. 3—5. Соавторы: М.В. Белов, К.П. Кутьин.

Вопросы религии и атеизма в немецкой классической философии // История и теория атеизма. М., 1962. С. 215—229.

История философии. Возникновение историко-философского знания и его развитие в домарксистский период // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 376—379. Соавтор: Ц. Арзаканьян.

Коммунистическая идеология — самая гуманная идеология // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 1. С. 40—47.

Человек — это звучит гордо // Художник. 1962. № 1. С. 1—5.

Новое пособие по научному атеизму: Рец. на кн.: Основные вопросы научного атеизма / Под ред. И.Д. Панцхавы. М., 1962. 333 с. // Коммунист. 1962. № 10. С. 121—124.

Очерки истории эстетических учений. М., 1963. 452 с. Соавтор: Э.В. Смирнова. Переведена и издана в Берлине (1966. 503 с.).

Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1963. 543 с.

Преподавание марксистско-ленинской эстетики в учебных заведениях и его роль в эстетическом воспитании студенческой молодежи // Проблемы эстетического воспитания и современность. М., 1963. С. 49—56.

Психологические взгляды Гегеля: Рец. на кн.: Георгиев Ф.И. Противоположность марксистского и гегелевского учения о сознании. М., 1961 // Вопр. философии. 1963. № 1. С. 172—174.

Подготовку по эстетике — каждому специалисту // Вестн. высшей школы. 1963. № 3. С. 52—55.

Введение // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М., 1964. С. 5—68.

Статьи: «Англия» (с. 71—76), «Бэкон» (с. 76—77), «Гоббс» (с. 83), «Локк» (с. 87), «Берк» (с. 93), «Хом» (с. 109—110), «Шефтсбери» (с. 119—120), «Хатчесон» (с. 134), «Юм» (с. 140), «Смит» (с. 159), «Рид» (с. 166), «Хогарт» (с. 174), «Рейнолдс» (с. 184—185) // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М., 1964.

Проблема эстетического у Гегеля // Эстетическое. М., 1964. С. 34—56.

Предисловие // Вопр. марксистско-ленинской эстетики. М., 1964. С. 3—6.

Важное совещание по вопросам марксистско-ленинской философии // Философские науки. 1964. № 3. С. 165—170. Соавторы: А.Г. Харчев, В.Н. Шубкин.

Новый труд о философии Гегеля: Рец. на кн.: Гулиан К.И. Метод и система Гегеля. Т. 1. М., 1962. 445 с.; Т. 2. М., 1963. 819 с. // Философские науки. 1964. № 6. С. 182—186. Соавтор: Н.С. Козлов.

Бой за подлинную эстетику // Октябрь. 1964. № 12. С. 176—177. Соавтор: Е.Г. Яковлев.

Маркс, Энгельс, Ленин об искусстве. М., 1965. 42 с.

Современная буржуазная эстетика на службе антикоммунизма // Против империалистической идеологии антикоммунизма. М., 1965. С. 288—307.

Модернистская эстетика на службе антикоммунизма // Эстетика и современность. М., 1965. С. 137—148.

Буржуазная эстетика и действительность // Коммунист. 1965. № 2. С. 116—120.

Основные этапы развития эстетической мысли // Марксистско-ленинская эстетика. М., 1966. С. 13—30.

Возникновение и развитие марксистско-ленинской эстетики // Марксистско-ленинская эстетика. М., 1966. С. 30—44.

Строительство коммунизма и эстетическое воспитание советского народа // Эстетика. М., 1966. С. 6—24. Соавтор: Э.В. Струков.

Кому служит современная буржуазная эстетика // Эстетика. М., 1966. С. 182—210.

Эстетическая концепция Шеллинга и немецкий романтизм // Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М., 1966. С. 19—43.

Эстетика Гегеля // История немецкой литературы. Т. 3. М., 1966. С. 310—321.

Актуальные проблемы эстетической науки // Борьба идей в эстетике. М., 1966. С. 171—185.

Выступление на обсуждении шеститомной «Истории философии» // Философские науки. 1966. № 2. С. 137—138.

О состоянии диссертационной работы по философии в 1964—1965 учебном году // Вопр. философии. 1966. № 2. С. 138—140. Соавтор: Ю.А. Петров.

Современная буржуазная эстетика // Политическое самообразование. 1966. № 5. С. 117—124.

Введение // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 3. М., 1967. С. 5—42.

Предисловие // Некоторые вопросы истории и теории эстетики. М., 1967. С. 1—2. Соавторы: Э.Г. Красностанов, Н.Л. Эльбова.

О конкретно-социологических исследованиях искусства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 4. С. 37—45.

Рец. на кн.: Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М., 1966 // Вопр. философии. 1967. № 6. С. 174—176.

О диссертационной работе по философии в 1966—1967 учебном году // Вопр. философии. 1967. № 11. С. 131—136. Соавтор: Ю.А. Петров.

Л.Н. Толстой // История философии в СССР. Т. 3. М., 1968. С. 362—377.

Философские основы эстетики модернизма // Буржуазная эстетика сегодня. М., 1968. С. 22—67. Соавтор: Н.Л. Лейзеров.

Современные буржуазные идеалистические концепции искусства // Критика основных направлений современной буржуазной эстетики. М., 1968. С. 3—17.

От редколлегии // Некоторые вопросы истории и теории эстетики. Вып. 2. М., 1968. С. 3—4. Соавторы: Л.Я. Бичук, А.Н. Граблева, Э.Г. Красностанов, В.И. Шульгин.

Эстетика и художественная культура XX века // Критика современной буржуазной эстетики. М., 1968. С. 3—14.

Истоки новаторства в искусстве // Actes du Cinquieme Congres International d'Estetique (Amsterdam, 1964). La Haye — Paris, 1968.

Новая популярная работа по эстетике: Рец. на кн.: Герман Ш.М., Скатерщиков В.К. Беседы об эстетике. М., 1966 // Философские науки. 1968. № 4. С. 183—184. Соавтор: С.М. Пермяков.

К спорам о модернизме: Рец. на кн.: Лифиц М.А., Рейнгардт Л.Я. Кризис безобразия. М., 1968. 202 с. // Художник. 1968. № 6. С. 37—38.

Предисловие // Буржуазная эстетика сегодня. М., 1970. С. 3—8.

Ленинская теория отражения и вопросы искусства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1970. № 2. С. 25—35.

Ленинская теория отражения и современные проблемы эстетики // *Вопр. философии*. 1970. № 4. С. 167–176.

Эстетика Гегеля и современность // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1970. № 4. С. 49–56.

Эстетика Гегеля в современной борьбе идей // *Вопр. философии*. 1970. № 8. С. 54–65. Соавтор: Д.Д. Средний.

Гегель. М., 1971. 222 с. Переведена и издана в Хельсинки (1981. 165 с.).

Марксистско-ленинская эстетика и современный научно-технический прогресс // *Научно-технический прогресс и искусство*. М., 1971. С. 197–200.

Выступление на дискуссии о предмете философии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1971. № 2. С. 96–97.

Об итогах VI Международного конгресса по эстетике (Упсала, 1968 г.) // *Искусство и общество*. М., 1972. С. 5–17.

Взаимосвязь художественного и научного познания: Рец. на кн.: *Мейлах Б.С.* На рубеже науки и искусства. Л., 1971 // *Философские науки*. 1972. № 4. С. 156–159. Соавтор: Е.В. Волкова.

Эстетическое воспитание студентов и преподавание эстетики в высшей школе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1972. № 6. С. 69–77.

Эстетическое воспитание студентов в свете задач по превращению Москвы в образцовый коммунистический город // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1972. № 6. С. 78–80. Соавтор: У.Ф. Суна.

Высокое стремление // *Московский университет*. 1972. 18 апреля. Соавторы: Н.И. Дряхлов, Ш.Ф. Мамедов.

Основные этапы развития эстетической мысли // *Марксистско-ленинская эстетика*. М., 1973. С. 16–53. Переведена и издана в Берлине (1976. 364 с.), Софии (1978), Праге, Братиславе.

Ленинская теория отражения и современные проблемы эстетики // *Зарубежные литературы и современность*. Вып. 2. М., 1973. С. 19–34.

Гегелевская эстетика и современность // *Философия Гегеля и современность*. М., 1973. С. 321–326.

Марксистско-ленинская философия — основа современной эстетической науки // *Искусство и научно-технический прогресс*. М., 1973. С. 309–326.

Проблемы эстетического воспитания студенческой молодежи в условиях развитого социалистического общества // *Эстетическое воспитание студентов*. М., 1973. С. 171–176.

Новый подход к исследованию категории прекрасного: Рец. на кн.: *Корниенко В.С.* О законах красоты. Харьков, 1970 // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1973. № 4. С. 91–93. Соавтор: И.П. Шитов.

Актуальные направления и методологические основы исследований в области эстетики // *Философские науки*. 1973. № 5. С. 14–24.

Выступление на Всесоюзном совещании философов // *Вопр. философии*. 1973. С. 37, 38.

Эстетическая теория К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. М., 1974. 95 с.

Теория отражения и эстетика // *Борьба идей в эстетике*. М., 1974. С. 7–23.

Эстетика Канта и современность // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1974. № 2. С. 23–30.

Искусство и нравственность в эстетике Гегеля // Вопр. философии. 1974. № 8. С. 79–90. Соавтор: А.В. Алехина.

Эстетическая концепция Иммануила Канта и современность // Эстетика и жизнь. Вып. 4. М., 1975. С. 6–26.

Введение // Буржуазная эстетика сегодня. М., 1975. С. 9–17. Соавтор: Н.Л. Лейзеров.

Религиозная эстетика неотолизма // Буржуазная эстетика сегодня. М., 1975. С. 71–79. Соавтор: Н.Л. Лейзеров.

Борьба идей в современной эстетике // Теории, школы, концепции: Художественный процесс и идеологическая борьба. М., 1975. С. 98–137. Соавторы: А.И. Новикова, Д.Д. Средний.

Возникновение и развитие марксистско-ленинской эстетики // Основы эстетического воспитания. М., 1975. С. 38–65.

Основные направления научных исследований и задачи преподавания эстетики в вузах // Теоретические проблемы марксистско-ленинской эстетики. М., 1975. С. 19–50.

Рец. на кн.: Зись А.Я. Искусство и эстетика. 2-е изд. М., 1975 // Вопр. философии. 1975. № 12. С. 170–171. Соавтор: Н.Л. Лейзеров.

Что изучает эстетика? М., 1976. 63 с. Переведена и издана в Будапеште (1976).

Гегелевская эстетика и современность // VIII Internationaler Kongress für Ästhetik. Darmstadt, 1976. S. 151.

Человек и социализм: Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм: К вопросам теории. М., 1975 // Октябрь. 1976. № 2. С. 207–210.

Капитализм и художественное творчество // Вопр. философии. 1976. № 2. С. 116–125.

Предисловие // Салеев В.В. Искусство и его оценка. Мн., 1977. С. 3–5.

Капитализм и художественное творчество // Эстетика, искусство, человек. М., 1977. С. 46–61.

Искусство и капитализм // Эстетика и жизнь. Вып. 5. М., 1977. С. 204–222.

Эстетическое воспитание подрастающего поколения: Рец. на кн.: Волович Л.А. Эстетическое воспитание трудящихся в условиях развитого социализма. М., 1976 // Советская педагогика. 1977. № 5. С. 139–141.

Исследования по марксистско-ленинской эстетике // Вопр. философии. 1977. № 12. С. 120–134. Соавторы: В.П. Крутоус, А.С. Мигунов.

История эстетической мысли. М., 1978. 351 с.

Проблема искусства и нравственности в домарксистской эстетической мысли. Ташкент, 1978. 184 с. Соавтор: А.В. Алехина.

Эстетико-педагогическая деятельность и некоторые ее принципы // Вопросы истории и теории эстетики. Вып. 11. М., 1978. С. 3–10. Соавтор: В.М. Волин.

Теоретические факторы эстетического воспитания молодежи // Эстетическое развитие и воспитание молодежи. М., 1978. С. 254–275. Соавтор: В.П. Агафонов.

Эстетика Н.Г. Чернышевского и ее место в развитии мировой эстетической мысли // Философия Н.Г. Чернышевского и современность. М., 1978. С. 61–74.

Современная буржуазная эстетика и задачи ее критики // Современная буржуазная эстетика. М., 1978. С. 3–12.

Социально-философские и эстетические взгляды Л.Н. Толстого // Вопр. философии. 1978. № 9. С. 115–124.

- Искусство и капитализм. М., 1979. 343 с.
- Искусство и нравственность в эстетике Гегеля // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М., 1979. С. 6—25. Соавтор: Л.В. Алехина.
- Выступление на конференции «Философия и искусство развитого социализма» // Информационные материалы Философского общества СССР. 1979. № 4. С. 48—49.
- Томас Манн и судьбы искусства в капиталистическом обществе // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 141—151.
- Развитие эстетической науки в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 74—81. Соавтор: А.С. Мигунов.
- Эстетическое воспитание — составная часть коммунистического воспитания // Эстетическое воспитание студентов. М., 1980. С. 3—16.
- Фридрих Энгельс как эстетик // Искусство. 1980. № 11. С. 45—48.
- Мировоззрение — основа эстетического творчества // Актуальные проблемы марксистско-ленинской эстетики. М., 1981. С. 25—38.
- Предисловие // Крутоус В.П. О художественном детерминизме. М., 1981. С. 3—4.
- Философия, эстетика и современный мир // Художник. 1981. № 2. С. 45—46.
- Кафедре марксистско-ленинской эстетики — 20 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 3. С. 56—62. Соавтор: А.С. Мигунов.
- Дискуссия о художественном творчестве // Искусство. 1981. № 7. С. 40—43.
- Рец. на кн.: *Баженова А.А.* Русская эстетическая мысль и современность. М., 1980. 144 с. // Вопр. философии. 1981. № 9. С. 180—181.
- Кафедра марксистско-ленинской эстетики // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 181—190. Соавтор: А.С. Мигунов.
- Введение // Проблема социальной природы искусства в истории русской эстетики. М., 1982. С. 3—9.
- Подготовка национальных кадров по эстетике на философском факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 6. С. 54—57.
- Развивать метод социалистического реализма // Творчество. 1982. № 11. С. 2—5.
- Основные этапы развития эстетической мысли // Марксистско-ленинская эстетика. М., 1983. С. 21—63. Переведена и издана в Гаване (1986).
- Эстетическое // Марксистско-ленинская эстетика. М., 1983. С. 63—68.
- Гегельянство // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 104.
- Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983. 224 с.
- Диалектика развития в эстетике // Материалистическая диалектика как общая теория развития. Проблема развития в современных науках. М., 1983. С. 415—439.
- Капитализм и художественное творчество // Искусство и идеологическая борьба. М., 1983. С. 38—49.
- Актуальные проблемы эстетического воспитания // Формирование системы эстетического воспитания. М., 1983. С. 3—6.
- Проблема искусства и нравственности в эстетике Л.Н. Толстого // Разум и культура. М., 1983. С. 129—133.
- Введение // Проблема художественного творчества в истории русской эстетической мысли XIX — начала XX века. М., 1983. С. 4—6.

МИХАИЛ ФЕДОТОВИЧ ОВСЯННИКОВ

Карл Маркс — основатель социалистической эстетики // Искусство. 1983. № 5. С. 50—53.

Карл Маркс и художественная культура // Художник. 1983. № 11. С. 33—36.

Карл Маркс и коренные вопросы эстетики // Коммунист. 1983. № 12. С. 30—40.

История эстетической мысли. М., 1984. 336 с.

Основные направления эстетических исследований в свете задач коммунистического воспитания советской молодежи // Ежегодник Философского общества СССР. 1984. М., 1984. С. 177—192.

Гегель о методологических проблемах эстетических исследований // Эстетика Гегеля и современность. М., 1984. С. 52—70.

Классики марксизма-ленинизма об эстетике и современность. М., 1985. 112 с.

Программа курса «Марксистско-ленинская эстетика». М., 1985. 29 с. Соавторы: Е.В. Волкова, Е.Г. Яковлев и др.

Эстетика XVIII века. Просвещение. Англия // История эстетической мысли. Т. 2. М., 1985. С. 262—302.

Эстетика XVIII века. Просвещение. Германия // История эстетической мысли. Т. 2. М., 1985. С. 332—359.

К проблеме эстетического // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 292—295.

Введение // История эстетической мысли. Т. 3. М., 1986. С. 5—16. Соавтор: Т.Б. Любимова.

Кант // История эстетической мысли. Т. 3. М., 1986. С. 20—34.

Фихте // История эстетической мысли. Т. 3. М., 1986. С. 34—37.

Шеллинг // История эстетической мысли. Т. 3. М., 1986. С. 83—96.

Гегель // История эстетической мысли. Т. 3. М., 1986. С. 97—121.

Введение // Эстетический идеал и современность. М., 1986. С. 4—7.

XXVII съезд КПСС и задачи эстетического воспитания молодежи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1986. № 4. С. 3—8.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 71.

Основные направления эстетических исследований и преподавание эстетики в свете решений XXVII съезда КПСС // Актуальные проблемы марксистско-ленинской эстетики и эстетического воспитания. М., 1987. С. 3—14.

Введение // История эстетической мысли. Т. 4. М., 1987. С. 5—8. Соавтор: Т.Б. Любимова.

Эстетические воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса // История эстетической мысли. Т. 4. М., 1987. С. 9—80. Соавтор: М.А. Лифшиц.

Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 13.

Развитие концепции: Рец. на кн.: Поспелов Г.Н. Искусство и эстетика. М., 1984. 325 с. // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 229—235.

Эстетика в прошлом, настоящем и будущем. М., 1988. 188 с.

Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. Об эстетике и эстетическом воспитании. М., 1988. С. 3—17. Соавторы: К.М. Долгов, Н.А. Кормин.

Эстетические воззрения Н.А. Добролюбова // Творческое наследие Н.А. Добролюбова. М., 1988. С. 122—132.

Воспоминания о Дьерде Лукаче // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 6. С. 20—22.

Гегельянство // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 112.

Введение // История эстетической мысли. Т. 5. М., 1990. С. 5—14. Соавтор: Д.М. Ханин.

Буржуазная эстетика и художественная культура // История эстетической мысли. Т. 5. М., 1990. С. 585—588. Соавтор: Д.М. Ханин.

О методологии художественной критики: Рец. на кн.: Лукьянов Б.Г. В.И. Ленин и художественная критика. М., 1982 // Пути творчества и критика. М., 1990. С. 263—277.

Эстетические взгляды А.Н. Толстого / Публикация А.С. Мигунова // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 120—128.

Эстетическая концепция Шеллинга и немецкий романтизм // Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. СПб., 1996. С. 19—43.

Искусство как игра / Публикация Н.А. Овсянниковой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1996. № 2. С. 84—88.

Литература

Тимофеев И. Новый научный труд о философии Гегеля: Рец. на кн.: Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. М., 1959 // Философские науки. 1960. № 3. С. 172—175.

Маца И. Рец. на кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. М., 1962. 682 с. // Искусство. 1963. № 4. С. 70—72.

Асмус В.Ф. Ценное пособие по истории эстетики: Рец. на кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. М., 1962. 682 с. // Вопр. философии. 1964. № 1. С. 167—170.

Громов Е. История эстетики в свете современности: Рец. на кн.: Овсянников М.Ф., Смирнова З.В. Очерки истории эстетических учений. М., 1963 // Октябрь. 1964. № 3. С. 215—218.

Львов Б. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1963. 543 с. // Народное образование. 1964. № 8. С. 119.

Коган А., Сизякин О. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1963. 543 с. // Политическое самообразование. 1964. № 11. С. 138—139.

Соколов Е. Книга по эстетике: Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1963. 543 с. // Литературный Киргизстан. 1965. № 1. С. 104—106.

Бернандт Г. Бесспорно ли спорное: Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1963. 543 с. // Новый мир. 1965. № 2. С. 264—269.

Герман Ш.М. Марксистский труд по истории эстетики: Рец. на кн.: Овсянников М.Ф., Смирнова З.В. Очерки истории эстетических учений. М., 1963 // Вопр. философии. 1965. № 5. С. 162—165.

Овсянников Михаил Федотович // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 127—128.

Дудучава М. Рец. на кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 4. Второй полутом. М., 1968 // Литературная Грузия. 1969. № 4. С. 191–192.

Средний Д.Д. Марксистская критика современной эстетики идеализма: Рец. на кн.: Критика современной буржуазной эстетики. М., 1968. 360 с. // Коммунист. 1970. № 4. С. 121–123.

Куликова И.С. Шестой Международный конгресс по эстетике в Швеции // Эстетика и жизнь. Вып. 1. М., 1971. С. 493–497.

Средний Д.Д. Рец. на кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. М., 1960–1970 // Вопр. философии. 1971. № 7. С. 148–152.

Грязнов А.Ф. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* Гегель. М., 1971. 222 с. // Философские науки. 1972. № 6. С. 142–145.

Чесноков Г.Д. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* Гегель. М., 1971. 222 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1973. № 2. С. 85–87.

Лашманов Д.М. Новая попытка систематизации курса марксистско-ленинской эстетики: Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973. 448 с. // Искусство. 1974. № 3. С. 68–71.

Лашманов Д.М. Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973. 448 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 4. С. 122–128.

Лейкин И.М. Весомый вклад в науку о красоте: Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973. 448 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1974. № 4. С. 81–83.

Козлов Н.С. Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973. 448 с. // Философские науки. 1975. № 4. С. 183–184.

Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973. 448 с. // Московский университет. 1977. 16 сентября.

Галинская И.Л. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1978. 351 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1979. № 1. С. 195–201.

Афасижев М.Н. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1978. 351 с. // Искусство. 1979. № 11. С. 69–70.

Шудря Е.П. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1978. 351 с. // Философские науки. 1980. № 2. С. 178–180.

Апресян Г.Э. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* Искусство и капитализм. М., 1979. 343 с. // Вопр. философии. 1981. № 1. С. 177–179.

Прозерский В.В., Юровская Э.П. Интересный труд по истории эстетики: Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1978. 351 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 3. С. 73–76.

Занковский А.Н., Рукавицын М.М. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* Искусство и капитализм. М., 1979. 343 с. // Вестн. высшей школы. 1981. № 3. С. 79–80.

Макаров О.А. Рец. на кн.: *Овсянников М.Ф.* Искусство и капитализм. М., 1979. 343 с. // Философские науки. 1981. № 4. С. 172–174.

Масленникова В., Шахнина И. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983. 224 с. // Коммунист Татарии. 1984. № 6. С. 95–96.

Шульгин В.И. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983. 224 с. // Вопр. философии. 1984. № 12. С. 155–157.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Салеев В.В. Эстетическое знание: содержание и метод изложения: Рец. на кн.: Марксистско-ленинская эстетика. М., 1983. 541 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 2. С. 96–97.

Ануфриев Г.Г., Гусев Ю.А., Дубов Г.В. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983. 224 с. // Вестн. Белорусс. ун-та. Сер. История, философия, научный коммунизм, экономика, право. 1985. № 3. С. 78–79.

М.Ф. Овсянникову — 70 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 2. С. 78–80.

Карлюк С.Г. Рец. на кн.: История эстетической мысли. Т. 1. М., 1985. 463 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1986. № 6. С. 137–142.

Галинская И.А. Рец. на кн.: История эстетической мысли. Т. 2. М., 1985. 456 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1986. № 6. С. 142–146.

Кривых Е.Г., Чувилева Т.В. Рец. на кн.: Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983. 224 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 1. С. 86–88.

Михаил Федотович Овсянников (Некролог) // Московская правда. 1987. 18 августа.

Михаил Федотович Овсянников (Некролог) // Вопр. философии. 1987. № 10. С. 171.

Михаил Федотович Овсянников (Некролог) // Философские науки. 1987. № 12. С. 118.

Памяти М.Ф. Овсянникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 95–96.

Соколов В.В., Турук Г.П. Михаил Федотович Овсянников. 1915–1987 // Ученики об учителях: Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 182–191.

Мигунов А.С., Соколов В.В. М.Ф. Овсянников // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 118–119.

Алексеев П.В. Овсянников Михаил Федотович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 698.

Соколов В.В. Моя работа на философском факультете в предвоенные и послевоенные годы // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 156–164.

Кузнецова Т.В. Овсянников Михаил Федотович // Русская философия. М., 2007. С. 390–391.

Ванслов В.В. Философы М.А. Лифшиц, Э.В. Ильенков, М.Ф. Овсянников // Под сенью муз: Воспоминания и этюды. М., 2007. С. 145–166.

Соколов В.В. Памятные факты о покойном друге // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 19–23.

Тахо-Годи А.А. Вспоминая Михаила Федотовича Овсянникова // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 23–27.

Ванслов В.В. Воспоминания о М.Ф. Овсянникове // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 28–31.

МИХАИЛ ФЕДОТОВИЧ ОВСЯННИКОВ

Шестаков В.П. М.Ф. Овсянников — выдающийся историк эстетической мысли // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 31–35.

Оруджев Э.М. Михаил Федотович Овсянников // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 35–37.

Долгов К.М. Homo aestheticus // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 37–45.

Салеев В.В. Корифей советской эстетики // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 45–52.

Дзикевич С.А. Научное наследие М.Ф. Овсянникова и пути продолжения его традиций // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 53–60.

Киященко Н.И. Признаки коллапса российской эстетики и неотложные меры борьбы с ним // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 133–139.

Дзикевич Е.А. М.Ф. Овсянников как историк эстетики // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года). М., 2007. С. 282–284.

Кузнецова Т.В. Овсянников Михаил Федотович // *Философский словарь*. 8-е изд. М., 2009. С. 468.

Волкова Е.В. Страницы воспоминаний о профессоре М.Ф. Овсянникове // Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства: IV Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 23–24 ноября 2010 года). М., 2010. С. 37–38.

ЭММА НИКОЛАЕВНА ЦЫГАНКОВА

И.о. декана в 1974 г.

Эмма Николаевна Цыганкова родилась 30 марта 1934 г. в г. Середина Буда Сумской области. Во время Великой Отечественной войны находилась в эвакуации. После войны жила с родителями в г. Дятьково Брянской области. Отец, участник Великой Отечественной войны, был хозяйственным и советским руководителем, мать работала на мебельном комбинате. Отец настаивал на важности получения хорошего образования. Под влиянием отца Э.Н. Цыганкова в 1952 г. поступила на философский факультет МГУ.

С октября 1957 г., после окончания учебы, Э.Н. Цыганкова начала трудиться на философском факультете МГУ секретарем по учебной работе. В октябре 1959 г. она была переведена на должность старшего лаборанта кафедры логики. С марта 1960 г. работала инспектором учебной части факультета.

С открытием в декабре 1962 г. кафедры научного коммунизма перешла работать на эту кафедру старшим лаборантом — вела техническую работу. В ноябре 1963 г. Э.Н. Цыганкова была переведена на должность младшего научного сотрудника кафедры научного коммунизма и приняла активное участие в подготовке и проведении республиканского семинара преподавателей основ научного коммунизма. Проводила семинары по мировому революционному процессу, руководила курсовыми и дипломными работами.

В ноябре 1965 г. Э.Н. Цыганкова поступила в очную аспирантуру философского факультета МГУ. В мае 1968 г. окончила аспирантуру философского факультета и 25 октября 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Освободительное движение угнетенных и освободившихся народов как фактор развития общемировой революционной борьбы». Борьба угнетенных народов за свое национальное освобождение была в тот период чрезвычайно актуальной темой. Каждый год получали независимость несколько государств. Социально-политические процессы в этих странах протекали противоречиво. Происходила дифференциация политических сил. Первоначально политические силы угнетенных народов объединяли общенациональные, общедемократические задачи. Затем неизбежно проявляется размежевание по классовым интересам и начинается борьба между различными политическими силами освободившихся стран. Специально Э.Н. Цыганкова исследовала некапиталистический путь развития. Она рассматривала его не как социалистическую революцию, а как переходный период, в ходе которого решаются сложные экономические и социальные проблемы, т.е. как одну из разновидностей модернизации. Особенность

этого типа модернизации состоит в том, как расставлены приоритеты. В этом случае национально-освободительная революция осуществляется не столько в интересах национальной буржуазии, сколько в интересах широких трудящихся масс (Египет, Алжир, Бирма, Сирия, Гвинея, Мали и др.).

После окончания аспирантуры Э.Н. Цыганкова с июня 1968 г. работала на кафедре научного коммунизма младшим, а с сентября 1969 г. — старшим научным сотрудником, затем прошла переподготовку и с февраля 1972 г. стала старшим преподавателем, а с июля 1972 г. — доцентом. Она выполняла большую общественную работу, занималась выпуском стенгазеты факультета, работала в приемной комиссии, организовывала педагогическую практику студентов.

В феврале 1972 г. Э.Н. Цыганкова была назначена заместителем декана по учебной работе. В июне 1974 г. истек второй срок пребывания на посту декана М.Ф. Овсянникова. На факультете началась острая борьба различных групп преподавателей вокруг избрания декана. Партком факультета рекомендовал на должность декана А.Д. Косичева. Его кандидатуру поддерживали большинство заведующих кафедрами и профессоров факультета. Однако бюро парткома МГУ приняло решение рекомендовать на должность декана А.С. Богомолова. Особенно настаивали на этой кандидатуре ректор Р.В. Хохлов и проректор И.А. Хлябич. Большинство профессуры факультета были с этой кандидатурой не согласны. Секретарь парткома МГУ В.А. Протопопов и проректор И.А. Хлябич провели совещание секретарей парторганизаций кафедр, не пригласив на него членов парткома факультета, и добились решения этого совещания о рекомендации кандидатуры А.С. Богомолова. Кандидатура А.С. Богомолова была поддержана Московским горкомом КПСС и Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС. В ректорат приглашали поочередно всех членов Ученого совета факультета и убеждали их голосовать за А.С. Богомолова. Со своей стороны профессора и заведующие кафедрами факультета П.Т. Белов, В.В. Богатов, Г.С. Васецкий, С.Т. Калтахчян, Д.Ф. Козлов, В.С. Молодцов, А.А. Старченко, П.С. Шкуринов, И.Я. Щипанов написали письмо М.А. Сулову, в котором просили не навязывать факультету непроходного кандидата, оградить факультет от грубого вмешательства, чтобы обеспечить нормальные условия для проведения выборов декана.

5 июня 1974 г. на заседании, посвященном выборам декана, присутствовали Р.В. Хохлов, И.А. Хлябич и представители парткома МГУ. Секретарь парткома факультета В.Т. Калтахчян был против кандидатуры А.С. Богомолова, но выполняя решение вышестоящих партийных органов, призвал голосовать за него. В поддержку кандидатуры А.С. Богомолова высказались М.П. Новиков и А.Я. Ильин. Большинство членов Ученого совета изначально были настроены против кандидатуры А.С. Богомолова. Несмотря на выдающиеся

научные заслуги А.С. Богомолова они не хотели видеть его на посту декана. Однако остальные трое выступавших (со степенями и званиями) высказались неопределенно, не обозначая своей позиции в присутствии руководства МГУ.

Прямо и эмоционально высказала свою точку зрения только одна Э.Н. Цыганкова. Она сказала: «Я не согласна с отдельными выступлениями, у меня другое мнение. Мне даже хочется плакать. А.С. Богомолов высокомерен, чванлив, груб, он зазнается. Судя по “энтузиазму”, царящему среди членов совета, Ученый совет может проголосовать против избрания А.С. Богомолова деканом факультета». В заключение выступил ректор Р.В. Хохлов. Он поблагодарил Э.Н. Цыганкову за откровенность и подтвердил рекомендацию ректората по предложенной кандидатуре. Но в результате тайного голосования А.С. Богомолов получил две трети голосов «против»¹.

Выборы декана были отложены. 11 июня 1974 г. исполнение обязанностей декана было возложено на заместителя декана по учебной работе Э.Н. Цыганкову, и она возглавляла работу факультета до сентября 1974 г., когда деканом был избран С.Т. Мелюхин. 9 октября 1974 г. Э.Н. Цыганкова была освобождена от исполнения обязанностей декана факультета, но продолжала до сентября 1975 г. быть заместителем декана по учебной работе.

В 1976 г. на философском факультете МГУ была создана кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения. Э.Н. Цыганкова стала доцентом этой кафедры. Она читала спецкурс «Демократические движения современности и их место в борьбе за социализм», вела семинарские занятия по курсу «История мирового рабочего и коммунистического движения». Была членом редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия: Теория научного коммунизма». С ноября 1981 г. исполняла обязанности заведующего кафедрой истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения. В октябре 1983 г. была переведена на должность старшего научного сотрудника для работы над докторской диссертацией, но семейные хлопоты, рождение трех внуков не позволили ей довести работу до конца. С октября 1984 г. Э.Н. Цыганкова вновь работала доцентом кафедры истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения, а с октября 1984 г. по июнь 1986 г. исполняла обязанности заведующего кафедрой.

В июле 1990 г. кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения была преобразована в кафедру теории мирового политического процесса. Э.Н. Цыганкова работала доцентом этой кафедры до ее закрытия. С ноября 2001 г. была доцентом кафедры мировой и российской политики философского факультета МГУ. В сентябре 2004 г. вышла на пенсию.

¹См.: Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 36–41.

Э.Н. Цыганкова умела и любила работать со студентами. Под ее руководством подготовлено 35 кандидатов наук и 140 дипломников.

В работах Э.Н. Цыганковой исследовались проблемы войны и мира в современном мировом политическом процессе, пути обеспечения военной безопасности политическими средствами, конкретно-историческое содержание демократических движений.

Э.Н. Цыганковой принадлежат монографии: «Содержание и этапы развития современных национально-освободительных революций» (1973) и «Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития» (1983).

В первой книге дается анализ национально-освободительных революций и последующего социально-экономического и политического развития стран Азии и Африки (Гвинеи, Бирмы, Египта и др.). Исследуются многоукладный характер экономики, социальная структура и проблема социальной базы новой власти, проблема размежевания в среде политических сил, осуществивших национально-освободительную революцию. Во второй монографии изучается борьба за расширение демократии в развитых и в развивающихся странах, содержание и этапы национально-освободительных революций, различные формы демократических революций (Куба, Греция, Португалия, Ангола, Никарагуа и др.).

Стиль Э.Н. Цыганковой как автора отличается ясностью, доступностью, определенностью, включением элементов разговорной речи. Она всегда четко обозначает свою принципиальную позицию. В 1989 г., выступая на «круглом столе» журнала «Научный коммунизм», Э.Н. Цыганкова говорила: «Совсем недавно те, кто занимался научным социализмом, писали о развернутом строительстве коммунизма, затем о развитом социалистическом обществе. Они также выдвигали его критерии, обосновывали, преподавали. Прошло несколько лет, и что же мы слышим сейчас о развитом социализме? Развивая теорию, мы ошиблись. Что же сейчас предлагается вместо этой теории? Профессор Ю.А. Афанасьев говорит, что мы социализма вообще не построили. Это ненаучное утверждение щекочет нервы, особенно молодым неопытным людям, которые берут его на веру. Профессор А.П. Бутенко утверждает, что неизвестно, какое общество мы построили. По моему мнению, мы живем в социалистическом обществе. Другой вопрос — являет ли современное социалистическое общество высший уровень социалистической цивилизации. Конечно, нет. Студенты часто задают вопрос о том, зачем в развитых капиталистических странах вести борьбу за социализм, если уровень их экономического развития выше, нежели в социалистических странах. Здесь смешиваются разные вопросы. Переход к социалистическим преобразованиям в развитых капиталистических странах, обращая высокую степень обобществления труда и производства

на пользу большинства народа, будет означать движение к значительно более высокому уровню развития человеческой цивилизации»¹.

В 1990-е и 2000-е гг. Э.Н. Цыганкова исследовала главным образом проблемы войны и мира. После 1991 г. их острота переместилась из сферы противостояния двух идеологически полярных блоков в плоскость отношений со странами «третьего мира». Применение вооруженной силы со стороны развитых стран стало основным инструментом воздействия на неудобные им режимы развивающихся стран — в основном на бывшие страны социалистической ориентации или же на страны, геополитически ориентировавшиеся на СССР (Сомали, Югославия, Афганистан, Ирак), развитие которых длительное время ранее изучала Э.Н. Цыганкова. Таким образом, новый этап в исследованиях Э.Н. Цыганковой был вполне естественным. Особое внимание она уделила феномену «гуманитарной войны».

Она обратила внимание на самопротиворечивость термина «гуманитарная война», «гуманитарная интервенция». Парадоксальность этого термина состоит в том, что обозначаемый им феномен есть «превращенная форма»: «гуманитарными» соображениями оправдываются нарушение основополагающих норм международного права и массовые убийства мирного населения, что идеологи подобной войны якобы стремятся предотвратить с помощью такой войны. Особую роль «гуманитарные войны» стали играть в региональных конфликтах, связанных с сепаратизмом; вместо примирения подобные методы воздействия способствуют лишь эскалации конфликтов. «Гуманитарная война» — политический инструмент сильных стран против слабых. Агрессор находится в безопасности, но может получить асимметричный ответ в виде точечного удара по центрам жизнеобеспечения своей системы. В этом смысле «гуманитарная война» и «международный терроризм» — это пара противоположностей, дополняющих и переходящих друг в друга.

Э.Н. Цыганкова была награждена медалями «Ветеран труда» (20.01.1986), «В память 850-летия Москвы» (1997), значком «За отличные успехи в работе» (25.03.1976), нагрудным знаком «225 лет МГУ» (14.01.1980), нагрудным знаком «Отличник высшей школы», нагрудным знаком «250 лет МГУ» (18.10.2004). 21 декабря 1998 г. Э.Н. Цыганковой было присвоено почетное звание «Заслуженный преподаватель МГУ».

Когда Э.Н. Цыганковой исполнилось 70 лет, коллеги написали ей в приветственном адресе: «Философская общественность знает Вас как большого специалиста в области политологии. Ваши труды, посвященные проблемам мировой политики, современным проблемам войны и мира, военной безопасности, демократии, всегда вызывают живой интерес и отклик у читателей. В 1970–1980-е годы Вы выполняли функции заместителя декана и и.о. декана

¹ Научный коммунизм. 1989. № 7. С. 38.

философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Многие из российских и зарубежных философов знают Вас как человека большой души, светлого, всегда готового прийти на помощь. Вы великолепный преподаватель. Ваши благодарные ученики, разбросанные по всему миру, желают Вам отменного здоровья, много земных радостей, благополучия и дальнейших творческих успехов»¹.

Э.Н. Цыганкова была общительным по характеру человеком, открытым, цельным и решительным, даже в тех случаях, когда такая принципиальность могла послужить во вред ей самой. Вела она себя всегда корректно, сдержанно, вежливо. Тщательно готовилась к лекциям и семинарам. Много читала, особенно классическую русскую литературу, любила стихи Ахматовой, Цветаевой. В молодости занималась волейболом, каталась на велосипеде. Хорошо знала и любила народные и советские песни.

Эмма Николаевна Цыганкова умерла 10 апреля 2010 г. в Москве. Похоронена на кладбище «Ракитки» (Калужское шоссе, д. Ракитки Ленинского района Московской области).

Сочинения

Национально-освободительная революция как фактор, способствующий разрешению основного противоречия современной эпохи // Основное противоречие современной эпохи. М., 1967. С. 45–49.

Особенности разрешения основного противоречия современной эпохи при переходе от докапиталистических общественных отношений к социалистическим // Основное противоречие современной эпохи. М., 1967. С. 51–55.

Некапиталистический путь как форма перехода ранее отсталых народов к социализму // Великий Октябрь и актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1967. С. 214–219. Соавторы: Т.В. Чулицкая, Е.Г. Шарпова.

Освободительное движение угнетенных и освободившихся народов как фактор развития общемировой революционной борьбы: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1968. 228 с.

Освободительное движение угнетенных и освободившихся народов как фактор развития общемировой революционной борьбы: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1968. 16 с.

Роль национально-освободительного движения в разрешении основного противоречия современной эпохи // Проблемы научного коммунизма. М., 1969. С. 144–157.

В.И. Ленин о сущности некапиталистического пути развития // Научный коммунизм: проблемы и исследования. Ч. 1. М., 1969. С. 32–45.

О сущности некапиталистического развития к социализму // Научный коммунизм: проблемы и исследования. Вып. 3. М., 1970. С. 41–51.

О критериях некапиталистического пути развития к социализму // Закономерности и этапы развития коммунистической формации: Секция научного коммунизма. М., 1971. С. 19–24.

¹Эмме Николаевне Цыганковой — 70 лет // Вестн. Российского философского общества. 2004. № 2. С. 198.

О социальном содержании современных национально-освободительных революций // Некоторые вопросы развития мирового революционного процесса. М., 1971. С. 69—74.

Выступление на Ломоносовских чтениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 3. С. 77.

О социальном содержании национально-освободительных революций современной эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1972. № 1. С. 60—68. Соавторы: В.Ф. Волянский, Е.Г. Шарапова.

Содержание и этапы развития современных национально-освободительных революций. М., 1973. 92 с.

Сессия подводит итог // Московский университет. 1974. 8 января.

Теория мирового революционного процесса. М., 1975. 284 с. Соавторы: А.М. Ковалев, И.А. Козиков, М.М. Мухтасилов, В.К. Попов, Е.Г. Шарапова.

К вопросу о сущности перехода ранее отсталых стран к социализму минуя капитализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1976. № 4. С. 65—73.

Борьба за демократию — составная часть борьбы за социализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1977. № 1. С. 59—67.

О предметном основании теории современного мирового революционного процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1978. № 3. С. 74—79. Соавтор: П.В. Алексеев.

Значение Великого Октября для современной революционной борьбы // Мировой революционный процесс: проблемы и исследования. Вып. 1. М., 1979. С. 3—12.

Мировой социализм и интернациональная природа исторического опыта классовой борьбы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 1. С. 10—16.

Закономерности современного мирового революционного процесса. М., 1980. 39 с. Соавтор: А.М. Ковалев.

Для практической подготовки обществоведов // Вестн. высшей школы. 1980. № 8. С. 56—58. Соавтор: И.Г. Афанасьева.

Введение // Мировой революционный процесс: проблемы и исследования. М., 1981. С. 3—7.

О классовом содержании понятия «борьба за демократию» // Мировой революционный процесс: проблемы и исследования. М., 1981. С. 8—13. Соавторы: А.И. Солодовник, В.Д. Федотова.

Сохранение мира — основное условие мирового общественного прогресса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1981. № 3. С. 48—57.

О переходных революционных процессах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1981. № 4. С. 44—49.

Спецкурс по научному коммунизму // Вестн. высшей школы. 1981. № 5. С. 66—68.

Ред. на кн.: Шумихин Н.Ф. Ленинизм и национально-освободительные революции современности. К., 1980. 232 с. // Научный коммунизм. 1981. № 5. С. 147—149.

Отделение научного коммунизма // Московский университет. 1981. 13 апреля.

О системе практик в подготовке преподавателей научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1982. № 4. С. 59—65. Соавтор: И.Г. Афанасьева.

Выступление на Всесоюзной научно-методической конференции «Повышение эффективности и качества преподавания научного коммунизма в высших учебных заведениях // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 143—144.

Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития. М., 1983. 216 с.

Объективная основа развития современного мирового революционного процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 2. С. 57–65.

Демократическая борьба — составная часть мирового революционного процесса современной эпохи // Научный коммунизм. 1986. № 1. С. 129–130.

О социальном содержании демократических революций современной эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1986. № 2. С. 47–56.

Массовые демократические движения как одна из главных сил общественного развития // Научный коммунизм. 1986. № 3. С. 48–55.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 62.

Общие закономерности социальной революции и многообразие форм ее проявления в современных условиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1987. № 3. С. 19–27.

Выступление на «круглом столе» на тему «Современный этап революционной борьбы: проблемы, трудности, решения» // Научный коммунизм. 1988. № 8. С. 58, 67–70.

Основное содержание современной эпохи // Современное революционно-освободительное движение. М., 1989. С. 8–19.

Выступление на «круглом столе» на тему «Проблемы союза антикризисных сил современности: диалектика классового и общечеловеческого» // Научный коммунизм. 1989. № 7. С. 37–40.

Социализм существует на Земле // Московский университет. 1989. 28 марта.

Политика построения «общеευропейского дома» в русле современного социального обновления мира // Социализм: противоречивость развития, выработка оптимальных вариантов перестройки. М., 1991. С. 254–260.

Выступление на конференции «Власть. Политика. Дипломатия» // Вестн. Моск. ун-та. Серия: Политические науки. 1996. № 5. С. 86.

Европейская военно-политическая безопасность: структура и проблемы // Человек, философия, гуманизм: Тезисы докладов и выступлений I Российского философского конгресса. Т. 4. СПб., 1997. С. 426–428.

Выступление на «круглом столе» на тему «Мир как целое: проблемы исследования мировой политики» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 1997. № 6. С. 38–41.

Проблемы войны и мира в целостном мире // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы II Российского философского конгресса. Т. 2. Ч. 2. Екатеринбург, 1999. С. 212–213.

Открытый вопрос современных международных отношений // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы III Российского философского конгресса. Т. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 280–281.

«Гуманитарная война» // Вестн. Российского философского общества. 2002. № 4. С. 137–139.

Выступление на конференции «Глобальный кризис и проблемы мировой политики» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2003. № 4. С. 84–88.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Концепция баланса сил в теории политического реализма // Объединенный научный журнал. 2004. № 15. С. 20–21. Соавтор: А.А. Борсоев.

Национальный интерес как осознанная потребность социального бытия // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 3. М., 2005. С. 160. Соавтор: А.А. Косоруков.

Интервью // <http://www.worldpolit.ru/index.php?option=content&task=view&id=43>. 2006. 15 июля.

Литература

Калмыкова А.И. Рец. на кн.: Теория мирового революционного процесса. М., 1975. 284 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1976. № 2. С. 41–48.

Киселев В.П. Рец. на кн.: Теория мирового революционного процесса. М., 1975. 284 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1976. № 3. С. 128–131.

Горлач Н.И., Гусев А.Д., Карнаухов И.М., Семькин И.С. Рец. на кн.: Теория мирового революционного процесса. М., 1975. 284 с. // Научный коммунизм. 1976. № 5. С. 133–137.

Калмыкова А.И. Рабочий класс в мировом революционном процессе // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1980. № 1. С. 35–44.

Лучинова С.М. Особенности демократической борьбы на современном этапе мирового революционного процесса: Рец. на кн.: Цыганкова Э.Н. Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития. М., 1983. 216 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 1. С. 87–89.

Матвеев К.П. Рец. на кн.: Цыганкова Э.Н. Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития. М., 1983. 216 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1984. № 2. С. 26–31.

Петровский В.Э. Диалектика борьбы за демократию и социальный прогресс: Рец. на кн.: Цыганкова Э.Н. Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития. М., 1983. 216 с. // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 4. С. 164–167.

Алексеевская Г.А. Рец. на кн.: Цыганкова Э.Н. Демократические движения современности: содержание, многообразие, тенденции развития. М., 1983. 216 с. // Научный коммунизм. 1986. № 1. С. 146–149.

Алексеев П.В. Цыганкова Эмма Николаевна // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 1055–1056.

Эмме Николаевна Цыганковой — 70 лет // Вестн. Российского философского общества. 2004. № 2. С. 198.

СЕРАФИМ ТИМОФЕЕВИЧ МЕЛЮХИН

Декан в 1974—1977 гг.

Серафим Тимофеевич Мелюхин родился 6 июня 1927 г. в с. Троицко-Ивановское Старо-Юрьевского уезда Тамбовской губернии в зажиточной крестьянской семье. Отец его участвовал в Первой мировой войне. В начале 1930-х гг. отец был арестован по обвинению в кулачестве, был освобожден по ходатайству местного священника. После освобождения отца семья бросила хозяйство и бежала от преследований сначала под Москву, в Царицыно, а затем переехала в Москву, где отец устроился работать на вагоноремонтный завод им. Войтовича.

Всех детей в семье родители сызмальства приучали к труду. В начале Великой Отечественной войны юный Серафим Мелюхин дежурил на крыше барака на случай попадания зажигательных бомб. Затем некоторое время семья жила в родном селе, спасаясь от голода. По возвращении в Москву Серафим Мелюхин продолжил учебу в школе. Был отличником, много читал, в клубе завода посещал танцевальную секцию, у него была тяга к техническим поделкам. В 1943 г. он окончил восемь классов, в 1944 г. сдал экстерном экзамены за среднюю школу. С 1943 г. он работал на заводе Центрального института авиационного моторостроения им. П.И. Баранова: подручный моториста, младший техник, техник, старший техник-экспериментатор. В течение двух лет по совместительству с работой старшим техником избирался секретарем комитета ВЛКСМ. В течение полугода работал инструктором Первомайского райкома ВЛКСМ г. Москвы.

В 1945 г. С.Т. Мелюхин поступил на вечернее отделение металлургического института, через год перевелся на заочное отделение философского факультета МГУ. В 1949 г. по окончании университета он поступил в аспирантуру сектора философских вопросов естествознания Института философии АН СССР. Научным руководителем его был И.В. Кузнецов. Кандидатские экзамены аспирант сдал на «отлично». 29 декабря 1952 г. в установленные сроки С.Т. Мелюхин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Философские вопросы современного физического учения об «элементарных» частицах».

С 1953 г. С.Т. Мелюхин работал старшим преподавателем, доцентом кафедры философии Ленинградского отделения аспирантуры АН СССР, с 1960 г. он заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма Ленинградского электротехнического института. Колоссальная работоспособность С.Т. Мелюхина проявилась в том, что за восемь лет он выпустил три фундаментальных монографии, до сих пор сохраняющие свое значение.

В 1958 г. вышла первая крупная монография С.Т. Мелюхина «Проблема конечного и бесконечного». Автор проанализировал развитие категорий конечного и бесконечного в философии и эволюцию представлений о конечном и бесконечном в космологии. В частности, им была показана несостоятельность модели осциллирующей Вселенной, модели изотропной и однородной во времени расширяющейся Вселенной.

Общий вывод автора состоял в том, что все финитные модели отражают не границы мира, а только наличные границы его познания. Философ исходил из того, что попытки строить общую теорию мира как целого средствами космологии и других частных наук — бесперспективны. Возможно это только на философском уровне. Суждения о бесконечном в науке строятся путем приписывания бесконечных значений конкретным свойствам конечных объектов и структур. Поэтому полученные отсюда выводы носят вероятностный характер и не должны абсолютизироваться. Инфинитизации могут подвергаться только познаваемые философией универсальные атрибуты и законы материи, проявляющиеся на всех ее структурных уровнях.

Абсолютность движущейся материи, незыблемость законов сохранения материи исключают замкнутость пространства, цикличность времени, вообще какое-либо начало и завершение времени. Материя структурно неисчерпаема в пространстве, а бесконечность времени базируется на множестве последовательностей существования всех возможных материальных систем. Проблема бесконечности выступает как комплексная, требующая взаимодействия философии и естествознания, при том «в каждой из естественных наук проблема бесконечности материи остается прежде всего философской по своему содержанию»¹.

Реальная бесконечность — это действительное многообразие форм, состояний, законов, отношений, уровней материи в их относительной устойчивости под действием всеобщего закона меры и в постоянном взаимном переходе и превращении друг в друга. Бесконечные атрибуты материи обладают качественными и количественными характеристиками. Они составляют философскую картину мира вместе с абсолютными атрибутами материи, не обладающими количественными значениями, такими как диалектические закономерности, атрибуты несотворимости, неуничтожимости, противоречивости.

Вопрос о неуничтожимости материи был подвергнут С.Т. Мелюхиным специальному исследованию в связи с гипотезой о «тепловой смерти» Вселенной, в соответствии с которой время перестает течь при максимуме энтропии. Автор делал вывод, что данная гипотеза возникла на основе абсолютизации второго закона термодинамики в классической физике. Гипотеза «тепловой

¹Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 203.

смерти» справедлива по отношению к замкнутой системе, но понятие замкнутости неприменимо к бесконечно изменяющимся системам. Материя структурно неисчерпаема, и множество ее возможных состояний и процессов не может быть реализовано ни за какой отрезок времени. «Система, обладающая бесконечным множеством внутренних возможностей изменения, может развиваться в любых направлениях. Состояние теплового равновесия оказывается для Вселенной принципиально неосуществимым, а вывод о его необходимости основан на ошибочном понимании Вселенной как замкнутой системы с конечным числом возможных внутренних состояний»¹.

Монография С.Т. Мелюхина вызвала живейший интерес и вскоре была переведена в Венгрии, Румынии, Чехословакии, Мексике, Китае. Автор через два года выпустил новую фундаментальную работу «О диалектике развития неорганической природы».

Хорошо известно, что вопрос о развитии в неживой природе всегда остро дискутировался в философии. Даже великий диалектик Гегель отрицал «диалектику природы», хотя и занимался много «прохождением» абсолютной идеи через природную сферу. С.Т. Мелюхин в своей монографии предложил очень убедительное решение старой проблемы. Он сказал о том, что нельзя одни и те же критерии применять к развитию в неживой и в живой природе, тем более подходить с критериями живой природы к изучению неживой. Например, ни о каком прогрессе в неживой природе не может быть и речи. Применительно к неорганической природе можно говорить о циклах существования различного рода возникающих и распадающихся систем. Всякое восходящее развитие в рамках неорганической природы представляет собой процесс усложнения связей, форм движения и структуры соответствующих материальных объектов². Таким образом, автор понимал развитие материи в неорганической природе как ее направленное усложнение, основанное как на развертывании внутренних возможностей, заложенных в существующих структурах, так и на возникновении принципиально новых возможностей. В пользу подобного вывода свидетельствует сама структура наблюдаемой нами области Вселенной: элементарные частицы, атомы, молекулы, макроскопические тела. Об усложнении организации материи говорит и появление жизни. Выводы, сделанные С.Т. Мелюхиным 50 лет назад, находят со временем все большее подтверждение. Расширение Вселенной после Большого взрыва сопровождается ее структурным усложнением. В современной научной картине мира основной методологией признан универсальный эволюционизм, в котором проводится единая

¹ Мелюхин С.Т. О диалектике развития неорганической природы. М., 1960. С. 190—191.

² Там же. С. 14.

линия эволюции от неживой материи к живой, а затем к разумной. В этом — актуальность работы С.Т. Мелюхина сегодня.

Вторая книга С.Т. Мелюхина также была оценена высоко сразу же после ее выхода и переведена в Мексике и Венгрии. В 1963 г. в Мехико состоялся XIII Всемирный философский конгресс, в котором принял участие С.Т. Мелюхин. На стенде советской делегации были выставлены книги ее членов, но книг на иностранных языках практически не было. На этом фоне разительно выделялись две книги С.Т. Мелюхина, переведенные на испанский не иностранной редакцией издательства «Прогресс», а самими мексиканцами. Интерес к личности автора был большой. В своем докладе он опроверг интерпретацию известного неотомиста Густава Веттера о том, что марксисты будто бы «обожествляют» материю, и показал, что традиционный, идущий еще от Аристотеля томистский подход к материи как пассивному материалу, приводимому в движение извне, полностью опровергается открытием атомной энергии, внутренне присущей материи. Впоследствии С.Т. Мелюхин выступал с докладами на III Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки в Амстердаме в 1967 г., на XIV Всемирном философском конгрессе в Вене в 1968 г., на других международных форумах.

28 июня 1965 г. С.Т. Мелюхин защитил докторскую диссертацию «Философское содержание проблемы единства, бесконечности и развития материи». В диссертации были рассмотрены вопросы материального единства мира, бесконечности материи, а также атрибуты материи: связь и взаимодействие, движение и саморазвитие, законы развития, причинной связи. Рассматривался вопрос о конечности или бесконечности таких атрибутов материи, которые проявляются на всех уровнях структурной организации. Уровень развития современной науки таков, что все эти атрибуты должны обнаруживаться ею, разумеется, в доступных ей масштабах. В диссертации С.Т. Мелюхин делал вывод, что всеобщее и единое в мире вполне познаваемо. Отсюда вытекает принципиальная возможность создания цельного философского мировоззрения, которое в перспективе будет лишь расширяться и дополняться и не будет опровергнуто. При этом специфические формы проявления этих единых атрибутов на разных уровнях могут быть чрезвычайно разнообразными. В процессе развития и вечного изменения материи все ее уровни взаимно связаны и взаимообусловлены. Принцип единства мира реализуется через принцип многообразия и наоборот. Открытие всеобщих свойств и законов материи и доказательство универсальности их проявления означает выход познания далеко за пределы непосредственно доступного для изучения. Познание схватывает здесь грани абсолютной истины, раскрывает черты бесконечного.

В 1966 г. вышла фундаментальная монография С.Т. Мелюхина «Материя в ее единстве, бесконечности и развитии», в которой автор обобщил основные

результаты своих многолетних исследований диалектико-материалистической онтологии. Материя берется автором здесь не только в динамическом аспекте, как это было в предыдущей книге, но одновременно и в структурном аспекте. Главной проблемой, которая решалась в книге, было материальное единство мира. С. Т. Мелюхин подверг критике две традиционные модели единства мира — субстратную и функциональную и предложил свою — атрибутивную модель.

Субстратные модели мироздания предполагают существование последней сущности вещей — носителя свойств материи. С современной точки зрения никакой однородной, бескачественной, простейшей и неизменной субстанции, обеспечивающей тождественность структуры материи во всех возможных процессах, не существует¹. Все формы материи обладают специфичной и сложной структурой и способны к взаимному превращению и смене состояний. Элементарные частицы не являются «кирпичиками мироздания» в духе античных воззрений, а представляют собой единство устойчивости и изменчивости. Субстратная модель не учитывает также возможности качественных изменений свойств материи, которую нельзя не допустить. Субстанциальность материи означает только ее абсолютность и всеобщность, которые реализуются каждый раз через движущееся конкретное многообразие.

В функциональной модели мир рассматривается как целостный механизм, функционирующий по универсальным законам. Между тем, несомненно качественное различие законов микро- и макромира, явлений неживой и живой природы, законов развития общества. Всякий закон природы конечен по сфере его применимости. Нельзя говорить и об однородной целостности мира, поскольку взаимодействия в нем в силу больших расстояний носят чаще всего односторонний характер. Никакие связи и формы движения не могут неограниченно распространяться в космосе, сохраняя свою определенность. Представления о каком-либо объекте как о «живом зеркале Вселенной» — достояние античного и ренессансного прошлого.

В чем состоит предложенная С. Т. Мелюхиным атрибутивная модель единства мира? Всем состояниям материи присущи определенные универсальные атрибуты и диалектические закономерности. К атрибутам материи автор относит ее сохраняемость, всеобщность, взаимодействие, движение, пространство, время, структурность, бесконечность и др. Поскольку атрибуты материи проявляются всегда, они носят абсолютный характер и не переходят в свою противоположность. Категории, имеющие диалектическую пару, сами по себе не входят, согласно С. Т. Мелюхину, в число атрибутов материи. Атрибутивным характером обладают лишь единства противоположностей. Они составля-

¹См.: Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 64.

ют содержание всеобщих диалектических законов, входящих в число атрибутов материи. Поскольку у материи нет единого качества, у нее нет и единой количественной меры, ее сущность проявляется через все многообразие ее свойств.

Частные науки создают свои частные картины мира. Совокупность атрибутов материи и законов диалектики составляет содержание единой картины мира. Поэтому единая картина мира есть не просто «обобщение» данных науки, она носит, по С.Т. Мелюхину, философский характер.

В.Я. Перминов в своем интересном и содержащем много точных оценок исследовании научной онтологии С.Т. Мелюхина специально останавливается на двойственности этой онтологии. С.Т. Мелюхин считал, что вопросы онтологической (атрибутивной) картины мира должны решаться на уровне философского мировоззрения, с использованием философских доказательств. Данные науки используются им как основа для заключений о структуре реальности, «но они отодвигаются в сторону, когда они сталкиваются с основными положениями материалистической онтологии»¹. Подход С.Т. Мелюхина согласуется с данными естествознания, но решает фундаментальные проблемы материи на специфически философском категориальном уровне. В.Я. Перминов считает, что «эти две установки трудно соединить без некоторых нетривиальных методологических допущений»². Слабость позиции С.Т. Мелюхина, непоследовательность его аргументации В.Я. Перминов видит в известной автономности атрибутивной картины мира от научного обоснования. В.Я. Перминов предлагает следующее объяснение подобной двойственности: обращение к философским доказательствам излишне в тех случаях, когда свойства материи можно обосновать на основе имеющихся научных данных; к философским доказательствам прибегают тогда, когда возможности науки не дают определенного решения на основе опыта.

В действительности подобная двойственность составляет сильную сторону концепции С.Т. Мелюхина и свидетельствует о том, что он был настоящим философом. Если бы дело обстояло так, как это представляется В.Я. Перминову, философия лишь следовала бы за наукой и не могла бы выполнять по отношению к ней свою методологическую функцию. В.Я. Перминов верно заметил, что подход С.Т. Мелюхина к проблеме материи не чисто научный и не идеалистический, а «некоторый третий». Только у этого «третьего» подхода есть название — это диалектико-материалистический подход. Принципы этого подхода, взятые в их совокупной связи, обладают большей доказательной силой, чем отдельные положения все время движущегося вперед естествознания. Наука имеет дело с конкретным и ограничена в своих возможностях. Если, скажем,

¹Перминов В.Я. Научная онтология С.Т. Мелюхина // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 3. М., 2010. С. 15.

²Там же. С. 19.

конечность мира не соответствует принципам диалектико-материалистической картины мира, то отдельными фактами науки ее невозможно будет обосновать. Диалектико-материалистический подход обосновывается не теми или иными фактами, а всей историей естествознания. Применительно к нему работает вывод, сделанный С.Т. Мелюхиным в докторской диссертации: всеобщее и необходимое в мироздании проявляется универсально, а потому уже может быть доступно современному познанию.

Нужно остановиться еще на одной мысли С.Т. Мелюхина, которая неточно интерпретирована В.Я. Перминовым. Исследователь пишет, что С.Т. Мелюхин считал принцип непротиворечивости обязательным как для научного, так и для философского рассуждения, поскольку законы диалектики относятся к динамике реальности и мышления, но не к структуре мысли. Положение это необходимо В.Я. Перминову для того, чтобы признание принципов диалектики не ущемляло законов формальной логики¹. Сегодня, когда диалектическая логика третируется как «идеологизированная лженаука», говорить об опасности подобного «ущемления» по крайней мере неактуально. Между тем в сочинениях С.Т. Мелюхина, особенно в его обобщающей книге о материи, рефреном проходит мысль о недостаточности чисто научного анализа проблем мироздания и необходимости обращения к законам диалектической логики. С.Т. Мелюхин считал, что по своему содержанию диалектическая логика совпадает с диалектико-материалистической методологией научного исследования. В.Я. Перминов ссылается на соответствующее место в книге С.Т. Мелюхина о диалектике развития, где говорится, что «объективные противоречия можно и должно мыслить логически непротиворечиво»².

Между тем, автор книги продолжил и уточнил свою мысль. С.Т. Мелюхин писал: «Диалектическая логика включает в себя все основные законы и требования формальной логики, если она касается правил научных умозаключений (курсив мой. — С.К.). Но дополнительно к этому она включает в себя такие положения и законы, которые выходят за пределы формальной логики и характеризуют свойства самого объективного мира»³. Автор совершенно точно указал ограничение, в рамках которого работает принцип логической непротиворечивости: только применительно к научным суждениям. Но мир наполнен онтологическими противоречиями, которые не могут быть выражены одномерно. С.Т. Мелюхин приводит соответствующие примеры: микрообъект как единство конечного и бесконечного, свет как частица и волна и т.п. и делает вывод, что в этих случаях не работает закон исключенного третьего. Выразить эти онтологические факты непротиворечиво нельзя, а наука, иссле-

¹ Там же. С. 10, 17.

² Мелюхин С.Т. О диалектике развития неорганической природы. С. 84—85.

³ Там же. С. 85.

дую их, выходит к своим философским основаниям. Наконец, С.Т. Мелюхин постулирует: «Рассуждение по принципу “или — или” здесь неприменимо, как, впрочем, и во многих других случаях. Здесь действует новый логический принцип совмещения противоположностей: “и — и”, “как то, так и другое”, который применительно к рассматриваемому случаю означает, что материя и прерывна, и непрерывна в своем строении, и конечна, и бесконечна»¹. Возможности научного познания и логики как его «грамматики» ограничены и не распространяются на случаи, когда бытие и небытие равно присущи одному и тому же объекту в одно и то же время, в одном и том же месте, в одном и том же отношении и при одних и тех же условиях. На то есть философский уровень рассмотрения, на котором изучаются проблемы (например, возникновение и исчезновение и пр.), по степени своей сложности превосходящие возможности всякой науки и сегодня, и в будущем.

Все исследователи творчества С.Т. Мелюхина в один голос и совершенно справедливо заключают, что он занимает свое, особое место в истории нашей философии, и это место определяется его стремлением создать научную онтологию, диалектику природы на уровне науки XX века. Поэтому расцвет его творчества пришелся на 1960-е гг. Начиная с 1970-х гг. вектор философских исследований начал перемещаться от сферы содержания к сфере осмысления и выражения — от философии естествознания к логике, методологии и философии науки, а здесь С.Т. Мелюхин не был столь силен, как в материалистической натурфилософии. Он пытался следовать в этом общем русле, но это не могло иметь такого блеска и значения, как его работы по онтологии. С.Т. Мелюхин разработал метафизические и натурфилософские вопросы на базе достижений современной ему науки настолько фундаментально, что для того чтобы появился философ ранга С.Т. Мелюхина, сама наука должна продвинуться достаточно далеко вперед, выйти на новый этап осмысления природы, и это продвижение должно стать заметным, ощутимым. Очень правильно заметил В.В. Миронов, что «к сожалению, по целому ряду причин, сегодня вряд ли найдется специалист уровня ушедших от нас С.Т. Мелюхина или И.Т. Фролова, который бы мог так же открыто и свободно полемизировать с крупными представителями науки»².

Все творчество С.Т. Мелюхина являет собой пример воплощения знаменитого «союза» философии и естествознания. Его работы в области научной онтологии не были произвольным системотворчеством, они опирались на прочный фундамент науки и одновременно давали этой же самой науке философское обоснование. Работы С.Т. Мелюхина продемонстрировали возмож-

¹ Мелюхин С.Т. О диалектике развития неорганической природы. С. 90.

² Миронов В.В. Предисловие // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 8.

ность нового, современного уровня натурфилософской метафизики. Занятия натурфилософией и метафизикой после Канта приобрели привкус «отсталости», «дурного тона» в философии, которая оказалась полностью поглощена саморефлексией. Возможно, что нынешний тупик, в который попала мировая философия в виде дилеммы «анализм — постмодернизм», связан именно с забвением содержательной стороны философской работы, с излишней филологизацией философского мышления и в той и в другой крайностях. С.Т. Мелюхин не навязывал извне метафизические схемы реальному предмету, не «прилагал» диалектику к изучению процессов природы, а раскрывал диалектический характер самих этих процессов. Его диалектика существовала в конкретной форме «диалектики природы». Особая ценность творчества С.Т. Мелюхина состоит именно в том, что он не просто отстаивал права онтологии на существование, но в том, что в онтологии он считал главной мировоззренческую сторону и соответствующим образом строил ее. Философия вновь станет востребованной в культуре, когда она опомнится от сомнительных новшеств и опять начнет искать ответы на вопросы, вечно волнующие человека: о мире и о месте в нем человека. Тогда С.Т. Мелюхина будут перечитывать заново.

Сказав о содержательной стороне книг С.Т. Мелюхина, нельзя не сказать о стиле, которым они написаны. Его труды отличаются четкостью, ясностью, аргументированностью изложения, концентрированностью мыслей и фактов; о сложных проблемах автор говорит доступным языком. Неслучайно книги С.Т. Мелюхина с интересом и пользой читали как люди с естественно-научным складом ума, так и сугубые гуманитарии.

В 1966 г. С.Т. Мелюхин получил ученое звание профессора и был приглашен на должность заведующего кафедрой философии естественных факультетов МГУ. Под руководством С.Т. Мелюхина кафедра занималась исследованием мировоззренческих и методологических оснований современной науки. Он никогда не поощрял группового противостояния на кафедре и ставил во главу угла чисто деловой подход, придерживаясь демократического стиля руководства.

В 1974 г. по рекомендации ректора МГУ Р.В. Хохлова С.Т. Мелюхин был избран деканом философского факультета МГУ. Одновременно он стал заведующим кафедрой диалектического материализма. Чтобы пояснить, почему Ученый совет факультета предпочел кандидата со стороны, нужно сказать о событиях, которые этому предшествовали. После завершения срока полномочий М.Ф. Овсянникова на должность декана была выдвинута кандидатура А.С. Богомолова. Она была поддержана ректоратом и парткомом МГУ. Однако при тайном голосовании А.С. Богомолов получил меньшинство голосов. Возникла опасность разжечь противостояние на факультете в случае, если эта кандидатура будет вновь вноситься на голосование. Поэтому С.Т. Мелюхин как фигура нейтральная был избран практически единогласно.

Как декан С.Т. Мелюхин продолжил курс М.Ф. Овсянникова на не-идеологизированное руководство жизнью факультета. Благодаря своему спокойствию, тактичности, уважительной манере общения декан стал фигурой, сплачивавшей факультет. Он фактически дистанцировался от факультетского парткома и вызвал тем самым конфликтный настрой у приверженцев прежних методов руководства факультетом. Неприемлемой для них была и линия декана в корректировке учебных планов в сторону расширения научно-философской тематики. Тем не менее, С.Т. Мелюхин выдерживал свою деловую, строго объективную линию, не входил ни в какие группы и сам их не создавал. Таким был его принцип руководства. Он сохранял независимость и в кадровых вопросах, и при разработке и утверждении учебных программ. В сентябре 1976 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук С.Т. Мелюхин поставил вопрос о реформировании системы приемных экзаменов на философский факультет. При существовавшем наборе экзаменов: история СССР, сочинение, литература (устно), иностранный язык — преподаватели факультета были лишены возможности влиять на процесс приема студентов на факультет. Декан предложил заменить экзамен по литературе (устно) на экзамен по обществоведению. На том же совещании С.Т. Мелюхин предложил реформировать учебные планы таким образом, чтобы увеличить количество учебных часов, выделяемых на дисциплины специализации за счет учебных часов общеобразовательных курсов. Он указал на необходимость создания учебных пособий для студентов философских факультетов по основным дисциплинам. На факультете была введена специализация по прикладной социологии на отделении научного коммунизма.

С.Т. Мелюхин руководил факультетом до 1977 г., а кафедру диалектического материализма, впоследствии переименованную в кафедру общетеоретической, а затем — кафедру систематической философии, он возглавлял до декабря 1998 г., после чего работал профессором той же кафедры. Как заведующий кафедрой С.Т. Мелюхин занимался стратегией развития кафедры, предпочитал коллективный стиль руководства, создавал обстановку принципиальности и доброжелательности, не допускал никаких склок. Кафедра обеспечивала чтение курса диалектического материализма (260 часов для студентов дневного отделения), курса философских проблем естествознания (102 часа), систему спецкурсов (до 30 часов). При кафедре работал специализированный совет по диалектическому материализму и философским вопросам естествознания. В серии «Актуальные проблемы диалектического материализма» регулярно печатались сборники работ аспирантов. С.Т. Мелюхин подготовил 50 кандидатов наук.

Монография С.Т. Мелюхина «Материя в ее единстве, бесконечности и развитии» длительное время использовалась на философском факультете МГУ

в качестве основного учебного пособия по курсу диалектического материализма. Министерство высшего и среднего специального образования СССР назначило С.Т. Мелюхина председателем комиссии по разработке программы по философским вопросам естественных и гуманитарных наук для студентов и аспирантов. В 1985 г. под редакцией С.Т. Мелюхина был издан учебник «Философские проблемы естествознания». Учебник был выстроен прежде всего как изложение проблем философии естествознания и в меньшей степени затрагивал проблемы философии науки. Основной целью авторов было раскрыть мировоззренческое и методологическое содержание, которое заключено в явном или в не очень проявленном виде в самих естественно-научных теориях. В учебнике рассматривались философские вопросы математики, физики и биологии. В 1986 г. учебник был переведен на словацкий язык.

В последнее время С.Т. Мелюхин читал в основном циклы лекций и вел семинары для аспирантов философского факультета. С учетом специфики интересов аудитории он в большей степени сосредоточивался на проблемах философского мировоззрения, на осмыслении фундаментальных принципов и проблем философии (материальное и идеальное, субстанция, единство мира), на истории натурфилософских представлений. С собой на лекцию он брал диктофон, чтобы сохранить и затем зафиксировать на бумаге ту «лабораторию» творческой мысли, которая обычно возникает в ходе чтения лекции крупным специалистом. В.М. Федоров так характеризует педагогическую манеру С.Т. Мелюхина: «Необычайно внимательно Серафим Тимофеевич относился к чтению лекций студентам, аспирантам, слушателям Института повышения квалификации и к лекциям по линии Общества «Знание». В методологическом плане его лекции всегда были выстроены безупречно. Он удивительно ясно и отчетливо выстраивал систему принципов, законов и базовых научных открытий, определяющих жизнь современной науки и философии. Он обязательно знакомил слушателей с самыми современными открытиями человеческой мысли и был мастером формирования у слушателей способностей прогнозировать развитие теории и практики. Особенно Серафим Тимофеевич ценил живой контакт со студентами. Неизменно поощрял студенческую инициативу. Внимательнейшим образом выслушивая и просматривая курсовые и дипломные работы студентов, высказывал им свои замечания и рекомендации, поддерживал их устремление поступить в аспирантуру»¹.

В последний период творчества интересы С.Т. Мелюхина стали смещаться от философии естествознания к философии науки. Он обратился к исследованию интеграционных процессов в науке, форм сохранения преемственности в развитии научного знания. С.Т. Мелюхин не считал, что интеграционные

¹Федоров В.М. Серафим Тимофеевич Мелюхин — ученый и педагог // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 219–220.

процессы в науке могут привести к созданию какой-то «объединенной науки», поскольку сам механизм интеграции опирается на дифференциацию научных дисциплин, появление смежных, гибридных наук. Возрастает роль пограничных, синтетических дисциплин, и именно поэтому в науке в целом имеет место не синтез, а интеграция как объединение теоретических достижений и методов исследования. Повышается роль системного объяснения природных объектов, когда изучение данного объекта уже невысказимо без учета воздействия на него процессов и факторов, относящихся к иным уровням структурной организации материи. В поле зрения исследователей по преимуществу оказываются целостные системы, и это предохраняет от чрезмерного увлечения редукционистскими подходами, эффективными в гибридных науках типа биофизики и биохимии. Основу интеграционных процессов науки С.Т. Мелюхин видел в материальном единстве мира, во взаимосвязи различных структурных уровней материи, в общности законов природы, во взаимопревращаемости форм движения. Подобная основа, считал он, создает возможность включения генетического объяснения в системно-структурную картину реальности¹. Последние публикации С.Т. Мелюхина были посвящены антропному принципу. Он отстаивал точку зрения, что антропный принцип, как и любой другой познавательный принцип, носит нормативный характер и не может иметь онтологического статуса².

29 декабря 1981 г. С.Т. Мелюхин был избран членом-корреспондентом РАН. Он входил в состав Бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН. С.Т. Мелюхин — заслуженный профессор МГУ, лауреат Ломоносовской премии.

У С.Т. Мелюхина были «золотые» руки. От природы он был мастеровым человеком, увлекался разного рода поделками, фотографией, конструированием аудио-технических систем, в частности квадрофонии. Он любил классическую музыку, и ему было интересно, как она будет звучать на новой технике. В дачных условиях сумел отлить фары для своего автомобиля взамен разбитых. «В своем знаменитом портфеле он всегда носил какие-то мелкие инструменты, и для него не было зазорным достать отвертку и быстро что-то поправить в замке стола или шкафа на кафедре»³.

Умер Серафим Тимофеевич Мелюхин 4 февраля 2003 г. в Москве.

¹ См.: Мелюхин С.Т. Интеграция науки и развитие способов объяснения явлений // Дialeктика в науках о природе и человеке. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. М., 1983. С. 243–247; Он же. Преемственность знания и интеграция науки // Единство научного знания. М., 1988. С. 223–237.

² См.: Мелюхин С.Т. Эволюция и антропный принцип // Наука. Общество. Человек. М., 2004. С. 83–84.

³ Миронов В.В. Серафим Тимофеевич Мелюхин — учитель, наставник, человек // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. С. 180.

В 2005 г. в рамках проходившего в МГУ IV Российского философского конгресса был организован симпозиум памяти С.Т. Мелюхина. В 2010 г. философский факультет МГУ под руководством В.В. Миронова выпустил трехтомное издание научного наследия С.Т. Мелюхина, включившее расшифрованные записи его лекций, систематизированные фрагменты его сочинений, посвященные ему воспоминания и исследовательские статьи.

Сочинения

Философские вопросы в журнале «Физика в школе» // Учительская газета. 1951. 21 ноября.

Против идеалистических извращений в физике // Учительская газета. 1951. 21 ноября.

Философские вопросы современного физического учения об «элементарных» частицах (Проблема неисчерпаемости «элементарных» частиц): Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1952. 233 с.

Философские вопросы современного физического учения об «элементарных» частицах (Проблема неисчерпаемости «элементарных» частиц): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1952. 21 с.

Масса и энергия // Учительская газета. 1952. 9 июля.

О названии закона $E = MC^2$ // Вестн. Ленингр. ун-та. 1954. № 5. С. 153–155.

Диалектический материализм — философская основа атеизма // Ленинградская правда. 1954. 29 августа.

Советская астрономия в борьбе против идеализма и религии // Комсомольская правда. 1954. 19 сентября.

Диалектический материализм о материи и движении. Л., 1955. 36 с.

Современная физика о строении материи // Молодой коммунист. 1955. № 6. С. 83–91.

Ленинская критика «физического» идеализма и ее значение для современной науки // Пропагандист. 1955. № 6. С. 30–39.

Научное предвидение и религиозные «пророчества» // Наука и жизнь. 1955. № 7. С. 29–32.

Движение — свойство материи // Наука и жизнь. 1956. № 8. С. 35–38.

Bemerkungen zu dem Beitrag Victor Stern's "Es gibt keine nichtstoffliche Materie" // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Heft 5/6. 1956. S. 734–737.

Неисчерпаемость свойств «элементарных» частиц // Некоторые философские вопросы естествознания. М., 1957. С. 191–222.

К философской оценке современных представлений о взаимосвязи поля и вещества // Диалектический материализм и современное естествознание. М., 1957. С. 97–131.

Книга по истории науки: Рец. на кн.: Кузнецов Б.Г. Развитие научной картины мира в физике XVII—XVIII вв. М., 1955. 344 с. // Вопр. философии. 1957. № 2. С. 146–150.

Методические советы по теме «Основные категории материалистической диалектики» // Пропагандист. 1957. № 2. С. 40–44.

Современная астрономия в борьбе против идеализма и религии // Молодой коммунист. 1957. № 4. С. 97–105.

Проблема конечного и бесконечного. М., 1958. 264 с. Переведена и издана в Будапеште (1959. 266 с.), Мехико (1960. 275 с.), Бухаресте (1961. 239 с.), Братиславе (1961. 308 с.), Пекине (1962. 281 с.)

Об особенностях развития в неорганической природе // Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958. С. 3—32.

К вопросу о кризисе физики // Философские науки. 1958. № 3. С. 133—140.

Великое превосходство социализма над капитализмом // Пропагандист. 1958. № 3. С. 32—37.

Поле и вещество // Наука и жизнь. 1958. № 4. С. 7—12.

Что такое современный энергетизм // В помощь политическому самообразованию. 1959. № 3. С. 93—96.

О диалектике развития неорганической природы. М., 1960. 244 с. Переведена и издана в Мехико (1963. 289 с.), Будапеште (1963. 252 с.).

Причинность и функциональная зависимость // Проблема причинности в современной физике. М., 1960. С. 216—256.

О движении и развитии материи во Вселенной // Совецание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР. Материалы для обсуждения на секции заведующих кафедрами философии. М., 1960. С. 170—183.

Ленинский принцип неисчерпаемости материи и современная физика // Известия Ленинградского электротехнического института имени В.И. Ульянова (Ленина). Вып. 40. Л., 1960. С. 96—110.

Учебное пособие по диалектическому материализму: Рец. на кн.: Диалектический материализм. М., 1960. 471 с. // Коммунист. 1961. № 9. С. 120-123.

Мир единый и многообразный // Учительская газета. 1961. 10 октября.

Значение марксистско-ленинской философии в коммунистическом строительстве // Роль науки и высшей школы в построении коммунизма. Л., 1962. С. 9—11.

Взаимоотношение движения и развития в неорганической природе // Философские вопросы современного учения о движении в природе. Л., 1962. 174—199.

Об изложении законов и категорий диалектического материализма // XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1962. С. 472—475.

Статьи: «Актуальная и потенциальная бесконечность» (с. 14—15), «Бесконечность дурная» (с. 47), «Вечность» (с. 69), «Вечный двигатель» (с. 69), «Взаимодействие» (с. 70), «Вселенная» (с. 81), «Всеобщая связь явлений» (с. 81—82), «Движение» (с. 112—113), «Единство и многообразие мира» (с. 146), «Закон» (с. 151—152), «Материя» (с. 261—262), «Необратимость» (с. 302), «Объективная реальность» (с. 322), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 434—435), «Субстанция» (с. 438—439), «Тепловая смерть» Вселенной» (с. 453—454), «Финитизм» (с. 480), «Формы движения материи» (с. 485—486), «Функциональная зависимость» (с. 489), «Эксперимент» (с. 516), «“Элементарные” частицы» (с. 518), «Энергия» (с. 524) // Философский словарь. М., 1963.

К философской оценке современных представлений о свойствах пространства и времени в микромире // Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963. С. 121—154.

Dialectical materialism and the philosophical problems of microcosm // Philosophy, science and man. The soviet delegation reports for the XIII World congress of philosophy. М., 1963. P. 161—175.

Проблемы физики микромира в свете диалектического материализма // Философские науки. 1963. № 4. С. 74–86.

О бесконечности и вечности Вселенной. М., 1964. 48 с. Переведена и издана в Софии (Современные достижения физики и научное понимание материи. 1967. 38 с.).

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений // Марксистско-ленинская философия. М., 1964. С. 160–172.

Закон отрицания отрицания // Марксистско-ленинская философия. М., 1964. С. 172–182.

Диалектический материализм и философские проблемы физики микромира // Философия и современная эпоха. М., 1964. С. 54–59.

Принцип развития в науках о неживой природе // Диалектика в науках о неживой природе. М., 1964. С. 270–313.

О философском понимании бесконечности пространства и времени // Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзном симпозиуме. Киев, 1964. С. 214–233.

О трактовке понятий «элементарности» и «структуры» в применении к микрообъектам // Философские вопросы современной физики. Киев, 1964. С. 223–234.

О соотношении возможности и действительности в неорганической природе // Проблема возможности и действительности. М.; Л., 1964. С. 25–54.

О некоторых методологических проблемах естественных наук // Философские науки. 1964. № 3. С. 3–13.

Возможно ли непротиворечивое понимание противоречивости движения? // Философские науки, 1964. № 6. С. 159–166.

Философское содержание проблемы единства, бесконечности и развития материи: Дисс. ... докт. филос. наук. Л., 1965. 716 с.

Философское содержание проблемы единства, бесконечности и развития материи: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Л., 1965. 42 с.

О философском понимании бесконечности пространства и времени // Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии: Сборник статей. Киев, 1965. С. 292–297.

В.И. Ленин о научной картине мира и современность // Тезисы выступлений на научно-теоретической конференции кафедр общественных наук Ленинградского электротехнического института имени В.И. Ульянова (Ленина), посвященной 95-летию со дня рождения В.И. Ленина. Л., 1965. С. 42–44.

Проблема бесконечности мира в философии и естествознании // Вопр. философии. 1965. № 6. С. 50–60.

Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. 383 с. Переведена и издана в Боготе (1970. 334 с.)

Можно ли предвидеть будущее? М., 1966. 48 с.

Статьи: «Атомистика» (с. 22–23), «Взаимодействие» (с. 34), «Всеобщая связь явлений» (с. 44–45), «Движение» (с. 56–58), «Закон» (с. 85–86), «Изменение» (с. 97), «Конечное и бесконечное» (с. 131–132), «Материя» (С. 154–155), «Прерывность и непрерывность» (с. 225–226), «Структура» (с. 284–285), «Субстанция» (с. 285–286), «Сущность и явление» (с. 288–289), «Физическая картина мира» (с. 311–312), «Формы движения материи» (с. 317–319), «Эксперимент» (с. 335–336) // Краткий словарь по философии. М., 1966.

К вопросу о противоречиях социалистического общества // *Философские науки*. 1966. № 2. С. 98—105.

Проблемы развития философской науки в свете итогов XXIII съезда КПСС // *Философские науки*. 1966. № 3. С. 3—14.

Замысел, не имеющий равных // *Советская культура*. 1966. 12 апреля.

Материальное единство мира в свете современной науки. М., 1967. 75 с.

Закономерности развития материи. М., 1967. 48 с.

Исследовательские темы для рефератов по философским проблемам естествознания. М., 1967.

Материя и формы ее существования // *Основы марксистской философии*. М., 1967. С. 78—95.

Всеобщая связь и развитие в мире // *Основы марксистской философии*. М., 1967. С. 95—118.

Материя и формы ее существования // *Диалектический материализм*. М., 1967. С. 31—70.

О структуре диалектического материализма и месте философских проблем естествознания // *Философские науки*. 1967. № 2. С. 107—115.

Темы исследовательских работ по философским проблемам естествознания // *Философские науки*. 1967. № 3. С. 180—190.

Методологические проблемы единства научного знания // *Философские науки*. 1967. № 5. С. 58—67.

Марксизм-ленинизм и современная естественно- научная картина мира. М., 1968. 47 с.

Статьи: «Актуальная и потенциальная бесконечность» (с. 10), «Бесконечность и конечность» (с. 36), «Бесконечность дурная» (с. 36—37), «Вечность» (с. 53), «Вечный двигатель» (с. 53), «Взаимодействие» (с. 54), «Вселенная» (с. 63), «Всеобщая связь явлений» (с. 63—64), «Движение» (с. 88—89), «Единство и многообразие мира» (с. 115), «Закон» (с. 118—119), «Материя» (с. 209), «Необратимость» (с. 240), «Объективная реальность» (с. 256), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 343), «Субстанция» (с. 346), «Тепловая смерть Вселенной» (с. 359), «Физическая картина мира» (с. 377—378), «Финитизм» (с. 381), «Формы движения материи» (с. 385), «Функциональная зависимость» (с. 389), «Эксперимент» (с. 409—410), «“Элементарные” частицы» (с. 410), «Энергия» (с. 415) // *Философский словарь*. 2-е изд. М., 1968.

On a philosophical valuation of modern conceptions concerning the properties of space and time in the micro-world // *Philosophical problems of elementary — particle physics*. М., 1968. P. 167—213.

Оригинальное учебное пособие: Рец. на кн.: *Marxistische Philosophie*. Berlin, 1967. 728 S. // *Вопр. философии*. 1968. № 3.

Ленинское понимание материи и его значение для современного диалектико-материалистического мировоззрения. М., 1969. 25 с.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений // *Марксистско-ленинская философия*. М., 1969. С. 144—155.

Ленинская теория отражения и проблема интеграции научного знания // В.И. Ленин и философские проблемы физики. М., 1969. С. 20—24.

На XIV Всемирном философском конгрессе // *Философские науки*. 1969. № 1. С. 155—166. Соавторы: М.Н. Грецкий, И.С. Нарский.

Статьи: «Атомистика» (с. 26), «Взаимодействие» (с. 39), «Всеобщая связь явлений» (с. 50—51), «Движение» (с. 62—64), «Закон» (с. 92—93), «Изменение» (с. 104), «Конечное и бесконечное» (с. 145—147), «Материя» (с. 169—171), «Предвидение» (с. 243—244), «Прерывность и непрерывность» (с. 246), «Структура» (с. 309), «Субстанция» (с. 312), «Сущность и явление» (с. 315—316), «Физическая картина мира» (с. 339—340), «Формы движения материи» (с. 347—348), «Эксперимент» (с. 365—366) // Краткий словарь по философии. 2-е изд. М., 1970.

Материя и основные формы ее существования // Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1970. С. 31—70.

К вопросу о философской теории материальных систем // Диалектика и современное естествознание. М., 1970. С. 319—323.

Философские вопросы физики XX в. // Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970. С. 94—124.

В.И. Ленин и философские проблемы современной физической картины мира // В.И. Ленин и методологические проблемы науки. М., 1970. С. 17—35.

Ленинское понимание материи и его значение для диалектико-материалистического мировоззрения // Философские науки. 1970. № 2. С. 61—72.

Проблемы логики научного исследования: Рец. на кн.: *Копнин П.В.* Логические основы науки. Киев, 1968; *Копнин П.В.* Философские идеи В.И. Ленина и логика. М., 1969 // Философские науки. 1970. № 5. С. 141—148.

Материя и основные формы ее существования // Основы марксистско-ленинской философии. М., 1971. С. 53—78.

Проблема интеграции научного знания // Философия и современность. М., 1971. С. 290—310.

Труды Энгельса о диалектике природы и современность // Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971. С. 272—302.

Выступление на дискуссии о предмете философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 2. С. 100—101.

Выступление на собрании партийного актива МГУ // Московский университет. 1971. 14 декабря.

Статьи: «Атомистика» (с. 31), «Бесконечность и конечность» (с. 40), «Бесконечность дурная» (с. 40), «Вечность» (с. 58—59), «Вечный двигатель» (с. 59), «Вещество и поле» (с. 59), «Взаимодействие» (с. 59), «Всеобщая связь явлений» (с. 70—71), «Движение» (с. 100), «Единство и многообразие мира» (с. 129), «Закон» (с. 133—134), «Изменение» (с. 142—143), «Материя» (с. 235—236), «Научное предвидение» (с. 267—268), «Необратимость» (с. 273), «Объективная реальность» (с. 290—291), «Прерывность и непрерывность» (с. 328), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 393), «Структура» (с. 395—396), «Субстанция» (с. 398), «Сущность и явление» (с. 402—403), «Тепловая смерть» Вселенной» (с. 414), «Физическая картина мира» (с. 434), «Финитизм» (с. 439), «Формы движения материи» (с. 443—444), «Функциональная зависимость» (с. 447—448), «Эксперимент» (с. 472), «“Элементарные” частицы» (с. 473), «Энергия» (с. 478—479) // Философский словарь. 3-е изд. М., 1972.

Материя и основные формы ее существования // Основы марксистско-ленинской философии. М., 1972. С. 53—78.

Ф. Энгельс и проблемы материалистической диалектики // Фридрих Энгельс — великий ученый и революционер. М., 1972. С. 8—24.

Марксистско-ленинский принцип единства диалектического материализма и современного естествознания // *Философские науки*. 1972. № 2. С. 12–22.

Бесконечность материального мира. М., 1973. 64 с.

К вопросу о единстве конечного и бесконечного в мире элементарных частиц // *Физическая наука и философия*. М., 1973. С. 215–222.

Материя // *Большая советская энциклопедия*. Т. 15. М., 1974. С. 503–504.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1974. С. 53–78.

Материя и основные формы ее существования // *Преподавание марксистско-ленинской философии как фактор коммунистического воспитания*. М., 1974. С. 63–75.

Проблемы философской теории материи // *Философские науки*. 1974. № 5. С. 57–67.

Рец. на кн.: *Руткевич М.Н. Диалектический материализм*. М., 1972 // *Коммунист*. 1974. № 10. С. 124–125.

Problem niesko // *Czlowiek i światopogląd (Warszawa)*. 1974. № 4.

Статьи: «Атомистика» (с. 31), «Бесконечность и конечность» (с. 40), «Бесконечность дурная» (с. 40), «Вечность» (с. 58–59), «Вечный двигатель» (с. 59), «Вещество и поле» (с. 59), «Взаимодействие» (с. 59), «Всеобщая связь явлений» (с. 70–71), «Движение» (с. 100), «Единство и многообразие мира» (с. 129), «Закон» (с. 133–134), «Изменение» (с. 142–143), «Материя» (с. 235–236), «Научное предвидение» (с. 267–268), «Необратимость» (с. 273), «Объективная реальность» (с. 290–291), «Прерывность и непрерывность» (с. 328), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 393), «Структура» (с. 395–396), «Субстанция» (с. 398), «Сущность и явление» (с. 402–403), «Тепловая смерть Вселенной» (с. 414), «Физическая картина мира» (с. 434), «Финитизм» (с. 439), «Формы движения материи» (с. 443–444), «Функциональная зависимость» (с. 447–448), «Эксперимент» (с. 472), «“Элементарные” частицы» (с. 473), «Энергия» (с. 478–479) // *Философский словарь*. 3-е изд. М., 1972. Доп. тираж.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1975. С. 53–78.

Противоположность гегелевского и диалектико-материалистического метода в объяснении объективного мира // *Диалектико-материалистический анализ философии Гегеля*. М., 1975. С. 3–13.

Марксизм-ленинизм в свете современного развития науки // *Диалектический материализм*. М., 1975. С. 23–51.

Движение, пространство и время как всеобщие формы бытия материи // *Диалектический материализм*. М., 1975. С. 166–192.

О месте философских принципов в теоретических основаниях естествознания // *Информационный бюллетень Проблемной комиссии Академий наук социалистических стран «Вопросы идеологической борьбы в связи с существованием двух мировых систем»*. Прага, 1975. № 5. С. 106–118.

Концепция объективной диалектики в трудах Ф. Энгельса и ее значение для разработки теории материалистической диалектики // *Философия и современность*. М., 1976. С. 216–232.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1976. С. 46–66.

Философский факультет // Наука в Московском университете. 1975. М., 1976. С. 43–49.

Beschleunigung soziale Fortschritt im Sozialismus unter Bedingungen technische Revolution // Dialektik im Sozialismus. Berlin, 1976. S. 57–67.

О некоторых тенденциях развития материалистической диалектики // Коммунист. 1976. № 1. С. 53–62. Соавтор: В.А. Лекторский.

Попробуем начать так // Московский университет. 1976. 13 января.

Philosophy in USSR: Problems of Dialectical materialism. М., 1977. 269 р. В соавторстве.

Выступление // XXV съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук: Сокращенный стенографический отчет Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1977. С. 81–86.

Материя и основные формы ее существования // Основы марксистско-ленинской философии. М., 1977. С. 46–66.

Философский факультет // Наука в Московском университете. 1976. М., 1977. С. 49–55.

Диалектический материализм — методология современной науки // Философские основания естествознания. М., 1977. С. 3–12.

О месте философских принципов в теоретических основаниях естествознания // Философская борьба идей в современном естествознании. М., 1977. С. 86–98.

Совершенствовать систему подготовки студентов и аспирантов // Вопр. философии. 1977. № 1. С. 143–145.

Программа по диалектическому материализму для студентов философского факультета. М., 1978. 53 с.

Философские основания идеи бесконечности Вселенной // XVI Всемирный конгресс по философии и мировоззрению современной науки. М., 1978. С. 48–54.

Философские основания идеи бесконечной Вселенной // Философские науки. 1978. № 1. С. 101–105.

Статьи: «Атомистика» (с. 23–24), «Взаимодействие» (с. 38), «Всеобщая связь явлений» (с. 47–48), «Движение» (с. 61–62), «Закон» (с. 89–90), «Изменение» (с. 101), «Конечное и бесконечное» (с. 140–142), «Материя» (с. 167–169), «Предвидение» (с. 248–249), «Прерывность и непрерывность» (с. 250–251), «Структура» (с. 309–310), «Субстанция» (с. 312), «Сущность и явление» (с. 315–316), «Физическая картина мира» (с. 343–344), «Формы движения материи» (с. 352–353), «Эксперимент» (с. 374) // Краткий словарь по философии. 3-е изд. М., 1979.

Материя и основные формы ее существования // Основы марксистско-ленинской философии. М., 1979. С. 46–66.

Статьи: «Атомистика» (с. 26), «Бесконечность и конечность» (с. 34), «Бесконечность дурная» (с. 34), «Вечность» (с. 50), «Вещество и поле» (с. 50), «Взаимодействие» (с. 50–51), «Всеобщая связь явлений» (с. 59–60), «Движение» (с. 83–84), «Единство и многообразие мира» (с. 110–111), «Закон» (с. 115–116), «Изменение» (с. 124–125), «Материя» (с. 209–210), «Научное предвидение» (с. 237–238), «Необратимость» (с. 242–243), «Объективная реальность» (с. 259), «Прерывность и непрерывность» (с. 294), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 352–353), «Структура» (с. 354–355), «Субстанция» (с. 357), «Сущность и явление» (с. 360–361), «Физическая

картина мира» (с. 389), «Формы движения материи» (с. 397), «Функциональная зависимость» (с. 401), «Эксперимент» (с. 423–424), «Элементарные частицы» (с. 424–425), «Энергия» (с. 429–430) // *Философский словарь*. 4-е изд. М., 1980.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1980. С. 46–66.

Разработка актуальных проблем диалектического материализма в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1980. № 2. С. 44–50.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1981. С. 46–66.

Интеграция науки и развитие способов объяснения явлений // *Тезисы выступлений на III Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания*. Вып. 2. М., 1981. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. С. 73–76.

Выступление на конференции «Актуальные вопросы марксистско-ленинской диалектики» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1981. № 4. С. 75.

Выступление на советско-чехословацком симпозиуме по проблемам диалектики // *Вестн. высшей школы*. 1981. № 4. С. 73–74.

Рец. на кн.: *Тарасов К.Е., Черненко Е.К.* Ленинское учение о гносеологических корнях идеализма. М., 1980. 294 с. // *Философские науки*. 1981. № 6. С. 167–170. Соавтор: В.В. Миронов.

Статьи: «Атомистика» (с. 24–25), «Взаимодействие» (с. 39–40), «Всеобщая связь явлений» (с. 49–50), «Движение» (с. 65–66), «Закон» (с. 94–95), «Изменение» (с. 106–107), «Конечное и бесконечное» (с. 147–148), «Материя» (с. 176–178), «Предвидение» (с. 263–264), «Прерывность и непрерывность» (с. 265–266), «Структура» (с. 328–329), «Субстанция» (с. 331), «Сущность и явление» (с. 334–335), «Физическая картина мира» (с. 362–363), «Формы движения материи» (с. 371–372), «Эксперимент» (с. 393) // *Краткий словарь по философии*. 4-е изд. М., 1982.

Материя и основные формы ее существования // *Основы марксистско-ленинской философии*. М., 1982. С. 44–63.

Кафедра диалектического материализма // *История философской мысли в Московском университете*. М., 1982. С. 112–120.

Ф.И. Георгиев (1904–1974) // *История философской мысли в Московском университете*. М., 1982. С. 254–255.

Выступление на совещании по проблемам диалектического материализма в редакции журнала «Вопр. философии» // *Вопр. философии*. 1982. № 5. С. 17–19.

Статьи: «Вечность» (с. 80), «Время» (с. 94–95), «Материя» (с. 354–355), «Пространство и время» (с. 541–542), «Субстрат» (с. 660–661) // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.

Интеграция науки и развитие способов объяснения явлений // *Диалектика в науках о природе и человеке. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания*. М., 1983. С. 243–247.

Методологические вопросы комплексных исследований // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1983. № 6. С. 12–18. Соавтор: К.П. Краснойров.

Методология и научное мировоззрение // *Проблемы методологии познания природных и социальных явлений*. М., 1984. С. 3–7.

О повышении эффективности и качества исследований в области философских наук в вузах в свете решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Вестн. высшей школы. 1984. № 1. С. 65.

Предисловие // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 3—5.

Предмет и структура философских вопросов естествознания // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 6—21.

Мировоззрение, методология, научная картина мира // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 21—28.

Классики марксизма-ленинизма о философских проблемах физики // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 169—176.

Философские проблемы учения о структуре и свойствах материи // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 176—190.

Философские проблемы учения о взаимодействии и движении в современной физике // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 190—207.

Развитие представлений о пространстве и времени // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 208—216. Соавтор: Ю.Б. Молчанов.

Диалектика единства и многообразия свойств пространства и времени // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 216—233.

Философские проблемы космологии // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 264—284.

Заключение // Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 395.

От редакции // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 5—6. Соавторы: Г.А. Брутян, М.Н. Грецкий, В.Е. Евграфов, М.Т. Иовчук, Л.А. Коган, В.С. Кружков, С.Ф. Одуев, Ю.К. Плетников, В.Ф. Пустарнаков, Э.В. Смирнова, А.Д. Сухов, Н.Ф. Уткина.

Выступление при обсуждении «Философского энциклопедического словаря» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 1. С. 76—77.

Виды детерминации развития материальных систем // Философские науки. 1985. № 5. С. 41—47. Соавтор: Б.В. Кевбрин.

Статьи: «Атомистика» (с. 33—34), «Бесконечность и конечность» (с. 42—43), «Бесконечность дурная» (с. 43), «Вечность» (с. 64), «Вещество и поле» (с. 64—65), «Взаимодействие» (с. 65), «Всеобщая связь явлений» (с. 76—77), «Движение» (с. 108—109), «Единство и многообразие мира» (с. 142—143), «Закон» (с. 147—148), «Изменение» (с. 159), «Материя» (с. 272—273), «Научное предвидение» (с. 305), «Необратимость» (с. 314), «Объективная реальность» (с. 336—337), «Прерывность и непрерывность» (с. 381), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 459), «Структура» (с. 462), «Субстанция» (с. 464—465), «Сущность и явление» (с. 469—470), «Физика» (с. 507—508), «Формы движения материи» (с. 520—521), «Функциональная зависимость» (с. 525), «Эксперимент» (с. 558), «Элементарные частицы» (с. 559), «Энергия» (с. 566) // Философский словарь. 5-е изд. М., 1986.

Выступление на семинаре по теме «Психика и мозг» // Философские науки. 1986. № 3. С. 56—57.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 57—58.

Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений. М., 1987. 32 с. Соавторы: Г.Г. Квасов, В.А. Щербинин.

Мировоззренческая, интегративная роль марксистско-ленинской философии в развитии современной науки. М., 1987.*

Статьи: «Атомистика» (с. 33–34), «Бесконечность и конечность» (с. 42–43), «Бесконечность дурная» (с. 43), «Вечность» (с. 64), «Вещество и поле» (с. 64–65), «Взаимодействие» (с. 65), «Всеобщая связь явлений» (с. 76–77), «Движение» (с. 108–109), «Единство и многообразие мира» (с. 142–143), «Закон» (с. 147–148), «Изменение» (с. 159), «Материя» (с. 272–273), «Научное предвидение» (с. 305), «Необратимость» (с. 314), «Объективная реальность» (с. 336–337), «Прерывность и непрерывность» (с. 381), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 459), «Структура» (с. 462), «Субстанция» (с. 464–465), «Сущность и явление» (с. 469–470), «Физика» (с. 507–508), «Формы движения материи» (с. 520–521), «Функциональная зависимость» (с. 525), «Эксперимент» (с. 558), «Элементарные частицы» (с. 559), «Энергия» (с. 566) // Философский словарь. 5-е изд. М., 1987. Доп. тираж.

Выступление // XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1987. С. 193–195.

Методологические вопросы взаимодействия естественных, общественных и технических наук // Социальные и методологические проблемы современной науки. М., 1987. С. 55–82.

Выступление на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // Философские науки. 1987. № 2. С. 4, 5.

Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 8–9.

Выступление на IV съезде Философского общества СССР // Вопр. философии. 1987. № 7. С. 122.

Выступление на заседании Отделения философии и права АН СССР // Научный коммунизм. 1987. № 10. С. 94–97.

Преемственность знания и интеграция науки // Единство научного знания. М., 1988. С. 223–237.

Законы и движущие силы научно-технического прогресса // Актуальные вопросы науки и техники в стратегии ускорения социально-экономического развития социалистического общества. М., 1988. С. 9–13.

Две функции философии // Вопр. философии. 1988. № 2. С. 106–108.

Выступление на заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР // Вестн. высшей школы. 1988. № 3. С. 11.

Выступление на дискуссии на тему «Теоретический потенциал развивающегося социализма» // Научный коммунизм. 1988. № 10. С. 127.

Выступление на совместном заседании Отделения истории и Отделения философии и права АН СССР на тему «Методологические проблемы исторической науки на современном этапе» // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 153.

Статьи: «Вечность» (с. 87), «Время» (с. 101–102), «Материя» (с. 349–350), «Пространство и время» (с. 519–521), «Субстрат» (с. 633) // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.

Выступление на конференции «Книга В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” и современное философское знание» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 3. С. 84.

Статьи: «Атомистика» (с. 34–35), «Бесконечность и конечность» (с. 44–45), «Бесконечность дурная» (с. 45), «Вечность» (с. 64–65), «Взаимодействие» (с. 65), «Всеобщая связь явлений» (с. 76–77), «Движение» (с. 105–106), «Единство и многообразие мира» (с. 136–137), «Закон» (с. 142), «Изменение» (с. 154), «Материя» (с. 252–253), «Научное предвидение» (с. 283), «Необратимость» (с. 290–291), «Объективная реальность» (с. 314), «Прерывность и непрерывность» (с. 361), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 435), «Структура» (с. 437–438), «Субстанция» (с. 440), «Сущность и явление» (с. 444–445), «Физическая картина мира» (с. 485–486), «Формы движения материи» (с. 498–499), «Функциональная зависимость» (с. 504), «Эксперимент» (с. 534), «Энергия» (с. 540–541) // *Философский словарь*. 6-е изд. М., 1991.

Детерминация свойств времени // *Труды IX Международного конгресса по логике, методологии и философии науки*. М., 1991.

Структура научного объяснения // *Труды IX Международного конгресса по логике, методологии и философии науки*. М., 1991.

Плюрализм философских концепций в условиях демократии и критерии их научной рациональности // *Философия и демократия*. Париж, 1995.

Современные тенденции развития философии // *Философия как наука и учебная дисциплина*. Казань, 1998*.

Статьи: «Единство и многообразие мира» (с. 182), «Материя» (с. 317), «Необратимость» (с. 362–363), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 539–540), «Сущность и явление» (с. 550–551), «Формы движения материи» (с. 627–628), «Эксперимент» (с. 681) // *Философский словарь*. 7-е изд. М., 2001.

Эволюция и антропный принцип // *Человек*. 2002. № 4. С. 112–113.

Эволюция и антропный принцип / *Наука. Общество. Человек*. М., 2004. С. 83–84.

Философское миропонимание // *Философия науки и научно-технической цивилизации*. М., 2005. С. 149–159.

Статьи: «Единство и многообразие мира» (с. 215), «Материя» (с. 379), «Необратимость» (с. 432), «Статистическая и динамическая закономерность» (с. 640–641), «Сущность и явление» (с. 654), «Формы движения материи» (с. 748), «Эксперимент» (с. 808) // *Философский словарь*. 8-е изд. М., 2009.

Преимственность знания и интеграция науки // *Философия и современность*. М., 2009. С. 132–150.

Избранные труды: *Наследие и современность*: В 3 т. М., 2010.

Общие проблемы философского мировоззрения // *Избранные труды: Наследие и современность*. Т. 1. М., 2010. С. 11–123.

Избранные труды: *Наследие и современность*. Философская онтология. Т. 2. М., 2010. 455 с.

Преимственность знания и интеграция науки // *Избранные труды: Наследие и современность*. Т. 3. М., 2010. С. 358–372.

Литература

Рубцов И. Рец. на кн.: Мелюхин И.С. Диалектический материализм о материи и движении. Л., 1955 // *Горьковская правда*. 1955. 28 сентября.

Ровенский З.И., Уемов А.И. Сборник статей по философским вопросам естествознания: Рец. на кн.: *Проблемы развития в природе и обществе*. М.: Л., 1958 // *Вопр. философии*. 1958. № 9. С. 121–126.

Букановская В.М., Васильев В.А., Григорьев Г.С., Любинская Л.Н. Рец. на кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958 // *Вопр. философии.* 1959. № 11. С. 164–168.

Кармин А.С., Казютинский В.В. Книга о проблеме конечного и бесконечного: Рец. на кн.: *Мелюхин С.Т.* Проблемы конечного и бесконечного. М., 1958 // *Вопр. философии.* 1960. № 2. С. 168–175.

Федченко П.А. Новое исследование проблем развития в природе: Рец. на кн.: *Мелюхин С.Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960 // *Философские науки.* 1961. № 1. С. 194–197.

Галашкин Ю.И., Кудрявцев П.И., Малышев И.Ф. За глубокую разработку проблем марксистско-ленинской философии: Рец. на кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958 // *Философские науки.* 1961. № 4. С. 183–187.

Сторчак Л.И. Творческий подход к решению важных вопросов // *Вопр. философии.* 1961. № 12. С. 147–151.

Лойфман И.Я. Философское исследование картины мира: Рец. на кн.: *Мелюхин С.Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966 // *Философские науки.* 1967. № 6. С. 112–115.

Копнин П.В. Письмо в редакцию // *Философские науки.* 1968. № 2. С. 181–182.

Зенин С.В. Рец. на кн.: *Философские основания естествознания* / Под ред. С.Т. Мелюхина. М., 1977. 343 с. // *Реферативный журнал: Общественные науки в СССР.* Сер. *Философские науки.* 1977. № 6. С. 40–44.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // *Общественные науки.* 1982. № 3. С. 161.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // *Вестн. АН СССР.* 1982. № 5. С. 138.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 359.

Гурьев Д.В., Кучевский В.Б., Паркин В.Ф. Рец. на кн.: *Философские проблемы естествознания: Учеб. пособие для аспирантов и студентов философских и естественных факультетов университетов.* М., 1985. 400 с. // *Философские науки.* 1986. № 2. С. 174–176.

Маринко Г.И. Рец. на кн.: *Философские проблемы естествознания: Учеб. пособие для аспирантов и студентов философских и естественных факультетов университетов.* М., 1985. 400 с. // *Реферативный журнал: Общественные науки в СССР.* Сер. *Философские науки.* 1986. № 2. С. 32–37.

Венцковский Л.Э. Проблема развития в теории материалистической диалектики // *Реферативный журнал: Общественные науки в СССР.* Сер. *Философские науки.* 1986. № 5. С. 27–32.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. М., 1989. С. 353.

Гончарук С.И. Рец. на кн.: *Социальные и методологические проблемы современной науки* / Под ред. С.Т. Мелюхина. М., 1987 // *Вестн. Моск. ун-та.* Сер. *Философия.* 1990. № 2. С. 81–83.

С.Т. Мелюхин // *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 393–404.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // *Научная элита. Кто есть кто в Российской академии наук.* М., 1993. 335 с.

Члену-корреспонденту РАН С.Т. Мелюхину — 70 лет // Вестн. Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 11. С. 1055.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // Профессора и доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 356.

Сивоконь П.Е. 45 лет кафедре философии и методологии науки для естественных факультетов МГУ (1953–1998) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 6. С. 94–108.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // Российская академия наук. Персональный состав. Т. 3. М., 1999. С. 188.

Серафим Тимофеевич Мелюхин (Некролог) // Вестн. Российского философского общества. 2003. № 1. С. 235.

Серафим Тимофеевич Мелюхин (Некролог) // Философия и общество. 2003. № 1. С. 185–187.

Памяти Серафима Тимофеевича Мелюхина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 2. С. 119–121.

Серафим Тимофеевич Мелюхин (Некролог) // Вопр. философии. 2003. № 7. С. 188–189.

Алексеев П.В. Мелюхин Серафим Тимофеевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 620–621.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты Российской академии наук. М., 2004. С. 662–663.

Каганова Э.В. Тема диалектики развития неорганической природы в раннем творчестве С.Т. Мелюхина // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 1. М., 2005. С. 559–560.

Перминов В.Я. Научная онтология С.Т. Мелюхина // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 1. М., 2005. С. 570–571.

Алексеев П.В. Мелюхин Серафим Тимофеевич // Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 376–377.

От редколлегии // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. М., 2010. Т. 1. С. 3–4.

Мионов В.В. Предисловие // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 6–10.

Абрамова Н.Т. Серафим Тимофеевич Мелюхин. Страницы жизни. 1927–2003 // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 125–152.

Аверьянов А.Н. Философ и философия // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 153–156.

Гусейнов А.А. Слово о коллеге // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 157–159.

Керимов Д.А. Воспоминания о Серафиме Тимофеевиче // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 160.

Купцов В.И. О Серафиме Тимофеевиче Мелюхине как о человеке и заведующем кафедрой // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 161–163.

Лекторский В.А. Воспоминания о Серафиме Тимофеевиче Мелюхине // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 164–169.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Мионов В.В. Серафим Тимофеевич Мелюхин — учитель, наставник, человек // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 170–182.

Ойзерман Г.И. Серафим Тимофеевич Мелюхин: принципиальная позиция // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 183–187.

Перминов В.Я. Серафим Тимофеевич Мелюхин как человек и философ // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 188–195.

Платонов Г.В. Свыше 50 лет близкого знакомства с С.Т. Мелюхиным // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 196–201.

Рабинович В.А. Вид на мироздание // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 202–204.

Сивоконь П.Е. Кафедра философии для естественных факультетов: тенденции, стимулы, перспективы // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 205–211.

Соколов В.В. Серафим Тимофеевич Мелюхин: совместная работа на философском факультете // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 212–213.

Степин В.С. Серафим Тимофеевич Мелюхин — ученый и педагог // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 214–218.

Федоров В.М. Серафим Тимофеевич Мелюхин — ученый и педагог // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 219–222.

Федотова В.Г. Воспоминания об аспирантских годах // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 223–224.

Перминов В.Я. Научная онтология С.Т. Мелюхина // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 3. М., 2010. С. 5–22.

Каганова Э.В. Диалектика развития неорганической природы в раннем творчестве С.Т. Мелюхина // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 3. М., 2010. С. 116–117.

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОГАТОВ

И.о. декана в 1977–1978 гг.

Виталий Васильевич Богатов родился 18 января 1925 г. в деревне Чечевилово Виноградовского района Московской области в крестьянской семье. Отец его в 1924 г. был призван в РККА, после демобилизации находился на хозяйственной, советской, а затем — партийной работе.

В.В. Богатов начал учебу в 1932 г. в райцентре — селе Виноградово, в 1933 г. в связи с переводом отца на работу в г. Михайлов Московской (ныне Рязанской) области продолжил учебу в Михайловской средней школе № 2, где окончил девять классов. В школе руководил оборонным кружком, был инструктором Осоавиахима и председателем осоавиахимовской организации школы, редактором «Боевого листка», в последние два года учебы постоянно выступал с докладами о международном положении.

В июле 1941 г. В.В. Богатов работал по мобилизации комсомола на строительстве оборонных укреплений западнее Смоленска, рыл противотанковые рвы между Смоленском и Оршей. Осенью 1941 г. начал учебу в десятом классе, но приближение фронта вынудило эвакуироваться. Из-за быстрого продвижения немецко-фашистских войск беженцы попали в окружение, из которого выходили на Сомовской переправе. Юноше пришлось испытать предательство близких и порядочность случайных попутчиков. Он был ошеломлен жестокостью войны. После этого, проведя месяц в поезде, В.В. Богатов добрался до места эвакуации — станции Куява. С 22 октября 1941 г. в г. Ашап Ординского района Пермской области он продолжил учебу в десятом классе и одновременно стал работать в интернате с эвакуированными детьми из Бауманского района Москвы. В ходе битвы за Москву г. Михайлов был освобожден, и 17 марта 1942 г. В.В. Богатов выехал домой. Он вернулся в Михайлов, но продолжить учебу по болезни не смог. Осенью 1942 г. он вновь начал учебу в десятом классе.

В феврале 1943 г. В.В. Богатов был призван в армию. С марта 1943 г. он служил в 11-м отдельном учебном артиллерийском полку, где получил специальность шофера. В полку редактировал «Боевой листок». В июне 1943 г. в числе лучших выпускников он был откомандирован в 444-й отдельный дивизион связи Резерва Главного Командования в качестве шофера пункта сбора донесений и в августе 1943 г. со своей частью выехал на Западный фронт в район Курской дуги. Осенью 1943 г. принимал участие в освобождении Смоленска. После преобразования в апреле 1944 г. Западного фронта служил на 3-м Белорусском фронте. В июне 1944 г. по болезни попал в госпиталь сна-

чала в Смоленске, потом в Баку, откуда в ноябре 1944 г. был демобилизован. Приехал в с. Трубетчино Рязанской области, где жили в то время родители, закончил здесь среднюю школу.

В сентябре 1945 г. В.В. Богатов начал учиться на философском факультете МГУ. На пятом курсе был секретарем комсомольского бюро. В 1950 г. В.В. Богатов окончил философский факультет МГУ и поступил в аспирантуру кафедры истории русской философии. 12 октября 1953 г. В.В. Богатов защитил кандидатскую диссертацию «Мировоззрение Н.А. Некрасова». В диссертации был рассмотрен процесс формирования мировоззрения Н.А. Некрасова, дана характеристика его революционно-демократических взглядов, изложены эстетические воззрения Н.А. Некрасова. В.В. Богатов изучал реализм Н.А. Некрасова, роль сатиры в его творчестве, предпринял попытку сформулировать социальный идеал поэта, поставил проблему положительного героя в творчестве Н.А. Некрасова.

Работать на кафедре истории русской философии философского факультета МГУ В.В. Богатов начал с октября 1951 г. почасовиком еще учась в аспирантуре. С ноября 1953 г. В.В. Богатов работал на кафедре ассистентом, с ноября 1954 г. старшим преподавателем, с мая 1958 г. — доцентом. В 1955—1957 гг. был председателем профкома факультета.

В.В. Богатов читал курс истории русской философии на юридическом, историческом и других факультетах. С 1969 г. читал основной двухсеместровый курс на философском факультете. В.В. Богатов был автором первого в стране учебно-методического пособия по курсу истории русской философии (1956). Он читал спецкурсы «Философия Герцена» (1973—1979 гг.), «Антропологический материализм» (1975—1980 гг.), «Философия П.Л. Лаврова» (1979—1983 гг.).

В работах В.В. Богатова рассматриваются философские и социологические взгляды петрашевцев, революционных демократов. Ему принадлежат монографии о взглядах петрашевцев, М.И. Михайлова, Н.А. Серно-Соловьевича. Он предпринял попытку дать целостный анализ воззрений петрашевцев как радикальных демократов в эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы. Особое внимание исследователя привлекли социологические взгляды Н.А. Серно-Соловьевича, который одним из первых применил статистический метод к анализу русской жизни.

В.В. Богатов стремился к полноте изложения истории русской философии в учебном курсе. Старался излагать в лекциях материал, который студенты не могли найти в учебнике. Он впервые на факультете стал включать в общий курс лекций по истории русской философии философию русского теизма. Отрывки из произведений представителей духовно-академической философии были включены им и в «Антологию мировой философии». Им же написаны

соответствующие разделы в «Истории философии в СССР». Он входил в состав редколлегии серии «Философское наследие».

В 1967—1969 г. В.В. Богатов был переведен на должность старшего научного сотрудника для работы над докторской диссертацией. 26 мая 1972 г. В.В. Богатов защитил докторскую диссертацию «Философия П.А. Лаврова». В ходе работы над диссертацией автор стремился использовать практически все творческое наследие русского философа, проанализировал ряд малоизвестных трудов Лаврова. Он привлек архивные материалы, прежде всего, фонд Лаврова в ГАРФ, а также фонды Отдела рукописей РГБ. В.В. Богатов исходил в диссертации из того, что Лавров всю жизнь работал над выполнением грандиозного научного плана — эпопеи истории человеческой мысли. Исторический смысл тех или иных произведений Лаврова, написанных в разное время, указывал В.В. Богатов, может быть правильно понят лишь в их связи с этой общей задачей. В.В. Богатов считал необходимым комплексный подход к творчеству Лаврова. Только таким образом можно раскрыть глубину, сложность и противоречивость его философской системы. В.В. Богатов писал о том, что нельзя сводить философское творчество Лаврова только к субъективному методу в социологии. В.В. Богатов исследовал взаимоотношения Лаврова с Энгельсом, с Плехановым, его отношение к позитивизму. В диссертации был дан критический анализ отечественной и зарубежной литературы о Лаврове. В.В. Богатовым были проанализированы взгляды П.А. Лаврова на философию, ее предмет и задачи, его гносеология и эволюционистская методология, его антропологический материализм и понимание личности, науковедческие идеи (классификация наук, место науки и ученого в общественной жизни). 2 февраля 1973 г. В.В. Богатов был утвержден ВАК в ученой степени доктора философских наук. В декабре 1973 г. книга В.В. Богатова о П.А. Лаврове была удостоена серебряной медали ВДНХ СССР.

С июня 1973 г. В.В. Богатов работал профессором кафедры истории философии народов СССР; в 1974 г. был утвержден в ученом звании профессора. С марта 1972 г. по ноябрь 1983 г. В.В. Богатов работал заместителем декана факультета по научной работе. Он был заместителем главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия: Философия». Неоднократные предложения сменить место работы В.В. Богатов решительно отвергал, сохраняя верность факультету и кафедре. По совместительству он с 1976 г. преподавал в Московской высшей школе милиции.

В сентябре 1977 г. истек срок пребывания на посту декана С.Т. Мелюхина. Исполнение обязанностей декана было возложено 22 ноября 1977 г. на заместителя декана по научной работе В.В. Богатова. В.В. Богатов возглавлял факультет почти целый учебный год — до 11 апреля 1978 г., когда деканом был избран А.Д. Косичев.

В апреле 1983 г. В.В. Богатов был назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории философии народов СССР. Его кандидатура прошла утверждение 24 октября 1983 г. на парткоме и 13 января 1984 г. на ученом совете факультета и 28 февраля 1984 г. ее должен был рассматривать ученый совет университета. Но в день голосования ректору МГУ поступило заявление от профессора кафедры П.С. Шкуринова, в котором тот утверждал, что по своим личным и деловым качествам В.В. Богатов не может руководить кафедрой. Ректор приостановил утверждение кандидатуры В.В. Богатова и 12 марта 1984 г. поручил деканату факультета урегулировать этот вопрос. 19 марта 1984 г. состоялось собрание членов кафедры, в ходе которого большинство сотрудников высказались против кандидатуры В.В. Богатова. Его кандидатуру поддерживали Ш.Ф. Мамедов и А.И. Болдырев. Сам В.В. Богатов с января по апрель 1984 г. находился в больнице. Вернувшись на работу, он не признал решения собрания, поскольку оно не представляло собой правомочного заседания кафедры, а письмо П.С. Шкуринова расценил как ущемление своих чести и достоинства. В.В. Богатов обратился в партком факультета с просьбой создать комиссию для проверки всех обстоятельств дела. Комиссия ученого совета и парткома была создана. Проанализировав положение дел на кафедре, комиссия констатировала ситуацию разлада между сотрудниками и рекомендовала отложить избрание заведующего на полгода. В.В. Богатов считал, что комиссия не выполнила своей задачи. Вопрос обсуждался на партсобрании факультета 19 июня 1984 г. Но обсуждение закончилось трагически: эмоционально выступавший в защиту В.В. Богатова Ш.Ф. Мамедов перенервничал и скончался прямо в ходе собрания. Никакого решения собрание не приняло. 28 декабря 1984 г. состоялось заседание кафедры с участием членов факультетской комиссии. В.В. Богатов сделал доклад о работе кафедры. Члены комиссии пришли к выводу, что ситуация на кафедре за истекший период не изменилась, отметили неправильные действия у обеих сторон конфликта и направили в партком факультета предложения о выходе из тупиковой ситуации. 11 апреля 1985 г. партком факультета поддержал вывод комиссии о нецелесообразности дальнейшего пребывания В.В. Богатова в должности и.о. заведующего в связи с необходимостью нормализации работы кафедры. В.В. Богатов не был согласен с выводом комиссии и возражал против него в письме к ректору от 4 мая 1985 г.

В.В. Богатов являлся редактором ряда кафедральных сборников «Актуальные проблемы истории философии народов СССР», юбилейного коллективного труда «Творческое наследие Н.А. Добролюбова» (1988). В феврале 1977 г. он возглавил диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций. Под его руководством защищены тридцать пять кандидатских диссертаций, при его участии в качестве консультанта трое ученых стали докторами

наук. В.В. Богатова отличало внимательное отношение к творчеству коллег и учеников. Ему были присущи доброжелательность, принципиальность, готовность прислушаться к чужому мнению и одновременно решительно отстаивать свое. С сентября 1990 г. В.В. Богатов работал на кафедре истории русской философии ведущим научным сотрудником.

В.В. Богатов находился в научных командировках в Польше (1961), ЧССР (1975), ГДР (1977).

В.В. Богатов был награжден орденом Отечественной войны II степени (11.03.1985), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (17.05.1965), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (05.01.1966), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (07.05.1969), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Участнику войны» (10.03.1976), «60 лет Вооруженных Сил СССР» (31.08.1978), «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Участнику войны» (26.04.1985), «Ветеран труда» (20.01.1986), «70 лет Вооруженных Сил СССР» (21.04.1988), «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (22.03.1995), медалью Жукова (19.02.1996), серебряной медалью ВДНХ СССР (12.02.1973), знаком «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1970), знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года», почетным знаком «Ветеран войны МГУ» (07.05.1975), значком «Ударник IX пятилетки» (22.01.1976), Благодарственной грамотой Совета Министров ГДР и знаком «Отличник высшей школы ГДР» (1976).

В.В. Богатов — автор большого количества лирических стихотворений, в том числе стихотворений в прозе, которые он никогда не печатал, а писал для себя как выражение потребности души. Увлекался составлением кроссвордов.

Умер Виталий Васильевич Богатов 2 апреля 1997 г. После его смерти родственники передали рукописи и документы В.В. Богатова в Центральный Московский архив-музей личных собраний, где на этой основе был сформирован личный фонд В.В. Богатова, доступный исследователям. Это — замечательный и достойный подражания пример бережного отношения к творческому наследию профессора МГУ.

Источники

Центральный Московский архив-музей личных собраний. Ф. 337.

Сочинения

- Мировоззрение Н.А. Некрасова: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1953. 326 с.
 Мировоззрение Н.А. Некрасова: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1953. 15 с.
 История русской философии: Учеб.-метод. пособие. М., 1956. 47 с.

Основные черты мировоззрения выдающихся представителей движения петрашевцев. М., 1958. 58 с.

История философии народов СССР: Учеб.-метод. пособие. М., 1958. 95 с. Соавтор: Ш.Ф. Мамедов.

К обсуждению коллективного труда по истории философии народов СССР // Философские науки. 1958. № 2. С. 208—209.

М.И. Михайлов — мыслитель и революционер. М., 1959. 47 с.

История философии народов СССР. М., 1960. 108 с. Соавторы: Н.С. Козлов, Ш.Ф. Мамедов.

«Философия» православия середины XIX в. и ее современные апологеты // Против современных фальсификаторов истории русской философии. М., 1960. С. 321—336.

Н.А. Некрасов о специфике литературы // Очерки по истории философии в России. М., 1960. С. 108—129.

Ценный труд от раннем периоде истории русской философии: Рец. на кн.: Петров Л.А. Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Труды Иркутского государственного университета. Т. 20. Вып. 1—3. Иркутск, 1957—1959 // Философские науки. 1960. № 2. С. 184—189.

Социологические взгляды Н. Серно-Соловьевича. М., 1961. 44 с.

Н.А. Некрасов об общественной функции искусства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 1. С. 71—82.

Интересная и полезная книга: Рец. на кн.: Васецкий Г.С. Мировоззрение М.В. Ломоносова. М., 1961. 308 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 2. С. 75—77.

Назревшие проблемы преподавания философии // Вестн. высшей школы. 1964. № 2. С. 77—81. Соавторы: С.П. Дудель, С.М. Орлов.

История философии народов СССР. М., 1965. 160 с. Соавторы: Н.С. Козлов, Ш.Ф. Мамедов.

Рец. на кн.: Лавров П.А. Философия и социология. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1—2. М., 1965 // Философские науки. 1966. № 4. С. 139—141.

Некоторые вопросы методики преподавания марксистско-ленинской философии в системе заочного и вечернего обучения // Вопросы преподавания марксистско-ленинской философии в заочных и вечерних вузах. М., 1967. Соавторы: С.П. Дудель, С.М. Орлов.

Реакционно-крепостническая идеология «православия, самодержавия и народности». Теизм 1830—1840-х годов // История философии в СССР. Т. 2. М., 1968. С. 199—205.

Православно-теистическая философия // История философии в СССР. Т. 3. М., 1968. С. 305—311.

Проникновение философских и социологических идей марксизма в 40—70-х годах XIX в. // История философии в СССР. Т. 3. М., 1968. С. 591—596. Соавтор: В.Г. Хорос.

«Капитал» К. Маркса в России 70-х годов XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 2. С. 44—53.

Живое наследие // Известия. 1969. 21 января. Соавтор: Л.Н. Суворов.

История философии народов СССР. М., 1970. 140 с. Соавторы: Н.С. Козлов, Ш.Ф. Мамедов.

Статьи: «Ломоносов» (с. 720), «Сковорода» (с. 732), «Державин» (с. 736), «Радищев» (с. 738–739) // Антология мировой философии. Т. 2. М., 1970.

Фридрих Энгельс и Петр Лавров // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. Философия. 1970. № 6. С. 13–24.

Следует исправить // Русская литература. 1971. № 4. С. 172.

История одной философской полемики // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. Философия. 1971. № 5. С. 65–76.

Философия П.А. Лаврова. М., 1972. 316 с.

Философия П.А. Лаврова: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1972. 656 с.

Философия П.А. Лаврова: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1972. 60 с.

Философско-социологическая мысль народов СССР XIX в. // Антология мировой философии. Т. 4. М., 1972. С. 7–56. Соавтор: Ш.Ф. Мамедов.

Статьи: «Аксаков» (с. 107–108), «Хомяков» (с. 113–114), «Сидонский» (с. 122), «Гогодкий» (с. 124–125), «Юркевич» (с. 129–130), «Петрашевский» (с. 151), «Спешнев» (с. 162–163), «Герцен» (с. 170–171), «Отарев» (с. 196–197), «Чернышевский» (с. 217–219), «Добролюбов» (с. 265–266), «Гисарев» (с. 284–285), «Серно-Соловьевич» (с. 318–319), «Лавров» (с. 325–326), «Бакунин» (с. 348–349), «Ткачев» (с. 365–366), «Кропоткин» (с. 375–376), «Михайлов» (с. 380–381), «Мечников» (с. 389–390), «Сеченов» (с. 397–398), «Менделеев» (с. 412–413), «Тимирязев» (с. 425–426) // Антология мировой философии. Т. 4. М., 1972.

П.А. Лавров об условиях и принципах классификации наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1973. № 5. С. 58–68.

П.А. Лавров и естествознание // Философские науки. 1973. № 5. С. 118–129.

История философии народов СССР. М., 1974. 143 с. Соавторы: Н.С. Козлов, Ш.Ф. Мамедов.

Об одном полузабытом произведении М.А. Бакунина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1974. № 2. С. 60–70. Соавтор: П.И. Моисеев.

Рец. на кн.: Суворов Л.Н. Борьба В.И. Ленина против антимарксистских философских концепций в послеоктябрьский период. М., 1974 // Политическое самообразование. 1975. № 4. С. 141–142.

Молодой М.А. Бакунин и диалектика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1977. № 2. С. 35–45. Соавтор: П.И. Моисеев.

Философский факультет // Наука в Московском университете. 1977. М., 1978. С. 47–56.

Роль Н.Г. Чернышевского в идейном становлении П.А. Лаврова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1978. № 4. С. 19–26.

Из истории взаимоотношений П.А. Лаврова и Г.В. Плеханова // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 6. М., 1979. С. 3–10.

Философский факультет // Наука в Московском университете. 1978. М., 1980. С. 41–49.

Актуальные исследования проблем теории личности: Рец. на кн.: Демин М.В. Проблемы теории личности. М., 1977 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1980. № 3. С. 84–87. Соавтор: А.Н. Красин.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Выступление на конференции «Актуальные вопросы марксистско-ленинской диалектики» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 4. С. 77.

Выступление на советско-чехословацком симпозиуме по проблемам диалектики // Вестн. высшей школы. 1981. № 4. С. 76.

О соотношении теории и практики русского революционного народничества // Из истории философии народов СССР. М., 1982. С. 189–204. Депонировано в ИНИОН АН СССР. № 12233 от 8 февраля 1983.

Н.В. Шелгунов и царская цензура // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 5. С. 78–86. Соавтор: А.С. Тонких.

Ломоносовские чтения — 82 // Московский университет. 1982. 22 апреля.

Отражение идей марксизма в творчестве Н.В. Шелгунова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1984. № 5. С. 25–35. Соавтор: А.С. Тонких.

Книга о русском народничестве: Рец. на кн.: *Щипанов И.Я.* Философия и социология русского народничества. М., 1983. 279 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1984. № 6. С. 99–100.

Идеи утопического социализма в трудах петрашевцев // История русского утопического социализма XIX века. М., 1985. С. 27–50.

Статьи: «Лавров» (с. 229–230), «Петрашевцы» (с. 362–363) // Философский словарь. 5-е изд. М., 1986.

Некоторые проблемы изучения истории русской философии // Проблемы исследования истории философии народов СССР. М., 1986. С. 92–93.

Рец. на кн.: *Демьянов А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления. Воронеж, 1984. 184 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 2. С. 87–88. Соавтор: А.С. Тонких.

Рец. на кн.: *Хайруллаев М.* Культурное наследие и история философской мысли. Ташкент, 1985. 262 с. // Философские науки. 1986. № 4. С. 176–178. Соавторы: Х. Абдуллаев, Ю.Д. Джумабаев.

Статьи: «Лавров» (с. 229–230), «Петрашевцы» (с. 362–363) // Философский словарь. 5-е изд. М., 1987. Доп. тираж.

Введение // Творческое наследие Н.А. Добролюбова. М., 1988. С. 4–10.

Живая связь времен: Рец. на кн.: Антология педагогической мысли Узбекской ССР. М., 1986. 319 с. // Советская педагогика. 1988. № 3. С. 128–129.

Статьи: «Лавров» (с. 214–215), «Петрашевцы» (с. 340) // Философский словарь. 6-е изд. М., 1991.

Главы: «М.В. Ломоносов», «Просветители», «Декабристы», «Теизм и официальная народность», «Н.А. Добролюбов», «П.Л. Лавров» в кн.: История русской философии / Под ред. В.А. Кувакина: В 2 т. Буффало, 1993. На англ. яз.

Программа по истории русской философии // Философия и общество. 1998. № 1. С. 271–287. Соавторы: А.Д. Косичев, В.А. Кувакин, М.А. Маслин, А.Т. Павлов, П.С. Шкуринов.

Статьи: «Лавров» (с. 277–278), «Петрашевцы» (с. 417–418) // Философский словарь. 7-е изд. М., 2001.

Статьи: «Лавров» (с. 327–328), «Петрашевцы» (с. 496) // Философский словарь. 8-е изд. М., 2009.

Литература

Козлов Н.С. Серьезный вклад в разработку истории русской философии: Рец. на кн.: Богатов В.В. Философия П.Л. Лаврова. М., 1972. 316 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1972. № 5. С. 93–95.

Маслин М.А. Рец. на кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР / Отв. ред. В.В. Богатов. М., 1972. 518 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1973. № 1. С. 206–210.

Рец. на кн.: Богатов В.В. Философия П.Л. Лаврова. М., 1972. 316 с. // Московский университет. 1973. 5 июня.

Петров Л.А. Ценное исследование: Рец. на кн.: Богатов В.В. Философия П.Л. Лаврова. М., 1972. 316 с. // Современные вопросы гносеологии. Иркутск, 1974. С. 228–233.

Маслин М.А. Рец. на кн.: Богатов В.В. Философия П.Л. Лаврова. М., 1972. 316 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 1. С. 200–204.

Федоркин Н.С. Рец. на кн.: Богатов В.В. Философия П.Л. Лаврова. М., 1972. 316 с. // Философские науки. 1975. № 3. С. 163–166.

Воронина Л.А., Герман Ш.М., Громов М.Н., Кочетков В.Ф., Михайлова Л.П., Самохвалов Н.И. Полезные пособия для студентов-заочников: Рец. на кн.: Богатов В.В., Козлов Н.С., Мамедов Ш.Ф. История философии народов СССР. М., 1974. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 4. С. 81–82.

Ивлиев В.П. Рец. на кн.: Творческое наследие Н.А. Добролюбова / Под ред. В.В. Богатова. М., 1988 // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1989. № 3. С. 148–152.

Болдырев А.И. За комплексность исследований: Рец. на кн.: Творческое наследие Н.А. Добролюбова / Под ред. В.В. Богатова. М., 1988 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 2. С. 83–85.

Памяти Виталия Васильевича Богатова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 2. С. 126–127.

Богатов Виталий Васильевич // Профессора и доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 50.

Алексеев П.В. Богатов Виталий Васильевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 125.

Павлов А.Т. Богатов Виталий Васильевич // Русская философия. М., 2007. С. 58.

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ КОСИЧЕВ

Декан в 1978—1986 гг.

Анатолий Данилович Косичев родился 1 июля 1914 г. в Москве. Мать А.Д. Косичева, родом из Орловской губернии, приехала в Москву, устроилась работать на фабрику, вышла замуж. После революции, в период Гражданской войны материальное положение резко ухудшилось, было голодно, мать заболела и вместе с Анатолием переехала жить в д. Журавец Орловской губернии, где мать умерла. В 1927—1929 гг. А.Д. Косичев учился в школе крестьянской молодежи в с. Корсунском.

В 1930—1932 гг. А.Д. Косичев учился в Орловском педагогическом техникуме; избирался секретарем комсомольской организации техникума. Орловский педтехникум давал по тем временам хорошее образование. В техникум приезжал читать разовые лекции один из видных представителей течения «механистов» профессор В.Н. Сарабьянов. Слушая его лекции, А.Д. Косичев впервые приобщился к тематике, прошедшей через всю его жизнь. В годы учебы студент Косичев прочитал работу К. Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе»¹, которая произвела на него сильное впечатление. Он заинтересовался историей марксизма и борьбой в нем идейных направлений. Прочитал он и книгу Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки»². На третьем курсе педтехникума изучался диалектический и исторический материализм, который вел выпускник ИКП философии Михаил Илларионович Лазунин. Занятия велись по единственному обязательному тогда учебнику под редакцией М.Б. Митина и И.П. Разумовского³. А.Д. Косичев основательно изучил и это учебное пособие, несмотря на во многом примитивный характер этой книги. М.И. Лазунин был знающим преподавателем, умевшим ярко и доступно проводить занятия по философии. А.Д. Косичев как секретарь комсомольской организации техникума предложил М.И. Лазунину организовать студенческий кружок по изучению философии, на что тот охотно согласился. В кружке велись горячие споры, что только усиливало интерес к философии.

А.Д. Косичев поступил учиться на исторический факультет 2-го МГУ — так тогда назывался государственный пединститут, ныне — МПГУ. Специализировался он в силу своих научных интересов не по обычным историческим

¹ Каутский К. Сочинения. Т. 12. М.; Пг., 1923.

² Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.

³ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1932. Ч. 2. Исторический материализм. М., 1932.

дисциплинам, а по историко-философской тематике. Две курсовые и дипломную работы он написал по трехтомному исследованию Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли». В особенности его интересовали вопросы философии и социологии в трудах русских мыслителей.

В 1940 г. А.Д. Косичев окончил университет и был распределен на работу в Институт Маркса, Энгельса, Ленина в сектор (тогда это называлось — секция) произведений В.И. Ленина, которой заведовал П.С. Черемных. ИМЭЛ готовил к изданию очередной том сочинений В.И. Ленина, и А.Д. Косичеву было поручено уточнить некоторые данные в связи с переизданием работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Дело в том, что незадолго до этого произошла смена руководства ИМЭЛ. В 1939 г. В.В. Адоратский был освобожден от должности директора, поскольку Сталин выразил недовольство очередным переизданием «Материализма и эмпириокритицизма» в том виде, как эта работа переиздавалась на протяжении двадцати лет, то есть с приложением рецензии Л.И. Аксельрод и других материалов, освещавших спор В.И. Ленина и А.А. Богданова. Вместо В.В. Адоратского директором был назначен М.Б. Митин, приведший за собой в ИМЭЛ А.Д. Макарова, Б.Ю. Сливкера и П.С. Черемных. В ИМЭЛ А.Д. Косичеву довелось лично общаться с В.В. Адоратским. От П.С. Черемных А.Д. Косичев получил поручение поработать над примечаниями к публикуемому тексту «Материализма и эмпириокритицизма». Выполняя это задание, А.Д. Косичев встречался с вдовой А.А. Богданова, которая помнила все детали спора Ленина и Богданова, и решительно заявила, что Ленин не знал философию, не обладал культурой научного мышления, был груб и не сдержан в теоретических дискуссиях, а прав в философской дискуссии был ее муж, Богданов. Вдова Богданова очень симпатизировала Н.И. Бухарину, который разделял многие идеи Богданова, хотя по-своему их интерпретировал. Работа в ИМЭЛ с текстами Ленина, Богданова и Бухарина оказала сильное влияние на формирование научных интересов А.Д. Косичева.

В 1940 г. А.Д. Косичев был призван в армию. Принимал участие в Великой Отечественной войне. Весной 1945 г. во время наступления Советской Армии по территории Германии воинам часто приходилось стоять в окопах по колено в воде. В это время А.Д. Косичев заболел астмой, принявшей хронический характер. День Победы он встретил в Германии, недалеко от Берлина. В дом, где он заночевал, ворвались возбужденные советские солдаты и стали стрелять в воздух от радости. Так они выражали свои чувства и хотели сообщить всем боевым товарищам об окончании войны. Закончил А.Д. Косичев войну майором в Центральной группе советских войск в Вене.

В 1946 г. А.Д. Косичев демобилизовался и поступил в аспирантуру кафедры истории русской философии философского факультета МГУ. В 1949 г.

он окончил аспирантуру и в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную исследованиям философских и социологических взглядов русских анархистов (Бакунин, Кропоткин) и полемике марксистов с анархистами. 3 июля 1950 г. он был утвержден в кандидатской степени.

В 1949 г. А.Д. Косичев был оставлен на факультете и работал старшим преподавателем, а затем — доцентом. Избирался председателем профкома факультета. В 1949 г. А.Д. Косичев был назначен заместителем декана философского факультета и проработал в этой должности много лет. Он с теплотой вспоминает деканов, с которыми ему довелось работать: А.П. Гагарина и В.С. Молодцова. Поскольку декан идеологически значимого факультета был в те годы фигурой политической, именно на плечи А.Д. Косичева ложилась повседневная учебная и научная работа деканата, решение конкретных вопросов жизни студентов и аспирантов.

В 1955 г. А.Д. Косичев был направлен в качестве советского специалиста по философии в Китай, где получил назначение в Шанхайский университет профессором и советником ректора. Он читал курс лекций по философии для аспирантов и профессорско-преподавательского состава университета. Поскольку же на базе этого университета готовились философские кадры для всего Юго-Восточного Китая, на аспирантские курсы приезжали молодые люди из других провинций. Они часто не имели никакой философской подготовки, что затрудняло работу лектора. Трудности возникали и с переводом философских терминов с русского на китайский. А.Д. Косичев оказывал помощь в создании философского факультета в Шанхайском университете. В основу развития этого факультета были положены учебные планы и программы философского факультета МГУ. А.Д. Косичев регулярно консультировал по методическим вопросам декана философского факультета Шанхайского университета Ху Чуюаня. Китайские товарищи попросили А.Д. Косичева прочитать цикл лекций по проблемам закономерностей строительства социализма, и он прочитал эти лекции. Однако лекции обнаружили скорее различия, чем сходство в подходах к строительству социализма в СССР и Китае. После XX съезда КПСС Шанхайский горком КПК обратился к А.Д. Косичеву с предложением выступить с докладом об итогах съезда на городском партийном активе. По ходу доклада, а особенно после ответов на вопросы слушателей, А.Д. Косичев почувствовал настороженное отношение китайских коммунистов к решениям XX съезда КПСС. Это были переломные годы в советско-китайских отношениях, что накладывало свой отпечаток на работу советского специалиста. Вместе с тем китайцы, в особенности преподаватели и студенты, относились к советскому ученому с большим почтением, стремились учиться у него, особенно когда видели, что и он трудится, не покладая рук. Советские советники при Министерстве высшего образования КНР ориентировали советских лекторов

на активное использование в лекциях материалов XX съезд КПСС. Советские коллеги А.Д. Косичева, читавшие в Шанхайском университете курсы по политэкономии и истории КПСС, так и делали. А.Д. Косичев же воздерживался от таких шагов, считая, что в молодые головы, не освоившие начатков философской терминологии, не следует раньше времени вносить путаницу. Китайцы же воспринимали поведение А.Д. Косичева по-своему — как солидарность с их отрицательной оценкой решений XX съезда КПСС. Особенно осложнилось положение советских обществоведов после Июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего решение по группе Молотова, Кагановича, Маленкова. А.Д. Косичеву довелось неоднократно общаться с видным деятелем КПК мэром Шанхая Чэнь И, который одновременно занимал пост министра иностранных дел КНР и имел звание Маршала КНР. Встречи с Чэнь И произвели большое впечатление на А.Д. Косичева. За время пребывания в Китае А.Д. Косичев выпустил две книги по философии. В 1957 г. командировка А.Д. Косичева в Китай закончилась, и он вернулся домой.

Несмотря на грозы и бури, гремевшие в советско-китайских отношениях, китайские философы не забыли А.Д. Косичева и спустя полвека. Когда возобновились гуманитарные контакты между нашими странами, возобновилось и общение А.Д. Косичева с китайскими философами. Он смог посетить Китай и встретиться с коллегами. Китайцы стали направлять на обучение в МГУ своих молодых товарищей. Под научным руководством А.Д. Косичева в МГУ занимались студенты и стажеры из Китая. А.Д. Косичева стали регулярно навещать как его бывшие коллеги и ученики из Китая, так и представители более молодого поколения китайских философов, для которых А.Д. Косичев оставался большим авторитетом. Он подарил китайским философам комплект журнала «Под знаменем марксизма». Для китайцев это ценный подарок, поскольку они серьезно изучают историю советской философии по первоисточникам.

В 1958 г. на философском факультете МГУ была образована кафедра истории марксистско-ленинской философии, куда А.Д. Косичев перешел работать. 25 декабря 1963 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук о борьбе марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и 4 июля 1964 г. был утвержден в звании доктора философских наук. В диссертации он провел сравнительный анализ социальной философии марксизма и анархизма. В 1965 г. А.Д. Косичеву было присвоено ученое звание профессора. С 1966 по 1976 г. он был председателем секции философии Научно-технического совета Министерства высшего образования СССР, с 1975 по 1991 г. — членом президиума Научно-технического совета Минвуза СССР. В этом качестве он много сделал для развития философского образования в стране, для методического обеспечения преподавания философии.

В 1971 г. А.Д. Косичев возглавил кафедру истории марксистско-ленинской философии. В 1973 г. А.Д. Косичев организовал журнал «Научный коммунизм» и возглавлял его редколлегию до 1990 г.

В 1978 г. А.Д. Косичев был избран деканом философского факультета МГУ. Как вспоминает он сам, вокруг избрания декана развернулась бурная избирательная кампания. Предлагалось несколько кандидатов на этот пост. На заседании ученого совета факультета в присутствии ректора против кандидатуры А.Д. Косичева выступил А.С. Богомолов. А.Д. Косичев в какой-то момент хотел снять свою кандидатуру, но против этого высказались В.Т. Калтахчян и В.С. Молодцов. Поддержал кандидатуру А.Д. Косичева ректор А.А. Логунов. Большинством голосов А.Д. Косичев был избран деканом факультета. Одновременно, в период пребывания в должности декана, А.Д. Косичев был главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия: Философия».

Для декана традиционно в центре внимания стоял вопрос о совершенствовании учебных планов. Большое внимание он уделял роли естественных и гуманитарных наук в подготовке философов. Были подготовлены и изданы учебник по высшей математике для философских факультетов, русско-английский и русско-немецкий философские словари. Укреплялись контакты с учеными нефилософских специальностей. В этом большую роль играли тогда философские (методологические) семинары. Продолжалось совершенствование структуры факультета. В результате настойчивой борьбы, которую вел деканат в инстанциях, на факультете в 1984 г. было открыто отделение прикладной социологии, которое трансформировалось в самостоятельный социологический факультет в 1989 г.

Много внимания уделял А.Д. Косичев развитию международных связей философского факультета МГУ. В 1970-е гг. он выступил с докладом о работе факультета на Совещании философов социалистических стран в Дрездене; на Кубе он прочел цикл лекций в Гаванском университете. В 1980-е гг. он побывал в ФРГ, где изучал постановку там философского образования; вместе с Ю.К. Мельвилем Минвузом СССР он с той же целью был командирован в США, где присутствовал на многих лекциях профессоров американских университетов, изучал их программы по философии и учебные пособия. Научные труды А.Д. Косичева переведены на Кубе и в Аргентине.

В октябре 1986 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в докладе Е.К. Лигачева работа философского факультета МГУ была подвергнута критике¹. Этот факт очень расстроил А.Д. Косичева. По этой причине А.Д. Косичев, срок пребывания которого в должности дека-

¹ Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук // Коммунист. 1986. № 15; Вестн. высшей школы. 1986. № 12.

на подходил к концу, решил подать заявление об уходе. При уходе с должности А.Д. Косичеву была объявлена благодарность ректора. После ухода с должности декана А.Д. Косичев еще некоторое время — до 1989 г. — заведовал кафедрой истории марксистско-ленинской философии. После закрытия этой кафедры в 1991 г. он перешел на кафедру истории русской философии.

С 1991 г. А.Д. Косичев работает на кафедре истории русской философии профессором, затем — профессором-консультантом. Он был единственным преподавателем кафедры, кто в своих лекциях рассказывал о развитии философии в СССР в 1920–1930-е гг., о борьбе диалектиков и механистов, приносил на лекции и знакомил студентов с первоисточниками по философии этого периода: работами Л.И. Аксельрод, Н.И. Бухарина, А.М. Деборина, В.Н. Сарабьянова и др.

Как преподаватель А.Д. Косичев не читал лекцию по предварительной записи. Он свободно излагал материал, опираясь за заранее продуманный план лекции. На семинарах А.Д. Косичев приводил студентам различные точки зрения по обсуждаемой проблеме и предлагал им самостоятельно оценивать эти точки зрения, а иногда разделял учебную группу на две части, чтобы в игровой форме сопоставить различные позиции. В 1972–1991 гг. А.Д. Косичев возглавлял специализированный совет по философским наукам при МГУ. Всего А.Д. Косичевым подготовлено более 70 кандидатов и 12 докторов наук.

Деятельность А.Д. Косичева в науке была посвящена изучению различных проблем истории марксистско-ленинской философии, главным образом — философских идей В.И. Ленина. Особое внимание он уделял проблеме появления различных идеологических течений в рамках марксизма. В последнее время в центре научных интересов А.Д. Косичева — идеологическая ситуация, сложившаяся в СССР после появления так называемого «Политического завещания» В.И. Ленина, альтернативность путей развития советского марксизма, ситуация выбора между направлениями, которые олицетворяли Троцкий, Сталин и Бухарин. А.Д. Косичеву наиболее близка бухаринская концепция развития социализма, которую он внимательно изучает. Сталинский курс он подвергает резкой, хотя и не всегда последовательной критике. В последние годы в центре его внимания философские произведения Н.И. Бухарина, в том числе недавно опубликованные тюремные рукописи по философии. Когда на факультете защищалась дипломная работа, посвященная Н.И. Бухарину, декан А.Д. Косичев пригласил на защиту вдову Бухарина А.М. Ларину. Он имел разговор и с его сыном Ю.Н. Бухариным.

Хотя основной массив публикаций А.Д. Косичева был посвящен общим вопросам развития марксистско-ленинской философии, его главный вклад в историко-философскую науку, который представляет непреходящую ценность — это изучение истории советской философии. Этой тематикой А.Д. Ко-

сичев занимался параллельно со своей основной научно-исследовательской работой и сделал по ней ряд публикаций. Последние оказались своего рода подготовкой к книге «Философия, время, люди» — выдающемуся явлению в нашей историко-философской литературе последнего десятилетия.

Анатолий Данилович Косичев — единственный декан философского факультета МГУ, написавший книгу воспоминаний о своей работе на факультете: «Философия, время, люди: Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ». Книга эта — ценный источник по истории советской философии вообще и философского факультета МГУ в частности. Книга А.Д. Косичева выполняет еще одну важную задачу — сохраняет живую память о людях, работавших в нашей философии.

Давно назрела потребность именно в такой работе, где была бы тщательно проанализирована история развития советской философии в 1940–1950-е гг. До сих пор, несмотря на отдельные публикации, все, что связано с так называемыми «письмами Белецкого», оставалось на уровне легенд, которые рано или поздно растворились бы в коридорах философского факультета МГУ. Теперь же столь значимое «белое пятно» в истории нашей философии полностью устранено квалифицированным исследованием А.Д. Косичева.

Можно утверждать, что автор применил комплексный подход к изучению философии советского периода. Нельзя не отметить уникальность жанра, в котором написана эта книга. Она представляет собой единство историко-философского исследования, историко-архивного исследования и мемуаров. Примеров такого рода работ ранее встречать не приходилось. Как правило, историки общественных процессов, вводя в оборот новые архивные материалы, избегают широких философских обобщений, а специалисты в области истории философии не всегда бывают знакомы с техникой архивного поиска, что подчас чревато легковесностью выводов. Что же касается мемуаристов, то они в лучшем случае опираются на собственные дневники, а зачастую вовсе не утруждают себя какой-либо исследовательской работой.

А.Д. Косичев не ограничился собственными воспоминаниями о событиях философской жизни 1940–1950-х гг., в которых он принимал участие, и историко-философским анализом тех идей и концепций, которые выдвигались философами в этот период. Автор с энергией, которой могут позавидовать значительно более молодые исследователи, предпринял разыскания в Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории, Архиве МГУ, в результате которых были обнаружены все письма З.Я. Белецкого в руководящие органы ВКП(б) по философским вопросам и положению дел на философском факультете МГУ, другие документы, связанные с философскими дискуссиями 1940–1950-х гг.

Следует подчеркнуть, что до сих пор в историко-философской литературе утверждалось как приговор, что указанные письма обнаружить в архивах не удалось. Об этом прямо писали в своих статьях Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко. Подобное мнение присутствовало и в статье В.Д. Есакова, посвященной философской дискуссии 1947 г.¹ А ведь и Г.С. Батыгин, и В.Д. Есаков, в отличие от А.Д. Косичева, который обратился к архивным источникам, что называется, по необходимости, профессионально работали с данными источниками. Но именно А.Д. Косичеву удалось решить эту чрезвычайной важности научную задачу. Сделанное им можно назвать научным подвигом.

Столь высокая степень фундированности историко-философской работы не только опубликованными, но и хранящимися в архивах текстами, может служить примером для всех историков философии, независимо от предмета их занятий, так как это существенно повышает научный уровень исследований. Применение А.Д. Косичевым указанных приемов исследовательской работы не было какой-то случайностью. Оно вытекало из общего видения им проблем философского образования.

По этим вопросам А.Д. Косичев высказался в научной печати². Он писал, что назрела необходимость изменений в философском образовании. Обучение философии должно строиться не только на основе традиционных курсов. В него должен быть включен и такой предмет, как историография и источниковедение философии, в особенности если речь идет об изучении отечественной философии. А.Д. Косичев писал и о недопустимости такой ситуации, когда совершенно не изучаются ни история марксизма и его философии в России, ни история советской философии. Наше философское сообщество и его руководители долгое время делают вид, что такого предмета изучения как бы и нет.

Книга воспоминаний и размышлений А.Д. Косичева через несколько лет вышла вторым изданием. Каждый может ознакомиться с ней на сайте философского факультета МГУ. Сегодня историю русской философии советского периода нельзя изучать, не обращаясь к книге А.Д. Косичева.

А.Д. Косичев удостоен многих орденов и медалей как отечественных, так и иностранных. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени (23.01.1980), Отечественной войны II степени (1985), медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—

¹ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александрова: эпизоды 1940-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 137–144; Они же. Дело профессора Э.Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 87–102; Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 83–106.

² Косичев А.Д. Пробел в подготовке философов // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 45–46.

1945 г.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1947), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «За трудовую доблесть» (14.01.1967), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975), «60 лет Вооруженных Сил СССР» (1978), «Ветеран труда», «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985), «70 лет Вооруженных Сил СССР» (1988), «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне» (1995), Жукова (1996), «В память 850-летия Москвы» (1997), «Шестьдесят лет победы в Великой Отечественной войне» (2005), «Шестьдесят пять лет победы в Великой Отечественной войне» (2010), медалью КНР «Дружба». Ему присвоены звания заслуженного деятеля науки РСФСР (1979) и заслуженного профессора МГУ (1996).

Несмотря на свой весьма почтенный возраст, А.Д. Косичев сохраняет жизнелюбие, открытость, оптимизм, почти детскую непосредственность, болеет душой за развитие нашей философской науки, за достоверное и справедливое освещение пройденного ею трудного пути.

Сочинения

Выше уровень идейно-политической работы // Московский университет. 1948. 27 ноября.

Разгром Лениным и Сталиным идеологии и тактики анархизма в России: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1950. 366 с.

Разгром Лениным и Сталиным идеологии и тактики анархизма в России: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1950.

Результаты серьезной подготовки // Московский университет. 1952. 22 января.

К характеристике борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса против бакунизма // Ученые записки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Вып. 169. М., 1954. С. 53–73.

На философском факультете // Московский университет. 1954. 8 марта.

Теория и история философии. Шанхай, 1956. На кит. яз.

Дискуссионные вопросы философии. Пекин, 1957. На кит. яз.

Философская наука в Московском университете в советский период // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957. С. 450–469.

Начало распространения марксизма в Китае под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции // Философские науки. 1958. № 2. С. 31–46.

О ликвидации эксплуататорских классов в КНР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1959. № 4. С. 83–98.

О путях создания социалистического экономического базиса в народном Китае // Философские науки. 1959. № 4. С. 23–35.

Развитие В.И. Лениным марксистской философии в борьбе с субъективной социологией народничества. М., 1960. 31 с.

Марксистская философская мысль в зарубежных странах в период общего кризиса капитализма // Краткий очерк истории философии. М., 1960. С. 671—683. Соавторы: М.Т. Иовчук, А.В. Скворцов.

Марксистская философская мысль в зарубежных странах в период Второй мировой войны и в послевоенные годы // Краткий очерк истории философии. М., 1960. С. 712—732. Соавтор: А.В. Скворцов.

Вопросы развития украинской национальной культуры в свете национальной программы русской революционной демократии // Очерки по истории философии в России. М., 1960. С. 5—33.

Развитие В.И. Лениным диалектического и исторического материализма в период борьбы за создание марксистской партии в России (1894—1904 гг.). М., 1961. 48 с.

От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1961. № 6. С. 45—53.

Курс лекций по истории марксистско-ленинской философии. М., 1962. 368 с. Соавторы: А.С. Богомолов, А.Г. Горшкова, М.Т. Иовчук, С.Т. Калтахчян В.Н., Кузнецов, Э.В. Мелешенко, Т.И. Ойзерман, А.П. Петрашек, С.И. Попов, М.М. Филиппова, М.Г. Шестаков, П.М. Шестаков.

Возникновение и развитие научного коммунизма. М., 1963. 64 с.

Развитие Марксом, Энгельсом, Лениным исторического материализма в борьбе с социологическими и философскими концепциями анархизма: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1963. 661 с.

Развитие Марксом, Энгельсом, Лениным исторического материализма в борьбе с социологическими и философскими концепциями анархизма: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1963. 52 с.

Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964. 414 с. Переведена и издана в Гаване (1976. 350 с.).

Ленинский этап развития теории научного коммунизма // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 81—88.

Создание и развитие Марксом и Энгельсом научного коммунизма // Философские науки. 1964. № 2. С. 136—146.

Борьба Маркса и Энгельса в Интернационале против мелкобуржуазно-анархического революционаризма и его методологических концепций // Философские науки. 1964. № 5. С. 3—9.

К. Маркс и Ф. Энгельс против мелкобуржуазной революционности // Коммунист. 1964. № 14. С. 100—107.

Философия // Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 480—511.

О связи борьбы за демократию с борьбой за социализм в современную эпоху // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 1. С. 8—19.

Философская наука в Московском университете за 50 лет Советской власти // Философские науки. 1967. № 5. С. 119—129.

Карл Маркс — основоположник научного коммунизма. М., 1968. 62 с.

Предисловие // Философские проблемы «Капитала» Маркса. М., 1968. С. 3–7. Соавторы: В.А. Вазюлин, Д.Ф. Козлов, И.С. Нарский.

Вопросы становления диалектико-материалистического понимания истории в ранних трудах Маркса и Энгельса // Философские науки. 1968. № 3. С. 15–24.

Вопросы марксистско-ленинской философии на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (Москва, июнь 1968 г.) // Философские науки. 1968. № 6. С. 171–174.

Рост международного авторитета марксистско-ленинской философии и концепция «открытого марксизма». М., 1969. 23 с.

Проблемы развития субъективного фактора социалистического общества: Рец. на кн.: Чагин Б.А. Субъективный фактор. М., 1968 // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1969. № 11. Вып. 2. С. 139–141. Соавтор: М.В. Романенко.

Рост международного авторитета марксизма-ленинизма и концепция «открытого марксизма» // Философские науки. 1969. № 4. С. 3–13.

Учение В.И. Ленина о социализме. М., 1970. 78 с.

Современная эпоха и мировой революционный процесс. М., 1970. 260 с. Соавторы: С.В. Александров, А.М. Ковалев, И.А. Козиков, Ф.Т. Константинов, И.С. Хорин, С.Н. Черненко, Г.М. Чхеидзе, Е.Г. Шарапова.

Диалектика и политика в свете ленинизма // Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970. С. 311–333.

Концепция «открытого марксизма» — против марксизма // Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970. С. 101–121.

Ленинизм о сущности нации: Рец. на кн.: Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1970. № 2. С. 83–86.

Анархисты. П.А. Кропоткин // История философии в СССР. Т. 4. М., 1971. С. 135–142.

Развитие исторического материализма и разработка философских проблем научного коммунизма после Ленина // Краткий очерк истории философии. 2-е изд. М., 1971. С. 639–671.

Предисловие // Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов. М., 1971. С. 3–4. Соавторы: Г.С. Васецкий, С.Т. Калтахчян.

Великий исторический опыт и революционное творчество народных масс // Философские науки. 1971. № 2. С. 60–69.

Выступление на Ломоносовских чтениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 3. С. 78.

Нужное исследование: Рец. на кн.: Якушевский И.Т. Ленинизм и «советология». Л., 1970 // Философские науки. 1971. № 6. С. 165–166.

Ленинские традиции в философии: Рец. на кн.: Иовчук М.Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970 // Коммунист. 1971. № 11. С. 123–126.

История марксистско-ленинской философии. М., 1972. 120 с. Соавторы: Г.Д. Балычева, В.А. Вазюлин, Г.С. Васецкий, С.Т. Калтахчян, А.П. Петрашик, М.В. Романенко, Л.Н. Суворов, М.М. Филиппова.

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ КОСИЧЕВ

Фридрих Энгельс и современная борьба идей // Фридрих Энгельс — великий ученый и революционер. М., 1972. С. 156—183.

Ленинское философское наследие и современность: Рец. на кн.: Митин М.Б. В.И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971 // Философские науки. 1972. № 1. С. 152—154. Соавторы: В.В. Славин, А.Г. Спиркин.

Международный симпозиум по истории философии // Философские науки. 1972. № 2. С. 177—182. Соавторы: В.Г. Буров, Э.К. Дорошевич, Е.А. Самарская, Е.П. Ситковский.

В.И. Ленин о всемирно-историческом значении и необходимости образования СССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1972. № 6. С. 3—14.

Беседа с Тодором Павловым // Научный коммунизм. 1973. № 3. С. 12—20.

Теоретическое обобщение В.И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974. 312 с.

Буржуазно-ревизионистская фальсификация истории возникновения и развития теории научного коммунизма // Критика современных буржуазных концепций в курсе научного коммунизма. М., 1974. С. 38—60.

Заметки с XV Международного философского конгресса // Научный коммунизм. 1974. № 1. С. 119—133.

Развитие исторического материализма и разработка философских проблем научного коммунизма // Краткий очерк истории философии. 3-е изд. М., 1975. С. 639—671.

Актуальные задачи исследования проблем научного коммунизма // Научный коммунизм. 1976. № 2. С. 3—18.

Творческое развитие XXV съездом КПСС теории научного коммунизма // Научный коммунизм. 1976. № 3. С. 3—12.

Критика неофашистских тенденций в высшей школе ФРГ // Научный коммунизм. 1976. № 4. С. 125—130. Соавторы: В.П. Агафонов, М.Н. Филатов.

Выдающийся вклад в теорию научного коммунизма и задачи разработки его актуальных проблем // Научный коммунизм. 1976. № 5. С. 106—111.

Творческий вклад в марксистско-ленинскую науку коммунистического преобразования мира // Научный коммунизм. 1976. № 6. С. 3—16.

Магистральная тема научного коммунизма // Коммунист. 1976. № 8. С. 13—21. Соавтор: А.М. Ковалев.

Выступление // XXV съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук: Сокращенный стенографический отчет Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1977. С. 222—225.

Великая Октябрьская социалистическая революция и творческое развитие марксистской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1977. № 5. С. 3—11.

Ленин о революции // Правда. 1977. 29 октября.

Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 127 с.

Выступление // II съезд Философского общества СССР. М., 1978. С. 161—171.

Выдающийся предшественник марксизма в России // Философия Н.Г. Чернышевского и современность. М., 1978. С. 4—24.

XXV съезд КПСС и некоторые актуальные вопросы теории научного коммунизма // Актуальные философские проблемы развития социалистического общества. Вып. 1. М., 1978. С. 83—91.

У истоков партии научного коммунизма // Научный коммунизм. 1978. № 4. С. 3—14.

Вершина домарковского социализма // Коммунист. 1978. № 18. С. 55—64.

Дальнейшая разработка материалистического понимания истории // Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1. М., 1979. С. 334—425. Соавторы: Г.С. Батищев, И.С. Нарский, С.А. Орлова.

Методологические проблемы исследования развитого социализма // Методологические проблемы общественных наук. М., 1979. С. 148—178.

Реакционная сущность и научная несостоятельность противопоставления марксизма ленинизму // Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии. М., 1979. С. 59—95. Соавтор: М.В. Романенко.

Буржуазно-ревизионистская фальсификация истории возникновения и развития теории научного коммунизма // Критика современных буржуазных и ревизионистских концепций по проблемам мирового революционного процесса. М., 1979. С. 46—66.

Марксизм-ленинизм — основа нашей жизни // Московский университет. 1979. 22 апреля.

Философский факультет // МГУ-80. М., 1979. С. 32—35.

Научные исследования и подготовка кадров по философии и научному коммунизму. Итоги и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 3—17.

Великий социалист домарковского периода // Н.Г. Чернышевский и современность. М., 1980. С. 319—328.

Выступление на IX Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук (Москва, август 1979 г.) // Информационные материалы Философского общества СССР. 1980. № 1. С. 22—23.

Единство теории и методологии в проблеме критериев развитого социализма // Актуальные методологические проблемы общественных наук и их разработка в условиях социализма. М., 1981. С. 69—73.

Разработка исторического материализма и философских проблем научного коммунизма после Ленина (до периода развитого социализма) // Краткий очерк истории философии. 4-е изд. М., 1981. С. 782—804. Соавторы: М.В. Романенко, Л.Н. Суворов.

Дальнейшее развитие марксистско-ленинской философии в период зрелого социализма в СССР и развертывания мирового революционного процесса. Разработка проблем диалектического материализма // Краткий очерк истории философии. 4-е изд. М., 1981. С. 804—831. Соавторы: М.В. Романенко, Л.Н. Суворов.

Разработка теории исторического материализма и философских проблем научного коммунизма, этики и эстетики // Краткий очерк истории философии. 4-е изд. М., 1981. С. 832—858. Соавтор: М.В. Романенко.

Основные направления научных исследований на философском факультете Московского государственного университета: итоги и перспективы // Философские науки. 1981. № 1. С. 50—59.

Выступление на конференции «Актуальные вопросы марксистско-ленинской диалектики» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 4. С. 74.

Выступление на советско-чехословацком симпозиуме по проблемам диалектики // Вестн. высшей школы. 1981. № 4. С. 73.

Советский философ // Московский университет. 1981. 13 апреля.

Научные исследования и подготовка кадров по философии и научному коммунизму. Итоги и перспективы // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 97—111.

А. П. Гагарин (1895—1960) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 231—234.

В. Ф. Берестнев (1901—1977) // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 261—262.

Выступление // XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук. М., 1982. С. 134—138.

Программа мира и созидания // Научный коммунизм. 1982. № 1. С. 3—9.

Актуальные вопросы подготовки философских кадров // Коммунист. 1982. № 3. С. 59—68.

Научная несостоятельность противопоставления взглядов Маркса и Энгельса // Маркс и современная философия. М., 1983. С. 15—29.

В. И. Ленин о необходимости и всемирно-историческом значении образования СССР // Научный коммунизм. 1983. № 2. С. 3—14.

Великий основоположник научного коммунизма // Научный коммунизм. 1983. № 3. С. 3—15.

К новым рубежам философских исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1983. № 6. С. 3—11. Соавтор: В. А. Кувакин.

Проверка показала // Московский университет. 1983. 28 февраля. Соавторы: Ю. Вишняков, А. Гусейнов, А. Павлов.

Кузница философских кадров // Московский университет. 1983. 14 апреля.

Великий основоположник научного коммунизма // Московский университет. 1983. 5 мая.

Реакционная сущность «марксологического» извращения марксистской философии // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс, 1984. С. 87—103.

Программа курса «История философии»: Для студентов государственных университетов. Ч. 3. История марксистско-ленинской философии. М., 1984. 57 с. Соавторы: Вазюлин В. А., Васецкий Г. С.

Диалектика революционного развития // Философские науки. 1984. № 2. С. 19—33.

Рец. на кн.: Федосеев П. Н. Философия и научное познание. М., 1983. 464 с. // Вопр. философии. 1984. № 2. С. 167—171. Соавторы: Ю. В. Сачков, Ц. А. Степанян.

Борьба Маркса против оппортунизма, за чистоту революционной теории // Коммунист. 1984. № 5. С. 14—23.

Анализ социально-классовой структуры буржуазного общества // Ленин. Философия. Современность. М., 1985. С. 207—222.

Вопросы исторического материализма в период упрочения и развития социалистического общества // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 412—441. Соавторы: А. С. Айзикович, Ю. К. Плетников.

Разработка фундаментальных проблем и категорий исторического материализма в связи с потребностями практики международного революционного движения, социалистического и коммунистического строительства // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 442—446. Соавтор: М. В. Романенко.

Диалектика развития социалистического общества // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 446—483. Соавтор: М.В. Романенко.

Закономерности современной эпохи. Проблемы войны и мира. Мировой революционный процесс // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 483—490. Соавтор: М.В. Романенко.

Развитие В.И. Лениным теории научного коммунизма на опыте революции 1905—1907 гг. в России // Научный коммунизм. 1985. № 1. С. 13—22.

Выдающийся вклад в марксистско-ленинскую науку: Выступление на «круглом столе» на тему «Проблемы совершенствования развитого социализма в документах КПСС» // Научный коммунизм. 1985. № 3. С. 25—28.

Рец. на кн.: *Калтахчян С.Т.* Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983 // Политическое самообразование. 1985. № 5. С. 135—138.

Научный обмен во имя прогресса и взаимопонимания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 6. С. 75—79. Соавторы: В.А. Кувакин, Дж. Лолер, Г. Парсонс.

Разработка В.И. Лениным диалектики объективного и субъективного в революционном процессе и в строительстве социалистического общества // Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании. Л., 1986. С. 102—118.

Философская наука в Московском университете в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 1. С. 11—15.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 54, 72—75.

История марксистско-ленинской философии. М., 1987. 446 с. Соавторы: С.Т. Калтахчян, Б.М. Кедров.

Выступление // XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1987. С. 197, 205.

Выступление на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // Философские науки. 1987. № 2. С. 10.

Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 15.

Великая Октябрьская социалистическая революция и творческое развитие марксистско-ленинской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 5. С. 3—12.

Некоторые теоретические вопросы перестройки // Научный коммунизм. 1987. № 9. С. 61—65.

Выступление на заседании Отделения философии и права АН СССР // Научный коммунизм. 1987. № 10. С. 101—104.

Предисловие // Развитие марксистско-ленинской философии в социалистических странах. М., 1988. С. 3. Соавтор: Ю.Ф. Вишняков.

Ленинская концепция социализма — идейно-теоретическая основа перестройки // Научный коммунизм. 1988. № 4. С. 3—17.

О диалектических и недиалектических противоречиях // Научный коммунизм. 1988. № 5. С. 38—41.

XIX Всесоюзная конференция КПСС и некоторые проблемы социально-философских исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 6. С. 3—8.

Ленинизм — идейно-теоретическая основа перестройки и обновления социализма // Научный коммунизм. 1989. № 4. С. 3–12.

Выступление на Всесоюзной научно-практической конференции актива философских (методологических) семинаров // Научный коммунизм. 1989. № 7. С. 116.

Выступление на «круглом столе» на тему «Возможно ли политическое обновление социализма?» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 2. С. 30–32.

К вопросу о роли Сталина в Октябрьской революции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 4. С. 3–17.

К новому прочтению ленинской концепции социализма // Социально-политические науки. 1991. № 1. С. 12–20.

Программа по истории русской философии // Философия и общество. 1998. № 1. С. 271–287. Соавторы: В.В. Богатов, В.А. Кувакин, М.А. Маслин, А.Т. Павлов, П.С. Шкуринов.

Духовность и проблема воспитания // Высшее образование в России. 1998. № 1. С. 124–127. Соавтор: Г.В. Платонов.

Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 2. С. 3–32. Соавтор: Г.В. Платонов.

Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 3. С. 16–33. Соавтор: Г.В. Платонов.

Духовность и наша жизнь. М., 1999. 159 с. Соавтор: Г.В. Платонов.

Новое в понимании социальной философии // Русская философия: Многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. М., 2001. С. 110–112.

Пробел в подготовке философов // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 45–46.

Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 350 с.

Маркс и наше время // Политическое просвещение. 2003. № 2. С. 27–33.

В.С. Аничков о связи материального и идеального («души и тела») // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 2. М., 2005. С. 257–258.

Аничков — первый русский спинозист // Вопр. философии. 2006. № 11. С. 104–110.

Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2-е изд. М., 2007. 383 с.

Луппол Иван Капитонович // Русская философия. М., 2007. С. 316.

Молодцов Василий Сергеевич // Русская философия. М., 2007. С. 344–345.

Сережников Виктор Константинович // Русская философия. М., 2007. С. 497.

Литература

Попов С.И. Уроки борьбы марксизма-ленинизма против мелкобуржуазной анархической идеологии: Рец. на кн.: Косичев А.Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964. 414 с. // Философские науки. 1965. № 4. С. 134–138.

Иванов И. Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Теоретическое обобщение В.И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974. 312 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1975. № 1. С. 27—35.

Попов С.И., Степанян Ц.А. Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Теоретическое обобщение В.И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974. 312 с. // Философские науки. 1976. № 6. С. 156—158.

Науменко Г.И. Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 127 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1979. № 4. С. 21—28.

Потапенков А.В. Творческое развитие теории: Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 127 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 63—65.

Степанян Ц.А. Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 127 с. // Коммунист. 1979. № 18. С. 118—119.

Попов А.В. Рец. на кн.: Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии / Отв. ред. А.Д. Косичев. М., 1979. 343 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1980. № 4. С. 226—232.

Другач Т.Б. Рец. на кн.: Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии / Отв. ред. А.Д. Косичев. М., 1979. 343 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1980. № 5. С. 165—171.

Романенко М.В., Руткевич М.Н. Монография по проблемам развития марксистско-ленинской теории: Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 127 с. // Вестн. высшей школы. 1980. № 9. С. 73—75.

Попов А.В. Рец. на кн.: Актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии / Отв. ред. А.Д. Косичев. Вып. 4. М., 1980. 133 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1981. № 2. С. 212—216.

Анатолию Даниловичу Косичеву — 70 лет // Философские науки. 1984. № 5. С. 179—180.

Сенчихина Ю.Б. Научный обмен во имя прогресса и взаимопонимания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 6. С. 75—79.

Рыклин М.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и идеи марксистско-ленинской философии: история и современность // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1988. № 3. С. 11—16.

Киреева Л.В., Кувакин В.А., Романенко М.В. Рец. на кн.: *Калтахчян С.Т., Кедров Б.М., Косичев А.Д.* История марксистско-ленинской философии. М., 1987. 446 с. // Философские науки. 1988. № 5. С. 108—110.

Азудов В.В. Рец. на кн.: *Калтахчян С.Т., Кедров Б.М., Косичев А.Д.* История марксистско-ленинской философии. М., 1987. 446 с. // Философские науки. 1988. № 5. С. 110—112.

Косичев Анатолий Данилович // Профессора и доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 272—273.

Алексеев П.В. Косичев Анатолий Данилович // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 484—485.

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ КОСИЧЕВ

Н.О. Записки старожилы: Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 350 с. // Независимая газета. 2003. 18 сентября.

Корсаков С.Н. Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: время, события, люди: Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 350 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2004. № 2. С. 111–114.

Миронов В.В., Ойзерман Т.И. Рец. на кн.: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 350 с. // Вопр. философии. 2004. № 12. С. 175–178.

Петренко Е.А. Косичев Анатолий Данилович // Русская философия. М., 2007. С. 262–263.

Алексеев П.В. Косичев Анатолий Данилович // Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 292–293.

РИЧАРД ИВАНОВИЧ КОСОЛАПОВ

И.о. декана в 1986—1987 гг.

Ричард Иванович Косолапов родился 25 марта 1930 г. на станции Алексиково Юго-Восточной железной дороги (станция Новониколаевская Волгоградской области) в семье донских казаков «близ тех мест и в среде тех людей, которые типизированы Шолоховым в “Поднятой целине”»¹. Отец был секретарем партячейки и уполномоченным по организации колхозов в период коллективизации, участвовал в Гражданской и Великой Отечественной войнах, дойдя до звания подполковника, после войны в 1946 г. был арестован и отбыл шесть лет в Ныроблаге на Северном Урале.

В 1942 г. Р.И. Косолапов в Элисте пережил четырехмесячную фашистскую оккупацию. Затем жил в Брянске и учился в средней школе. После ареста отца юноше пришлось на себе испытать подлость одних учителей и благородство других. Он окончил школу с серебряной медалью (с единственной «четверкой» по химии) и дважды пытался поступить на философский факультет МГУ. Он проходил, как медалист, собеседования, отвечал на поставленные вопросы, но как сына осужденного его не принимали под предлогом отсутствия мест в общежитии.

В 1950 г. третья попытка поступить на философский факультет МГУ удалась. Вначале он также получил отказ, который был подтвержден центральной приемной комиссией МГУ. Но помогли добрые люди на самом факультете, прежде всего работавшие в приемной комиссии З.Я. Ефремова и Е.С. Кузьмин. Они не знали Р.И. Косолапова, но, видя проявленную к нему несправедливость, написали протест на решение центральной приемной комиссии. Вопрос о зачислении долго находился в подвешенном состоянии. Р.И. Косолапова несколько раз приглашали на собеседования с представителями деканата, и каждый раз вопрос откладывался. Наконец, он разрешился во время работы в университете комиссии Минвуза во главе с заместителем министра. Р.И. Косолапова пригласили на заседание комиссии, заместитель министра спросил его о боевых наградах отца, поинтересовался, по какому предмету в аттестате «четверка». Узнав, что по химии, спросил декана А.П. Гагарина, преподается ли химия на философском факультете. А.П. Гагарин, человек добрый по своему характеру, предложил зачислить молодого человека на факультет.

¹Какая же она, правда о Сталине? М., 1998.

Р.И. Косолапова зачислили на первый курс. За все время обучения ни разу никто не обмолвился при нем словом о том, что он — сын репрессированного. В университете он специализировался по логике, занимался сравнительным анализом логики формальной и диалектической. Затем увлекся политэкономией и ранними работами К. Маркса. Дипломная работа: «К вопросу о диалектике товара при социализме» опубликована в виде брошюры в 1961 г.

В 1955 г. Р.И. Косолапов окончил философский факультет МГУ и уехал работать в Брянском обкоме ВЛКСМ, где был инструктором, а с 1957 г. руководителем лекторской группы. В 1958 г. он по конкурсу избрался на должность ассистента кафедры общественных наук Армавирского пединститута. В Армавири вел также общественную работу: в январе—марте 1959 г. заведовал агитпунктом на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы.

В 1959 г. Р.И. Косолапов вернулся на философский факультет МГУ и поступил в очную аспирантуру. Расширение круга научных интересов Р.И. Косолапова привело его к интерпретации ранних работ и идей «Капитала» К. Маркса, особенно концепции отчуждения труда, применительно к исследованию советской действительности.

На втором году обучения он был переведен на работу на кафедру исторического материализма преподавателем. 29 июня 1962 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. Избирался заместителем секретаря партбюро факультета. В 1962—1964 гг. руководил социологической лабораторией факультета в должности старшего научного сотрудника. В 1963 г. под редакцией Р.И. Косолапова и В.А. Фоминой кафедра выпустила сборник «Актуальные проблемы исторического материализма». В своих работах Р.И. Косолапов конкретизировал формулу «свобода есть познанная необходимость» в смысле снятия отчуждения труда, обеспечения условий деятельного, творческого самоутверждения личности. По этим вопросам опубликовал книгу «Коммунизм и свобода» (1965).

Вследствие сложившегося неблагоприятного отношения к молодым преподавателям на кафедре Р.И. Косолапов в 1964 г. перешел работать старшим научным сотрудником в Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. В 1966—1974 гг. он в Отделе пропаганды ЦК КПСС: лектор, консультант, руководитель группы консультантов, заместитель заведующего Отделом. 20 января 1971 г. Р.И. Косолапов защитил в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук, 11 июня 1971 г. был утвержден в ученой степени доктора философских наук; в 1974 г. получил ученое звание профессора. В 1974—1976 гг. он — первый заместитель главного редактора газеты «Правда».

В этот период Р.И. Косолапов вел работу в трех исследовательских направлениях. Первое было связано с преодолением догматических представле-

ний о стимулах труда. Наряду с традиционными материальными и моральными стимулами Р.И. Косолапов писал о необходимости учесть также стимулы творческие. Согласно его концепции, наличие творческих стимулов обусловлено как психофизиологическими особенностями человека, так и его социальной сущностью. По этой тематике Р.И. Косолапов опубликовал книгу «Коммунистический труд: природа и стимулы» (1968). Исследование велось им на стыке исторического материализма, политэкономии и психологии. Автором был сделан вывод, что с превращением труда в жизненную потребность на первый план выдвинется конкретно-качественная сторона деятельности, и труд из меры стоимости становится для личности потребительной стоимостью (ценностью), обретает свою самоценность как проявление человеческой индивидуальности. Когда это станет массовым явлением, качественно изменится и система производственных отношений, и система межличностных связей. Данное превращение труда при переходе к постиндустриальному развитию становится необходимостью. Вслед за социалистами-утопистами и Марксом Р.И. Косолапов рассматривает сокращение рабочего времени, а также наполнение рабочего и свободного времени креативным содержанием как важнейшее условие и средство освобождения человека.

Второй темой, которую исследовал Р.И. Косолапов, стало обобществление труда и производства. Он рассматривал ступени обобществления, соотношение формального и реального обобществления и их влияние на создание посткапиталистической экономики. Этим проблемам были посвящены его книги «Ни тени утопии» (1971), «Социализм: к вопросам теории» (1975, 1979). Р.И. Косолапов исследовал роль товарно-денежных отношений при социализме в связи с преодолением отчуждения труда. Имея в виду эти противоречивые реалии, автор изучал процесс внутренней эволюции социалистического общества и меру его неоднородности. Он делал вывод, что успехи в осуществлении освободительной миссии социализма обусловлены уровнем развития производительных сил, степенью соединения производства с достижениями научно-технического прогресса и состоянием культуры общества.

Наконец, Р.И. Косолапова интересовал вопрос о содержании современной эпохи, в связи с чем он обратился к геополитической проблематике и социально-философскому осмыслению международных отношений. Особый акцент он делал на месте и роли России в этой системе.

Развиваемые Р.И. Косолаповым идеи о примате творческой природы труда и снятия отчуждения труда при социализме вызывали возражения официальных руководителей советской философии, и он сталкивался с определенными трудностями при прохождении его и кандидатской, и докторской диссертаций.

С марта 1976 г. Р.И. Косолапов в течение десяти лет работал главным редактором журнала «Коммунист». На XXV съезде КПСС (1976) он был

избран кандидатом в члены ЦК КПСС, на XXVI съезде КПСС (1981) — членом ЦК КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 10-го (1979) и 11-го (1984) созывов.

В этот период Р.И. Косолапов много писал по вопросам «развитого социализма». Тремя изданиями под его редакцией вышла коллективная монография «Развитой социализм: вопросы теории и практики». Книга была переведена на языки союзных республик и использовалась при изучении обществоведения в школах и философии в вузах, в сети политического просвещения. Р.И. Косолапов применил к характеристике «реального социализма» идею К. Маркса об общественной системе как становящейся органической целостности. Оценивая сегодня бытование концепции «развитого социализма», хотя и «раннего», Р.И. Косолапов утверждает, что «готов признать свою долю вины за это коллективное действие, но справедливости ради надо отметить, что не проявлял в нем какого-то особого рвения»¹. Он считает, что концепция развитого социализма позволила дезавуировать хрущевский лозунг о построении коммунизма «через двадцать лет». Сам же он, как идеологический консультант, стремился к реалистичности оценок. Р.И. Косолапов приводит в качестве примера включенное в один из докладов Ю.В. Андропова положение о том, что страна находится еще в начале длительного исторического этапа — развитого социализма. Он пишет, что «не отождествлял брежневскую систему с “развитым социализмом”, стремился, насколько позволяли условия того времени, провести мысль о возможности “отката” страны вспять, а развитой социализм трактовал как комплексный рубеж, на который при научной политике КПСС и Советского государства могло бы выйти наше общество»². Наиболее важным Р.И. Косолапов называет вывод о том, что советское общество носило не собственно социалистический, а пока что переходный к социализму характер, чреватый серьезными коллизиями.

В 1977 г. Р.И. Косолапова посетил в редакции журнала «Коммунист» В.М. Молотов, который высказал свое несогласие с провозглашенным в тот период в связи с принятием новой Конституции СССР тезисом о «социалистическом общенародном государстве». Р.И. Косолапов не возражал против доводов собеседника. В 1984 г. он способствовал восстановлению В.М. Молотова в КПСС.

Р.И. Косолапов возглавлял делегации КПСС на съездах ряда коммунистических партий, а также на съездах Социал-демократической партии Германии и Французской социалистической партии. В 1985 г. представлял СССР

¹ Косолапов Р.И. Все равно люди вновь потянутся к светлому // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 2. С. 89.

² Алексеев П.В. Косолапов Ричард Иванович // Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 294.

на III Международном коллоквиуме по вопросам обеспечения мира, разоружения и контроля над вооружениями в Тутцинге (Бавария, ФРГ).

Наибольшее влияние на определение курса партии и государства Р.И. Косолапов как политический идеолог приобрел в период пребывания у власти Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. В декабре 1982 г. он был приглашен Ю.В. Андроповым для беседы и затем готовил к печати статью Ю.В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» (Коммунист. 1983. № 3) и тезисы его речи на Июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. В 1983—1985 гг. он принимал участие в Рабочей группе Программной комиссии КПСС, и в 1984 г. выступил на заседании Комиссии по подготовке новой редакции Программы КПСС к XXVII съезду КПСС. Основная мысль, которую он выдвигал и которую поддержал тогдашний «триумvirат» Черненко — Устинов — Громыко, состояла в том, что советское общество должно было стать бесклассовым к концу XX в.

В декабре 1984 г. на Всесоюзной конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» Р.И. Косолапов высказал основные свои идеи: о том, что концепция развитого социализма внесла реалистические коррективы в представления о сроках перехода к коммунизму, о том, что товарно-денежные отношения не могут быть панацеей от неурядиц в экономике, о том, что прогрессирующее реальное обобществление должно было гарантировать от восстановления частнособственнических порядков и привести к стиранию классовых различий в стране «в обозримой исторической перспективе».

Ситуация изменилась с приходом к власти М.С. Горбачева. Р.И. Косолапов понимал, что перестройка была нужна, но с курсом перестройки в его горбачевском варианте согласен не был. В январе 1986 г. Р.И. Косолапов написал М.С. Горбачеву записку, в которой предсказал провал перестройки и высказал свои предложения о путях выхода из кризиса. Р.И. Косолапов писал М.С. Горбачеву: «В связи с проводимой в стране перестройкой управления экономикой среди обществоведов возрос интерес к ленинскому учению о НЭПе. Важной составной частью экономической политики партии по осуществлению Продовольственной программы СССР стали меры по оказанию поддержки личным подсобным хозяйствам колхозников, рабочих и служащих. Все эти необходимые и здравые вещи кое-кто пытается поворачивать в целях противопоставления мелкого производителя — крупному, фактически идет дискредитация общественной собственности на средства производства». Далее автор письма отмечал: «Что касается “рецептов” выхода из нынешних трудностей в возможностях мелкотоварного производства и рыночного механизма, то они, конечно, могут дать полезный результат, но результат локальный, временный, да и то лишь при одновременном усилении правильного планового руководства».

После этого он был удален из властных структур и вернулся на философский факультет МГУ, где стал заведовать кафедрой истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения. М.С. Горбачев в 2001 г. в интервью Объединению РАН «Наука — Видео» следующим образом характеризовал причины и последствия замены руководства журнала «Коммунист»: «Это, я Вам скажу — к “Коммунисту” уж подобраться не так просто было. И сразу журнал начал менять проблематику. Журнал начал говорить языком перестройки. Какой шум пошел во всех научных кругах: опрокидывание идеологии, опрокидывание основ. В открытом бою никогда эта публика, которая палки в колеса вставляла перестройщикам, не могла одержать победу. Потому что они были в прошлом».

В октябре 1986 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук философский факультет МГУ был подвергнут критике в докладе Е.К. Лигачева. По этой причине А.Д. Косичев решил уйти с должности декана. Уходя, он рекомендовал вместо себя Р.И. Косолапова. Ректор А.А. Логунов назначил Р.И. Косолапова и.о. декана с последующим избранием на ученом совете¹.

Как декан Р.И. Косолапов провел кадровую перестройку на факультете в сторону омоложения, заменил ряд заведующих кафедрами пенсионного возраста, прекратил склоки, сотрясавшие факультет в течение многих лет.

Исполняя обязанности декана, Р.И. Косолапов активно использовал трибуну Ломоносовских чтений. В 1986 г. он выступил на Чтениях с докладом «Об основах марксистско-ленинской теории рабочего класса». Главной идеей докладчика было стирание грани в ходе научно-технической революции между рабочим классом, занимающимся физическим и умственным трудом. Попутно автор заметил, что выступления против социалистической власти как в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968), так и в Польше (1980—1981), где он сам побывал в 1981 г., обязательно сопровождались обработкой сознания трудящихся в неадекватном их положению и интересам антисоциалистическом духе и их идейной дезориентацией. На Ломоносовских чтениях в 1987 г. Р.И. Косолапов сделал доклад «Великий Октябрь и некоторые императивы современности». В докладе он критиковал «абстрактный гуманизм» и тезис о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми.

В 1987 г. в программной статье декана Р.И. Косолапова «На путях перестройки» была предпринята попытка вписать перестройку в формационную концепцию. Декан развивал мысль о «внутриформационных революциях» которые совершаются при согласии «верхов» и «низов»: «Революционный, всеохватывающий характер носит осуществляемая ныне перестройка, вытекающая

¹Косичев А.Д. *Философия. Время. Люди*. 2-е изд. М., 2007. С. 215.

из необходимости крутого поворота от экстенсивного типа социалистического воспроизводства к интенсивному, из необходимости органического соединения достижений современной научно-технической революции с социалистической организацией хозяйства»¹. Декан напомнил о критике в адрес факультета на Всесоюзном совещании и сообщил о завершении переработки учебных планов всех отделений факультета с тем, чтобы учесть высказанные замечания.

Р.И. Косолапов так и не стал полноправным деканом. Процедура выборов в то время требовала предварительного согласия вышестоящих партийных органов на вносимую в бюллетень кандидатуру. Дважды дело доходило до выдвижения кандидатуры Р.И. Косолапова на ученый совет, и дважды следовало телефонное распоряжение: снять кандидатуру с рассмотрения. ЦК КПСС, а конкретно А.Н. Яковлев, не давал санкции на назначение Р.И. Косолапова на пост декана. А.Н. Яковлев раскритиковал положение дел на факультете, выступая в ноябре 1987 г. с докладом на коллегии Минвуза СССР по вопросу о научно-исследовательской работе по общественным наукам в МГУ. Он риторически спрашивал: «На каких конкретных направлениях ждать нам от обществоведов МГУ практического отклика на перестройку, вклада в научное обеспечение и выполнение ее задач?». И отвечал сам себе: «Складывается впечатление, что значительное число и работников, и организаций занято пока что одним — оправданием, удержанием прежних позиций. Общественные науки, которые, казалось бы, призваны быть на самом острие прогресса, подчас оказываются одним из форпостов консерватизма, хранителей догматизма»².

Сторонники перестройки в окружении М.С. Горбачева не могли допустить избрания на ключевой пост декана ведущего идеологического факультета своего принципиального противника Р.И. Косолапова. На третий раз, как вспоминает А.Д. Косичев, руководству университета и факультета было прямо сказано: «Больше к нам с этой кандидатурой не обращайтесь». Пробыв в должности и.о. декана ровно год и сознавая нежелание видеть его деканом, Р.И. Косолапов подал заявление об отставке. Он перешел на должность профессора кафедры исторического материализма (ныне кафедра социальной философии), где работает и по сей день, в последние годы — в должности главного научного сотрудника.

В привычных для себя органах научной печати Р.И. Косолапов как «опальный профессор» публиковаться в тот период больше не мог. «В эпоху гласности меня просто запретили печатать», — говорил он³. Он печатался

¹ Косолапов Р.И. На путях перестройки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 5.

² Вестн. высшей школы. 1988. № 2. С. 4–5.

³ Косолапов Р.И. Андроповский проект перестройки? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 57.

теперь почти исключительно только в журнале «Экономические науки». Вокруг редакции этого журнала объединились тогда экономисты-антитоварники. В 1990 г. на основе опубликованных в журнале статей был составлен сборник «Новые “кумиры” и “старые” авторитеты».

Активно Р.И. Косолапов использовал и страницы журнала «Вестник Московского университета». Он принимал участие в дискуссиях по острым проблемам выбора путей развития страны, которые проводились тогда на факультете и печатались в «Вестнике». В частности, с присущим ему изяществом и блеском он высмеял знаменитую попытку А.С. Ципко на страницах журнала «Наука и жизнь» развенчать марксизм. Он сказал, что «противоречия», обнаруженные критиком в марксизме, существуют в сознании самого критика, который не потрудился разобраться в первоисточниках. Весьма остроумным было замечание Р.И. Косолапова насчет календарно-политической «ошибки» А.С. Ципко: печатая в нескольких номерах журнала «Наука и жизнь» свою статью, тот рассуждал о «термидоре», а потом вдогонку в письме в редакцию просил «термидор везде читать как брюмер». «Согрешил на факте — грош цена и твоей теории», — сказал по этому поводу Р.И. Косолапов. Он обратил внимание и на причудливые превращения совести оппонента. Известно, что А.С. Ципко в свое время выпустил не одну книгу о «торжестве великих идей социализма» и получил за это высокие научные регалии. Теперь он признается, что «все понял» еще студентом, прочитав тайком «Вехи». «Надо же, — поражался в своем выступлении Р.И. Косолапов. — Двадцать пять лет назад человек внутренне порвал с марксизмом и все эти годы строчил и издавал марксистские статьи и книжки, брал за них деньги и повышался по служебной лестнице!»¹. Вывод отсюда он делал простой: не каждый оппонент заслуживает, чтоб его воспринимали всерьез.

Р.И. Косолапов печатал в журнале воспоминания и документы из недавнего прошлого. В частности под названием «Андроповский проект перестройки?» им была опубликована произнесенная часть выступления Ю.В. Андропова на Июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, к подготовке которого имел отношение Р.И. Косолапов. В другой статье Р.И. Косолапов делился своими воспоминаниями о встрече и разговоре с Ю.В. Андроповым.

В ряде статей 1989—1990-гг. Р.И. Косолапов выдвинул некоторые оригинальные идеи, касавшиеся исторического развития страны в советский период. По аналогии с марксовым пониманием азиатского способа производства как эпохи перехода от общинного строя к классовому обществу он высказал гипотезу о «советском способе производства» как переходной эпохе от экс-

¹ Косолапов Р.И. Выступление на «круглом столе» на тему «Марксизм: проблемы, противоречия, перспективы» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 5. С. 62.

плуататорского строя к коммунизму. Такое понимание красиво вписывалось в формационную «трехчленку» в качестве двух переходных периодов: от первичной формации ко вторичной, классовой, а затем от нее — к третичной, бесклассовой.

В другом своем выступлении на факультетской дискуссии, напечатанном на страницах «Вестника», Р.И. Косолапов предпринял попытку обосновать правомерность коммунистической многопартийности в социалистическом обществе. Подобная попытка была для него вполне естественной, поскольку в это время сам он стал активно участвовать в неформальных объединениях коммунистов. «Перестройка побуждает нас мыслить раскованно, — говорил Р.И. Косолапов. — В том случае, когда у одной партии, стоящей у власти, не все получается, дело может спасти другая, занимающая критическую позицию, взыскательно анализирующая положение в стране. При чередовании или же комбинировании в правительственных органах, они сумеют обеспечить оптимальную политическую систему»¹. Надо заметить, что здесь, скорее, теория шла за потребностями практики. Как до, так и после перестройки Р.И. Косолапов высказывал совершенно иную точку зрения. В начале 1980-х гг. он писал о том, что «возрастание руководящей роли КПСС — объективная закономерность развитого социалистического общества». В наше время Р.И. Косолапов подчеркивает, что социализм не может существовать и развиваться без Коммунистической партии, «которая во все вникает и всем руководит, в том числе и делами государства»². В качестве первоочередной задачи он называет «слияние всех коммунистических партий страны в единую политическую организацию авангардного типа»³.

Неоднократно Р.И. Косолапов возвращался к непростой судьбе научно-технического прогресса в нашей стране, справедливо усматривая в невнимании к проблеме НТП причины глобального кризиса нашего общества и отставания в его развитии. В этой связи он оценивал общественно-политические события 1950-х — 1970-х гг.: «Сентябрьский (1953 г.) и Июльский (1955 г.) Пленумы ЦК КПСС, обсудившие проблемы развития сельского хозяйства и ускорения научно-технического прогресса, XX партсъезд (1956 г.), развенчавший культ Сталина, казалось бы, своевременно создали для необходимого поворота благоприятные политические предпосылки. Но практика резко разошлась с выдвинутыми на этих форумах конструктивными идеями. Сказались недо-

¹ Косолапов Р.И. Выступление на «круглом столе» на тему: «Плюрализм в социалистическом обществе: пути утверждения в условиях перестройки» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 4. С. 60.

² Косолапов Р.И., Хлебников И.Б. Коммунисты против «конца истории» // Изм... 1999. № 2. С. 88.

³ Там же. С. 99.

статочная зрелость субъективного фактора, скованность теоретической мысли партии сталинскими формулами, разногласия в ее руководящем эшелоне»¹.

В своих заметках и интервью Р.И. Косолапов полемизировал со своими политическими и научными оппонентами. Весьма характерным в этом смысле был обмен ударами между Д.И. Дубровским и Р.И. Косолаповым. Статья Д.И. Дубровского была реакцией на одну из статей Р.И. Косолапова, напечатанную в «Вестнике». В той статье автор констатировал, что «в нашем общем философском доме накопилось немало лишнего и по временам трудно дышать», и риторически спрашивал: «Должен же быть кто-то за это ответственным? Почему, публикуя известных авторов, газеты и журналы не потребуют от них хотя бы лаконичной самокритики? Можно ли, допуская такое умолчание, позволять манипулировать формулами XXVII съезда, мало что меняя в доапрельской практике?»². Д.И. Дубровский написал в ответ, что у автора статьи «нет ни слова самокритики. Автор начисто забыл, что являлся одним из главных трубадуров “развитого социализма”, и ныне выступает эдаким отважным борцом за перестройку. Из контекста следует, что он всегда был за нее. Виноваты другие. Он знает их и готов разоблачать... Обратите внимание: у автора нет и тени сомнения в себе, в своей правоте и призвании наставлять других на путь истины и добра. Эта твердая уверенность в себе питается тем, что автор говорит как бы не от себя лично, а от имени некоего надличностного субъекта (не вполне, кстати, определенного: это и партия, и народ, и те, кто олицетворяет подлинный марксизм, и передовые силы человечества и т.п.); но подобный абстрактный и не вполне определенный надличностный субъект всегда полагается носителем бесспорной истины и высшего блага. Естественно, что говорящий от имени такого субъекта бодр и самоуверен, его устами глаголет истина»³. Р.И. Косолапов отвечал Д.И. Дубровскому следующим образом: «Д.И. Дубровский намерен сразить меня красноречием, но не тут-то было. Во-первых, с его рассуждением я не спорю, во-вторых, прошу поточнее определить цель. В архиве ЦК КПСС лежит не одна записка П.Н. Федосеева и не одна анонимка, клеймившие меня в 1970-е — 1980-е гг. за дерзость и непослушание в науке. Почему бы Давиду Израилевичу, который так любит называть имена, не обратить в эту сторону свой праведный взор? Нехорошо ведь недотравленного в годы застоя травить еще и в годы перестройки»⁴.

¹ Косолапов Р.И. Откровенные заметки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 1. С. 84.

² Косолапов Р.И. Предисловие к работе Ф.И. Хасхачиха «Истина» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 44.

³ Дубровский Д.И. ... Слово об истине в философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 6. С. 66.

⁴ Косолапов Р.И. Этьен, еще Этьен... // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 6. С. 70.

Видя бесперспективность работы чрез горбачевские официальные структуры КПСС, Р.И. Косолапов вместе с единомышленниками начал создавать неформальные объединения, выступавшие против перехода страны к капитализму. В 1987 г. вместе с А.А. Сергеевым, М.В. Поповым и др. Р.И. Косолапов основал Ассоциацию научного коммунизма. В МГУ Р.И. Косолапов принял участие в создании Московского клуба коммунистов-ленинцев и Клуба коммунистов-ленинцев МГУ. В мае 1989 г. он был одним из инициаторов создания Объединенного фронта трудящихся СССР — организации, занявшей радикально антирыночную позицию. В июле 1989 г. на базе Ассоциации научного коммунизма был проведен учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся СССР (ОФТ СССР). В сентябре 1989 г. был создан ОФТ РСФСР. ОФТ РСФСР была массовой организацией, четко обозначившей свою коммунистическую позицию. На II съезде ОФТ РСФСР (январь 1990 г.) ряд членов Фронта принял участие в создании движения за образование Российской компартии.

Р.И. Косолапов был одним из основателей и лидеров этого движения как альтернативы горбачевскому курсу. В 1990 г. прошло три этапа Инициативного съезда коммунистов России — в апреле, июне и октябре. Важнейшей идеей, выдвинутой движением в тот период, был призыв вернуться к ленинской практике формирования Советов, к альтернативным многоступенчатым выборам и по производственным, и по территориальным избирательным округам. В январе 1991 г. совместный пленум Оргбюро и Центральной контрольной комиссии Инициативного съезда коммунистов России сформировал Рабочую группу по подготовке проекта IV Программы КПСС. На прошедшем в апреле и в июне 1991 г. (в два этапа) II Инициативном съезде (уже после образования КП РСФСР) движение за создание Российской компартии трансформировалось в Движение коммунистической инициативы (ДКИ). Была принята резолюция о «политическом недоверии антинародному курсу, проводимому антикоммунистической фракцией Горбачева» и принято решение требовать отставки М.С. Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС.

Внутри ДКИ началась борьба за идеологическое лидерство между так называемым «ленинградским» крылом, позицию которого выражал М.В. Попов, и «московским», во главе с Р.И. Косолаповым. Различия в этих течениях проявлялись в конкретных вопросах отношения к платформам в партии, процентному содержанию в ней рабочих, оценки идеи «развитого социализма», ближайшим и отдаленным задачам партии. Первое течение не допускало существование платформ в партии, приравнивая их к фракциям, второе выступало за платформы. Если же говорить по существу, то разница между двумя группами теоретиков была хорошо известной в научной жизни разницей между преподавателями, которые знают наизусть свой учебный курс и воспринимают

отступления от его положений как ересь, и исследователями, которые мыслят новаторски и гибко. Печатным органом того направления, которое представлял Р.И. Косолапов в ДКИ, была газета «Воля»¹. Появились два проекта программных документов, подготовленные двумя рабочими группами. Во время второго этапа II съезда ДКИ (июнь 1991 г., Москва, в помещении ВПШ) был одобрен проект Программы КПСС, подготовленный Рабочей группой под руководством Р.И. Косолапова. После запрещения КПСС российские участники ДКИ в августе—сентябре 1991 создали Оргкомитет учредительного съезда Российской коммунистической рабочей партии (РКРП).

В сентябре 1991 г. Р.И. Косолапов организовал на философском факультете встречу преподавателей, аспирантов и студентов МГУ — сторонников социализма. На встрече был учрежден «Клуб имени Герцена». Впоследствии на основе Московского клуба коммунистов-ленинцев была создана Федерация коммунистов учебных, научных и творческих организаций, которую Р.И. Косолапов возглавляет по сей день.

В 1993 г. вместе с И.Б. Хлебниковым Р.И. Косолапов создал Рабочий университет, в котором сам он и его коллеги читают лекции по истории, политэкономии и социальной философии. Рабочий университет (ректор С.А. Ложкин) имеет свой сайт в Интернете, занимается издательской деятельностью.

В первой половине 1990-х гг. Р.И. Косолапов читал студентам философского факультета МГУ спецкурс «Логика исторического процесса». На лекциях он излагал свои идеи об экономических основах освобождения труда и делился воспоминаниями из своей долгой жизни в политике и науке, критически оценивал происходившие в стране события. Лекции Р.И. Косолапова посещали ребята из небольшой полулегальной комсомольской организации МГУ. Лекционная манера Р.И. Косолапова своеобразна. Он читает лекции спокойно, неторопливо, как бы взвешивая каждое высказываемое им соображение. Речь его богата образами, которые позволяют лучше донести до слушателей мысль лектора. В сказанном им нет ничего непродуманного или случайного, мысль сразу отливается в литературную форму. Лектор умеет незаметно создавать в аудитории обстановку доверительности, что, конечно, повышает степень восприятия высказанных им идей.

Поскольку КПСС находилась под запретом, коммунисты МГУ в феврале 1992 г. организовали Объединение левых патриотических сил МГУ (ОЛПС). Р.И. Косолапов был избран в состав координационного совета ОЛПС, выполнявшего в течение года функции парткома МГУ.

В ноябре 1991 г. на съезде в Екатеринбурге на основе ДКИ была создана Российская коммунистическая рабочая партия, в ЦК которой был избран

¹ Публикации Р.И. Косолапова в «Воле» приведены в списке трудов не полностью из-за отсутствия в библиотеках ряда номеров газеты.

Р.И. Косолапов. Съезд принял Программное заявление в духе проекта Программы, подготовленного под руководством Р.И. Косолапова. В Программном заявлении, принятом учредительным съездом РКРП целями РКРП были названы: «Сохранение и укрепление единого государства — СССР, сохранение и развитие созданного трудом людей единого народнохозяйственного комплекса, обеспечение Советским государством социально-экономического развития страны, бесплатного образования, медицинского обслуживания, легко доступного для всех жилья». Данные цели, говорилось в документе, могут быть обеспечены «не парламентами буржуазного типа, а Советами трудящихся, полновластными и в политике, и в экономике». В декабре 1991 г. Р.И. Косолапов вошел в Координационный совет движения «Трудовая Россия».

В марте 1992 г. РКРП подписала соглашение о создании «объединенной оппозиции». В октябре 1992 г. на основе «объединенной оппозиции» был создан Фронт национального спасения. В него наряду с коммунистическими вошли и национально-патриотические организации. Р.И. Косолапов был избран в Политсовет ФНС (состоял в нем до 1994 г.). Летом и осенью 1992 г. в РКРП усилилось «ленинградское» крыло. Июльский и сентябрьский пленумы ЦК РКРП одобрили «ленинградский» проект Программы (М.В. Попова), а не принятый в июне 1991 г. «московский» (Р.И. Косолапова). Во время обсуждения проектов Московская организация обвинила оппонентов в недооценке социальных последствий научно-технической революции, а Петербургская организация критиковала москвичей за то, что в их проекте использовано «буржуазное понятие — права человека». Руководство РКРП выступило также против стремления Р.И. Косолапова включить РКРП и «Трудовую Россию» в патриотический Фронт национального спасения (М. Астафьев, Г. Саенко, Г. Зюганов, И. Константинов, В. Исаков и др.). На втором этапе учредительного съезда РКРП, прошедшем в декабре 1992 г. в Челябинске, из ЦК РКРП были выведены те, кто вошел в руководящие органы ФНС, в том числе и Р.И. Косолапов. Была принята Программа партии, в основу которой был положен более «левый» проект «ленинградской группы» Попова-Золотова. На съезде сторонники Р.И. Косолапова образовали «Ленинскую платформу РКРП (За объединение коммунистов)».

В августе 1992 г. представители ряда коммунистических организаций приняли решение о создании Российского координационно-консультативного совета (Роскомсовета). Роскомсовет проводил подготовку к воссозданию КП РСФСР — КПРФ. Инициативный (организационный) комитет по созыву II съезда Компартии России был образован Роскомсоветом осенью 1992 г. В него вошел и Р.И. Косолапов (от РКРП). После снятия Конституционным Судом запрета на деятельность первичных организаций КП РСФСР созда-

лась принципиально новая ситуация. В феврале 1993 г. Р.И. Косолапов принял участие в совещании представителей коммунистических партий и организаций в г. Железнодорожный Московской области, имевшем важное значение в плане размежевания в среде коммунистов. На совещании он активно полемизировал с В.И. Анпиловым. Р.И. Косолапов вместе со своими сторонниками по «Ленинской платформе» перешел из РКРП в формирующуюся КПРФ. В том же месяце Р.И. Косолапов принял участие во II Восстановительном съезде КПРФ, на котором выступил с речью «Господа горбачевцы, уйдите отсюда». На съезде Р.И. Косолапов был избран в ЦИК КПРФ. В условиях дискуссии по программным вопросам сторонники «Ленинской платформы» оказались в КПРФ в меньшинстве. Своей целью они считали «большевизацию» КПРФ. Поскольку фракции и платформы не предусматривались Уставом КПРФ, «Ленинская платформа» осенью 1993 г. получила название «Ленинской позиции в КПРФ». В апреле 1993 г. «Ленинская платформа» вошла на самостоятельную основу в Союз коммунистических партий (СКП—КПСС).

В августе 1993 г. представители «Ленинской платформы», РКРП, ВКПБ, РПК и Союза коммунистов приняли решение о восстановлении Роскомсовета, приостановившего свою деятельность после воссоздания КПРФ. На состоявшемся в декабре 1993 г. втором Совещании руководящих органов российских компартий, в котором участвовали представители ВКПБ, РКРП, СК, РПК и «Ленинской позиции в КПРФ» (без участия КПРФ) было признано существование Союза российских коммунистических партий. Окончательное конституирование Роскомсоюза (РКС) — неформального объединения коммунистических организаций России, противопоставляющих себя КПРФ, произошло на организованной Роскомсоветом Всероссийской межпартийной конференции коммунистов в июле 1994 г. В Роскомсоюз вошли ВКПБ, РКРП, РПК, Союз коммунистов и «Ленинская позиция в КПРФ» (Р.И. Косолапова). В организационном плане Роскомсоюз представлял собой мягкую коалицию (блок) партий и объединений коммунистов, сохраняющих статус самостоятельности (собственные программы и уставы) при наличии общего координирующего органа — Роскомсовета.

На прошедшей в июле 1994 г. Всероссийской (межпартийной) конференции коммунистов «Ленинская позиция» предложила в качестве рабочего проекта «Декларацию» Роскомсоюза. В 1994 г. «Ленинская позиция в КПРФ» была преобразована в «Ленинскую позицию в коммунистическом движении» и вышла из состава Роскомсоюза. Р.И. Косолапов участвовал в разработке новой Программы КПРФ (принята III съездом в январе 1995 г.), добившись, в частности, исключения из нее пунктов о «многоукладной модели социализма», а также включения положения об «авангардной роли рабочего класса». На съезде Р.И. Косолапов был избран в ЦК КПРФ (состоял в нем до 1997 г.).

Опорой «Ленинской позиции» были Федерация коммунистов учебных, научных и творческих организаций и Общество «Российские ученые социалистической ориентации». Р.И. Косолапов избирался сопредседателем Центрального совета Общества РУСО. Руководящим органом ЛПКД являлась Рабочая группа во главе с Р.И. Косолаповым. Он неоднократно призывал российские компартии вступить в КПРФ, усилив тем самым ее левое крыло. В 1998 г. Р.И. Косолапов стал одним из организаторов «Ленинско-Сталинской платформы в КПРФ». После ее роспуска Центральным комитетом КПРФ Р.И. Косолапов вышел из КПРФ.

В 1990-е — 2000-е гг. Р.И. Косолапов выпустил книги «Полет совы» (1994), «Идеи разума и сердца» (1996), «Истина из России» (2004), в которых в свете теории общественно-экономических формаций и исторических эпох стремится определить место современного российского общества в историческом процессе, исследует причины его общего кризиса и пути выхода из него. В этих работах Р.И. Косолапов соединяет идеи В.И. Вернадского о ноосфере с учением о коммунизме. Он считает жизненно важным для будущего внедрение природовосстановительных технологий, перевод производства на солнечную энергетическую базу с тем, чтобы достичь безвозмездного удовлетворения основных витальных потребностей всех членов общества.

Совместно с И.Б. Хлебниковым Р.И. Косолапов опубликовал работы «Обращение к разуму. Человеческий манифест» (1993) и «Коммунисты против “конца истории”» (1999). Общий настрой этих работ продиктован противостоянием массовой культуре с ее нигилистическим отношением к разуму. Авторы обыгрывают разработанное в немецкой классической философии и классическом марксизме различие рассудка и разума. Отталкиваясь от известной фразы Фукуямы о «конце истории», авторы вспоминают положение Маркса о «конце предыстории» и подчеркивают, что цель коммунистов — помочь прорыву в сферу всеобщего труда и социального творчества. Проводится анализ экономических предпосылок коммунизма, связанный с автоматизацией труда. Следствием автоматизации становится преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, высвобождение человека от механической, репродуктивной деятельности. Управление людьми сменяется управлением техникой, а эксплуатация человека, взятого в качестве силы творческой, утрачивает экономический смысл. Резервы сохранения империализма авторы видят в неокOLONIALИСТСКОЙ глобализации. Обосновывается тезис о несовместимости социализма и рыночной экономики.

В этих работах Р.И. Косолапов излагает также свои геополитические идеи о России как особой евразийской цивилизации, которая может и должна занимать лидирующие позиции в мировой политике. Русский народ по своим

прирожденным качествам выступает как национальная массовая сила социализма, считает Р.И. Косолапов.

В 1995 г. наступил новый этап в жизни и деятельности Р.И. Косолапова. Р.И. Косолапов занялся популяризацией фигуры и текстов Сталина. Им была выпущена подборка извлечений из публикаций Сталина под названием «Слово товарищу Сталину». Книга переиздавалась еще дважды.

В 1996 г. в статье к сорокалетию XX съезда КПСС¹ Р.И. Косолапов написал о том, что «вирус меньшевизма (правого и левого) никогда не покидал КПСС и всякий раз оживлялся, когда в обществе в силу тех или иных причин активизировались капиталистические тенденции». По его словам, «Сталин, несмотря на потери командного состава Красной Армии в результате прискорбных репрессий 1930-х годов и поражений первого года войны, блестяще справился с формированием офицерского корпуса». В репрессиях автор видит «сложное проявление классовой борьбы, ее не понятых Сталиным новых форм, в частности, проникновения в правоохранительные органы чужеродных элементов, которые как раз к тому и стремились, чтобы дискредитировать и обескровить Советскую власть».

В 1997 г. Р.И. Косолапов посчитал своим долгом завершить издание «Сочинений» Сталина, которое было прервано на 13-м томе. Он составил и издал 14-й, 15-й, и 16-й тома «Сочинений». Работа по сбору текстов Сталина показала, что многие из них не попали в издававшиеся при его жизни тома. Р.И. Косолапов организовал сбор рассыпанных по разным источникам текстов Сталина и выпустил на этой основе дополнительно 17-й и 18-й тома «Сочинений». Проведенная работа обнаружила необходимость второго, дополненного издания 14-го, 15-го и 16-го томов, которое ныне завершается.

Наряду с этим Р.И. Косолапов имел отношение к публикации в периодической печати ряда текстов о Сталине, которые затем в качестве приложения включил в публикуемые тома «Сочинений». Речь идет о воспоминаниях В.Д. Мочалова и Р.П. Конюшей о подготовке к печати первых томов «Сочинений» Сталина и «извлечениях из дневников А.М. Коллонтай» о беседе со Сталиным. В литературе высказываются сомнения в подлинности последнего текста², поскольку он был опубликован с примечанием «извлечения из дневников А.М. Коллонтай, хранящихся в Архиве МИДа РФ, произведены историком М.И. Трушем» без положенных ссылок на архивные источники, например, на Архив внешней политики России.

В 1998 г. в интервью газете «Щит и меч» Р.И. Косолапов рассказал о мотивах, которыми он руководствовался при издании томов «Сочинений» Ста-

¹См.: Косолапов Р.И. «Оттепель» дала распутицу // Правда России. 1996. 15 февраля.

²Как и в отношении широко цитируемого текста, приписываемого А. Даллесу.

лина: «Перед “демократами” “провинились” все те, кто собирал и наращивал русские земли, кто сплачивал союз российских народов... Только этот человек, которого в течение жизни целого поколения лишали слова, может толково поведать нашим современникам, **как надо управлять Россией**»¹. Отвечая на вопрос о причинах смерти Сталина, Р.И. Косолапов заметил, что «за ним не было (а почему, еще надо изучить) постоянного медицинского наблюдения»².

В 2001 г. Р.И. Косолапов выступил с докладом на XXXII съезде Союза коммунистических партий — КПСС и предложил отменить постановление XX съезда КПСС (1956 г.) «О культе личности и его последствиях» и постановление XXII съезда КПСС (1961 г.) об удалении тела Сталина из Мавзолея³. О сталинском времени докладчик говорил как о «наиболее продуктивном тридцатилетии нашего послеоктябрьского развития». Он назвал Сталина «прямым морально-политическим преемником Ленина, нашим вождем». Докладчик полемизировал с иными оценками Сталина в среде коммунистов, в частности с положениями статьи Б.Ф. Славина «Социализм или сталинизм?»⁴. Б.Ф. Славин писал, что данная альтернатива и выбор по ней являются существенными для каждого сознательного сторонника научного социализма: «повторим еще раз, сталинизм — это то, что противоположно и противопоставлено реальному социализму. Нельзя отождествлять деформацию социализма с самим социализмом. Деформация общественного организма подобна раковой опухоли: она имеет иную природу и может убить организм»⁴. Р.И. Косолапов заявил, что «выдуманная Славиним» альтернатива — «фальшивая, буржуазно-интеллигентская» на фоне «противостояния социализма и капитализма»⁵.

Постановка вопроса о переоценке деятельности Сталина требовала дать объяснение репрессиям. Говоря о причинах репрессий, Р.И. Косолапов воз-

¹Интервью составителя газете «Щит и меч» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 638, 639.

²Интервью составителя газете «Щит и меч» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 645.

³Следует пояснить, что партия СКП-КПСС — одна из действовавших в России компартий, была создана на съезде, прошедшем в марте 1993 г. в ДК в районе метро «Бабушкинская». Делегаты постановили считать свой съезд не I, а XXIX в знак преемства с КПСС. В дальнейшем несколько лет СКП-КПСС существовала как конфедеративная структура, в которую входил ряд компартий, включая КПРФ. После выхода из СКП-КПСС нескольких компартий (КПРФ, Союза коммунистов, Большевицской платформы и др.) вернула себе название КПСС. Издаёт газету «Гласность».

⁴Славин Б.Ф. Социализм или сталинизм? // Альтернативы. 2001. № 2. С. 147. В 2011 г. вышла книга Б.Ф. Славина на ту же тему: «Ленин против Сталина: последний бой революционера».

⁵Косолапов Р.И. Уверенно торить тропу в будущее // Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 652.

ложил ответственность за них на их исполнителей, которые должны были обеспечивать спущенные им количественные нормативы по выявлению «врагов народа», и на жертв репрессий, назвав выбитые у них палачами показания на друзей и коллег «доносами». «Ликвидацию военно-троцкистского заговора» в РККА он расценил как «положительный результат кадровых перемен». Докладчик повторил свой высказанный ранее спорный тезис о «проникновении» в правоохранительные структуры антисоветских элементов «как новой форме классовой борьбы», объединив при этом под названием «антисоветские» белогвардейцев и троцкистов, т.е. коммунистов, иначе говоря, людей, занимавших полярные политические позиции. На «Судебные отчеты» показательных процессов он ссылался как на исторический источник. В докладе Р.И. Косолапова отрицался факт отказа Сталина от принципов интернационализма. Созданную Сталиным систему Р.И. Косолапов назвал «устойчивым трудовым товарищеским сообществом»¹, в котором могла свободно проявляться творческая инициатива людей.

В 2006 г. в предисловии к 18-му тому «Сочинений» Сталина Р.И. Косолапов высказался по поводу того канона славословий в адрес Сталина, который стал обязательным для любого публичного и печатного выступления, начиная с 1929 г. «Бытует мнение, что Сталин сам создавал собственный культ личности... Но нет ничего более далекого от действительности», — утверждал Р.И. Косолапов, сославшись на то, что «в этом был заинтересован многомиллионный коллектив советских людей»².

Соответствующее постановление «об отмене решений XX и XXII съездов КПСС» по докладу Р.И. Косолапова было принято. Подобное решение СКП-КПСС было своего рода политическим жестом, который, однако, не мог носить обязывающего характера даже в рамках российского коммунистического движения³.

Деятельность Р.И. Косолапова по освещению фигуры Сталина вызвала дискуссию в печати. Бывший коллега Р.И. Косолапова по работе в ЦК КПСС Л.А. Оников обратился к нему в «Независимой газете» с открытым письмом. По поводу публикации Р.И. Косолаповым сталинских текстов Л.А. Оников писал, что Сталин абсолютно цинично относился к своим высказываниям и менял позиции в зависимости от сиюминутных выгод борьбы за собственную власть. Со своей стороны оппонент доказывал два тезиса: 1) Сталин — под-

¹ Там же. С. 663.

² Косолапов Р.И. Предисловие // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. XXXVI, XXXVII.

³ Надо заметить, что даже XXIX съезд, на котором был основан СКП-КПСС, был вторым XXIX съездом — первый «XXIX съезд» был проведен в 1992 г. оргкомитетом во главе с С.Б. Скворцовым, но этот съезд не признала ни одна из российских компартий.

лая, абсолютно аморальная личность; 2) Сталин — ликвидатор Коммунистической партии, диктатуры пролетариата, большевиков и марксизма в СССР. В доказательство второго тезиса Л.А. Оников писал, что Коммунистическая партия в нашей стране прекратила существование не после запрета 1991 г. — ее ликвидировал Сталин, уничтоживший большевиков и большевизм. Сталин обвинял уничтожаемых им большевиков в тех преступлениях, которые совершал сам (возврат страны к дореволюционным порядкам, сговор с Гитлером и др.). Вследствие прекращения свободы дискуссий вообще нельзя говорить о существовании в СССР марксистской теории в сталинский период. При Сталине «у нас не было и быть не могло социализма, — завершал свое открытое письмо Л.А. Оников. — Самое страшное историческое преступление Сталина состоит в том, что он на многие десятилетия отбросил социализм. Сталин нанес больший урон социализму, чем все его открытые и скрытые противники вместе взятые»¹. Ответ Р.И. Косолапова был ироничным по своей тональности: получается, что не Горбачев, а Сталин развалил Советский Союз? Р.И. Косолапов не согласился с отрицанием социалистического характера советского общества и отсутствием развития марксистского учения при Сталине. «Получается, что ты и я, — писал он, обращаясь к Л.А. Оникову, — вступали в уже не существующую партию, что я с 16 лет исповедовал несуществующее учение, что мы с тобой не жили при народной власти и неизвестно, существовали ли вообще». Тезисы Л.А. Оникова были для Р.И. Косолапова неприемлемы как троцкистские: «В твоих писаниях, — продолжал Р.И. Косолапов, — угадывается что-то очень знакомое. Задолго до тебя Лев Троцкий пытался приписать Сталину авторство в бюрократической контрреволюции, “термидор” и т.д.»². В своем ответе Л.А. Оников сожалел, что Р.И. Косолапов не понял, почему он, Оников, так категорично выступает против Сталина — убийцы большевиков и большевизма: «Как коммунист я против Сталина потому, что он опорочил идею коммунизма, отбросил социализм на многие десятилетия назад»³.

Р.И. Косолапов сегодня — старейший сотрудник кафедры социальной философии философского факультета МГУ, работающий на ней (с перерывом) со времени ее основания. В 2011 г. Р.И. Косолапов выступал с речью на юбилейном торжественном заседании кафедры.

Р.И. Косолапов — яркий публицист, блестящий стилист, прекрасно владеющий русским словом. Его тексты отличает интеллектуальная насыщен-

¹ Оников Л.А. Будьте осторожны — второе пришествие Сталина // Независимая газета. 1995. 26 декабря.

² Косолапов Р.И. Оставь, старина, старые грабли! // Независимая газета. 1996. 20 января.

³ Оников Л.А. Где же факты? // Независимая газета. 1996. 27 января.

ность, художественная образность, свободное владение богатствами русской и мировой литературы.

Р.И. Косолапов награжден орденами Ленина (1984), Октябрьской Революции (1980), Трудового Красного Знамени (1971), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «В память 850-летия Москвы» (1997).

Сочинения

Валерий Швец «вырабатывает» характер // Московский университет. 1954. 26 декабря. Соавтор: В. Бараев.

В.И. Ленин о единстве партии // Брянский комсомолец. 1957. 9 августа.

Выше уровень политического просвещения молодежи // Брянский комсомолец. 1957. 18 августа.

Поговорим о лекционной пропаганде // Брянский комсомолец. 1958 21 февраля.

От Манифеста к Манифесту // Брянский комсомолец. 1958. 13 марта.

«Ваше представление о счастье? — Борьба» // Брянский комсомолец. 1958. 4 мая.

Проблема преодоления существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом // Армавирская коммуна. 1959. 3 апреля.

Марксизм-ленинизм об отмирании государства // Армавирская коммуна. 1959. 30 июня.

К вопросу о диалектике товара при социализме. М., 1961. 48 с.

Коммунизм и освобождение человека в сфере труда: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1962. 191 с.

Коммунизм и освобождение человека в сфере труда: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1962. 15 с.

О единстве диалектики, теории познания и логики // Сборник работ аспирантов и студентов философского факультета МГУ. М., 1962. С. 3—20.

Коммунизм и труд // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 2. С. 40—53. Соавтор: Г.С. Батищев.

Интервью делегата // Московский университет. 1962. 25 мая.

Свобода и ее зависимость от характера общественного труда // Актуальные проблемы исторического материализма. М., 1963. С. 5—40.

Труд и свобода в период развернутого строительства коммунизма // Философские науки. 1963. № 2. С. 31—36.

Путь человечества к свободе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1963. № 6. С. 61—71.

Диалектическая природа общенародного государства // От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству. М., 1964. С. 95—101. Соавтор: С.Н. Нелин.

Коммунизм и свобода. М., 1965. 138 с.

Коммунизм и свобода личности // Молодой коммунист. 1966. № 1. С. 64—71.

Свобода и ответственность // Молодой коммунист. 1966. № 11. С. 51—55.

Социализм — самое высокоорганизованное общество // Агитатор. 1966. № 19. С. 12—16.

Коммунистический труд: природа и стимулы. М., 1968. 88 с.

Спекуляция антикоммунистов на принципе национального суверенитета // *Мировая социалистическая система и антикоммунизм*. М., 1968. С. 81–115. Соавтор: В.Г. Шиятов.

Социалистический интернационализм и реакционная идея «полицентризма» // *Мировая социалистическая система и антикоммунизм*. М., 1968. С. 115–127.

Внешнеполитическая линия империализма и принципы взаимоотношений социалистических стран // *Мировая социалистическая система и антикоммунизм*. М., 1968. С. 127–150.

Заключение // *Мировая социалистическая система и антикоммунизм*. М., 1968. С. 302–310.

«Идеи Мао Цзэ-дуна» — отречение от марксизма-ленинизма // *Философские науки*. 1968. № 4. С. 29–41.

Свобода и ответственность. М., 1969. 96 с. Соавтор: В.С. Марков.

Партийная работа и конкретные социологические исследования // *Идеологическая работа партийных организаций*. М., 1969. С. 234–256. Соавтор: П.И. Симуш.

Куда ведет молодежь философия Маркузе // *Молодой коммунист*. 1969. № 1. С. 17–25. Соавтор: В.А. Печенев.

Пролетариат второй половины XX века и молодежь // *Молодой коммунист*. 1969. № 11. С. 2–15. Соавтор: В.А. Печенев.

Социализм и проблемы освобождения труда: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1970. 636 с.

Социализм и проблемы освобождения труда: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1970. 48 с.

«Идеи Мао Цзэ-дуна» — отречение от марксизма-ленинизма // *Оружие борьбы*. М., 1970. С. 93–118.

Интеллигенция в социалистическом обществе // *Вопросы теории и жизнь*. Вып. 2. М., 1970. С. 137–148. Соавтор: П.И. Симуш.

Ни тени утопии. М., 1971. 143 с.

Идейная борьба за молодое поколение. М., 1971. 64 с. Соавтор: В.А. Печенев.

На пути к бесклассовому обществу // *Вопр. философии*. 1971. № 5. С. 17–30.

XXIV съезд КПСС о социально-политическом развитии советского общества. М., 1972. 25 с.

У истоков маоизма // *Опасный курс*. Вып. 3. М., 1972. С. 5–24. Соавтор: Э.Я. Баталов.

У истоков маоизма // *Молодой коммунист*. 1972. № 1. С. 69–77. Соавтор: Э.Я. Баталов.

Прагматизм в философии — волюнтаризм в политике // *Молодой коммунист*. 1972. № 3. С. 57–63. Соавтор: Э.Я. Баталов.

«Тайна» маоистской «политэкономии» // *Молодой коммунист*. 1972. № 5. С. 72–79.

Социализм в теории и на практике // *Вопр. философии*. 1972. № 5. С. 16–31.

Проблемы анализа социальной структуры советского общества // *Проблемы мира и социализма*. 1973. № 5. С. 22–27.

Рабочий класс в социальной структуре советского общества // *Историческая миссия рабочего класса и идеологическая борьба*. М., 1974. С. 26–40.

Международные отношения и социальный прогресс // *Вопр. философии*. 1974. № 5. С. 3–18.

Методологические проблемы теории развитого социализма // Проблемы мира и социализма. 1974. № 9. С. 46–51.

Социализм: К вопросам теории. М., 1975. 474 с.

Социализм в теории и на практике // Социалистическое общество. М., 1975. С. 10–55. Соавторы: А.С. Айзикович, В.М. Межуев.

Социализм как общественная система // Социалистическое общество. М., 1975. С. 56–127. Соавторы: А.С. Айзикович, Н.И. Алексеев, В.Ж. Келле, В.М. Межуев, В.И. Толстых.

Проблемы международных отношений в современных условиях // Социализм и международные отношения. М., 1975. С. 5–38. Соавтор: А.П. Бутенко.

Быть или не быть личностью? // Октябрь. 1975. № 10. С. 104–126.

Актуальные вопросы развития рабочего класса // Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. М., 1976. С. 261–276.

Политический авангард советского общества // Вопросы теории и жизнь. Вып. 3. М., 1976. С. 12–22.

Голландия, май // Коммунист. 1976. № 10. С. 109–119. Соавторы: Г. Исаченко, Ю. Кошелев.

Совершенствование общественных отношений в условиях развитого социализма // Социально-экономические проблемы развитого социализма. М., 1977. С. 43–55.

Обобществление производства и социальные процессы // Вопросы теории и жизнь. Вып. 4. М., 1977. С. 211–220.

Два мира — два образа жизни // Коммунист Украины. 1977. № 7. С. 52–63.

Социализм как целостность: опыт шестидесятилетия и идеологические перспективы // Октябрь. 1977. № 11. С. 161–182.

Социалистический идеал: теория и реальность // Социальные и политические проблемы развитого социализма. Прага, 1978. С. 204–219.

Новь развитого социализма // Знамя. 1978. № 5. С. 161–169.

Социалистический идеал: теория и реальность // Проблемы мира и социализма. 1978. № 9. С. 58–64.

Только об одной звезде // Октябрь. 1978. № 11. С. 164–182.

Социализм: К вопросам теории. М., 1979. 598 с.

Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. Соавторы: И.Д. Лаптев, В.С. Марков, В.А. Печенев, В.И. Толстых, В.А. Январев.

Введение // С чего начинается личность. М., 1979. С. 3–9.

Быть или не быть личностью // С чего начинается личность. М., 1979. С. 11–53.

Пути повышения эффективности средств массовой информации и пропаганды в формировании активной жизненной позиции // Активная жизненная позиция борцов за коммунизм. М., 1979. С. 139–156.

Социализм и международные отношения современности // Общественные науки. 1979. № 5. С. 5–19.

Роль печати в формировании активной жизненной позиции // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 21–30.

Общественная природа международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 7. С. 61–80.

С чего начинать анализ социально-экономической зрелости нового строя // Политическое самообразование. 1979. № 8. С. 78–87; № 9. С. 61–68; 1980. № 1. С. 66–74. Соавторы: И.Д. Лаптев, В.С. Марков, В.А. Печенев, В.И. Толстых, В.А. Январев.

Оскорбление идеи // Коммунист. 1979. № 14. С. 102–118.

Ленинская жизненная позиция // Вопросы теории и жизнь. Вып. 5. М., 1980. С. 286–295.

Построение развитого социализма — торжество ленинских идей // Коммунист Белоруссии. 1980. № 3. С. 15–27.

Партия Ленина — партия научного коммунизма // Партийная жизнь. 1980. № 8. С. 25–33.

Ленинская жизненная позиция // Правда. 1980. 7 марта.

Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1981. 399 с. Соавторы: И.Д. Лаптев, В.С. Марков, В.А. Печенев, В.И. Толстых, В.А. Январев.

Ленинское учение о партии нового типа — крупнейший вклад в сокровищницу марксизма // Дело Ленина живет и побеждает. М., 1981. С. 93–111.

Возрастание руководящей роли КПСС — объективная закономерность развития социалистического общества // От съезда к съезду ленинским курсом. М., 1981. С. 41–57.

Публицистика и идейно-нравственное воспитание // Горизонты публицистики: опыт и проблемы. М., 1981. С. 6–25.

XXVI съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории // За высокое качество и действенность идеологической работы. М., 1981. С. 398–403.

Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1982. 399 с. Соавторы: И.Д. Лаптев, В.С. Марков, В.А. Печенев, В.И. Толстых, В.А. Январев.

Ведущая роль рабочего класса на этапе развитого социализма. М., 1982. 64 с. Соавторы: А.А. Гордон, Э.В. Клопов, В.С. Марков.

Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма // Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 5–23.

Рабочий класс и судьбы социализма // Октябрь. 1982. № 3. С. 147–163.

Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 8–21.

Вклад XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС в разработку теории и политической практики развитого социализма и перехода к коммунизму // Коммунист. 1982. № 5. С. 54–67.

Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма // Коммунист (Вильнюс). 1982. № 11. С. 25–37.

Во главе коммунистического строительства. М., 1983. 63 с.

О самом главном. М., 1983. 279 с.

Маркс современен всегда // Карл Маркс и современность. М., 1983. С. 126–173.

Социализм: органическая целостность социальной системы // Вопросы теории и жизнь. Вып. 6. М., 1983. С. 117–125.

XXVI съезд КПСС об актуальных вопросах развития советского общества // Проблемы научного коммунизма. Вып. 16. М., 1983. С. 52–79.

Историческая миссия рабочего класса // Проблемы научного коммунизма. Вып. 17. М., 1983. С. 3–16.

Маркс современен всегда // Коммунист. 1983. № 7. С. 19–24.

- Введение // С чего начинается личность. 2-е изд. М., 1984. С. 3—6.
- Ленинская жизненная позиция // С чего начинается личность. 2-е изд. М., 1984. С. 7—18.
- Быть или не быть личностью // С чего начинается личность. 2-е изд. М., 1984. С. 57—90.
- Только об одной звезде // С чего начинается личность. 2-е изд. М., 1984. С. 251—282.
- Диалектика нашей жизни // Октябрь. 1984. № 5. С. 167—175.
- Маркс современен всегда // Коммунист (Вильнюс). 1983. № 8. С. 7—31.
- Идеология восходящего класса // Коммунист. 1984. № 13. С. 46—57. Соавтор: Т.И. Ойзерман.
- «Силой разума и чувства...» // Литературная газета. 1984. 1 февраля.
- Социализм и противоречия // Правда. 1984. 20 июля.
- О самом главном. М., 1985. 368 с.
- Актуальные вопросы концепции развитого социализма // Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1985. С. 148—157.
- Живее всех живых // Ленин. Философия. Современность. М., 1985. С. 5—28.
- Социализм и противоречия // Ленин. Философия. Современность. М., 1985. С. 268—279.
- Заключение // Ленин. Философия. Современность. М., 1985. С. 426—446.
- Социализм и противоречия // Вопросы теории и жизнь. Вып. 7. М., 1985. С. 62—72.
- Актуальные вопросы концепции развитого социализма // Социологические исследования. 1985. № 2. С. 14—21.
- Об основах марксистско-ленинской теории рабочего класса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1987. № 1. С. 35—44.
- На путях перестройки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 3—7.
- «...Необходимо требуется марксизмом» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 5. С. 24—36.
- Великий Октябрь и некоторые императивы современности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1987. № 5. С. 14—25.
- Из истории старого спора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 6. С. 52—66.
- Редколлегия журнала «Вопр. философии» // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 142—146.
- Наука, демократия, нравственность // Московский университет. 1987. 7 ноября.
- Актуальные проблемы исторического материализма и научного коммунизма в свете идей Великого Октября // Великий Октябрь, его влияние на общественный прогресс и современность. М., 1988. С. 5—9.
- Философия и перестройка // Материализм воинствующий — значит диалектический. Усть-Каменогорск, 1988. С. 106—110.
- Предисловие к работе Ф.И. Хасхачиха «Истина» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 43—49.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Выступление на «круглом столе» на тему «Современный этап революционной борьбы: проблемы, трудности, решения» // Научный коммунизм. 1988. № 8. С. 58, 68, 72–73.

В.И. Ленин, 1922 год: политико-экономические идеи // Экономические науки. 1988. № 11. С. 78–88.

Переработано К. Марксом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1989. № 3. С. 13–25.

Выступление на «круглом столе» на тему: «Плюрализм в социалистическом обществе: пути утверждения в условиях перестройки» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 4. С. 57–62.

Все тот же вопрос: что делать? // Экономические науки. 1989. № 8. С. 69–79.

Последний рабочий год Ленина // Политическое самообразование. 1989. № 17. С. 38–47.

Выступление на «круглом столе» на тему «Социалистический плюрализм» // Московский университет. 1989. 30 мая.

Одиннадцать тезисов о партии // Московский университет. 1989. 18 декабря.

С кого брать пример, или что делать? // Новые «кумиры» и «старые» авторитеты. М., 1990. С. 218–257.

Приложение к статье С.Н. Мареева «Несколько слов об Ильенкове» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 1. С. 63–64.

Откровенные заметки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 1. С. 79–96.

«Советский способ производства»: гипотеза или реальность? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1990. № 1. С. 42–52.

Все равно люди вновь потянутся к светлому // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 2. С. 84–98.

Выступление на «круглом столе» на тему «Марксизм: проблемы, противоречия, перспективы» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 5. С. 55–63.

Этьен, еще Этьен... // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 6. С. 67–70.

Ленинизм: реквием не понадобится // Экономические науки. 1990. № 8. С. 49–57.

От анархии к социализму // Родина. 1990. № 11. С. 28.

«Противоречия учения Карла Маркса» А.С. Ципко // Экономические науки. 1991. № 3. С. 113–125. Соавтор: В.В. Соколов.

Андроповский проект перестройки? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 56–67.

Горбачев начинал красиво // Воля. 1991. № 1. Январь.

Клуб коммунистов-ленинцев МГУ // Воля. 1991. № 1. Январь.

Кавалер кабаньей ноги // Домострой. 1991. 5, 12, 26 февраля, 5, 19 марта.

Внимание! // Воля. № 3. Апрель.

Шаг к Программе // Воля. № 3. Апрель.

Андроповский проект перестройки // Воля. № 4. Октябрь.

Ленинизм: реквием не понадобится // Изм... 1992. № 1. С. 19–24.

Блаженны нищие духом // Воля. 1992. № 5. Январь.

Программное заявление // Воля. 1992. № 5. Январь.

Протест // Воля. 1992. № 5. Январь. Соавторы: Л. Власкина, В. Корякин, В. Лакеев, В. Подгузов, В. Шлейников, В. Якушев.

В Центральному контрольную комиссию Российской коммунистической рабочей партии // Воля. 1992. № 6. Май.

Заместителю председателя ЦК РКРП Журавлеву А.А. // Воля. 1992. № 6. Май.

Платон нам друг... // Воля. 1992. № 6. Май. Соавторы: В. Флоров, И. Хлебников.

Бедная русская идея // Правда. 1992. 15 августа.

Обращение к разуму: Человеческий манифест. М., 1993. 58 с. Соавтор: И.Б. Хлебников.

Не верьте «двоечникам» // Марксист. 1993. № 1. С. 7–12.

Под редакцией Маркса // Марксист. 1993. № 1. С. 42–49.

Бедная русская идея // Изм... 1993. № 1-2. С. 45–49.

Мемуары поневоле // Изм... 1993. № 3. С. 13–17.

Ленинская платформа // Воля. 1993. № 11. Февраль.

Вести, а не водить // Воля. 1993. № 11. Февраль.

С кем и зачем // Воля. 1993. № 11. Февраль.

Какое Программно заявление принял II съезд РКРП // Воля. 1993. № 12.

Апрель.

Полет Совы // Просвещение. 1995. № 1.

Говорил ли так Молотов // Марксист. 1994. № 2. С. 111–117.

Оковы коммунистического движения // Диалог. 1994. № 12. С. 41–47.

Оковы коммунистического движения // Правда. 1994. 25, 26, 27 октября.

Слово товарищу Сталину. М., 1995.

Да, Ленин... // Марксизм и современность. К., 1995. № 1.

Гримасы контрреволюции в России // Диалог. 1995. № 1. С. 72–78.

Об одной записке, которой не дали хода // Диалог. 1995. № 3. С. 84–85.

Первый российский «Коммунист» // Коммунист. 1995. № 3. С. 3–31.

Два письма наверх или Альтернатива // Диалог. 1995. № 5-6. С. 70–74.

Не пинайте дремлющего льва // Диалог. 1995. № 8. С. 39–43.

Идеи разума и сердца. М., 1996. 208 с.

Ленин — русские — евреи... М., 1996. 74 с.

Иудино семя. Лики смутного времени. М., 1996. 52 с.

К дебатам о русской идее // Изм... 1996. № 2. С. 69–74.

«Принципы коммунизма» Ф. Энгельса. Как он изложил бы их в 1995 году // Диалог. 1996. № 3. С. 48–63.

«Оттепель» дала распутицу // Диалог. 1996. № 4. С. 66–68.

Ленинизм и проблемы современной теории социализма // Диалог. 1996. № 8. С. 32–38.

К дебатам о русской идее // Диалог. 1996. № 9. С. 34–40.

Оставь, старина, старые грабли! // Независимая газета. 1996. 20 января.

«Оттепель» дала распутицу // Правда России. 1996. 15 февраля.

России нужна сверхидея // Правда-пять. 1996. 22 декабря.

Ответ фальсификаторам Октябрьской революции. М., 1997. 88 с. Соавторы: П.А. Голуб, В.М. Иванов, И.П. Осадчий, Ю.К. Плетников, В.А. Сапрыкин, В.В. Трушков, Ю.В. Фокин, С.А. Чибиряев, В.С. Швелуха.

- Предисловие // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 5–15.
- Примечание к статье Р.П. Конюшей // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 236–237.
- «Оттепель» дала распутицу // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 458–463.
- Какую модель общества могут предложить коммунисты? // Социализм: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 154–164.
- Сильная компартия — сильная Россия: Беседа с корреспондентом газеты «Правда» В. Никифоровой // Социализм: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 238–257.
- «Не верьте ни одному слову» // Диалог. 1997. № 1. С. 3–4.
- Какую модель общества могут предложить коммунисты // Диалог. 1997. № 1. С. 46–49.
- Какую модель общества могут предложить коммунисты // Коммунист. 1997. № 1. С. 96–102.
- Русская идея и пути предотвращения национальной катастрофы // Диалог. 1997. № 6. С. 64–71.
- Потерянное поколение. Безвозвратно ли? // Диалог. 1997. № 11–12. С. 17–21.
- Без теории нам смерть! // Завтра. 1997. 16 декабря.
- Выступление на конференции «Оценки и уроки 80 лет после Великой Октябрьской социалистической революции» // Просвещение. 1998. № 1. С. 7.
- Выступление на конференции «Исторический опыт социализма» // Политическое просвещение. 2008. № 3. С. 129.
- Незагадочный Сталин // Правда. 1997. 19, 26 декабря.
- Какая же она, правда о Сталине? М., 1998. 48 с. Соавторы: В.С. Кожемяко, М.П. Лобанов.
- Жив пролетарский научный социализм // Коммунистическое движение: история и современность. М., 1998. С. 20–27.
- Грустно и смешно вспоминать // Диалог. 1998. № 2. С. 77–83.
- «Извлечения из дневников А.М. Коллонтай» // Диалог. 1998. № 8. С. 92–94.
- «Выправлено самим...» // Диалог. 1998. № 11. С. 38–45.
- Горбачевщина // Диалог. 1998. № 12. С. 46–51.
- Какая же она, правда о Сталине? // Правда. 1998. 29 мая, 2 июня.
- Интервью // Цит и меч. 1998.
- Горбачевский термидор // КПСС: взлет и крушение. М., 1999. С. 27–38.
- Марксизм-ленинизм как диалектическая логика современности // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса. Т. 1. Ч. 2. Екатеринбург, 1999. С. 20–21.
- Как аукнется, так и откликнется // Альтернативы. 1999. № 1. С. 165–177.
- Коммунисты против «конца истории» // Изм... 1999. № 2. С. 73–99. Соавтор: И.Б. Хлебников.
- Какой мы видим будущую Россию // Диалог. 1999. № 2. С. 35–36. Соавторы: Ф. Клоцвог, Ю. Плетников, В. Трушков.
- Рец. на кн.: Кадри Дж. Человеческая цивилизация на распутье. М., 1996 // Диалог. 1999. № 8. С. 38–41. Соавтор: И.Б. Хлебников.
- Ленин и XX век // Диалог. 1999. № 10. С. 72–77.

- Сталин и Ленин // Правда. 1999. 24, 28, 30 декабря.
Позвольте мечтать. М., 2000. 16 с.
О принципах коммунизма. М., 2000. 56 с.
Сталин и Ленин. М., 2000. 46 с.
Социализму в России альтернативы нет. М., 2000. 26 с. Соавтор: В.С. Шевелуха.
Вступление к статье В.Д. Мочалова «Письма и документы (к истории выпуска "Сочинений" И. Сталина)» // Марксизм и современность. К., 2000. № 1. С. 27–28.
В ладах с истиной: Рец. на кн.: *Златопольский Д.Л.* Государственное право зарубежных стран: Восточная Европа и Азия // Диалог. 2000. № 2. С. 50–51. Соавтор: Ф. Рудинских.
Вновь я посетил... Две ученические работы о диалектике // Изм... 2000. № 2. С. 49–65.
Материя терпит шалости до времени // Изм... 2000. № 4. С. 73–75.
Мир с галактической орбиты: Рец. на кн.: *Алисов Н.В., Хорев Б.С.* Экономическая и социальная география мира. М., 2000 // Диалог. 2000. № 12. С. 15–19.
Сталин и Ленин // Правда. 2000. 11, 13, 14, 20 января.
Сталин и Ленин // Досье «Гласности»: Приложение к газете «Гласность». 2000. № 3. С. 6–7.
Геополитика // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. М., 2001. С. 42–43.
Только об одной звезде // Диалог. 2001. № 2. С. 64–74.
Уверенно торить тропу в будущее // Коммунист. 2001. № 5. С. 49–70.
И опять: что делать? // Диалог. 2001. № 8. С. 29–39. Соавтор: Б.С. Хорев.
И опять: что делать? // Экономическая газета. 2001. Июнь. № 23. Соавтор: Б.С. Хорев.
Был ли XX век «железным» // Досье «Гласности»: Приложение к газете «Гласность». 2001. № 10. С. 2–4.
Слово товарищу Сталину. 2-е изд. М., 2002. 510 с.
Сталин и Ленин // Сталинский сборник. М., 2002.
Капитал и труд: Популярное извлечение из «Капитала» Маркса, выполненное Иоганном Мостом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 3. С. 26–89.
Отнюдь не личное объяснение // Диалог. 2002. № 9. С. 26–41.
Марксизм-ленинизм: к итогам XX века и перспективам XXI // Диалог. 2002. № 10. С. 35–39.
В своем времени Сталин переиграл всех // Завтра. 2002. 14 января.
Марксизм-ленинизм: итоги XX и перспективы XXI века // Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003. С. 23–27.
Спасибо — не надо! // Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003. С. 157–166.
О чем спор? // Альтернативы. 2003. № 2. С. 128–131.
Отнюдь не личное объяснение // Коммунист. 2003. № 2. С. 41–67.
Спасибо — не надо! // Диалог. 2003. № 9. С. 44–53.
На поприще ума нельзя нам отступать // Правда. 2003. 17 апреля.
Выправлено самим Марксом // Экономическая газета. 2003. 13 августа.
Истина из России. Тверь, 2004. 665 с.

- Предисловие // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. V—X.*
- Слово составителя // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 617—622.*
- Интервью составителя газете «Щит и меч» // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 638—647.*
- Уверенно торить тропу в будущее // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 648—666.*
- Об Ильенкове: почти мемуары // *Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. М., 2004. С. 211—215.*
- Конец предыстории // *Научная мысль Кавказа. 2004. № 1. С. 16-20.*
- Наша партия на пороге XXI века // *Марксизм и современность. 2004. № 1.*
- Выдающийся философ, наш коллега и друг // *Философия и общество. 2005. № 4. С. 200.* Соавторы: И.А. Гобозов, В.С. Грехнев.
- Предисловие // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. XIV—XL.*
- Основы социализма должны быть незыблемыми! // *Современный российский реализм: теория и практика. Т. 2. Новый социализм как воплощение русской идеи о справедливости. М., 2006. С. 53—56.*
- Нужна формула общественного договора // *Современный российский реализм: теория и практика. Т. 2. Новый социализм как воплощение русской идеи о справедливости. М., 2006. С. 276—277.*
- От Великой революции до предательской контрреволюции. И обратно! // *Экономическая и философская газета. 2006. 30 ноября, 9 декабря.*
- Предисловие // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. 2-е изд. Тверь, 2007. С. XVII—XXIX.*
- Предисловие ко второму изданию // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. 2-е изд. Тверь, 2007. С. XXIX—XXX.*
- Ключевое событие эпохи // *Коммунист. 2007. № 1. С. 11—56.*
- Национальная идея — это идея коммунизма // *Экономическая и философская газета. 2007. 23 мая.*
- Неспокойные этюды // *Экономическая и философская газета. 2007. 23, 30 ноября, 14, 27 декабря.*
- Неспокойные этюды. М., 2008. 34 с.
- Неспокойные этюды // *Коммунист. 2008. № 6. С. 34—79.*
- Неспокойные этюды // *Экономическая и философская газета. 2008. 18, 28 января.*
- Маркс для рабочих // *Экономическая и философская газета. 2008. 13 ноября.*
- Слово товарищу Сталину! 3-е изд. М., 2009. 350 с.
- Марксизм-ленинизм о фундаментальных предпосылках неизбежности социализма и коммунизма // *Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. М., 2009. С. 19—58.*
- Взгляд на реформы в Китае // *Экономическая и философская газета. 2009. 1 октября.* Соавтор: В.Н. Чеченцев.
- Сталин и Ленин. 2-е изд. М., 2010. 96 с.
- Немцы в Катюши / Составитель Р.И. Косолапов. М., 2010. 278 с.
- Предисловие // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. 2-е изд. Ч. 1. Тверь, 2010. С. XXIX—XXX.* Соавтор: С.Ю. Рыченков.

- Послевоенное поколение о Сталине // Сталин и современность. М., 2010. С. 11—92.
 Человек эпохи // Экономическая и философская газета. 2010. 14 января. Соавторы:
 Д.В. Джохадзе, В.С. Марков.
 Мы были, и мы будем // Экономическая и философская газета. 2010. 28 марта.
 Капитал и труд: Популярное извлечение из «Капитала» Маркса, выполненное Иоган-
 ном Мостом / Перевод, предисловие и послесловие Р.И. Косолапова. М., 2011. 144 с.
 Предисловие // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. 2-е изд. Ч. 1. Тверь, 2011. С. XIX—
 XXXIV. Соавтор: С.Ю. Рыченков.

Литература

- Гаврилов Х. «Концерты» тов. Косолапова // Армавирская коммуна. 1959. 30 ян-
 варя.
 Амбарцумов Е.А. Свежий подход к знакомым проблемам: Рец. на кн.: Косолапов Р.И.
 Ни тени утопии. М., 1971. 143 с. // Новый мир. 1972. № 10. С. 278—281.
 Храпов Б.В. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975.
 474 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного
 коммунизма. 1975. № 4. С. 89—94.
 Жировов Б. Надежный ориентир: Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопро-
 сам теории. М., 1975. 474 с. // Новый мир. 1975. № 11. С. 272—275.
 Смолянский В. Исследование вопросов теории социализма: Рец. на кн.: Косола-
 пов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Коммунист. 1975. № 12.
 С. 124—126.
 Касьяненко В.И. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М.,
 1976. 272 с.
 Zdravomyslov A. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М.,
 1975. 474 с. // Social sciences. М., 1976. Vol. 7. N 3. P. 254—255.
 Петров И.Г. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975.
 474 с. // Научный коммунизм. 1976. № 1. С. 150—152.
 Блинов Н.М. Социализм и свобода: Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм.
 К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Социологические исследования. 1976. № 2.
 С. 204—213.
 Иванчук Н., Солодухин Ю. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам
 теории. М., 1975. 474 с. // Вopr. философии. 1976. № 2. С. 171—175.
 Овсянников М.Ф. Человек и социализм: Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм.
 К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Октябрь. 1976. № 2. С. 207—210.
 Дробан А.Т. Новые исследования по теории социализма: Рец. на кн.: Косолапов Р.И.
 Социализм. К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Философские науки. 1976. № 3.
 С. 148—155.
 Стрельцов В.Д. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М.,
 1975. 474 с. // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1976. № 4. С. 133—137.
 Чанышев А.Н. Рец. на кн.: Социалистическое общество. М., 1975. 343 с. // Рефе-
 ративный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1976. № 4.
 С. 93—99.

Беседин И.А., Седов А.А. Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1976. № 4. С. 99–105.

Коваль П.Д. Научно-теоретичний аналіз становлення і розвитку соціалізму: Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Філософська думка. 1977. № 1. С. 124–125.

Чангли И.И. Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. М., 1975. 474 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1977. № 2. С. 82–87.

Косолапов Ричард Иванович // Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1977. М., 1977. С. 601.

Насонов Г.Г., Южаков А.А. Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. // Научный коммунизм. 1979. № 6. С. 140–143.

Водомеров Н.К., Моисеенко Н.А., Попов М.В. Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. 2-е изд. М., 1979. 598 с. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1979. № 11. Вып. 2. С. 113–115.

Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. // Под знаменем ленинизма. К., 1979. № 12. С. 29–49.

Востриков Ю. Развитой социализм: целостная социальная система: Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. // Коммунист. 1979. № 18. С. 109–112.

Жировов Б. Актуальный труд по теории социализма: Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. 2-е изд. М., 1979. 598 с. // Коммунист Вооруженных Сил. 1979. № 18. С. 88–90.

Петров И.Г. Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. 2-е изд. М., 1979. 598 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1980. № 1. С. 57–64.

Петров И.Г., Черняева В.А. Рец. на кн.: Активная жизненная позиция борцов за коммунизм. М., 1979. 349 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1980. № 1. С. 171–177.

Яковлев А.А. Рец. на кн.: С чего начинается личность. М., 1979 // Вопр. философии. 1980. № 2. С. 181–183.

Вартанов И.Л. Рец. на кн.: С чего начинается личность. М., 1979 // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1980. № 3. С. 168–178.

Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. // Политическое самообразование. 1980. № 3. С. 126–127.

Водомеров Н.К., Моисеенко Н.А., Попов М.В. Ценный труд по марксистско-ленинской теории социализма: Рец. на кн.: *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. 2-е изд. М., 1979. 598 с. // Экономические науки. 1980. № 5. С. 109–111.

Косолапов Ричард Иванович // Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1981. М., 1981. С. 584.

Филатов А. Книга о теории и практике развитого социализма: Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979. 399 с. // Коммунист Татарии. 1981. № 7. С. 92–94.

РИЧАРД ИВАНОВИЧ КОСОЛАПОВ

Шлемин П.И. Рец. на кн.: Развитой социализм: проблемы теории и практики. 2-е изд. М., 1981. 399 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1982. № 5. С. 60–71.

Кораблева Т.Ф., Найденкин С.М. Некоторые проблемы нравственного воспитания личности в коллективе в трудах советских обществоведов // Коллектив как фактор нравственного воспитания. М., 1983. С. 55–62.

Пошатаев В. Книга, заставляющая думать: Рец. на кн.: Косолапов Р.И. О самом главном. М., 1983. 279 с. // Знамя. 1984. № 8. С. 237–240.

Гусейнов А.А. Рец. на кн.: С чего начинается личность. 2-е изд. М., 1983. 360 с. // Вопр. философии. 1984. № 10. С. 165–167.

Меркулова Г.П. Рец. на статью: Косолапов Р.И. Актуальные вопросы концепции развитого социализма (Социологические исследования. 1985. № 2. С. 14–21) // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Проблемы научного коммунизма. 1986. № 1. С. 100–101.

Бутенко А.П. По поводу письма Р.И. Косолапова // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 146–150.

Общественные науки на новом этапе // Правда. 1987. 28 ноября.

Общественные науки на новом этапе // Бюллетень Министерства высшего и специального образования СССР. 1988. № 2. С. 1–4.

Общественные науки на новом этапе перестройки // Вестн. высшей школы. 1988. № 2. С. 3–10; № 3. С. 6–16.

Рыклин М.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и идеи марксистско-ленинской философии: история и современность // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1988. № 3. С. 11–16.

Дубровский Д.И. ... Слово об истине в философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 6. С. 64–66.

Бутенко А.П. Исторический прогресс и тупик мобилизационной экономики // Философские науки. 1990. № 11. С. 3–14.

Оников Л.А. Будьте осторожны — второе пришествие Сталина // Независимая газета. 1995. 26 декабря.

Оников Л.А. Где же факты? // Независимая газета. 1996. 27 января.

Бережков И., Хореев Б. Рец. на кн.: Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М., 1996. 208 с. // Изм... 1997. № 1. С. 181–184.

Косолапов Ричард Иванович // Профессора и доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 273.

Бударин В.А. Федот, да не тот // Политическое просвещение. 2008. № 3. С. 31–44.

Ричарду Ивановичу Косолапову — 70! // Марксизм и современность (Киев). 2000. № 1. С. 180.

Рыченков С.Ю. Легко ли быть Прометеем // Марксизм и современность (Киев). 2000. № 1. С. 180.

Коломийцев В. Настоящий философ: Субъективные заметки к 70-летию Р.И. Косолапова // Коммунист. 2000. № 3. С. 106–121.

Хорев Б.С. Записки красного профессора. 1982–2001. М., 2001.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Алексеев П.В. Косолапов Ричард Иванович // Алексеев П.В. *Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды.* М., 2002. С. 485—486.

Бударин В. Объяснимся начистоту // *Коммунист.* 2003. № 2. С. 68—101.

Косолапов Р.И. — 75 лет // *Философия и общество.* 2005. № 2. С. 188.

Алексеев П.В. Косолапов Ричард Иванович // Алексеев П.В. *Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь.* М., 2009. С. 293—294.

Зюганов Г.А., Кашин В.И., Комоцкий Б.О., Лукьянов А.И., Мельников И.И., Новиков Д.Г., Обухов С.П., Рашкин В.Ф., Шурчанов В.С. Товарищу по борьбе. Исполнилось 80 лет коммунисту и патриоту России Ричарду Ивановичу Косолапову // http://krpf.ru/party_live/77255.html. 2010. 25 марта.

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ПАНИН

Декан в 1987–1998 гг.

Александр Владимирович Панин родился 12 сентября 1936 г. в Москве. Отец — инженер, участвовал в боях подо Ржевом, вернулся домой инвалидом в 1943 г.

В детстве А.В. Панин пережил бомбежки Москвы. В октябре 1941 г. эвакуировался в Свердловск. В 1943 г. вернулся в Москву. В 1944 г. пошел учиться в 432-ю московскую школу на Преображенке. Юность пришлась на послевоенные годы, с их дворовой романтикой и связанными с ней опасностями.

После 7-го класса поступил в автомеханический техникум при ЗИЛе. Работал на заводе начальником участка в кузнечном цеху. Проходил срочную службу в Советской Армии. В 1959 г. А.В. Панин стал учиться на вечернем отделении философского факультета МГУ. Поступив в аспирантуру, он оставил работу на заводе.

14 ноября 1969 г. А.В. Панин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему: «Понятие естественнонаучного закона и его познавательное значение». Его научным руководителем был В.И. Купцов. Оппонентами — В.С. Готт и Б.С. Грязнов. В диссертации рассмотрена история возникновения понятия научного закона и его эволюция в научном мышлении, его механистические и позитивистские интерпретации, диалектико-материалистическая трактовка понятия научного закона, а также языковая форма выражения закона науки.

По окончании аспирантуры А.В. Панин работал в ректорате МГУ помощником проректора по гуманитарным факультетам.

А.В. Панин — специалист в области философии и методологии науки. С начала 1970-х гг. его особый интерес привлекла философия науки К. Поппера и его последователей.

Для изучения постпозитивистской философии А.В. Панин в 1973–1974 гг. проходил стажировку в Лондонском университете на кафедре логики и методологии науки, созданной К. Поппером. Кафедрой в тот период руководил И. Лакатос. В Великобритании А.В. Панин общался с видными методологами науки — А.Дж. Айером, И. Лакатосом. Он встречался с К.Р. Поппером — был у него в гостях, подарил набор пластинок с записями музыки П.И. Чайковского. Позже А.В. Панин стажировался в США. Встречался с Т. Куном, с П. Фейерабендом. Главное, к чему стремился А.В. Панин в ходе этих встреч: выяснить, что называется, из первых рук, собственные позиции

ведущих философов науки. Чтобы провозить в СССР работы Поппера, выступавшего противником социализма, Панину приходилось отрывать обложку книги Поппера «Открытое общество» и заменять ее обложками политически нейтральных книг.

К. Поппер и И. Лакатос развивали в рамках постпозитивизма направление критического рационализма. Они стремились построить рациональную модель научного знания на основе внутренней логики его развития (фальсификационизм Поппера, исследовательские программы Лакатоса). Это интерналистское направление в постпозитивистской методологии науки отличалось от экстерналистского направления, сориентированного на изучение социокультурного контекста функционирования науки (парадигмы Куна, методологический анархизм Фейерабенда).

В монографии «Диалектический материализм и постпозитивизм» (1981) и ряде других публикаций А.В. Панин проанализировал сильные и слабые стороны постпозитивизма. К числу идей постпозитивистов, заслуживающих осмысления и развития, А.В. Панин отнес идею автономии в развитии научного знания (К. Поппер), выдвижение в качестве новых методологических единиц таких понятий, как «исследовательская программа» (И. Лакатос), «парадигма» (Т. Кун), «теоретический плюрализм» (П. Фейерабэнд), постановку проблемы научного и иных типов рациональности, идею о необходимости соединения философии и истории науки и др. идеи.

Последующее осмысление некоторых идей постпозитивистской философии науки привело А.В. Панина к выводу о необходимости преодолеть традиционную в методологии науки дихотомию теоретического и эмпирического уровней знания и выделить третий, метатеоретический (архетипический) уровень, аналогами которого являются понятия «парадигмы» Куна и «ядра исследовательской программы» Лакатоса¹.

А.В. Панин не защитил по своей книге докторской диссертации. Его многолетний коллега В.В. Миронов считает, что это было связано с причинами морального порядка: «Предшествующий декан факультета А.В. Панин, мой друг и учитель, неоднократно встречался с Поппером. С большим трудом, по его собственным рассказам, он провез через таможенную его “Открытое общество”. Он встречался с Т. Куном, А.Дж. Айером и П. Фейерабэндом. Они находили общий язык. Его книга по постпозитивизму была наиболее интересным и полным изложением самих идей, а отнюдь не их критикой, как кажется из названия: “Диалектический материализм и постпозитивизм”. Он считал себя учеником Поппера и даже, насколько мне становится понятным сегодня, долгая его незащита докторской связана, скорее всего, с моральными

¹См.: Панин А.В. Является ли дихотомия эмпирического и теоретического исчерпывающей в методологии научного познания? // Философия науки. 1986. № 2. С. 69–77.

соображениями. Поскольку, если бы он защищал докторскую в те времена, то вынужден был бы критиковать Поппера. Может быть, это всего лишь моя догадка»¹.

С 1975 г. А.В. Панин работал доцентом кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ. В 1977 г. ему было присвоено ученое звание доцента. С 1985 г. А.В. Панин работал заместителем декана факультета по научной работе, был организатором Всесоюзной конференции по социальным и методологическим проблемам современной науки на базе факультета. С ноября 1987 г. А.В. Панин — и.о. декана философского факультета. В 1988 г. он был избран деканом и работал в этой должности до июня 1998 г.

Став деканом, А.В. Панин поставил перед собой задачи: 1) деидеологизировать факультет; 2) прекратить групповщину и склоки на факультете; 3) омолодить кадры; 4) развивать на факультете новые исследовательские направления: философию науки, философскую антропологию, философию культуры; 5) преодолеть философский провинциализм, отрыв от развития мировой философии, расширить контакты с зарубежными философами. Декан избегал методов диктата, придерживался либерального стиля в руководстве факультетом.

В 1990—1991 гг. на философском факультете проводились структурные изменения, отражавшие происходившие в стране социально-политические процессы. Кафедра диалектического материализма была переименована сначала в кафедру теоретической философии, затем в кафедру систематической философии, а позже — в кафедру онтологии и гносеологии. Кафедра исторического материализма переименована в кафедру социальной философии. Кафедра истории и теории атеизма была преобразована в кафедру истории и теории религии и свободомыслия, а затем в кафедру философии религии и религиоведения. Кафедра истории философии народов СССР была переименована сначала в кафедру истории отечественной философии, а затем в кафедру истории русской философии. Из названий кафедр этики и эстетики были убраны эпитеты «марксистско-ленинская». После событий августа 1991 г. была закрыта кафедра истории марксистско-ленинской философии. Преобразование кафедр сопровождалось подготовкой новых учебных программ.

Отделение научного коммунизма было преобразовано в отделение социально-политических наук, а затем в отделение политологии. Кафедра научного коммунизма была переименована сначала в кафедру истории и теории социализма, а затем в кафедру политического процесса России. Кафедра истории мирового рабочего и коммунистического движения была переименована в кафедру мирового политического процесса. Кафедра истории социалистиче-

¹ *Мионов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. С. 402.*

ских учений была переименована в кафедру истории социально-политических учений. Была создана кафедра политологии.

В 1989 г. в целях повышения престижа факультета и укрепления взаимодействия с учеными Академии наук были образованы кафедра истории и теории мировой культуры и кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, на которых в основном работали привлеченные по совместительству крупные специалисты из академических институтов.

В 1991 г. по программе Фонда Аденауэра для чтения курсов лекций преподавателям факультета в ИПК МГУ были приглашены ведущие профессора немецких университетов. В целом, выяснилось, что по уровню своей квалификации специалисты философского факультета МГУ не уступают германским коллегам. Главным было то, что состоялось общение, обмен мнениями. Выступать перед студентами факультета приглашали крупных философов, приезжавших в Россию. В 1993 г. с лекцией выступал Деррида.

В первой половине 1990-х гг. в прессе и во властных структурах присутствовало нигилистическое отношение к философскому факультету МГУ, раздавались призывы закрыть факультет¹. А.В. Панину приходилось убеждать руководителей Министерства образования РФ в необходимости сохранить философский факультет МГУ.

В 1992 г. на факультете была организована кафедра философии и методологии науки, которой до 2003 г. заведовал А.В. Панин. С 2003 г. А.В. Панин — профессор этой кафедры. Читает курс философии науки. Лекционный манера А.В. Панина отличается ясностью, логичностью; лектор выделяет главное, удачно схематизирует сложные философские проблемы, делая их доступными для восприятия студентов.

На основе лекционного курса, читавшегося на факультете, А.В. Панин совместно с П.В. Алексеевым написал учебники «Диалектический материализм» (1987) и «Теория познания и диалектика» (1991). Эти учебники длительное время служили основным учебным пособием по онтологии, гносеологии и методологии на факультете. В 1996 г. онтологическая, гносеологическая и методологическая проблематика были объединены авторами под одной обложкой. Появившийся в результате этого учебник «Философия» получил рекомендацию Научно-методического совета по философии Министерства образования РФ в качестве учебника по курсу «Философия» для студентов высших учебных заведений. Одновременно с учебником авторы выпустили «Хрестоматию по философии». В 2004 г. учебник был дополнен разделом «История философии». Учебник вызвал положительную реакцию преподава-

¹См.: Королев А. Заповедник красной профессуры // Московский комсомолец. 1996. 11 июля; Платонов А. Маски-шоу // Московский комсомолец. 1996. 27 ноября.

телей философии. По словам К.Е. Сигалова, это «один из лучших учебников наших дней, сложный, но чрезвычайно нужный»¹. В.Д. Комаров считает, что в учебнике «достойно освещена суть философского знания (метафилософия) с его мировоззренческой и методологической функциями, показана специфика философского знания и философия познания с ее актуальными проблемами»². Учебник и хрестоматия переиздаются практически ежегодно и используются в качестве учебных пособий во всех вузах страны³.

А.В. Панин разрабатывает проблемы: наука в системе мировоззренческих ориентаций (дилемма «сциентизм — антисциентизм»), образ науки с человеческим лицом. Несмотря на неоднозначные веяния философской моды, А.В. Панин придерживается классического европейского рационалистического понимания науки и философии.

Сочинения

Системный анализ и проблема объективного познавательного значения законов физики // Методологические вопросы системно-структурного исследования. М., 1967. С. 128–131.

Методологические вопросы системно-структурного исследования // Философские науки. 1968. № 5. С. 176–181. Соавторы: В.В. Агудов, Б.А. Глинский.

К вопросу о трактовке понятия естественнонаучного закона в современной «философии науки» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 12. С. 49–59.

Понятие естественнонаучного закона и его познавательное значение: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1969. 267 с.

Понятие естественнонаучного закона и его познавательное значение: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1969. 22 с.

О структуре процесса открытия естественнонаучного закона // Методологические проблемы наук. М., 1969. С. 134–142.

Критерии научного закона // Методологические проблемы современной науки. Вып. 3. М., 1969. С. 186–199.

Философские вопросы системно-структурного исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1969. № 3. С. 93–96. Соавторы: Б.А. Глинский, Е.И. Кукушкина.

Дискуссия о предмете философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 2. С. 96–101.

«Наука сама себе философия» // Философия и наука. М., 1973. С. 43–72. Соавтор: В.И. Купцов.

Рец. на кн.: Методологические основы научного познания. М., 1972. 217 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1973. № 1. С. 33–37.

¹ Вестн. Российского философского общества. 1997. № 4. С. 35.

² Вестн. Российского философского общества. 1998. № 3. С. 86.

³ Ввиду многочисленных переизданий в списке трудов указаны только первые издания.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Рец. на кн.: Принцип развития. Саратов, 1972. 295 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1973. № 2. С. 13—17.

Рец. на кн.: Мерзон Л.С. Проблемы научного факта. Л., 1972. 187 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1973. № 2. С. 17—19.

Рец. на кн.: Самосин В.Г. Диалектика взаимопроникновения естественных наук. Волгоград, 1972. 255 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1973. № 2. С. 65—69.

Актуальные проблемы развития материалистической диалектики // Философские науки. 1973. № 4. С. 160—163. Соавтор: А.Я. Ильин.

Рец. на кн.: Куликов Л.А. Понятие детерминизма в марксистско-ленинской философии. М., 1973. 112 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 1. С. 28—30.

Рец. на кн.: Васильков А.В. Познание и распознавание. К., 1972. 194 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 1. С. 34—36.

Рец. на кн.: Философские вопросы науки. М., 1972. 124 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 1. С. 72—76.

Рец. на кн.: Кедров Б.М. О «Диалектике природы» Энгельса // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 2. С. 7—9.

Рец. на кн.: Сагатовский В.И. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. 431 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 2. С. 14—18.

Рец. на кн.: Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. 324 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 2. С. 21—24.

Рец. на кн.: Диалектика познания и современная наука. М., 1973. 247 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 2. С. 25—28.

Рец. на кн.: Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. 352 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1974. № 2. С. 198—205.

Диалектический материализм: методические указания. М., 1975. 140 с. Соавторы: Ф.И. Георгиев, А.Я. Ильин, Н.С. Козлов, Е.И. Кукушкина, С.А. Лебедев, С.П. Лебедев, В.И. Мальцев, В.М. Федоров, В.И. Черкесов.

Концепции закона науки в современном позитивизме // Критика современной буржуазной философии в курсе диалектического материализма. М., 1975. С. 184—205.

Die Entwicklung der wissenschaftlichen Kenntnisse in der Interpretation von K.R. Popper // Der dialektische Materialismus und seine Kritiker. Berlin, 1975.

Критицизм как направление в западной философии науки // Вопр. философии. 1977. № 5. С. 150—158.

Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1981. 238 с.

Рец. на кн.: Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984. 232 с. // Вопр. философии. 1985. № 4. С. 160—162. Соавтор: А.М. Коршунов.

Является ли дихотомия эмпирического и теоретического исчерпывающей в методологии научного познания? // *Философские науки*. 1986. № 2. С. 69–77.

Между рационализмом и историческим релятивизмом: Рец. на кн.: *Тулмин С. Человеческое понимание*. М., 1984. 327 с. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1986. № 2. С. 85–87.

Выступление на обсуждении книг А.М. Ковалева «Диалектика способа производства общественной жизни» и «Социализм и закономерности общественного развития» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1986. № 5. С. 59–61.

Диалектический материализм. М., 1987. 335 с. Соавтор: П.В. Алексеев.

Критический анализ современных буржуазных концепций развития науки // *Социальные и методологические проблемы современной науки*. М., 1987. С. 191–224.

Влиятельная философская концепция: марксистский анализ: Рец. на кн.: *Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна*. М., 1985. 172 с. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1988. № 1. С. 91–93. Соавтор: Е.И. Кукушкина.

Выступление на «круглом столе» на тему «Перестройка высшей школы» // *Московский университет*. 1988. 19 ноября.

Выступление на «круглом столе» на тему: «Плюрализм в социалистическом обществе: пути утверждения в условиях перестройки» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма*. 1989. № 4. С. 40–43.

Философия — душа культуры // *Вестн. высшей школы*. 1989. № 8. С. 31–33.

Выступление на «круглом столе» на тему «Возможно ли политическое обновление социализма?» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования*. 1990. № 2. С. 25–27.

Выступление на конференции «Книга В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” и современное философское знание» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1990. № 3. С. 84.

Выступление на обсуждении учебника «Введение в философию» // *Вопр. философии*. 1990. № 8. С. 170–171.

Теория познания и логика. М., 1991. 384 с. Соавтор: П.В. Алексеев.

Философия. М., 1996. 504 с. Соавтор: П.В. Алексеев.

Хрестоматия по философии / Составители П.В. Алексеев и А.В. Панин. М., 1996. 411 с.

Умом Россию понимать // *Новая Россия*. 1997. № 3. С. 24–26.

Философия и методология науки: Программа // *Философия и методология науки*. М., 2003. С. 10–28. Соавторы: Ю.Д. Артамонова, Т.А. Вархотов, В.Г. Кузнецов, А.В. Чусов.

Философия науки постпозитивизма // *Философия и методология науки*. М., 2003. С. 68–74.

Литература

Воронина Л.А., Герман Ш.М., Громов М.Н., Кочетков В.Ф., Михайлова Л.П., Самохвалов Н.И. Полезные пособия для студентов-заочников: Рец. на кн.: *Диалектический материализм: методические указания*. М., 1975. 140 с. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1981. № 4. С. 81–82.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Боброва Л.А. Рец. на кн.: *Панин А.В.* Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1981. 238 с. // Реферативный журнал: Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки. 1982. № 5. С. 188–192.

Зотов А.Ф., Молчанов В.И., Сумятина Л.А. Рец. на кн.: *Панин А.В.* Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1981. 238 с. // Философские науки. 1983. № 2. С. 179–181.

Воронина Л.А., Шкуринова Ю.П. Нужная книга по диалектическому материализму: Рец. на кн.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Диалектический материализм. М., 1987. 335 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 5. С. 62–63.

А.В. Панин — декан философского факультета // Московский университет. 1988. 14 июня.

Гречко П.К., Лашина О.Э. Рец. на кн.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Диалектический материализм. М., 1987. 335 с. // Философские науки. 1989. № 1. С. 116–118.

Гавришин В.К., Ксенофонтов В.И. Фундаментальные вопросы гносеологии: Рец. на кн.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Теория познания и логика. М., 1991. 384 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1992. № 6. С. 83–86.

Сигалов К.Е. Рец. на кн.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. М., 1996. 504 с. // Вестн. Российского философского общества. 1997. № 4. С. 34–36.

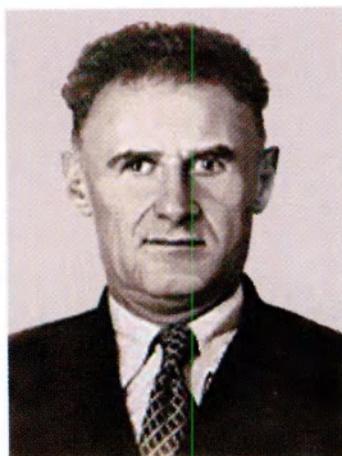
Алексеев П.В. Панин Александр Владимирович // *Алексеев П.В.* Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 727.

Алексеев П.В. Панин Александр Владимирович // *Алексеев П.В.* Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 453–454.

Хасхачих
Фёдор Игнатъевич

Каплан
Иосиф Григоръевич

Андреев
Григорий Георгиевич

Чернышëв
Борис Степанович

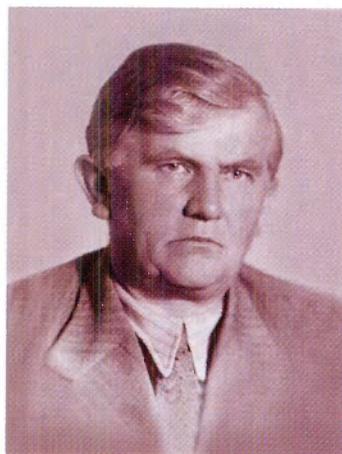
Кутасов
Дмитрий Алексеевич

Берестнев
Владимир Фёдорович

Мальцев
Василий Иванович

Гагарин
Алексей Петрович

Молодцов
Василий Сергеевич

Овсянников
Михаил Федотович

Цыганкова
Эмма Николаевна

Мелюхин
Серафим Тимофеевич

Богатов
Виталий Васильевич

Косичев
Анатолий Данилович

Косолапов
Ричард Иванович

Панин
Александр Владимирович

Миронов
Владимир Васильевич

В президиуме III съезда Философского общества СССР. 1982 г.
Слева направо: В.С. Молодцов, М.Б. Митин, П.Н. Федосеев, Ф.В. Константинов

М.Ф. Овсянников (справа)
в президиуме торжественного заседания,
посвящённого Дню Победы

Э.Н. Цыганкова выступает
в качестве официального оппонента
на защите
кандидатской диссертации А.П. Кабаченко.
Философский факультет МГУ.
Декабрь 1976 г.

С.Т. Мелюхин на конференции,
посвящённой 60-летию
воссоздания
философского факультета МГУ.
2002 г.

В.В. Богатов во главе колонны преподавателей
и студентов философского факультета МГУ
направляется к памятнику погибшим защитникам Москвы

Декан А.Д. Косичев
поздравляет студентку
с окончанием университета

Р.И. Косолапов выступает
на юбилее кафедры социальной философии
философского факультета МГУ. 2011 г.

А.В. Панин (первый слева) выступает на праздновании 60-летия
воссоздания философского факультета МГУ. 2002 г.

В.В. Миронов выступает на научном симпозиуме
на философском факультете МГУ. 2011 г.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МИРОНОВ

Декан с 1998 г.

Владимир Васильевич Миронов родился 4 апреля 1953 г. в Москве в семье рабочих. Его мать¹ приехала из Саратовской области на строительство университетского комплекса на Ленинских горах. Когда Владимиру не было еще и года, отец ушел из семьи, поэтому на плечи матери легла вся ответственность за воспитание сына. Семья жила в строительных бараках в Раменках, где жилищные условия были крайне трудными. Владимир до восьмого класса учился в интернате. Затем перешел в обычную московскую среднюю школу, и закончил ее в 1970 г.

Под влиянием своего дяди — Н.А. Коломойца, — учившегося на философском факультете МГУ, Владимир увлекся философией, в школьные годы читал Декарта. У него возникло желание поступать на философский факультет МГУ. Как рассказывал В.В. Миронов в одном из интервью: «Трижды неудачно пытался поступить в МГУ, в том числе один раз и на журналистику. Помню, однажды, уважаемый экзаменатор, узнав, что я из Раменок, посоветовал не мечтать об университете, а идти на завод токарем. Логика простая: Раменки тогда были барачным поселком, в котором жили строители МГУ, по большей части ээки... Забавно, но я действительно пошел токарем на завод. Затем — армия, рабфак, учеба на факультете, аспирантура, а далее — младший научный сотрудник, старший преподаватель, кандидат наук, доцент, доктор наук, профессор.⁴ Одиннадцать лет был заместителем декана, последние годы — декан, проректор МГУ»².

В 1970 г. после неудачной попытки поступить на философский факультет МГУ В.В. Миронов пошел работать учеником токаря, затем токарем на завод при НИИ Министерства электронной промышленности СССР. С 1971 по 1973 г. — служил в рядах Советской Армии в Белоруссии.

В ноябре 1973 г. он поступил на подготовительное отделение философского факультета МГУ. С 1974 по 1979 г. — учился на философском факультете МГУ. Во время учебы познакомился со студенткой из ГДР Дагмар Вранке. В 1976 г., преодолев многочисленные бюрократические трудности, они поже-

¹Миронова Анна Осиповна (1923 г., село Старая Яблонька Хвальинского района Саратовской области. 2002 г., Москва).

²Миронов В.В. Пора ко всему относиться философски // Огонек. 2001. № 52. С. 22.

нились. В 1979 г. бюрократические препоны не позволили Дагмар остаться в Москве сразу после окончания университета. Она начала работать преподавателем технического университета в Дрездене. В.В. Миронов сдал экзамены в конкурсную аспирантуру и уехал в ГДР, где его жена ждала их первого ребенка. В тот год конкурсная аспирантура была отменена. В.В. Миронов провел три месяца в ГДР, получил приглашение вести преподавательскую работу в Дрездене и стал думать о возможности остаться там. Во многом благодаря тогдашнему заведующему кафедрой диалектического материализма С.Т. Мелюхину В.В. Миронов вернулся в Москву. С октября 1979 г. он стал учиться в аспирантуре. Дагмар вернулась немного позже. Ей как иностранке в те времена с трудом удалось устроиться на факультет на должность лаборантки. Позже она работала научным сотрудником. Ныне Д. Миронова — доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ, профессиональный переводчик высшего класса.

В марте 1981 г. В.В. Миронов был отозван из аспирантуры для работы на кафедре диамата в должности младшего научного сотрудника. Руководство факультета оценило организационные способности В.В. Миронова, его коммуникабельность и умение принимать решения. В 1983 г. он был назначен старшим преподавателем — начальником курса, затем стал старшим преподавателем философского факультета МГУ. Несколько лет был ответственным секретарем приемной комиссии факультета.

На становление В.В. Миронова как ученого наибольшее влияние оказали его научный руководитель С.Т. Мелюхин и преподаватели кафедры диамата А.В. Панин и П.В. Алексеев. А.В. Панин предложил молодому аспиранту разрабатывать тему, которая станет позже «визитной карточкой» В.В. Миронова: сциентизм и антисциентизм. В 1984 г. В.В. Миронов защитил в МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему: «Диалектико-материалистическое понимание специфики философии и его значение для критики концепций сциентизма и антисциентизма». Официальными оппонентами выступили В.С. Швырев и А.В. Кезин. В диссертации В.В. Миронов дал интерпретацию известного тезиса Ч.П. Сноу о «двух культурах» — естественнонаучной и гуманитарной. Он связал возникновение полярных сциентистского и антисциентистского подходов к философии с распадом классического представления о культуре. В результате разрыва целостного понимания культуры было утрачено гармоническое сочетание рационального и ценностного аспектов философии. Это привело к абсолютизации того или другого аспекта философии в тех или иных концепциях. Диссертант высказывал убеждение, что познавательные функции философии не противостоят, а дополняются ценностно-мировоззренческими функциями. Поэтому философия и выступает в качестве самосознания всей культуры в целом. Всякая аб-

солютизация той или иной из сфер культуры, в частности — науки, приводит к ложному пониманию самой этой сферы. 26 сентября 1984 г. В.В. Миронов был утвержден в степени кандидата наук, а в 1988 г. избран на должность доцента кафедры.

В 1988 г. к руководству факультета пришла новая генерация философов во главе с деканом А.В. Паниным. В.В. Миронов стал работать заместителем декана философского факультета МГУ по учебной работе. Эта должность хлопотная: потоком идут студенты со своими проблемами. Необходимо принимать решения, в том числе и неприятные, находить общий язык с самыми разными людьми. В.В. Миронов оказался в данной должности как нельзя кстати: он легко находил взаимопонимание со студенческой молодежью и, благодаря своей мобильности и умению держать слово, пользовался у нее большим авторитетом. Студенты не чувствовали психологического барьера в общении с заместителем декана и воспринимали его как старшего товарища.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. — время переломное как для страны в целом, так и для философского факультета МГУ. Нужны были кардинальные изменения, чтобы осовременить факультет, преодолеть его оторванность от мировой философской мысли. В.В. Миронов принимал активное участие в создании на факультете кафедр принципиально нового типа: кафедры истории и теории мировой культуры и кафедры философской антропологии и комплексного изучения человека. Кафедры эти были сформированы в 1990 г. как мост между Университетом и Академией, как площадка для обкатки в учебном процессе научно-исследовательских новаций и подготовки высококвалифицированных кадров, способных работать над серьезными научными проектами. К преподаванию на кафедрах в тот период времени были привлечены выдающиеся ученые — академики и члены-корреспонденты РАН — В.В. Иванов, М.А. Гаспаров, С.С. Аверинцев, И.Т. Фролов, В.С. Степин, Б.Г. Юдин, — работавшие в качестве совместителей. Еще один запоминающийся проект, который был реализован факультетом совместно с фондом Аденауэра в 1992—1994 гг., — это философско-политологические чтения, где с лекциями выступили выдающиеся немецкие философы, политологи и юристы, такие, как М. Баумгартнер, П. Граф Кильмансегг, Й. Исензее, Р. Шпеманн и др.

Рост международных контактов, изменения в самом стиле жизни людей, грандиозные политические преобразования — на все это откликалась мысль В.В. Миронова как философа, остро чувствующего пульс современности. В тот период, когда компьютеры лишь начали входить в жизнь людей нашей страны, он указал на возможные последствия становления иного типа информационного пространства, сопряженного с новейшими масс-медийными технологиями, в том числе и некоторые геополитические. Вместе с передовыми информационными технологиями страны-реципиенты заимствуют и стереотипы глобальной

культуры, в данном случае — американской, возведенной в ранг глобальной. В воспринимающих обществах закрепляется усредненный тип культуры, в соответствии с которым меняется система ценностей, особенно в мировоззрении молодого поколения, выросшего в информационной среде. Впервые В.В. Миронов высказал эти мысли в статье, опубликованной в «Философских науках» в 1987 г., спустя десять лет, эти размышления вылились в докторскую диссертацию.

28 марта 1997 г. В.В. Миронов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему: «Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры». Оппонентами выступили В.С. Швырев, А.В. Кезин и В.Л. Рабинович. Философия рассматривается в диссертации как рационально-теоретическая форма сознания, которая является самосознанием теоретической деятельности, и, одновременно — ценностной формой сознания, которая, в свою очередь, является самосознанием всех форм мировоззренческого постижения мира. В этом смысле философия выступает как самосознание человеческой культуры в целом. Ее функция в саморазвитии человека состоит в выдвижении рациональных и ценностных ориентиров. Основным методом, с помощью которого философия выполняет свою функцию в культуре, является герменевтическая интерпретация, посредством которой осуществляется нахождение и конструирование общекультурных и личностных смыслов бытия и человеческого существования. Автор отмечает опасность чисто сциентизированного понимания науки для демократического общества и недостаточность пассивной антисциентистской интерпретации кризиса культуры. Суть проблемы он видит в неравномерности скоростей адаптации новообразований в современной культуре к ее традиционной системе ценностей. В 1998 г. В.В. Миронову было присвоено ученое звание профессора.

В.В. Миронов рассматривает философию как глобальное смысловое пространство, в котором происходит вневременной диалог мыслителей всех эпох, сталкиваются разнообразные точки зрения. Способом освоения иных теоретических конструктов выступает интерпретация. Отделившись от автора, философский текст существует как особая смысловая реальность, которая декодируется другим философом в другой хроно-топологической ситуации. Последний добавляет к распредмеченным идеям присутствие своего социально-психологического «Я». Следовательно, в самом принципе философского творчества присутствует органическое единство и взаимовлияние рационально-теоретического и ценностного аспектов взаимодействия человека с миром. В результате философия выступает как бесконечная интерпретация.

Герменевтические мотивы в философском поиске В.В. Миронова привели к его встрече с Х.Г. Гадамером в начале 1998 г. в Гейдельберге. Во встрече также участвовали преподаватели философского факультета Ю.Д. Артамоно-

ва и В.Г. Кузнецов. Три часа длилось интервью, в изложении оно опубликовано в философской серии «Вестника Московского университета». В декабре 1999 г. по инициативе философского факультета Ученый совет МГУ присвоил Гадамеру звание почетного профессора. В феврале 2000 г. В.В. Мионов и В.Г. Кузнецов вновь посетили Гейдельберг, где на торжественном собрании в честь столетнего юбилея Гадамера, объявили о присвоении ему этого звания.

1998 год был годом выборов декана факультета. На факультете царила очень демократическая обстановка и кандидатуры на должность декана обсуждались в процессе предварительного обсуждения и голосования на кафедрах. По итогам этого предварительного голосования на кафедрах В.В. Мионов получал достаточно высокие результаты. К моменту выборов от действующего состава деканата были выдвинуты одновременно А.В. Панин и В.В. Мионов. Выборы декана проходили 15 июня 1998 г. на собрании всего коллектива философского факультета в присутствии ректора МГУ В.А. Садовниченко. А.В. Панин, исходя из принципа сохранения преемственности в работе факультета и обеспечения реализации долгосрочной линии развития, взял самоотвод и рекомендовал коллегам избрать В.В. Миронова. Большинство голосов В.В. Мионов был избран деканом философского факультета МГУ. Потом он дважды переизбирался на эту должность в 2003 и 2008 гг. С декабря 1998 г. В.В. Мионов заведует кафедрой онтологии и теории познания.

Произошло омоложение всего руководства факультета и кафедр. Образовано отделение религиоведения. Были созданы новые кафедры: политической психологии, государственной политики. Были открыты образовательные программы «связи с общественностью», «политический менеджмент» и др. Коренные изменения произошли в информационном обеспечении научно-исследовательской работы.

Вскоре после избрания деканом В.В. Мионов возглавил Учебно-методический совет по философии, политологии и религиоведению Учебно-методического объединения по классическому образованию и вошел в состав Координационного совета по философии Министерства образования РФ. Под руководством председателя УМО по философии В.В. Миронова были утверждены проекты государственных стандартов по философии, политологии и религиоведению, номенклатура специализаций по этим специальностям, принят текст дидактической единицы «Философия» в цикле государственных стандартов, утверждены экспертные требования к открытию новых направлений по указанным специальностям¹. Под редакцией В.В. Миронова изданы несколько современных учебников по философии. С июня 2005 г. В.В. Миро-

¹См.: Иванов А.В. Итоги совещания УМО университетов России по политологии, религиоведению и философии // Вестн. Российского философского общества. 1999. № 4. С. 34–38.

нов является председателем экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии.

В.В. Миронов получил широкую известность как принципиальный и последовательный противник поспешных и несистемных реформ российского образования. Он отстаивает необходимость широкого и открытого диалога всех субъектов образовательного процесса с органами государственной власти для достижения взвешенной позиции по стратегии и тактики модернизации образовательной системы страны.

В.В. Миронов последовательно проводит линию на закрепление за философским факультетом МГУ статуса лидера философского образования стране. Для консолидации философской общественности и с целью поддержания единства образовательного философского пространства страны в феврале 2007 г. была создана Ассоциация философских факультетов и отделений. С 2010 г. она имеет свой печатный орган — «Философское образование» (на базе выпусков «Методических записок» СПбГУ)¹. Председателем Ассоциации избран В.В. Миронов. В 2003 г. была образована инициативная группа по созданию Ассоциации выпускников философского факультета МГУ. Ассоциация была учреждена на съезде выпускников в декабре 2004 г. Взаимодействие с коллегами из региональных вузов, часто — выпускниками философского факультета — осуществляется и через традиционную структуру Российского философского общества. В.В. Миронов избран вице-президентом РФО. На базе философского факультета МГУ в 2005 г. был проведен IV Российский философский конгресс.

Изменения затронули и международные связи факультета. Декан и его коллеги посетили Японию, Германию, Италию, другие страны. Везде завязывались новые контакты. В.В. Миронов читал лекции в Свободном международном университете социальных исследований (Рим, Италия), университете г. Канадзавы (Япония), университете г. Гуанчжоу (Китай). В Италии была издана книга «Судьбы марксизма в России: от любви к ненависти» (Roma: Luiss Edizioni), которая представляет собой диалог В.В. Миронова и его итальянского коллеги-философа о судьбах марксизма, в том числе в России.

Философский факультет посетили хорошо известные в России по их учебнику итальянцы Дж. Реале и Д. Антисери. Прочитали свои лекции К.-О. Апель, Х. Альберт, Т. Нагель и др. Получался своего рода включенный, поточный курс, при котором знакомство с текстами крупных философов по книгам и Интернету дополнялось непосредственным общением с ними. Не оказывалось временного зазора между выдвиганием идеи и ее восприятием в других странах.

¹ Положение об Ассоциации философских факультетов и отделений классических университетов России // Методические записки. Философское образование. Вестн. Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 5. М.; СПб., 2010. С. 13–15.

Обновление философского факультета выдвинуло В.В. Миронова — впервые в истории факультета — как руководителя университетского уровня. С 2001 по 2006 гг. он работал в должности проректора МГУ — начальника Управления академической политики и организации учебного процесса МГУ, совмещая это с работой деканом. С 2006 по 2008 гг. В.В. Миронов работал проректором МГУ — начальником Управления академического планирования и методического обеспечения образовательной деятельности МГУ. В феврале 2008 г. В.В. Миронов ушел с должности проректора МГУ.

В.В. Миронов приобрел большой авторитет в научном сообществе. Выражением этого стало избрание В.В. Миронова 29 мая 2008 г. членом-корреспондентом РАН.

В.В. Миронов использовал имеющиеся возможности для укрепления материально-технической базы философского факультета. Вместе с другими гуманитарными факультетами философский факультет переехал в новое современное здание. Техническое оснащение факультета — одно из лучших среди гуманитарных факультетов МГУ. Ныне декан философского факультета В.В. Миронов координирует одну из университетских программ научного развития, можно сказать чуть подробнее.

Несмотря на большую загруженность административной деятельностью, В.В. Миронов продолжает активно работать как философ. Им выпущены монографии «Образы науки в современной культуре и философии» (1997), «Философия и метаморфозы культуры» (2005), «Университетские лекции по метафизике» (2005; в соавторстве).

Сквозной темой, проходящей через все философское творчество В.В. Миронова, является бытие и бытование философии в культуре, и ее влияние на формирование мировоззрения человека и общества. Философия рефлексировала над теми ценностями, по которым живет данное общество, обосновывает их и возвращает обыденному сознанию в виде той или иной системы мировоззрения. При этом в зависимости от исторической эпохи материалом осмысления оказываются феномены различных сфер культуры, а именно — доминирующих в данную эпоху: в античности это мифология, в средневековье — религия, в эпоху Возрождения — искусство, в Новое время — наука. Существенно иметь в виду, отмечает В.В. Миронов, что в качестве объекта мировоззренческой рефлексии общественное сознание работает не с наукой как таковой, а с образом науки, который, при определенных условиях, предстает ее превращенной формой. Если общество и его культура развиваются по модели отчуждения, когда человек не может полноценно управлять своими развившимися возможностями и интегрировать их в некую целостность — образ науки раздваивается. В обыденном сознании он выступает в виде дилеммы сциентизма и антисциентизма. В первом случае науке придается безусловное ценностное

значение, причем в качестве идеала научности берутся математика и развитые отделы естествознания. Во втором случае наука демонизируется и не способна решать собственно человеческие проблемы.

Современная наука, это, как принято теперь говорить, «технонаука». Дело не столько в том, что она имеет непосредственный выход в практику, сколько в том, что само применение науки прагматизировано. Отсюда вытекают многочисленные издержки применения науки, которые выражены в глобальных проблемах и еще ожидающих человечество опасностях, связанных с вмешательством в природу человека. В рамках самой науки отказ от гуманистических критериев ее функционирования не вызывает особого беспокойства, поскольку наука по-прежнему воспринимается многими ее представителями как сфера «чистого знания». В данном случае сознание людей науки далеко отстает от их бытия, повседневной практики. Обостряется проблема моральной ответственности ученого за реализацию полученных им результатов.

По оценке В.В. Миронова появление дилеммы «сциентизм — антисциентизм» свидетельствует о неблагоприятном состоянии общества и сигнализирует о качественно новых особенностях общественного развития. К ним В.В. Миронов относит усиление роли обыденного сознания, которое доминирует в культурном пространстве. Пока наука выступала в единстве с общегуманистическими ценностями, существовала ценностная вертикаль, в рамках которой феномены обыденного сознания находились внизу. Вследствие раскола классической традиции низшие формы культуры поднялись и приобрели статус нормы.

Классическая наука опиралась на классическую философскую традицию и была составной частью общей стратегии познания человеком мира. Но в связи с распадом философии в середине XIX века на позитивистскую и иррационалистическую линию, произошла дегуманизация философии, и наука лишилась своего общегуманистического обоснования. Безусловно, классическая модель познания имела свои слабости, главной из которых была созерцательность. При этом сильной стороной иррационалистических концепций была апелляция к индивидуальной активности человека. В этом смысле марксизм с его идеей человеческой деятельности мог бы стать снятием оппозиции рационализма и иррационализма, но не стал им, главным образом, по причинам внефилософского (а именно, политического) характера. Результатом кризиса, который пережила философия, начиная с Канта и далее — с переходом к неклассической стадии, стала утрата доверия ко всякой метафизике вообще. В известном смысле на этом единственном пункте сходятся как позитивисты, так и иррационалисты.

Говоря о кризисе классической философии, В.В. Миронов подчеркивает, что современные формы философствования «реализуются как варианты

разрыва единства рационального постижения бытия»¹. Таким образом, путь снятия вышеуказанной дилеммы видится им во включении иррационального момента в качестве компоненты в рациональное постижение человеком мира. Станет ли это возможным? Ответ зависит от того, в какую сторону будут направлены глобальные изменения в современной культуре.

Под влиянием научно-технического прогресса резко изменяется общая модель функционирования культуры. Классическая модель функционирования культуры в экономическом соответствовала классическому буржуазному обществу, а в политическом — миру национальных государств. В этой модели общечеловеческие ценности существовали только будучи опосредованы через то или иное локальное (чаще всего — национальное) выражение. В условиях перехода человечества к глобальному типу культуры, наступает кризис локального характера культуры. Общечеловеческие ценности могут теперь выступать в качестве основания культуры непосредственно. Могут, но реализуется это в превращенной форме, когда за общечеловеческие и глобальные ценности выдаются ценности той цивилизации, которая в технологическом отношении способна освоить глобальное культурно-информационное пространство и направлять происходящие в нем процессы. В результате глобальное коммуникационное пространство развивается не через диалогический синтез локальных культур, а путем их поглощения. Соответственно коммуникация разительно обедняется в содержательном отношении, ибо превращается в обмен смысловыми структурами, стандартными для всего глобального пространства.

«Это заставляет нас спросить самих себя: будет ли интеграционное образование суперкультуры столь же гуманистическим, как традиционная культура, или антигуманистичным?», — вот тот вопрос, который по мнению В.В. Миронова², должно разрешить человечество в условиях глобализации.

При сохранении существующих тенденций формирования глобального информационного пространства культура все более реализуется как фрагментированное образование, ее продукты носят клиповый характер. Важнейшее достижение информатизации, а именно, возможность мгновенно сделать новый артефакт повсеместно достоянием всех, оборачивается господством поп-культуры, с ее стандартизацией и содержательной бедностью. Очень важно, поэтому, различать прогрессивную тенденцию технологического развития, и ее негуманную реализацию в массовом обществе.

В.В. Миронов отмечает, что современная глобальная культура реализуется как поп-культура, а механизмом ее функционирования выступает шоу. В шоу превращается все: от выборов до расстрела Российского Белого Дома, от жизни «звезд» до войны в Ираке. Шоу работает по законам поведения

¹Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. С. 82.

²Там же. С. 159.

масс, открытым еще Г. Лебоном на заре XX века: слияние зрителя и исполнителя, нивелировка интеллектуальных различий между участниками, исчезновение индивидуального характера восприятия, снижение порога восприятия до набора инстинктивных реакций (страх, ненависть, обожание), свойственных коллективному бессознательному всех людей, утрата рефлексивности и готовность к немедленному силовому действию. Жертвой массовизации становится потеря культурой ее диалогической природы, при которой диалог разных культур становился следствием главного диалога: внутреннего диалога человека с самим собой.

Глобальная клиповая культура принуждает человека ориентироваться не на основе сознательно принятой системы ценностей, а следовать внешним стандартам успеха, которые, как показали это Ж. Бодрийяр и другие теоретики, постоянно отодвигаются вдаль по мере продвижения к ним. В условиях, когда культурный «низ» подает себя в качестве нормы, потребительский тип существования обрекает человека на вечную гонку за атрибутами успеха, в ходе которой он безусловно утрачивает свое индивидуальное Я.

Ответ во многом зависит от философии, по своей природе призванной работать с ценностями общества, проверять и фундировать их. Философия оказалась сегодня в сложном положении. Чтобы выйти к гуманному типу глобального развития, она должна предложить новое глобальное мировоззрение, которое бы базировалось на приоритете общечеловеческих ценностей. Но внутри самой философии наиболее броско очерченные позиции заняли направления, по определению отвергающие гуманизм, логику, историзм. Речь идет о постмодернизме и постструктурализме. По оценке В.В. Миронова, эти направления стали своего рода поп-культурой в самой философии. Деконструкция как метод становится в центр философской рефлексии, а философия сводится к литературной эссеистике как языковому прочтению текста, интерпретируемого в виде бесконечного набора фрагментов. Сама по себе такая позиция не является абсолютно новой в философии: можно вспомнить и античных скептиков, и средневековых номиналистов. Но она отражает современную стадию развития культуры, в которой доминирует фрагментарное, клиповое сознание. Философия — теперь уже негативно — выступает в качестве самосознания культуры.

В.В. Миронов предлагает способ выхода из кризисного состояния. Он видит его в возвращении философии к своим истокам, к античному идеалу ее функционирования, то есть возвращении философии к своей метафизической сущности. Ведь философия и начиналась не как этика, эстетика, социальная философия или логика, пишет В.В. Миронов, а «как метафизическое усилие мысли, сиющейся заглянуть в глубины бытия»¹. Предельные основания бытия мира и человека всегда были предметом философии. Метафизический срез

¹Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. С. 200.

здесь — наиболее глубокий. Он связан с «пределной проблемной рефлексией над бытием и самим собой»¹. Побочным эффектом подобного философского способа существования становится выработка высокой культуры мышления, включающей способность удивляться как источник познания, и способность критически оценивать как окружающее, так и себя самого. Философия выступает здесь как школа формирования человеческой индивидуальности, как способ обретения собственного Я через осознанное принятие определенной системы ценностей и как закалка человеческого духа, испытывающего нравственную ответственность перед персонифицированным в тебе человечеством. Метафизика, по В.В. Миронову, есть основа философии, без взаимодействия с которой прочие философские дисциплины оказываются перед опасностью релятивизации. Собственно, именно преодоление релятивного, клипового характера глобальной культуры и станет свидетельством обретения ею гуманистического состояния. Философия как теоретическое мировоззрение призвана сыграть здесь свою решающую роль, которую за ней не сможет выполнить ни одна из прочих сфер культуры: ни искусство, ни религия, ни наука. В свою очередь, гуманизация глобальной культуры и информационного пространства будет способствовать подконтрольности науки развитию человечества, поможет снять в общественном сознании дилемму «сциентизма» и «антисциентизма».

Свои философские идеи В.В. Миронов стремится донести до широкого читателя. Особенностью творчества В.В. Миронова является яркий публицистический талант, позволяющий ему активно выступать в средствах массовой информации в качестве популяризатора философской мысли. Многочисленные статьи, интервью и выступления В.В. Миронова в печатных, телевизионных и виртуальных средствах массовой информации способствуют росту интереса к философии и философскому образованию в современном российском обществе. Сам В.В. Миронов является главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия: Философия», членом редколлегии журналов «Вопр. философии», «Философские науки», «Вестник Российского философского общества». В 2005–2008 гг. В.В. Миронов был главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия: Политические науки».

В.В. Миронов награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2005), медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества» (2005), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2002), Ломоносовской премией за преподавательскую деятельность (2003), Ломоносовской премией 2-й степени и памятной медалью за научно-исследовательскую деятельность (2008). В январе 2009 г. В.В. Миронову было присвоено звание заслуженного профессора МГУ.

¹Там же. С. 217.

Сочинения

Дилемма «сциентизм — антисциентизм» и природа философского знания // *Логико-методологический анализ научного знания*. М., 1979. С. 32—39.

Рец. на кн.: *Тарасов К.Е., Черненко Е.К.* Ленинское учение о гносеологических корнях идеализма. М., 1980. 294 с. // *Философские науки*. 1981. № 6. С. 167—170. Соавтор: С.Т. Мелюхин.

Диалектико-материалистическое понимание специфики философии как основание критики концепций сциентизма и антисциентизма // *Актуальные проблемы диалектического материализма*. М., 1982. С. 50—57.

Антисциентистские интерпретации специфики философии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1983. № 4. С. 50—59.

Диалектико-материалистическое понимание специфики философии и его значение для критики концепций сциентизма и антисциентизма: *Дисс. ... канд. филос. наук*. М., 1984. 164 с.

Диалектико-материалистическое понимание специфики философии и его значение для критики концепций сциентизма и антисциентизма: *Автореф. дисс. ... канд. филос. наук*. М., 1984. 17 с.

Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой оценки современной науки // *Проблемы методологии познания природных и социальных явлений*. М., 1984. С. 14—19.

Классики марксизма о философских проблемах биологии // *Философские проблемы естествознания*. М., 1985. С. 285—290. Соавторы: С.А. Пастушный, И.Т. Фролов.

О понимании философии как мудрости // *Философские науки*. 1986. № 6. С. 35—43.

Философия, ее предмет и роль в обществе. М., 1987.

Компьютеризация: проблемы и перспективы // *Философские науки*. 1987. № 7. С. 26—36.

Особенности философского постижения мира // *Великий Октябрь, его влияние на общественный прогресс и современность*. М., 1988. С. 93—101.

Уровни рациональности в науке // *Великий Октябрь, его влияние на общественный прогресс и современность*. М., 1988. С. 113—122. Соавтор: Д. Миронова.

Специфика диалектико-материалистического анализа науки в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1989. № 2. С. 12—32.

Auf dem Gipfel der Geschichte. Wie es der Philosophie unter dem Roten Stern erging. Im Gespr ch // Hochschule. Z 5588 F 1/2. Viertelj hr. 1/2. 1993.

Наука и «кризис культуры» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1996. № 4. С. 3—13.

Наука и «кризис культуры» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1996. № 5. С. 3—12.

Образы философии и науки в современной культуре и философии. М., 1997. 251 с.

Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры: *Дисс. ... докт. филос. наук*. М., 1997. 365 с.

Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры: *Автореф. дисс. ... докт. филос. наук*. М., 1997. 35 с.

Значение герменевтических функций философии в процессе диалога культур // Человек, философия, гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса. Т. 6. СПб., 1997. С. 111–114.

Философия. М., 1998. 239 с.

Философия: Сборник методических материалов по курсу. М., 1998.

Ценностные ориентации молодежи и особенности их проявления в СССР в 1970-е — 1980-е годы // Молодежь и общество на рубеже веков. Секция. Становление нового поколения: проблемы образования и воспитания. М., 1998.

Интервью // Философия и общество. 1998. № 5. С. 275–279.

Интервью с Хансом Георгом Гадамером // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 5. С. 3–14. Соавторы: Ю.Д. Артамонова, В.Г. Кузнецов.

Специфика гуманитарного познания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 6. С. 3–29.

Философия. М., 1999. 518 с. Соавторы: В.Г. Кузнецов, И.Д. Кузнецова, К.Х. Момджян.

Философия как свободная интерпретация // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса. Т. 1. Ч. 2. Екатеринбург, 1999. С. 190–192.

Статьи: «Вампиры» (с. 64–65. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Ведьмы» (с. 66–67. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Великаны» (с. 67–68. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Волхвы» (с. 77. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Гадание» (с. 85–86. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Жрец» (с. 124. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Идол» (с. 136–137. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Инициация» (с. 148. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Карлики» (с. 159–160. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Колдун» (с. 162. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Культ и миф» (с. 174–175. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Легенда» (с. 178–179. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Магия» (с. 187. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Мистерия» (с. 195. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Миф» (с. 196–198. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Мифология» (с. 198–200. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Оккультизм» (с. 238–240. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Оракул» (с. 242–244. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Оргия» (с. 244. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Полтергейст» (с. 259–260. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Привидение» (с. 271–272. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Сказка» (с. 333–334. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Талисман» (с. 368–369. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Хаос» (с. 392. Соавтор: В.Г. Кузнецов) // Человек: Философско-энциклопедический словарь. М., 2000.

Философские размышления о гуманитарном компоненте в школе // Содержание образования: идеи и опыт. М., 2000.

Стратегии философского образования в современной России // Философско-культурологический журнал «Z». 2000. № 1–2. С. 7–15.

На президиуме УМО были приняты следующие решения // Вестн. Российского философского общества. 2000. № 2. С. 19–20.

Выступление на юбилее философского факультета Санкт-Петербургского университета // Вестн. Российского философского общества. 2000. № 4. С. 26–27.

Программа общего курса «Онтология и теория познания» для студентов философского факультета. М., 2001.

ДЕКАНЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Философия без границ — как безграничность философии // *Философия без границ*. Ч. 1. М., 2001. С. 4–14.

Dall'amore all'odio: il destine del marxismo in Russia // *Il destine del marxismo in Russia: Dall'idolatria al rifiuto*. Roma, 2001. 103 s.

Онтологическая сущность этики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 2001. № 1. С. 13–17.

Мышление, основанное на свободе // *Университет и школа*. 2001. № 3–4.

От философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // *Вестн. Российского философского общества*. 2001. № 4. С. 10–11.

Будем жить // *Огонек*. 2001. 17 декабря.

Пора ко всему относиться философски // *Огонек*. 2001. № 52. С. 20–23.

Человек команды // *Московский университет*. 2001. Сентябрь. № 36. С. 1–2.

К воссозданию философского факультета (60 лет) // *Красные холмы*. 2001. Октябрь.

Я б в философы пошел... // *Панорама образования*. 2001. № 10–11. С. 4.

Маркс и Россия: миф и реальность // *Журнал школьного муниципального комитета*. 2001. № 4. На кит. яз.

«Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден» // *Литературная газета*. 2001. 28 ноября.

Глобальная коммуникация как фактор трансформации культуры и философии // *Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского философского конгресса*. Ростов н/Д, 2002.

Глобальное коммуникационное пространство, культура и информационная безопасность // *Человек и современный мир*. М., 2002. С. 48–65.

Глобальные коммуникации как фактор трансформации культуры и философии // *Информационное общество в России: проблемы становления*. Вып. 2. М., 2002.

Не бойтесь поступать в МГУ // *Обыватель*. 2002. № 1. С. 15–16.

Культура в пространстве глобальной коммуникации // *Вестн. Российского философского общества*. 2002. № 1. С. 19–24.

Деканам философских факультетов вузов стран СНГ и Балтии // *Философские науки*. 2002. № 1. С. 33–34.

Проблемы образования в современном мире и философия // *Отечественные записки*. 2002. № 2. С. 30–35.

Восхождение к индивидуальности // *Высшее образование в России*. 2002. № 3. С. 154–157.

Трансформация философии в эпоху глобализации // *Философия хозяйства*. М., 2002. № 4. С. 155–166.

О философии, философском факультете и философах // *Вопр. философии*. 2002. № 5. С. 89–111.

Только тест не должен определять судьбу абитуриента // *Формула карьеры*. 2002. № 10. С. 110.

Философские отношения // *Крестьянка*. 2002. № 12. С. 108–109. Соавтор: Д. Миронова.

60 лет воссоздания философского факультета // *Московский университет*. 2002. Февраль. Приложение.

Выступление на юбилее философского факультета МГУ // Московский университет. 2002. Март. № 9. С. 2.

Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти. М., 2003. Соавтор: А.Т. Зуб. 335 с.

Статьи: «Коммуникация глобальная» (с. 452–453), «Локальная культура» (с. 530–532) // Глобалистика. М., 2003.

Статьи «Communication, global» (р. 77–78), «Local culture» (р. 332–333) // Global Studies: Encyclopedia / Ed. by I.I. Mazour, A.N. Chumakov, W.C. Gay. Raduga publishers. M., 2003.

Premessa // Croce a Mosca. Luis University Press. Pola srl, 2003.

Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

Философия // Алексеев П.В. Социальная философия. М., 2003. С. 69–84.

Культура (окончание) // Алексеев П.В. Социальная философия. М., 2003. С. 136–149.

«Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден» // Высшая школа нового века. Чебоксары, 2003. С. 99–106.

Информационное пространство: «вызовы» культуре // Информационное общество в России: проблемы становления. Вып. 3. М., 2003. С. 71–74.

«Деидеологизации» — новая идеология? // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 67–73.

«Деидеологизации» — новая идеология? // Вища школа. 2003. № 1.

Болевая точка // Платное образование. 2003. № 1.

Государство в государстве // Платное образование. 2003. № 1.

Серафим Тимофеевич Мелюхин (Некролог) // Философия и общество. 2003. № 1. С. 185–187.

Памяти Серафима Тимофеевича Мелюхина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 2. С. 119–121.

Без государственной поддержки философское образование в России обречено на прозябание // Вестн. Российского философского общества. 2003. № 2. С. 56–64.

Философия и герменевтика // Гуманитарий (Саранск). 2003. № 3. С. 38–39.

Серафим Тимофеевич Мелюхин (Некролог) // Вопр. философии. 2003. № 7. С. 188–189.

Мы тратим деньги на развитие фундаментального образования // Карьера. 2003. 18 февраля.

Университетские лекции по метафизике. М., 2004. 647 с. Соавтор: А.В. Иванов.

Философия средневековья // Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2004. С. 110–123. Соавтор: П.В. Алексеев.

Классическая немецкая философия // Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2004. С. 133–141.

Основные направления современной западной философии // Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2004. С. 166–201.

Предмет философии // Философия / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. М., 2004. С. 5–26.

Философия как система идей // Философия / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. М., 2004. С. 357–492.

Глобальная коммуникация как фактор трансформации культуры // Политологическое образование в России: традиции и инновационный поиск. М., 2004. С. 15–25.

Глобальная коммуникация как фактор трансформации культуры // Человек в современных философских концепциях. Т. 1. Волгоград, 2004. С. 77–87.

Il destino del marxismo in Russia: dall'idolatria al rifiuto. Dall'amore all'odio: il destino del marxismo in Russia // Cms, Luiss University Press — Pola srl. Roma, 2004.

Culture in the Space of Global Communication // Philosophical Traditions and Contemporary World: Russia-West-East/Edited by Nur Kirabaev, Yuriy Pochta. Moscow: Publishing House of the peoples' Friendship University of Russia, 2004.

О позиции УМО в отношении модернизации гуманитарного образования и места в нем философии // Вестн. Российского философского общества. 2004. № 1. С. 60–61.

Нужен ли учебник по философии, или еще раз о специфике философского знания // Вестн. Российского философского общества. 2004. № 3. С. 48–56.

Выступление на «круглом столе» на тему «Философия в современной культуре: новые перспективы» // Вопр. философии. 2004. № 4. С. 18–24.

За всем стоит Министр Высшего Глобального Образования... // Платное образование. 2004. № 7–8.

Рец. на кн.: Косичев А.Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 350 с. // Вопр. философии. 2004. № 12. С. 175–178. Соавтор: Т.И. Ойзерман.

Кому нужны умные люди? // Огонек. 2004. № 51. С. 24–27.

Не всякому гуру стоит верить // Собеседник. 2004. 14 апреля.

Высшее образование регулирует Госстандарт // Российские вести. 2004. 14 июля.

Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. 424 с.

Онтология и теория познания. М., 2005. 447 с. Соавтор: А.В. Иванов.

Введение // Философия / Под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 1–20.

Бытие как центральная категория онтологии // Философия / Под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 435–459.

Фундаментальные свойства бытия // Философия / Под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 460–521.

Статьи: «Инициация» (с. 201. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Логос» (с. 296. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Меризм» (с. 316), «Мистерия» (с. 332–333. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Хаос» (с. 648. Соавтор: В.Г. Кузнецов), «Холизм» (с. 649) // Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2005.

Синтез чистой философии и прикладных научных исследований // Философия науки и научно-технической цивилизации. М., 2005. С. XI.

Проект Просвещения и миссия Университета // Здравый смысл. 2004/2005. № 1 (34). С. 7–11.

Чтобы не распалась связь времен // Образование без границ. 2005. Спецвыпуск. С. 4–5.

Классическое образование: фундаментальность и динамизм // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 40–58.

Интервью // Вестн. Российского философского общества. 2005. № 1. С. 40–43.

Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005. № 1. С. 14–18.

Московский университет заслуживает особого статуса // *Вопр. философии*. 2005. № 2. С. 30–38.

Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // *Вестн. Российского философского общества*. 2005. № 3. С. 9–22.

Философский факультет МГУ принимает гостей // *Здравый смысл*. 2005. № 3 (36). С. 22.

Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // *Alma mater*. 2005. № 3. С. 9–22.

Слово к читателям // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки*. 2005. № 4. С. 3–6. Соавтор: Ю.В. Бойцова.

Интервью // *Логос*. 2005. № 5. С. 5–8.

Культура после постмодерна // *Политический класс*. 2005. № 6.

Интервью // *Московский комсомолец*. 2005. 5 мая.

Философия возвращается // *Известия*. 2005. 24 мая.

Приветственное слово участникам IV Всероссийского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» // *Московский университет. Спецвыпуск*. 2005. Май.

Статьи: «Коммуникация глобальная» (с. 423–425), «Локальная культура» (с. 492–493) // *Глобалистика*. М., 2006.

Философия как рационально-теоретическое знание и наука // *Современные проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук*. М., 2006. С. 5–12.

Выступление на заседании УМО по философии // *Вестн. Российского философского общества*. 2006. № 1. С. 25–26.

Информация о подготовке дополнений к библиографическому словарю «Философы России XIX—XX вв. Биографии. Идеи. Труды» // *Вестн. Российского философского общества*. 2006. № 1. С. 217–219. Соавтор: П.В. Алексеев.

Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // *Вопр. философии*. 2006. № 2. С. 27–43.

Начало пути: кандидатские диссертации молодых философов // *Эпистемология и философия науки*. 2006. № 4. С. 208–225. Соавтор: В.Г. Кузнецов.

Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 2006. № 4. С. 34–48.

О подготовке библиографического словаря «Философы России XIX—XX столетий» за 2000–2006 гг. // *Философские науки*. 2006. № 12. С. 134–136. Соавтор: П.В. Алексеев.

Интервью // *Фома*. 2006. 24 ноября.

Нужно ли нам религиозоведение // *Независимая газета*. 2006. 4 октября.

В свете философской концепции // *Компас*. 2006. 10 октября.

Выступление на «круглом столе» на тему «Религия и школа» // *Независимая газета*. 2006. 15 декабря.

Где учат на президентов // *Московский комсомолец*. 2006. 22 декабря.

Философия как самосознание культуры // *Кто сегодня делает философию в России*. Т. 1. М., 2007. С. 151–174.

Поп-культура: симуляция культуры и философии // *Философия — обществу*. Вып. 2. СПб., 2007. С. 201–219.

Эстетика как наслаждение // *Эстетика: прошлое, настоящее и будущее: I Овсянниковская международная эстетическая конференция (Москва, МГУ, 21–22 ноября 2005 года)*. М., 2007. С. 9–10.

Болонский процесс и проблема качества // Проблемы контроля качества образования в области философии. М., 2007. С. 7–13.

Глобализация высшего образования и Болонский процесс // Высшее образование: вызовы Болонского процесса и ВТО. М., 2007. С. 7–26.

Россия в глобальном мире: отечественное образование и Болонский процесс // Здравый смысл. 2007. № 2 (43). С. 14–21.

Смысл философии как метафизики // Вестн. Мурманского государственного технического университета. 2007. № 3. С. 418–429.

Выступление на заседании УМО по философии // Вестн. Российского философского общества. 2007. № 4. С. 66.

К 60-летию журнала «Вопр. философии» // Вопр. философии. 2007. № 9. С. 4–5.

Трудности перехода // Смысл. 2007. 15 апреля.

Философия для детей // Философия — детям. М., 2008. С. 3–7.

Образование как основополагающая культурная ценность и опасности унификации // Диалог цивилизаций. М., 2008.

Жизнь как поступок // Александр Александрович Зиновьев. М., 2008. С. 19–24.

Предисловие // Глобальные проблемы устойчивого развития и современная цивилизация. М., 2008. С. 10–11.

Выступление на заседании УМО по философии // Вестн. Российского философского общества. 2008. № 1. С. 70.

Актуальные вопросы организации религиозно-образовательного образования // Вестн. Российского сообщества преподавателей религиоведения. 2008. № 1. С. 9–32.

Модернизационные процессы в управлении образованием // Вестн. Российского философского общества. 2008. № 2. С. 51–59.

Наш Александр Зиновьев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2008. № 5. С. 3–8.

Отзыв о книге: Русская философия: Энциклопедия. М., 2007. 736 с. // Вопр. философии. 2008. № 9. С. 34–37.

Философское наследие А.А. Зиновьева // Зиновьевские чтения в Московском университете. М., 2009. С. 6–8.

Философия поступка // Зиновьевские чтения в Московском университете. М., 2009. С. 9–17.

Доклад // «Время конца времен»: Время и вечность в современной культуре. М., 2009. С. 10–27, 28.

Инновационное образование: вызовы и решения // Социокультурные факторы инновационного развития организации. М., 2009. С. 19–31.

Оправдание метафизики // Сущность и слово. М., 2009. С. 8–33.

Философия, открытая для всех // Сократ. 2009. № 1. С. 18–20.

Человек с нетрадиционной аттестацией // Накануне. 2009. 29 мая.

За отмену ЕГЭ // Комсомольская правда. 2009. 27 августа.

Непрощенный // Профиль. 2009. 31 августа.

Предисловие // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 6–10.

Серафим Тимофеевич Мелюхин — учитель, наставник, человек // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 1. М., 2010. С. 170–182.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МИРОНОВ

Философские категории: бытие и небытие, субстанция // Мелюхин С.Т. Избранные труды: Наследие и современность. Т. 3. М., 2010. С. 61—81.

Предисловие // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 7—10.

Глобализация и трансформация образования в России // Методические записки. Философское образование. Вестн. Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 5. М.; СПб., 2010. С. 18—40.

Непрощенный // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Педагогическое образование. 2010. № 1. С. 3—6.

Процессы трансформации культуры в глобализующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2010. № 3. С. 3—25.

Выступление на Павловских чтениях // Вестн. Российского философского общества. 2010. № 4. С. 27.

История философии: казнить нельзя помиловать // Российская философская газета. 2010. № 3. Март.

Современные трансформации в культуре. СПб., 2011. 117 с.

Метафизика и математика: точки соприкосновения // Метафизика. Век XXI. М., 2011. С. 393—413.

Еще раз о специфике философии: Рец. на кн. Ойзерман Т.И. Метафилософия: Теория историко-философского процесса. М., 2009. 439 с. // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 3. С. 273—281.

Философский факультет МГУ: прошлое—настоящее—будущее // Московский университет. 2011, № 23—24, Август; № 25, Сентябрь.

Религиовед — всегда философ // Независимая газета. 2011. 7 сентября.

Литература

Алексеев П.В. Мионов Владимир Васильевич // Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 385—389.

Владимиру Васильевичу Мионову — 50 лет // Вестн. Российского философского общества. 2003. № 1. С. 224—225.

Зая И.Ю. О письме профессора В.В. Мионова // Философские науки. 2003. № 5. С. 152—153.

В.В. Мионову — 50 лет // Вопр. философии. 2003. № 8. С. 190.

Мостинская А. Под сенью МГУ // В мире науки. 2005. № 9. С. 14—17.

Алексеев П.В. Мионов Владимир Васильевич // Русская философия. М., 2007. С. 341.

Наши поздравления // Вестн. Российского философского общества. 2008. № 2. С. 225.

Алексеев П.В. Мионов Владимир Васильевич // Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 633—634.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Труды Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 265–269.

Кутасов Д.А. Работа философского факультета Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского // Под знаменем марксизма. 1941. № 1. С. 166–168.

На философском факультете // Вестн. Моск. ун-та. 1946. № 3–4. С. 145.

Скворцов А.П. Новые научные труды // Московский университет. 1946. 16 ноября.

Скатерщиков В.К. Благодарим университет // Московский университет. 1947. 28 июня.

В коллегии Министерства высшего образования СССР // Вестн. высшей школы. 1948. № 12. С. 31–34.

Эпитейн М. Улучшить подготовку философских кадров // Московский университет. 1948. 14 февраля.

Философский факультет // Московский университет. 1948. 21 июня.

Берестнев В.Ф. О мерах по улучшению подготовки философских кадров на философских факультетах университетов // Вопр. философии. 1949. № 1. С. 371–372, 378.

Наука, которую надо знать всем // Московский университет. 1949. 2 июля.

Хван М. Конференция прошла успешно // Московский университет. 1950. 6 мая.

К вершинам знаний // Московский университет. 1950. 15 июля.

Гагарин А.П. На философском факультете Московского государственного университета // Вопр. философии. 1951. № 3. С. 214–218.

Гагарин А.П. На философском факультете // Вестн. Моск. ун-та. 1951. № 7. Вып. 3. С. 170–172.

Малинин В.А. Большая цель // Московский университет. 1951. 16 января.

Философский факультет // Московский университет. 1951. 16 марта.

Познер А.Р. Наука, которую нужно знать всем // Московский университет. 1952. 26 апреля.

Никитин П.И. Почетная задача // Московский университет. 1953. 27 ноября.

Грисмак М. Интересные исследования // Московский университет. 1956. 26 июня.

На широкой философской базе // Московский университет. 1957. 21 апреля.

Семилетние планы научно-исследовательской работы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1958. № 3. С. 177–182.

Козловский В. Факультет готовит пропагандистов // Московский университет. 1959. 24 апреля.

Молодцов В.С. На новый уровень подготовку философских кадров в университетах страны // Вопр. философии. 1959. № 7. С. 25–34.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Познер А.Р.* Равнение — на деловитость // Московский университет. 1960. 30 сентября.
- Могучий инструмент познания и действия // Московский университет. 1961. 19 сентября.
- Поликанов А.* Старейший факультет // Московский университет. 1962. 5 июня.
- Калтахчян С.Т., Петров Ю.П.* О философском образовании в СССР // Вопр. философии. 1963. № 8. С. 61—66.
- Курс на более тесную связь с жизнью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1964. № 6. С. 90—93.
- Павлов А.Т.* Жатва научных посевов // Московский университет. 1964. 9 июня.
- Курочкин Н.* Планы науки — планы жизни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1965. № 2. С. 81—83.
- Васецкий Г.С.* Философы университета к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 2. С. 3—10.
- Алехина И.* Дороги прокладывать вам // Московский университет. 1968. 19 апреля.
- Тиньков К.* Философский факультет // Московский университет. 1969. 25 апреля.
- Вуколова Г., Кудряшова М.* Здесь готовят философов // Московский университет. 1970. 15 мая.
- Пителинская Н.Д.* Возможно, и ты // Московский университет. 1971. 11 мая.
- Турук Г.П.* Вас ждут открытия // Московский университет. 1972. 5 мая.
- Меськов В.* Колыбель науки // Московский университет. 1973. 4 мая.
- Гречко П., Степашов Н.* О первой науке // Московский университет. 1975. 16 мая.
- Костюченко Л.Г.* Философия и коммунистическое строительство // Московский университет. 1976. 15 апреля.
- Мелюхин С.Т.* Совершенствовать систему подготовки студентов и аспирантов // Вопр. философии. 1977. № 1. С. 143—145.
- Ваганов С., Никитин А.* К новым вершинам // Московский университет. 1977. 7 апреля.
- Грецкий М.Н.* Перспективы поиска // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Павлов А.Т.* Наша история // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Костюченко Л.Г., Маслин М.А.* Философия в современном мире // Московский университет. 1978. 24 февраля.
- Косичев А.Д.* Философский факультет // МГУ-80. М., 1979. С. 32—35.
- Косичев А.Д.* Научные исследования и подготовка кадров по философии и научному коммунизму. Итоги и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 3—17.
- Меськов В.* Древнейшая и всегда актуальная // Московский университет. 1980. 28 марта.
- Маслин М.А.* Научные исследования на философском факультете МГУ в десятой пятилетке // Философские науки. 1981. № 1. С. 50—59.
- Косичев А.Д.* Основные направления научных исследований на философском факультете Московского государственного университета: итоги и перспективы // Философские науки. 1981. № 1. С. 50—59.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Косичев А.Д. Научные исследования и подготовка кадров по философии и научному коммунизму. Итоги и перспективы // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 97—111.

Общественные науки на новом этапе // Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. 1988. № 2. С. 1—4.

Общественные науки на новом этапе перестройки // Вестн. высшей школы. 1988. № 2. С. 3—10; № 3. С. 6—16.

Нарский И.С., Пащенко В.Я., Петров Ю.А. Вопросы перестройки философского образования // Философские науки. 1988. № 6. С. 86—91.

Решетилова Л. Наука наук // Московский университет. 1988. 7 апреля.

Панин А.В. Философия — душа культуры // Вестн. высшей школы. 1989. № 8. С. 31—33.

Ваулина Т., Степанова М. Куда подует ветер перемен? // Вестн. высшей школы. 1990. № 6. С. 56—59.

Панин А.В. Умом Россию понимать // Новая Россия. 1997. № 3. С. 24—26.

Корсаков С.Н. Конспект истории философского факультета МГУ 1930—1970-х годов: Портреты // Преподаватель. 2000. № 1. С. 59—61.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 3—66.

Миронов В.В. О философии, философском факультете и философях // Вопр. философии. 2002. № 5. С. 89—111.

Философский факультет в цифрах // Московский университет. 2002. № 9.

Антонов В.И. Философские портреты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2004. № 6. С. 29—39.

Козырев А.П. Философия в Московском университете // Вестн. Российского философского общества. 2005. № 1. С. 18—29.

Миронов В.В. Философский факультет МГУ принимает гостей // Здравый смысл. 2005. № 3 (36). С. 22.

Косичев А.Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2-е изд. М., 2007. 383 с.

Козырев А.П. История философского факультета МГУ // Методические записки. Философское образование. Вестн. Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 5. М.; СПб., 2010. С. 51—61.

Кафедра онтологии и гносеологии

Бросов Б. Кандидат философских наук Д. Кошелевский // Московский университет. 1947. 30 апреля.

Кочетков Ф.К. Успех дела решают кадры // Московский университет. 1948. 29 мая.

Шевцов Н.С. Из опыта работы кафедр марксизма-ленинизма и философии // Вестн. высшей школы. 1949. № 8. С. 26—30.

Кошелевский Д.И. Хорошая подготовка — залог глубоких знаний // Московский университет. 1951. 25 мая.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Кошелевский Д.И.* Широкие перспективы // Московский университет. 1952. 22 ноября.
- Кошелевский Д.И.* Высокие требования — залог успеха! // Московский университет. 1953. 7 апреля.
- Кошелевский Д.И.* Перед ответственным экзаменом // Московский университет. 1954. 6 января.
- Ананьева М.* О преподавании диалектического материализма // Московский университет. 1954. 24 февраля.
- Громаков В.* Большие задачи // Московский университет. 1955. 2 сентября.
- Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А.* На кафедрах философского факультета МГУ // Вопр. философии. 1957. № 2. С. 159—165.
- Мелюхин С.Т.* Разработка актуальных проблем диалектического материализма в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1980. № 2. С. 44—50.
- Мелюхин С.Т.* Кафедра диалектического материализма // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 112—120.
- Мелюхин С.Т.* Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 8—9.
- Антонов В.И.* Арчил Ильин — философ-гуманист и методолог науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 2. С. 104—109.
- Чтения памяти А.Я. Ильина // Вопр. философии. 1998. № 3. С. 160—161.
- Антонов В.И.* Арчил Ильин как личность, философ, ученый // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 2. С. 96—112.
- Ильина Т.А., Лисеев И.К.* Профессор А.Я. Ильин // Вестн. Российского философского общества. 2007. № 4. С. 223—225.

Кафедра философии и методологии науки

- Кузнецов В.Г., Меськов В.С., Петров Ю.А.* Отклики читателей: мнения и обсуждения // Вопр. философии. 1987. № 10. С. 147—149.
- Артамонова Ю.Д., Вархотов Т.А., Кузнецов В.Г., Панин А.В., Чусов А.В.* Философия и методология науки: Программа // Философия и методология науки. М., 2003. С. 10—28.
- Кузнецов В.Г., Миронов В.В.* Начало пути: кандидатские диссертации молодых философов // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 208—225.
- Теоретический семинар кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2006. № 5. С. 95—113.

Кафедра социальной философии

- Андреева Г.М.* Дело всей кафедры // Московский университет. 1954. 11 декабря.
- Панцхава И.Д.* Важнейшее идейное оружие в борьбе с ревизионизмом // Московский университет. 1959. 9 мая.
- Агафошкин Ю.Ф.* Обсуждение проблем исторического материализма на философском факультете МГУ // Философские науки. 1965. № 4. С. 125—129.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Момджян К.Х.* Наука о развитии общества // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Манешин В.С., Махиня В.П.* Вклад ученых кафедры исторического материализма в философскую науку // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 18–23.
- Боголюбова Е.В.* Кафедра исторического материализма // Московский университет. 1981. 13 апреля.
- Бачешкина Т.И., Манешин В.С.* Кафедра исторического материализма // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 120–125.
- Боголюбова Е.В.* Во главе коллектива (о В.И. Разине) // Московский университет. 1985. 21 марта.
- Разин В.И.* Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 9–10.
- Момджян К.Х.* О новой программе курса исторического материализма на философском факультете МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 1. С. 3–6.
- Резник Ю.М.* Кафедре — 40 лет! // Личность. Культура. Общество. 2000. № 4. С. 287.
- К 40-летию кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Философия и общество. 2001. № 1. С. 185.

Кафедра логики

- Шевцов Н.С.* Задачи преподавания логики в вузах // Вестн. высшей школы. 1948. № 8. С. 8–14.
- Стяжкин Н.И.* Интересная тема // Московский университет. 1954. 12 апреля.
- Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А.* На кафедрах философского факультета МГУ // Вопр. философии. 1957. № 2. С. 159–165.
- Торчинский О.* Логика — наука точная // Московский университет. 1966. 1 марта.
- Падурова И.* Что такое логика? // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Старченко А.А., Стяжкин Н.И.* Деятельность кафедры логики по подготовке кадров и развитию научных исследований (1947–1979) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1980. № 2. С. 60–65.
- Старченко А.А., Стяжкин Н.И.* Кафедра логики // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 176–181.
- Ивлев Ю.В.* Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 10–11.
- Ивлев Ю.В.* Некоторые результаты научной работы кафедры логики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 4. С. 4–11.
- Воробьев В.В., Грифцова И.Н., Смирнова Е.Д.* Дисциплина общей культуры // Московский университет. 1988. 28 января.
- Карпенко А.С.* Логика в России. Вторая половина XX века // Вопр. философии. 1999. № 9. С. 148–158.
- Бочаров В.А.* Как это было // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 73–85.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Болотов А.Е., Зайцев Д.В.* Ученый и время // *Логика* и В. Е. К. М., 2003. С. 4–11.
- Бирюков Б.В.* Борьба вокруг логики в Московском государственном университете в первое послесталинское десятилетие (1954–1965) // *Логика* и В. Е. К. М., 2003. С. 39–101.

Кафедра психологии

- Леонтьев А.Н.* Проблемный план научно-исследовательской работы кафедры психологии Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова // *Сборник информационных материалов АПН РСФСР*. 1952. № 2. С. 32–36.
- Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А.* На кафедрах философского факультета МГУ // *Вопр. философии*. 1957. № 2. С. 159–165.
- Данилова Н.Н.* Исследование сенсорных процессов на кафедре психологии Московского университета // *Сборник информационных материалов АПН РСФСР*. 1957. № 3. С. 97–105.
- Талызина Н.Ф.* На отделении психологии философского факультета Московского университета // *Вопросы психологии*. 1959. № 4. С. 187–188.
- На повестке дня научные сообщения студентов // *Московский университет*. 1959. 28 марта.
- Талызина Н.Ф.* Работу студентов нужно и можно сделать более продуктивной // *Московский университет*. 1961. 19 декабря.
- Лурия А.Р.* В глубины сознания // *Московский университет*. 1963. 17 декабря.
- Ждан А.Н.* К 50-летию создания в МГУ кафедры психологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология*. 1993. № 1. С. 47.
- Ждан А.Н.* Преподавание психологии в Московском университете // *Вопросы психологии*. 1993. № 4. С. 80–93.
- Абульханова К.А., Славская А.Н.* К истории союза психологии и философии // *Вопр. философии*. 1996. № 5. С. 163–170.
- Андреева Г.М.* К истории становления социальной психологии в России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология*. 1997. № 4. С. 6–17.

Кафедра истории зарубежной философии

- Петренко С.И.* Целеустремленно формировать материалистическое мировоззрение студентов // *Вестн. высшей школы*. 1954. № 12. С. 8–13.
- Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А.* На кафедрах философского факультета МГУ // *Вопр. философии*. 1957. № 2. С. 159–165.
- Бережной Н.М.* Спецкурс—спецсеминар по методологическим проблемам истории философии // *Философские науки*. 1960. № 2. С. 198–199.
- Трифорова М.* О настоящем человеке (о В.Ф. Асмусе) // *Московский университет*. 1960. 31 декабря.
- Лекцию читает профессор В.Ф. Асмус // *Московский университет*. 1969. 17 декабря.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Каримский А.М. Об исследованиях по истории зарубежной философии ученых МГУ // *Философские науки*. 1971. № 2. С. 185–186.

Майоров Г.Г., Мельвиль Ю.К., Соколов В.В. Истории зарубежной философии в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1979. № 6. С. 45–54.

Майоров Г.Г., Мельвиль Ю.К., Соколов В.В. Кафедра истории зарубежной философии // *История философской мысли в Московском университете*. М., 1982. С. 136–145.

Клочкова Е. 90-летие В.Ф. Асмуса // *Московский университет*. 1985. 18 февраля.

Доброхотов А.Л. Рядом с нами (о А.Н. Чанышеве) // *Московский университет*. 1986. 22 мая.

Мельвиль Ю.К. Интервью // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1987. № 3. С. 17–18.

Уемов А.И. В.Ф. Асмус глазами его аспиранта // *Философские науки*. 1999. № 3–4. С. 13–26.

Юбилей профессора В.В. Соколова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 2000. № 4. С. 3–17.

Вспоминая В.Ф. Асмуса. М., 2001. 296 с.

Валентин Фердинандович Асмус. М., 2010. 479 с.

Антонов В.И. Я слушал великого Асмуса // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 2010. № 2. С. 108–116.

Кафедра истории русской философии

Попов С.И. Секретарь бюро ВЛКСМ Павел Шкуринов // *Московский университет*. 1944. 29 февраля.

Козлов Н.С. К новым высотам советской культуры // *Московский университет*. 1949. 18 февраля.

Егоров О. Защиты дипломных работ // *Московский университет*. 1950. 14 апреля.

Щипанов И.Я. Прочные, глубокие знания // *Московский университет*. 1952. 31 января.

Арефьева Г.С., Суворов Л.Н. Новый сборник кафедры истории русской философии // *Московский университет*. 1953. 15 января.

Суворов Л.Н. Кафедра готовится к юбилею // *Московский университет*. 1955. 30 марта.

Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А. На кафедрах философского факультета МГУ // *Вопр. философии*. 1957. № 2. С. 159–165.

Козлов Н.С. Конференция философов // *Московский университет*. 1961. 24 октября.

Андреев А., Козлов Н. На высоком теоретическом уровне // *Московский университет*. 1969. 10 декабря.

Маслин М.А. Мудрость мысли народной // *Московский университет*. 1977. 26 апреля.

Павлов А.Т. Исследования истории философии народов СССР в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1979. № 6. С. 66–73.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Павлов А.Т. Кафедра истории философии народов СССР // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 146–155.

Кувакин В.А. Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 15–17.

Кувакин В.А. Мое новогоднее размышление // Московский университет. 1990. 12 февраля.

Маслин М.А. Живое единство и многообразие русской философии // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 127–135.

Павлов А.Т. Несколько слов на тему «Я и кафедра» // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 2002. С. 143–145.

Кафедра истории марксистско-ленинской философии

Попов С.И. Ученые пришли на завод // Московский пропагандист. 1959. № 4. С. 52–57.

Александров О. Человек большой веры (о Л.Ф. Кузьмине) // Московский университет. 1962. 19 января.

Иовчук М.Т. Советская историко-философская наука к 50-летию Октябрьской революции (основные направления и проблемы исследований) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 5. С. 66–78.

Мухтасипов М.М. Большой разговор о наследии Ильича // Московский университет. 1969. 11 июня.

Вазюлин В.А., Гобзов И.А., Кувакин В.А., Петрашик А.П. Исследования по истории марксистско-ленинской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 24–33.

Вазюлин В.А., Гобзов И.А., Кувакин В.А., Петрашик А.П. Кафедра истории марксистско-ленинской философии // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 155–166.

Журавлева В. Надежный источник тепла (о М.М. Филипповой) // Московский университет. 1983. 17 февраля.

Косичев А.Д. Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 13.

Лисенков М.М. Влюбленная в философию (о В.А. Фоминой): Ученики об учителях. М., 1990. С. 174–181.

Кафедра философии религии и религиоведения

Панцхава И.Д. Кафедра истории и теории атеизма // Московский университет. 1959. 5 сентября.

Орлов С.М. Вуз и атеистическое воспитание // Вестн. высшей школы. 1964. № 4. С. 67–72.

Орлов С.М. Совершенствовать систему атеистического воспитания в вузах // Основные направления работы кафедр философии. М., 1969. С. 153–166.

На кафедре атеизма Московского университета // Наука и религия. 1972. № 4. С. 48–49.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Новиков М.П. Научно-исследовательская работа на кафедре истории и теории атеизма МГУ // Вопросы научного атеизма. 1976. Вып. 19. С. 134–142.

Тажуризина Э.А. Зрелость мировоззренческая и гражданская // Наука и религия. 1976. № 10. С. 12–16.

Дмитриева Н.К., Куфакова Н.Д. Методика преподавания научного атеизма в высшей школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1977. № 3. С. 74–80.

Дмитриева Н.К. О методике преподавания научного атеизма в высшей школе // Философские науки. 1977. № 3. С. 159–162.

Данилова М., Тажуризина Э. Научный атеизм в высшей школе // Наука и религия. 1977. № 3. С. 32–33.

Дмитриева Н.К. Быть атеистом // Московский университет. 1977. 26 апреля.

Новиков М.П., Яблоков И.Н. Двадцатилетний опыт подготовки атеистических кадров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 88–94.

Трофимова Э.П. Кафедра научного атеизма // Московский университет. 1981. 13 апреля.

Новиков М.П., Яблоков И.Н. Кафедра истории и теории атеизма // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 195–203.

Трофимова Э.П. Одна большая семья // Московский университет. 1982. 15 марта.

Ересько М. Формировать коммунистическое мировоззрение // Московский университет. 1982. 13 июля.

Красников А., Вылегжанин Ю. По проблемам атеизма // Московский университет. 1984. 21 мая.

Маят Е. Воспитывать атеистов // Московский университет. 1985. 24 апреля.

Элбакян Е.С. По вопросам атеистического воспитания // Московский университет. 1985. 18 декабря.

Элбакян Е.С. Свидетельство интереса // Московский университет. 1986. 26 июня.

Элбакян Е.С. Важное условие общения // Московский университет. 1986. 18 декабря.

Новиков М.П. Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 13–15.

Элбакян Е.С. Мировоззрение и литература // Московский университет. 1987. 16 апреля.

Яблоков И.Н. Выступление на партийном активе университета // Московский университет. 1987. 29 мая.

Яблоков И.Н. Атеистическое воспитание — самостоятельное направление идеологической работы // Московский университет. 1987. 7 июля.

Преподавание научного атеизма в вузе. М., 1988. 223 с.

Пудова Т. Через призму религии // Московский университет. 1988. 4 октября.

Яблоков И.Н. Запрета нет // Московский университет. 1989. 14 февраля.

Отделение религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Религиоведение. 2001. № 2. С. 198–199.

Юбилей Зульфии Абдулхаковны Тажуризиной // Религиоведение. 2002. № 3. С. 174.

Юбилей Игоря Николаевича Яблокова // Религиоведение. 2005. № 4. С. 3–4.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Миронов В.В.* Актуальные вопросы организации религиозного образования // Вестн. Российского сообщества преподавателей религиоведения. 2008. № 1. С. 9–32.
- 50 лет кафедре философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Под общ. ред. З.П. Трофимовой, И.Н. Яблокова. М., 2009. 220 с.
- Забияко А.П.* К 50-летию кафедры философии религии и религиоведения // Религиоведение. 2010. № 6. С. 200–201.
- Игорю Николаевичу Яблокову — 75! // Религиоведение. 2011. № 1. С. 3–4.

Кафедра этики

- Дедов П.* Курс интересный и сдавать интересно // Московский университет. 1961. 6 июня.
- Всесоюзная научная конференция по этике на философском факультете МГУ // Философские науки. 1975. № 4. С. 157–162.
- Николаичев Б.О.* Кафедра марксистско-ленинской этики философского факультета МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1977. № 6. С. 90–92.
- Николаичев Б.О.* Совершенствование этики — требование нашей эпохи // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Анисимов С.Ф., Николаичев Б.О.* Кафедра марксистско-ленинской этики: десять лет преподавания, научной и общественной деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 82–87.
- Анисимов С.Ф., Николаичев Б.О.* Кафедра марксистско-ленинской этики // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 191–195.
- Майленова Ф.Г.* Проблема, волнующая всех // Московский университет. 1986. 9 января.
- Титаренко А.И.* Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 11–13.
- Бабенко И.* Перспективы этики // Московский университет. 1989. 28 февраля.
- Волченко Л.Б.* Двадцать лет работы // Обновление морали и перспективы этики. М., 1990. С. 16–24.
- Волченко Л.Б., Смоленцев Ю.М.* Кафедра этики: двадцать пять лет работы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1994. № 4. С. 27–33.
- Алексеева Е.* Событие у философов // Университетская книга. 1999. № 10. С. 61.

Кафедра эстетики

- Белькин Ю., Остапченко Л.* Лекторий по эстетике // Московский университет. 1959. 16 ноября.
- Торшилова Е.* Каким будет искусство будущего // Московский университет. 1962. 11 декабря.
- Яковлев Е.Г.* Кафедре эстетики 10 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1970. № 5. С. 92–93.
- Яковлев Е.Г.* Принципы построения курса истории и теории эстетики в МГУ // Эстетическое воспитание студентов. М., 1973. С. 96–99.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Яковлев Е.Г.* Направление исследований // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Мигунов А.С., Овсянников М.Ф.* Развитие эстетической науки в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 6. С. 74—81.
- Мигунов А.С., Овсянников М.Ф.* Кафедра марксистско-ленинской эстетики // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 181—190.
- Овсянников М.Ф.* Подготовка национальных кадров по эстетике на философском факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 6. С. 54—57.
- Овсянников М.Ф.* Интервью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1987. № 3. С. 13.
- Дзикевич С.А.* На 240-летие Московского университета: Заметки философа по поводу юбилея Alma mater // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1995. № 6. С. 76—79.

Кафедра истории и теории мировой культуры

- Цоффка В. С.* Аверинцев: «Время большой надежды и большой тревоги...» // Московский университет. 1988. 4 октября.
- Цоффка В.* Сверх надежды поверить надежде // Московский университет. 1990. 9 января.

Кафедра философии образования

- Брызгалова Е.В.* Диверсификация современного философского образования: специализация «Философия образования» // Методические записки. Философское образование. Вестн. Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 5. М.; СПб., 2010. С. 141—156.

Кафедра теории научного коммунизма

- Даниленко В.* Спецсеминар «Теория научного коммунизма» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1958. № 1. С. 187—189.
- Кафедра теории научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 6. С. 90—91.
- Добрынина В.И.* Полезное обсуждение вопроса о предмете научного коммунизма // Философские науки. 1963. № 2. С. 167—169.
- Гумеров Ш., Шайхутдинов Л.* Это нас радует // Московский университет. 1964. 5 июня.
- Князев Б.В., Ковалев А.М., Козиков И.А., Шарапова Е.Г.* Залог успеха — в развитии самой науки // Вестн. высшей школы. 1966. № 3. С. 75—78.
- Котов В.* Какие знания мы хотим получить: Курсам научного коммунизма — высококвалифицированных преподавателей // Вестн. высшей школы. 1966. № 1. С. 73—77.
- Князев Б.В., Рождункин Ю.С., Фетисов А.С.* Развитие активности трудящихся в условиях экономической реформы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 5. С. 108—111.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Князев Б.В., Шарапова Е.Г.* Организация научной работы со студентами // Вопросы организации и методики преподавания научного коммунизма. М., 1971. С. 69–78.
- Шарапова Е.Г.* Объединенный Совет кафедр научного коммунизма МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1971. № 2. С. 80–82.
- Калецкая Л.Д., Калтахчян В.Т.* Задачи кафедр научного коммунизма в современных условиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1972. № 1. С. 14–20.
- Кривошеин К.А.* Некоторые вопросы методики подготовки и проведения семинарских занятий по курсу научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1972. № 2. С. 90–96.
- Костюченко Л.Г.* Наука о коммунизме // Московский университет. 1972. 5 мая.
- Калецкая Л.Д.* Отделение научного коммунизма // Московский университет. 1973. 4 мая.
- Федоркин Н.С.* На передовых рубежах // Московский университет. 1975. 16 мая.
- В ознаменование XXV съезда родной Коммунистической партии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1976. № 1. С. 3–7.
- Куфтырев А.И.* Выполняя задачи принципиальной важности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1976. № 1. С. 8–13.
- Ковалев А.М., Куфтырев А.И.* Первые в стране // Московский университет. 1977. 26 апреля.
- Слепенков И.М.* Кафедра теории научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 10–13.
- Бороздин В.Н., Брызгалова Г.Г., Наместникова Г.А.* На соискание степени кандидата наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 38–43.
- Ковалев А.М.* Итоги и перспективы развития научного коммунизма на философском факультете МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 2. С. 73–80.
- Ионова Л.М.* Об опыте применения технических средств в учебном процессе на кафедре научного коммунизма философского факультета МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 4. С. 49–53.
- Афанасьева И.Г.* Педагогическая практика будущих преподавателей научного коммунизма // Вестн. высшей школы. 1981. № 3. С. 71–73.
- Калашникова Г.Г., Шарапова Е.Г.* Научный вклад вузовских обществоведов // Вестн. высшей школы. 1981. № 4. С. 66–69.
- Цыганкова Э.Н.* Отделение научного коммунизма // Московский университет. 1981. 13 апреля.
- Бочкарев Н.И., Ковалев А.М., Степанов А.С., Сулимов Е.Ф., Шарапова Е.Г.* Отделение научного коммунизма // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 125–136.
- Ковалев А.М.* Вопросы совершенствования преподавания научного коммунизма в свете решений XXVI съезда КПСС и материалов Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 124–130.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Бороздин А.Н., Бороздин В.Н., Вартанова Л.Н., Коломисц В.П., Кудряшова М.С., Курылева Е.В., Маслова А.Г. Работа секций конференции // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 138—147.

Бутырин Г.Н., Кухтевич Т.Н. Вклад МГУ в подготовку кадров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1982. № 6. С. 78—86.

Руденко Р.И. Теоретические основы преподавания научного коммунизма. М., 1983. 200 с.

Коваленко В.И., Слепенков И.М. Кафедра теории научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 3—7.

Федоркин Н.С. Быть на высоте требований // Московский университет. 1985. 12 апреля.

XXVII съезд КПСС и актуальные задачи кафедр научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1986. № 3. С. 3—10.

Белова Т.В. Компьютеры в преподавании научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1986. № 4. С. 55—61.

Сакович В.Н. Перестройка и актуальные проблемы научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1987. № 6. С. 3—20.

Жгут Е.Б., Трубникова Н.В., Цыганков А.П. Научный коммунизм в условиях перестройки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 2. С. 63—75.

Мошелков Е.Н. Наука о социализме пред вызовом времени // Московский университет. 1990. 1 марта.

Ковалев А.М. Несколько слов о прошедшем // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 106—115.

Кафедра истории социалистических учений

Костюченко Л.Г. Ко дню рождения Шарля Фурье // Московский университет. 1972. 28 апреля.

Бочкарев Н.И. Кафедра истории социалистических учений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 17—19.

Костюченко Л.Г. Некоторые вопросы изучения истории социалистических учений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1981. № 5. С. 70—74.

Костюченко Л.Г., Самсонова Т.Н., Чикин Б.Н. Совершенствуя курс истории социалистических учений // Вестн. высшей школы. 1982. № 2. С. 58—60.

Бочкарев Н.И. Кафедра истории социалистических учений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 13—15.

Самсонова Т.Н. Актуальные проблемы исследования истории западноевропейского утопического социализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1985. № 3. С. 91—93.

Бочкарев Н.И., Федоркин Н.С. Методологические проблемы исследования истории социалистических учений. М., 1986. 112 с.

**Кафедра истории и теории
мирового коммунистического и рабочего движения**

Шарапова Е.Г. Кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 19–22.

Горлов С.Ю., Шипуло Т.И. О работе проблемной группы на кафедре истории и теории мирового рабочего коммунистического движения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 2. С. 79–82.

Саркисов А. Во имя мира и единства // Московский университет. 1983. 13 января.

Цыганков П.А. Кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 11–13.

Агашкова Е.И., Абрамова Н.М., Дитятева О.В. Осмысливая проблемы современного мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1988. № 1. С. 81–83.

Ларионова И. Гарантия мира и сотрудничества // Московский университет. 1990. 4 мая.

Кафедра социологических исследований

Данилов А.Д. О развитии социологического образования и подготовке социологических кадров в высшей школе // Социологические исследования. 1978. № 2. С. 193–196.

О перспективах развития социологического образования в СССР // Социологические исследования. 1978. № 4. С. 183–186.

Козлов Д.Ф. Развитие советской социологической науки в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1978. № 6. С. 34–44.

Демидова А.И., Козлов Д.Ф. Кафедра методики конкретных социальных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 22–27.

Володин Э.Ф., Липицкий В.С., Соболева Л.В. Роль конкретных социальных исследований в повышении эффективности формирования научного мировоззрения студентов МГУ // Роль общественных наук в борьбе за превращение Москвы в образцовый коммунистический город. М., 1980. С. 209–211.

Козлов Д.Ф. Развитое социалистическое общество и конкретные социологические исследования // Вопросы теории и методов социологических исследований. Вып. 3. М., 1980. С. 4–15.

Козлов Д.Ф., Куприян А.П. К вопросу о подготовке кадров прикладной социологии // Вопросы теории и методов социологических исследований. Вып. 3. М., 1980. С. 96–103.

Козлов Д.Ф., Халявин Г.М. Обсуждают социологи Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 6. С. 57–61.

Козлов Д.Ф. О совершенствовании системы социологического образования и подготовке специалистов-социологов в МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1981. № 5. С. 75–82.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Козлов Д.Ф. Развитие социологической науки учеными Московского университета // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 166–176.

Гречихин В.Г. Кафедра социологических исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 15–17.

Абгарян Р.Э., Львов И.Г. Обсуждение было полезным // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 3. С. 85–89.

Болотов А. Интерес к социологии // Московский университет. 1986. 13 апреля.

Дряхлов Н.И., Князев Б.В., Нечаев В.Я. Социологическое образование в СССР на современном этапе: опыт и проблемы становления // Современная высшая школа. Варшава, 1988. № 3. С. 43–54.

Валуев В., Макаревич В. Свежие ветры социологии // Московский университет. 1988. 27 мая.

Князев Б.В. Когда я скажу то, что прожил // Московский университет. 1988. 7 ноября.

Галочкин В.И., Добреньков В.И. Становление и развитие социологического образования и социологической науки в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1995. № 1. С. 31–41.

Добреньков В.И. Социология в Московском университете: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1999. № 3. С. 5–26.

Аверин Ю.П. Кафедра методологии социологических исследований: место, роль, история развития и деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 2009. № 2. С. 25–39.

Кафедра социологии воспитания, образования и культуры

Демидова А.И. Планирование системы мероприятий по коммунистическому воспитанию студенческой молодежи. М., 1972. 48 с.

Теоретические вопросы коммунистического воспитания. М., 1973. 209 с.

Сулимов Е.Ф. Кафедра теории и практики коммунистического воспитания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 13–17.

Пививская О. В результате анализа // Московский университет. 1982. 5 апреля.

Лисенков М.М. Кафедра теории и практики коммунистического воспитания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 7–11.

О методологии коммунистического воспитания // Научный коммунизм. 1984. № 6. С. 35–59.

Кухтевич Т.Н. Анализ мнений // Московский университет. 1987. 18 июня.

Болотин И.О., Гегель Л.А., Кухтевич Т.Н. Роль социологических исследований в перестройке учебно-воспитательного процесса в вузах // Научный коммунизм. 1988. № 7. С. 102–108.

Фаустова Э.Н. Воспитательный потенциал свободного времени студентов // Научный коммунизм. 1989. № 9. С. 63–70.

Фаустова Э., Костюченко О. Статистика и студент // Московский университет. 1989. 15 июня.

Кафедра социологии труда и трудовых коллективов

Чельшева П.В. Ценное начинание философского факультета МГУ // Философские науки. 1960. № 4. С. 150–154.

Титаренко А.И. Ценный опыт // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 5. С. 90–92.

Севко В.Б. Вклад ученых МГУ в разработку проблем НТР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 74–79.

Дряхлов Н.И. Кафедра социологии труда и трудовых коллективов // Московский университет. 1989. 30 января.

Исправникова Н.Р. Основные рубежи становления и перспективы развития кафедры экономической социологии и маркетинга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 2009. № 2. С. 72–84.

Кафедра политического процесса России

Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России: задачи и перспективы отделения политологии философского факультета Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2001. № 5. С. 6–12.

Кафедра истории социально-политических учений

Моцелков Е.Н. Кафедра истории социально-политических учений философского факультета МГУ: становление, современное состояние, проблемы научных исследований // Schola. 2001. М., 2001. С. 4–9.

Моцелков Е.Н. Изучение истории социально-политических учений на философском факультете Московского университета: прошлое, настоящее, перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2001. № 5. С. 13–21.

Моцелков Е.Н. История социально-политических учений как образовательная и научная дисциплина на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова: этапы становления и современные проблемы // Вопросы политологии. Вып. 3. Барнаул, 2005. С. 45–59.

Зоткин А.А., Моцелков Е.Н., Щириняц А.А. Кафедра истории социально-политических учений философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: этапы становления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2006. № 4. С. 3–7.

Кафедра мирового политического процесса

Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1995. № 3. С. 61–83.

Бадовский Д.В. Актуальные проблемы преподавания политической регионалистики на отделении политологии философского факультета Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2001. № 5. С. 94–97.

Кафедра теоретической политологии

Морозов Е.Г. Прикладная политология: о концепции и программе учебного курса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 1997. № 3. С. 114–119.

Пляйс Я.А. Политология в России: итоги первого десятилетия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2001. № 3. С. 5–19.

Федякин А.В. Студент-политолог: штрихи к социально-психологическому портрету // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2001. № 5. С. 26–36.

Кафедра политической психологии

Шестопал Е.Б. К 5-летию кафедры политической психологии на философском факультете МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2005. № 4. С. 79–86.

Кафедра мировой и российской политики

Коваленко В.И., Федякин А.В. Кафедра мировой и российской политики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: прошлое, настоящее, будущее // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2005. № 4. С. 39–47.

Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9.

Социологическая лаборатория

Андреева Г.М. О характере исследований по историческому материализму // Вестн. высшей школы. 1961. № 9. С. 52–56.

Курочкин Н. Первые шаги лаборатории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1963. № 6. С. 101–103.

Ретивов А. Социология: проблемы и перспективы // Московский университет. 1966. 28 июня.

Слепенков И.М. Научное направление лаборатории социологических исследований отделения научного коммунизма философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Социальные факторы повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Вып. 2. М., 1973. С. 110–112.

Демидова А.И. Социологическая лаборатория философского факультета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 26–27.

Лаборатория управления

Курочкин Н. Изучение проблем управления производством // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1963. № 3. С. 81–82.

Джавадов Г. Университетская лаборатория: задачи и дела // Вопросы экономики. 1970. № 8. С. 155–156.

Всероссийское общество «Знание»

Северикова Н.М. «Знание» — категория не только философская // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 149–155.

Российское философское общество

Маслин М.А. Философское общество МГУ // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 219–223.

Ларионова И. Теоретическая дискуссия // Московский университет. 1989. 3 июля.

Российское общество социологов

Российское общество социологов создано // Московский университет. 1989. 18 октября.

Макаров С. РОС приступает к действию // Московский университет. 1989. 18 декабря.

Научное студенческое общество

Пантюхова Н. Научные кружки // Московский университет. 1944. 14 марта.

Об организации Научного студенческого общества // Московский университет. 1945. 1 февраля.

Космодемьянский А. Научное студенческое общество // Московский университет. 1945. 17 сентября.

В НСО философского факультета // Московский университет. 1947. 21 ноября.

Туровский В. Кафедры должны руководить работой НСО // Московский университет. 1951. 30 ноября.

Клементьев Е.Д., Пантин И.К., Смирнов В.А. На кафедрах философского факультета МГУ // Вопр. философии. 1957. № 2. С. 159–165.

Орлов Л. НСО на философском факультете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1958. № 1. С. 184–187.

Минаев В.М., Перов И.И. Студенческая научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения К. Маркса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 5. С. 80–83.

Воскресенский А.К., Грязнов А.Ф. Научное студенческое общество философского факультета в 1969/1970 учебном году // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1970. № 6. С. 81–85.

Воскресенский А.К., Грязнов А.Ф., Яковлев В.А. Научная конференция студентов-философов, посвященная XXIV съезду КПСС // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 3. С. 82–86.

Воскресенский А.К., Грязнов А.Ф. Научное студенческое общество философского факультета в 1970/71 учебном году // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 4. С. 97–102.

Грязнов А.Ф. Совет молодых ученых философского факультета МГУ в 1973/1974 учебном году // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1975. № 2. С. 95—96.

Гиренок Ф.И. Учебное без научного? // Московский университет. 1975. 23 мая.

Квиткина Л.Г. Организация научно-исследовательской работы студентов МГУ // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 132—133.

Стрепетов В.Г. Ленинское наследие и научное творчество молодых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 6. С. 62—65.

Мамонова М. Дни творчества на философском факультете // Московский университет. 1982. 31 мая.

Общественная жизнь

Пантюхова Н. Агитколлектив философского факультета // Московский университет. 1944. 21 марта.

Панкратов В. С отчетно-выборного партсобрания философского факультета // Московский университет. 1945. 29 ноября.

Атабек Т., Скатерщиков В. Повышать уровень идеологической работы // Московский университет. 1946. 25 ноября.

Орлов Г. За непримиримую ленинскую партийность в учебной и научной работе // Московский университет. 1947. 18 апреля.

Коровиков В.И. Усилить партийное руководство комсомолом // Московский университет. 1951. 24 февраля.

Войшвилло Е.К. Как мы готовили партийное собрание // Московский университет. 1951. 16 апреля.

Могилев А. Как мы на первом курсе руководили комсомольской организацией // Московский университет. 1951. 11 сентября.

Смирнов В. О воспитании выборного комсомольского актива // Московский университет. 1952. 21 февраля.

Биккенин Н.Б. Работать с каждым комсомольцем // Московский университет. 1952. 9 октября.

Смирнов Н. На философском факультете не заботятся о развертывании критики и самокритики // Московский университет. 1952. 30 декабря.

Пентковская Л. Курсовое бюро не беспокоится // Московский университет. 1954. 8 марта.

Пондпуло Г. Комсомольцы ждут помощи // Московский университет. 1954. 21 апреля.

Комаровских Е. Интересная выставка // Московский университет. 1954. 4 октября.

Малиновская К. Как создавался коллектив // Московский университет. 1954. 30 октября.

Титаренко А.И. Повысить роль временных поручений // Московский университет. 1954. 18 декабря.

Востоков Б. Лекторской группе нужна помощь // Московский университет. 1956. 7 июня.

Юбилейное собрание на философском факультете // Московский университет. 1957. 16 сентября.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Киященко Н.И.* Философы — труженикам Казахстана // Московский университет. 1958. 10 июля.
- Солгалов Р.* Соревнование будет интересным // Московский университет. 1958. 15 августа.
- Ученые обсуждают вопросы перестройки высшей школы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1959. № 1. С. 185—189.
- Киященко Н.И.* Путешествие продолжается // Московский университет. 1959. 1 августа.
- Степанян Э.* Практические вопросы нашей работы // Московский университет. 1962. 16 марта.
- Выступления на партийном собрании университета (А.Я. Ильин, А.М. Ковалев, А.Г. Лашин, Э.Х. Степанян) // Московский университет. 1968. 19 июня.
- Голбозов И.А.* Партийная забота о воспитании молодежи // Московский университет. 1970. 11 февраля.
- Выступления на партийной конференции университета (Д.Д. Рябов, Л.П. Буева, В.А. Обьедков, Ш.Ф. Мамедов) // Московский университет. 1971. 11 июня.
- Мамедов Ш.Ф.* В свете решений съезда // Московский университет. 1971. 26 октября.
- Калтахчян В.Т.* Проблемы? Они есть // Московский университет. 1973. 18 декабря.
- Турук Г.П.* Говорят победители соревнования // Московский университет. 1975. 12 февраля.
- Темина Л.* Торжество ленинских идей // Московский университет. 1977. 7 октября.
- Пашенко В.Я.* Стержень всей работы // Московский университет. 1978. 15 ноября.
- Молодым специалистам — идейную закалку // Московский университет. 1978. 15 ноября.
- Воробьева В.* Быть на высоте требований // Московский университет. 1984. 13 марта.
- Резник Ю.М.* Перестройка и студенческий фактор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1987. № 3. С. 52—60.
- Плюсы и минусы развития демократии и другие проблемы перестройки // Московский университет. 1988. 24 июня.
- Кувакин В.А.* Кризис есть. Будет ли революция? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1989. № 1. С. 90—92.
- Что такое плюрализм? // Московский университет. 1989. 15 мая.
- Горшунова Т., Кабаченко А.* Диалог с инакомыслящими // Московский университет. 1989. 3 июля.
- Козлов Д.Ф.* О взлетах и падениях // Московский университет. 1989. 6 октября.
- Итоги «картошки» // Московский университет. 1989. 18 декабря.
- Философия идеологии // Московский университет. 1990. 12 февраля.
- Фаустова Э.Н.* Какого цвета Московский университет? // Московский университет. 1997. 5 февраля.
- Сергеев В.* Юбилей на философском факультете МГУ // Московский университет. 2002. № 9.
- Твардовский Д.* Философы попали в точку // Московский университет. 2002. № 9.
- Горшкова О.* «Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать» // Московский университет. 2002. № 9.

Учебная работа

- Орлов Г.* На первом курсе у географов // Московский университет. 1945. 8 февраля.
- Шахпаронян Е.* Хорошо работают философы // Московский университет. 1945. 22 октября.
- Клементович Л.* Усилить борьбу с нарушителями дисциплины // Московский университет. 1950. 11 декабря.
- Гуров Д.* Как работать во втором семестре? // Московский университет. 1953. 15 января.
- Стяжкин Н.И.* Интересная тема // Московский университет. 1954. 12 апреля.
- Лазутка В.* Студентам — постоянных руководителей // Московский университет. 1954. 31 марта.
- Зотов А.Ф.* Над этим стоит задуматься // Московский университет. 1954. 22 декабря.
- Средний Д.Д.* Выдержать первое испытание // Московский университет. 1955. 7 января.
- Любутин К.Н.* Серьезное испытание // Московский университет. 1955. 22 января.
- Любутин К.Н.* На среднем уровне // Московский университет. 1955. 8 марта.
- Передерий В.* О пользе факультативных курсов // Московский университет. 1956. 6 января.
- Мотрошилова Н.В.* Время не прошло даром // Московский университет. 1956. 2 июня.
- Широков С.* Серьезная помощь // Московский университет. 1956. 19 июня.
- Есть ли в этом необходимость?* // Московский университет. 1956. 19 ноября.
- Лолак Л.* Философский семинар // Московский университет. 1956. 27 декабря.
- Богомолов А.С.* Сессия показала // Московский университет. 1958. 15 февраля.
- Фролов В.* Скоро сессия! // Московский университет. 1966. 27 мая.
- Школьная олимпиада по обществоведению* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 3. С. 83.
- Платонов Г.В.* Изучение естественно-математических наук студентами гуманитарных вузов. М., 1962. 11 с.
- Ильин А.Я.* Главное — качество // Московский университет. 1968. 26 апреля.
- Демидова А.И.* О подготовке научно-педагогических кадров по философии в аспирантуре МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1969. № 1. С. 85—92.
- Краев А.* Сессия у философов // Московский университет. 1971. 11 июня.
- Зорова О.А.* Учебно-методическая конференция на философском факультете МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1972. № 4. С. 95—98.
- Будников В.* О кибернетической педагогике // Московский университет. 1972. 14 марта.
- Клец И.* Действительный контакт // Московский университет. 1972. 21 марта.
- Александрова С.Е.* Учебно-методический кабинет философского факультета // Вестн. высшей школы. 1976. № 9. С. 70—71.
- Шарапова Е.Г.* Подготовка научно-педагогических кадров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 36—39.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Демидова А.И. Какой предмет сделать профилирующим при приеме на философский факультет? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 3. С. 62—66.

Костюченко Л.Г., Сакович В.Н. Начальник курса как воспитатель студенческой молодежи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 4. С. 45—49.

Афанасьева И.Г., Цыганкова Э.Н. Для практической подготовки обществоведов // Вестн. высшей школы. 1980. № 8. С. 56—58.

Цыганкова Э.Н. Спецкурс по научному коммунизму // Вестн. высшей школы. 1981. № 5. С. 66—68.

Афанасьева И.Г., Цыганкова Э.Н. О системе практик в подготовке преподавателей научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1982. № 4. С. 59—65.

Бутырин Г.Н., Кухтевич Т.Н. Вклад МГУ в подготовку кадров для национальных республик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1982. № 6. С. 78—86.

Как мы учимся // Московский университет. 1982. 18 апреля.

Ивлев Ю. Осмысливать явления жизни // Московский университет. 1982. 18 апреля.

Авдеева Л. На ученом совете // Московский университет. 1982. 18 апреля.

Сидорова С. За глубокие и прочные знания // Московский университет. 1982. 30 сентября.

Сулимов Е.Ф. Для улучшения подготовки аспирантов // Вестн. высшей школы. 1983. № 9. С. 54—57.

Сидорова С. Дисциплина прежде всего // Московский университет. 1983. 21 апреля.

Куфакова Н.Д., Панца А.Ф. Новая форма пропаганды книги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1984. № 5. С. 85—86.

Майленова Ф.Г. Выступают студенты // Московский университет. 1986. 23 июня.

Квасов Г.Г. Повышение роли общественно-политической практики в подготовке высококвалифицированных специалистов // Научный коммунизм. 1987. № 8. С. 51—59.

Северикова Н.М. Потенциал коллоквиума // Московский университет. 1987. 28 сентября.

Нарский И.С., Пащенко В.Я., Петров Ю.А. Вопросы перестройки философского образования // Философские науки. 1988. № 6. С. 86—91.

Корельцова Л.П., Куфакова Н.Д. Пути внутриуниверситетского сотрудничества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1989. № 1. С. 87—89.

Смирнова Н. Совершенствуем преподавание общественных наук // Вестн. высшей школы. 1989. № 8. С. 94.

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Теоретические и практические аспекты гуманизации высшего образования // Социально-политический журнал. 1991. № 6. С. 70—74.

Костюченко Л.Г. Воспитание личности // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 120—123.

Вечернее отделение

Наша благодарность // Московский университет. 1957. 6 июля.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Смирнов Ф. Партийное бюро обсуждает вопросы вечернего и заочного обучения // Московский университет. 1958. 8 февраля.

Смирнов Ф. По примеру студентов дневного отделения // Московский университет. 1961. 10 февраля.

Пушкин М. Насущная задача // Московский университет. 1985. 4 февраля.

Военно-патриотическая работа

Соколов В.В. Праздник советского народа // Московский университет. 1945. 4 мая.

Александров С.В. Славные традиции фронтовиков // Московский университет. 1946. 25 декабря.

Памяти героев // Московский университет. 1965. 1 октября.

Киселева Г. Помним! // Московский университет. 1973. 21 декабря.

Касавин И.Т. Клятва верности // Московский университет. 1978. 12 января.

Бельков О.А. Военно-патриотическое воспитание: сущность и основные направления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 5. С. 20–27.

Вишняков Ю.Ф. Обращение группы «Поиск» философского факультета МГУ к читателям журнала // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 3.

Лисенков М.М. Военно-патриотическое воспитание молодежи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1988. № 3. С. 39–47.

Орлов С.М. Мое участие в войне и в общественно-политической работе на факультете // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 2002. С. 136–142.

Международные контакты

Калтахчян С.Т. О научных связях философского факультета МГУ с философскими учреждениями ГДР // Философские науки. 1958. № 2. С. 206–207.

Корнеев П.В. Польские философы в гостях у студентов // Московский университет. 1959. 3 октября.

Нарский И.С. Лекции польского философа-марксиста по теории значения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1960. № 1. С. 94–96.

Яблоков И.Н. Крепнут связи советских и чехословацких философов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1960. № 2. С. 91–92.

Корнеев П.В. На лекции Говарда Селзама // Московский университет. 1960. 7 июня.

Гандрабура М. Президент Академии наук Румынии на философском факультете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1961. № 4. С. 92–94.

Нарский И.С. Лекции английского философа-«аналитика» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1962. № 4. С. 82–86.

Рассказывают участники конгресса в Мехико // Московский университет. 1963. 22 октября.

Рассказывает философ из ГДР // Московский университет. 1963. 17 декабря.

Лурия А.Р. Встречи с английскими психологами // Московский университет. 1964. 21 января.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Лисенков М.М.* Горизонты сотрудничества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 44–59.
- Гершилер В., Шипуло Т.* Производственно-ознакомительная практика — важная форма воспитания студентов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 59–62.
- Кувакин В.А., Посос Х.С.* Марксистско-ленинская теория в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 3. С. 87–91.
- Николаичев Б.О., Титаренко А.И.* Сотрудничают специалисты по этике // Вестн. высшей школы. 1984. № 6. С. 76–77.
- Ботвич В.А.* Форум марксистов // Московский университет. 1985. 17 октября.
- Ботвич В.А., Самсонова Т.Н., Шарапова С.Г.* Международная школа выпускников философских факультетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1986. № 2. С. 82–88.
- Титов В.Ф.* Международная школа обществоведов в МГУ // Общественные науки. 1986. № 3. С. 212–214.
- Обмен опытом вузовских обществоведов ПНР и СССР // Современная высшая школа. Варшава, 1988. № 1. С. 221–222.
- Демчук А.Л.* Встреча — диалог // Московский университет. 1989. 14 февраля.

Философская периодика

- Философский журнал университета и его задачи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1966. № 1. С. 3–6.
- Глузберг М.С., Грязнов М.В.* Философский журнал МГУ — это обязывает // Философские науки. 1968. № 6. С. 167–170.
- Волков Л.И.* Встреча с читателями (в ИПК МГУ) // Вопр. философии. 1971. № 3. С. 162.
- Борзунов В.Ф.* Шире развернуть информационную работу по проблемам научного коммунизма (Встреча с редакцией реферативного журнала «Общественные науки в СССР. Сер. Философские науки») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1975. № 3. С. 87–90.
- Сидорова Н.М.* Встреча со студентами // Вопр. философии. 1975. № 6. С. 163.
- «Вопросы философии» отвечают // Московский университет. 1975. 11 сентября.
- Иванова О.М.* Встреча со студентами МГУ // Вопр. философии. 1976. № 12. С. 164–165.
- Совет с молодежью // Вопр. философии. 1987. № 10. С. 155–160.
- Лящук В.* До и после 1985 года (Встреча с редакцией журнала «Коммунист») // Московский университет. 1989. 18 октября.

Стенная печать

- Петров Н.* Опирайтесь на актив // Московский университет. 1952. 8 мая.
- Савельева Г.У.* Заочников своя стенгазета // Московский университет. 1958. 27 марта.
- Шипова Н.* Газета «За ленинский стиль» и стиль руководства ею // Московский университет. 1961. 24 февраля.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Стенная, боевая // Московский университет. 1962. 18 мая.

Кубраков О. Нам 25 лет: Газета философского факультета «За ленинский стиль» // Московский университет. 1967. 26 декабря.

Шахмуратов Р. Особенности стенгазеты // Московский университет. 1986. 23 декабря.

* * *

Кафедра философии и методологии науки естественных факультетов

Фурманов Г.Л. Полезный урок // Московский университет. 1954. 2 июня.

Фаталиев Х.М. Некоторые итоги научной работы кафедры философии // Вестн. высшей школы. 1955. № 12. С. 21—27.

Фаталиев Х.М. Развивать содружество преподавателей философии и естественных наук // Вестн. высшей школы. 1956. № 12. С. 11—15.

Келле В.Ж. Творчески усваивать учение марксизма-ленинизма — значит стать убежденным материалистом // Московский университет. 1956. 19 мая.

Калтахчян С.Т., Петров Ю.П. Повышать уровень преподавания марксистско-ленинской философии в вузах // Вопр. философии. 1957. № 2. С. 151—159.

Иванов А.А. Ленинский союз философии и естествознания // Московский университет. 1958. 18 декабря.

Иванов А.А. Научная продукция кафедры увидела свет // Вестн. высшей школы. 1959. № 10. С. 48-51.

Фурман А.Е. На естественно-научной основе // Московский университет. 1959. 20 июня.

Лекции по философской проблеме астронавтики // Московский университет. 1960. 22 ноября.

Новосельцев К.А. О работах профессора Х.М. Фаталиева по философским вопросам естествознания. Махачкала, 1961. 20 с.

Щербина В. Книга создана на кафедре // Московский университет. 1962. 25 сентября.

Мальшев Б. Лекцию просят повторить // Московский университет. 1962. 11 декабря.

Платонов Г.В. Совершенствовать философскую подготовку научных кадров // Философские науки. 1963. № 1. С. 149—151.

Костюк Н.Т., Курочкин П.П. Пример, достойный подражания // Философские науки. 1963. № 3. С. 113—115.

Гирусов Э., Щербина В. Ленинский союз философов и естествоиспытателей // Московский университет. 1963. 23 апреля.

Платонов Г.В. Больше внимания дисциплине // Московский университет. 1965. 27 апреля.

Митрофанов А. Ярко, страстно, вдохновенно // Московский университет. 1971. 25 февраля, 9 марта.

Платонов Г.В. Что и как преподавать // Московский университет. 1972. 4 января.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Федотов А. Любен Каравелов — мыслитель, исследователь, революционер: Рец. на кн.: *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. М., 1980. 590 с. // Московский университет. 1981. 15 сентября.

Воробьев Л.В. Интервью лауреата Ломоносовской премии // Московский университет. 1981. 6 ноября.

Оганезов К.С., Самойлов Л.Н. Кафедра философии естественных факультетов МГУ // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 208—214.

Казарян В.П., Купцов В.И. Укрепляя союз философов и естествоиспытателей // Вестн. высшей школы. 1982. № 4. С. 55—59.

Борзенков В.Г. Необходимый вклад // Московский университет. 1985. 14 декабря.

Зуб А.Т., Купцов В.И. Роль философских (методологических) семинаров в повышении уровня методологического осмысления достижений советской науки // Ускорение научно-технического прогресса — коренной вопрос экономической политики партии. М., 1987. С. 163—172.

Спецкурсы кафедры философии и методологии науки естественных факультетов // Планы семинарских занятий по курсу «Философия и методология науки». М., 1991. С. 36—59.

Сурин А.В. Гуманизация образования: идеалы и пути реализации // *Alma mater*. 1992. № 10—12. С. 43—47.

Сурин А.В. Образовательная «ниша» // Высшее образование в России. 1994. № 3. С. 34—38.

Сурин А.В. Институт государственного управления МГУ — прошлое, настоящее и будущее // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1997. № 1. С. 3—17.

Семенникова Л.И. Социально-гуманитарное образование в Московском университете: опыт и проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1997. № 1. С. 84—101.

Платонов Г.В., Серцова А.П. Беседа с Лидией Васильевной Николаевой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 6. С. 108—117.

Сивоконь П.Е. 45 лет кафедре философии и методологии науки для естественных факультетов МГУ (1953—1998) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 6. С. 94—108.

Кафедра философии и методологии науки МГУ им. М.В. Ломоносова // Философия науки и научно-технической цивилизации. М., 2005. С. 3—7.

Сивоконь П.Е. К новейшей истории гуманитарного образования в Московском университете. Кафедра философии для естественных факультетов: традиции, стимулы, перспективы // Философия науки и научно-технической цивилизации. М., 2005. С. 8—24.

Киселев В.Н. Кафедра: прошлое, настоящее, будущее // Философия науки и научно-технической цивилизации. М., 2005. С. 481—486.

Антонов В.И. Владимир Купцов — ученый-философ, педагог, методолог науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2005. № 6. С. 81—88.

Кафедра социально-политических теорий естественных факультетов

Никишов С.И. Широко распространять передовой опыт преподавания // Вестн. высшей школы. 1964. № 8. С. 66—69.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Панченко В.И. Новому курсу — квалифицированных преподавателей // Вестн. высшей школы. 1964. № 2. С. 70—73.

Ларькова А.М. Арена борьбы // Московский университет. 1966. 1 апреля.

Рябов Д.Д. Быть на уровне новых задач // Московский университет. 1971. 18 марта.

Новиков П. Руководитель — кафедра // Московский университет. 1973. 13 ноября.

Кухтевич Т.Н. Идеино-политическое воспитание студентов в процессе преподавания научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1976. № 1. С. 73—81.

Верезгов В.И., Кухтевич Т.Н. Кафедра научного коммунизма естественных факультетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 30—33.

Кухтевич Т.Н. Социальные проблемы обучения и коммунистического воспитания студентов в развитом социалистическом обществе. М., 1980. 132 с.

Никишов С.И., Рябов Д.Д. Активнее помогать кафедрам и факультетам в повышении качества подготовки специалистов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 1. С. 3—10.

Князев Б.В., Куфтырев А.И., Никишов С.И. Повышение эффективности и качества преподавания научного коммунизма — важнейшее условие подготовки молодого специалиста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1980. № 4. С. 25—31.

Нечипуренко В. Солдат Родины // Московский университет. 1980. 30 июня.

Лопата П.П., Никишов С.И. Развитие исследований в области научного коммунизма и использование их результатов в учебном процессе // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 134—138.

Алешин В. Энергия характера // Московский университет. 1982. 19 января.

Никишов С.И. Решать задачи // Московский университет. 1982. 5 июля.

Обухова Ю. Наш общий день рождения // Московский университет. 1983. 5 ноября.

Бутырин Г.Н., Зимина Л.А., Кухтевич Т.Н. О студенческих теоретических конференциях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1984. № 5. С. 80—83.

Дрынина Н.И. Долг каждого коммуниста // Московский университет. 1984. 9 февраля.

Кулигин В.Д., Лаврикова А.И. Разработка актуальных проблем развитого социализма на межфакультетских кафедрах научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1985. № 1. С. 86—92.

Галочкин В.И., Подольская Т.Н. Студенческие научные конференции — активная форма учебного процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1985. № 6. С. 81—86.

Обухова О. Ученый и кафедра // Московский университет. 1985. 16 января.

Дрынина Н.И., Подольская Т.Я. Опорный конспект в преподавании научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1988. № 2. С. 65—72.

Галочкин В.И. Спецкурсы — важная часть учебного процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1992. № 2. С. 82—85.

Галочкин В.И., Добренчиков В.И. Становление и развитие социологического образования и социологической науки в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Серия: Социология и политология. 1995. № 1. С. 31—41.

Кафедра философии гуманитарных факультетов

- Карпушин В.А.* Ближе к научным интересам молодежи // Московский университет. 1954. 13 ноября.
- Уледов А.К.* Ближе к практике // Московский университет. 1955. 23 июня.
- Буева Л.П.* Развивать творческое понимание // Московский университет. 1956. 7 июня.
- Шишкина В.И.* О некотором опыте идейно-воспитательной работы в высшей школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1959. № 1. С. 191—199.
- Чугаев А.Я.* Научная работа обогащает учебный процесс // Вестн. высшей школы. 1960. № 11. С. 26—30.
- Навстречу XXII съезду КПСС // Вестн. высшей школы. 1961. № 6. С. 8.
- Гусейнов А.А.* О твоих взглядах, студент // Московский университет. 1968. 3 апреля.
- Сафронов Б.Г.* Кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 203—208.
- Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов / Под ред. В.Е. Бурлак, О.В. Лармина М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 172 с.
- Маслихина В.Д., Пуреничева Г.М.* Слово о юбиляре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1995. № 4. С. 87—88.
- Алексеев А.П., Коршунов А.М., Рачков П.А.* Кафедра философии гуманитарных факультетов: итоги 50-летия и новые задачи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 6. С. 3—20.

Кафедра политической социологии гуманитарных факультетов

- Владимирская В.И.* Студенческие социальные исследования — в основу семинара // Вестн. высшей школы. 1965. № 3. С. 58—62.
- Вопросы методики преподавания курса научного коммунизма. М., 1967. 56 с.
- Белов Г.А., Еремин Ю.Н., Козик А.А.* Внимание актуальным проблемам преподавания и науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1976. № 1. С. 14—19.
- Голота В.* Для рабочей аудитории // Московский университет. 1977. 16 мая.
- Лашин А.Г.* Кафедра научного коммунизма гуманитарных факультетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1978. № 4. С. 10—15.
- Харламов С.Н.* Кафедра научного коммунизма гуманитарных факультетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 27—30.
- Черняева В.* Работать лучше и эффективнее // Московский университет. 1982. 5 апреля.
- Кулигин В.Д., Лаврикова А.И.* Разработка актуальных проблем развитого социализма на межфакультетских кафедрах научного коммунизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1985. № 1. С. 86—92.
- Сидоров Н.А.* Задачи обществоведов // Московский университет. 1985. 22 ноября.
- Ермакова А.В.* О связи преподавания марксистско-ленинской философии с профилем экономического факультета // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 90—103.

Родионов А.И., Серцова А.П. Связь преподавания марксистско-ленинской философии с профилем исторического факультета // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 104—119.

Ковальзон М.Я., Цигилов Э.Н. Преподавание философии на юридическом факультете // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 120—128.

Шишкина В.А. Преподавание философии в связи с профилем филологического факультета // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 129—142.

Шаповалов В.Ф. Специфика преподавания философии на факультете журналистики // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 142—152.

Соколов А.В. Преподавание философии на факультете психологии // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 153—160.

Степанян Э.Х. Курс философии в Институте стран Азии и Африки (опыт, поиски, проблемы) // Преподавание философии в связи с профилирующими дисциплинами факультетов. М., 1987. С. 161—170.

Белов Г.А. Возможны варианты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 5. С. 3—6.

Белов Г.А. Кто будет политологом? // Московский университет. 1989. 1 сентября.

Кафедра философии ИПК

Василькова А.И. Институт повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма // Вестн. высшей школы. 1950. № 10. С. 27—28.

Покровский С.В. Повышение квалификации преподавателей // Вестн. высшей школы. 1952. № 8. С. 58—59.

Реорганизация институтов повышения квалификации преподавателей общественных наук // Вестн. высшей школы. 1956. № 3. С. 57—58.

Василькова А.И., Куприянов Г.А. Повышать научную квалификацию и педагогическое мастерство // Вестн. высшей школы. 1961. № 6. С. 67—74.

Калтахчян С.Т., Петров Ю.П. О философском образовании в СССР // Вопр. философии. 1963. № 8. С. 61—66.

Маринко И.Л. Главное — повышать методическую квалификацию // Вестн. высшей школы. 1966. № 6. С. 59—62.

Методика преподавания марксистско-ленинской философии в заочных и вечерних вузах. М., 1967. 58 с.

Бамбуров А.К., Гаврилов В.А., Кубраков Н.Д., Новиков Ю.Е. Дела и заботы ИПК // Вестн. высшей школы. 1967. № 5. С. 69—71.

Платонов Г.В. Научные исследования философской кафедры // Основные направления работы кафедр философии: кафедра философии и современность. М., 1969. С. 107—123.

Апресян Г.З., Маринко И.Л. 20 лет поисков и находок // Московский университет. 1969. 19 сентября.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Штракс Г.М.* Направления научной работы // Московский университет. 1969. 19 сентября.
- Кубраков О.* Чествование профессора А.К. Уледова // Московский университет. 1970. 1 декабря.
- Маринко И.Л., Смольков В.Г., Чердняк П.Г.* Опыт работы Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. М., 1971. 72 с.
- Волков А.И.* Встреча с читателями // Вопр. философии. 1971. № 3. С. 162.
- Опыт работы Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1973. 46 с.
- Учебный кабинет — помощник кафедры. М., 1974. 112 с.
- Платонов Г.В., Штракс Г.М.* Пути повышения квалификации преподавателей философии // Философские науки. 1974. № 6. С. 141—146.
- Маринко И.Л.* Сплав теории и педагогического мастерства // Вестн. высшей школы. 1974. № 7. С. 68—73.
- Платонов Г.В.* Творчески владеть теорией // Московский университет. 1974. 18 декабря.
- Из опыта работы кафедр философии московских вузов. М., 1979. 223 с.
- Маринко И.Л.* В соответствии с новыми требованиями // Вестн. высшей школы. 1980. № 1. С. 60—65.
- Платонов Г.В., Штракс Г.М.* К 30-летию ИПК при МГУ им. М.В. Ломоносова // Философские науки. 1980. № 3. С. 163—168.
- Маринко И.Л.* Кузница обществоведческих кадров // Московский университет. 1980. 21 января.
- Платонов Г.В.* Перед взыскательной аудиторией // Московский университет. 1980. 21 января.
- Леутин В.П., Мисабишвили Ш.В., Савина Т.Б., Сушков И.М., Танкаев С.Д.* Для преподавателей философии // Вестн. высшей школы. 1981. № 2. С. 76—79.
- Платонов Г.В.* Кафедра философии Института повышения квалификации // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 214—218.
- Маринко И.Л.* На основе дифференцированного подхода // Вестн. высшей школы. 1982. № 12. С. 62—64.
- Барулин В.С., Платонов Г.В., Хорев Н.В.* Перед лицом новых задач // Философские науки. 1983. № 2. С. 128—136.
- Киященко Н.И., Лейзеров Н.Л.* Предисловие // Апресян Г.З. Эстетика и художественная культура социализма. М., 1984. С. 5—12.
- Ракобольская И.В., Качаишкина М.В.* Повышение квалификации преподавателей высших учебных заведений в Московском государственном университете. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 74 с.
- Кочергин А.Н.* Кафедра философии ИПК // Московский университет. 1989. 30 января.
- Ушков А.* Идеология проектирования // Московский университет. 1989. 28 февраля.
- Клементьев Д.С.* О реализации федеральной программы // Социально-политический журнал. 1994. № 3—6. С. 155—159.

Кочергин А.Н. О работе кафедры философии по переподготовке кадров // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8. С. 135–140.

Клементьев Д.С. Реформа университетского социально-гуманитарного образования в современной России // Философия образования. М., 1996. С. 213–218.

Клементьев Д.С. Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1997. № 3. С. 3–20.

Георгию Васильевичу Платонову — 80 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1999. № 2. С. 110–116.

Недзвецкая Э.А., Платонов Г.В. Полвека на службе высшей школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1999. № 5. С. 87–97.

Бочарова Э.С., Митяева О.И. Исторические этапы развития ИППК Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Общество. Государство. Политика. 2009. № 4. С. 126–159.

Кафедра социологии и политологии ИППК

Волков Р.В., Топоев А.Г. Как улучшить подготовку преподавателей научного коммунизма (Заметки слушателей ИПК) // Вестн. высшей школы. 1965. № 10. С. 76–78.

Курылев А.К., Тадевосян Э.В. Цель — максимальная помощь // Московский университет. 1969. 19 сентября.

Ануфриев Е.А. Творчески владеть теорией // Московский университет. 1974. 18 декабря.

Фарушкин М.Х., Черняк Е.И. ИПК — преподавателям научного коммунизма // Вестн. высшей школы. 1976. № 11. С. 64–70.

Ануфриев Е.А. Полнее учитывать преемственность в преподавании общественных наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1977. № 6. С. 88–94.

Ануфриев Е.А. Вопросы интернационального и патриотического воспитания студентов в процессе преподавания научного коммунизма // Философские науки. 1978. № 3. С. 122–130.

Подготовка и проведение государственного экзамена по научному коммунизму / Под ред. Е.А. Ануфриева, Р.И. Руденко. М., 1979. 174 с.

Ануфриев Е.А., Иванов А.И. Кафедра научного коммунизма ИПК // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 33–35.

Чередняк П.Г. Помощь братским странам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1979. № 6. С. 35–36.

Ануфриев Е.А. О совершенствовании практики организации и проведения государственного экзамена по научному коммунизму // Научный коммунизм. 1980. № 139–142.

Нечипуренко В.И. Проблемы патриотизма и интернационализма в курсе научного коммунизма // Вестн. высшей школы. 1980. № 5. С. 72–77.

Ануфриев Е.А., Олех Л.Г. Методология и методика преподавания научного коммунизма // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 130–134.

Богина Е., Митяева О. На новых рубежах // Московский университет. 1982. 12 октября.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Ануфриев Е.А. Перед лицом больших задач // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 4. С. 18–24.

Проблемность в преподавании научного коммунизма // Научный коммунизм. 1983. № 6. С. 110–137.

Димов В.М. Сотрудничество в деле повышения квалификации // Вестн. высшей школы. 1983. № 6. С. 78–79.

Багдасаров В.Р., Степанян С.С. Изучение первоисточников по теории научного коммунизма в ИПК при МГУ // Научный коммунизм. 1984. № 1. С. 135–137.

Димов В.М. О методике исследования качества подготовки студентов по научному коммунизму // Научный коммунизм. 1984. № 4. С. 139–141.

Маркин В.В., Паутов В.Н., Ступин Н.Г. Общественно-политическая практика слушателей ИПК при МГУ // Научный коммунизм. 1986. № 1. С. 138–140.

Димов В.М. Проблемы совершенствования обществоведческой подготовки студентов в условиях перестройки // Современная высшая школа. Варшава, 1988. № 3. С. 23–35.

Люлечник В.И. О некоторых итогах работы ИПК преподавателей общественных наук при Московском университете // Научный коммунизм. 1988. № 7. С. 108–110.

Бадмаев Б.Ц. Проблемы перестройки преподавания общественных наук // Научный коммунизм. 1989. № 12. С. 64–72.

Ушков А. Идеология проектирования // Московский университет. 1989. 28 февраля.

Перестройка преподавания общественных наук: проблемы, поиски, предложения // Социально-политические науки. 1990. № 8. С. 77–97.

Ануфриев Е.А. Новые дисциплины — новое содержание работы // Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 159–162.

Вечерний университет марксизма-ленинизма

Нечипуренко В. Когда лекции становятся интересными // Московский университет. 1966. 11 января.

Соколов В.В. Посещаемость зависит от всех // Московский университет. 1966. 25 марта.

Нечипуренко В. Университет идейной закалки // Московский университет. 1966. 6 сентября.

Астахов В.И., Данилевич Б.Ф. ФПК в действии. Учатся преподаватели общенаучных дисциплин // Вестн. высшей школы. 1969. № 12. С. 54–57.

Новиков В.И. Учиться коммунизму // Московский университет. 1971. 5 октября.

Котельников В. Сотрудники за партами // Московский университет. 1976. 16 декабря.

Гапоненкова М. Народному университету общественно-политических знаний — десять лет // Московский университет. 1980. 15 октября.

Котельников В. Школа пропагандистских кадров // Московский университет. 1980. 18 ноября.

Факультет повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений / Сост. М.В. Качишкина. М., 1981. 52 с.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Котельников В. Важнейшая форма партийной учебы // Московский университет. 1982. 25 февраля.

Карельский А. Пропагандисты-искусствоведы // Московский университет. 1982. 25 февраля.

Дудин П. Приглашают философы // Московский университет. 1982. 25 февраля.

Булдакова Т. Год создания — 1975 // Московский университет. 1982. 25 февраля.

Шмаков В. Преподаватели повышают знания // Московский университет. 1982. 25 февраля.

Котельников В. Отвечать духу времени // Московский университет. 1982. 16 сентября.

Александрова С.Е. О подготовке социологических кадров в университетах марксизма-ленинизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 1. С. 79—82.

Толпыго М. Высшее политическое, университетское // Политическое самообразование. 1984. № 11. С. 126—130.

Философские (методологические) семинары

Самарский А. Повышать философское образование научных работников // Московский университет. 1948. 14 февраля.

Копцов А. Новые перспективы // Московский университет. 1949. 17 сентября.

Ненашев В. Перед началом учебного года // Московский университет. 1949. 17 сентября.

Попцов Н. Овладеваем теорией марксизма-ленинизма // Московский университет. 1950. 2 июня.

Слуцкий М.С. Усилить методическое руководство кружками // Московский университет. 1951. 8 марта.

Яновская С.А. О работе методологического семинара на механико-математическом факультете // Московский университет. 1953. 26 февраля.

Дворянкин Ф.А. Из опыта методологического семинара // Московский университет. 1953. 23 ноября.

Архангельский М. В тесной связи с вопросами специальности // Московский университет. 1954. 4 октября.

Коваль Н.С. Семинар по техническим приложениям математической логики // Автоматика и телемеханика. 1957. Т. 18. № 10. С. 950—952.

Шапочка Н. Философские семинары биологов // Московский университет. 1960. 22 марта.

Злобин В. Методологические семинары историков // Московский университет. 1960. 7 октября.

Карпинская Р.С. Плодотворное сотрудничество // Московский университет. 1961. 14 июня.

Солодухин Ю. Математики выступают с докладами по логике // Московский университет. 1961. 14 июня.

Новосельцев К. Полезное и нужное сотрудничество // Московский университет. 1961. 23 июня.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Ермолаева В.* Кибернетика и судопроизводство // Московский университет. 1962. 8 июня.
- Базаров И.* Обсуждаем философские проблемы физики // Московский университет. 1963. 15 ноября.
- Добровольский В.* На повестке дня — проблемы методологии // Московский университет. 1963. 19 ноября.
- Ленин и современное естествознание // Московский университет. 1969. 23 апреля.
- Философско-методические проблемы специальных наук: Вопросы организации и повышения эффективности работы философских (методологических) семинаров. Л., 1979. 253 с.
- Опыт работы философских (методологических) семинаров Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1981. 32 с.
- Шкуринов П.С.* Из опыта работы философских (методологических) семинаров Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Мировоззренческие и методологические проблемы научного познания. М., 1983. С. 69–99.
- Володин Э.Ф.* Философский (методологический) семинар историков // Общественные науки. 1983. № 2. С. 140–145.
- Волков Ф.М.* Об опыте работы философских (методологических) семинаров факультетов и институтов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Философские (методологические) семинары. М., 1983. С. 54–66.
- Волков Ф.М.* Из опыта работы философских (методологических) семинаров Московского университета // Современная высшая школа. Варшава, 1983. № 2. С. 111–123.
- Волков Ф.М.* Новые задачи идеологической работы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1983. № 6. С. 3–10.
- Лазуков Г.И.* Из опыта работы методологического (философского) семинара географического факультета МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. География. 1984. № 2. С. 11–16.
- Базаров И.П., Николаев П.Н.* Методологический семинар физического факультета МГУ // История и методология естественных наук. Вып. 31. М., 1985. С. 30–49.
- Шарапова Е.* С высокой активностью // Московский университет. 1986. 30 июня.
- Зуб А.Т., Купцов В.И.* Роль философских (методологических) семинаров в повышении уровня методологического осмысления достижений советской науки // Ускорение научно-технического прогресса — коренной вопрос экономической политики партии. М., 1987. С. 163–172.
- Новичихина Э.Г.* Роль философских (методологических) семинаров в формировании активной жизненной позиции молодого ученого // Теоретические вопросы формирования сознания современной молодежи. Барнаул, 1987. С. 212–219.
- Цветков А.* Математика и философия // Московский университет. 1987. 17 декабря.
- Зотов А.Ф.* Следствие рационалистического воспитания ума // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 99–105.

Некрологи

Аверинцев Сергей Сергеевич // Коммерсант. 2004. 24 февраля; Российская газета. 2004. 25 февраля; Труд. 2004. 25 февраля, 13 апреля; Культура. 2004. 26 февраля;

Известия. 2004. 26 февраля; Книжное обозрение. 2004. 1 марта; Литературная газета. 2004. 3 марта; Вестн. Российского философского общества. 2004. № 1. С. 227; Кентавр. 2004. № 1. С. 409–410; Человек. 2004. № 2. С. 187; Мировое древо. 2004. Вып. II. С. 247–248; Вестн. Древней истории. 2004. № 4. С. 225–226; Истина и жизнь. 2004. № 4. С. 17–23, № 5. С. 40–42; Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2004. № 5. С. 78–79; Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 3–38; Новый мир. 2004. № 6. С. 124–126; Качество профессионального образования. Оренбург, 2004. Ч. 2. С. 154–158; Антропология культуры. 2004. Вып. 2. С. 309–311; Вестн. Еврейского университета. 2004. № 9. С. 5–6; Континент. 2004. № 119. С. 9–33; Наше наследие. 2004. № 69. С. 160; Знание — сила. 2005. № 2. С. 89–98.

Александров Владимир Спиридонович // Московский университет. 1975. 28 ноября; Научный коммунизм. 1975. № 6. С. 160; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1975. № 6. С. 92.

Алексеев Игорь Серафимович // Россия — XXI. 1993. № 11–12. С. 163–170.

Апресян Грант Захарович // Философские науки. 1982. № 4. С. 190; Вопр. философии. 1982. № 6. С. 171.

Артемьев Владимир Алексеевич // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 170.

Артемьева Елена Юрьевна // Вопросы психологии. 1983. № 4. С. 188.

Асмус Валентин Фердинандович // Философские науки. 1975. № 5. С. 190; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1975. № 6. С. 93–94; Вопр. философии. 1975. № 8. С. 184.

Ашин Геннадий Константинович // Вестн. Российского философского общества. 2011. № 1. С. 231; Социологические исследования. 2011. № 5. С. 157.

Барулин Владимир Семенович // Личность. Культура. Общество. 2008. № 1. С. 409–416; Вестн. Российского философского общества. 2008. № 3. С. 175.

Баскин Марк Петрович // Вопр. философии. 1964. № 9. С. 182.

Батищев Генрих Степанович // Фигуры Танатоса. 1991. Вып. 1. С. 183–184.

Батищев Степан Петрович // Московская правда. 1969. 20 ноября.

Белов Павел Тихонович // Научный коммунизм. 1977. № 6. С. 159; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1977. № 6. С. 93–94; Философские науки. 1978. № 2. С. 190.

Берестнев Владимир Федорович // Ленинец. 1977. 24 февраля; Философские науки. 1977. № 3. С. 190.

Бибихин Владимир Вениаминович // Личность. Культура. Общество. 2005. № 1. С. 387; Точки. 2005. № 1–2. С. 7–25; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2005. № 2. С. 120–121; Вопр. философии. 2005. № 4. С. 112–113.

Биккенин Наиль Бариевич // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 221; Вопр. философии. 2007. № 8. С. 190.

Богатов Виталий Васильевич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 2. С. 126–127.

Богомолов Алексей Сергеевич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1983. № 3. С. 96–97; Философские науки. 1983. № 4. С. 191; Вопр. философии. 1983. № 5. С. 170–171.

Богомолов Борис Антонович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2007. № 6. С. 117.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Брайович Станое Маркович** // Философия и общество. 2006. № 3. С. 193–194.
- Бродов Василий Васильевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1997. № 3. С. 118–120.
- Будилова Елена Александровна** // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 166.
- Бутенко Анатолий Павлович** // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 327.
- Бушуев Семен Кузьмич** // Московский университет. 1958. 30 августа.
- Васецкий Григорий Степанович** // Вечерняя Москва. 1983. 7 июля; Философские науки. 1983. № 6. С. 184.
- Василькова Анна Ивановна** // Московский университет. 1961. 23 мая.
- Ветров Анатолий Алексеевич** // Вопр. философии. 1975. № 4. С. 184.
- Войшвилло Евгений Казимирович** // Вестн. Российского философского общества. 2008. № 4. С. 216.
- Володин Эдуард Федорович** // Правда. 2001. 14 декабря; Литературная газета. 2001. 26 декабря.
- Волченко Людмила Борисовна** // Здравый смысл. 1998/1999. № 10. С. 112.
- Воробьев Лев Валентинович** // Философские науки. 1983. № 2. С. 189.
- Гагарин Алексей Петрович** // Московская правда. 1960. 8 сентября; Московский университет. 1960. 13 сентября; Философские науки. 1960. № 4. С. 164–165; Наука и религия. 1960. № 10. С. 96.
- Гак Григорий Моисеевич** // Философские науки. 1971. № 2. С. 188.
- Гальперин Петр Яковлевич** // Московская правда. 1988. 29 марта; Учительская газета. 1988. 2 апреля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1988. № 2. С. 63–64; Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 170; Психологический журнал. 1988. № 6. С. 164–165.
- Гаспаров Михаил Леонович** // Коммерсант. 2005. 9 ноября; Известия. 2005. 9 ноября; Время новостей. 2005. 9 ноября; Литературная газета. 2005. 16 ноября; Книжное обозрение. 2005. № 46. С. 3; Русский язык в научном освещении. 2005. № 2. С. 7–16; Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 2005. № 5. С. 201–202; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 2005. № 6. С. 192–198; Филологические науки. 2006. № 1. С. 125–128; Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 5–87. Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2006. № 2. С. 71–75; Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 27–69; Одиссей. 2006. С. 469–470.
- Геллерштейн Соломон Григорьевич** // Вопросы психологии. 1968. № 1. С. 188–189.
- Глезерман Григорий Ерухимович** // Социологические исследования. 1980. № 4. С. 211; Вопр. философии. 1980. № 8. С. 181–183.
- Глинский Борис Александрович** // Вестн. Российского философского общества. 2001. № 2. С. 172.
- Гольдентрихт Семен Семенович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1993. № 1. С. 95.
- Горбов Федор Дмитриевич** // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 189–190.
- Горский Дмитрий Павлович** // Вопр. философии. 1994. № 12. С. 173.
- Грецкий Милий Николаевич** // Альтернативы. 2004. № 1. С. 1.

- Грязнов Александр Феодосиевич** // Вопр. философии. 2002. № 2. С. 190; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 2. С. 110–111; Философские науки. 2002. № 4. С. 159; Отечественные записки. 2003. № 1. С. 273–275; Историко-философский ежегодник. 2001. М., 2003. С. 341–343.
- Гудожник Григорий Сергеевич** // Философские исследования. 1994. № 1. С. 293–294.
- Гуревич Арон Яковлевич** // Коммерсант. 2006. 7 августа; Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 175–229; Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 218; Одиссей. 2006. С. 480.
- Гуревич Константин Маркович** // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 188–189.
- Давыдов Юрий Николаевич** // Полития. 2007. № 1. С. 176; Социологическое обозрение. 2007. № 1. С. 88–90; Социологический журнал. 2007. № 2. С. 185–187; Социологические исследования. 2007. № 8. С. 157; Вопр. философии. 2007. № 9. С. 188–190.
- Джунусов Масхуд Садыкович** // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 158.
- Дяткин Валентин Тихонович** // Московский университет. 1956. 11 декабря.
- Дубко Елена Леонидовна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2007. № 4. С. 124–125.
- Дынкин Михаил Александрович** // Философские науки. 1971. № 4. С. 187; Вопр. философии. 1971. № 7. С. 184.
- Евграфов Василий Евграфович** // Философские науки. 1983. № 3. С. 191; Вопр. философии. 1983. № 8. С. 171.
- Егоров Михаил Александрович** // Под знаменем марксизма. 1942. № 7. С. 95.
- Железняк Николай Никитович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2003. № 1. С. 118.
- Желенина Ирина Александровна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 5. С. 129.
- Жинкин Николай Иванович** // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 183.
- Журавлев Виталий Васильевич** // Вестн. Российского философского общества. 2005. № 1. С. 248–249.
- Журавлев Леонид Алексеевич** // Московский университет. 1978. 24 февраля.
- Запорожец Александр Владимирович** // Вопросы психологии. 1981. № 6. С. 181–182; Психологический журнал. 1982. № 1. С. 170; Советская педагогика. 1982. № 3. С. 136.
- Зейгарник Блюма Вульфовна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1988. № 2. С. 62–63; Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 171; Психологический журнал. 1988. № 5. С. 167–168.
- Зиновьев Александр Александрович** // Человек.гу. 2006. № 1. С. 312–314; Вестн. Российского философского общества. 2006. № 2. С. 231–235, 250; Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3. С. 352; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2006. № 5. С. 118–190; Вопр. философии. 2006. № 11. С. 188–190; Личность. Культура. Общество. 2006. № 4. С. 383–386.
- Зись Авнер Яковлевич** // Культура. 1997. 11 сентября; Вопр. философии. 1998. № 3. С. 189–190.

Зорова Ольга Александровна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1990. № 5. С. 78.

Иванов Иван Григорьевич // Московская правда. 1985. 30 марта; Философские науки. 1985. № 5. С. 191.

Иванов Петр Васильевич // Московский университет. 1950. 6 мая.

Игнатович Александр Николаевич // Религиоведение. 2002. № 1. С. 214–216.

Илиади Александр Николаевич // Московская правда. 1980. 17 февраля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 2. С. 88; Философские науки. 1981. № 3. С. 189.

Ильенков Эвальд Васильевич // Московская правда. 1979. 23 марта; Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 189; Философские науки. 1979. № 4. С. 158; Вопр. философии. 1979. № 6. С. 182–184.

Ильин Арчил Якимович // Философские науки. 1981. № 4. С. 191.

Иовчук Михаил Трифонович // Советская Россия. 1990. 12 января; Философские науки. 1990. № 5. С. 142.

Иониди Перикл Петрович // Московская правда. 1971. 26 января.

Кавелин Михаил Павлович // Московский университет. 1969. 6 июня.

Каганов Всеволод Михайлович // Философские науки. 1968. № 6. С. 183; Вопр. философии. 1968. № 9. С. 185.

Калтахчян Сурен Тигранович // Правда. 1992. 7 ноября.

Каменский Захар Абрамович // Вопр. философии. 2000. № 9. № 158–159.

Каплан Иосиф Григорьевич // Инженер транспорта. 1963. 27 сентября.

Капустин Михаил Павлович // Философские науки. 2004. № 6. С. 156–159.

Каримский Анир Мусиевич // Вопр. философии. 1994. № 9. С. 223.

Карпинская Регина Семеновна // Вопр. философии. 1993. № 10. С. 190; Философские исследования. 1994. № 1. С. 292.

Карпушин Владимир Алексеевич // Московская правда. 1990. 3 октября.

Кедров Бонифатий Михайлович // Правда. 1985. 13 сентября; Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 4. С. 165; Вопр. философии. 1985. № 11. С. 168–171; Наука и жизнь. 1985. № 11. С. 82–83; Природа. 1985. № 11. С. 102–193; Вестн. АН СССР. 1985. № 12. С. 77; Философские науки. 1986. № 1. С. 188–189; Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 246–247; Известия Всесоюзного географического общества. 1986. Вып. 2. С. 190–191.

Кекчеев Крикор Хачатурович // Гигиена и санитария. 1948. № 12. С. 55–56; Проблемы физиологической оптики. 1949. Т. VII. С. 133–134.

Келле Владислав Жанович // Вестн. Российского философского общества. 2010. № 3. С. 163–164; Социологический журнал. 2010. № 3. С. 161–162; Личность. Культура. Общество. 2010. № 3. С. 389–416; Человек. 2010. № 5. С. 185; Философские науки. 2010. № 12. С. 116–128; Вопр. философии. 2011. № 1. С. 60–70.

Киряев Николай Михайлович // Московский университет. 1972. 20 июня.

Князев Борис Владимирович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 3. С. 87; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1989. № 4. С. 96; Социологические исследования. 1989. № 4. С. 156; Философские науки. 1989. № 7. С. 143.

Ковалев Александр Митрофанович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2010. № 6. С. 106–107; Вестн. Российского философского общества. 2011. № 1. С. 231; Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 367–368.

- Ковальзон Матвей Яковлевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1992. № 3. С. 87; Вопр. философии. 1992. № 4. С. 159.
- Ковальчук Андрей Сергеевич** // Московская правда. 1990. 22 августа.
- Козлов Дмитрий Федорович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1992. № 3. С. 87.
- Колбановский Виктор Николаевич** // Московская правда. 1970. 15 октября; Вопросы психологии. 1970. № 6. С. 184–185.
- Кондратьев Петр Павлович** // Московский университет. 1954. 7 мая.
- Константинов Федор Васильевич** // Правда. 1991. 10 декабря.
- Копнин Павел Васильевич** // Правда. 1971. 30 июня; Философские науки. 1971. № 5. С. 187–188; Вопр. философии. 1971. № 8. С. 180–183; Вестн. АН СССР. 1971. № 9. С. 95.
- Костюченко Людмила Георгиевна** // Личность. Культура. Общество. 2007. № 1. С. 424; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 2007. № 2. С. 190–191; Социологические исследования. 2007. № 7. С. 157.
- Котелова Юлия Владимировна** // Московский университет. 1980. 10 апреля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1980. № 3. С. 79; Вопросы психологии. 1980. № 3. С. 185.
- Кошелевский Давид Исаакович** // Московский университет. 1978. 27 сентября; Вопр. философии. 1978. № 10. С. 184; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1979. № 1. С. 80.
- Кравков Сергей Васильевич** // Офтальмологический журнал. 1951. № 2. С. 96; Вопр. философии. 1951. № 3. С. 221–222; Вестн. офтальмологии. 1951. № 4. С. 45–46; Проблемы физиологической оптики. 1952. Т. X. С. 3–4.
- Красников Александр Николаевич** // Религиоведение. 2009. № 3. С. 3–4; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2009. № 5. С. 120.
- Кудрявцев Юрий Григорьевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1996. № 1. С. 196–198.
- Кузьмин Владислав Фотиевич** // Философские науки. 1978. № 1. С. 190.
- Кузьмин Леонид Ферапонтович** // Московская правда. 1978. 22 июля.
- Кулыгин Владимир Павлович** // Личность. Культура. Общество. 2009. № 1. С. 528–532, № 2. С. 502–503; Социологические исследования. 2009. № 4. С. 158.
- Куприян Александр Петрович** // Социологические исследования. 1978. № 4. С. 230; Философские науки. 1978. № 6. С. 180.
- Курьлев Анатолий Константинович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1971. № 4. С. 99–100; Философские науки. 1971. № 6. С. 179.
- Кутасов Владилен Дмитриевич** // Книжное обозрение. 1995. 19 декабря.
- Кутасов Дмитрий Алексеевич** // Московская правда. 1968. 8 мая; За автомобильно-дорожные кадры. 1968. 8 мая.
- Ладыгина-Котс Надежда Николаевна** // Вопросы психологии. 1963. № 6. С. 189–190; Вопр. философии. 1963. № 10. С. 183–183.
- Лашин Анатолий Григорьевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1994. № 2. С. 96.
- Лебединский Виктор Васильевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2008. № 3. С. 140–141.

Леонтьев Алексей Николаевич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1979. № 1. С. 66—72; Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 188—190; Вопр. философии. 1979. № 4. С. 182—184.

Лосев Алексей Федорович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1988. № 6. С. 69; Вопр. философии. 1988. № 9. С. 172—173; Философские науки. 1988. № 10. С. 76; Вестн. Древней истории. 1989. № 1. С. 250—252.

Лотман Юрий Михайлович // Независимая газета. 1993. 29 октября; Вестн. Русского христианского движения. 1993. № 168. С. 248—251; Человек. 1993. № 6. С. 121; Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1994. № 1. С. 92—93; Русская филология. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 6—80; Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 5—8; Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 102—103; Всемирное слово. СПб., 1995. № 8. С. 66—67.

Лурия Александр Романович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1977. № 4. С. 89—93; Вопросы психологии. 1977. № 5. С. 189—190; Вопр. философии. 1977. № 9. С. 185—186.

Ляшенко Павел Никифорович // Философские науки. 1978. № 1. С. 189.

Макаровский Александр Аркадьевич // Московская правда. 1978. 24 декабря; Горняцкая смена. 1979. 4 января; Философские науки. 1979. № 3. С. 158.

Максимов Александр Александрович // Вопр. философии. 1976. № 10. С. 186.

Малинин Виктор Арсеньевич // Вестн. Российского философского общества. 1999. № 4. С. 136—137; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2000. № 3. С. 117.

Мальцев Василий Иванович // Вечерняя Москва. 1975. 26 февраля.

Мамедов Шейдабек Фараджиевич // Философские науки. 1985. № 1. С. 191; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 5. С. 85.

Манешин Владимир Семенович // Вестн. Российского философского общества. 1998. № 1. С. 100—101.

Марков Андрей Андреевич // Вопр. философии. 1980. № 1. С. 186.

Маслин Александр Никифорович // Вопр. философии. 1971. № 2. С. 183.

Мелетинский Елеазар Моисеевич // Известия. 2005. 20 декабря; Литературная газета. 2005. 21 декабря; Отечественные записки. 2005. № 6. С. 334—338; Мировое древо. 2006. № 12. С. 234—240; Одиссей. 2006. С. 478—479.

Мельвиль Юрий Константинович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1993. № 6. С. 75—76; Вопр. философии. 1993. № 10. С. 191.

Мелюхин Серафим Тимофеевич // Вестн. Российского философского общества. 2003. № 1. С. 235; Философия и общество. 2003. № 1. С. 185—187; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 2. С. 119—121; Вопр. философии. 2003. № 7. С. 188—189.

Митин Марк Борисович // Правда. 1987. 21 января; Вопр. философии. 1987. № 3. С. 171—172; Философские науки. 1987. № 5. С. 127.

Молодцов Василий Сергеевич // Московская правда. 1985. 4 октября; Вопр. философии. 1985. № 12. С. 157; Философские науки. 1986. № 2. С. 190; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1986. № 5. С. 79—81.

Момджян Хачик Нишанович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1996. № 3. С. 87; Свободная мысль. 1996. № 4. С. 126.

Муравьев Евдоким Федорович // Московский университет. 1980. 10 апреля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1980. № 6. С. 85.

- Мухтасипов Медехат Мухтасипович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования. 1991. № 3. С. 95.
- Нарский Игорь Сергеевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1993. № 6. С. 77; Вопр. философии. 1994. № 4. С. 189.
- Нечаев Валерий Яковлевич** // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 157.
- Никифорова Ольга Ивановна** // Московский университет. 1978. 28 июня; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1978. № 3. С. 79; Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 190.
- Никишов Серафим Иванович** // Московская правда. 1989. 21 февраля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1989. № 3. С. 86.
- Новоселова Светлана Леонидовна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2005. № 4. С. 94–95; Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 156–157.
- Новосельцев Константин Александрович** // Московский университет. 1968. 9 января.
- Овсенко Фридрих Григорьевич** // Религиоведение. 2007. № 4. С. 170–172.
- Овсянников Михаил Федотович** // Московская правда. 1987. 18 августа; Вопр. философии. 1987. № 10. С. 171; Философские науки. 1987. № 12. С. 118; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1988. № 1. С. 95–96.
- Овчаренко Виктор Иванович** // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 172–173; Философские науки. 2009. № 11. С. 151–158.
- Павлов Юрий Михайлович** // Вестн. Российского философского общества. 2007. № 1. С. 246; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2007. № 3. С. 121.
- Панарин Александр Сергеевич** // Вестн. Российского философского общества. 2003. № 3. С. 166; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 2003. № 3. С. 87; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 2003. № 4. С. 178–179; Москва. 2004. № 9. С. 197–200.
- Панцхава Илья Диомидович** // Философские науки. 1986. № 5. С. 191; Вопр. философии. 1986. № 9. С. 171.
- Парсонс Говард Ли** // Здравый смысл. 2001. № 20. С. 45.
- Петренко Елена Леонидовна** // Вестн. Российского философского общества. 2009. № 3. С. 165.
- Петров Юрий Александрович** // Вестн. Российского философского общества. 2001. № 4. С. 198.
- Петров Юрий Петрович** // Московский университет. 1967. 10 января; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1967. № 1. С. 95.
- Платонов Константин Константинович** // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 168; Психологический журнал. 1985. № 1. С. 168.
- Плотников Сергей Николаевич** // Книжное обозрение. 1995. 14 февраля; Вопр. философии. 1995. № 12. С. 152–153.
- Попов Павел Сергеевич** // Вечерняя Москва. 1964. 3 февраля.
- Попов Сергей Иванович** // Вестн. Российского философского общества. 2001. № 1. С. 153.
- Попова Марта Анатольевна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1981. № 2. С. 87.

- Разин Владимир Иванович** // Вестн. Российского философского общества. 2009. № 3. С. 167–168; Философия и общество. 2010. № 1. С. 212.
- Розов Михаил Александрович** // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 249; Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 2. С. 181–183; Вопр. философии. 2011. № 5. С. 190.
- Рубинштейн Сергей Леонидович** // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 3–6; Вопр. философии. 1960. № 2. С. 179–180.
- Руткевич Михаил Николаевич** // Правда. 2009. 21 июля; Социологические исследования. 2009. № 10. С. 157.
- Рябов Дмитрий Дмитриевич** // Московская правда. 1988. 3 сентября; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1988. № 6. С. 86.
- Сагадеев Артур Владимирович** // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 1997. № 1. С. 257–258.
- Самойлов Леонид Николаевич** // Вестн. Российского философского общества. 2001. № 3. С. 153.
- Сафронов Борис Григорьевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2001. № 6. С. 109.
- Светлов Василий Иванович** // Вечерняя Москва. 1955. 13 августа.
- Селезнев Александр Михайлович** // Философия и общество. 2007. № 3. С. 191–192.
- Селезнев Михаил Александрович** // Московская правда. 1990. 10 августа; Философские науки. 1991. № 4. С. 190.
- Сивоконь Петр Елизарович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1998. № 2. С. 117–118.
- Сидоров Михаил Иванович** // Московская правда. 1972. 18 июня; Вопр. философии. 1972. № 8. С. 185–185.
- Сидоров Николай Андреевич** // Вечерняя Москва. 1991. 1 октября.
- Слепенков Иван Маркелович** // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 156–157.
- Смирнов Анатолий Александрович** // Вопросы психологии. 1980. № 4. С. 6–9.
- Смирнов Владимир Александрович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1996. № 4. С. 84–85; Вопр. философии. 1996. № 8. С. 153–158.
- Смоленцев Юрий Михайлович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1996. № 1. С. 96.
- Соколов Александр Николаевич** // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 155.
- Соколов Евгений Николаевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2008. № 1. С. 145–152; Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 183–186; Психологический журнал. 2008. № 6. С. 123–125.
- Соколов Михаил Васильевич** // Вопросы психологии. 1962. № 5. С. 3–4.
- Средний Дмитрий Дмитриевич** // Вопр. философии. 1973. № 4. С. 187.
- Старостин Борис Анатольевич** // Вестн. Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 12. С. 307–309.
- Стяжкин Николай Иванович** // Философские науки. 1986. № 4. С. 191.
- Суворов Лев Николаевич** // Московская правда. 1983. 21 декабря; Научный коммунизм. 1984. № 2. С. 158; Философские науки. 1984. № 3. С. 191.

- Суркова Людмила Вениаминовна** // Вестн. Российского философского общества. 2007. № 3. С. 170–171.
- Сухно Андрей Иванович** // Московский университет. 1979. 12 января.
- Тадевосян Эдуард Вранович** // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 156; Государство и право. 2001. № 7. С. 126–127.
- Тараканов Николай Григорьевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1974. № 4. С. 90; Философские науки. 1974. № 5. С. 189.
- Теплов Борис Михайлович** // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 4–6.
- Тимирязев Аркадий Климентьевич** // Московский университет. 1955. 28 ноября.
- Титаренко Александр Михайлович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1993. № 3. С. 96; Вопр. философии. 1993. № 11. С. 160.
- Тихомиров Олег Константинович** // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 156–157; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2001. № 2. С. 112; Психологический журнал. 2001. № 5. С. 127–128.
- Трахтенберг Орест Владимирович** // Вопр. философии. 1959. № 8. С. 188–189.
- Турук Геннадий Петрович** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2008. № 5. С. 110.
- Угринович Дмитрий Модестович** // Московская правда. 1990. 10 июня; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1990. № 5. С. 80.
- Уедов Александр Константинович** // Вестн. Российского философского общества. 1999. № 4. С. 136.
- Фаталиев Халиль Магомедович** // Московский университет. 1959. 29 октября; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1959. № 4. С. 227–228; Вопр. философии. 1959. № 12. С. 182.
- Фомина Вера Александровна** // Московская правда. 1986. 28 сентября; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1986. № 6. С. 84; Философские науки. 1987. № 4. С. 127.
- Фролов Иван Тимофеевич** // Правда. 1999. 23–24 ноября; Вестн. Российского философского общества. 1999. № 4. С. 127–135; Человек. 2000. № 1. С. 5–7; Свободная мысль. 2000. № 2. С. 76–86; Вопр. философии. 2000. № 4. С. 182–185; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2000. № 6. С. 123–124.
- Хасхачих Федор Игнатьевич** // Под знаменем марксизма. 1942. № 10. С. 127.
- Хлябич Илья Александрович** // Московский университет. 1980. 15 февраля; Московская правда. 1980. 17 февраля.
- Хомская Евгения Давыдовна** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2004. № 2. С. 111–112; Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 156–157; Психологический журнал. 2004. № 4. С. 127–128.
- Хореев Николай Васильевич** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2000. № 3. С. 118–119.
- Чаньшев Арсений Николаевич** // Вопр. философии. 2005. № 12. С. 182; Философия и общество. 2005. № 4. С. 200; Вестн. Российского философского общества. 2006. № 1. С. 243–244; Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 107; Человек в третьем тысячелетии. Курск, 2007. Вып. 1. С. 32–38.
- Чермных Павел Семенович** // Московская правда. 1975. 19 октября.
- Чернышев Борис Степанович** // Московский большевик. 1944. 7 сентября.

Чесноков Дмитрий Иванович // Вопр. философии. 1973. № 11. С. 185–185; Философские науки. 1974. № 1. С. 189.

Чугаев Анатолий Яковлевич // Московский университет. 1964. 5 июня; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, философия. 1964. № 4. С. 94–95; Вопр. философии. 1964. № 7. С. 184–184.

Чудов Алексей Александрович // Московский университет. 1975. 24 января.

Шварц Любовь Абрамовна // Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 190.

Швырев Владимир Сергеевич // Вестн. Российского философского общества. 2008. № 2. С. 237–238; Человек. 2008. № 5. С. 188–189; Вопр. философии. 2008. № 10. С. 189–190.

Шевкин Василий Сильверстович // Московская правда. 1957. 7 сентября.

Шишкин Николай Сергеевич // Московский университет. 1971. 12 марта; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Теория научного коммунизма. 1971. № 2. С. 91–92.

Шкуринов Павел Семенович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2002. № 4. С. 119.

Шорохова Екатерина Васильевна // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 157–158; Психологический журнал. 2004. № 4. С. 125–126.

Штракс Григорий Маркович // Вопр. философии. 1982. № 9. С. 171; Философские науки. 1983. № 1. С. 189.

Щипанов Иван Яковлевич // Московская правда. 1985. 8 апреля; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1983. № 3. С. 80; Философские науки. 1983. № 5. С. 189.

Эльконин Даниил Борисович // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 185.

Юдин Павел Федорович // Правда. 1968. 12 апреля; Философские науки. 1968. № 4. С. 196; Вопр. философии. 1968. № 5. С. 182–183.

Якобсон Павел Максимович // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 190.

Яковлев Евгений Георгиевич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2004. № 3. С. 111–113; Вопр. философии. 2004. № 4. С. 189.

Яновская Софья Александровна // Московский университет. 1966. 15 ноября; Вопр. философии. 1966. № 11. С. 182–183.

Ярошевский Михаил Григорьевич // Философские науки. 2001. № 2. С. 159–162; Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 2001. № 3. С. 103–104; Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 155–157; Психологический журнал. 2001. № 5. С. 125–126.

Кончины

Алексеев Митрофан Николаевич — 6 октября 1991 г.

Андреев Григорий Георгиевич — 28 мая 1996 г.

Андривская Вероника Александровна — 18 ноября 2005 г.

Анисимов Сергей Федорович — 10 июня 2005 г.

Антонов Анатолий Николаевич — 7 января 1994 г.

Ахманов Александр Сергеевич — 5 июня 1957 г.

Бетяев Яков Дементьевич — 1953 г.

Богуславский Вениамин Моисеевич — 2003 г.

Борунков Юрий Филиппович — 12 января 2006 г.

Бочкарев Николай Иванович — 22 мая 1999 г.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

- Бурлак Валентина Николаевна — 7 июня 2001 г.
Василенко Владимир Александрович — 12 марта 1996 г.
Васильева Татьяна Вадимовна — 6 января 2002 г.
Воробей Юрий Дмитриевич — 14 января 2001 г.
Ганжин Виктор Тимофеевич — 7 ноября 1999 г.
Георгиев Филипп Игнатьевич — 26 июня 1974 г.
Демин Михаил Васильевич — 9 февраля 2007 г.
Егоршин Василий Петрович — август 1985 г.
Епископосов Грант Леонович — 24 ноября 1995 г.
Ерасов Борис Сергеевич — 1 мая 2001 г.
Жукова Надежда Григорьевна — 30 декабря 2007 г.
Заиченко Георгий Антонович — 19 января 2002 г.
Калацкий Владимир Петрович — 17 января 1997 г.
Калтахчян Владимир Тигранович — 16 марта 1997 г.
Квитко Давид Юрьевич — 5 февраля 1942 г.
Киреев Дмитрий Иванович — октябрь 1993 г.
Козлов Никита Степанович — 22 августа 2004 г.
Коршунова Лада Сергеевна — 17 февраля 1991 г.
Кружков Владимир Семенович — 11 мая 1991 г.
Кузнецов Виталий Николаевич — 30 мая 2011 г.
Куражковская Евгения Алексеевна — 17 мая 1990 г.
Лармин Олег Владимирович — 3 февраля 1995 г.
Новиков Михаил Петрович — 4 марта 1993 г.
Пащенко Виталий Яковлевич — 28 сентября 2007 г.
Платонов Георгий Васильевич — 22 октября 2006 г.
Попов Александр Сергеевич — 27 января 2000 г.
Пятницын Будимир Николаевич — 16 апреля 1988 г.
Рачков Петр Алексеевич — 9 июля 2004 г.
Серцова Анна Петровна — 28 августа 2009 г.
Степанян Цолак Александрович — 8 октября 2002 г.
Сулимов Ефим Федорович — 17 февраля 2001 г.
Фурман Алексей Евгеньевич — 1983 г.
Хасхачих Мария Игнатьевна — 14 марта 2008 г.
Цыганкова Эмма Николаевна — 10 апреля 2010 г.
Шептулин Александр Петрович — 2 августа 1993 г.
Шишкина Валентина Ивановна — 7 июня 2005 г.
Юрова Инна Леонидовна — 26 июля 1979 г.

Часть II

БЕСЕДЫ

«ИСТИНА ДОСТИЖИМА ТОЛЬКО В НЕКОТОРЫХ ОБЛАСТЯХ»

Беседу с профессором кафедры логики философского факультета МГУ Анатолием Александровичем Старченко провели доцент А.П. Козырев и аспирант Д.Ю. Черников. Интервью записано в 2006 г.

А.К. Анатолий Александрович! В канун Дня Победы разрешите Вас поздравить с этим Великим праздником. Вчера ректор МГУ чествовал ветеранов Великой Отечественной войны. Вы являетесь председателем Совета ветеранов МГУ. Война пришлось на годы Вашей молодости, Вы еще мальчишкой были, когда война началась. Давайте начнем с военных лет Вашей молодости.

А.С. Я был комиссаром в партизанской группе, сами ребята меня выбрали, никто не назначал. Нас арестовали, а потом перевели в Ростов, в Богатыновскую тюрьму, там держали полтора месяца, били, допрашивали: «Кто вешал флаг?». Никто не признался.

А.К. Это было в 1942 году?

А.С. В 1942-м, в конце 1942-го — начале 1943 года. Немцы от Сталинграда отступали и им не до этого было. Наши войска заняли Котельнический, и немцы стали отступать. Они — трусливый народ, это только так кажется, что они были «железной армией». Они как побежали тогда из Ростова до Киева, а дальше — до Харькова. А тюрьму, в которой мы находились взяли. И участников, т.е. тех, кто там сидел, а там были уже люди настоящие, т.е. люди в военнообязанном возрасте, и была молодежь, например, очень много было ребят молодых, которых называли «шоколадниками». Почему? Им было по 14—15 лет, и они таскали из немецких машин шоколад, всякие другие продукты, потому что голод же был в военное время. Что с ними делали немцы? В тюрьму сажали, держали их там, избивали, еще что-то, а потом, когда прижали наши, отступать надо было, разогнали этих молодых ребят. Кстати, и мы попали под это, мне же лет 15—16 было, и с нами также поступили, подумаешь, деятели великие.

А.К. Сколько времени Вы находились в тюрьме?

А.С. Полтора месяца. Потому что нас схватили, посадили, пытались выбить показания, ничего не получилось, а тут сами немцы отступали, т.е. сами немцы уходили из Ростова. А что с нами делать? Да то же самое, что с остальными, разогнали этот неинтересный народ, а тех, которые постарше... это опасные люди, они могли быть и против немцев. И тогда что сделали? Ведь надо воевать! Тогда их на машины, и так каждую неделю вывозили на автомашинах. Говорили: «Мы их увозим на Украину, для использования на работах». Потом, когда немцы ушли, мы установили, что они с ними делали: они их расстреливали в танковых рвах, дабы от них избавиться. Делать это открыто

они опасались. А ребята? Ребята разбежались, оказались удачливее, и мы под сурдинку остались живы...

А.К. Отец на фронте у Вас был?

А.С. Всю войну прошел от начала до конца. Начал с Ленинграда. Он был работником райкома партии, заведующим организационным отделом.

А.К. Он комиссаром был?

А.С. Он был политруком.

А.К. В каком он звании погиб?

А.С. Капитан, политрук роты.

А.К. Когда война закончилась, Вам было уже 16 лет?

А.С. Нет, считайте сами. Для меня она закончилась в 1943 году, когда по ранению я ушел из истребительного батальона — взорвалась немецкая граната в руке. В 1943-м сколько лет мне было? Семнадцать? Я 1926 года рождения. Мне было 17 лет... Меня не призывали в армию, я уже исключен был из призывников. А потом побыл, поработал в истребительном батальоне еще год, при партии библиотекарем, а потом поучился в техникуме, поехал поступать в университет. По-сту-пил... Начал работать, потом защитился.

Д.Ч. Поступать Вам было трудно?

А.С. Нет, тогда мало людей было.

А.К. Экзамены были?

А.С. Были, я сам писал сочинение, мне тройку поставили.

А.К. Не помните, на какую тему?

А.С. Помню. Была тема, связанная с войной, с настроениями, патриотизмом. Она вольная была, никто нас не ограничивал ничем. Но «тройка» была, конечно, не за содержание, тема была раскрыта хорошо, «тройка» была за грамотность. Поскольку я вырос в сельской местности, а там говорят на русско-украинском, на смешанном языке, то, возможно, были ошибки. Мне «тройку» засадили. Но сказали: «Мы Вас примем, Вы потом обратите внимание...». — Я: «С удовольствием».

А.К. Вы поступали как фронтовик?

А.С. Нет. Я приехал только по ранению в истребительном батальоне. Тогда, в 1945 году, этого и не было еще, фронтовик — нефронтовик, льгот не было. Все сдавали экзамены. А когда приехали сюда, нас пять человек сфотографировали, посмотрите — в основном, инвалиды почти все... (*показывает фото в газете*).

А.К. (*рассматривая фото*). Это старое здание МГУ, да?

А.С. Да, конечно, старое здание. Это я Вам для наглядности. Есть такой миссурийский довод, знаете Миссури, реку? Это из теории аргументации, кстати говоря: «Ты мне не рассказывай, ты мне покажи». Так вот я Вам и говорю, посмотрите. В 1945 году «Комсомольская правда» сделала снимок.

Потом, мы окончили в 1950-м, они снова нас сфотографировали: вот ребята окончили юридический факультет, сейчас пойдут на работу. А это фото вот через несколько лет: я уже преподаю логику в Московском университете. Посмотрите, какой снимок прекрасный: и доска видна, и «писанина» всякая.

А.К. Это уже какой год, 1970-й?

А.С. Правильно, это я уже четыре года как кандидат.

А.К. А на том снимке все ребята с юридического факультета?

А.С. Да, все юристы, однокурсники.

А.К. А кто-то из них жив до сих пор?

А.С. Алексей Самсин. Фамилии здесь есть все. Он профессор Плехановской академии. Мы окончили с ним факультет, оба пошли в аспирантуру, оба на философию, оба защитились, он профессор, я тоже. Этот, я не знаю. А Евгений умер. Этот с одним глазом, без обеих рук — Гусаров, до сих пор работает доцентом в Подмоскowie. Плохо себя чувствует, конечно. Это кто? Кумаритов, что ли? Куда-то уехал, в Грузию что ли, и слава богу, пусть. Этот — Левшин, работал в какой-то очень крупной газете. Старченко как в университете оставили, так и стал работать. А как получился этот снимок? Мы стояли около ректората, шесть человек, и волновались: нам не дали общежития. А что без общежития делать? Волновались: куда пойти, кому пожаловаться, кого попросить, а тут корреспондент: «Ребята, а вы что?» Я говорю: «Да вот общежитие не получается, нам учиться не придется». «Давайте я Вас сниму, может быть, появится фотография через несколько дней в “Комсомолке”, вам обязательно дадут общежитие, нельзя так». Так и вышло, Вы представляете (слегка ударяет кулаком по столу)? Нам всем дали общежитие. Мы стали работать, все окончили университет.

А.К. Лица тут радостные. То есть настрой был оптимистический?

А.С. Ну что Вы... Мы только что сдали и нас приняли. В тот же день мы пошли за местом в общежитии. Мы знали, что добьемся все равно, тогда же не было конкурсов.

А.К. А как-то помогали тем, кто с фронта вернулся, одежду, например, давали?

А.С. Давали! И опекали их, и помогали им. Они питались в особой столовой для инвалидов и участников войны, там чуть-чуть лучше и дешевле было питание. Помогали и промтоварами, давали талоны на хлопчатобумажные изделия, на какую-нибудь обувь. Летом путевками помогали. Насчет жилья... Ну мы же были студентами, нам просто место в общежитии давали в первую очередь. Относились, словом, доброжелательно.

А.К. А со студентами-философами Вы дружили? Или тогда даже не знали, что есть философский факультет?

А.С. Ну что Вы, не знали?! Мы жили, во-первых, вместе, в одной комнате, мы тогда вперемешку жили. Я знал и философов, но жил потом с юристами. Вначале, кстати, я попал к филологам...

А.К. А общежитие где было?

А.С. На Стромынке. Это Стромынград, известное общежитие, очень большое.

А.К. С кем-то познакомились? Из тех, с кем потом пришлось работать. Павел Семенович Шкуринов, я знаю, был тогда активным профсоюзным деятелем.

А.С. Да, он был активный профсоюзник. Он нам все помогал со столовыми к гостинице «Москва» была маленькая пристройка, называлась «Востоккино», восточные фильмы там шли. И потом там организовали в фойе столовую для инвалидов и участников войны МГУ.

А.К. Чем Вы занимались на юрфаке? Диплом-то, наверное, не по логике защищали?

А.С. Когда я поступил в университет, у меня не было такой направленности, вот обязательно на юридический или на географический или на философский. О философском факультете смутное представление было тогда, откровенно говоря. После сельской средней школы, что за «философ»: с Гегелем не знаком, с Кантом тоже, с Асмусом не здоровался. Может, мехмат? Преподаватель был такой в школе, заставил математику полюбить. Или на юридический факультет? Мы же флаги вешали у себя в селе? Немцы нас арестовывали, сажали в тюрьму Богатыновскую, держали очень долго, били. Мы видели, как ведется следствие, и что такое вообще юридическая работа. Мы, молодежь зеленая, там увидели, что за нос можно водить и немцев, и кого угодно. Так они от нас и не добились ничего! Мы не сказали, что вешали флаги. Нас сразу расстреляли бы. Правда, тогда была идея такая у некоторых догматиков: «Лучше сказать, что ты за советскую власть и за Родину, лучше пусть тебя тут расстреляют, нежели...» Иди и пусть тебя стреляют. А я не хочу. Я хочу еще с немцами побороться. Каким образом? А я вывернусь от них, зачем я буду говорить, типа я такой-сякой... Что я такой-сякой, им там покажу. Нас же один парень выдал. Выдал не прямо, а косвенно. На оккупированной территории очень трудно было собирать людей. Мы нашего командира, который на год старше нас был, уже 7-й класс окончил, великий знаток уже был, попросили: «Саша, сходи к одному из наших бывших комсомольских лидеров», он был секретарем комсомольской организации школы, это же личность для сельской местности, как говорят. Он пошел, предложил: «Мы вот хотели бы заняться против немцев, подпольная группа, ты не хотел бы с нами вместе?». Тот подумал-подумал, и говорит: «Нет, я, наверное, не буду». У него свои со-

ображения были, он отказался. А когда мы флаги повесили, тут пошла такая пляска... Всех вызывают, всех допрашивают, с угрозами расстрела. Допросы с палками такими гнуцимся, они кожей обшиты, похоже на шпицрутены, но не совсем. Они и его допрашивали. Он испугался и сказал: «Да вот мне Бондаренко предлагал». Немцы стали за нами наблюдать, это мы задним умом уже догадались, кто с кем дружит. А мы были только 7-й класс: ни одного детективного романа даже не читали и не знали как вести себя. Но мы знали, как вести себя по старым канонам дореволюционной деятельности, но это совсем другое. Они за нами посмотрели 20 дней и всех четверых — хоп! И в подвал нашей районной больницы в Самарском, там мертвецкая была. Там не было трупов, правда. Держали, допрашивали два дня, но мы как-то выдержали, а на третий день повезли в Ростов, немцы не могли справиться с нами. Так вот, гестаповцы приехали из Ростова и увезли нас в Богатыновскую тюрьму. Знаменитая была тюрьма, вся ростовская шобла перебивалась там. Дальше — допросы без результатов. Мы хотели дальше воевать, а не рвать рубашку и умирать. Мы еще думали, как дальше действовать. Основная задача была — взорвать железную дорогу между Ростовом и Кавказом. Но не было ни оружия, ни взрывчатки. Тогда что: собирали мины, снаряды, ходили по полям. Но не получилось, нас тогда как раз схватили. Так вот допросы были? Были. И мы только тогда начали определять своим мальчишеским неразвитым мышлением, что у них есть в портфеле, а чего нет. Что это такое? Это логика. Логика расследования. Вот это и запало в душу мне почему-то. И когда встал вопрос, а куда же идти учиться, майор, который командовал нашим отрядом, говорит: «Анатолий, у тебя такой аналитический ум, иди в юристы». «Ладно, я подумаю, Виталий Иванович». И уже в Москве решил.

А.К. Но не разочаровались, когда поступили на юрфак?

А.С. Нет.

А.К. А как Ваша учеба строилась, много ли приходилось проводить времени в библиотеках?

А.С. Вначале шли лекции, причем не все из них были обеспечены учебниками, поэтому мы очень внимательно к лекциям относились. Потом сидели группами, уточняли, кто как записал. И если хорошая лекция была, мы ее распространяли как учебник, это великое дело было.

А.К. Лекторов еще помните?

А.С. Всех лекторов помню. Это были очень известные юристы. Например, я специализировался у такого известного профессора-криминалиста, как Якимов, он был руководителем кафедры криминалистики. Гражданское право читал профессор Карас. Денисов читал теорию государства и права. Тогда они все были светила нашей науки.

А.К. А кто логику читал?

А.С. Ахманов Александр Сергеевич. У него тогда даже звания ученого не было, но он был специалист высочайшего класса, и к логике очень хорошо относился, и нас приучил к этому.

А.К. Он был профессором философского факультета?

А.С. Философского. Сначала был доцентом, а потом когда защитился, пошел уже в профессора. Но что особенно хорошо: Ахманов давал нам логику не вообще, а с профессиональным уклоном. Не на силлогизмах Аристотелевых мы сидели, мы сидели на специальных примерах. И как-то понимаешь: у меня — то везет в жизни, то не везет... Вот с рукой, я считаю, это такой неудачный вариант был... Граната была противотанковая. Но вот повезло с юридическим, повезло с тематикой, а я увлекся таким делом, как логика, и как-то у меня шло. То есть к философии у меня очень хорошее отношение через логику. А тогда родилась у меня тема: логика в судопроизводстве, логика в судебном исследовании, логика доказывания судебного. До сих пор мои коллеги дают и продолжают давать сухую, годящуюся на все случаи жизни логику. Я противник этого. Я считаю, логику нужно давать через конкретный, практический материал. Вот в логике судебного исследования... А как доказательство строится? А когда начинается граница между вероятностью и достоверностью? А условие принятия решения судебного? А что такое достоверное знание? Многие юристы, наши и зарубежные, начали говорить: необязательна истина в судебном исследовании. То есть как это? Это Вы что-то другое об истине мыслите. Истина — адекватное соотношение между мыслью и предметом. А если приблизительно, если вероятно? Я хотел бы посмотреть на тебя, который так заявляет, чтобы тебя судили по вероятному знанию. Один русский юрист, Ширяев, в Дерпте работал, говорил, если такую точку зрения взять, то надо быть последовательным до конца. Если Вы на вероятность выходите и даже степень выискиваете, например, девять десятых, что он совершил преступление, то и решение принимайте соответствующее: осудить его на три года на девять десятых. Это нелепо просто. Нельзя принимать решение такое. Кстати говоря, советский закон, тот старый уголовный процесс, железный в этом отношении был, там было сказано: «Вероятность нельзя класть в основу обвинительного приговора». Но тем самым я не оправдываю старый закон, дескать, все там было хорошо. То в теории было хорошо, сейчас юристы многие страдают от отсутствия такого железного нормативного материала, но это не значит, что все правосудие шло по накатанной дороге. Там было другое — политика командовала: считаете, что виновен, ну давайте судить. На субъективном основании. Вот и появлялись и расстрелы, и многочисленные некорректные решения судебные. Но на вероятности судили только тогда, когда кому-то выгодно было, например правительству или отдельным лицам. А тройки — что это такое? Это же вообще вненормативное явление. Так вот, меня эта про-

блема заинтересовала, я написал дипломную работу, она хорошо прошла, я ее защитил, поставили отлично, слава Богу, молодцы юристы. Но одновременно, учитывая, что работа была построена и на философском материале, кафедра предложила: продолжайте эту научную работу, философское и логическое обоснование правовой деятельности. Потому что у нас до революции с логикой правоправедения было очень слабо, почти на нуле. Заимствовали все отсюда, а там и англичане, и немцы только о вероятности все говорили. То есть настоящей философской линии не было.

А.К. Зато была кафедра философии права.

А.С. Была, но она занималась очень многими вещами философскими, общими. Проблемы соотношения нравственности и права, происхождения права. Но раздельчик, о котором я говорю, — специфический, он технико-логический. Я этим заинтересовался, и юристы меня подтолкнули. И когда я пришел сюда, сдал экзамены в аспирантуру философского факультета, здесь кафедра тоже такая была — они занимались логикой вообще. И все время мечтали заняться логикой прикладной.

А.К. Кто был заведующим кафедрой, когда Вы пришли?

А.С. Был Попов Павел Сергеевич. Немножко Асмус был, но это проходящие фигуры, которые работали по году-два. Как-то не удерживались. Это была не идеологическая кафедра, но в то же время немеханическая. Она же составляет основу любой философской дисциплины, любого мышления.

Д.Ч. Кто стал Вашим научным руководителем?

А.С. Член-корр. АН СССР Михаил Александрович Страгович, известный теоретик права. У нас юриста не было, поэтому его пригласили. У него старая школа, очень хорошая. Он мною руководил — и не мешал. Правда, мы не всегда с ним гармонично взаимодействовали. Например, я всегда считал, что в судебном исследовании, если мы судим человека, то обвинительное решение должно быть достоверным, а не проблематичным. Тут начинаются философские вопросы. А как логически охарактеризовать этот вывод как достоверный? Как обоснованный. А еще? Достаточно обоснованный. То есть в основе лежат не вызывающие сомнения выводы, истина. А что такое истина? Это соответствие действительности. Так вот, Страгович в одной из своих работ, как мне показалось, говорил как старый добрый юрист, а они в большинстве эмпириками были, говорил: «Должно быть убеждение». Вышинский на этом спекулировал и говорил: «Нельзя вынести ни одного решения обвинительного, и особенно в политических делах, если нет убеждения». Но Вышинский превращал убеждение в критерий истины. А убеждение — это не критерий истины. Это любая, рационалистическая или эмпирическая, философия скажет. Убеждение — это субъективная форма реализации истинного знания. Вот тут я говорил Страговичу: «Михаил Александрович, Вы не правы». Но это был

большущий спор, Вышинский тогда считал, что только убеждение может быть критерием истины.

А.К. А Вышинский тогда был авторитетом?

А.С. А как же, это первое лицо в юриспруденции. На него все равнялись, это же Генеральный прокурор был. Юристы ведь такие вещи любят — начальство. Но в логике, философии нет начальства. Критерием истины можно ставить только какие-то объективные вещи, которые можно проверить, которые можно сопоставить. Вот я над этим и работал, у юристов этого не было. Появилась книжка моя, вначале защитил диссертацию «Логические основания уголовно-судебных доказательств». Написал диссертацию, защитил, хорошо прошла она. А дальше появилась идея... У нас же книг не было, логика была в загоне. Но не потому что ее кто-то загонял, просто всегда ориентировались на великих философов, а большой логической школы не было.

А.К. Может быть, Челпанов?

А.С. Да нет, что Вы. Челпанов — это университетский, школьный преподаватель логики. В глубину он не копал. Он был хорошим распространителем логической культуры.

А.К. Васильев был.

А.С. Да, но он был значительно раньше. Но он стал популярен не потому, что эти вопросы поднимал, он их не поднимал. Он ввел трехзначную логику вместо двузначной. Это теория вопроса, и она к юриспруденции не имеет ни прямого, ни косвенного отношения. Но в логике это надо развивать, и Васильев, действительно, фигура очень интересная, мыслящая абстрактно. Возвращаясь к моей работе, — она была чрезвычайно актуальна для советской философии права, касалась ее логических основ. Как только я защитил диссертацию, из «Вопросов философии» обратились и попросили написать статью по этой теме. Я написал «Проблему истины в советском уголовном процессе». Тема для того времени необычная, затрагивала политику. Ее перевели немцы, болгары, чехи, итальянцы, кто-то еще, штук шесть философских журналов ее перевели. Почему? Это было очень интересное положение: в Советском Союзе впервые заговорили об истине!

А.К. А у нас статья на ура прошла? Или Вас «костерили» за нее?

А.С. Кто? Да ну. Я тогда даже на Вышинского там... но слабенько, конечно. Я просто сказал, что в одном месте Вышинский говорит: «...здесь нужно достигнуть высокой степени вероятности, но лучше сказать, достоверности». Что это за оговорка невероятная? Это же вещи, исключающие друг друга. Он просто вышел из положения софистическим приемчиком. Вот и пошли отклики на статью, дискуссии. Мы на философском факультете организовали дискуссию по философии судопроизводства, истины в судопроизводстве. Это были уже 1960-е, может быть, 1968 год.

А.К. То есть уже при Хрущеве?

А.С. Да, но я точно не помню. Главное, что это было уже после Сталина и расцвета Вышинского. Это был переходный момент, начало «оттепели» в теории. Потом прошли еще пара лет, у меня вышла книга «Логика в судебном исследовании». До этого вообще даже ни одной статьи по этой теме не было. А это серьезное исследование. Потом у меня возникла проблема... Я спросил: «Может быть, Вы меня пошлете познакомиться с зарубежным опытом?». Я с ним знаком только по книгам был. Мне ответили: «Давайте». В 1963 году мне говорят: «Пошлем вас в Штаты». Я говорю: «Можно, не буду отказываться?». И поехал туда.

Д.Ч. Куда именно, в какой университет?

А.С. Там два университета было. Один — Колумбийский, второй университет тоже неплохой — Йельский. Сначала поехал в Колумбийский, побыл месяц, потом, чувствую, какой-то дискомфорт. Почему? Нью-Йорк — проходные ворота Америки. А мне надо было сосредоточиться, поработать в теории права, а это вещь тонкая. Я поехал в Йельский университет, и там в библиотеках... Там прекрасные библиотеки, средневековая литература... Там побыл три месяца, свой материал подработал. Оказывается, у них всегда философия права основывалась на вероятностных вещах. Есть такая пробабилистско-вероятностная теория. Истина только в некоторых областях достижима. В юриспруденции — недостижима. Можно поспорить: не всегда достижима, не всегда, а можно все-таки достигнуть, можно. А можно это показать? Можно. И вот я пытался это сделать. Когда я туда ехал, меня знающие люди просили покопаться в этих вещах, потому что у нас тогда многие ссылались некритично на американские источники. Я внимательно посмотрел: там все идет на основе этой пробабилистской теории, которая уже лет 500 как раскритикована. У нас тоже была только абсолютная истина или что-то вроде этого, а всерьез не подходили, а надо было реалистично подойти: где достоверность, где вероятность, если вероятность — пожалуйста, дополнительно исследуй. Но вот я вернулся из Америки... А время было тогда неудачное — Кеннеди убили, и такая началась в Америке свистопляска... На нас же в основном, на русских. Там же этот Освальд, главный подозреваемый, был женат на белоруске. Видимо, решили, что все идет от России, ну и на нас стали валить. А Кеннеди любили в Америке. Эти политики на нас набирали очки, на антикоммунистических настроениях.

Д.Ч. И что, Вас выслали прямо-таки?

А.С. Ну что Вы. Кто нас вышлет? Мы уже не такие тогда были, чтобы нас просто выслали. Мы были уже чуть-чуть образованные, могли потребовать решение прокурора, могли оценить его обоснованность. Высылайте! За что? Докажите!

А.К. Но в самой марксистской теории было разграничение истины на относительную и абсолютную? Здесь не было элемента пробабиллизма?

А.С. Здесь есть проблема. Но это не значит, что относительность истины означает пробабиллизм. В марксизме и вообще в науке относительность истины необязательно связана с неточностью знания. Например, установили какую-то закономерность, высказывают идею об этой закономерности. Какую, в какой форме? Если в достоверной форме, то никакого пробабиллизма нет. А если распространяют эту идею на широкую область, где эта идея не везде работает, то это уже относительность в смысле величины объема, охвата материала. И эта идея истинна, но только в очень ограниченной области. Пробабиллизм? Да нет. То есть это широкое понятие относительности нужно рассматривать, и оно рассматривалось, в одних случаях это понятие работало, в других — тоже, но — негативно. Но в любом случае относительность это не пробабиллизм. Бывает относительность неопровержимая, если опирается на какую-то область, и ее можно применять как истину, а что это такое еще. Но только не во всех сферах.

А.К. А как на кафедрах относились к Вашим исследованиям? Был интерес у коллег?

А.С. Относились хорошо, потому что прекрасно понимали практическую сторону и политическую и видели, что это не чушь и что над этим надо работать. Но сказать, что был интерес внутренний... нет, этого не было. Почему? На любой кафедре каждый занимается своей проблемой. А она, как правило, узкая.

А.К. А дружная кафедра была?

А.С. На кафедре отношения в человеческом плане всегда были очень хорошие. У всех. Потому что собрались такие люди, я не видел злых каких-то, недоверчивых. Они занимались наукой, а поэтому обыденные отношения всегда были очень хорошими. Могли выпивать, закусывать. А могли не закусывать, если не было чем. А могли вести теоретические споры. Спорить любили — вот особенность логиков, спорить и доходить до истины. Такого вот отношения — поддерживаю потому, что уважаю, — никогда не было.

Д.Ч. Какого характера были споры? На специальные темы?

А.С. И на специальные темы, и на общие. Общие споры упирались в вопросы о том, что такое формальная логика? что такое диалектическая логика? какие соотношения? и т.д. Но мне бы не хотелось говорить на эту тему, потому что она очень широка. Вот начну я Вам сейчас объяснять, что такое диалектическая логика. Есть в логике такие элементы, логика содержательных отношений, это не чушь, как некоторые говорят. Не чушь! Там есть отношения очень сложные.

А.К. Даже кафедру диалектической логики пытались создать на факультете... И, по-моему, она была, один год или два...

А.С. Да, а почему? Потому что слишком поляризовались точки зрения на это дело, они дошли до абсурда. Неточно излагали, что такое диалектическая логика. А что такое формальная? Тоже были не совсем корректные ответы. Можно было бы прийти к единой точке зрения, если бы спорили по теории аргументации, за столом с бумагой.

А.К. А кто представлял два этих крыла?

А.С. Например, диалектиков представлял Митрофан Николаевич Алексеев. Он заведовал кафедрой и занимался диалектической логикой, например диалектикой в суждениях.

А.К. Ильенков не был в штате?

А.С. Нет, Ильенков работал на кафедре истории зарубежной философии, но и там штатным сотрудником не был. Он поддерживал идею диалектической логики, например, у Маркса. Я не осуждаю его, но в известных местах были неточности, были перегибы, и диалектики сами давали основания для критики.

А.К. А кто был инициатором этих процессов в России? Обсуждения диалектической логики? Ойзерман? Он был учителем Ильенкова, учителем Зиновьева, и они стали заниматься логикой «Капитала».

А.С. Может быть, я ошибаюсь, что-то пропустил, но я никогда не видел у Ойзермана настоящих исследований по вопросам диалектической логики.

А.К. Но он читал курс по логике «Капитала»?

А.С. Слушайте, логика «Капитала» это совсем другая вещь. Что это такое? Как развивается «Капитал» и как движется идея «Капитала» в понятийном виде? Диалектическая логика — это пошире. Это понятийные связи, это не чисто логические связи, это противоречия. То есть накладываются несколько типов логики и появляется то, что называют диалектической логикой. Но дать определение ее в двух строчках не могу. А формальной — могу. Она работает над законами, структурами и формами мышления. Это вещь не очень определенная, но достаточно определенная, чтобы не путать одно с другим. Так что я не могу назвать людей, которые были знаменосцами в диалектической логике. Были ярые сторонники, но это другое дело. Оруджев, например, который не очень четко представлял, что такое формальная логика. С ним многие не соглашались — и правильно делали. И вот эти перегибы были нередкими. Мы сами в этих спорах не были логичными!

Д.Ч. Но все эти споры оставались внутренним делом кафедры? Никаких административных давлений не припоминаете?

А.С. Да Вы что, смеетесь, что ли? Этого тогда вообще не было именно в нашей области формальной и диалектической логики. Ни со стороны парткома, ни со стороны ректората давления не было. Если кто-то со стороны влезал — это было чисто личное желание, но чтобы органы влияли — такого не было.

Д.Ч. Но, судя по тому, как Вы об этом рассказываете, можно предположить, что Вы были в стороне от споров?

А.С. Я был в самой гуще этих споров, но я никогда не был троглодитом. Потому что мне пришлось заниматься этими философскими вопросами через теорию аргументации и через судебный процесс. Там нельзя — «вообще», как иногда любят философы.

А.К. Но Вам приходилось с юристами работать с самого начала как преподавателю?

А.С. Когда я пришел на кафедру логики, мне там сказали: «Мы Вас ориентируем на работу с юристами, потому что уже десяток лет мы не имеем специалиста по праву». И мне дали задание: «Готовьте курс для юристов». Я его подготовил, стал читать, сначала похуже, потом получше. Потом отработал его так, что он стал авторским курсом — все знали, что это курс Старченко. Никто не возражал, потому что и сейчас наши философы не знают тех деталей, которые я поднимаю в своем учебнике, в своем курсе. А юристы оценивают. Они говорят: вот это настоящий анализ логического процесса мышления.

А.К. А студенты как относятся к курсу? Была ли эволюция отношения? Вообще к философии на других факультетах всегда очень настороженное отношение.

А.С. Может, повезло, но мне кажется, что отношение студентов к этому курсу всегда было объективно. Я не видел негативного отношения за все эти годы. Они понимали и поддерживали все, что я рассказывал. Была гармония в понимании необходимости, актуальности.

А.К. Как бы Вы оценили соотношение логики и риторики в юриспруденции? Русские адвокаты были, как правило, блестящими ораторами.

А.С. Риторика описывает закономерности убеждающего воздействия в устной речи. Она по-разному строится. Например, первые 300 лет нашей европейской философии она работала на словесном материале, т.е. выступала как искусство речи, а логика была в стороне. Потом какие-то философские вещи входили в риторику, она становилась мировоззренческой. Потом с девятого века от восстановленного Аристотеля пошло: логика должна и словесную сторону брать на вооружение, и логическую, не противопоставляя одно другому. А раньше искусство красоты в речи затемняло ее логическую сторону. То есть пошло искусство речения, но основанное на искусстве логики, т.е. доказательств. Оно и сейчас так идет, хотя есть частные увлечения, как всегда. Но мне кажется, в последние 200—300 лет процесс развивается более-менее гармонично.

А.К. А Вам не приходилось риторику читать?

А.С. Философам читал. Также читал в Институте преподавателей общественных наук. Я там читал не громадный курс логики, как юристам, я брал кусок формальной логики, логику в педагогическом процессе. Там шло нормально. А если я хотел взять сторону речевую, или риторическую, то строил такой

курс: искусство аргументации в педагогическом процессе. Аргументация на основе риторики, и логические основы потому, что это доказательства, убеждение. Значит, риторика рассматривалась как словесное искусство убеждения. А непосредственно убеждением занималась логика! Она с истиной связана, а риторика никогда не связана. Она связана только с красотой обработки материала. Большое это дело? Очень большое. Но тем не менее надо в гармонии работать.

Д.Ч. А какой майор рекомендовал Вам поступать в МГУ?

А.С. Я же сказал, что был в истребительном батальоне МВД. Охраняли железную дорогу, другие объекты. Это 1941—1943 годы. Я добровольно вступил, меня взяли в 15 лет. У них людей не было. А майор-командир вел дело того предателя, о котором я рассказывал вначале.

А.К. Вернемся к истории факультета. Вот Ваш коллега по цеху, логик Бирюков, выпустил книжку...

А.С. Я немножко посмотрел. Он очень субъективный. Иногда высказывается безосновательно. Сейчас не могу указать, что конкретно, это надо смотреть.

А.К. Насколько я помню, он там положительно оценивает Белецкого и борьбу с космополитизмом.

А.С. И с космополитизмом? Это что, назло евреям, что ли?

А.К. Не знаю... А вы помните те времена?

А.С. А как же, я тогда в аспирантуре был. Было ощущение, что там драчка большая идет, но придавать этому что-то мировоззренческое, как это делают сейчас... Что-то было, конечно, и от мировоззрения, нельзя сказать, что на голом месте. Но так ли все было, как изображают, я не уверен. И как Бирюков изображает — это тоже не всегда корректно.

А.К. О философском факультете всегда говорили как об идеологическом, Вы с этим утверждением согласны?

А.С. А еще что могло быть о философском? Как о естественно-научном? Или под идеологией Вы имели в виду что-то одностороннее?

А.К. Ну, линию партии. «Я уклоняюсь вместе с линией партии».

А.С. Линия партии везде была. Она и на мехмате была.

А.К. Но все-таки о партийности в математике говорить сложнее, чем о партийности в философии.

А.С. Говорили...

Д.Ч. Но все-таки и членов партии на мехмате было гораздо меньше.

А.С. При чем здесь количество? Можно одного иметь, и он правильно опишет ситуацию — партийная математика или нет.

А.К. А какова была роль партийной организации? Вам ведь приходилось...

А.С. Да, я был секретарем парткома.

А.К. Не было ощущения, что через парторганизацию пытались решить свои личные или научные проблемы, отомстить за обиды?

А.С. Независимо от того периода, о котором Вы говорите, это всегда было. В любых спорах, когда есть третейский судья.

А.К. То есть партком выполнял функцию третейского судьи?

А.С. Нет, я этого не сказал. Любой орган, который является посредствующим, вынужден рассматривать разные апелляции. А как вели себя те органы, к которым апеллировали? Если что-то решали, то это вмешательство в ту научную жизнь. На философском факультете я этого не видел, кроме тех случаев, о которых пусть расскажет Ковалев. Я тогда еще не сидел в парткоме.

А.К. А из партии исключали?

А.С. За что?

А.К. Ну вообще.

А.С. А почему нет? Исключали, конечно, за аморальное поведение, за различного рода обманы, а за политическое... Может, что-то и было... Я просто не помню ничего такого, чтобы оно вот так запомнилось мне как политическая позиция, которая была осуждена. Ну как-то трудно сказать, Вы понимаете, может, и было... Но вот отчетливо так не вспоминается. Помню, однажды Александр Александрович Зиновьев говорил в интервью про отношение к этим вещам; насколько он знал парторганизацию философского факультета и Института философии, но ни разу не видел, чтобы людей на партийную работу выбирали по особым «партийным качествам». У нас всегда старались выбрать честных людей. Я тоже не помню таких продажных организаций.

Д.Ч. А может быть, эти политические случаи не касались парткома, потому что шли по линии ректората. Например, Асмуса после посещения похорон Пастернака прорабатывали в ректорате. Просто «бунтари» были беспартийными?

А.С. Слушайте, там были вопросы, относившиеся и к сфере парткома. Но их не ставили широко и на партсобраниях их не обсуждали. Например, кто-то пошел на похороны какого-то попа. Тогда считалось, что это не очень корректно. И были случаи, я лично не присутствовал, когда партком выносил выговоры за то, что человек небрежно себя вел. Но я не скажу, что это была политика парткома, что партком давил. На что давил?! Считалось бесчестным говорить одно, а делать другое. Если ты сделал, то скажи. Что, так нельзя было? Можно было, и никто бы тебя из партии не выгонял за это. А если уходили, как-то «замазывали». Иногда хотелось сделать принципиально: ну что ты «замазываешь», ты скажи. Если это твой товарищ, так и скажи: мой товарищ; не могу не идти на похороны, неважно, что я не разделяю веру в Бога и прочее. Так вот Александр как раз об этом и говорил. Он не помнит какого-то подсиживания,

я тоже перебираю в памяти все парткомы и не помню этого. Потому что масса наша философская была очень критически настроенная. Она «тонкая», на червяка не клевала. Вот так сказали сверху, и все делают — я не помню таких вещей. И сам так никогда не голосовал, и не помню, чтобы я кого-то к этому призывал. Вообще вузовские организации очень тонкие в этом отношении. Ну, идеологические, но не в дурном смысле, а идейные.

Д.Ч. А почему Вы согласились на должность секретаря парткома? Были особенно идейным?

А.К. Или у Вас талант к общественной деятельности?

А.С. Нет, у меня вот как было: когда приходилось мне участвовать в таких выборах, выдвигали мою кандидатуру... Вот сейчас уже лет пять парткома нет.

А.К. Уже 15.

А.С. Ну и что, разве я ищу какую-то должность, чтобы что-то доставать? Да мне все это не нужно. Просто, например, есть коллектив философского факультета или юридического — разные коллективы. Вот я вспомню последнее заседание Совета ветеранов, которое проходило лет шесть назад. На нем было отчетное собрание, и я как председатель Совета ветеранов философского факультета присутствовал в качестве делегата. Были представлены отчеты разного рода, отчеты о том, какая работа проводится с молодежью, о поездках, проверках захоронений, т.е. обычные вещи. Все шло хорошо. Вдруг такой вопрос: вот есть Константин Геннадьевич, фамилию не вспомню, географ. И председатель университетского Совета ветеранов зачитывает резюме обсуждения этого Константина Геннадьевича, его поведения. Он, оказывается, в войну работал в какой-то организации, невоенной, он был ограниченно военнообязанный. Война кончилась, ему дали бумажку, что он работал в этой организации, — то, что сейчас называется труженик тыла, но это не тыл, потому что на фронте организация работала. Он обратился в военкомат, ему ответили, что он считается теперь ветераном Великой Отечественной войны. И он пользовался льготами. Так тот председатель собрал Совет ветеранов и говорит: «Это нарушение норм, это нарушение постановления, и он неправильно обратился с заявлением, и нужно сделать ему выговор». Я первый раз на заседании этого Совета присутствовал. Но у меня манера такая, может быть, личная, может быть, воспитанная общественной работой — я не могу такие вещи слушать. Явная натяжка. Ничего злого не было. А они голосуют за предложение, поднятое председателем. Я не выдержал, вышел и говорю: «Знаете, мы сейчас решаем насчет Константина Геннадьевича, в общем, Вы приняли совершенно неправильное решение. Я считаю, оно нечестное, некорректное. Что вы нападаете на него сейчас? Он что, сознательно в обман вводил и партию, и всех остальных?». Им тоже неудобно стало, ведь так никто не думал. А было так в нашей партии, в войну и в конце войны, если кто-то где-то боком прошел, на

него Вы знаете, как обрушивались? Ужасно! Потом проходило время, и все думали, а что мы как идиоты, как собаки набросились на человека. Я говорю им: «Вы точно так же набросились на этого человека, как будто обозленные на фронте, и начинаете рубить всех остальных, кто не был на фронте. Нельзя так, стыдно. Он, между прочим, где-то в армейских частях ночами вкалывал, ремонтировал что-то». Кончилось собрание, все поежились, неудобно было, там же все солидные люди, полковники, профессора. Они закончили обсуждать, и кто-то сказал: «Вы знаете что, мне понравилось выступление Старченко, давайте его председателем сделаем». Ни с того ни с сего. Если бы я знал, я бы туда не пошел. Не успел оглянуться, как они за меня проголосовали. Теперь вот кто-то спрашивает про партком: «А зачем Вы туда шли?». Конечно, не за тем, как мне рассказывал отец... Он сам был секретарем сельской партиячейки. Пришел он как-то домой и вот что рассказал. Спрашивает он у одного: «А что ты в партию вступил?» — «А что бы жилось хорошо», — отвечает тот ему искренне. Так вот и меня разве тянуло что-то? Да нет, ничего не тянуло. Что я заявление подавал что ли, выберите меня секретарем парткома?

А.К. А сколько сейчас ветеранов в университете?

А.С. Одних фронтовиков около 200. Есть еще труженики тыла — примерно 170. Есть еще те, что около ветеранов — тысячи полторы-две всего.

А.К. Большая организация. Когда собираетесь, наверное, Актовый зал арендуете?

А.С. Нет, все не собираются. Кто-то больной, кто-то просто не приходит. Но я хочу закончить с тем, почему я соглашался на общественные должности. Разве были какие-то дополнительные деньги? Разве я хоть рубль взял? А сколько потерянного времени, сколько брошюр ненаписанных? Казалось бы, нормальный подход нормального человек: «Беги отсюда скорее, ты много потеряешь, а что приобретешь — только хорошие отношения». Так вот, туда я шел не потому, что меня тянуло, а потому что было стыдно отказываться, когда вокруг товарищи, которых я уважаю, обращались с просьбой. Нет, ты можешь, конечно, так поершиться, сослаться на какие-то дела, я тоже так делал.

А.К. А Зиновьев приходил в этом году на возложение венков?

А.С. Нет. А так всегда приходит.

А.К. Он себя как чувствует сейчас?

А.С. Мне кажется, очень плохо.

А.К. Вы его с какого года знаете?

А.С. С того, когда пришел в аспирантуру. То есть с начала 1950-х.

А.К. Как Вы оцениваете его как логика, как профессионала?

А.С. Не буду ранжировать по каким-то степеням: высший, средний. Он нормальный, знающий преподаватель. Хотя некоторые говорят, что он не очень хороший преподаватель, спешит.

Д.Ч. Но тесно Вы с ним не общались?

А.С. Ну почему, мы же оба на кафедре работали. Часто собирались и общались. Он даже своих учеников и коллег собирал в гостинице «Москва», мы всегда отмечали там различные мероприятия.

А.К. А Вы его книги читали, те, что он в эмиграции написал?

А.С. Кое-что читал. Но не тогда, когда он их писал, а позже. Впечатления разные. Там есть такое, что показывает его общую эрудицию, остроумие, не связанное с профессией.

А.К. Он достаточно быстро переменял свои политические взгляды.

А.С. Трудно сказать, это нужно было с самого начала следить. Мы-то, конечно, не записывали, что он говорил до отъезда. Видно там что-то было, что-то наболело, какие-то обиды.

А.К. От диссидентства к сталинизму практически, довольно резкий переход.

А.С. Совершенно верно. И то, что он тогда выражался довольно резко, — это вполне понятно. А когда он понюхал немного западной жизни, то стал отходить и выражаться совсем по-другому. Я считаю это вполне закономерным. Почему? Потому что в душе он не перевертыш какой-то. Он искал чего-то. Но с ним обращались не очень, ну конечно, злился. И то, что он в какие-то моменты, когда искал правильную линию, высказывал какие-то вещи, которые нам кажутся не совсем верными, — вполне возможно. Это жизнь. У нас любят указывать, смотри, что он писал в таком-то году и что сейчас пишет.

А.К. Философ на то и философ чтобы отличаться, чтобы не всегда идти в ногу со временем.

А.С. Зиновьев — мыслитель самостоятельный. И когда ему позволили уехать...

А.К. Позволили уехать или выслали?

А.С. Нет, вначале позволять стали. А потом я не знаю как, позволили они или он сам настоял. Мы с ним об этом не разговаривали, но, наверное, могло так быть. Он уже настроен был. Он уже там бывал. И когда встал вопрос, как быть, а тут его не особенно приветствуют, за каждым шагом смотрят, сказал: «А уеду я отсюда». Могло так быть. Это вполне логично, не надо ставить ему это в вину.

Д.Ч. А почему он пошел на кафедру этики, уже вернувшись? Сам захотел?

А.С. Вы понимаете, он же логику преподавал. И начал с этой кафедры, и диссертацию по этой кафедре защищал. Работы писал по логике физики, это же все логические вещи. На общеполитические темы я не помню у него работ. Ну потом приехал, а куда ему идти, на какую кафедру? Он пришел опять на кафедру логики.

А.К. Нет, он на этику.

А.С. Подождите. Он же логик. Пришел советоваться сюда. А там, видимо (я не присутствовал, знаю только по разговорам), отнеслись к желанию поработать на кафедре логики не очень позитивно. Почему? Символической, математической логикой он там не занимался. Хотя преподавал, вел семинары по Чёрчу, читал лекции — это формальная логика, современная. Но как-то он отошел от этого, другие вещи стали его занимать. Когда он сюда приехал, а здесь к нему отношение ...

Д.Ч. Здесь — это на кафедре логики или на факультете в целом?

А.С. Нет, на кафедре. Сама логика изменилась. Я-то не менялся, потому что преподавал для юристов. У меня кусочек содержательной логики, он не дергался. Юристам не нужна математическая логика. Так что, мне предполагается, что он пришел, на него посмотрели так: «А что вы будете преподавать? Будете преподавать символическую логику?». Он, конечно, ответил: «Нет», поскольку он давно ее не преподавал. Вести семинары по Черчу — он уже ушел от этого. Как мне передавали, ему сказали: «Вот общефилософские курсы, глобалистику можно на кафедре этики читать». Он попросился туда, ему сказали: «Пожалуйста». А куда идти, не на кафедру же истории русской философии?

Д.Ч. Он обиду не держит на кафедру логики? Вы с ним сейчас общаетесь?

А.С. Сейчас он на кафедру не заходит, поскольку он тогда попал на кафедру этики и, наверное, обиделся очень.

А.К. Вы, наверное, один из немногих, кто работал с ним еще на «той» кафедре?

А.С. Ну как же, Ивлев с ним работал, Смирнова. Только, к сожалению, такие вещи на кафедрах не решаются путем коллективного обсуждения. Например, будем брать или не будем? Я не помню, чтобы на кафедре так стоял вопрос.

А.К. Это, как правило, определяет заведующий.

А.С. К сожалению. Но заведующий обязательно мнение коллектива учитывает. Мог бы посоветоваться, спросить, что будем с Зиновьевым делать. Может быть, все-таки возьмем, но дадим ему такое, чтобы и его устроило, и нас? Не чужой же человек. Я бы так поступил. Он бы мог работать и пользу приносить.

Д.Ч. Если мы пошли по таким ярким для философского факультета личностям. У Вас в памяти кто-то остался из тех десятилетий, которые Вы поработали на факультете?

А.С. Я слушал лекции Асмуса. Они мне очень нравились. Я впервые у него увидел особый стиль чтения лекций. Он так читал лекции, будто с листа.

Лекции академически выдержанные, точные, никакого словоблудия. Так очень трудно читать лекции. Например, я мысль тоже донесу, но не так, как Асмус. Асмус — с первого хода. Он умно кладет фразу, его просто сразу можно печатать. По логике, по истории философии — он одинаково читал все.

А.К. А еще какие лекторы были?

А.С. Еще... Вот Войшвилло был, я слушал у него курс логики. Он был старше, и потом у него еще образование было физико-математическое. Войшвилло очень хорошо читает, но своеобразно. Он очень разбрасывается, у него есть нить рассуждения, но не такая выверенная, как у Асмуса, — резьба по камню. А у того спокойно мысль может три раза около одного и того же.

А.К. Есть лектор-профет, пророк, а есть лектор — живой человек.

А.С. Ну Вы уж чересчур... Оба живые.

А.К. Афористичен был Асмус?

А.С. Нет, у него просто были суждения хорошо обкатаны. А Войшвилло как читает лекции? У доски. Пишет правой, стирает левой. «Если взять логический квадрат, тут вот будет... (имитирует рисование квадрата) нет, не так». Раз стер, два стер. Студенты говорят, разве можно его слушать? Ну, преувеличиваю немного. Войшвилло неплохой лектор, но не такой, как Асмус. Хотя мысль свою доведет до студентов, может быть, она будет даже лучше воспринята.

А.К. Напоследок, о собственно вашем творческом образе. Философ всегда интересуется всем. У вас есть какие-то сферы интереса, хобби? Фотография, рыбалка...

А.С. Фотография — неудобно одной рукой, раньше занимался... Рыбалкой занимался, но немного. Червя одной рукой трудно наживлять. Хобби — ну литературу художественную люблю, нормально идет.

А.К. А что любите?

А.С. Детективы я не очень люблю, особенно последние, их слишком много, и они очень глупые иногда бывают. А так классика в основном, она всегда проходит.

Д.Ч. Головоломки любите?

А.С. Не очень. Много внимания, а толку... Некоторые получают эстетическое удовольствие, я — нет. Что еще люблю? Ну вот больше всего меня в моей работе привлекает педагогический процесс. Его я люблю. Тут я готов: всякие остроты, юмор, варианты.

А.К. А студенты изменились? Вы вот читаете педагогику, экзамены по педагогике принимаете, меняются ли, и если да, то как? И как быстро меняются студенты, что на это влияет?

А.С. Меняются они медленно. Основа остается человеческая, отношение к делу тоже остается, но если основа остается, это не значит, что все...

А.К. Халтурят в учебе больше? Больше хотят получить экзамен, не особенно готовясь?

А.С. Это есть. Вчера только встречал. Пишет курсовую работу, юрист. По логической структуре нормы права. Ну там техника такая есть. Подходит: «Анатолий Александрович, я тут переделаю, как Вы сказали, структура формально-логических норм права, аппарат логический, диспозиции, санкции, вот тут такие следствия можно делать. Я тут еще кое-что не доделала, из того, что вы мне говорили, я потом доделаю, но я взяла листочек, где отзывы пишут, Анатолий Александрович, Вы тогда напишите этот отзыв, и оценку нужно поставить, а я потом подчищу все». Я говорю: «Когда подчистишь, тогда придешь». Как-то не очень удобно, но она поняла, она не стала настаивать. А другой сидел тоже, азербайджанец, он все сделал, но он со спецотделения у юристов, у них одно образование уже есть. Тот делал более тщательно, более точно. Я ему говорю: «Ну ты понимаешь, тебе что, тоже сейчас нужно»? Он говорит: «Нет, зачем, я все сделаю, как Вы сказали, и потом приду». — «Ну слава богу, а то Вы меня ставите в неудобное положение». Есть же студент, который может попросить статью на «одну ночку» почитать, а я потом за ним бегаю месяц. Это студент, который ведет себя с преподавателем некорректно и неприлично.

А.К. А любимые студенты у Вас есть?

А.С. А как же. Они любят предмет, во-вторых, они аккуратные всегда, приходят на лекции, внимательно слушают. Приходят с вопросами — а это уже приятно, это уже как бальзам.

А.К. А из тех, кто уже давно окончил?

А.С. Мне ведь приходится часто с Владимиром Васильевичем (Миرونвым) общаться, а он часто проводит встречи с выпускниками. И он мне раз пять говорил: «Анатолий Александрович, я сегодня с выпускниками встречался, а Вы, что не пришли?». Я: «Да никто не сказал». Он продолжает: «Вы знаете, начинают выступать, да еще, понимаете, за столом, и говорят, что помнят с зарубежки Майорова, не могут забыть лекции Старченко по логике на первом курсе».

А.К. Я сам могу свидетельствовать, часто с выпускниками встречаюсь, Вас вспоминают всегда.

А.С. Совершенно верно. Один мне говорит: «Недавно вспоминал Вашу не притчу, а образное выражение, и вот, думаю, сейчас оно осуществилось». Какой-то пример из лекции. Говорю: «Наконец-то доехал?» — «Доехал». «Это ж пятнадцать лет назад было, а ты все помнишь?» — «Да! Не проходит ничего. Хорошие примеры — такая наживка для лектора». А вот недавно был случай такой. Наш студент, потом аспирант, мексиканец, окончил, здесь защитился, уехал в Мексику работать. Я спрашиваю: «Хавьер, а ты что сей-

час преподаешь?» — «Я, — отвечает, — логику преподаю». — «А где?» — «В Мексиканском национальном университете». — «Какую логику читаешь, символическую?» — «Нет, символическую не читаю, хотя американцы рядом — вся символическая логика, но наши трудно воспринимают. Преподаю обычную содержательную логику, какую Вы нам читали». «А примеры?» — «Примеры стараюсь общечеловеческим содержанием наполнять. И Ваши лекции я же записывал, и все Ваши анекдоты, и все Ваши шутки». — «Да брось, ты, говорю, разве мексиканцы все понимают?» — «Все понимают!»

А.К. Они близки к нам сознанием. Почему вот в России смотрят мексиканские сериалы? Наверное, есть какое-то сходство в ментальности.

А.С. Наверное, так что отношение к выпускникам очень хорошее. Они все запоминают, потом рассказывают мне же, хотя даже я иногда чего-то не припоминаю. Хотя это я играю для них, так-то я помню, конечно. Так что я не жалуясь на холодные отношения со студентами, всегда были человеческие, теплые отношения.

А.К. Спасибо огромное. Хотим Вас поздравить с наступающим Днем Победы и пожелать, чтобы мы с Вами еще много Дней Победы встретили на нашем факультете!

ДОМ НА АРБАТЕ

Беседу с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Азой Алибековной Тахо-Годи провел доцент философского факультета МГУ А.П. Козырев. Интервью записано в 2004 г. в квартире А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи на Арбате

А.К. Аза Алибековна, мы Ваши соседи с философского факультета, с которого в свое время выгнали Алексея Федоровича Лосева. Может быть, с этого как раз стоит начать. Мы пришли в Дом Лосева, который в известном смысле был философским факультетом для Москвы, совершенно независимо от того, что тогда так назывался один из факультетов МГУ. Лосев тоже окончил Московский университет. И, может быть, Дом Лосева был не единственным центром философской жизни, но Лосев был самой крупной величиной. Вот что означает этот Дом? Сейчас Вы — его единственная полноправная обительница. Вы можете обратиться к тому времени, чтобы дать понять, чем Дом был тогда для философской жизни Москвы?

А.Т. Ну, Вы говорите как-то очень торжественно, что я «обительница полноправная»... Тут, во-первых, большую часть дома занимает банк.

А.К. Ну, это теперь. А тогда это была одна из квартир? Тут были, видимо, другие жильцы?

А.Т. Дальше там библиотека «Истории русской философии и культуры. Дом Лосева», о котором я все-таки скажу с печалью. А посередине моя квартира. Но в те времена здесь вообще квартир не было, потому что ведь Алексею Федоровичу в ночь с 11-го на 12-е августа 1941 года дом разбомбили.

А.К. Это на Воздвиженке?

А.Т. Да, на Воздвиженке. Там рядом вход в метро.

А.К. Станция метро «Арбатская».

А.Т. Арбат, да. Знаете, Морозовский особняк. И поэтому дали Алексею Федоровичу здесь в пустом доме, в абсолютно пустом доме квартиру, так как отсюда выехало учреждение. Тут был Горздрав. Вообще всегда эта часть Арбата была медицинской частью. Это общество русских врачей. В целом ряде домов поэтому до сих пор находятся клиники, аптеки, больницы и т.п. А когда-то, в 1920-е годы, тут был родильный дом и некоторые профессора с гордостью говорили: «А я родился в этом доме». Так что и такое было.

А.К. Из тех, кто приходил?

А.Т. И из тех, кто приходил. Но это вообще-то был старинный дом. Когда-то здесь были большая усадьба и парк, но все, конечно, вырубил, сейчас уже от усадьбы ничего не осталось.

А.К. Алексей Федорович жил в этом доме с 1941 года?

А.Т. С 1941-го. Вот его поселили здесь. Тогда, знаете, относились к профессорам с большим уважением, потому что их было мало — старых, дореволюционных профессоров. И особое внимание тогда обратили на то, что он пострадал. Во всяком случае, профессору в этом пустом доме сказали: «Ну, устраивайтесь, профессор, — три комнаты, и сами все делайте». У меня даже сохранились разные бумажки: какие-то расписки рабочих, плотников, маляров и т.п., что сделали профессору то-то. Так что профессор, в общем, сам здесь устраивался.

А.К. А у него было звание профессора?

А.Т. У Алексея Федоровича было звание профессора еще с 1922 года, даже вернее с 1919 г. — тогда он был профессором Нижегородского университета. А потом ведь он был утвержден, ГУСом (Государственный ученый совет). Это был 1922 год. Так что он был совсем молодым человеком, но имел совершенно официально звание профессора, которое потом уже было подтверждено ВАКом. Знаете ВАК? Потому что многих, кто был утвержден ГУСом, выбрасывали, считая, что нет достаточно работ, нет педагогической практики. Хотя Алексей Федорович много страдал, тем не менее ему никто не мог отказать в педагогической практике. И он был профессором. А доктора-то ему в 1943 году дали.

А.К. По совокупности или защита?

А.Т. Нет, какая там защита. Защита должна была быть, он собирался защищать, но это должно было быть где-то в Харькове, отнюдь не в Москве. Ну, там, конечно, сразу кто-то узнал, что ах, это тот самый Лосев! Это тот самый идеалист. А вот там был XVI съезд партии, так что никаких защит быть не могло. А в Харькове просто потому, что в последние годы перед войной ему приходилось ездить в провинцию на сессии: зимние, осенние и читать лекции, но, конечно, не по философии. По философии ему не разрешали. Был официальный запрет: когда он из лагеря-то вернулся и когда был вызван в ЦК КПСС к Павлу Федоровичу Юдину, вот тогда профессору было сказано, что он может заниматься Античностью, вот Античность, пожалуйста, мифология, всякая там филология, а философией — нет. Хотя когда они сидели с Павлом Федоровичем Юдиным, тот вдруг неожиданно спросил: «Алексей Федорович, а Бог-то есть?». Алексей Федорович, будучи человеком очень, так сказать, соображающим (смеется)...

А.К. Осторожным.

А.Т. Да, осторожным, сказал: «А что Ленин сказал об абсолютной истине?» Тот сразу потупился и сказал: «Да, да, да... Ну, продолжим наш разговор». Вот это знаменитое высказывание Алексея Федоровича.

А.К. Он пытался его поймать, подловить или это действительно было искренне?

А.Т. Нет, что Вы. Он искренне интересовался, потому что в дальнейшем, знаете, когда Алексей Федорович вернулся из лагеря, Павел Федорович-то ему и помогал. Надо же было как-то устроиться, где-то надо было работать. Но, надо сказать, что на местах никто не хотел слушаться никакого ЦК и никакого Юдина, потому что никакие московские учреждения вовсе не желали связываться. И под разными благовидными предложениями они всегда отказывали: «Штат был расписан». Вот таким образом, так что, знаете, все это высшее начальство очень часто пасовало перед вот этим низшим, видите, все не так просто было.

А.К. Юдин тоже был неабсолютен, над ним стояли...

А.Т. Над ним стояли, да, но тем не менее там кого-то слушались и могли слушаться, в дальнейшем тоже были люди, которые друг над другом стояли, но тем не менее все-таки помогали.

А.К. Защита в Харькове...

А.Т. Он там не защищал. Дали по совокупности.

А.К. Интересно, прикладывал ли он к списку трудов свое восьмикнижие?

А.Т. А как же? Конечно. И отзывы были очень любопытные, потому что там же масса филологической работы была в этих книгах.

А.К. А кто отзывался?

А.Т. Член-корр. АН СССР профессор Николай Иванович Новосадский. Это был очень крупный филолог-классик, который когда-то был ректором Варшавского университета, потом работал в Московском университете и, собственно говоря, был учителем Алексея Федоровича. А поскольку все эти книги были построены на текстах, на огромном количестве текстов, поэтому присваивали степень именно как филологу. Ведь дали-то Алексею Федоровичу доктора филологических наук, Вы знаете, отнюдь не философских. Так что, приложено было. Этим доказывалось, что человек много работал. «Старый профессор» — так его называли. Хотя на самом деле, если Вы посчитаете, какой он был старый профессор? (смеется).

А.К. Пятидесятилетний человек.

А.Т. Да, да. Совсем нестарый.

А.К. Так как же он все-таки, имея запрет Юдина, попал на философский факультет? Стал заниматься философией?

А.Т. А дело в том, что в это время как раз война шла и, я не знаю, удивительно это или как ни странно, так положено, бывают ведь какие-то во время войны воспоминания о разных прошлых каких-то очень важных вещах, тут и для ученых и для народа... Помните, когда начали возрождать всякие министерства, чины, «пошли» полковники перед войной, как раз, маршалы, генералы. Вдруг вспомнили, что наука вообще все-таки должна быть в разных смыслах. А почему у нас логики нет? Тем более, что высшее лицо считало себя

знатоком риторики, логики и диалектики (*усмехается*). Вот поэтому решили вводить логику повсеместно.

А.К. Рассказывают о Валентине Фердинандовиче Асмусе, которого Сталин пригласил на какое-то ночное заседание Политбюро...

А.Т. Валентин Фердинандович (*смеется*)? Я не знаю.

А.К. И чуть ли не заставил прочитать для членов Политбюро лекцию в 1947 году. В два часа ночи за ним приехали.

А.Т. Как интересно.

А.К. После чего и ввели логику во всех средних школах.

А.Т. Правильно, логика была во всех средних школах. Там все мучались страшным образом. И родители требовали, чтобы эту логику отменили. А тут стали вводить в других учебных заведениях.

А.К. Лосев как-то участвовал в этом процессе?

А.Т. А вот я могу Вам прочитать очень интересную записку. Я как раз подумала, что это будет интересно. Записка очень любопытная, которая, рассказывает о том, как это воспринимали на факультете, и кто, собственно, старался Лосева туда отправить, ну, потому что известно было, все-таки Лосев — личность такая, которую помнили и знали, достаточно, так сказать, «опасная» личность была. Эту записку Алексею Федоровичу прислал Павел Сергеевич Попов. Павел Сергеевич, который еще был дружен с Алексеем Федоровичем, знаете, наверное...

А.К. С имяславческих времен.

А.Т. (*качает головой*). С университетских лет. И Алексей Федорович всегда очень тепло вспоминал весь дом Поповых. Ну, как же, там ведь сестра была очень талантливая и очень известная в начале эпохи авангарда художница. Она чрезмерно рано умерла. И вообще, так сказать, дом был музыкальный, приятный и культурный.

А.К. Попов был секретарем Михаила Афанасьевича Булгакова, насколько я знаю?

А.Т. (*вздыхает*). Нет, он секретарем никогда не был. Переписывался с ним и дружил, это все правильно, это все верно, но секретарем никогда не был. И Павел Сергеевич работал в университете.

А.К. Заведовал кафедрой логики одно время.

А.Т. Сейчас я Вам скажу, когда это было. Потому что у нас, как ни странно, после этой бомбежки ужасной, когда все было разбросано, если бы Вы вообще видели, что здесь творилось в 1944 году, когда я сюда пришла. Что тут было, это трудно себе представить. Тем не менее очень много сохранилось интересных документов. Эти документы вот у меня здесь — в одном из этих красных шкафов. Это в них такие хранилища. Два энциклопедических шкафа специально выделены. Есть еще разного рода шкафы и архивы.

А.К. Значит, не весь архив подняли?

А.Т. Ну, конечно. Погибло несметное количество. Это страшно, конечно. Да потом, когда арестовывали, сколько забрали? Видите ли, когда мне передавали эти дела на Лубянке в 1995 году, там же генерал говорил о том, что еще какие-то корзины с письмами были, которые так якобы и не найдены. Говорит: «Если найдем, то мы Вам передадим эти корзины с письмами». Так что много всего было. Но сохранились очень любопытные вещи. Вот сохранились записки Павла Сергеевича, потому что во время войны жили за городом. Алексей Федорович тоже жил за городом. Он жил как раз в Кратове. А Павел Сергеевич с Анной Ильиничной, Вы знаете, Анна Ильинична Толстая, внучка Льва Николаевича, которая любила цыганские романсы петь под гитару. Вот они жили на 42-м километре, ну а это рядом: Кратово и 42-й. Друг к другу ходили в гости и, если не заставляли, то Павел Сергеевич писал записки. И вот Павел Сергеевич пишет 13-го октября 1942 года. Дело в том, что Алексей Федорович начал работать в университете на философском факультете с 1 сентября 1942 года, а уволен был 15 мая 1944 года и тут же переведен в Пединститут имени Ленина. Так вот он пишет (*читает записку*): «Дорогой Алексей Федорович, хочу сейчас зайти к тебе и поздравить, но мелькает мысль, что ты мог заночевать в Москве, и я тебя не застаю, искренне тебя обнимаю и желаю, чтобы ты теперь не чувствовал мучительных передрыг на пути, которые портили тебе жизнь в продолжение более двадцати лет. Мне кажется, туча сошла, и волшебный круг, все застывший, распался. Я случайно присутствовал перед заседанием кафедры на обсуждении твоей кандидатуры для преподавания в университете и почувствовал, что дело решено в твою сторону благодаря вмешательству Александра». Но дело в том, что Павел Сергеевич совсем ничего не знал, что уже Лосев был там, можно сказать, официально оформлен. Эта факультетская публика еще толком не знала. И там считалось, что надо еще обсудить, в то время как там уже все было сделано, в делах есть 1 сентября 1942 года, а это, видите, октябрь.

А.К. То есть университет уже вернулся из военной эвакуации?

А.Т. Дело в том, что университет же разделился на две части: одна была в эвакуации, другая — в Москве. Но вообще-то к этому времени они уже возвращались и потом сливались с ИФЛИ. Вы знаете, кто такой был Георгий Федорович Александров — начальник Управления агитации и пропаганды ЦК. Так вот, значит (*продолжает читать*), «благодаря вмешательству Александра, ибо, как бы в скобках, не громким голосом было сказано: “таково мнение Георгия Федоровича”, т.е. о привлечении тебя в университет. Трудов твоих не знают, знают, что твое имя нашумело в свое время в отрицательную сторону. Декан сказал (а декан — это был Чернышев): “Небезызвестный Лосев... что же ему дать? Диалектический идеализм читать на кафедре диалектического

материализма?» Тараканов сказал (а там был Николай Тараканов, русская философия): «Ничего одиозного в его трудах нет, он большой специалист, он — крупный историк Античности, его надо вывести за пределы его кабинета, куда он вынужденно самозамкнулся». Чернышев держался благоприятной точки зрения, наперед выпросивши Тараканова о том, что говорили в ЦК (*смеется*). Так что наперед все выпросил (*усмехається*). В начале он только что-то промямлил: «Да ведь штатов нет», на что Тараканов ответил: «Штаты будут». Работ твоих не знал. (Причем в скобочках стоит знак восклицания и знак вопроса.) Кроме книги о последних главах «Метафизики» Аристотеля. Вот это, значит, слышал или знал. Тараканов стал читать по твоему *Cuniculum vitae*. Я стал импрессионистически говорить об остальных книгах, напирая на историю символизма и мифологии, но там, наверное, надо было очень осторожно говорить, все-таки античный символизм и мифология. Хотел тогда же с поезда слезть прямо в Кратове, но было слишком темно, и накрапывал дождь. Очень рад за тебя и за себя. На заре туманной юности мы читали вместе в Нижнем, у меня сохранилось много радостных впечатлений от этих эпох и хотя, может быть, мы оба не умели пользоваться всем, что тогда было открыто перед нами, и в смысле отношений, может быть, на старости сумеем лучше соблюсти товарищескую связь. Крепко жму твою руку. Павел. 13.10.1942 г.»

А.К. А Лосев уже был зачислен? То есть с первого числа он уже был зачислен? Но он не знал об этом?

А.Т. Нет, Алексей Федорович-то знал (*смеется*). Но там, на факультете делали вид, что они еще обсуждают. Ну, чтобы было демократично что ли. Каким-то образом Павел Сергеевич не знал, узнал только как будто случайно. Ну, конечно, к сожалению, соблюсти товарищескую связь Павел Сергеевич потом не мог, потому что все закончилось там очень печально. Когда изгоняли Алексея Федоровича, да и не только. Зиновий Яковлевич Белецкий, фигурировавший там, звенел. Это — знаменитая личность. По-настоящему он в общем-то не был ни доктором, ни профессором, но имел прямой ход к члену ЦК Щербакову.

А.К. Доктором он не был, профессором он титуловался.

А.Т. Ну, да.

А.К. Как без...

А.Т. Но он потом и до этого еще был в Красной профессуре.

А.К. Он был, кажется, по образованию медик?

А.Т. Я даже не знаю.

А.К. Он был медик.

А.Т. Факт такой, что это был страшный тип. Но это вполне понятно. Но то, что в конце концов Павел Сергеевич участвовал...

А.К. В травле?

А.Т. Ну не то что в травле, во всех разных инсинуациях. Но уже была какая-то личная зависть, потому что Павел Сергеевич-то все-таки не защитил ни кандидатской, ни докторской диссертаций. Так что он до конца жизни был профессором, но докторской степени он не имел, и кандидатом не был. Поэтому это была печальная история.

А.К. Статья о Попове есть в Булгаковской энциклопедии.

А.Т. Да, да. У меня есть Булгаковская энциклопедия. Елена Сергеевна, кстати сказать, недолюбливала его.

А.К. Попова?

А.Т. Да. Елена Сергеевна Булгакова. Там она тоже пишет о том, как он полагал, что не надо печатать.

А.К. А Лосева допускали до студентов?

А.Т. Так что, видите, таким образом Алексей Федорович на факультете оказался. Причем, надо сказать, что этого многие не знают и, между прочим, Василий Васильевич Соколов не знает. Он мне как-то говорил, что не знал одного важного факта, что еще 30 сентября 1942 года. Алексею Федоровичу предписали подать заявление на заведование кафедрой логики. Это заявление у нас сохранилось, в нашем архиве. Причем должен был быть открытый конкурс, но считалось, что Лосев-то и будет заведовать кафедрой, а потом, когда он еще не успел начать свою деятельность, начались вот эти всякие интриги вокруг его имени, потому что заведовать кафедрой хотелось Павлу Сергеевичу Попову. И вот на этой кафедре, на которой был Алексей Федорович, ему дали должность ответственного зав. сектором логики. Но, видите, собирались поставить заведующим совершенно официально, а как и что он читал, — я не знаю. Знаете ли Вы эту книжечку?

А.К. Честно говоря, нет.

А.Т. «Ойкумена мысли. Феномен Алексея Федоровича Лосева». Это издано в Уфе, в университете как раз. Это — 1995 год, там еще одна книга была издана в 1993 году к 100-летию юбилею Алексея Федоровича. А эта книжка интересна тем, что здесь есть воспоминания Анны Аркадьевны Гаревой, бывшей Анечки фон Штейн, ученицы Алексея Федоровича и ученицы очень близкого друга Бориса Александровича Фохта. И Аня до прошлого года, когда она скончалась, всегда приходила к нам, даже Новый год мы всегда встречали вместе с ней. Она была нашим большим другом. И вот в этой самой книге она и поместила свои воспоминания о «гегелевских» семинарах Алексея Федоровича Лосева. Это очень искренняя, интересная, хорошая статья, причем не просто, знаете, как бывает, какие-то беспочвенные воспоминания: ах, такой был хороший или такой ученый. Она даже приводит темы докладов, которые Алексей Федорович давал на семинаре, показывает, какие книги он рекомендовал читать. Ну, мало того, что Аристотеля, Платона, Гегеля, Канта,

но и Чичерина, Ильина, Гуссерля, Лосского, Шпета. Считал, что учитель не должен ограничиваться узкой специализацией, требовал, чтобы знакомились с математикой. Например, рекомендовал курс математического анализа Пуссена, теории модусов Хаусборфа, трансфинитные числа Жигалкина. До сих пор у нас сохранились эти трансфинитные числа Жигалкина. Неевклидову геометрию Клейна, работы Колмогорова, Александрова, но этих ученых он лично знал, того же Лузина Николая Николаевича. И вот он студентам предлагал доклады (*читает*): «Гегелевская триада и ее типы», «Роль отрицания в логике Гегеля», «Роль противоречия в логике Гегеля», «Принципы непосредственности и опосредственности в логике», «Моменты: “в себе”, “для себя”, “у себя”, “внутри себя”, “вне себя” у Гегеля». И темы исторического характера: «Три изложения логики», «Гегель и критицизм Канта», «Критика логики Гегеля у Тренделенбурга», «Логика Гегеля и Б.Н. Чичерин», «Логика Гегеля в понимании И.А. Ильина», «Кроче», «Мертвое и живое в философии Гегеля».

А.К. То есть курс был по «Науке логики»?

А.Т. Да, там был такой курс и семинар. И студенты, конечно, тяжело переживали, потому что Алексей Федорович буквально пошел читать лекцию, на кафедру подошел, а ему сказали, что он отчисляется. Можно сказать, прямо с кафедры сняли человека. А Анечка как раз встретила с ним на лестнице (вот тут пишет): он спускался по лестнице, а тогда занимались в психологическом на третьем этаже, в старом здании. Она говорит, что это было какое-то потрясение для всех нас. Я и то помню некоторых студентов, которые его потом здесь посещали, ну кроме Анечки Гаревой, Марк Туровский, который назвал своего сына в честь Алексея Федоровича Алексеем. Стоянов у нас бывал, потом Полина Петрашек, потом был Сережа Липкин, очень талантливый человек, Новожилова была, Серцова.

А.К. Серцова сейчас преподает на историческом факультете¹.

А.Т. Да?

А.К. Преподает. Я с ней даже одно время в очередь читал лекции по истории философии. Ее, по-моему, зовут Анной Петровной? Да?

А.Т. Она подходила ко мне на одном из юбилейных торжеств в университете. Мне кажется даже, был 1998 год, не 1993 год, потому что там и в 1998 году еще отмечали.

А.Т. Ну вот эта группа, так сказать, целый ряд тех, кто был... Вот и Валентин Фердинандович Асмус тоже читал им спецкурс, в то время когда читал Алексей Федорович Лосев. Читал им Борис Степанович Чернышев, декан. Он, между прочим, читал античную философию...

А.К. По всей вероятности, талантливый человек Чернышев-то?

¹Анисья Петровна Серцова ушла из жизни 28 августа 2009 г.

А.Т. Да, да.

А.К. По софистам написал диссертацию...

А.Т. Ну, это еще старая школа была.

А.К. Рано ушедший.

А.Т. Но боялся, боялся. Запуганный народ был очень. Боялись. Валентин Фердинандович читал историю новой философии. И этих несчастных участников семинара заставили заново сдавать экзамены.

А.К. По этому курсу?

А.Т. Вот... (*читает*): «Хорошо, если бы только по этому курсу, а их вообще заставили сдавать экзамены по философии. Потому что считали, что они слушали Лосева и работали на его семинаре. И они, конечно, достаточно так бойко и вместе с тем наивно говорили: «Ну какие мы идеалисты? Мы же не идеалисты, мы же марксисты! Мы же сдали вон сколько предметов». Чуть ли не сорок зачетов у них было. (*Читает далее*) «Почему же мы должны снова сдавать? Но тем не менее их заставили».

А.К. То есть это они все равно, что в католицизм перешли? Типа пере-крещивания?

А.Т. Ну, считалось, что они такого страшного идеалиста слушали, значит, им всем надо как-то очиститься.

А.К. А вот этот лосевский уход с факультета, вынужденный уход, он был связан с какой-то необходимостью исповедания веры, когда его заставили там публично признаться в том, что он не идеалист, в том, что он марксист?

А.Т. Нет.

А.К. Не было этого?

А.Т. Почему? (*удивленно*) Когда это? (*возмущенно*) Когда это было? (*раздраженно*).

А.К. Я не знаю. Я просто спрашиваю.

А.Т. Это миф. Это вообще мифы. Алексея Федоровича никто не заставлял выступать, что-то говорить. Потому что это все делалось постепенно. Уже в декабре всюю воздействовать на него и потихоньку его прорабатывать. Сначала это все делалось подспудно, потому что не хотели, чтобы он кафедрой заведовал и преподавал и тем более, такие мощные силы были задействованы — тот же Зиновий Белецкий, Щербаков, т.е. маячил-то всегда XVI съезд. Страшное было дело. Может быть, и могли куда-нибудь сослать или выслать, но лично Александров сделал перевод Лосева из университета вот в этот Пединститут имени В.И. Ленина, причем даже без перерыва стажа. 15 мая 1944 года человека уволили и в тот же день он был принят на кафедру классической филологии, которую к этому времени открыли в Педагогическом институте. Конечно, это было очень забавно, потому что когда туда Алексей Федорович вынужден был прийти, ну благо у него две специальности: филосо-

фия и филология, он же заканчивал по двум отделениям, поэтому он мог и там и там заниматься, писать и преподавать, поэтому, когда он явился, то заведующий кафедрой, профессор Николай Федорович Доротани, единственный партийный среди вообще всех филологов-классиков, поэтому его все ненавидели и не выносили, а он платил тем же, он страшно перепуганный, сказал, что мест в штате нет. А Лосев-то пришел, можно сказать, со своей ставкой. И что же он сделал? Он стал писать письма в ЦК КПСС, чтобы Лосева обратно вернули в университет, а Галкин из университета отсылал Лосева в этот самый МГПИ имени Ленина, опять-таки под всякими внешними силами. Так что представляете, как замечательная была картина?

А.К. Вы с ним познакомились в 1944 году?

А.Т. Да в 1944 году. Я же как раз окончила МГПИ имени Ленина, потому что меня тоже никуда не принимали, поскольку я считалась дочерью врага народа и мой отец был расстрелян в 1937 году. Он, между прочим, был в отделе школ Центрального Комитета, ну тогда называлась партия большевиков. И был заместителем заведующего отдела школ, поэтому вся эта просвещенческая линия, школы высшие и средние, все знали его. И поэтому меня никуда не принимали, ни в какие высшие учебные заведения, и единственное учебное заведение, куда меня приняли, это был педагогический институт имени Либкнехта, такой был, пединститутов было три в Москве. И то, только потому, что там был зам. директора по научной части профессор Александр Зиновьевич Денисенко, который был когда-то заместителем моего отца в Институте народов Советского Союза, исследовательском институте, основанном моим отцом. Надо отметить, оттуда вышло очень много видных ученых. И вот этот Александр Зиновьевич ко мне очень хорошо отнесся, хотя я с ним с того времени никогда не общалась, но он просто мою фамилию увидел и зачислил меня. А потом этот институт слился с пединститутом имени Ленина и я таким образом попала в МГПИ имени В.И. Ленина.

А.К. Вы были на каком курсе в 1944 году?

А.Т. Я уже окончила институт, тогда ведь учились четыре года, как, между прочим, в дореволюционных университетах. Там не было пяти лет. И я была на классическом отделении, а на кафедре классической филологии — в аспирантуре, поэтому меня отправили заниматься к профессору Лосеву. У нас в университете я сама 34 года заведовала кафедрой классической филологии.

А.К. То есть Лосева Вам как бы назначили?

А.Т. Нет. Меня назначили (смеется) Алексею Федоровичу. Я никакого представления не имела о Лосеве. Меня назначили. Именно по греческим текстам, трагедии греческие, потому что относительно латинских текстов я была назначена к Марье Евгеньевне Грабарь-Пассек, тоже очень интересная женщина, с которой Лосев еще тоже был по 1920-м годам знаком, все же были

тогда, знаете, Государственная академия художественных наук, тот самый знаменитый ГАХН. Так что как назначенная я и появилась в этом доме.

А.К. Лосев учил Вас греческому языку?

А.Т. Нет, меня учил в самом начале Николай Николаевич Петерсон, когда я была еще студенткой первого курса. Тогда еще никто греческому не учил, поскольку тогда не существовало никакого классического отделения, а был только факультативный курс, на который назначили Николая Николаевича Петерсона. Тоже замечательная была личность. Как потом выяснилось, великолепно знал Лосева. Все были связаны друг с другом. Это крупнейший специалист по сравнительному языкознанию, впоследствии работавший в Московском университете.

А.К. Там еще Нилендер работал?

А.Т. Владимир Антонович. А как же? Переводчик Гераклита, гимнов.

А.К. Специалист по Серебряному веку... Старше Лосева?

А.Т. Старше. Владимир Антонович был старше. Его там называли вечным студентом. Алексей Федорович смеялся и говорил: «Вот образец вечного студента».

А.К. Почему?

А.Т. Потому что он без конца учился, он без конца числился студентом. Он был, можно сказать, уже самостоятельным человеком, печатался и в Религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева состоял. Уже был, так сказать, своим, известным человеком, потому что Лосева еще только туда ввели в 1911 году, а Владимир Антонович уже был там своим и с Вячеславом Ивановым он тоже был уже своим. Он первым и привел Алексея Федоровича к Вячеславу Иванову. Но он был до некоторой степени очень фантастическим человеком, преподавал в МГПИ имени Ленина на классическом отделении, но в основном читал свои переводы. Студенты собирались и слушали.

А.К. Мне рассказывала Елена Васильевна Волкова, что греческий у него было выучить невозможно...

А.Т. Невозможно.

А.К. То есть это был спектакль.

А.Т. Это был спектакль.

А.К. Приобщение к культуре.

А.Т. Правильно. И надо сказать, что после него, когда я была аспиранткой, меня на этот 3-й курс назначили, чтобы я начала преподавать студентам греческий язык с самого начала. И там как раз училась моя очень близкая приятельница Юдифь Матвеевна Каган, дочь Матвея Исаевича Кагана, кантианца и в свое время тоже друга Алексея Федоровича, они были близки. Даже сохранились фотографии этой группы. Вот в моей книжке там, по-моему, есть фотографии, я не помню, а может быть, и нет: вся группа сидит. Алексей

Федорович как раз с ними сфотографирован. И вот с ними несчастными я должна была как раз проходить всю греческую грамматику, все с самого начала, потому что они ничего не знали... Но зато они великолепно... Владимир Антонович непрерывно курил, между прочим.

А.К. Сигару? Трубку?

А.Т. Нет. Он курил просто обыкновенные папиросы. Да папиросы! Дымил все время.

А.К. На лекции?

А.Т. Да, прямо тут же.

А.К. Не возбранялось?

А.Т. Ну, кто там будет что говорить? Никто там ничего не говорил. Студенты сидели и слушали. Между прочим, Борис Владимирович Воронов преподавал, а это строжайшая была личность. Это известный лингвист.

Время было очень трудное, сложное, поэтому многие страшно боялись того же Лосева. Горный был в свое время замешан в одном издательском деле, на Лосева даже в суд подавали. В числе подписавших были Горный, Федор Александрович Петровский, но оказалось, что суд был на стороне Алексея Федоровича, и все дело кончилось миром.

А.К. Все-таки Лосев попал там в более свою среду, чем...

А.Т. Да, потому что это-то все было... суды, доносы, но это было в 1937 году. Представляете, какое время? Что Вы, это когда он пытался напечатать свою «Большую мифологию».

А.К. А как Вы считаете, почему его все-таки не тронули?

А.Т. А вот видите, это время (уже 1940-е годы), когда у него было положение более или менее ничего. Хотя внутри института была ужасная обстановка. Что Вы, страшная была ситуация, потому что вот этот Доротани, я об этом не раз писала, это человек, который абсолютно не имел никакой морали. Страшная была зависть и ревность, что угодно. Потому что всем пришлось бросить науку и идти партийной линией и всех филологов-классиков каким-то образом стали прижимать, а это же губительно сказывается на научной деятельности. Тем более что он всегда помнил знаменитое выступление на его защите кандидатской диссертации Аполлона Аполлоновича Грушки, тоже известного филолога, который жил тогда на улице Вахтангова в доме, в котором поселился Скрябин. Когда Доротани защищал в 1919 году свою кандидатскую диссертацию на латинском языке, а он блестяще знал латынь, все-таки филолог-классик университетский, Грушка сказал: «В этой диссертации больше пота, чем таланта».

А.К. Не такой плохой отзыв на самом деле.

А.Т. (смеется) Как сказать! Хотелось-то быть талантом. С этого началась ненависть к филологам-классикам. Так что в институте обстановка была, можно сказать, такая страшная: составлялись списки, кого удалять, куда...

А.К. Печататься Лосеву не разрешали?

А.Т. Там были профессора, которых удаляли, меняли в связи с этим. Хотя я была или аспиранткой или аспирантуру закончила, и меня оставляли преподавать там, но тут решили изгнать. Я восстанавливала и основывала классическую филологию в Ашхабаде. В Ашхабаде! (смеется). Вскорости там было страшное землетрясение.

А.К. И Вам пришлось туда ехать?

А.Т. Ну, конечно... Конечно, я никуда не поехала. Я знала, мало ли там предписывают что-то. Нет, я поехала в город Киев, потому что там открылось классическое отделение. И возглавлял его Набоков, сын академика Большой Академии, Андрея Александровича Белецкого. Белецкие тоже были нашими друзьями. И туда отправили Лосева. И я там год проработала на классическом отделении, поэтому до сих пор я связана с моими выпускниками вот этого замечательного первого выпуска классического отделения Киевского университета.

А.К. А как потом Вам удалось вернуться к Лосеву?

А.Т. А как... Я вернулась сюда защищать кандидатскую диссертацию. Я защитила ее в университете. Лосевы решили, что они меня при себе оставят. Я и до этого всегда им помогала, чем могла. С Алексеем Федоровичем работала уже с этого времени. На исходе 1949 года, для того чтобы не было каких-нибудь страшных историй, потому что за всеми следили, это же была сталинская улица, Сталин же проезжал здесь, Валентина Михайловна Лосева меня официально прописала у себя.

А.К. А как она смогла?

А.Т. Ну так и смогла. Пошла в милицию и сказала, что хочу... Ей говорят: «Что Вы, опасайтесь, молодые люди такие. Захватит всю квартиру, Вы же всего лишитесь». Она говорит: «Ничего, ничего, я знаю этого молодого человека». И так был сделан мне подарок к Новому году. Замечательная была история, я этого даже не знала, каким образом она мой паспорт взяла и потом меня прописала. Вот представляете? Она женщина была, конечно, очень решительная, замечательная.

А.К. Она умерла в 1954 году?

А.Т. Да, в 1954 году. Да. Это женщина, конечно, была удивительной красоты и духовности, и, конечно, никакого бы восьмикнижия мы никогда бы не знали без нее. Все 1920-е годы — на ней, да и 1930-е, все эти раскопки и все что угодно. Но мы отклонились с Вами, потому что Вы хотели что-то сказать насчет университета, по-моему?

А.К. Нет, это тоже интересно.

А.Т. Потому что когда Алексея Федоровича изгнали из Университета, то Павел Сергеевич стал заведующим кафедрой. Но Сергей Васильевич Кафтанов, который был тогда министром высшего образования, издал знаменитый

приказ о преподавании логики в Московском университете. Это был как раз 1947—1948-й год. Вот здесь Павел Сергеевич и заведовал один учебный год. Было сказано, что если не будет преодолен формализм в преподавании логики и не будет совершена перестройка этого преподавания, то последуют соответствующие выводы и... как, там было сказано, там достаточно было ровно, не то, что меры будут приняты, а что заведующий кафедрой будет смещен, как-то там было так мягко, не то что «изгнан» было, но меры были приняты и Павел Сергеевич тогда перестал возглавлять кафедру.

А.К. А что означало «преодоление формализма»?

А.Т. Ну, мало ли что там надумали считать! Время от времени же всегда формализм всплывал. В 1920-е годы тоже всплывал.

А.К. Да. И в 1930-е.

А.Т. Да. Это регулярно вообще, страшное дело было...

А.К. Потом стали изобретать диалектическую логику. И даже хотели кафедру открыть диалектической логики. Но никто не понимал, что это такое. Был курс, но никто не смог его читать.

А.Т. Вот то-то и оно. Так что это очень опасные вещи были: Лосева выгнали, и Павел Сергеевич тоже кафедру потерял и остался просто уже профессором.

А.К. А с Фохтом отношения как складывались?

А.Т. А с Борисом Александровичем Фохтом самые дружные отношения были. Алексей Федорович очень высоко ставил Бориса Александровича и тот в свою очередь хорошо относился к нему. И самое главное, надо сказать, Фохт ведь был очень благородным человеком, совсем не боязливым, поэтому когда Лосева арестовывали и когда там, знаете, вызывали людей и требовали от них каких-нибудь объяснений, ну как связаны были с Лосевым, Фохт, это, можно сказать, почти был единственным человеком, который не инкриминировал ничего абсолютно и признавал, что Алексей Федорович — большой ученый, честный. Я помню Бориса Александровича, в него все были влюблены, он же тоже работал в МПГИ имени В.И. Ленина.

А.К. Фохт же был на факультете?

А.Т. В разных вузах. Он и на факультете был.

А.К. То есть в нескольких местах.

А.Т. Да, да, да. Тогда ведь работали в нескольких местах. Это не возбранялось.

А.К. С факультета его успели уволить уже незадолго до смерти.

А.Т. Анна Гарева ближайшей его ученицей была. Он весь свой архив ей оставил, все. Куда теперь все делось? Алексей Федорович ей всегда говорил: «Аня, тебе там все надо как-то привести в порядок, этот архив, что-то записать». Она говорила, что у нее не только лекции Фохта есть и всякие его

документы и масса всего, еще и лекции, записи Алексея Федоровича, которых ни у кого вообще нет и не осталось.

Потом как-то очень странно было, потому что она скончалась. Я случайно об этом узнала, я позвонила просто к ней, потому что я знала ее дочь. И подошел какой-то человек, для меня абсолютно чужой, сказал, что она скончалась. Я говорю: «А где же ее дочь?». — «А она в больнице». Вот так вот. А потом, когда я ей еще звонила, опять же этот чужой человек подходил: «А ее нет, дочери». Какие-то странные, в общем, вещи. Потом вообще перестали отвечать. Может быть, она куда-то на другую квартиру переехала. Въехал новый жилец, совершенно не понимая, что там произошло. Это очень, очень печальная история. Вот так вот человек имеет все эти архивы, хранит все...

А.К. А вот те люди, которые приходили к Вам, Аза Алибековна... Я знаю, что целая плеяда философов...

А.Т. Ну какая там плеяда?!

А.К. Вышла из лосевских...

А.Т. Ну, конечно...

А.К. Подмастерьев.

А.К. Да ну, какие подмастерья? Ну, это совсем другое дело (*машет рукой*). Дело в том, что здесь всегда почему-то мыслилось так, что тут вроде собираются философские какие-то семинары. Ничего подобного, конечно, не было, потому что Алексей Федорович вовсе не хотел, чтобы его потом обвинили в чем-то новом и тоже его куда-нибудь отправили, на какие-нибудь высылки. Поэтому сюда приходили его аспиранты из МГПИ имени В.И. Ленина. Вот, аспиранты его собственные, потому что ему там давали аспирантов, но это же были аспиранты-лингвисты, поскольку Алексей Федорович-то — философ языка. Но работы были настоящие лингвистические, а потом у него были группы, с которыми он вел занятия по греческому и латинскому языкам и сравнительному языкознанию. Он учился у Поржезинского¹ сравнительному языкознанию, и у нас до сих пор сохранились вот эти великолепные таблицы, по которым он готовил, я помогала их делать. Большие такие таблицы на разных языках, начиная с санскрита, затем церковнославянский, греческий, конечно, латинский. Определенным образом расчерченные, вся история морфологии была представлена. И вот тут как раз и занимались, и у меня записи всегда велись, сколько было этих людей, т.е. эти группы, какого года, потому что время от времени кто-то вдруг пишет или присылает свою работу, сейчас

¹ Поржезинский В.К. (1870–1929) — российский и польский лингвист, автор трудов по исторической морфологии балтийских и славянских языков и по индоевропеистике. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1892 г., преподавал в Московском университете с 1901 по 1921 г. Ближайший ученик Ф.Ф. Фортунатова, сменил его на кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка.

им всем тоже по 70 лет, может быть кто-то помоложе. И оказалось, по моим подсчетам, более 600 душ. А они в свою очередь куда-то уезжали, там учили других, но поскольку все-таки Алексей Федорович любил преподавать, это было, надо сказать, очень весело. И вся эта греческая грамматика и все эти приемы какие-то трудные там синтаксические, это было одно веселье, переводили с русского на греческий, с русского на латынь, стихи переводили. «Я помню чудное мгновенье» Пушкина, «То было утро наших дней, в тени берез то было» Алексея Константиновича Толстого и т.д. Они с восторгом этим занимались. А попутно они образовывались культурно, потому что такой контекст был интересный, что люди получали определенного рода образование в этих аспирантских группах, которое, конечно, нигде не могли получить. Так что это было наглядно.

А.К. Веселость была какого свойства?

А.Т. Ну как?

А.К. Ироническая, задор?

А.Т. Да. Задорно всегда. Он всегда: «Ну-ка!» (*резко указывает рукой вперед*), «Ну-ка давай, ну-ка просклоняй-ка мне, ну-ка давайте хором все вместе! А вот это что окончания? Куда они девались? А так — отсекали хвост (*стучит пальцем по столу*) у этого окончания...». Нет, это было совершенно замечательно (*смеется*). Я долго смеялась, когда где-нибудь в соседней комнате находилась. Так что они с восторгом, все эти ребята, вся эта молодежь занималась.

А.К. А зрение у него стало пропадать, когда Вы с ним познакомились или он тогда еще видел?

А.Т. Нет, видел. Еще читал. И в 1947 году он еще видел и читал, и в 1950-е. Ну, много сохранилось его таких маленьких книжечек.

А.К. Конспектов?

А.Т. Нет, не конспектов. Это были такие — он туда складывал бумажки. Так, таким вот образом (*складывает лист бумаги четверо*) и делал такие свои записи, для того чтобы я, например, посмотрела что-нибудь и т.д. Делал карандашом записи. Но тут уже трудно было писать, конечно. Так они шли вверх вниз или как-то еще иначе, но тем не менее что-то такое для памяти он записывал карандашом. У него всегда карандаш был в пиджаке, и он даже своим аспирантам, когда кто-то что-то не мог записать, он говорил: «Как это так? Каждая девица должна иметь карандаш в своем карманчике, обязательно. А как же? А если вдруг записать нужно что-нибудь?» Вот он считал, что девицы должны иметь карандаш. Но, видимо, он считал, что все девицы ученые.

А.К. Ну, телефон можно записать.

А.Т. Ну, кто его знает... Потому что эти самые ученые девицы, он считал так, что если она ученая девица, то до защиты диссертации не должна выхо-

дить замуж, она должна защитить диссертацию, а потом уже выходить замуж. И они очень старались.

А.К. Слушались совета.

А.Т. Да. Я прекрасно помню, какой был случай, когда одна девица ослушалась, тайно вступила в брак и тем не менее потом защитила диссертацию. Все скрывали от Алексея Федоровича, что она замужем. Вот была замечательная картина (*смеется*). Он считал, что нет уж, сначала отдай дань науке, а потом занимайся семейными делами.

А.К. Хорошо хоть, что потом разрешали.

А.Т. А он — нет, наоборот. Он любил говорить: что уж хозяйством что ли все время заниматься? наука должна быть. А вот эти-то, что Вы называете плеядой, ну, это все были, во-первых, мои ученики — студенты классического отделения.

А.К. Бибихин...

А.Т. Бибихин — это вообще отдельная история. Он никогда не учился на классическом отделении.

А.К. Он филолог, да?

А.Т. Да, он в другом месте был. А остальные это все были мои студенты-классики. Они даже аспирантами не были, потому что когда они уже становились аспирантами, причем писали-то не мне, то тут уже надо было в основном с диссертацией возиться, поэтому они уже не могли записывать за Алексеем Федоровичем. А так, конечно, ну что же... тот же Саша Столяров или Боря Каганович, например, доктор исторических наук. Коля Шабуров очень кратко был...

А.К. Он заменял кого-то?

А.Т. Да, по-моему, вместо Саши Столярова. Когда Саша по каким-то обстоятельствам не мог прийти, то Коля Шабуров захаживал. Или, например, кто там еще у нас был... А ну как же, Гасан Гусейнов, который сейчас в Германии, а докторскую диссертацию защитил совсем недавно в РГГУ, в прошлом году его утвердили. Сюда специально приезжал, чтобы защитить диссертацию. Юра Шичалин со своим неоплатонизмом опять же тоже сидел и также записывал. Я их всех по почеркам помню, слава богу.

А.К. Они спорили с Лосевым или внимали?

А.Т. Нет, нет. Никогда не спорили.

А.К. Когда я учился у Шичалина один год, то он весьма критически отзывался о взглядах Алексея Федоровича относительно платонизма...

А.Т. Ну, Юре тоже, наверное, хотелось сказать что-то свое. Причем он занимался школами неоплатоническими, институциональным аспектом этих школ. Какие школы, как да что и т.д. Кто там еще был... Ну, конечно, Надежда Малинаускине, которая, между прочим, тоже дружила с представите-

лями философского факультета, несмотря на то что она была филологом, а не философом. Не скажу, чтобы уж там было особенно много народу, даже не очень припомню, кто же там еще был. Так что вот эти ребята были и записывали. Но были еще мои — чистые филологи, которые к философии отношения не имели. Танечка Бородай одно время тоже сидела. Юдифь Каган тоже одно время сидела, записывала. Лена Дружинина, которая потом стала женой Юры Шичалина, но поскольку тоже, у меня писала диссертацию по Гомеру, в какое-то свободное время прибегала что-нибудь записать. Или Танечка Шутова, которая сейчас зам. декана факультета искусствознания университета, она тоже заходила, сидела. Мила Гогтишвили как раз последние годы Алексея Федоровича, с 1982—1983 года. Валентина Постовалова, доктор языкознания, была здесь в то время до последнего. Вот они как раз все итоговые работы и записывали.

А.К. А чем он в последние годы занимался?

А.Т. Как чем?

А.К. Книжка о Соловьеве вышла?

А.Т. Конечно, в 1990 году первое издание было. Теперь уже она вышла в ЖЗЛ. Сейчас собираются переиздавать ее. Алексей Федорович писал-то как раз это во второй половине 1970-х годов.

А.К. То есть эта работа не последних дней? Просто она вышла в конце жизни?

А.Т. Дело в том, что сначала из этой большой книги, когда он над ней работал, была извлечена та маленькая, которая вышла в 1983 году. А большая книжка завершалась в последние годы жизни, потому что я ведь сдала ее в издательство за две недели до кончины Алексея Федоровича. Все перепечатывали уже как положено, а потом он же закончил «Историю античной эстетики». А как же? Он все время над ней работал, поэтому седьмой том вышел, можно сказать, в день его кончины, в 1988 году.

А.К. Удивительно, как он успел это завершить?

А.Т. А завершил, потому что восьмой том уже лежал в издательстве, вышел в 1994 году.

А.К. Он расценивал эту работу как завершенную?

А.Т. Абсолютно!

А.К. У него было ощущение, что поставил точку?

А.Т. Абсолютно! Она вся завершена. Она же дошла до самых последних веков язычества и перехода к христианству. Там же целый том посвящен этой переходной эпохе. Перешел к христианству, конечно, так что все это абсолютно было завершено, все было правильно. А Вы спрашивали насчет Бибикина: Володя Бибикин вообще здесь не учился, он учился в инязе (Торезовский институт). Его к нам прислала Юдифь Матвеевна Каган, которая там преподавала.

давала. Володя был ее студентом, он был тогда на третьем курсе и очень хотел познакомиться с Алексеем Федоровичем, и вот она его прислала сюда. Он сам учил греческий. Он же очень способный к языкам человек, исключительно. Так что он уже читал Платона в это время сам, читал «Федра» самостоятельно. И когда к нам пришел, мы очень были удивлены, что такой юный, а уже сам учится.

А.К. По-гречески?

А.Т. По-гречески, конечно, только по-гречески читал. И вот Володя-то как раз оказался близким человеком Алексею Федоровичу, он только с ним и говорил. А с остальными ни с кем никогда не разговаривал. Ну, во-первых, когда разговаривать?

А.К. Алексей Федорович знал, что его записывали?

А.Т. Нет. Я должна сказать, что однажды Володя сделал такой опыт. Мы были на даче у Александра Георгиевича Спиркина в Отдыхе. Туда ездили десятки лет и летом всегда обычно тоже приезжали так называемые секретари, или, как я их называю, писцы. Знаете, писец — это очень важное дело. Сидел, писал, — от руки же все писали. Так что это имело место быть.

А.К. Ноутбуков не было.

А.Т. Какие там ноутбуки! Если бы они были, то все равно бы записывали от руки. Я, к примеру, пишу от руки, а вот моя племянница, эта сидит за компьютером! Это ужасно.

А.К. Да. Я тоже.

А.Т. Глаза портятся... Так вот Володя, я прекрасно помню эту замечательную картину с деревьями, кленовую рощу. Клены, под ними стол, врытый в землю, там в качалке Алексей Федорович сидит. Жара большая и стоит небольшой тазик с водой, Алексей Федорович там полощет какую-то салфетку, мокрую кладет себе на лоб, для того, чтобы охладить этот самый жар, Володя стоит рядом, он привык стоять, а не сидеть. Володя стоит и вслух читает, потом говорит: «Алексей Федорович, а хотите себя послушать?» И вдруг вынимает магнитофон, причем, знаете, как называли эти магнитофоны? — Прибалтийскими.

А.К. Катушечный или кассетный?

А.Т. Нет. О, господи, известная была какая-то фирма. Они тогда у всех были. Где-то в Латвии их производили, эти магнитофоны. Вынимает его, ставит и раздается голос Алексея Федоровича, т.е. Володя, пока они занимались, записал его и воспроизвел его речь. И я помню, как Алексей Федорович с негодованием сказал: «Владимир, чтобы этого больше никогда не было!» Вот так. Вот такой был опыт. Володя это прекрасно помнит и знает. Поэтому, каким образом он это записывал, это очень загадочная история, потому что когда читаешь, то слышится голос Алексея Федоровича Лосева. Совершенно все интонации слышатся.

А.К. Ну, то есть, это все-таки не по памяти он писал?

А.Т. Конечно. Хотя он всегда утверждал, что якобы он приходил домой и на клочках что-то записывал. Этого не может быть. Я полагаю, что он записывал по-настоящему...

А.К. Но если феноменальная память, то можно и запоминать.

А.Т. Нет. Возможно он стенографировал, вот это могло быть, потому что он настолько талантливый человек, что он, наверное, может, и стенографию эту самую знал. Особенно вот эти беседы, которые в «Вопросах философии» были.

А.К. То есть можно верить, что это все абсолютно подлинное? Потому что некоторые высказывания они, конечно, не то что шокируют, но...

А.Т. Парадоксальны многие. Там, где он говорит о русских, например...

А.Т. Конечно, да мы и сейчас повторяем: «Водка и селедка». Верно.

А.К. Мы тоже повторяем, когда за стол садимся.

А.Т. То-то и оно. Так что Володя нам близкий человек.

А.К. А вот отношения Алексея Федоровича с Богом, хотя это интимный момент. Все-таки это повод для многих вопрошаний, дискуссий, колебаний. Вот Вы сказали о том, что он принял тайный монашеский постриг в 1929 году.

А.Т. Да. Так это известно.

А.К. Он был «непоминающий»? То есть сергианскую церковь он не принял? И так до конца жизни?

А.Т. Большая часть верующих была же «непоминающая». Если Вы возьмете этот огромный том, где все акты патриарха Тихона собраны, то там увидите потрясающие документы и выводы издателей, конечно, потому что большая часть — это же антисергианцы. Потому что никак не могли верующие понять, как можно вместе с безбожной властью существовать и, собственно говоря, быть в контакте, и как можно заявлять, как это делал митрополит Сергей иностранным корреспондентам в самый разгар, можно сказать, гонений на Церковь в 1930-е годы, что никаких гонений не существует. Поэтому никак не могли примириться. Что Вы, это великие мученики и великие люди были.

А.К. Но он поддерживал отношения с какой-то ветвью? С катакомбной Церковью?

А.Т. Дело в том, что то, что теперь называют катакомбной, не имела никакого отношения к той, так называемой истинно-православной церкви, которую здесь, так сказать, сажали, арестовывали.

А.К. То есть по делу Лосева 1930 году, об истинно-православной церкви, он проходил правильно?

А.Т. Да, он проходил правильно.

А.К. То есть именно к ней он и принадлежит?

А.Т. Да. Он проходил правильно (*смеется*). Там вот Михаил Александрович Новоселов был.

А.К. Который канонизирован сейчас?

А.Т. Да, канонизирован.

А.К. Правда, как мирянин.

А.Т. Но там какие-то нынешние «катакомбники» почему-то всюду распространяют слухи, что он был епископом Марком, но это и Флоренский, и все опровергают. И его близкие люди опровергают. В общем мы считаем, что он не был никаким епископом... Это все Амвросий Сиверс, который возглавляет нынешнюю катакомбную Церковь. Это вообще психически больной человек.

А.К. Мне посчастливилось найти в Париже одно письмо — турка, который сидел вместе с Новоселовым...

А.Т. А! Да, да, да.

А.К. Оно напечатано в переписке Флоренского с Новоселовым.

А.Т. Очень интересно.

А.К. И там по этому поводу тоже было, что вот, кто он? Но он говорил, что он мирянин, а не священник.

А.Т. Это очень интересно. Я читала, когда... Прекрасно. Да.

А.К. Попалось, прекрасно.

А.Т. Конечно. Господи, да еще истории, связанные с этим.

А.К. Алексей Федорович в храмы не ходил в то время, когда Вы его знали?

А.Т. Нет. Не ходил. Поэтому он просил уже заранее: «Если я умру, то, во-первых, ни в коем случае меня ни в какое учреждение не возить, чтобы там не проливали крокодиловы слезы и не произносили речей», — ни в какое, где он работал и т.п., ни в коем случае. Ну, я сама знала, что этого никогда не будет. Хотя он говорил: «В церковь меня тоже не отправляйте, а чтобы отпевали меня дома». Это было его твердое убеждение.

А.К. А кто его отпевал?

А.Т. Было настоящее, серьезное и глубокое богослужение. Отец Владимир Воробьев. Ну, Вы же знаете, он же сын логика Воробьева. А дед-то его был другом Алексея Федоровича, вместе в лагере были. Потом был отец Валентин Асмус, сами понимаете, опять же близки были. Хотя его отец, Валентин Фердинандович, был очень осторожным человеком: никогда не говорил о своих воззрениях. Между прочим, это мало кто знает, Алексей Федорович рассказывал, что Валентин Фердинандович в 1920-е годы мечтал о сане священника, что ему не удалось, а удалось его сыну Валентину. Он всегда это говорил: «А вот Вале удалось. А тому не пришлось». Так что сложная была жизнь.

А.К. Мы были в прошлое воскресенье на могиле Асмуса в Переделкине. Встречались с его вдовой.

А.Т. Ариадной Борисовной.

А.К. И Владимир Александрович Жучков, который знал Асмуса...

А.Т. О, господи, Жучков! Он уже такой важный. Жучков приходил тут и спрашивал: «А как пишется это слово по-гречески?»». Вся моя кафедра смеялась, когда Жучков являлся к нам, такой быстренький был...

А.К. Когда разговор зашел... А крест на могиле же стоит. Жучков говорит: «Да, Асмус ни в кого не верил».

А.Т. Ничего подобного! Глупости все это. Глупости. Когда у него умерла его первая жена, он из-за нее-то не смог пойти...

А.К. Стать священником? А она умерла, когда он был еще совсем молодым?

А.Т. Нет! Что Вы? Какой...

А.К. А из-за нее, в смысле она его не пустила?

А.Т. Да. Да. Вот там была целая история. Когда она скончалась, так это же были 1950-е годы. И пока он еще не женился на Ариадне Борисовне, на своей аспирантке. Он же немедленно пришел к Алексею Федоровичу. И приходил все время. Они запирались в кабинете. У них были свои разговоры, свои беседы.

А.К. Лосев потом не рассказывал, о чем они говорили?

А.Т. Нет. Он никогда не рассказывал. Валентин Фердинандович, можно сказать, прямо регулярно появлялся. А как только он женился, он уже перестал приходиться.

А.К. Они ведь были ровесниками?

А.Т. Да. У них там какой-то год разницы был. И потом уже Валентин Фердинандович привел ко мне своего сына Валю, ко мне на кафедру, пришел прямо с Ариадной Борисовной, с Валентином, хотел, чтобы он был под какой-то опекой. Но, между прочим, когда Алексея Федоровича травили, писали отвратительные рецензии, не давали печататься, это же вообще ужас был, даже в 1950-е годы все это писалось, — такое позорное дело. Ну, я понимаю, в 1930—1940-е годы, какой-нибудь там Астахов, как его называли «храмовый бес». Чего только там не писали, даже страшно читать. Вот, между прочим, все эти рецензии сохранились у нас.

А.К. Это можно книжкой издать.

А.Т. Да, да.

А.К. Памятник человеческой глупости.

А.Т. Ужас, да? Так вот Валентин Фердинандович всегда писал очень благородно и, так сказать, в защиту. Вот приходилось ему несколько раз защищать Алексея Федоровича.

А.К. А Лосев был на похоронах Асмуса?

А.Т. Нет. Алексей Федорович вообще не мог никуда ни ездить, ни ходить.

А.К. По зрению, да?

А.Т. Конечно, он уже в это время не мог. И я помню, что всегда ему рассказывали подробно. Все это известно. Все ему подробнейшим образом рассказывали. И когда Пастернак скончался. С ним как раз была близка наша приятельница Юдифь Матвеевна. Она ездила на похороны, все подробно Алексею Федоровичу излагала. Он, бедный, сидел плакал.

А.К. Плакал, почему? Что вот такая участь?

А.Т. А как же? Такая отзывчивость.

А.К. Такая оставленность всеми близкими? И друзья...

А.Т. Ну... переживал.

А.К. Пастернак умирал почти в изоляции.

А.Т. Конечно, конечно. Нет, ну как-никак, они учились вместе. Воспоминания юности, университет, потом, бывало, встречались так вот бегло. И для него это был тоже человек еще достаточно близкий по тем временам. И все вот так вдруг. Все это тоже после таких страшных всяких историй. Когда сам человек переживает очень много, то он, наверное, тоже чувствует, как другие поступают.

А.К. Вот возвращаясь к своему вопросу, опять-таки очень деликатному о тайном монашестве: в русской философии был тайный монах Константин Леонтьев, да?

А.Т. Ну, это да.

А.К. У меня сложилось такое ощущение, что Алексей Федорович Лосев Леонтьева очень не любил. Я не прав?

А.Т. Нет.

А.К. Ну, по крайней мере, в книжке о Соловьеве написал, что Леонтьев это антихрист. Или, по крайней мере, то, что сопоставляется с образом антихриста. Вот мысль, которая у меня, честно говоря, вызывала всегда возмущение, потому что это не так.

А.Т. (смеется) Нет. Дело в том, что нельзя говорить: любил или не любил. Это как-то не подходит. Так же как говорят: а вот розы он любил или не любил? Во всяком случае у него был огромный интерес. Он мне говорил: «Читай Леонтьева».

А.К. А что читать? Публицистику или прозу?

А.Т. Нет, Господи, конечно не прозу, не эти романы.

А.К. Ну проза замечательная, восточные повести.

А.Т. Нет, я не знаю. Мне, например, все его эти греческие истории какими-то наивными кажутся, когда читаешь. Другое дело — публицистика. Так что двойственное отношение было также и к Розанову. Он и притягивал, с одной стороны, и вместе с тем, с другой стороны, — отталкивал.

А.К. И тоже просил читать?

А.Т. Господи, у нас Розанов сохранился во всех старых изданиях. В первых изданиях. Более того, еще Татьяна Васильевна Розанова, которая позна-

комилась с Алексеем Федоровичем по его книге, приезжала сюда, она нам тоже подарила некоторые издания своего отца и даже с его пометкой, она очень ценила Алексея Федоровича. Почему-то обожала эту книжку, писала ему. Алексей Федорович же говорил в своем интервью, взятом у него в 1985 году никому тогда неизвестным Ерофеевым, что «если бы были силы, то я такую бы книжку о Розанове накатал», — как он выразился.

А.К. Ему было, что сказать о Розанове.

А.Т. Да, конечно. Так что это все отношения — двойственные. Все не так просто.

А.К. Отпевали его по монашескому чину или по мирскому?

А.Т. Нет. По-моему, отпевали не как монаха, потому что тогда еще это не было известно, и вместе с тем не как простого мирянина, потому что заупокойная служба была очень мощной, большой, так называемый парастас. Это было отпевание с парастасом. Это было настолько сильно.

А.К. Но раба Божия Алексия?

А.Т. Да, конечно, Алексия. Пиама Гайдено в обморок упала, настолько это было тяжело, потому что все стояли. И отец Владимир произнес прекрасную речь.

А.К. Было в этой комнате?

А.Т. Да, в этой. Вот здесь. Этот стол как раз использовали (*стучит по столу*). Потому что народу же было много. Потому делалась масса фотографий. У меня сохранились большие фотографии, много всего. И отец Владимир сказал, что Алексей Федорович имеет право, чтобы его именно здесь отпевали, а не где-нибудь в другом месте.

А.К. Кстати, Леонтьева ведь тоже отпевали как мирянина, несмотря на его монашеский постриг.

А.Т. Но он ведь в последний год принял монашество... И потом уже и на кладбище было как положено. И литии были. Все было.

А.К. Дом после Алексея Федоровича имеет уже свою историю.

А.Т. Ужасная история, должна сказать, потому что, во-первых, этот дом надо было еще отвоевывать в 1991 году. Когда был путч, первый. Этот дом собирался забрать некий сахарозаводчик. Откуда-то вдруг сразу появились невероятные сахарозаводчики. И просто-напросто меня надо было выселять отсюда со всей гигантской библиотекой, со всеми вещами. Все должно было куда-то... Так что была история тяжелая, поэтому народ помогал, чтобы сначала отвоевать этот дом, чтобы отсюда выселить разные организации, которые когда-то здесь находились. Здесь не было квартир, хотя наша квартира была № 20. Но все всегда удивлялись, почему это 20-я квартира? А еще один человек жил на первом этаже, правда, в одной комнатке был. У него была квартира № 1. Он был пролетарием, но очень любил Алексея Федоровича. Никого,

ничего больше в этом доме не было. Но факт такой, что народ очень помогал и, между прочим, участвовали ваши философы, тот же Саша Доброхотов. Он был всегда нам близким человеком.

А.К. Он приходил еще при жизни Алексея Федоровича?

А.Т. Да, конечно, господи, при жизни Алексея Федоровича приходил. Замечательная, конечно, личность. И ко мне на кафедру приходил, с моими аспирантами очень дружил. И даже совместные книжечки выпускали, такие аспирантские, в которых Саша принимал участие. Так что верный, так сказать, человек. Потом организовалось общество «Лосевские беседы», которое помогало. Ну, все люди, которые были вокруг, содействовали моему пребыванию в этом доме и вообще тому, чтобы этот Дом принадлежал обществу «Лосевские беседы». Борис Викторович Раушенбах, например, очень много сделал для нас, до самых верхов доходил. Так что поразительно, конечно, в это время, 1991, 1992, 1993-й годы, тут были такие всплески. И мы получили этот дом, но потом ведь надо было платить за аренду. Представляете, что это было бы! Дом был, конечно, в большом разорении. Это сейчас вот так входите, там парадная, идет реставрация. Бог весть что было. Там была такая дверь, которая разваливалась, можно сказать, любой мог войти и, между прочим, ведь никто не входил, вот, что интересно. Такие были времена. Вот сколько мы здесь прожили, представляете, ни одна посторонняя душа никогда не входила в наш подъезд, хотя любой мог войти.

А.К. Там внизу не было ни домофона, ни замка?

А.Т. Какие там домофоны! Вообще ничего. Тут был какой-то самый элементарный ключ, если надо, можно было бы так дернуть и вообще все открыть настежь. Так что в этом смысле было потрясающе тихо. И затем, поскольку мы доходили до всяких правительственных верхов, было постановлено, что этот дом пойдет на реконструкцию, на реставрацию, и лосевская квартира должна быть туда обязательно включена. Но тот, кто будет это делать, получит часть этого дома. Поэтому это делал один огромный банк «Межкомбанк», который просто к нам направили и больше ничего, и он даже еще помогал нашему лосевскому обществу, меценатствовал. Но он потом прогорел, когда дефолт был. Этот банк исчез. Потом это помещение купили за пять или шесть миллионов долларов. Так что там теперь Сбербанк, там охранники сидят и т.п. А о 580 метрах, что-то в этом роде, я писала Лужкову в свое время, что не мешало бы организовать здесь библиотеку «Истории русской философии и культуры. Дом Лосева». Ну, можно сказать, на свою голову написала, потому что к этому отнеслись с пониманием, издано было соответствующее постановление еще в 2000 году. Я обещала передать книги, более десяти тысяч книг из библиотеки Алексея Федоровича, самых разнообразных, ну чтобы многогранность его собственной личности отразилась в этих книгах. Ну и библиотеку, действительно, утвердили. Устав утвердили, все

сделали, поставили также близкого нам человека Игоря Маханькова. Что из этого получилось, страшная история получилась в конце концов, потому что книги Алексея Федоровича находятся в подвале, свалены туда, никаких настоящих описей не существует, а то что существует и то, что я проверяла, это оказалось, можно сказать, настоящей фальсификацией, потому что там есть книги, которые я никогда не давала, другие книги совершенно исчезли¹.

А.К. Алексей Федорович начинал с музыки. Насколько я помню, первая статья как раз была о «Травиате» Верди и операх Вагнера в студенческом сборнике Московского университета.

А.Т. Там о «Снегурочке»...

А.К. О «Снегурочке», по-моему, следующая...

А.Т. Да была еще...

А.К. О «Снегурочке» Римского-Корсакова. Как вот вообще в жизни, когда Вы его знали, он с музыкой продолжал общаться?

А.Т. А как же?

А.К. Ходил на концерты, слушал записи?

А.Т. Да, да, да. Мы ходили еще в 1950—1960-е годы.

А.К. В консерваторию?

А.Т. Ходили и в зал Чайковского, и в консерваторию. И затем бесчисленное количество пластинок... У нас огромное количество сохранилось. При чем меняли все время на более совершенные... Знаете, всю эту аппаратуру меняли для того, чтобы можно было слушать. Иной раз и оперы прослушивали, и симфонии слушали, и много чего.

А.К. Его пристрастия не изменились? Римский-Корсаков, Вагнер?

А.Т. Ну, не только Римский-Корсаков и Вагнер, я специально составляла тут целый список по просьбе Юрия Николаевича Холопова, а это теоретик музыки с мировым именем, который, вот скоро год будет, как скончался. Юрий Николаевич, тоже был нашим другом, замечательная личность. И у меня хранится этот самый список: любимые вещи Алексея Федоровича. Вагнера очень любил слушать у Эвальда Ильенкова. Эвальд всегда приглашал нас к себе, и у него были роскошные записи в самых лучших исполнениях. Эвальд был совершенно безумным, ну такой безумный, что на него жаловались на Тверской, где у него квартира была. Жаловались соседи, там какие-то важные личности всегда жили, какие-то генералы, которые были в ужасе от того, что гремит каждый день Вагнер.

А.К. Покойный Сергей Сергеевич Аверинцев тоже, когда мы обсуждали статью в Российской энциклопедии, прочитал там фамилию Ильенкова, он от-

¹ Мы опускаем здесь часть беседы, касающуюся истории создания в Доме Лосева «Библиотеки русской философии и культуры». С приходом на директорство В.В. Ильиной ситуация изменилась в лучшую сторону, и библиотека была открыта в 2005 г. (примеч. А.К.).

реагировал на нее так: «Ну, Ильенков... ну да... он Вагнера очень любил», т.е. это было как бы самое существенное в его философском облике, то, что он любил Вагнера.

А.Т. (смеется) Да, да. Это особенно запоминается.

А.К. Хотя про это никто не писал.

А.Т. Ну что Вы... Это было потрясающе. Всегда такой интересный народ у Эвальда собирался.

А.К. А Лосев предпочитал инструментальную, симфоническую, оперную музыку, у него были какие-то пристрастия?

А.Т. Всякую любил! У него эта стихия...

А.К. Любимые исполнители были?

А.Т. И исполнителей любил. И у нас даже сохранился этот шкаф — это эстетика и теория музыки. И вот этот шкаф называется «Святая Цецилия», потому что шкаф для нот был. Шкаф — это вещь дореволюционная, сохранившаяся, несмотря на бомбежки. Они распались, но потом двадцать лет их чинили. Поэтому все клéенное. Вот эти все старинные вещи, это, можно сказать, знакомые мастера все переклеивали, делали и т.п., поэтому все эти клавиры тут у нас существуют, «Китеж» знаменитый как раз...

А.К. Читал в клавире?

А.Т. Да.

А.К. Он хорошо знал музыкальную грамоту?

А.Т. Но он же был профессионал в этом смысле. Потому что он окончил специальную музыкальную школу. У такого человека, как Фридрих Ахиллович Стаджи, лауреата Флорентийской музыкальной академии ... И он всегда гордился тем...

А.К. Клавиры он мог читать с листа?

А.Т. Конечно, конечно...

А.К. Не просто следить за его исполнением, а читать?

А.Т. И когда он преподавал в консерватории, то его, так сказать, ученики, с которыми он потом общался, всегда вспоминали, как все они сидели обычно с клавиром и смотрели. А как же.

А.К. А вот австрийских композиторов любил?

А.Т. На Малере он остановился, потому что последние годы он уже не знал абсолютно новых и этим не интересовался. Мы даже ходили слушать оперу Прокофьева «Обручение в монастыре». Он всегда говорил: «О, эта музыка эпохи Сталина!»

А.К. Сталина?

А.Т. Сталина. Да. Он не очень-то любил даже, когда Прокофьева исполняли, потому что очень колотит, а это, конечно, не может нравиться.

А.К. А Шостакович?

А.Т. К Шостаковичу он как-то относился спокойно. Он никаких эмоций, так сказать, не выражал. Это было не то, что тот же Бетховен, Вагнер или Брамс... ну и Скрябин, конечно.

А.К. Скрябин продолжал его привлекать?

А.Т. Продолжал.

А.К. Его оценки юношеские беспощадны.

А.Т. Да, и ничего. И музей скрябинский... все это поместил у себя...

А.К. Поместил?

А.Т. У них же разные выставки проводятся, конференции собираются и библиотека есть. Скрябинские и параллельно идут... Статья Алексея Федоровича, которая напечатана...

А.К. В «Страсти к диалектике»...

А.Т. Да, да, да. В «Страсти к диалектике» и потом в больших вот этих серых томах. Они просили, так что я им передала и ничуть не смущаюсь этого.

А.К. Ну они-то не смущаются, понятно, но его там фраза...

А.Т. «И убить, и анафематствовать...».

А.К. «За сатанистов не молятся, их анафематствуют».

А.Т. Да, (с довольным видом), анафематствуют. Конечно. Ну вот Вам пожалуйста, так что и Леонтьев, все они вписываются вместе.

А.К. По вот такой пылости его натуры он действительно на Леонтьева очень похож.

А.Т. Ну вот (смеется) видите как. Так что же, без музыки невозможно, конечно, было. А сейчас вот грустно, хотя у нас прекрасный рояль «Бехштейн».

А.К. Он сам не играл?

А.Т. На скрипке. Вот его скрипка лежит наверху. Вот она в этом шкафу, за стеклом лежит. Ее доставали, когда тут в этом самом ЦДРИ года два тому назад целый вечер был посвящен Алексею Федоровичу при большом количестве людей, ну и, в частности, мне там исполнилось 80 лет, поэтому меня там тоже все поздравляли. Так скрипку вывозили туда, и она там фигурировала. Так что ее тоже снимали. А тут у нас иной раз играют. Когда Алексей Федорович в память о погибшем рояле специально для меня уже купил, целая история была. Потому что у него же связи-то все время сохранялись музыкальные, потому что надо было, как следует, настоящий выбрать.

А.К. А на рояле играли Вы больше?

А.Т. На рояле покойная Валентина Михайловна очень хорошо играла, но тогда все же рояль ликвидировался, все это ликвидировалось, а тут я играла, но тоже закончила, так что играют те, кто к нам приходят, профессиональные музыканты. Так что тут вот и Константин Лившиц у нас играл.

А.К. А вокалистов Алексей Федорович любил?

А.Т. Любил, господи, ну как же... Нежданова... Любовь старая.

А.К. Нежданова, да? Близкие друзья Алексея Федоровича были друзьями Неждановой и Лосева. Одновременно были такие люди.

А.Т. Шаляпина Алексей Федорович слушал еще когда студентом был. Рассказывал, как они ночью обычно за билетами стояли.

А.К. Живьем?

А.Т. Записывались. Живьем, конечно. Очень трудно же было попасть. Потому что уже тогда Шаляпин больше ездил по «заграницам». Поэтому студенты ночью стояли. Особенно, если зима, то, как он рассказывал, даже костры жгли, чтобы согреться.

А.К. Возле Большого театра?

А.Т. Вот там. Да, нет, ну что Вы, такая страсть. Даже мифы рождались о том, что Антонина Васильевна и Алексей Федорович Лосев в каких-то тайных, каких-то загадочных отношениях были. Какие-то мифы были, он все смеялся над этим.

А.К. А он с ней знаком был?

А.Т. Он же ей писал и приходил к ней. Но никто не знает толком, что там было. Во всяком случае, один из его приятелей биографию Неждановой ему подарил с трогательной надписью на память вот о таких замечательных днях. Рахманинов он очень любил в авторском исполнении. Но не одобрял никогда, если использовали его Всенощную на церковных службах.

А.К. Ну это на Ордынке практиковали, хор Матвеева.

А.Т. Нет. Еще Бортнянского, это можно было. А вообще строгую службу любил. Всегда говорил: настоящая служба — это монастырская. Это действительно Небо чувствуется, когда стоишь часами. А так все светское.

А.К. Хотя Рахманинов, может быть, даже ближе к знаменному распеву, чем тот же Бортнянский? Бортнянский — итальянщина...

А.Т. Ну как? Все-таки старинное что-то.

А.К. Уже привычное.

А.Т. Да, уже привычное. Хотя опять-таки не приветствовал все это. Нет, он любитель был.

А.К. Сам он не пел в хоре?

А.Т. А как же? Когда был еще в Новочеркасске. Да, конечно. Но там же был храм Кирилла и Мефодия, замечательный домовый храм. Да, пел и прислуживал.

А.К. Спасибо большое, Аза Алибековна, за содержательную беседу.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СОКОЛОВ: «ЧТОБЫ СЛОВАМ БЫЛО ТЕСНО, А МЫСЛЯМ ПРОСТОРНО...»

Беседу с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ Василием Васильевичем Соколовым провел доцент МГУ А.П. Козырев. Июнь 2003 г.

А.К. Василий Васильевич, Вы на факультете человек действительно удивительный. И, можно сказать, уникальный...

В.С. Ну-ну...

А.К. Наверное, дольше Вас на факультете никто не работал. 60 лет факультету, из которых Вы здесь провели 58, после того как из Ашхабада в университет вернулся? Так?

В.С. В Ашхабаде я не был.

А.К. С 43-го года...

В.С. Я поступил в ИФЛИ в 1936 г., на исторический факультет. Окончив три курса, к удивлению многих, перешел на первый курс философского, но фактически на первый и второй курсы сразу: учебные планы исторического и философского факультетов частично совпадали. На историческом факультете история изучалась весьма основательно, а на философском не так: не было латыни, но нужно было сдавать математику, физику, химию, биологию, физиологию органов чувств. Что было в Ашхабаде, я не знаю, затем в Свердловске. В Ашхабаде ИФЛИ влили в МГУ, так в нем появились философский, филологический, экономический факультеты. Исторические факультеты были в ИФЛИ и в МГУ. Здесь они слились. Но я с октября 1941 года оказался на фронте с небольшой группой студентов-добровольцев ИФЛИ, призванных в июле 1941 года в запасной зенитный полк. После трагического прорыва немцев под Москвой нас, десять командиров орудий, направили в 694-й истребительный противотанковый полк 16-й армии Рокоссовского, воевавший на Волоколамском направлении.

А.К. Если вернуться к тому времени...

В.С. Пожалуйста.

А.К. Когда Вы были в ИФЛИ, чем этот переход был вызван? Все-таки философия тогда связывалась по преимуществу с диалектическим материализмом и в общественном сознании это была партийная наука, идеологическая.

В.С. Думаю, что меня сразу заинтересовала именно история философии, как бы туманно я ее тогда себе ни представлял. К тому же, по моему теперь уже давнему убеждению, путь к философии иницируется конкретным, увлеченным «многознанием», в частности и в особенности историческим, ибо философское знание рождается интуицией целостности. А историей я увлекся в детстве, еще деревенским мальчиком, учеником сельской школы.

А.К. В Тульской области?

В.С. Губернии. Теперь в результате административных перекроек наше село и некоторые еще оказались в Елифанском районе в Рязанской области. Изучая историю в МИФЛИ, я все больше тянулся к общим вопросам исторического процесса. В МИФЛИ были прекрасные профессора на историческом факультете: Ю.В. Готье преподавал на первом курсе, профессор В.С. Сергеев читал лекции по истории Греции и Рима, профессор В.И. Авдиев — по Древнему Востоку, семинары по истории Греции вел Н.А. Кун, имя Вам небезызвестное. Профессор Н.А. Машкин проводил семинары по Древнему Риму. После безвременной кончины В.С. Сергеева профессор Машкин заведовал кафедрой древней истории в МГУ (после слияния с МИФЛИ). На втором курсе лекции по средневековой истории читали (и вели семинары) академики Е.А. Косминский и С.Д. Сказкин, профессора А.И. Неусыхин и Б.Ф. Поршнева. На третьем курсе я начинал как историк России. Историю я знал очень хорошо во времена, когда ее, в сущности, не преподавали. Мое детское увлечение историей началось, можно сказать, случайно. Отец, уехавший в Москву, прислал ящик с книгами, зная мое увлечение чтением, и там оказалось переложение для детей «Истории государства Российского» Карамзина, сделанное Александрой Ишимовой.

А.К. Для гимназий?

В.С. Вообще для детей.

А.К. Это было популярное чтение.

В.С. Да. Это было популярное чтение, но точное, со всеми главными фактами. Пушкину оно настолько понравилось, что свое последнее преддвуальное письмо он написал автору с похвалой за такую книгу. Она была достаточно подробна, и я, знаете, ТАК знал историю России!!! Память у меня, все отмечали, была незаурядной и даже феноменальной. Дерево Рюриковичей я нарисовал наизусть от Рюрика до Ивана Грозного. Да. Ну а в школе уже конфликт. Дело в том, что русскую историю изучали по «Российской истории в самом сжатом очерке» крупнейшего тогда академика-большевика М.Н. Покровского (его имя 7—8 лет носил МГУ, но книжка его совершенно вульгаризаторская, социологизированная книга). Вот я и взбунтовался. Я был такой бунтарского склада субъект.

А.К. Это в каком классе было?

В.С. В седьмом-восьмом классе. Учительница истории взяла меня за шиворот и направила к директору. Не туда идет. Монархические влияния какие-то. Мудрый директор школы спустил все на тормозах.

А.К. Троцкистские? Это 1930-е годы были, да? Начало 1930-х годов?

В.С. Это были 1933—1934 годы. Мой сначала сошкольник, потом согруппник Павел Коган, поэт...

А.К. Погибший.

В.С. Погибший на войне, да... В восьмом классе он каялся за какую-то переоценку Троцкого, а я увлекся Бухариным (*смеется*) в девятом классе. Очень прорабатывали, не приняли в комсомол. Я вообще считаю, что к философии нужно идти от конкретных знаний. И если ты ими увлечен и берешь широко, то с необходимостью приходишь к философии. Вот у меня получилось именно так. Поступая на истфак, думал: «Ну что такое философия, что-то неопределенное, туманное (правда, в 1936 и 1937 гг. приема на философский факультет не было), а тут я уже столько знаю». На первом курсе я увлекся не только русской историей, но и Античностью. На втором увлеченно штудировал средневековую историю. Записался в группу по истории Средних веков. На первом курсе вербовали на открывшуюся только что кафедру классической филологии на литературном факультете. И я не решился. Вот друг мой, Андрей Чеславович Козаржевский, много лет заведовавший кафедрой классических языков на истфаке, перешел и еще двое-трое перешли на эту кафедру.

А.К. Он тоже ифлиец был?

В.С. Он ифлиец и сокурсник мой. Я же не решился, считая, что для меня это слишком узко. Позже пожалел. Латынь мы изучали на истфаке, но не основательно, а греческий уже там потом, в аспирантуре. Но на третьем курсе понял, что мне нужно в философию.

А.К. А кто открыл эту кафедру классической филологии? Заведующим кто был?

В.С. Сергей Иванович Соболевский. Да. Он и оставался заведующим до войны, может быть, и после. Это был тогда самый квалифицированный эллинист, член-корреспондент АН. Латинскому языку нас обучал Александр Николаевич Попов.

А.К. Значит, Вы не пошли на классику, но все-таки решили пойти на философский факультет?

В.С. Но это решение созрело позже, года через два. Я бы и с классики перешел на философский факультет. В 1938 году, когда открылся прием на философский факультет, туда с истфака перешли семь наших студентов (Арзаканян, Егидес, Карпов и др.). Я же решился лишь через год.

А.К. А вот Вы назвали много профессоров — выдающихся историков...

В.С. Все они оказали на меня то или иное влияние.

А.К. А кто был на философском факультете, у кого можно было учиться?

В.С. Перейдя на философский, я, сдавая ряд естественно-научных предметов, пошел послушать семинар на четвертом курсе, оставшемся от приема 1935 года. Небольшой был совсем курс. В 1936 году не принимали, в 1937 году не принимали, прием на философский факультет был открыт снова лишь в 1938 году. Возникает вопрос: почему не принимали? Я думаю, что даже в сталинские времена понимали, как слабо наша молодежь подготовлена. Старые гимназии, школы разрушили, короткое время девятилетка была, в некоторых

районах были ШКМ — это школы крестьянской молодежи, в городах рабфаки — все это было, в общем поверхностное обучение. На факультет, кажется, и принимали-то по рекомендациям. Если были экзамены, то формальные.

А.К. А рекомендации чьи были?

В.С. Ну всякие, комсомольские. Вот Твардовский и Симонов поступали на литфак МИФЛИ по рекомендациям то ли Союза писателей, то ли чьих-то еще.

А.К. Ну, комсомол...

В.С. Комсомол, конечно. Десятилетка (первый выпуск состоялся в 1935 году) считалась уже серьезным образованием, им было охвачено, думаю, 5–10% всей советской молодежи. Так вот, придя на четвертый курс (сейчас уже ни одного в живых и нет), слушаю, они рассуждают о французском материализме без всяких источников, а я уже так не мог, это мне показалось странным, думаю, не перейти ли обратно? Но уже было неудобно, я боролся за этот перевод, меня директриса не пускала, ведь такая разница в учебных планах. Столько естественно-научных предметов. Однако декан Ф.И. Хасхачих и начальник первого отдела Яша Додзин не считались с директрисой и где-то в сентябре 1939 года сказали: «Хочешь переходить? Переходи завтра!» И я перешел. Философский факультет тогда равнялся одной кафедре — диалектического и исторического материализма. Но там был человек политически растущий и занимавшийся историей философии — Георгий Федорович Александров, будущий академик. В 1939 году он защитил публично первую в СССР докторскую диссертацию об Аристотеле. И открыл кафедру истории философии. Но после 1938 года тут, знаете, столько вакансий открылось в опустошенном ЦК. А.А. Жданов, которому была поручена идеология, перевел его сначала в Коминтерн, а потом в аппарат ЦК, где он вырос до начальника управления агитации и пропаганды. Вот. Но кафедру он оставил Б.С. Чернышеву, самому квалифицированному специалисту и весьма образованному человеку. Он успел окончить гимназию, первую московскую, филологически был очень подготовлен, отлично знал древние языки, переводил с греческого, немецкого, итальянского. Был очень добрым, открытым человеком. Мало уже тех, кто его теперь помнит, только я, С.Ф. Анисимов и, кажется, больше на факультете уже нет никого. Он рано умер, в 1944 году, в 48 лет. В аспирантуре он и был моим научным руководителем, можно сказать, старшим другом.

А.К. Почему?

В.С. Частичный ответ есть в книге А.Д. Косичева, который самого Чернышева не знал. Косичев приводит в своей книге письмо З.Я. Белецкого на имя Сталина о третьем томе «Истории философии». Но я вернулся на факультет прямо из госпиталя. В июне 1943 году окончил факультет в единственном числе. В следующем 1944 году, когда я был уже в аспирантуре, состоялось обсуждение в Секретариате ЦК III тома «Истории философии», и Борис

Степанович рассказал мне, как все это происходило и почему это произошло. Третий том — это лучший из трех томов, тех «серых лошадей», по которым занимались многие поколения студентов-философов.

А.К. Социальный заказ был?

В.С. Шла война. А тут, понимаете ли...

А.К. Третий том был посвящен немецкой классике?

В.С. Более половины его содержания посвящено немецкой классике. Затем европейская философия первой половины XIX века. Но ударили именно по немецкой классике. Инициативу здесь проявил профессор Э.Я. Белецкий. Он заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма с довоенных пор, но по совместительству был научным сотрудником Института философии, и более того (тогда это было возможно), с 1934 по 1939 год был там парторгом. Однако должен был что-то написать и написал некий труд по немецкой философии. В нем он доказывал, что не только от Фихте, который в условиях французской оккупации Германии обратился со своими речами «К германской нации» (1808), в которых призывал к моральному возрождению немцев и впадал во многие националистические преувеличения, но и от Гегеля шел прямой путь к немецкому фашизму и к Гитлеру. Рукопись эта, «разоблачавшая» важнейших философских предшественников марксизма и вообще малограмотная, вызвала возмущение ряда сотрудников Института философии (как рассказывал мне М.Ф. Овсянников, Георг Лукач, работавший тогда там, говорил ему: «Ведь это простая ужас. А все кричат, кричат»). После обсуждения рукописи Э.Я. Белецкий был из Института философии уволен (оставшись заведующим кафедрой диамата-истмата на философском факультете МГУ). После этого он быстро написал письмо Сталину, разоблачая теперь III том «Истории философии» как политически вредоносный. Вождь поручил разобраться с этой книгой на секретариате ЦК Маленкову, Щербакову и Андрееву. Они, разумеется, ничего не смыслили в немецком идеализме, но политически бдели. Идет война с немцами, а в книге много положительного о немецкой философии. Вызвали на обсуждение Белецкого, трех основных авторов по этому разделу — Быховского, Асмуса и Чернышева. Конечно, и трех высокопоставленных членов редколлегии — Александрова, Митина и Юдина (они ничего не писали, но вместе с первыми получили за все три тома Сталинскую премию). В ходе обсуждения первые три профессора, руководствуясь высказываниями «классиков марксизма-ленинизма», показали несостоятельность автора письма, который, будучи врачом по образованию, но окончивший Институт красной профессуры, по существу ничего убедительного возразить не мог. Однако Щербаков и Маленков репликами дали понять, что критики Белецкого «идут не туда». Где-то в апреле — мае 1944 года в «Большевике» появилась статья, осуждавшая III том, с которого была снята Сталинская

премия, и названных трех авторов. Митин и Юдин были сняты со своих постов (директора Института Маркса, Энгельса, Ленина и директора Института философии). Белецкий торжествовал.

А.К. Кстати, Фихте в 1930-е годы издавали, да? Выходили переводы?

В.С. Нет. Вышла только одна книга Фихте.

А.К. «Введение в наукоучение»...

В.С. Да, да, да. «Ясное как солнце сообщение широкой публике о сущности новейшей философии»...

А.К. «Ясное, как солнце...»...

В.С. «Наукоучение» было издано в однотомнике 1916 года. Классики, идеалисты в довоенные годы издавались, что называется, раз-два и обчелся. Впрочем, за исключением Гегеля, без которого нет диамата, вообще наметили выпустить 14 томов Гегеля, но до войны не успели издать «Феноменологию духа» и «Философию духа». Канта издали только «Прологомены», и мы читали по Канту лишь «Прологомены». «Критика чистого разума» в переводе Лосского, изданная в 1912 году, не переиздавалась.

А.К. «Прологомены» в чьем переводе? Не помните?

В.С. «Прологомены»...

А.К. Не В.С. Соловьева?

В.С. Нет. Был перевод некоего Сароджего. Шпет перевел «Феноменологию духа», вышедший уже после войны. А.Ф. Лосев, еще не доросший до высылки, в 1922 году успел издать вместе с другим переводчиком Николая Кузанского.

А.К. Лосев «не дорос» до корабля?

В.С. Потому что он другого поколения. Высланные были лет на 15–20 старше Лосева и Асмуса. Они проявили себя как завзятые идеалисты. Но, если вернуться к 1944 году, следует напомнить, что Энгельс озаглавил одно из главных своих произведений «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Когда шла война, правящие верхи проявили политическую зрелость. Немецкая классическая есть, а русской классической нет! В России она тоже есть! Все у нас есть. Четыре русских революционных демократа — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов — подлинно классическая философия. В 1944 году появилась и кафедра истории русской философии. Появились и анекдоты на эту тему.

А.К. Но тогда за это могли, наверное, упрятать кое-куда?

В.С. Могли, но даже в ежовщину были анекдоты. Но позже был и другой анекдот достаточно глупый, но доказывавший, что именно русские первыми открыли Америку, потому что была найдена бутылка, в которой записка: «Я, русский моряк Иван Перепупкин, открыл Америку за сто лет до Колумба». Возвращаясь к 1944 году, следует отметить, что П.Ф. Юдин заметил, что Белецкий хоть и профессор (окончил Институт красной профессуры), но никакой диссертации не защищал.

«ЧТОБЫ СЛОВАМ БЫЛО ТЕСНО, А МЫСЛЯМ ПРОСТОРНО...»

А.К. Не было защит диссертаций?

В.С. Да, не было защит до 1939 года. Мне передавали, что Маленков выяснил, что не только Белецкий, но даже Юдин, тогдашний директор Института философии, не защищал никакой диссертации.

А.К. Ведь в 1919 году были отменены степени, защиты.

В.С. Ну да... ну да...

А.К. Когда их восстановили? Вы не помните?

В.С. Первая публичная защита Г.Ф. Александрова (по Аристотелю) состоялась в мае 1939 года. Но еще до этого, в 1935 году Б.Г. Столпнер получил докторскую степень за перевод «Логики» Гегеля. Это, я считаю, правильно. М.Б. Митин получил степень доктора за редактирование первого учебника по диалектическому и историческому материализму в 1934 г. После публичной защиты докторской диссертации Александровым (он уже работал в ЦК) в начале 1940 года защищали свои докторские диссертации в Институте философии В.Ф. Асмус и Б.Э. Быховский в 1942 году, на философском факультете — Б.С. Чернышев. Белецкий, уже изгнанный из Института философии, «выдвинулся» своим письмом к Сталину.

А.К. Вы думаете, это была его собственная инициатива или он получил указание сверху?

В.С. Не думаю, нет. Это была его инициатива.

А.К. Выслужиться решил?

В.С. Видите ли, не так просто. Это была и его месть. За изгнание из Института философии. Передавали, что будто Александров говорил Сталину, что Белецкий невежда, на что вождь ответил: «Я это вижу, но у него политический нюх». Много подробностей обсуждения III тома «Истории философии» можно найти в книге нескольких авторов «Философия продолжается», а также в книге А.Д. Косичева «Записки декана философского факультета». После постановления ЦК 1944 года Митина сняли с поста директора ИМЭЛа, Юдина — с поста директора Института философии, Александров тогда уцелел. Подлинного редактора III тома — Б.Э. Быховского — самым непристойным образом выбросили из Института философии, где он заведовал сектором. Его сделали редактором БСЭ.

А.К. Большой советской энциклопедии?

В.С. Большой советской энциклопедии. Редактором. Так он там и работал до смерти Сталина. Потом перешел на кафедру философии в Институт имени Плеханова. Б.С. Чернышев вскоре умер.

А.К. Асмус остался, да?

В.С. Асмус остался, конечно. Хоть и виноват, но беспартийный. Впоследствии, уже после войны, за ним пришла машина (Валентин Фердинандович стал собирать вещи. Успокоили). Встречал его Молотов (будто был там и Сталин): «Просим Вас прочитать лекцию о логике».

А.К. Это было, наверное, немного позже, в 1947 или 1948 году.

В.С. Может быть ... Нет, нет, это было не в 1948 году.

А.К. Когда ввели логику как обязательный предмет во всех средних школах.

В.С. Это все-таки не позже 1946 года.

А.К. Я слышал эту историю о ночном вызове на заседание Политбюро.

В.С. Это все-таки Совет министров был. Не позже 1946 года. В 1947 году уже вышла его большая книга по логике.

А.К. Тогда ведь логика была обязательной в средней школе?

В.С. Ввели. Ввели ее. На философском факультете ее не было. Асмус прочитал по приглашению всего две лекции по логике и никаких других занятий, даже зачетов не было. Торжествовала «диалектическая логика».

А.К. А круг литературы, который был доступен тогда. То есть интерес к философии был и возможность, например, находить того же Гегеля в подлиннике...

В.С. Гегель как раз был. Не все 14 томов успели издать, как я выше сказал.

А.К. До войны?

В.С. До войны. Издали обе «Логики» и все другие произведения, «Философию духа» уже после войны в переводе.

А.К. Шпета?

В.С. Нет. В переводе Б.А. Фохта. А «Феноменология духа» — Шпета, который был уже расстрелян в 1937 году за что-то. Если бы Лосев попал не в ГПУ, а в НКВД, году в 1936-м, он тоже не вернулся бы. В 1930 году времена были, понимаете, по-своему романтичнее, «либеральнее». Юридической жене Горького (опубликовавшего против А.Ф. Лосева резкие статьи в «Правде» и «Известиях») Е. Пешковой, возглавлявшей РКК и имевшей связи в ГПУ, удалось, в пику своему бывшему супругу, «выцарапать» Алексея Федоровича (ему дали 10 лет) с Беломорканала. Возвращаясь к философскому образованию в МИФЛИ в довоенные годы, следует подчеркнуть, что изучению гегелевской «Логики» уделялось много времени (у меня сохранились подробнейшие конспекты), и дело не только в его воздействии на Маркса и Энгельса. Были опубликованы «Философские тетради» Ленина. Здесь будущий вождь предложил организовать «Общество материалистических друзей гегелевской диалектики». На многие годы воцарилась сумятица «диалектической логики». У многих наших профессиональных философов, полагаю, она не преодолена до сих пор. В «Философских тетрадях» Ленина имеются и другие конспекты. Пытался он читать и «Метафизику» Аристотеля, прочитал немного и споткнулся и «отвалил»: «диалектики не знает».

А.К. То есть Ленин воспринимался как канон философии?

В.С. Только в силу политической его роли. В философии же он был, по его собственным словам, «рядовым марксистом».

А.К. То есть легализировано и само понимание философии в советское время? То есть за философию стали принимать то, что ею не является.

В.С. Ну, это естественно. Философия трансформировалась в идеологию, марксистско-ленинскую, а ленинизм не равен марксизму, который подхватила социал-демократия — «рenegат Каутский» и др. Это хорошо понял В.М. Чернов, который сразу после смерти Ленина опубликовал статью о нем. Не злостную, объективную, не поносил его за то, что тот разогнал Учредительное собрание, но писал, что Ленин — государственный деловик, политический фехтовальщик и боксер — выводил свою партию из безнадежных положений. Вот в таком духе. Но чем закончил? Ум на запятках воли! Вот его характеристика, совершенно справедливая. Волонтерист, который вместе с Троцким сумел изнасиловать ЦК и взять курс на переворот, объявив его «социалистической революцией». Не только Каменев и Зиновьев, но даже Сталин (краткое время) предлагали образовать общесоциалистическое правительство.

А.К. Василий Васильевич, а вот в том круге людей, которые все-таки понимали философию не идеологически или не совсем идеологически, Вы упоминали Лосева, Фохта. Вот с ними Вам приходилось взаимодействовать, учиться у них?

В.С. В моей философской жизни большую роль сыграл Борис Степанович, но он рано умер...

А.К. Чернышев?

В.С. Чернышев. Он умер вскоре после этого постановления по III тому. Он сердечник был.

А.К. Волновался, наверное?

В.С. Да, конечно. Затем на многие годы моим учителем и вдохновителем стал В.Ф. Асмус. Кстати, Бердяев уже в Париже в своем журнале «Путь» дал в общем высокую оценку его «Очеркам истории диалектики в новой философии». Эта книга, по Бердяеву, свидетельствовала, что настоящая философия в СССР все же существует.

А.К. Лосева они замечали все ...

В.С. Ну, Лосев был вышиблен из философии после XVI съезда.

А.К. Лосский в «Истории» пишет...

В.С. Это уже после 1951 года.

А.К. Есть там главка о Лосеве в «Истории русской философии».

В.С. Да, несколько страниц. Но его авторские издания — 300 экземпляров «Античного космоса и современной науки», «Философия имени» и другие, охаянные на съезде Кагановичем и Киршоном, долго оставались в забвении.

А.К. Там восемь книг было.

В.С. «Философия имени» и другие. После возвращения с Беломорканала он на длительное время должен был замолкнуть. Лишь в конце сталинских времен и потом А.Ф. Лосев стал публиковать труды по античной мифологии уже сугубо с позиции марксизма. «Перестраивался». На факультете я с ним практически не общался, потому что я был на пятом курсе, а он читал лекции и

вел семинары на четвертом курсе. Какие-то случайные вопросы я задавал ему. Всерьез к нему вошел уже в 1950-е годы, когда он работал в Пединституте имени Ленина. Его удалили на кафедру классической филологии с философского факультета.

А.К. За гегельянство? По официальной версии?

В.С. Он ведь ходил в идеалистах, да еще сидел. Белецкий его в том письме, конечно, обозначил, он и Асмуса обозначил: «меньшевиствующий идеалист». На факультете к тому же произошли аресты студентов — Романова, Ревзона, Бармина. Бывшего декана Григория Георгиевича Андреева отправили в посольство в Лондон, через год отозвали, арестовали и дали 25 лет (отсидел полсрока и после XX съезда вернулся в МГУ). Я же году в 57-м пришел к Лосеву и А.А. Тахо-Годи. Они жили на даче в Загорянке. Когда я вернулся из Кореи, где пробыл два года, в 1955 году прочитал в «Литературной газете» рецензию Александра Ивановича Белецкого, украинского коллеги и друга Лосева (филолог был крупный) о труде А.Ф. Лосева по античной мифологии, опубликованном в «Записках Душанбинского пединститута». Большая статья, еще в сталинистском духе.

А.К. Сейчас, наверное, они не перепечатаны нигде, в Собрании сочинений Лосева есть?

В.С. Аза Алибековна этого не допустит. Да иначе и писать тогда было нельзя. Но я обрадовался, все-таки Лосева снова печатают, пришел к ним, они слышали обо мне. Азу Алибековну я немного знал, работая в МАПИ. Научил их ловить Би-би-си. «Вася, вот рецензию бы мне, другую книгу теперь выпускаю, “Олимпийская мифология в историческом развитии”. Поможете?». «Ну а чего, рецензию надо опубликовать. Это Вам поможет». И я опубликовал эту рецензию в 1958 году в «Вопросах философии». После XX съезда атмосфера понемногу менялась, улучшалась. Все больше открывался путь Лосеву-писателю. Малинин, ныне покойный, заведовал тогда редакцией Издательства иностранной литературы, там он в 1960–1961 годах опубликовал книгу Хюбшера «Великие философы», а Лосев написал послесловие. Примерно раз в году, когда они стали жить у Спиркина в Отдыхе, мы с М.Ф. Овсянниковым приезжали к ним. И нередко на целый день, вели многие разговоры на всякие темы.

А.К. А когда Вы к нему пришли, Вы знали его работы 20-х годов? Или только понаслышке?

В.С. Я кое-что знал, хотя достать их было еще трудно, они находились в спецхране. В.Ф. Асмус, познакомившийся с ним приблизительно в 1928 году, высоко ценил его как знатока платонизма мирового масштаба. Вместе с тем его, конечно обидели. Он считал себя философом, а его заключили в филологию. Когда Хюбшера выпустили с послесловием Лосева, сидим мы с Асмусом

на Ученом совете, он листает это послесловие. «Ну и откальывает на старости лет! Прямо громилой стал. Бешеный темперамент, но он нас всех переживет». А в прошлом, как известно, Алексей Федорович был имяславцем, а это воинствующая секта. Кроме того, как сообщила Аза Алибековна уже после его смерти, Алексей Федорович был тайно пострижен в монахи (Андроник) совместно с Валентиной Михайловной, тогдашней супругой. На XVI съезде ВКП(б) Каганович его лишь упомянул, а выступавший в прениях известный тогда драматург Киршон, один из руководителей советских писателей, держал прокурорскую речь, обличая многих, сказав и о Лосеве. «Вот, — говорит, — книги Лосева, издание автора, в них есть и антисоветчина». Мы спрашиваем в Главлите: «Как Вы могли пропустить такое? Ведь это издание автора, к тому же тут философские оттенки». «А мы считаем, — гремел Киршон, — что за такие оттенки не мешает ставить к стенке (с ним так и поступили в 1938 году)».

А.К. Горький примерно в том же духе тоже о Лосеве высказывался.

В.С. Правильно. Горький ведь просветитель, а Лосев для Горького — реакционер и т.д. Тут Алексей Федорович написал еще кое-что в своей «Диалектике».

А.К. Дополнения к «Диалектике мифа»?

В.С. Дополнения к «Диалектике мифа». Арестовали и в тюрьму на Лубянку, дали 10 лет и отправили на Беломорканал. В журнале президентского архива «Источник» опубликовано следственное дело. Прочитайте.

А.К. Читал.

В.С. Читали? Значит, имеете представление, хотя Аза Алибековна говорит, что следовательница Герасимова (сестра режиссера) много сфальсифицировала. Произойди все это году в 1936-м, подобно Шпету и Флоренскому, Лосев не вернулся бы, а так «легко отделался». Алексей Федорович смолоду носил сильные очки. На канале он почти ослеп. Видел немножко, но читать уже не мог. Он диктовал все последующие работы — проверял их на слух. При помощи Е.П. Пешковой удалось освободить Алексея Федоровича и даже снять с него судимость. Он был философом широкого диапазона. Он сделал очень много, особенно по античной культуре и философии. Главное — это издание Платона с великолепными комментариями. Правда, ни одного учебного пособия по философии, по-моему, не издал. Единственное учебное пособие по античной литературе с его участием есть. А Вы знаете, какой объем его «Истории античной эстетики»? Фактически это история философии культуры с эстетическим аспектом. Восемь томов, шесть с лишком тысяч страниц.

А.К. Да еще с двумя полутомами.

В.С. Это прекрасный труд, но для специалиста.

А.К. А «Эстетика Возрождения»? Вы занимались Возрождением профессионально, учебник написали и монографию. К лосевской позиции как Вы от-

носитесь? Вы в оппозиции к ней? Все-таки Лосев очень не любил Возрождение. Он даже на Вас ссылается в «Эстетике Возрождения», если я не ошибаюсь?

В.С. Историки и эстетики Ренессанса собрали и перевели очень хороший двухтомник «Эстетика Возрождения». Два тома страниц по 400–500. И почему-то, это не очень ясно, заказали предисловие А.Ф. Лосеву объемом в четыре листа. Алексей Федорович диктует, а когда диктуешь, это ведь совсем другое, чем писать: в общем, написал он 16 листов. Искусствовед-ренессансист член-корреспондент РАН В.Н. Граценков написал резко отрицательную рецензию. Алексей Федорович, как говорят, не растерялся, к 16 листам прибавил еще листов 30 и представил книгу в издательство «Мысль», его авторитет был уже велик и его издали. Историки-ренессансисты очень ее критиковали.

А.К. Были рецензии?

В.С. Вскрывали противоречия, выявляли влияния Бухардта, крупнейшего историка культуры XIX в. «Эстетика Возрождения» все же некий зигзаг в творчестве Алексея Федоровича. По моему же убеждению, его «достояние навсегда» — издание Платона с прекрасными комментариями. Мы с А.В. Гульгой помогали как могли (в частности со вступительной статьей к этому изданию).

А.К. А Фохт? Ведь он никуда не попал, не сидел.

В.С. Да не за что. Это был человек не от мира сего.

А.К. Это ведь фактически единственный идеалист, который из круга дореволюционных философов остался.

В.С. Он писал в стол. Много переводил с древних языков. Он учился у Когена и Наторпа. Русифицированный немец. Его не пускали на педработу как кантианца. А в узком кругу, мне рассказывали, он говорил: «Вот говорят, что я неокантианец, да какой же я неокантианец, я ведь неоплатоник!» Перед войной вышел второй том докритического Канта (ясно, почему только докритического). В его «Истории и теории неба» сильна материалистическая тенденция, как считал Энгельс (к тому же здесь Кант «пробил брешь в метафизическом мышлении»). Но до войны вышел только второй том его докритических работ. В послевоенных сочинениях Канта эти переводы использовали. Б.А. Фохт был изумительно добрый человек и педагог, отдававшийся ученикам (П.В. Копнин, будущий директор Института философии, написал свою кандидатскую работу, чуть ли не выходя из его квартиры и пользуясь его библиотекой).

А.К. Он в МГУ преподавал или в МГПИ?

В.С. Я-то его не знал, не познакомился. Его перевели, выгнали в Горпединститут. Там П.В. Гагарин тогда заведовал кафедрой, тоже добрейший человек. Он правильно изображен в воспоминаниях Косичева. А вот Борис Григорьевич Сафронов, умерший не очень давно, он работал там же, он мне говорил, что однажды Фохта все же допустили вести семинары по «Материализму и эмпириокритицизму». И он начал громить Ленина: что это за произведение!

Здесь полно противоречий! Здесь источники не даны полностью. Так испугались, мгновенно его сняли и больше не пускали. Он умер в 1946 году, ему было всего 70 лет. К сожалению, я с ним так и не познакомился, ибо в 1943 году, когда я вернулся на факультет, его удалили в Горпединститут. В 1950—1960-е годы мы много сделали по изданию классиков прошлого. Мы, т.е. Гулыга и я, руководили (де-факто) подбором и изданием библиотеки «Философское наследие» (политическим руководителем был назначен М.Б. Митин). Я позже организовал и «Памятники философской мысли».

А.К. Это Ваша инициатива была?

В.С. Все сделал я. Председателем редколлегии был назначен академик Б.М. Кедров. Он в издательство звонит и говорит: «Ну, я номинальный руководитель. Василий Васильевич все делает. Пожалуйста, считайтесь с этим». «Философское наследие» — это 100—150 томов. В «Памятниках философской мысли» значительно меньше, потому что эта серия была организована позже. Но все же был осуществлен большой прорыв. Конечно, историки философии были в лучшем положении, чем диаматчики, истматчики, не говоря уже о научных коммунистах. Потому что они обязаны были исправлять там программы после каждого партийного съезда, иногда и после пленума. Мы от этого были свободны. Но все же были обязательны догматические парадигмы Маркса—Энгельса—Ленина, с которыми нельзя было не считаться, нужно было танцевать от них. Все это было очень схематизировано, политизировано, идеологизировано, да и не верно! Но я все-таки, так сказать, подрывную работу вел. Был, например, круглый стол в 1967 году в «Комсомольской правде». Там были многие: Ильенков, Нарский, Феликс Михайлов и др., а организовал Саша Ципко. Тогда он был молодой, работал в ЦК ВЛКСМ. Он организовал этот «стол». Мы там «распоясались»: начали говорить, что историю философии изображают догматически и схематически — борьба материализма и идеализма и т.д. А это не прямые линии, а пересекающиеся. Потом отчет об этом А.С. Ципко опубликовал в «Комсомолке». Проработали меня на Ученом совете факультета. Потом вызывали и на методологический семинар Ленинского райкома и тоже «разоблачали».

А.К. А деканом тогда был Молодцов?

В.С. Деканом был Молодцов. Самый длительный декан в истории факультета — 15 лет сидел. Но на заседании Ученого совета больше всего бушевали М.Т. Иовчук и И.Я. Щипанов.

А.К. Вы ведь писали докторскую о Спинозе, да? То, что это такая фигура, которую постоянно за уши к материализму притягивали.

В.С. Не только в этом дело. Спиноза очень сложный.

А.К. На Вашу позицию эти идеологические шоры вынужденно оказывали какое-то влияние? Или Вы старались как-то их обходить?

В.С. Как говорят, хороший вопрос. Я это, конечно, знал. Прочитал огромное количество литературы, зарубежной и русской. Спинозу у нас жестко отнесли к материалистам (над чем издевался А. Богданов в одной дискуссии 1927 году). Но многое определяли слова Плеханова, будто в его разговоре с Энгельсом, обсуждая спинозизм, он сказал: «Значит, можно считать, что марксизм — это род спинозизма?». Энгельс согласился. В 1932 году, в 200-ю годовщину рождения Спинозы, его вознесли до небес. Материалист своеобразный, да и диалектик. Я же убеждал, что его материализм — это лишь одна механицистская часть спинозизма. В «Богословско-политическом трактате» есть место, где автор говорит: «Кто-то принимает меня за приверженца материи, но кроме материи есть и иное бесконечное». Два атрибута: материальный атрибут — протяженность (как и у Декарта), мышление — другой атрибут (тоже по Декарту). И мышление столь же объективно, сколь объективна и материя. Они оба «первичны»: метафизика Спинозы — пантеистический натурализм. В этой диссертации, «Философия Спинозы и современность» (она вышла в 1964 году как большая книга), 400 страниц. Последнее слово ее названия называли не только мне, ибо без него, мол, страна «уходит в прошлое».

А.К. Сейчас Вы переиздали бы книгу, если бы была возможность?

В.С. Переиздать-то можно, но уж очень много литературы новой появилось. Хотя ее можно издать и литературу приложить. Там множество вопросов новых рассмотрено. Там проблема Бога всерьез. Это та проблема, без которой метафизики нет и быть не может. А.Ф. Лосев, которому я книгу, конечно, подарил, сказал мне: «Вот, Вася, теперь и Бога можно описать в философии. А ведь заговори я об этом в те годы (20-е, 30-е) мне сказали бы: “А зачем ты нас в церковь-то зовешь?”».

А.К. Спор Введенского с Соловьевым.

В.С. Да. И это.

А.К. Атеист Спиноза или нет?

В.С. Современники и многие в последующие времена считали его атеистом. Но Спиноза решительно против этого протестовал, ибо атеизм для него синоним аморализма. Однако и для Вашего Плеханова Бог Спинозы только привесок.

А.К. Ну, нашего только по кафедре истории русской философии.

В.С. Я увидел, что и Плеханов, на которого (как на философа) молился, — закоренелый марксистский догматик.

А.К. На философском уровне народников. Лавров и то выше.

В.С. Ленина, как и Плеханова, особенно великолепно отработал Богданов. Вот Богданов — это голова. Почему у нас его слабо издают?

А.К. Сейчас очень много пишут о Богданове, много статей появляется.

В.С. А поляки его «Тектологию» в советские времена переиздали. Теперь вот совсем другой вопрос о философских дискуссиях в советские време-

на. Все это были псевдодискуссии. Возьмите дискуссии 1947 года по книге Александрова. Я все пять дней присутствовал на них. В президиуме Жданов, Кузнецов, Шкирятов и появился кто-то аскетического вида в пенсне. «Кто такой?» «А это, — говорят, — новый секретарь ЦК Сулов». Довольно горячие споры вели между собой участники, пока не выступил «в порядке прений» А.А. Жданов. И всем стало ясно, для чего было организовано обсуждение слабой книги начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. После речи Жданова в кулуарах в порядке «черного юмора» говорили: «Философская работа — кратчайшее расстояние между двумя цитатами или цитата из классиков с замечанием в скобках «разрядка моя»».

А.К. Вы говорите, Быховский серьезно писал по истории философии?

В.С. Быховский — это третий том «Истории философии». Много выше книги Александрова, сравнить невозможно! Быховский, конечно же, не Александров. Хорошо образован, успел окончить гимназию, хорошо знал языки, стилист неплохой, но, правда, несколько самоуверенный. Я говорю: «Валентин Фердинандович, неплохо, по-моему, пишет Быховский». «Да, Василий Васильевич, но он нарцисс собственной чернильницы». (Один из оппонентов по моей диссертации.)

А.К. Это кто, Асмус сказал?

В.С. Это Асмус о Быховском! Асмус вообще-то мало раскрывался. Он был сугубо осторожен. Его множество раз прорабатывали. В АКВ (Академия комвоспитания имени Крупской, которую, кстати, организовал Богданов), где учился Иовчук. Он там тоже по совместительству работал. Но его как «меньшинствующего идеалиста» разбили в 1931 году. Ю.Н. Бороненков работал у нас. Он учился в АКВ вместе с Иовчуком. Этот говорил: «...чего же он там цитирует попа Введенского». А Асмус цитировал не церковного обновленца, а Александра Ивановича Введенского, у них совпадают инициалы. В общем, его проработали и изгнали. По словам профессора Харабинского, возглавлявшего кафедру в АКВ, студент-ударник М.Т. Иовчук, выступая в проработке, говорил: «...он не меньшевистствующий идеалист, он меньшевистский идеалист!» Отсюда политический момент: меньшевистствующий — это туда-сюда, а меньшевистский — это чисто политическое обвинение. И в тот же вечер явились какие-то слушатели АКВ, стали выбрасывать пианино и другие его вещи из комнаты в общежитии ИМЭЛ, где он жил.

А.К. Где это?

В.С. Двухэтажный большой особняк за Музеем Пушкина.

А.К. А, за Музеем Пушкина. Понятно.

В.С. Вот. Он тогда говорил мне, что он стоял на учете в кооперативе, и взмолился, сказав, что там стоял еще Деборин: «У Абрама Моисеевича все-таки есть, где жить, а мне-то негде. Нужно выезжать из общежития, куда же

мне выезжать?» Ему все же дали кооперативную квартиру. Тогда это было еще возможно. И Асмусу дали квартиру на Смоленском бульваре.

Среди философов-политиков наиболее способным был все же Г.Ф. Александров, выдвигенец А.А. Жданова. Наш профессор Г.С. Васецкий (одно время заведующий кафедрой истории марксистской философии) говорил мне, что дискуссия по его книге отчасти была подсказана Сталину Маленковым и Берия, «копавшим» под Жданова. В дальнейшем уже Хрущев сбросил его с поста министра культуры по сомнительного делу о притоне, где они развлекались с актрисами. И его отправили в Белоруссию.

А.К. В ЦК бросили?

В.С. Нет, не в ЦК. В ЦК работал Иовчук, еще в 1947 году. Александрова послали в Минский университет. Страдая алкоголизмом, он заработал цирроз и умер в 1961 году в возрасте 53 лет. А Иовчука еще до этого перебросили на кафедру в Свердловский университет. Человек он был философски малограмотный, истории философии всерьез не знал. Вместе с тем он был прекрасным говорильщиком, а на этом они все выдвигались: Иовчук, Константинов. Константинов тоже пустой-препустой. Это тот академик, у которого ни одной книги не было.

А.К. Ну, кроме учебника под его редакцией.

В.С. Истмат. Он там написал предисловие. Он был редактором «Философской энциклопедии». Реально-то Спиркин все делал и члены редколлегии. Другой заместитель Александрова, П.Н. Федосеев, когда работал в ЦК, умел держать язык за зубами. Человек умный, закрытый, тоже никакой не философ, но он и не лез всерьез в философию. А Иовчук лез, и он первый, кто стал читать лекции по русской философии перед войной. А что такое русская философия, спрашиваете? Это, конечно, четыре-пять революционных демократов, излагаемых схематично и догматично. О русском идеализме, Соловьеве и других длительное время нельзя даже было упоминать всерьез. Если у немцев есть классическая философия, что весьма энергично подчеркивал Энгельс, то она должна быть и в России: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов...

А.К. И Писарев.

В.С. Ну, тут иногда приплетали Ломоносова.

А.К. То есть Иовчук создал этот пантеон?

В.С. Если хотите, создавать его не надо. Они все-таки русские предшественники марксизма. Они революционные демократы. Они наши, они родные. Ну не Соловьев же, понимаете ли! С Введенскими, Трубецкими и прочими. И даже Струве.

А.К. Но ведь могли включить туда Михайловского, Лаврова. Ведь не включили?

В.С. Все это эсеровские, знаете, предшественники и вдохновители. Но постепенно, по мере того как о Чернышевском, Герцене, Белинском и других рево-

люционных демократах защищались десятки и сотни диссертаций, а догматизм идеологии расслаблялся, диссертации стали защищаться по более «либеральным», не очень-то приверженным марксизму мыслителям. Так, В.В. Богатов, одно время заместитель декана и заведующий кафедрой, в 1972 году защитил диссертацию «Философия П.Л. Лаврова». Постепенно нарастал интерес к русским идеалистам. В годы перестройки и дальнейшего краха марксизма-ленинизма повернулись к Соловьеву и другим идеалистам, которые едва ли не полностью выгнали революционных демократов. Вместе с тем максимально ослаб догматизм в философской методологии (хотя он и остается в парадигмах «материализм-идеализм», «диалектика-метафизика»). Не то, что в 60—80-е годы. Я лет 20 работал в ВАКе, каждое заключение начиналось со слов о том, что работа написана на основе марксистско-ленинской методологии, хотя вся эта методология в конце концов из нескольких цитат состояла.

А.К. А было хоть одно заключение, где отсутствовали эти слова?

В.С. Отсутствовали? Тогда ее просто не пускали, да Вы что... И все рецензенты считали, что так и надо.

А.К. Ритуальные фразы все писали?

В.С. Не только фразы, но еще и цитаты, притянутые сплошь и рядом, за волосы, как говорят. Но и все же я в 1964 году выпустил книгу, она для тех времен, можно сказать, новаторская, да я и сейчас бы мало что в ней изменил. При защите в 1962 году лишь один голос был против. Это был голос Веры Александровны Фоминой, философесса у нас была такая (умерла в 1986 году). Икапистка, специализировавшаяся по Плеханову и воспринимавшая Спинозу только как материалиста. Между прочим, первый доктор философских наук в СССР. Но философски совершенно малограмотная, тем не менее ездила на сессии ООН, возглавляла там даже какие-то комиссии.

А.К. А вот это разделение, которое волей судеб образовалось: Иовчук и Ваша кафедра. Как Вы считаете, это случайность и должно ли вообще в историко-философской ситуации так быть, что одна кафедра занимается русской философией — другая...

В.С. Я много раз говорил при Иовчуке (с ним у нас отношения, что называется, не сложились), что должна быть единая кафедра.

А.К. Иовчук ею не заведовал фактически, Щипанов был заведующим кафедрой?

В.С. После обсуждения и осуждения III тома в ЦК была образована кафедра истории русской философии и ее возглавил Иовчук, а после того как его послали в Минск, заведовать ею стал его заместитель Щипанов. Иовчук возглавил кафедру и журнал «ПЗИ» (вскоре закрывшийся). А для Г.Ф. Александрова ситуация осложнилась: дело в том, что появление на философском факультете Лосева и Попова произошло с его санкции, каким бы он ни был... А реально эту акцию проводил Н.Т. Тараканов, работавший в отделе

ЦК у Александрова. Так, на факультете в 1942 году появились А.Ф. Лосев и безупречный П.С. Попов. Но Александров «вывернулся». Более того, в 1946 году они, т.е. Александров, три его заместителя — первый (Федосеев), второй (Иовчук), третий (Еголин, литературовед, бывший деканом литфака МИФЛИ) — проходят в Академию наук: Александров — сразу в академии, а его заместители — в член-корреспонденты. Когда Сталин прочитал книгу Александрова «История западноевропейской философии», она ему не понравилась, хотя и получила Сталинскую премию I степени. Теперь он изменил свою позицию в другую сторону... Он по-своему был неоднозначной фигурой и все они были византийцами. Возможно, не без наговоров Берия и Маленкова, «копавших» под Жданова. Сталин вызывает Сергея Ивановича Вавилова, президента Академии наук СССР, и спрашивает: «Каким образом все управление ЦК по пропаганде оказалось в Академии?» — «Товарищ Сталин, — говорит Вавилов, — нам рекомендовало их ЦК». Фактически с 1929 года все кандидатуры в АН СССР (особенно гуманитарные) избирались по санкции ЦК, хотя постепенно его роль в этом ослабевала. «Ах, мнение ЦК? Я вот Вам такого мнения не передавал. Может, товарищ Жданов?» — «Нет, товарищ Жданов нам тоже такого мнения не передавал». — «А кто же Вам сообщил мнение ЦК?» — «Товарищ Иовчук!» — «Ах, товарищ Иовчук? А нельзя ли всех обратно?» — «Товарищ, Сталин, устав-то ведь давно существует и нужно менять его...» — «Ах, понимаю, понимаю, конечно, устав... Ну, ладно, мы примем свои меры». И вот тогда Иовчука вышибают в Белоруссию. Секретарем ЦК по пропаганде. Это было большое понижение. А по книге Александрова назначают первую дискуссию в январе 1947 года в Институте философии, которая, однако, их не удовлетворила. Но Белецкого, там выступавшего, сильно избili, помню.

А.К. Избили в переносном смысле?

В.С. Председательствующий там В.С. Кружков (директор ИМЭЛ), один из редакторов III тома «Истории философии», подвел «итог»: «Пусть ни один волос не упадет с головы товарища Белецкого, но он не марксист». Это достаточно произвольно, конечно: марксист — немарксист. Но Белецкий, думаю, струхнул. Хотя и эта дискуссия «верхи» не удовлетворила, была назначена новая, которая состоялась в июне 1947 года.

Повторяю, что эта дискуссия была назначена не без нашептываний Сталину (который дал книге Александрова премию I степени) Берия и Маленкова, ибо Александров был выдвигенцем Жданова. А Жданов (загадочно умерший через год после дискуссии 1947 года) — это ленинградская группа. Вознесенский, Кузнецов и, кстати, Косыгин, слава богу, уцелевший, но пониженный. Это была мощная группа в ЦК. А Кузнецову, секретарю ЦК, дали надзор над органами, я его помню, мужчина серьезный такой. Жданов сидел

в президиуме... И вот идет дискуссия, Жданов передает председательствованию Кузнецову, который объявляет: «Следующий товарищ Жданов, приготовиться товарищу Васецкому». Что значит Васецкому приготовиться? Жданов, значит, скажет то, что нужно. Ради чего все это собрали. Бедный Григорий Степанович (он был директором Института философии). Добрый, малограмотный философ, Царство ему небесное. Вот такие были дискуссии. Нужные выводы были делались еще до их начала. Вспомним дискуссию по языкознанию. В отличие от дискуссии по слабой книге Александрова, усилившей догматизм в философии, она сыграла полезную роль, потому что филологи страдали от концепции Марра. Марр был большой лингвист. Но его концепция была фантастической. Сталин-то знал и, когда дискуссия была в разгаре, он пригласил редактора «Правды». «Вот Вы знаете, тут уже выступило много солидных москвичей и тбилисцев, а тут мне прислал статью один молодой человек. Я почитал, она, мне кажется, тоже может быть опубликована, приезжайте ко мне, пожалуйста, мы посмотрим эту статью. Может быть, Вы ее опубликуете». Приезжает редактор, читает, «молодым человеком» оказывается сам Сталин. «Да, да, товарищ Сталин, интереснейшая статья». С самого начала он так и задумал дискуссию. И сделал новое «открытие»... Язык — это не надстройка над базисом. Идеология — надстройка, но язык — это не идеология. А марристы считали, что язык это надстройка. Надстройка. Но все-таки, вот это, понимаете, вульгаризаторство. Сталина Соболевский защищал уже после его смерти. Чего же его критиковать, да он же правильно нам сказал, что язык не надстройка, а то нас били, били. Сталин «открыл глаза» и разбил «аракчеевцев» — марристов-«троглодитов», господствовавших в языкознании. Так что в целом эта дискуссия оказалась полезной, даже прогрессивной. Эти дискуссии, правда, были по-своему интересны, потому что в пределах всех этих марксистских, ленинских формул, высказываний что-то можно было сказать.

А.К. Тема с вариациями.

В.С. Если хотите. Другое дело, соотношение формальной и диалектической логики, обсуждавшееся многие годы...

А.К. А в 60-е годы изменилась как-то ситуация? Дискуссии о природе идеального проходили? Более свободные стали?

В.С. Ильенков выступил с тезисами на эту тему. Вместе с Коровяковым. Но, собственно, мозговой трест-то был Ильенков. Я к нему очень хорошо относился как к человеку и хорошо отношусь посмертно. Он был аспирантом у Ойзермана.

А.К. Ойзерман был на Вашей кафедре?

В.С. Ойзерман заведовал нашей кафедрой. Стал заведовать после В.И. Светлова, приблизительно в 1954 году. Но... видите ли... Ильенков, а потом Мамардашвили, тоже аспирант Ойзермана, плохо знали историю фило-

софии. При свободном философствовании у них что-то получалось. Ильенкова много хвалили, в частности за его книгу «Диалектика “Капитала”», выросшую из курса ойзермановских лекций. Когда я пришел на факультет (четыре года я тут не был из-за Белецкого) и стал читать лекцию на истфаке, жалобы какие-то пошли. Ну, я только начинал читать историю философии. Диамат-то я читал по Сталину, как дважды два четыре просто. Теодор Ильич пришел ко мне на лекции и говорит: «Да ничего страшного, ты правильно все говоришь, но лектора из тебя не получится». — «Почему?» — «А ты трепаться не умеешь». Я стал посещать его лекции. Да... Ойзерман, конечно, мастер слова. Иовчук, кстати тоже, хотя философски малообразован... Константинов — «лирический марксист», довольно умелый говорун. Вот Федосеев скучно говорил. Но Ойзерман выше их всех, да и философски куда как более подкован. Слушаю его лекции: одну, другую, третью. Вслушиваюсь внимательно... А что он, собственно, сказал? Диалектика «Капитала», как раз. «Ты знаешь, — говорю, — ты прав, лектор из меня не получится, потому что если бы я говорил то, о чем ты тут говорил полтора часа, у меня бы через 15 минут в горле пересохло. А ты заливал ой-ой-ой».

А.К. То есть риторика была способом выживания в тех условиях?

В.С. Если хотите, да. Но это все же не просто риторика. Многие философские термины и их, какая-никакая, концептуальная связь. Диалектика так называемая...

А.К. Этому ведь не учили. Цицерона ведь не читали. Курса риторики не было.

В.С. Ну, видите ли, это не риторика. Это, если говорить об Ойзермане, национально-семейное творчество. Евреи к языкам приспособлены. Почему, Троцкий был таким оратором, которого современники сравнивали с Цицероном? Кстати, не меньшим оратором был Керенский. Передают со слов его секретаря: была патриотическая ситуация, нужно было вдохновить, чтобы пожертвовать во имя победы. Керенский держал короткую речь, присутствующие дамы расплакались, стали срывать с себя драгоценности, бросать, чуть ли не раздеваться. Так что дело не в организованной риторике, которой, кстати, учил Андрей Чеславович Козаржевский. Риторика-то — дело более серьезное. А это просто стихийная речь. Вы знаете, кто отличался стихийной речью, красноречием? Мистики! Бернар Клервоский. Это же был такой оратор. Рыцарей повернул на Второй крестовый поход. Нужно иметь предельную убежденность. Вот Иовчук был хорошим оратором, и на этом он сделал карьеру, а как философ он совершенно ничего собой не представлял. Западной истории философии он не знал совершенно, потому и русскую трактовал дубово. Сводил все к ленинизму. Дважды баллотировался в Академию, дважды проваливался. Он защищал докторскую диссертацию по русской философии. Митин был одним из оппонентов. Официальным. Все как надо, прошел. Через буквально

2—3 недели должен был пройти на члена-корреспондента, а недоктору неудобно было. Он был остроумен, Иовчук, он дал два «псевдонима» Митину. Это теперь широко известно, только забыли, кто это, но это Иовчук. Первый «псевдоним»: Мрак Борисович Мутин, а второй «псевдоним» — связан с тем, что Митин любил толкать речи, а говорил он достаточно серо, неинтересно. Так вот этот «псевдоним» — Маркс Борисович Митинг! Да, вот такие были времена.

А.К. А работа, которую Вы сейчас пишете, как-то связана с методологией истории философии?

В.С. Она пишется по парадигме субъект-объектности, которая, по-моему, дает возможность более обобщенно, эвристично излагать материал по проблемам, в основном по проблемам. Конечно, есть фигуры — Платон, Аристотель, Кант, их никак не растворишь в общей проблематике. Но они все равно излагаются в контексте субъект-объектной проблематики. Вот Эриугена тоже отдельно, потому что и эпоха такая, понимаете. Он не вписывается в эту эпоху: Гегель IX в.

А.К. То есть Вы хотите всю историю философию как бы заново посмотреть в контексте субъект-объектности?

В.С. Действительно так. Не знаю, сколько мне Бог отпустил. Через год, я надеюсь, подам все это до эпохи Просвещения, начиная с мифологии. А там, если... Я в церковь не хожу... Но считаю, что Бог как проблема необходим. Без нее нет метафизики, значит, нет высшей философии. Вот эта идея...

А.К. Но означает ли это, что, например, надо вводить теологию в высшей школе? Философия и богословие — это соратники, союзники или антагонисты все-таки, как Вы считаете?

В.С. Философию и теологию я там рассматриваю как конвергенцию мировоззренческих форм. Это значит, что очень их трудно бывает отделить философию от теологии, а в Средние века просто невозможно. Более того, марксизм — это идеология религиозная, хотя и светская, и это не парадокс. Какой признак идеологии? Авторитарность, массовость. Какой признак философии? Индивидуальность, личностность. А вот насчет «преподавать — не преподавать», ну что Вам сказать, история философии убеждает, что даже смелые философы осторожничали, например, Декарт, Спиноза, ибо в XVII в. объявление в атеизме равно обвинению «враг народа» в 1937 году. Все они писали по-латыни. Гассенди, священник, был эпикурейцем, но писал только по-латыни. Спинозе предложили перевести «Богословско-политический трактат» на голландский язык. Он этому решительно воспротивился. Почему? Потому что, писал он в том же произведении, «Библия принесла народу большое утешение». Народ — это толпа. Чернь, *vulgus*, не может жить без религии с ее суевериями. В русском языке мы переводим теологию как богословие. У западных философов — это *theologia inspirata*, богооткровенная теология. Это

богословие по-русски. У Аристотеля теология завершает метафизику учением о едином Боге, перводвигателе, философском Боге.

А.К. А религиозная философия для Вас — это деревянное железо? Или все-таки Вы допускаете ее существование?

В.С. Да вот как сказать. Был спор во Франции, в частности между Брейе и Жильсоном. Жильсон — крупнейший медиевист-философ, сказал: «Да, религиозная философия должна быть!» А Брейе: «Какая?»

А.К. Брейе — это издатель Плотина?

В.С. Да, но потом его многотомная «История философии» вышла. Он был весьма квалифицированным ученым, давно умер, как и Жильсон. Он отрицал саму возможность религиозной философии, философия для него светская. Но, повторяю, в силу конвергенции и дивергенции мировоззренческих форм возможна религиозная философия... Ну вот, надеюсь, моя книга выйдет. Она будет называться «Историческое введение в философию». Там эта проблематика будет развернута подробно. И тут сразу вопросы: «Вы историю философии пишете?» Но историй философии уйма. Они чем отличаются? Тем, что пересказывают, как правило, персональные идеи многих философов хронологически. Конечно, и по именам можно и нужно излагать идеи различных философов. Студенту ведь что нужно? Что сказал Демокрит и что сказал Платон. А проблемное изложение обобщенно. Я делаю такую попытку. И я уже многое написал. Получится листов 50—60, но если будут годы и если бог, так сказать, даст.

А.К. Философский бог.

В.С. Да, философский. Бог философов. Другой мне непонятен.

А.К. Как построен Ваш рабочий день, Василий Васильевич? Вы много работаете?

В.С. Я работаю много, хотя, увы, неумело. Поэтому, наверное, и Ойзерман меня учил, когда мы работали с Ойзерманом вместе: умей работать, умей отдыхать и умей держать язык за зубами. Вот я не научился. Работать, думаю, научился, отдыхать не умею и язык за зубами не умею держать.

А.К. Вы пишете ручкой?

В.С. Увы, ручкой. Я не овладел компьютером. Учиться, говорят, долго, а времени у меня осталось мало.

А.К. А вот процесс писания сколько занимает, когда Вы садитесь за письменный стол?

В.С. Да по-разному, видите ли... Больше всего уходит времени на концептуальное обдумывание. Оно часто занимает больше времени, чем само писание. Мой-то стиль такой: я стараюсь, чтобы не было лишних слов.

А.К. Это черта поэта. Вы не писали стихи?

В.С. Стихи я писал в детстве. Но я с Вами согласен в одном. То есть я согласен с Некрасовым, но считаю, что и философ должен этому следовать:

Стих как монету чекань
Строго, отчетливо, честно.
Правилу следуй упорно,
Чтобы словам было тесно,
А мыслям просторно...

Вот так надо... Но это меня засмеют какие-нибудь модернисты. Какой-нибудь поклонник Мамардашвили... В их трактовках философии обычно разговор ни о чем... Я с порога этого не приемлю как бессодержательно-беспольное. Сейчас широко разлилась графомания, особенно в философии. Значимость философа у нас определяется количеством статей и тем более книг. Категория качества фигурирует в наших оценках крайне редко. Вот, например, сравнительно молодой писатель-философ В.В. Ильин, опубликовал 10 книг, если не более, чуть ли не по всем вопросам. Но в этих книгах — темнота, беспредметность, терминологический разврат. Такой ассоцианистический ум и стремление как можно больше выдать «на гора». Вот, смотрите, у нас один издал 20 с лишним книг, другой молодой человек, я о нем говорил, Ильин, 10 книг. Но что там можно понять? Темнота, беспредметность, термины надумывают. И тут вот ничего, тут вот так, такой ум. Такой ум.

А.К. А вот кроме Аверинцева в современной истории философии, культуры...

В.С. Ну, Аверинцев, он культуролог, но... он не гносеолог, конечно.

А.К. Он филолог прежде всего...

В.С. Филолог, они разные — филологи. И Лосев филолог. Но он филолог, я бы сказал философствующий. Возьмите статьи Аверинцева в энциклопедии, они превосходны по содержанию и по точной и незаурядной стилистике. Между прочим, Аверинцева для философии открыл я! Это был где-нибудь 1966-й год. Он заканчивал аспирантуру. Не защитив диссертации, работы ему не «светило». Тогда для «Энциклопедии» я написал статью о патристике. Поступает рецензия. Рецензия такая въедливая, такая эрудированная, что я ахнул. Звоню и говорю: «Ну, это А.Ф. Лосев, пускай он и пишет». — «Василий Васильевич, это не Лосев». — «Ну а кто же?» — «А вот есть такой аспирант — Аверинцев. У Вас там на кафедре классической филологии». — «Ну, думаю, — нужно познакомиться с ним». И привел его на заседание нашей кафедры. Он выступает. Заикается, но говорит вещи необычные. После кафедры А.С. Богомоллов говорит: «Откуда Вы его выкопали?». Сказал ему, что это аспирант кафедры классической филологии. Предложил Ойзерману: «Давайте его на кафедру привлечем? У нас хороших античников нет. Асмус стар, да и мы уже не молоды. Аверинцев блестяще знает языки и новые, и древние. А этот вот блестяще знает языки древние». И мне удалось добиться ему должности младшего научного сотрудника. «Сергей Сергеевич, идите на нашу

кафедру, будете заниматься античной философией». Он было согласился. Но через неделю мне звонит: «В-в-василий Васильевич, поймите меня правильно, я ведь все-таки не историк философии». Я говорю: «С Вашими знаниями Вы быстро войдете в эту проблематику». Все равно отказался и удалось устроить его редактором в «Мысль». Я там в некотором роде руководил. Конечно, главой редколлегии был Митин, потом Федосеев. Но им хватало ума всерьез не вмешиваться в процесс издания классиков философии. Их дело — руководить политически, идеологически. Аверинцев начал готовить издание «Платона». Потом удалось его зачислить на должность лаборанта в ИМЛИ. И там он быстро выдвинулся, человек он действительно талантливый. Защитил диссертацию «Плутарх и античная биография». Выступавшие неофициально оппоненты предлагали присвоить ему степень доктора филологических наук. Но в гуманитарных науках такое происходило крайне редко. Тогда Аверинцеву присвоили лишь кандидатскую степень. Через 5—10 лет он защитил и докторскую «Поэтика византийской литературы». Но ему повезло, он родился вовремя. Воскресла проблематика патристики, в которой Аверинцев сделал очень много. Но содержательно писал и по некоторым вопросам новой философии — западной и русской. Удалось добиться для него премии Ленинского комсомола (довольно значительной).

А.К. Получил?

В.С. Да. Конечно. Там было такое. Послали на рецензию крупному античнику — Владимиру Дмитриевичу Блаватскому. Он дал совершенно отрицательную рецензию. Ее отложили в сторону. Послали на рецензию Петровскому и получили сугубо положительную. Значительная премия была получена. В МГУ С.С. Аверинцев стал читать лекции по средневековой культуре и религии. С большим успехом, хотя лектор он никакой, заикающийся, но не в этом дело. Гегель был, как известно, тоже плохой лектор. В дальнейшем Аверинцев получил и значительную премию «Триумф» (средства Березовского). Она предназначалась для писателей, артистов. Единственный ученый, ее получивший, — С.С. Аверинцев.

А.К. А Вы не находите, что в российской культуре есть какие-то символические фигуры. Такие, как ныне покойный академик Лихачев. То есть люди безусловно достойные.

В.С. Лихачев тоже ведь сидел на Соловках (как и Лосев, который сидел в другом месте). Человек высококультурный. И прошлые страдания обернулись авторитетом и наградами.

А.К. Ну, на роль вождя нации духовного не подойдет, к сожалению, ни Аверинцев, ни Лихачев.

В.С. Думаю, что они на такую роль не претендуют. Аверинцев, конечно, знает, чего хочет. В горбачевские времена его выдвинули делегатом Съезда

народных депутатов. У нас была создана кафедра истории и теории культуры. Она создавалась под Иванова и Аверинцева. Но они скоро убыли за рубеж, Аверинцев — в Вену, Иванов — в Лос-Анджелес. По слухам, австрийская Церковь дала Аверинцеву премию за содействие возрождению религии в России. Хотя религиозники его не терпят. Мол, он экуменист, приблизившийся к Ватикану.

А.К. Вы писали о новоевропейской философии, о средневековой, о возрожденческой, вот как Вы, что называется, уже войдя в пору мудрости и философской зрелости, себя оцениваете? Вы человек возрожденческий или средневековый? По духу? Какая эпоха Вам ближе?

В.С. Если так высоко взять, то я думаю, что я скорее человек возрожденческий, я все люблю. Я весьма любознателен с детства. Считал, что в философии господствует интуиция целостности, многознание ей показано.

А.К. Вот Лосев, он был человек нового Средневековья.

В.С. Пожалуй, мне все интересно. Хотя, конечно, в конкретных познаниях я полный дилетант. Сравниться с Лосевым, с его углубленностью в лингвистику, математику, музыку было бы совершенно неуместно. Но все же познавательная активность присуща мне с моего деревенского детства и даже «политическая». Я был тогда очень активным пионером. Можно считать, что принимал участие в организации колхоза в нашем огромном селе. Наш парторг («избач») научил нас: ребята (а я их возглавлял), вот будут сейчас уполномоченные выступать, призывая вступать в колхоз, «несознательные мужики» будут яростно выступать против. А вы, когда будут эти выступать, заберитесь на кулисы. Сцена была такая. И орите изо всех сил, бейте ногами, чтоб их заглушить. Так мы и делали. Колхоз организовали, и я с грустью наблюдал, как в марте 1930 года появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», «несознательные мужики» быстро уводили своих лошадей, инвентарь, всякий скраб. Мгновенно развалился колхоз. Собрали библиотеку у раскулаченных. Один имел много книг. Отрубник еще сохранился в 1930 году. Отрубник со времен...

А.К. Столыпина...

В.С. Столыпина, конечно. Да... Библиотека хорошая была. Ну, почитаем. А я очень любил читать все, что под руку попадалось. И комитетчики сделали меня библиотекарем в 11 лет, я выдавал книги. Местный парторг, любомудр был, умный, активный, «избач». Секретарь партбюро, ну несколько коммунистов-то было. Потом уже услышал в Москве, что его расстреляли. Но он был «просветителем», организовал в селе некий театр, ставил пьесы всякие. Вовлек и меня в некоторые роли. Я имел большой успех, например, в роли черта.

А.К. В какой пьесе?

В.С. По-моему, «Старуха на духу» Городецкого — атеистическая агитка.

А.К. Это в 30-е годы такое существовало?

В.С. В 1929—1930-е годы.

А.К. И театр был у Вас в селе, в клубе?

В.С. Конечно, в клубе деревенском. А село большое было, около 3000 «душ».

А.К. У меня дед тоже был сельским театралом в 1930-е годы.

В.С. Ваш отец, наверное, моложе меня?

А.К. Мой отец моложе Вас на 5 лет. Я имею в виду деда, дед был режиссером сельского театра. А дед — с 1905 года.

В.С. Это все же была по-своему романтическая эпоха. Искренняя вера была в «лучшее будущее». Хотя далеко не все мужики разделяли такую веру.

А.К. Вера в социализм...

В.С. Вера, что будет лучше. Но далеко не всех мужиков она привлекала, большинство были против, против... Моя мать простая крестьянка-колхозница. Я ее уговорил вступить в колхоз, но она была очень недовольна, хотя работала одна. Отец уехал в Москву, а потом пропал без вести в одной из командировок. Две сестры уехали из села на торфоразработки. Мы с младшим братом остались. И меня отправили в пятый класс, в Москву к дяде, к брату матери. У нас не было пятого класса, была лишь начальная школа. Сейчас говорят: о, как плохо живем! Господи, да вы не жили тогда! А я прибыл в квартиру дяди.

А.К. Коммунальную?

В.С. Коммунальная квартира, представлявшая собой полуподвал. Квартира состояла из четырех комнат, из четырех семейств. Комната дяди — 14 метров.

А.К. В каком районе?

В.С. Это хороший теперь район. 4-я Тверская-Ямская, теперь это центр. За Садовым.

А.К. Тогда это были трущобы почти?

В.С. Как Вам сказать, соседние дома были хорошие, кирпичные. Но тогда мало строили. Мужики, как мой дядя, бежали из колхозов и селились, где было свободно. Собственные квартиры имели немногие, из начальства в особенности. Например, Павлик Коган жил в отдельной квартире, ибо его отец в Главчае работал. Квартиры тогда, это, знаете, признак, как теперь если не миллион, то как...

А.К. 600-й мерседес.

В.С. Да. Если хотите. Комната дяди — 14 метров. Двое детей, я пятый член семьи, да еще приезжал и жил иногда брат жены дяди. Где заниматься? Кухня одна, примусы горят, ну вот так и жили. Правда, в шестом и девятом-десятом классах переселялся к тетям (по отцу), к двоюродному брату в крохотную комнату.

А.К. В какую гимназию Вы ходили?

В.С. Какая гимназия? Школа ФЭС, дорогой Алексей Павлович. Фабрично-заводская семилетка.

А.К. Там же на Тверских-Ямских?

В.С. Сейчас скажу. Школа-то там же на Миусах. Я ходил туда недалеко, пока жил у дяди. А когда жил у родных в районе Рижского вокзала, добирался на трамвае, бывало на буферах. Один день мы работали в Щепетилинском трамвайном парке. Что-то делали. На станке практически не работали, но целый день проводили там. Но с 1934—1935 годов открыли десятилетки. И наш класс был второй по выпуску в 1936 году. Я и еще одна согруппница получили аттестаты отличников (золотые медали появились значительно позже). Он давал право поступать в вуз без экзаменов. Десятилетки давали, можно сказать, довольно систематическое образование. Думаю, что тогда их оканчивали 5% от всех советских детей. Этому фактору придавали очень большое значение. А я к тому же имел рабоче-крестьянское происхождение.

А.К. Рожали не так, зачаты не там...

В.С. Это, считалось, уже другие люди, родившиеся при социализме. С 1930 по 1956 год, когда мне дали первую квартир, я сменил 17 мест жительства, считая общежития, родных, у которых я жил.

А.К. Дядя-то хорошо к Вам относился?

В.С. Видите ли, я Вам скажу так: они были люди малограмотные, но глубоко моральные. Родной, так родной.... Живи. Правда, было трудно, очень голодно. Раз на сколько-то месяцев лишили карточки. Дети — да, а причем здесь племянник? Еду к матери, благо не очень далеко, 250 км на поезде. За пирогами, за сухарями.

А.К. Мать долго прожила?

В.С. Нет, моя мать умерла рано. Она шла откуда-то из района и провалилась в апреле в ледяную воду. У нее сразу начался скоротечный туберкулез. И в 1937 году в возрасте 46 лет она умерла. Сильная женщина была. Очень богомольная.

А.К. Верующая, да?

В.С. Верующая. Отец таким не был, не был. Он погиб в 1931 году в одной из командировок, страдал запоями. Хороший, многосторонний был мастер. В селе-то он был кузнецом. Но очень любил читать книги, увлекался чтением. Мне его брат значительно позже, уже в 70-е годы рассказал, что когда отцу исполнилось 19 лет, пора было жениться, а девки его не знают, он все книги читает и в кузне у себя работает, на поле не работал совсем. Что делать? Поехали в соседнее село Богослово, 4 км. Приехали, спрашивают: «А невесты здесь есть?» Какие-то бабы-мужики говорят: «Вот, знаете, тут у Дияновых Машка засиделась. Ей 18-й год доходит, а она еще не замужем». Поехали к Дияновым, привели. Нравится? Нравится. Женились. Родили пятерых детей. Это считалось маленькое семейство, нередко были и по 10 человек.

А.К. Вы каким были?

В.С. Я был четвертым. Мне предшествовали три сестры, после меня был брат. В 1944 году лейтенант Иван Соколов был убит в Румынии. Мне же повезло. В одном бою чуть не сгорел, а вообще был шустриком таким. Память была очень хорошая. Я поэтому наизусть многое-многое знал. Я и сейчас люблю Пушкина (но мой первый поэт — Лермонтов). Стараюсь запоминать стихи философского содержания.

А.К. Я помню, Вы читали оду Державина «Бог».

В.С. Я ее знаю наизусть. Что мне нравится, особенно с философским оттенком, стараюсь запомнить и даже иногда произношу это на лекциях. Например, великолепный перевод из Рильке Пастернака. Там такие слова:

Как мелки с жизнью наши споры,
 Как крупно то, что против нас!
 Когда б мы поддались напору
 Стихий, ищущей простора.
 Мы выросли бы во сто раз!
 Все, что мы побеждаем, — малость,
 Нас унижает наш успех.
 Необычайность, небывалость
 Зовет борцов совсем не тех.
 Так ангел Ветхого Завета
 Нашел соперника подстать.
 Как арфу, он сжимал атлета,
 Которого любая жила
 Струною ангелу служила,
 Чтоб схваткой гимн на нем сыграть.
 Кого тот ангел победил,
 Тот правым, не гордясь собою,
 Выходит из такого боя
 В сознаньи и расцвете сил.
 Не станет он искать побед.
 Он ждет, чтоб высшее начало
 Его все чаще побеждало,
 Чтобы расти ему в ответ.

Вот видите, какая здесь поэтично-философская мощь. Эти строфы так уместны, например, при характеристике волюнтаристской моральности Фихте.

ЗНАМЕНИТЫЕ ДИСКУССИИ

Интервью с профессором кафедры логики

Евгением Казимировичем Войшвилло провел С.Н. Корсаков в 1992 г.

С.К. Евгений Казимирович! Расскажите, пожалуйста, о знаменитых дискуссиях между «формальными» и «диалектическими» логиками, которые велись на кафедре логики философского факультета МГУ в 1950-е — начале 1960-х годов, когда кафедрой руководили В.И. Черкесов и М.Н. Алексеев?

Е.В. На кафедре постоянно шла теоретическая борьба по вопросу о том, что представляет собой наша наука. Особенно тогда стоял вопрос о соотношении формальной логики и диалектической. Отрицательная линия была: многие ведущие философы выдвигали такую концепцию, что формальная логика — это логика домашнего обихода, это низшая ступень логики, и она преодолевается диалектической логикой. Диалектическая логика — это высшая математика логики. Формальная логика имеет дело с неподвижными вещами, с неизменными вещами, с неизменными ситуациями, поэтому она теоретической, научной значимости не имеет. Но вроде бы на кафедре большая часть, пожалуй, за исключением одного-двух человек, все остальные члены кафедры — очень решительно против этого выступали. Вопрос еще вот такой практический возник в связи с этим теоретическим: чему мы должны учить студентов, что читать?

Известно, что до половины прошлого столетия была так называемая традиционная логика. Начиная с IV—III веков до н.э. и до 1850-х годов в основном в логике господствовали традиционная проблематика и соответствующие методы исследования. С половины XIX столетия появилась символическая логика. С появлением символической логики произошел сильный прорыв в этой науке: появились очень мощные методы исследования, точные методы. Сначала математические понятия привлекались для исследования логических отношений связи форм. А потом логика, начиная с третьей четверти XIX столетия, с Фреге начиная, стала создавать собственные методы — формализованные языки специальные, которые были средством точного анализа тех закономерностей, которые являются предметом логики. И все традиционные результаты потребовали серьезного пересмотра с точки зрения символической логики и ее результатов.

Некоторая часть на кафедре считала, что формальная логика — именно традиционная логика, и наоборот, традиционная логика именно формальная логика, и, собственно, развитию она не подлежит, результатом развития ее

является диалектическая логика. Что касается символической, то наш заведующий кафедрой, который до Алексева был, Черкесов Виталий Иванович, заявлял, что символическая логика (ее еще называют математической) — это не логика, и даже не логика математики, а это просто математика, и поэтому к нам это отношения не имеет, этим заниматься мы не должны. По этим вопросам споры были очень бурные, довольно систематичные, часто даже эмоциональными они становились, потому что, в конце концов, тогда существовал дух идеологизации, определенных установок в области теории. Ну и с легкой руки (или с тяжелой руки) некоторых наших ведущих академиков-философов все время укоренялась эта точка зрения насчет формальной логики как низшей, никчемной, по существу, науке.

Ну и вот когда М.Н. Алексеев пришел заведовать кафедрой (я сейчас точно не помню год, это около 1960 года: в 1959-м, или 1960-м, или 1961-м), Черкесова освободили, потому что как-то вот с кафедрой но не мог управиться, его взгляды не сочетались со взглядами большинства членов кафедры, не согласовались — его освободили. Ну а вот с Алексеевым — он, собственно, продолжал ту же самую линию, и все время возникал вопрос (тогда уже студенты включились в эти дискуссии) — сами студенты стали ставить вопрос перед ректором (сначала перед деканом — декан Молодцов у нас был тогда, он как-то на это не реагировал; Алексева он назначил, и на него возлагал надежды, видимо, и доверял ему больше): поскольку на факультете студенты не могли добиться, то перед ректором. Они ставили вопрос именно такой: изменить программу, учебные планы подготовки по логике, изучать современную логику, читать курсы по разделам современной логики. Тем более что современная (символическая) логика, несмотря на недлительное существование, получила очень бурное развитие. Возникло много различных направлений, разделов, так что традиционная логика по сравнению с этим очень широким кругом знаний имела очень незначительный удельный вес. Студенты такое требование выдвигали, но нам не удавалось этого достичь, и в конце концов дело дошло до того, что ректор внял, прислушался к мнениям и студентов и преподавателей, понял, что так дальше неправильно продолжать — заниматься только вот этой во многом устаревшей частью логики. Тогда Алексева просто освободили от заведования кафедрой.

К сожалению, часто теоретические споры принимали эмоциональную окраску, даже совершались такие действия, что часто страдали люди — те, кто отстаивал не ту точку зрения, которую проводил заведующий кафедрой. Так что с М.Н. Алексеевым как-то не сложились хорошие отношения не только у меня, но и у членов кафедры.

В.И. Черкесов — очень своеобразный человек. Он держался определенных взглядов (о которых я говорил) на логику, различая формальную и диа-

лектическую логику, считая, что настоящей наукой является диалектическая, формальная — это низшая ступень и т.д. Несмотря на то что заведовал кафедрой логики, считал эту науку низшей ступенью, наукой домашнего обихода, которая имеет значение только где-то в домашнем обиходе. Это нас удивляло. Но с другой стороны, он человеком был очень искренним, довольно прямолинейным, свои взгляды он с большим упорством отстаивал все время, никогда не кривил душой в науке. Он был просто убежден, что дело обстоит именно так, хотя с ним не согласно было большинство логиков. Свернуть его с его позиции, вынудить изменить свои взгляды было просто невозможно. Он симпатию вызывал тем, что это не просто приспособленчество к ситуации (многие приспособлялись к ситуации, поскольку это была официальная точка зрения, поэтому выгодно было придерживаться ее; легче проторить себе дорогу куда-то, придерживаясь официальных взглядов). А он был искренне убежденным в том, что дело обстоит именно так.

С другой стороны, все-таки напряженная обстановка была на кафедре. Он сам был очень эмоциональным человеком, и поэтому часто эти наши споры действительно принимали остроэмоциональный, конфликтный характер — споры по теоретическим вопросам. Иногда это отражалось на положении людей (как в случае с А.С. Ахмановым: насколько нам известно, Черкесов, как заведующий кафедрой, добился того, чтобы Ахманова уволили с факультета, потому что он, пожалуй, был наиболее непримиримым по отношению к этой концепции).

Эту концепцию поддерживали академики Митин, Кедров. Особенно, мне кажется, Кедров сыграл роль в том, чтобы утвердить такую концепцию. Была история такая. Где-то в начале 1950-х годов был создан коллектив для написания учебника по логике — по инициативе, видимо, ЦК, потому что организовано все было, специально выделили место — дали путевки в один из подмосковных санаториев, выделено там место для работы. Мы там писали этот учебник по логике. Мы его закончили уже, сдали, он готов был для печати. Я не помню, какую должность занимал тогда Кедров. Это был, кажется, 1957 год уже. В 1956 году мы этот учебник подготовили, хотели сдавать в печать. Кедров прочитал этот учебник и наложил вето на него, заявил, что эта точка зрения неправильная, немарксистская, поскольку формальная логика наряду с диалектической ставится как полноценная наука, вполне значимая в научном отношении. Он запротестовал против того, чтобы этот учебник пускать в работу. Ну и, к сожалению, в нашем авторском коллективе нашлось несколько человек, которые согласились изменить концепцию учебника. Написали вводную главу в духе противопоставления формальной логики и диалектики, изъяли некоторые главы. Я из коллектива тогда вышел. Учебник вы-

шел в 1956 году в Госполитиздате под редакцией Горского и Таванца. Название этого учебника — «Логика». Кедров, грубо говоря, зарубил ту нашу работу: света она не увидела. Это была официальная точка зрения. Я не помню, какую должность занимал Кедров, но какую-то административную должность, в силу которой он мог оказать такое влияние, решающее в этом вопросе. Ну и поскольку они были сотрудниками Института философии, Горский и Таванец, видимо, это тоже повлияло.

С.К. Очень интересно Ваше мнение о коллегах. Как они проявили себя в ипостасях ученого, преподавателя, человека. Расскажите, пожалуйста, об А.С. Ахманове.

Е.В. Ахманов Александр Сергеевич, он был у нас на кафедре, собственно, во время Черкесова в основном. До прихода Черкесова был П.С. Попов заведующим кафедрой, но Попова быстро освободили в силу того, что его взгляды не совпадали с официальными взглядами насчет формальной логики — с пренебрежительным отношением к формальной логике. Он как заведующий кафедрой не устраивал руководство того времени — руководство, я не знаю конкретно, отдела науки ЦК (видимо, оттуда шли все распоряжения). Он был освобожден от заведования, был назначен Черкесов.

Я пришел, когда уже был Черкесов на кафедре. И Ахманова знал в той обстановке, которая была в то время, когда Черкесов заведовал на кафедре. Ахманов очень принципиальным в научном отношении человеком был, решительно выступал против принижения логики, против противопоставления формальной логики диалектике, ратовал за то, чтобы давать заниматься наукой, а не какими-то там дисциплинами, пригодными в домашнем обиходе. Он был очень сильным в истории логики и на кафедре выступал с докладами различного рода: относительно взглядов Аристотеля по различным вопросам логики, ну и по различным проблемам... Много он именно с Аристотелем связывал в своей деятельности. Ну и по проблемам, возникающим в настоящее время. Человек принципиальный, и поэтому с заведующим кафедрой он очень не ладил, и в конце концов он был с кафедры уволен через некоторое время. О нем у меня очень хорошее осталось впечатление как о человеке очень честном, принципиальном, иногда, может быть, даже прямолинейном, но о человеке весьма благородном, который никогда не пойдет против своих убеждений. Ну и как товарищ очень хороший; вся часть логиков, которая держалась тех взглядов, о которых я говорил, была дружной.

Ахманов многими вопросами занимался. Сейчас, например, в современной логике обсуждается проблема статуса высказываний о случайных будущих событиях. Это связано с проблемой фатализма, Аристотелем еще поставленной. Очень сложная оказалась проблема, затрагивающая много логических аспек-

тов. Он тогда выступал по этой проблеме. Сейчас признано, что его подход к решению проблемы — это один из наиболее убедительных подходов.

Как лектор был очень квалифицированным педагогом. Как лектора его я тоже бы поставил очень высоко, лекции его ценны именно тем, что он скрупулезно анализировать любил материал, не допускал голословных, необоснованных утверждений, увлекал слушателей самой логикой изложения, самым анализом материала, постановкой проблем, вызывал у людей постоянный интерес к тому материалу, который он слушателю преподносил.

С.К. А как проявил себя П.С. Попов в качестве заведующего кафедрой?

Е.В. Я уже упоминал, что он был первоначально заведующим кафедрой, которая организовалась на нашем факультете. Она организовалась после того, как было постановление ЦК и правительства о введении преподавания логики. Это после 1946 года, году в 1947-м она организовалась (может, в конце 1946 года). Далее он работал в Академии общественных наук на кафедре логики и психологии, профессором кафедры был. Он был моим научным руководителем. К сожалению, драмой многих логиков старого поколения было то, что они целиком были традиционниками: они знали традиционную логику, им трудно было, конечно, радикально изменить свои склонности, род занятий, перейти к освоению новой, символической логики. Он был тоже, как и Ахманов, как и многие другие члены нашей кафедры, традиционником — знал только традиционную логику. Павел Сергеевич был очень эрудированным человеком, историей логики он очень фундаментально занимался, знал хорошо историю логики, много по истории логики у него собственных идей, подходов к оценкам взглядов различного рода. Он писал курс истории логики Нового времени, потом со Стяжкиным они описали историю логики от Аристотеля до наших дней. Основные его работы — они по истории логики в основном. Он был моим руководителем, конечно, он мне оказывал большую помощь в написании диссертации, в изучении литературы, особенно иностранной. Он все время ориентировал меня на то, чтобы современные взгляды учесть, особенно философского характера. Было такое направление — логика отношений; путают ее часто: есть раздел в логике — логика отношений — это конкретная область в логике. А было такое философское направление, которое характеризовали иногда как релятивистское направление. По-моему, оно действительно было заслуживающим критики с философской точки зрения. Я диссертацию по этой теме писал, и большую помощь всегда со стороны Попова при написании диссертации получал. Попов — у него была такая особенность: он как-то очень умел подхватить все новое, что возникло, — новые идеи, очень радовался успеху своих аспирантов, старался, если у кого-то из аспирантов

появились какие-то новые результаты или соображения по тем или иным вопросам, пропагандировать это. С Институтом философии у нас была связь. Он организовывал там наши доклады (своих аспирантов) — в Институте философии. Это у него была весьма привлекательная черта — доброжелательность, доброжелательное отношение к людям. К сожалению, он рано умер, в 1964 году в возрасте 72 лет. Так что работать с ним много мне не удалось. Он очень эрудированный человек вообще был: он занимался не только логикой, но и филологией, интересовался проблемами, которые на стыке лингвистики, логики, связь логики и языка; проблемы языкознания и логики — такими вопросами занимался. На кафедре он пользовался авторитетом очень большим.

Попов замечательный был лектор, хотя бы в том отношении, что он был очень эрудированным; лекции свои он сопровождал тем, что приводил всякие факты — неизвестные в литературе из истории логики, различного рода эпизоды, связанные с логикой жизненные ситуации. Его лекции очень все слушали всегда с большим интересом, как лектор он очень высоко ценился.

С.К. А что Вы можете сказать о его соавторе по «Истории логики» Н.И. Стяжкине?

Е.В. Стяжкин очень своеобразным человеком был, трудно вписывался в коллектив, хотя человек очень добрый, мягкий, уживчивый с людьми. Но у нас на кафедре он работал очень недолго, потому что он как лектор, преподаватель... как-то у него не шло преподавательское дело. Часто нарекания были со стороны педагогической у него. Как специалист по истории логики он ценился весьма высоко. Совместно с Поповым писали они книгу, самостоятельно у него по истории логики работы есть. Он тоже погиб в молодом довольно возрасте еще — попал под машину, и это оказалось трагическим.

С.К. Расскажите, пожалуйста, о работе Асмуса на кафедре логики.

Е.В. Я знал его как логика, во-первых, во время своей учебы в аспирантуре Академии общественных наук. Лекции нам организовывали некоторые, и в частности Асмус читал лекции по логике. Потом здесь на факультете, когда я пришел сюда работать, и Асмус работал (на кафедре зарубежной философии, по-моему, он тогда работал). С ним часто были контакты, поскольку он, будучи специалистом по логике, принимал участие иногда и в наших дискуссиях, спорах, поэтому были у нас с ним определенные научные контакты. Кроме того, он написал учебник по логике (это было в 1948 году, по-моему, в 1947—1948 годах). Я писал рецензию на этот его учебник — в «Вопросах философии» опубликовали тогда эту рецензию. По тем временам, если иметь в виду традиционную логику, то учебник вполне положительно тогда оценивали, много у него своих оригинальных, новых подходов, хотя не со всем можно было согласиться, но, во всяком случае, это была творчески написанная книга,

нестандартная и, по крайней мере, давала стимул для многих размышлений. Потом, когда у нас освободили от заведования Алексеева на кафедре, мы все обращались к Валентину Фердинандовичу Асмусу с просьбой пойти к нам на кафедру в качестве заведующего: человек он широко образованный, знал, конечно, историю философии досконально, ну и в логике, как я говорил, был специалистом высокого уровня. Как человек он всегда привлекал своей добротой, дружелюбным отношением ко всем окружающим, мягкостью характера. Все качества, мы считали, у него есть для того, чтобы, действительно, работать с ним, под его руководством на кафедре. Он согласился. Около года работа шла нормально, потом он решил уйти все-таки с этого поста.

С.К. Почему?

Е.В. Мы много с ним разговаривали, пытались выяснить, почему же он так не хочет, просили его не делать этого, не уходить. Ну, насколько я понял, дело тут было в том, что он не чувствовал себя достаточно подготовленным в логике, учитывая то, что начали переходить к символической логике. Символической логикой он не занимался и, видимо, решил, что переквалифицироваться радикальным образом, менять свое образование в этой области уже трудно, тем более он философией занимался — основная его работа была в области истории философии все-таки, и она его больше, видимо, эта область, привлекала. Я вот так понимал, и все мы так, в конце концов, все это поняли, почему он не согласился дальше продолжать заведовать нашей кафедрой.

Как лектор он очень популярным был человеком, его лекции привлекали очень многих людей, посещали их не только те, кто обязан был слушать. И вспоминают всегда его лекции с большой теплотой и с восхищением оценивают их. Так что лектор замечательный он был.

Об Асмусе общее мнение как о человеке, об ученом самое высокое, действительно. И как человек он высокого нравственного уровня, и по характеру своему человек, с которым всегда можно контактировать легко. Ну и как ученый — о нем не может быть другого мнения, кроме того, что это высокого ранга был ученый.

С.К. А чем Вам запомнился период, когда кафедрой заведовал А.А. Зиновьев?

Е.В. Зиновьев заведующим кафедрой был тоже одно время. Когда Асмус ушел, тогда — в каком порядке? — одно время Нарский был, кажется, с год, и потом Зиновьев — тоже около года или полтора был заведующим кафедрой. Поэтому у меня с ним были, конечно, по совместной работе контакты значительные, теоретические. Что о нем нужно сказать... Он был, конечно, оригинальный очень человек, человек очень способный, многогранный таких способностей. Он и как художник себя проявил, как поэт, как писатель, как

логик. В логике у него было много интересных идей. Мне кажется, ему мешало большое честолюбие. У него как-то сразу, когда был заведующим кафедрой, возникла вождистская какая-то идея. Он собрал однажды нас, всех логиков, и выступил в таком духе: то, чем занимаются всякие западные ученые, логики современные, — все это вообще чепуха. Заслуживают научного внимания его логические идеи. Поэтому он предлагает объединиться всем вокруг его идей и работать под его руководством. Ну и, конечно, какой-то кружок сложился вокруг него, ядро. Но многие не захотели работать в таком вот духе. Вот это честолюбие порождало часто пренебрежительное отношение к имеющимся результатам. Проявлялось это в том, что он иногда просто серьезные теоретические ошибки делал в своей работе, то ли не зная каких-то результатов, то ли относясь к ним не очень серьезно. Были вот такие вещи... Есть, например, такая уже без всякого сомнения правильная теорема, вполне доказанная, — теорема о неразрешимости исчисления предикатов классической логики (теорема Чёрча). Он вдруг строит систему и объявляет, что он опроверг эту теорему...

С.К. Известно, что большое влияние на становление кафедры логики в ее современном виде оказали С.А. Яновская и А.А. Марков, которые на философском факультете формально не работали. Как было организовано это сотрудничество логиков МГУ?

Е.В. Начиная с 1962—1963 годов все больше и больше у нас появилось людей на факультете — и преподавателей-логиков и студентов, которые начали самостоятельно изучать символическую логику и в той или иной форме, в том или ином объеме уже начали преподавать эти курсы. И в этом отношении во внедрении современной логики в учебный план, в программы нашего факультета большую роль сыграла Софья Александровна Яновская. Она, с одной стороны, большую роль оказывала в подготовке кадров. Она работала сама на кафедре математической логики механико-математического факультета; организовывала там у себя семинары, лекционные курсы, которые посещали многие логики-философы. Ну и вот так учились, осваивали основные разделы современной логики. Среди посещавших ее лекции, семинары и я был. Я систематически старался все это слушать везде, где это было возможно.

С.А. Яновская — это человек, очень увлеченный наукой, преданный науке. Ее преданность науке проявлялась хотя бы в том, что она за пропаганду логики (символической в частности) много неприятностей переживала. Когда в 1946 году она была у нас инициатором издания первой книги по математической логике («Основы теоретической логики» Гильберта и Аккермана), написала вступительную статью к этой книге, где показывала большую значимость этой науки, показывала, что она представляет гораздо более высокий теоретический уровень по сравнению с тем, что было до возникновения символической

логики. После этого появилась статья (не помню, в каком из журналов) Майстерова, одного из философов, очень резко критического характера, в которой Яновскую обвинили в том, что она протаскивает идеализм, что символическая логика — порождение идеализма и схоластики, что это механистическое направление в логике, что тут мышление сводится к игре со значками, — вот в таком духе. В то время такие выступления в печати, конечно, чреватые были серьезными неприятностями. Она не избежала больших неприятностей. Но все-таки, несмотря на это, организовала с нами работу, продолжала, много сил вкладывала в то, чтобы людей было больше знающих, сведущих в вопросах современной логики. По инициативе Софьи Александровны книга Тарского была издана («Логика и методология дедуктивных наук»), она редактировала ее, вступительная статья ее, по-моему, была (хотя я это не точно помню).

Она проводила эту работу дополнительно к своей основной нагрузке, все это было для нее отнюдь не обязательно; не по поручению кафедры, а по собственной инициативе организовывала эти лекции, факультативы всякого рода — она отдавалась этому всей душой. Видно, что человек был очень увлечен самой наукой, болел душой за положение дел в нашей советской науке. Кроме того, она вообще человек очень добрый, бескорыстный совершенно, никаких уплат она не ожидала за эту большую, побочную для нее, для кафедры работу, не жалела времени для индивидуальной работы. Поскольку человек она была очень отзывчивый, добрый такой, душевный, к ней тянулись люди со всякими вопросами: и с жизненными проблемами часто обращались, и с научными, и она не жалела времени никогда: и дома принимала у себя людей, и на факультете беседовала по любым вопросам, с которыми к ней обращались. О ней впечатление как о человеке, который всего себя отдает какому-то любимому делу и готов всем принести максимальную пользу, отозваться на все запросы людей. В этом отношении это совершенно особый человек. Личная жизнь у нее не сложилась — сын у нее нетрудоспособный был в силу некоторых особенностей, по состоянию своего здоровья. Ей приходилось и ему уделять большое внимание, и заботиться о нем. Собственно, вся радость жизни ее состояла в служении науке, в той помощи, которую она людям оказывала.

Она была очень эрудированным человеком в области математики, постоянно интересовалась всем тем, что нового появляется в науке. Как только появлялись какие-то новые, крупномасштабного характера работы по логике, новые направления, она сразу откликалась на это, организовывала спецкурсы, факультативные курсы. Большую роль сыграла она в развитии релевантной логики. В 1956 году — с этого года мы считаем это новое направление, а я считаю новый этап в развитии логики — в 1956 году появилась статья Аккермана, которая положила начало развитию этой ветви, этапа в логике. А через

2—3 года С.А. Яновская уже начала читать курсы, многих заинтересовала этой проблематикой. Тогда считались очень актуальными проблемы применения логики в технике. Аппарат логики, тогда выяснилось, можно успешно применять для анализа и синтеза контактно-релейных схем, управляющих работой автоматических устройств. Во всем мире была волна исследований, направленных на разработку возможностей применения логики для анализа и синтеза контактно-релейных схем (не только контактно-релейных, потом и электронных схем). Так выяснилась связь логики с автоматизацией, с техникой.

С.А. Яновская очень много времени и этим вопросам уделяла — специальные семинары, доклады, — поощряла всякие попытки искать решение возникающих проблем, всегда очень восхищалась успехами. Как только у кого-то возникнет мысль более или менее оригинальная, она всегда сразу ее подхватывала, поощряла, помогала человеку в этом глубже разобраться и развивать идею, ставила доклады на семинары; в этом отношении она также роль очень большую сыграла в развитии науки.

Благодаря ей современная логика вошла у нас в научный обиход, заняла подобающее место, начала привлекать внимание не только математиков, но и философов: математики прежде философов поняли, что для обоснования математики большую роль играет логика. А С.А. Яновская философские аспекты все время выделяла в логике, подчеркивала значение символической логики для понимания тех или иных познавательных процедур, для анализа форм мышления, в частности процесса дедуктивных рассуждений, и т.д. Она очень много обращала внимания и на философские аспекты самой логики, и на возможность ее применения в решении философских проблем. Поэтому мы ей обязаны тем, что и на эту сторону дела, на возможную связь логики с философией начали серьезное внимание обращать.

С.А. Яновская как лектор, благодаря своей увлеченности наукой с восторгом всегда говорила о каких-то новых результатах, с восхищением подчеркивала значимость каких-то логических проблем, утверждений. Этим уже она людей как-то увлекала всегда, ну и доброжелательным отношением к своим слушателям. Если ошибалась где-то (бывает ведь это и у специалистов высокого ранга: вдруг что-то неподумавши сказал, в чем-то ошибся), — бывали и у нее подобные ошибки — она как-то критически сама к себе относилась, если возникала такая ошибка, она сама прежде всего ее вскрывала. Ну и к людям она никогда не проявляла какого-то высокомерия, снобизма по отношению к своим слушателям, всегда как равная к равному относилась. И люди чувствовали на семинарах, на лекциях себя совершенно раскованно, свободно, не боялись задать какой-то вопрос, не боялись того, что невежество свое где-то проявят, непонимание, недостаточную способность понять что-то. Очень свободная атмосфера всегда, дружественная была на ее лекциях и семинарах.

Андрей Андреевич Марков — это всеми признанный не только у нас, но и в мире авторитет в логике. Он был заведующим кафедрой математической логики на механико-математическом факультете, поощрял деятельность Яновской, и в этом отношении нам помогал (косвенным образом, по крайней мере) — развитию логики у нас на факультете. Кроме того, он читал лекции по нашей просьбе у нас на факультете — ряд лекций по разным разделам логики. Он сам был очень крупным ученым в области математической логики. Ему принадлежит разработка такого важного раздела, как теория алгоритмов. Он создал новую теорию — теорию так называемых нормальных алгоритмов, которая приобрела важное значение в логике, для понимания многих познавательных процессов оказалась полезной, и в мире признание получила большое. До того как он перешел на механико-математический факультет, он в Ленинграде работал. Там он создал школу конструктивного направления в логике. Конструктивное направление — это развитие так называемой интуиционистской логики за счет очищения от некоторых идеологических и философских, чуждых содержанию самой концепции наслоений. Его большая роль в том, что он показал, — если в интуиционизме вывести «за скобки» всякие идеологические, философские наслоения, — принципы интуиционистские, согласно которым есть интуиции, которые являются источником всей математики. Наряду с таким содержанием в интуиционистской логике есть очень важная собственно логическая сторона дела — это конструктивный подход к анализу логических процедур, конструктивное их понимание (доказательность, например), значимость логики в математике. Конструктивное направление состояло в выработке таких методов исследования в математике, которые обеспечивали бы математике максимальную точность, максимальную точность ее результатов.

Марков был очень собранный, целеустремленный педагог, методично у него все. Нужно сказать, что достоинства его иногда перерастали в некоторые недостатки. Он стремился всегда к большой точности и систематичности изложения материала, но это не всем было доступно. И поэтому часто возникали такие явления: он объявляет какой-то новый спецкурс, на этот спецкурс на первые лекции не хватает больших аудиторий, не вмещают большие аудитории пришедших слушать эти курсы, а потом от лекции к лекции количество людей уменьшается, уменьшается, и в конце концов остается человека четыре-пять, которые до конца эти курсы дослушивают. Трудно было многое понять: он стремился к максимальной глубине и точности изложения всегда, не увлекался популяризмом, не стремился популярно излагать свои взгляды, идеи. Я считаю, что он был замечательный лектор, умел систематично все расположить одно за другим; у него все строго, и в самом построении курса чувствовался сильный логик. Будучи человеком глубоко мыслящим, не всегда был другим доступен, не всегда понимали то, что он читал.

БЕСЕДЫ

С.К. Евгений Казимирович! П.В. Копнин ведь тоже занимался логикой. Приходилось ли Вам сталкиваться с ним как с логиком?

Е.В. Копнина я знал. Так уж случилось, что я учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. Там была кафедра логики и психологии. Копнин работал лаборантом и пока как-то не выделялся как теоретик: скромность, видимо, ему мешала участвовать в научной деятельности кафедры. А потом он перешел работать в Институт философии, где выявились его творческие возможности — он выступил с рядом работ, особенно по вопросам теории познания. Он и определенное логическое образование имел, это ему помогало работать во многих философских областях. Но здесь уже совместной работы у меня с ним не было, в дальнейшем я только по его работам его знал.

Человек он был мягкого характера, отзывчивый, хороший товарищ, с ним мы очень дружно в Академии общественных наук жили и работали на кафедре. Потом выяснилось, что это человек творческого типа, который успешно работать может в сложных областях науки, в таких абстрактных, как теория познания, вообще философия.

«В РОССИИ КАРЛА ЯСПЕРСА НЕ БЫЛО...»

Беседу с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры эстетики философского факультета МГУ Еленой Васильевной Волковой провел доцент философского факультета МГУ А.П. Козырев.

Интервью записано в 2007 г.

А.К. Елена Васильевна, на факультете Вас можно считать старожилом, произошло много событий, живым свидетелем которых Вам довелось быть. Вы пришли в МГУ в 60-е годы?

Е.В. В самом конце 1960 года, в декабре. Хрущевское время.

А.К. С тех пор немало деканов сменилось, заведующих кафедрой...

Е.В. Да, Овсянников...

А.К. Овсянников, к примеру. Но Вы, насколько я знаю, никогда не подстраивались под авторитеты, во всяком случае, под административные авторитеты.

Е.В. Под административные — нет, научные — да.

А.К. Вы жили своими научно-педагогическими интересами, разрабатывали курсы, все время придумывали что-то. Поэтому сегодня Вы занимаете особое место на факультете. Но мне хотелось бы, чтобы мы вернулись к самому началу пути. Судьба человека, его таланты — это во многом его родители. Может быть, Вы немного расскажете о своей семье?

Е.В. Это довольно сложная история, потому что мой отец, очень талантливый почвовед, профессор Белорусской сельскохозяйственной академии, был арестован и на 22 года лишен всяких прав. Поэтому здесь немножко такая печальная судьба... Мы были изгнаны из квартиры, мама была уволена с работы. Ей пришлось публично от него отказаться...

А.К. Вы жили в Минске?

Е.В. Мы жили в Горках. Была такая Горе-Горецкая земледельческая академия, это Минская бывшая губерния, потом область. Отца арестовали, и он находился в минской тюрьме...

А.К. Каков был предлог?

Е.В. 22 человека арестовали без какого-либо предлога.

А.К. Но обвинение какое-то было?

Е.В. Обвинение, как я потом узнала, было совершенно страшное, не расстреляли совершенно случайно. 58-я статья, пункты 2, 7, 10, 11. Пункты в принципе страшные. Когда его уже посмертно реабилитировали, мне в КГБ задали вопрос: почему же он не был расстрелян? Я ответила: «Тогда я должна рассказать историю вашей организации». Но не было бы счастья, да несчастье помогло: мы не пережили оккупацию, не пережили бомбежек и всяких страшных вещей — мы оказались в Сибири. Мама работала, где только можно, вы-

ездным агрономом, я училась в школе. У мамы была идея, чтобы я обязательно вернулась сюда, в Европу. Все родственники — белорусы, поэтому все или в концлагерях погибли, или участники войны, или партизаны, или помогали партизанам...

А.К. А в Сибири где Вы проживали?

Е.В. Сначала под Томском, потом маму выгнали как жену «врага народа» и она работала под Барнаулом, потом в Барнауле — на станции защиты растений. Хотя время было страшное, но люди там работали очень приличные. Страшно было зимой, а летом у нее были командировки — она энтомолог, — которые обязательно проходили где-то вдали, в степи русской, а вдали — это значит вдали от города, а значит, вдали от НКВД.

А.К. Алтай — особое место, наверное. Независимые люди — сибиряки...

Е.В. Да, особый край, замечательный. Он тогда не был независимым. Шла война.

А.К. Люди по-доброму относились к Вам, зная о приговоре отцу?

Е.В. Я должна Вас разочаровать: мы скрывали этот факт. Я была вынуждена говорить, что папа нас бросил, и когда слышала, что, мол, как же так, такую хорошую маму и такую девочку бросил, то с криком прибежала домой и говорила: «Все возмущаются, что нас бросил папа». Но были и страшные моменты. Самый страшный — когда отца привезли на консультацию в Барнаул. Привез охранник, одетый в штатское...

А.К. Как специалиста привезли?

Е.В. Как специалиста. Между прочим, в ГУЛАГе многие начальники понимали суть вещей. Когда отца пригласили на консультацию, он сказал: «Да Вы что, я же враг народа!» На что начальник этого секретного отдела ему ответил: «Да знаем мы, какой Вы враг». Я не знаю, как он рискнул это сказать. Он приехал, и отец уговорил этого человека переночевать у нас дома. Он был в штатском, ну, видимо, револьвер у него был. И тот согласился, по-человечески. Но самый страшный момент моей жизни — проводы отца. То, что я увидела, в наших фильмах мне не встречалось. Может быть, в литературе, может быть, у Солженицына читала. Мы должны были пробраться под товарными эшелонами к тому эшелону, в которой должны были посадить отца и охранника. Мы пробирались прямо под составами, и поскольку я была маленькой, меня охватил жуткий страх, я начала кричать, к тому же на всех окнах были решетки, т.е. мы должны были проходить через массу этих страшных специализированных поездов. Меня не могли успокоить ни мать, ни отец, ни охранник. И там, на этих страшных путях, мы простились с отцом на много-много лет. И я с мамой ушла, моя нервная система не выдержала.

А.К. Это была Ваша единственная встреча с отцом во время его срока?

Е.В. Нет, была еще встреча под Томском, куда его тоже направляли как консультанта. Я тогда вбежала в дом и увидела отца со спины. И в ужасе попросила уйти девочку, с которой, играя, вбежала в дом, потому что первая моя мысль была — отец сбежал. Все окружающие, конечно, узнали о его приезде, информированность была потрясающая. И директор потом сказал матери: «Что ж Вы не сообщили, я бы дал лошадь, чтобы довезти его до станции». Больше я отца не видела до освобождения.

А.К. Освободился он после смерти Сталина?

Е.В. Раньше. Дело в том, что во время войны колхозы не могли обеспечить хлебом фронт и должны были снабжать лагерь. Отцу повезло, он попал в лесостепь, сидел в берикольских лагерях, там еще сидел наш знаменитый полководец, маршал Рокоссовский, делал бочки. Отцу приходилось вязать ва-режки. Но в лесостепи не было, разумеется, лесоповала и золотых приисков. Их иногда выводили работать в поле, и они могли есть грязную свеклу или морковь. Дважды его должны были расстрелять, просто так: расстреливали каждого пятого, десятого и т.д. Его спасал приличный сон: когда он просыпался, видел, что соседа нет. Как ни странно, из списков его выключало начальство. Один человек, очень мрачный и суровый, которого мы после освобождения не очень любили, нам говорил, что, в частности, он выключил отца из списка. Во время войны отца условно освободили, т.е. он не получил паспорта, права куда-то выезжать... Но стране был очень нужен хлеб. А поскольку отец был очень талантливым агрохимиком и почвоведом, он старался, и эти так называемые лагпункты давали хлеб стране, Сибирь давала хлеб. Освободили условно, но это «условно» тянулось довольно долго. Нужно было все начинать сначала, поэтому он снова написал кандидатскую, ему разрешили условно ее защитить, съездить для этого в Омск. Но он считался относительно реабилитированным, потому что реабилитация Хрущева была неполной — не было известно, за что человек сидел, может быть, он сидел за убийство, за растление малолетних. Просто: «Отсутствие состава преступления» — вот и вся реабилитация. Настоящая реабилитация состоялась только посмертно, уже в 1990-е годы.

А.К. А его дело Вы видели?

Е.В. Нет. Я ходила на Лубянку, и там майор по реабилитации дал мне не совсем правильные сведения. Оказалось, что я была больше осведомлена, чем он... Дело отца затребовали потом в Генеральную прокуратуру на Петровке. Поскольку тогда я была еще наивна, несмотря на возраст и стабильное положение, то думала, что будут посылаться какие-то гонцы, будут вести дело, раз его затребовали. То есть я не знала, что все дело находилось в компьютере. В итоге я рассталась с Лубянкой и Верховным судом, которые мне показались какими-то несолидными, особенно Верховный суд, и сама пошла в Генераль-

ную прокуратуру. Там я встретила очень вежливое и даже со стороны некоторых сотрудников понимающее отношение. Встретила и невероятное количество людей в похожей ситуации. И отца окончательно реабилитировали посмертно буквально за неделю, тогда я была признана пострадавшей от политических репрессий. Года три назад потребовалась вторичная реабилитация, но я получила какой-то странный документ, где уже сама признавалась реабилитированной.

А.К. Да, члены семьи «врагов народа» тоже ведь обвинялись...

Е.В. Конечно, в аспирантуру меня не брали. Был последний год жизни Сталина. Меня послали в отдел кадров Министерства просвещения, и там мне сказали: «Вы, видимо, дочь врага народа?» Может быть, это на лице было написано? Тот человек был в военной форме, в сталинке, как и Сталин. Я ответила, что нет. «Значит, дочь вредителя в сельском хозяйстве?» — «Нет», — говорю. В общем, мне сказали, что в аспирантуру я поступать не могу. Я по наивности пошла к министру или замминистра. Он мне сказал: «Девочка, больше никуда не ходи. Сталин еще не умер. — Как он не побоялся сказать мне это, подведя к окну, — не знаю. — Придет время — ты будешь учиться».

А.К. А как его звали?

Е.В. Орлов. В общем, он мне намекнул, что буду иметь неприятности. А я тогда об учебе своей скажу... К сожалению, я в своем личном деле тоже скрывала статус отца, тем более что вопросы были непонятные ввиду этого статуса: «Был ли осужден?» А он уже как бы был освобожден. И когда замечательный профессор Клобуновский, который в молодости знал Луначарского, предложил мне поступать в аспирантуру, я отказалась, боясь поставить его в неудобное положение. И хотя это было уже другое время, хрущевское, но страх остался. Поэтому я просто прикрепила, сама все сдавала.

А.К. Но здесь, наверное, не было общего правила? К примеру, Аза Алибековна Тахо-Годи сумела попасть в аспирантуру, несмотря на отца — «врага народа», осужденного в 1930-е годы.

Е.В. Не знаю. Дело еще в том, что я сначала в течение года училась на классическом отделении, там были блестящие люди, например Нилендер. Оказывается, в молодости он самого Вячеслава Иванова консультировал.

А.К. Он входил в религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева...

Е.В. Да, но тогда я была в высшей степени не осведомлена, глупа и, как все студенты, кричала: «Прочитайте свой перевод “Электры”!» Он тогда переводил Софокла. Он читал сначала по-гречески, затем, завывая, по-русски. Так проходили занятия. С латынью у меня все было хорошо, как и с другими предметами, но в конце года я поняла, что с греческим все закончится плохо. И я перешла на русское отделение.

А.К. Видимо, у всех было плохо? Потому что у Нилендера греческий не учили. Насколько я знаю, слушали его лекции, вдохновляясь, а язык надо было учить у других преподавателей.

Е.В. Но я все-таки решила перейти. Чувствовала за собой страшный хвост — репрессированного отца, который приезжал тайком в Москву, мы скрывались от милиционеров, ото всех. Училась я на филологическом факультете. Книг не было, но были блестящие люди. Фольклор нам читал замечательный преподаватель — Владимир Иванович Чичелов, который приносил на лекции гусли и пел нам былины. Блестящий педагог. Западноевропейскую литературу читал тоже великолепный специалист, Борис Иванович Пурицев. Но я была человеком непостоянным, сначала писала курсовые по древнегреческой культуре об Аполлонии Родосском и увлекалась этим стихосложением. Потом под влиянием Пуришева писала о последних пьесах Шекспира, о «Буре». И только на последних курсах я стала писать о философской лирике Пушкина, и руководителем моим была Руся Георгиевна Гукасова, ученица Пиксанова. Но когда Георгий Иванович Клобуновский пригласил меня в аспирантуру, а я не рискнула туда поступать, а стала самостоятельно работать над диссертацией, сама выбрала тему для работы — Каверина, писала о его творчестве 1920-х годов, когда он был членом «Серапионовых братьев», их я изучала в том числе. Поскольку Каверин был близок Шкловскому и стал прототипом Некрылова в его замечательном романе 1927—1928 годов «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и поскольку «Серапионовы братья» были близки ОПОЯЗу, то я начала заниматься ОПОЯЗом. Увлечение ОПОЯЗом прошло через всю мою жизнь. Сначала в секретных фондах занималась. Это нельзя было читать свободно...

А.К. Нельзя было читать архивы или публикации?

Е.В. Нет, тогда нельзя было читать ничего. Я очень много читала в секретном фонде и увлекалась не столько Кавериним, сколько его окружением. Так возник мой огромный интерес к Ю.Н. Тынянову. В начале 1970-х годов им уже можно было заниматься. Шкловский оставался очень опасной фигурой. Я иногда говорила кому-нибудь из своих студентов: «Ну ты возьми это у Шкловского, придай ему марксистскую окраску, Энгельса используй, но ссылайся прямо на Шкловского не стоит».

Наверное, надо сказать об университете... Михаил Федотович Овсянников...

А.К. До университета мы еще дойдем. А как Вы все-таки пришли к философии — через Пушкина, через его философскую лирику?

Е.В. Нет. Я должна сознаться, что когда после войны я приехала в Москву из Сибири, то подала свои документы на философский факультет, но, к счастью, не поступила на него. Я не поступила, скорее всего, из-за фронтовиков, которых было тогда еще много. Результаты у меня были неплохие,

и с этим листком — он тогда высоко ценился — я пошла в педагогический институт на классическое отделение, меня взяли без всяких экзаменов. А почему я рада, что не поступила тогда на философский факультет? Потому что еще был жив Сталин. И я, зная в себе сочетание трусости и дерзости, потом, прочтя об атмосфере факультета в те годы, поняла, что это мое счастье, иначе я бы попала куда-нибудь...

А.К. Как кур в ощи́п. Это как раз времена Белецкого, изгнание Лосева, кампания против космополитизма...

Е.В. Да-да. Тогда у меня появились друзья-фронтовики, люди старше и умнее меня: ставший впоследствии критиком Виктор Исаакович Камянов и Петр Александрович Руднев — замечательный стиховед, на его работы до сих пор ссылаются; Вадим, его сын, сейчас активно печатается и довольно известен. Они закончили, в отличие от меня, классическое отделение, и от них я узнавала подробности, как и в чем обвиняли Лосева и как они его защищали. К сожалению, студенты в том конфликте делились довольно жестко: половина студентов были обвинителями, половина — защитниками. Но это была такая защита... Ну вот если вспомнить Бахтина, то это было не противопоставление лжи и фальши какой-то истине, а противопоставление шутовской лжи или игры, через которую просвечивает истина. Деканом тогда был Доротани, я его очень хорошо помню, он тоже античник. Так вот, Петр Александрович Руднев рассказывал, как Лосева обвиняли в том, что он ссылался на иностранные источники, очень много на немецкие, и в том, что он рассказывал много анекдотических вещей, например о Зелинском, известном санкт-петербургском античнике, чтобы немного отвлечь публику, расслабить ее. Было еще третье обвинение, не помню его, но такое же глупое. Алексей Федорович был блестящим лектором, читал он по-молодому, голос у него был задористый, и часто в его руках была палка, на которую он опирался и которой пристукивал. Но я вспоминаю и другую вещь: через много лет, кажется, в 1967 году, Руднев стал защищать диссертацию по стиховедению... У него был блестящий оппонент — Михаил Леонович Гаспаров. И отзыв ведущей организации был, по моему, из ИМЛИ, подписанный Тимофеевым, у которого за плечами не было явных компроматов. Но Петр Александрович мне сказал, что на его защите обязательно хочет присутствовать Алексей Федорович Лосев — его учитель. Я предупредила Руднева: «Положение у тебя безвыходное. Ты не можешь сказать Лосеву: “Алексей Федорович, не приходите”». Но защита, скорее всего, будет провалена». Имя ведущего ученого было настолько противно членам этого Совета, что они завалили Руднева. Фамилии этих людей я не хочу вспоминать, потому что у них есть внуки и правнуки (у меня был студент — внук одного весьма сомнительно ведущего себя в то время критика, и я однажды назвала его имя и получила урок на всю жизнь, и теперь, хотя мы были дру-

зьями с внуком этого известного филолога, повторять ошибки не хочу). Одно присутствие Лосева было красной тряпкой, как я и предсказала. Но я не могла дать Рудневу подлый совет не приглашать Лосева: я своего учителя обязательно пригласила бы. Алексей Федорович говорил о том, что защищается истинная наука, — для Совета это было страшным, ведь сказанное означало, что их наука неистинна. Как сложилась дальше судьба Петра Александровича Руднева? Его взял на работу Лотман, и через значительное время он с блеском защитил в Тарту диссертацию. Не помню, кто был вторым оппонентом, но, возможно, тоже Гаспаров. Первым оппонентом был Виктор Максимович Жирмунский. Руднев очень много сделал по стиховедению в Тарту, это признавал сам Лотман, который не был узким стиховедом. Учеником Руднева был и сын Лотмана Михаил. Потом Руднев работал в Петрозаводске. Блестящий лектор, серьезный ученый.

А.К. Рассказывали, что Лосев выкидывал иногда такие, как сейчас говорят, перформансы — ругал работы своих учеников. Видимо, не хотел портить судьбу аспирантов. Если Лосев ругает, значит, степень дадут. Может быть, как раз после той злополучной защиты он стал так делать?

Е.В. Может быть. Лосев был блестящим лектором, но мы тогда не понимали... На лекции он приходил в своей черной шапочке...

А.К. Слепой уже был?

Е.В. Да нет. Он видел. Но уже плохо видел, его сопровождали. И мы не понимали, что значит эта шапочка. Мы же все были комсомольцами, людьми своей эпохи, и я, несмотря на судьбу отца, была комсомолкой, и думали, что эта шапочка — свидетельство его принадлежности к старой дореволюционной профессуре. Мы не подозревали, что она означает. Только впоследствии я узнала, что это знак тайного пострига. Но я должна все-таки несколько слов сказать о Михаиле Федотовиче Овсянникове...

А.К. В университет Вы пришли уже после защиты?

Е.В. Нет. В университет я пришла никем, без защиты. Почему меня взял Михаил Федотович? Когда мы с ним разговаривали, он был еще на кафедре истории зарубежной философии. Мы с ним разговорились о Лосеве, и оказалось, что он слушал Лосева в конце 30-х годов, а я его слушала в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

А.К. А где он его слушал в конце 1930-х годов?

Е.В. Он его слушал в том же Ленинском институте. Но вот парадокс: никогда Алексей Федорович не говорил нам о своих знаменитых работах 1920-х годов. Для нас он, конечно, был символом блестящей профессуры, но о его работах мы не знали. Потом, через своих друзей — Камянова, Руднева, — я узнала о них. Кстати, Михаил Федотович считал своим долгом пусть максимум раз в год навещать Лосева. Сблизило нас также вот что: он поинтересо-

вался, кто читал нам марксистско-ленинскую теорию литературы — эстетики тогда не было. Я назвала фамилию. Михаил Федотович спросил мое мнение об этом ученом, глядя своими глубокими внимательными глазами, и я поняла, что решается моя судьба. Но я сказала правду. Я сказала о своем очень низком мнении об этом человеке. И по лицу Овсянникова я поняла, что он такого же мнения. Следующая причина нашего сближения... Овсянников задумал проверить мои лекторские способности. Я тогда читала эстетику в Плехановском и в Бауманском институтах, у меня были открытые лекции. Это было тяжелое испытание для еще молодого, только начинающего специалиста. В общем эстетику я, конечно, не знала, но энтузиазм хрущевской эпохи, хотя «оттепель» была уже тяжелой, с заморозками: уже снимали в «Новом мире» Симонова, ставили Твардовского, потом снимали Твардовского и ставили Симонова... Вышла «Литературная Москва», где были две совершенно потрясающие публикации — «Рычаги» Яшина и «Собственное мнение» Гранина. Почему-то Гранин на своем юбилее не вспомнил об этом. Но вокруг этих двух публикаций в «Литературной Москве» развернулась жуткая травля. Там же выступил блестящий критик, окончивший филфак университета, — первый критик, которого я прочитала, обладавший таким живым человеческим словом, — Марк Цеглов. Но еще не совсем ушла «оттепель». И Михаил Федотович попросил своих знакомых пригласить меня прочесть курс лекций в Высшей комсомольской школе. Несмотря на мою напуганность, я читала довольно дерзкий для того времени курс — об абстракционизме. На моих лекциях сидел проректор — проректор уже новой формации. Мною — молодой женщиной — было отмечено: он был в зауженных брюках, входящих в моду, и вообще был не похож на всех тех, с кем я раньше встречалась. В конце моего курса он дал мне конверт с какими-то деньгами и сказал, что Овсянникову они доложат о том, что я блестяще его прочитала. Я считаю, эта оценка была завышенной. Но, видимо, энтузиазм времени... К тому же надо учесть эстетический бум, который начался в хрущевское время и был ознаменован книгой Бурова 1956 года «Эстетическая сущность искусства». Для меня, человека, заставшего самый конец сталинизма, само это выражение — «эстетическая сущность искусства» — было просто революционным.

А.К. Да, сущность искусства была моральной, воспитательной, идеологической, но только не эстетической.

Е.В. Да, идеологической. И вот в это время Буров выпускает такую книгу. Поскольку я не училась в аспирантуре, работала в школе, обучала литературе школьников, то моя работа над диссертацией задержалась. Михаилу Федотовичу я бесконечно благодарна за то, что он проявил удивительную смелость — взял меня без защиты. И когда он рекомендовал меня на кафедре, то сказал, что Елена Васильевна — очень опытный лектор. От этих слов я про-

сто испугалась невероятно. «А поскольку она опытный лектор, — продолжил он, — то пойдет на самые сложные курсы, — тогда был эстетический бум, — и на самые сложные факультеты — мехмат и физфак».

А.Е. А никто там читать не хотел?

Е.В. Страшно было. Что же мне делать? Но оказалось, я еще застала мужскую школу и выпустила несколько блестящих учеников, которые учились на мехмате. Я пошла к ним на консультацию. Они уже заканчивали мехмат. И сказала: «Ребята, вот я теперь в таком новом статусе. Что мне делать?» Среди них были блестящие математики, например Розов, который потом работал, кажется, заместителем декана мехмата. Они мне дали совет, который я могу дать и другим. Они мне сказали: «Чтобы в Ваших лекциях никогда не был упомянут ни один математик, ни один физик, никогда!» — «А как читать, ребята?» — «Читайте то, что Вы любите и что хорошо знаете». Никогда ни Бор, ни Гейзенберг, ни остальные математики и физики не были мною упомянуты ни на мехмате, ни на физфаке. А еще один совет дал мне Михаил Федотович. Присутствуя на кафедре и читая диссертации по эстетике, я, еще молодая и самоуверенная, а может быть, и имевшая небольшие основания для этого, как-то пришла в кабинет к Овсянникову и сказала: «Такие диссертации, Михаил Федотович, какие у нас на факультете обсуждаются, я могу написать за две недели своего отпуска и защитить». И он дал мне один замечательный совет: «Елена Васильевна, Вы работаете над филологической проблематикой много лет, там нужны текстология, сравнение разных редакций и другая филологическая работа, нельзя бросать то, что Вы начали и чему уже отдали кусок своей жизни. Вы должны закончить и защитить диссертацию, то, что уже в значительной мере написано». Я послушалась его совета и защитила диссертацию в Педагогическом институте имени В.И. Ленина, получив степень кандидата филологических наук. В то время я занималась уже Гегелем особенно и Кантом. Мои студенты сейчас мне сказали: «Вы не зря занимались Гегелем, потому что у него есть интерес к живому искусству, интерес к истории искусства и интерес к философии, — все сочетается, и когда Вы читали нам лекции по философии искусства Гегеля, то постоянно ссылались на тартускую школу, на Бахтина, поэтому это все было не зря — просмотрите свои статьи». Я просмотрела шесть своих статей, и действительно, статьи о Гегеле содержат ссылки на знаменитое Собрание сочинений в переводе Поповского, все это есть. Но одновременно чувствуется, что автор уже читал Лотмана, «Лекции по структуральной поэтике», знает ОПОЯЗ и даже с Бахтиным более-менее знаком.

А.К. А Вы были в курсе «живого» искусства? Выставок, новых направлений?

Е.В. Дело в том, что я же работала на идеологическом факультете, и Михаил Федотович иногда произносил такую фразу: «У нас есть человек, кото-

рый знает искусство. И хорошо бы ему заняться социалистическим реализмом». А я очень рано начала посещать лекции по искусствоведению и слушала очень крупных лекторов. И, чтобы избежать этого, я начала заниматься не искусством слова, а...

А.К. Вы думаете, он верил в социалистический реализм?

Е.В. Да нет, конечно. Но он же руководил кафедрой и был деканом, хотел, чтобы не просто идиотизм писали, а я не хотела... И первая моя монография связана уже с логикой науки, поэтому моим оппонентом по докторской диссертации был Дмитрий Павлович Горский. В моей монографии есть ссылки на В.А. Смирнова, известного логика, на В.С. Шевырева, в общем, на известных философов науки. Эту сферу я изучала тщательно. Что греха таить, в логике и методологии науки я скрывалась от какой-то идеологической необходимости. Но, уже читая Гегеля, я поняла, что проблема эстетики может решаться как проблема эстетики и философии. Некоторые люди в Петербурге, Киеве об этом писали и делали это довольно убедительно. И я понимала, что это не мое. Но Гегель, не признающий теории отдельных видов искусства за их техницизм и формализм, очень высоко ценил историю искусства. Сам блестяще знал арабскую поэзию и ездил на выставки в Австрию, и театр французский смотрел, и малых голландцев видел. Свои профессорские каникулы он проводил в таких поездках — мне это было очень близко, дорого. И я, убедившись, что теории искусств, особенно музыки, формальны, стала проводить такую идею (подсказанную не только Гегелем, но и замечательными искусствоведами, такими, как Д.В. Сарабьянов, например), что эстетика должна обязательно выходить к искусству через какие-то определенные звенья историко-теоретического, историко-типологического и искусствоведческо-эмпирического исследования. То есть используя вот эту градацию. А логики и теоретики науки тогда это хорошо разработали: философский, теоретический, эмпирический уровни и т.д. Это все можно было сделать корректно с аспирантами, но, защитив докторскую диссертацию, я поняла, что задыхаюсь без живого искусства, т.е. этап, когда я шла в эстетику через историю искусства, через типологию, через так называемые функциональные исследования, был мной в какой-то мере исчерпан. После защиты диссертации, после спецкурса по Гегелю, после шести статей по Гегелю, после первой монографии, а главное, после тщательного изучения логиков я поняла, что не могу удовлетвориться посредниками между эстетикой как философским знанием и живым искусством, что мне нужно самой заняться искусством. Наступил самый трудный период в моей жизни. Дело в том, что обратиться к искусству слова я боялась, потому что у меня до сих пор в голове были постановления ЦК КПСС об искусстве и литературе.

А.К. О журналах «Звезда» и «Ленинград»?

Е.В. Да вообще все постановления. То есть литература как сгусток идеологической борьбы. К тому, что, казалось бы, для меня органично, я боялась перейти. Поэтому началась странная вещь: я бросилась в реставрацию, реставрацию архитектуры, меньше — в реставрацию живописи. Реставрация коломенского храма Вознесения проходила на моих глазах, я ходила туда со специалистами. Ездил к своим бывшим аспирантам в Армению. Видела своими глазами и Рипсима, и все эти знаменитые памятники, на коленях стояла у Гарни и Гергарда. Потом я поехала в другую сторону — на Север, в Латвию и Литву. В Суздале я под клетями все облазила, до сих пор помню, где там пятиглавие, где трехглавие, где одноглавие. То есть я бросилась не в свою сферу. Но, чтобы не оказаться совсем неграмотным человеком, я обратилась к искусствоведам, у которых я читала курс «История эстетических учений». У них также читался курс по реставрации. И я, будучи уже профессором, ходила на эти лекции и вместе со своими студентами сдавала зачет по реставрации. Они даже иногда мне подсказывали, почему все эти соли, которые накапливаются, надо убирать, а это очень сложно... Но, как это ни странно, вторая моя большая монография, «Произведения искусства в мире художественной культуры», только частично касается искусства слова. Там есть этот блок, Гёте там проходит, есть ссылаки на С.С. Аверинцева. Но собственный материал как бы неорганичен для меня — это реставрация, это территории памятника, это знаменитые охранные зоны. Я тогда много ездила, читала специализированные журналы и таким образом дополняла свою работу. В моей книге есть даже сравнение разных стилей реставрации — все это я и изучила на практике, и прочитала у архитекторов.

А.К. А как Вы относитесь к сегодняшним тенденциям, когда реставрируются фактически утраченные памятники, уничтоженные артефакты? Вознесенские ворота, храм Христа Спасителя, например?

Е.В. Это в принципе в реставрации разрешается, если памятник имеет символическое значение. И на Западе так делается... Но я уже от этого отошла, и когда с Вами, как со студентом, мы встречались, у меня были другие интересы. Были очень занятые выставки, например «Как реставрировался Парфенон». Я помню, все там изучала. Не пропустила ни одного Випперовского чтения, которые были приурочены к очень интересным выставкам, узнала много нового для себя. Например, существовало представление, что знаменитый матиссовский контур художник делал без подготовки: раз — и все. Оказалось, прежде чем сделать одним росчерком этот контур, он готовил серию предварительных, как бы натуральных изображений. В общем, был период, длившийся не менее десяти лет, когда я погрузилась в эту сферу «живого» искусства. Но тут наступило время, близкое к перестройке. Целая серия выставок — Кандинский, Марк Шагал, Малевич и все остальное... И тогда я уже по инерции написала брошюру «Зритель и музей». Органично сплавить там философский

уровень с искусствоведческим уровнем и непосредственным зрительским впечатлением мне не удалось, потому что в сфере философской эстетики я исходила из герменевтики и начинала очень издалека — Шлейермахер, Дильтей, Гадамер... А этот материал иногда не очень органично включался в книгу. Иногда получалось в отдельных моментах. Там есть глава «Что такое музейное искусство?», в которой, мне кажется, более-менее это получилось. Но мне хотелось подарить книгу искусствоведам. И я подарила ее, как это ни странно, самому Сарабьянову. По доброте своей он воспринял ее неплохо. Но, пройдя все эти этапы, реставрацию, новые выставки, я вдруг поняла, что настало время вернуться к искусству слова. И вот тогда я написала статьи, не все из них опубликованы, это потребовало бы много энергии. Я написала и про «Один день Ивана Денисовича», и еще несколько статей, но самым главным моим прорывом был, конечно, Шаламов.

А.К. А почему Вы обратились к лагерной прозе? Ведь в советской литературе были и Бабель, и другие интересные писатели. Личная, экзистенциальная тема здесь звучит, Ваша постоянная боль, связанная с арестом, а потом и с осуждением отца?

Е.В. Нет, не только боль. Ни в одной из своих статей или книг я не проговорила о личном опыте...

А.К. Ну, это нормально, но все равно имплицитно он может присутствовать...

Е.В. Да, конечно, этот опыт присутствовал, но не в этом дело. Главное то, что в «Юности» появилась переписка Шаламова с Пастернаком. В «Знамени» опубликовали его переписку с Надеждой Мандельштам и со многими другими авторами. Самое главное, в журналах начала печататься его проза. До поэзии я еще не поднялась. Поэзия была уже потом. И проза Шаламова произвела на меня колоссальное впечатление просто как художественное, эстетическое явление. Ну просто ошеломляющее впечатление. Не хочу называть имена, с кем-то сравнивать Шаламова, но в художественном отношении никого не могу поставить рядом с ним. И может быть, правы американцы, которые писали, что это самая великая наша отечественная проза XX века. Я работала над Шаламовым и как философ, и как эстетик, и как филолог. То есть с огромным количеством карточек, ящиков, распределителей, с классификацией... Потом после прозы я дошла до его поэзии — до «Колымских тетрадей», и здесь, я думаю, мне помогло знание ОПОЯЗа, Лотмана, стиховедов. То есть я не почувствовала себя беспомощной перед его поэзией. Тем более что я знала наследие Томашевского, Жирмунского, Андрея Белого и в стиховедческом плане, и в плане философском. Но был у меня и такой случай. Я написала одну статью, мне сделали два или три стилистических замечания, а потом по секрету сказали в коридоре: «Не приносите, не появится». Не могу сказать, с какими именами это было связано, почему...

А.К. Это не с НЛО связано?

Е.В. Нет, НЛО к моей книге отнесся прекрасно, хотя я больше всего боялась его реакции, думала, разнесут меня в пух и прах. Я боялась А.И. Рейт-блата, думала, что он забыл меня...

А.К. Он выпускник Вашей кафедры?

Е.В. Он мой личный выпускник, но мы не виделись четверть века... Он кому-то поручил написать рецензию. Она была не очень глубокая, но блестящая. Но я хотела подготовить огромную книгу, у меня было 330 страниц — размер моих кандидатской и докторской диссертаций... Но я отдала ее итальянцам, по-моему, Вы как раз тогда меня предупредили, что пропадает все, разнесут, потому что я никакого договора не заключала... Наивно, глупо... Большую книгу отдала в «Республику», там от шаламовского гранта остались 10 миллионов тогдашних, и главному редактору, которого я боялась, она понравилась, но, к сожалению, он ушел в отпуск. И мне сказали: «Уберите всю поэзию, — было 80 страниц, — сократите фрагмент про Лосева — “пещера”, Порфирий. Или, если оставлять, надо сделать денежные вложения». А у меня в то время родился маленький внук.

А.К. А как Вы думаете, с чем это связано, ведь богатое издательство, с советским прошлым, с традициями?

Е.В. Редактор ко мне хорошо отнесся, никаких претензий к нему я не имею. А главный редактор в это время был в отпуске. И мне как-то все говорили, чтобы я торопилась, неизвестно, что будет... В общем, фактически треть книги я выбросила.

А.К. Есть надежда, что будет новое, доработанное издание?

Е.В. Нет, если я вернусь, то только к теме встречи искусства с эстетикой. Но у меня получилось не совсем нормально. Некоторые статьи были написаны уже после книги, т.е. они перекрывали ее. И когда мне предложили за пять дней сократить книгу, я уже ссылалась на свои статьи. Хотя там уже не было идеи этих моих статей, но просто чтобы сослаться, что вот в «Человеке» есть моя статья о поэзии Шаламова и т.д. Вот был такой опыт. А потом мой старший друг, ученик Лосева Виктор Исаакович Камянов, прочитав в «Литературной газете» мою первую публикацию о Шаламове, позвонил и сказал: «Ну наконец ты стала посвободнее как-то писать». И он мне завещал написать статью об «Убиты под Москвой» Константина Воробьева: «Я не смог, не сумел. Я тебя прошу». Дело в том, что здесь скрестилось то, о чем Вы говорите. Мои родители — белорусы, а немцы уже на пятый день войны были в Минске. Мои родственники партизанили с 12 лет, погибали совсем молодыми. Мой молодой троюродный брат погиб под Москвой с малокалиберной винтовкой в руке.

Это было не только выполнением завещания Камянова, я чувствовала, что должна написать об этом. Но это потребовало от меня невероятных усилий.

Как бы ни был труден Шаламов, но в нем мне многое было понятно интуитивно, а здесь — я же не воевала, под бомбы не попадала, я тогда в школу ходила. Как перенестись в этот мир? Я думаю, в этом в какой-то степени мне помогли студенты. Я дала им прочитать написанное и услышала от них, что это единственное, что достойно и глубоко отражает трагедию войны. Тогда я отдала статью об «Убиты под Москвой» в «Вопросы философии». Сейчас я ее называю так: «Повесть “Убиты под Москвой” и трагическая ошибка-вина в философии». Сейчас я уже заканчиваю ее Ясперсом, вопросом виновности. Но у меня не хватило смелости написать, что у нас Карла Ясперса не было.

А.К. Вообще, XX век требует античных категорий для осмысления: судьба, вина, катарсис. Вы с ними работаете, мне это кажется очень интересным.

Е.В. Но я к этому пришла в конце концов... В «Вопросах философии» меня привечали, было опубликовано пять статей, вот сейчас о Лотмане будет статья. Меня спросили там: «О чем же Вы будете писать?» — «Только не о трагическом», — отвечаю. Сейчас я уже мистически настроена и боюсь. Константин Воробьев для меня — все. И я сказала: «Сейчас что-нибудь легкое». Я решила, что вернусь к тому, с чего я начинала, — к встрече эстетики с искусством. Это будет XX век, я обнаружила совершенно потрясающие аналогии, о которых даже еще не рискую писать. Там, конечно, бахтинский катарсис... Потом проблема, которую я во второй книжке рассматриваю. Удовольствие и неудовольствие при восприятии — как раз для того времени это было ново... У нас же привыкли: удовольствие скрашивает все...

А.К. Это вообще тема Спинозы...

Е.В. Да, конечно, у меня там ссылка и на Спинозу есть. И на кого только нет ссылок: Я. Рейковский, поляки, С.Л. Рубинштейн. Потом на эту книгу вышла рецензия в «Искусстве», в которой была отмечена необычность темы. Вот это я взяла, удовольствие-неудовольствие... Остальное я отмела. Даже все эти выставки... Вот осталось это и еще то, что об «Архипелаге ГУЛАГ» написала...

А.К. Елена Васильевна, хотелось бы попросить Вас несколько слов сказать о Вашей кафедре, о людях, которые были Вам близки все это время. Михаила Федотовича Овсянникова я, к сожалению, уже не застал... Знаю, Вы написали замечательный некролог об Евгении Георгиевиче Яковлеве, недавно ушедшем от нас...

Е.В. Михаил Федотович Овсянников, не будучи поклонником семиотики, высказывал иногда мысль, что есть неглупый человек на кафедре — Елена Васильевна Волкова, но (*жестикულიрует*)... — на семиотике она, так сказать, несколько сломалась. Овсянников посылал меня, хотя никаким семиотиком я не была, в командировки в Тарту, за что я ему бесконечно благодарна. Далее. Иногда Лотману нужны были какие-то отзывы, на того же Руднева, который

вторично защищался, еще на какие-то работы, а в то время и Храпченко, и все остальные «катили бочку» на Тарту. Михаил Федотович, как заведующий кафедрой, все мои семиотического плана отзывы подписывал. И более того, когда Зара Григорьевна Минц защищала диссертацию и мне тоже что-то нужно было написать, Михаил Федотович подписал. И поэтому я ему бесконечно благодарна.

Евгению Георгиевичу я очень благодарна за то, что он благословил меня, когда я стала заниматься Бахтиным. У меня получилось как-то немножко странно: сначала ОПОЯЗ, потом Лотман, потом Бахтин, потом снова Лотман, потом снова ОПОЯЗ. Он дал зеленую улицу защите по Бахтину, когда Бахтин еще подвергался остракизму...

А.К. Аспиранту?

Е.В. Студентам даже. Это был, наверное, 1987 год. Были первые дипломы по Бахтину. Тогда еще не было издано даже брошюры, которую Вы знаете, 1990 год. И я с Вашей кафедры слышала предостережение: «Почему Вы, Елена Васильевна, беретесь за какие-то такие темы?..»

А.К. А кто это говорил?

Е.В. Не могу сказать, человека этого уже нет в живых. А Евгений Георгиевич эту тему пустил.

А.К. Вообще очень интересная ситуация, простите, получается. На лотках уже продается «Майн Кампф», а на философском факультете думают, стоит ли изучать Бахтина или нет. Где-то мы оказываемся впереди, а где-то весьма и весьма отстаем...

Е.В. Да... Евгений Георгиевич был человеком неровным... Здесь уже не было таких отношений... Михаил Федотович для меня — это шеф. Я знала, что он говорит в кабинете и что он говорит на кафедре, знала эти противоречия и относилась к этому нормально. И с ним я дважды бывала на международных конгрессах — в Кракове и в Дубровнике. И у меня сохранились самые теплые воспоминания об этом. Евгений Георгиевич очень любил поэзию и великолепно чувствовал искусство, я помню, мы с ним смотрели «Иваново детство». Какая же у него была реакция... Я ни с чьей реакцией не могу сравнить. Абсолютная адекватность, понимание. Кроме того, он любил поэзию просто так, не любил ее анализировать. У меня-то была склонность к анализу, потому что все-таки я стиховедением занималась.

А.К. К Колмогорову ходили...

Е.В. К Колмогорову ходила в высотку... Я все-таки владела каким-то методом... Томашевский... через все это я прошла. Но никто так не оценил мою статью в «Человеке» о Шаламове, как это сделал Евгений Георгиевич. Даже жене сказал: «Ты знаешь, Лена, мне принесли такую статью в больницу, я просто получил удовольствие...» Тогда у него уже был первый инфаркт.

Кроме того, Яковлев был очень дорог мне своими откликами на все мои публикации. Иногда эти отклики, быть может, были не совсем в моем духе. Иногда в них проявлялось вроде бы какое-то русофильство.

А.К. У Вас?

Е.В. У него. У меня не могло проявляться, потому что когда я читала письма сокамерников отца, узнавших, что он жив, то среди них были все — украинцы, латыши, евреи... От отца у меня мир делился на палачей и жертв. Яковлев мне говорил: «Ты там в конце пишешь... всякий человек... надо писать: русский человек». Я ему говорила: «Брось-брось-брось. Среди охранников было много русских ребят». Я это знала от отца. Но в принципе его реакция всегда была трогательной. На кафедре он не говорил этого, но лично мне никто, пожалуй, кроме Яковлева, не говорил столько хороших слов о моих публикациях. Я ему бесконечно благодарна, его не хватает. И сейчас мне его не хватает как председателю Ученого совета. Он мог иногда не приходиться — заболеть или даже закапризничать, но я всегда была за его спиной.

А.К. Это доказывает, что каждый человек по-своему незаменим. Особенно в нашей научной среде. Особенно если это учитель. И я благодарен Вам, Елена Васильевна, за Ваше учительство, за то, что Вы сумели нам передать. Спасибо и за то, что Вы нашли время для этой беседы.

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

Беседу с академиком РАН Теодором Ильичом Ойзерманом провел доцент философского факультета МГУ А.П. Козырев.

Интервью записано в 2004 г.

А.К. Теодор Ильич! Долгие годы Вашей научной и преподавательской работы были связаны с философским факультетом МГУ. Вашими стараниями удалось поднять до очень высокого уровня кафедру истории зарубежной философии, репутация которой и сейчас в университете довольно высока. Потом, в конце 1960-х годов, Вы оставили университет и перешли в Институт философии. Не было ли для Вас это потерей?

Т.О. Как Вам сказать, работа на философском факультете дала мне очень много, но времени для того, чтобы писать статьи и книги, не хватало. Стоило мне начать работать в Институте философии, как каждые два года у меня начали выходить в свет книжки.

А.К. Тогда все-таки была достаточно неплохая зарплата? То есть можно было только за счет академической работы прожить?

Т.О. Вообще, когда я перешел в Институт философии, там не было вакансии заведующего сектором, так что я получал меньше на 100 рублей, не 500, а 400. Но через два года умер М.А. Дынник, и мне предложили заведовать сектором истории философии, и я ей заведовал до 1986 года, а потом стал советником РАН — такая должность полагается академикам и членам-корреспондентам РАН, перешагнувшим 70 лет. Она дает возможность работать по индивидуальному плану и получать прежнюю зарплату.

А.К. Мы к 70-летию воссоздания философского факультета задумали серию интервью с видными отечественными философами, и прежде всего с теми людьми, которые были связаны с факультетом или сейчас продолжают, как В.В. Соколов, работать здесь. Вы человек легендарный, и я должен признаться, что первая лекция, которую мне прочитали в университете, — это была Ваша лекция. В 1985 году, когда я поступил на философский факультет, Вы пришли для того, чтобы приветствовать первокурсников и прочитать нам 1 сентября лекцию.

Т.О. Наверное, тогда я какой-то спецкурс читал?

А.К. Нет, это была лекция для всего потока, для всех студентов.

Т.О. Какой год?

А.К. Это был 1985 год. А.Д. Косичев Вас позвал, и Вы в поточной аудитории читали одну лекцию, т.е. это не был спецкурс, это просто была вводная лекция.

Т.О. Косичев уже был деканом?

А.К. В это время как раз заканчивался срок его деканства, по-моему, это произошло в 1987 году. Вы начинали заниматься философией еще в предвоенные годы?

Т.О. Я защищался перед войной. Незадолго, конечно, всего лишь за месяц до начала войны. Но это, пожалуй, меня спасло. Иначе я бы едва ли уцелел. Потому что из тех ребят, аспирантов, которые со мной учились и которые не успели защититься, уцелели один-два человека, потому что солдатская жизнь — или убьют, или ранят. Вот кого искалечили, тот уцелел. А кто не был искалечен, тот был убит. Через нашу 6-ю армию за годы войны прошло 900 тысяч человек, а в армии обычно бывает не более 80—90 тысяч. Представляете, сколько раз обновлялся ее состав.

А.К. Вы были призваны офицером?

Т.О. Нет, у меня не было никакого военного звания, но потому что я был кандидатом наук, меня направили в офицерскую школу и через 3 месяца присвоили шпалу, т.е. старшего политрука (потом я стал капитаном), и назначили старшим инструктором политотдела дивизии, причем сначала меня даже назначили на довольно тихую должность в системе ПВО. А потом я из-за чего-то не поладил с начальством, и в 1943 году меня послали на Воронежский фронт, а в 1944 году просто перевели в пехоту. И с января 1944 года я уже воевал в 6-й армии. Мы прошли почти всю Украину, затем бились на правом берегу Днестра, но оттуда нас сняли и отправили на польский плацдарм на Висле. Это был город Сандомеш. Мы этот плацдарм расширяли. Затем двинулись в наступление, прошли всю Польшу до Ченстоховы, до Одера. Форсировали Одер. И у нас осталось от всей армии всего 5 тысяч активных бойцов.

А.К. Вы до Германии дошли в 1945 году? Там закончили войну?

Т.О. Ну да, в Германии. И поскольку у нас осталось так мало активных бойцов, нам поручили просто осаду Бреслау, т.е. нынешнего Вроцлава. Причем информация была недостаточная: оказалось, в Бреслау находилось 40 тысяч немецких солдат, а нас — всего 5 тысяч. Правда, нам пришел на помощь танковый полк, затем 16-я воздушная армия помогала. Но в общем, конечно, взять Бреслау мы не смогли. И так было до конца войны. 7 мая немцы просто сдались нам; поскольку на Западе они начали сдаваться, здесь они тоже сдались. И тогда мы обнаружили, что их 40 тысяч. Они, конечно, не представляли, что могли бы легко вырваться из этого окружения, поскольку оно было фактически липовое. Данных разведки у них тоже не было, как и у нас. На этом и кончилась моя война. Но так как я хорошо знал уже тогда немецкий язык, то меня не отпустили, а перевели в Центральную группу войск в Вену. Там я был лектором политуправления Центральной группы войск. Надо было вести разъяснительную работу с местным населением. Это было очень трудное дело, потому что политика была не продумана, ввели 8-часовой рабочий день.

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

а у них был уже 7-часовой и т.п. В результате на выборах в парламент Компартия провалилась, к власти пришла Консервативная партия. Я целый год пробыл в Вене, вернее, под Веной, в маленьком городке Бадене. А потом все-таки я подумал, что надо возвращаться. Конечно, официально меня отпускать не хотели, но так как у меня была справка из госпиталя, что я вследствие тяжелой контузии являюсь «годным второй степени» (во время боев на Курской дуге я был контужен), я осмелился, минуя мое непосредственное начальство, т.е. начальника политуправления, обратиться к члену военного совета Центральной группы войск. Это был такой генерал-полковник Галаджев. К счастью, он не был формалистом и спросил: «Зачем Вы пришли?» Я ему протянул свои документы. Ограниченно годен — это значит инвалид. Во всяком случае, не годен к строевой службе, поэтому, мне кажется, меня должны отпустить. Пока шла война, я, конечно, не ставил вопрос о том, что не годен к строевой службе. Но теперь, в 1946 году, войны уже нет. Он говорит: «Конечно же правильно, завтра же отпустим». И действительно, на следующий день мне позвонил начальник отдела кадров и сказал: «Собирайтесь».

А.К. У Вас была кандидатская степень. В принципе, может быть, Вы даже броню могли получить перед войной? Или кандидатская степень не давала такой возможности?

Т.О. Может быть, не знаю, но вообще настроение у людей было дурное. И не только у меня, и у всех других. Я помню такой даже комический случай. Был у нас аспирант Шейдабек Мамедов. Он тоже защитил диссертацию в мае 1941 года. И когда началась война, мы с ним пошли к секретарю Сокольнического райкома партии Леонтьевой. Мы ее хорошо знали, так как одно время она работала у нас доцентом политэкономии. Мы говорим ей: «Людмила Васильевна, мы хотим добровольно пойти на фронт». Она отвечает: «Что Вы, ребята, Вы же научные работники. Вы должны заниматься наукой, война окончится через три месяца». Если бы она окончилась через три месяца, то, конечно, она могла бы окончиться только поражением. Но кончилась победой, потому что длилась она достаточно долго. Когда в Австрии люди меня спрашивали, почему мы победили, я отвечал: «У нас, в отличие от немцев, не было другого выхода».

А.К. Ваша диссертация была посвящена проблеме свободы?

Т.О. Да. Она называлась «Марксистско-ленинское учение о превращении необходимости в свободу». Это была пухлая рукопись, около 1000 машинописных страниц.

А.К. Она была опубликована потом?

Т.О. Моя мать сохранила эти самые два томика, в то время как почти все мои книги и рукописные материалы пропали во время войны.

А.К. Сейчас кандидатская диссертация — 120—150 страниц, а эта выглядит более существенно по объему.

Т.О. Дело в том, что мне очень повезло. Сталин назначил для аспирантов всех наук 100 стипендий. По философии, естественно, была одна аспирантская стипендия, так же как и по другим наукам. Причем стипендия была совершенно умопомрачительная — 1000 рублей, а профессор получал 900 рублей в те времена. А дело в том, что склонность писать у меня обнаружилась довольно рано. Будучи еще студентом и в начале аспирантуры, я успел опубликовать 13 популярных статей в журналах «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Молодой большевик», потом и в журнале «Большевик», где я, будучи аспирантом, работал по совместительству работал у Л.Ф. Ильичева, который был тогда ответственным секретарем журнала. Таким образом, со своими 13 статьями я оказался в числе сталинских стипендиатов, получил письмо за подписью Кафтанова (председателя Комитета по высшей школе) и О.Ю. Шмидта (вице-президента Академии наук СССР) о том, что мне назначена сталинская стипендия 1000 рублей.

А.К. На год?

Т.О. Нет. До конца аспирантуры. Я ее получал примерно два года. В 1938—1939 годах ее еще не было. Она появилась в 1940 году, и мне ее назначили тогда. Значит, 1940—1941 годы. Около двух лет я получал такую стипендию. Так что, в общем, повезло.

А.К. Работая над диссертацией, Вы читали Маркса по-немецки или тогда уже были русские переводы Сочинений?

Т.О. Нет, дело в том, что, работая над диссертацией, я не так уж много читал Маркса. В основном я читал историко-философские работы. Первый том диссертации был историко-философский, а во втором томе я пытался разобраться в проблеме с позиций диалектического и исторического материализма, исходя, в частности, из работы Сталина об основных чертах идеализма и диалектики. В общем, я старался применить эти черты к проблематике свободы и необходимости. Конечно, получилось довольно искусственно. Сейчас это вызвало бы справедливую критику. Но тогда это был стиль такой. Ко времени защиты диссертации мне назначили оппонентов совершенно необыкновенных: П.Ф. Юдина, члена ЦК КПСС, члена-корреспондента Академии наук СССР, М.Т. Иовчука, члена-корреспондента Академии наук, и еще третьего назначили. И Юдин по простоте или по доброте даже предложил мне присудить за эту диссертацию докторскую степень. Но Ученый совет разумно решил: пусть сначала автор опубликует свою работу. И Соцэкгиз заключил со мной договор на издание книги.

А.К. А третий кто был?

Т.О. Профессор М.А. Дынник, известный специалист в области античной философии.

А.К. Книга успела выйти?

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

Т.О. Нет, конечно. В мае я защитил, а 22 июня началась Великая Отечественная война. Конечно, я не успел подготовить рукопись к печати. Это к лучшему. Таковую книгу мне было бы потом стыдно читать. Я подготовил статью для журнала «Под знаменем марксизма», но из-за войны она так и не вышла. Конечно, война все порушила.

А.К. А кто был научным руководителем?

Т.О. Г.Ф. Александров. Он, по-видимому, сыграл довольно большую роль в моей судьбе, потому что когда я вернулся из армии в 1946 году и пришел на факультет, который уже был переведен в МГУ, ведь МИФЛИ ликвидировали, то декан Д.А. Кутасов мне сказал: «Вы знаете, все-таки это философский факультет МГУ, а Вы работали в МИФЛИ. Конечно, это тот же факультет и по суду, в общем, Вы можете добиться восстановления, но какие у Вас будут отношения на факультете? Так что лучше Вы и не суйтесь». А потом он намекнул на пятый пункт.

А.К. Ведь 1947 год на дворе был. Борьба с космополитами.

Т.О. Это еще в 1946 году было.

А.К. Космополиты в 1947 году были.

Т.О. Ну да, а это было в 1946 году. Я обратился тогда к своему другу Ивану Хренову, который был секретарем парткома в МИФЛИ и рекомендовал меня в партию. Он в это время заведовал сектором в ЦК КПСС. Я рассказал ему свою историю. Он сказал, что пойдет к И.С. Галкину, который тогда был ректором МГУ. Хренов сказал, что Галкин его друг. Они оба были на историческом факультете. Пошли мы вместе. Хренов сказал: «Посиди в приемной, а я с ним поговорю так, по душам». И через полчаса возвращается такой красный, точно он выпил пол-литра. «Знаешь, — говорит, — ничего не выходит. Галкин уперся». Ну ладно, не выходит и не выходит. И потом мне помогали он и другие, несколько человек работали тогда в ЦК, до Александра я не дошел. Он был начальником Управления пропаганды и агитации, и я даже как-то стеснялся к нему обращаться. Там была Наумова Мария Александровна. Тараканов такой был. Много было людей с еврейскими фамилиями. И они мне порекомендовали Институт имени Плеханова. Они мне сказали, что там конкурс, что они туда позвонили, надо подавать документы, зачислят доцентом, и все — меня зачислили доцентом. И я там очень хорошо работал. С удовольствием читал лекции. Звали меня в заместители секретаря парткома института. Подружился я с директором Иваном Кузьмичом Верещагиным. Все было хорошо, а потом вдруг в 1947 году, весной, ближе к лету, во всяком случае, учебный год еще не кончился, вызывает меня Светлов, который был заместителем министра высшего образования, а я его совсем не знал. И я даже несколько был испуган, потому что не знал, в чем дело. Пришел, но он меня встретил, как старого знакомого, и говорит: «Садитесь, садитесь. Знаете, мне

нас рекомендовали». Я говорю: «В каком смысле?» — «Ну вот, я заведу кафедру истории европейской философии, но, понимаете, у меня не хватает времени, и я не могу там регулярно бывать. Вот я хочу, чтобы Вы стали доцентом, ну и были моим заместителем. Формально должности такой нет. Но де-факто Вы будете им». Я говорю: «Я-то не против, но, Вы знаете, Кутасов против». — «Уломаю, — говорит он мне, — Кутасова». — «Галкин против». — «Ну, я ему скажу». Я говорю: «Понимаете, это так не годится. Вот если Галкин напишет мне письмо, что приглашает меня на факультет, тогда я пойду, а если какие-то закулисные переговоры будут, то нет». Галкин, действительно, прислал мне письмо.

А.К. А Галкин был тогда кем?

Т.О. Ректором Московского университета. Потом мы с ним познакомились. Вот я и вернулся на философский факультет, хоть Светлов меня предупреждал: «Имейте в виду, что там есть очень опасный человек — профессор Э.Я. Белецкий, будьте осторожны, пожалуйста, я и сам его побаиваюсь».

А.К. Белецкий заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма?

Т.О. Да. Он был икапистом, т.е. окончил Институт краской профессуры, получил звание профессора, не защищая ни кандидатской, ни докторской диссертации. По образованию он не был философом. Он был врачом, но медициной никогда не занимался. Если Вы читали книгу А.Д. Косичева, то знаете, что он совершил научный подвиг. Он нашел в архиве ЦК КПСС письма Белецкого Сталину. Первое письмо написано в конце 1943 года, о том, что выпустили третий том «Истории философии», где восхваляют немецкую классическую философию, а мы тут воюем с немецко-фашистскими оккупантами, и т.д. Сталин вызвал Александрова (Александров это потом мне рассказывал, когда уже не работал в ЦК, а был директором Института философии), показал ему письмо и спросил: «Какого Вы мнения?» Александров ответил: «Ну что можно сказать, Белецкий — человек несведущий, необразованный, он мало что понимает вообще в философии». А Сталин ему говорит: «Возможно, что он человек не очень знающий, но политическое чутье у него есть».

А.К. А почему Сталин к Белецкому так относился?

Т.О. Потому что Белецкий написал: как можно восхвалять философию Гегеля, когда фашисты его изображают, как своего родоначальника, творца концепции государства, как абсолюта и т.д.? Ну и было постановление ЦК на основании письма Белецкого.

А.К. Сняли Госпремию с третьего тома?

Т.О. Да, сняли Госпремию. И после этого Белецкий стал непререкаемым авторитетом на философском факультете. Он даже сказал, что надо изъять из списка рекомендуемой литературы работу Ленина «Три источника и три

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

составные части марксизма». Изъяли. Но при этом он был закоренелым догматиком. Но достаточно умным догматиком, т.е. понимал, где надо держаться догмы, а где не надо. Потом он написал еще одно письмо Сталину, и А.Д. Косичев также приводит его. Кстати, об этом можно прочесть в пятом номере «Вопросов философии», в интервью со мной по поводу моего девяностолетия. Там цитируются эти письма. Второе письмо Сталину было насчет книги Александра «История западноевропейской философии», что она страдает теми же пороками, что и третий том «Истории философии», несмотря на то что Александр мог учесть решение ЦК в новом издании книги. Опять вышло постановление ЦК обсудить книгу Александра. Александр сам организовал это: своим заместителям М.Г. Иовчуку и П.Н. Федосееву он поручил провести обсуждение. И прошло довольно гладко: говорили о мелких недостатках. Но в ЦК решили, что это никуда не годится. А.А. Жданов сделал доклад. И тут началось: раздолбали Александра весьма сильно. Белецкий почему-то не присутствовал, наверное, болел, но текст он представил, и он был опубликован в первом номере «Вопросов философии». Он там цитирует «Немецкую идеологию» Маркса и Энгельса, в частности то место, где говорится, что из философии надо выпрыгнуть и заняться положительным. Грамотный человек должен был понять, что это ранняя работа, в которой много положений, от которых Маркс и Энгельс потом отказались, вроде того, что философия не имеет истории, что частная собственность и разделение труда — тождественные понятия. Но для Белецкого это не имело значения. Ему важно было, так сказать, вдарить.

А.К. У Вас лично с ним были какие-то столкновения?

Т.О. Белецкий сразу взял меня в оборот. Он сначала меня встретил очень хорошо. Даже сказал: «Я очень жалею, что Вас сразу не приняли на факультет, Вам надо было обратиться ко мне, я бы все устроил». В общем, сначала разговаривал дружелюбно. А потом спрашивает: «Ну, как Вы собираетесь преподавать идеализм в истории философии? Ведь идеализм есть утонченная поповщина, Вы согласны с этим ленинским положением?» Я говорю: «Конечно, согласен». — «Но в таком случае надо включить идеализм в программу истории религии и атеизма, а из истории философии снять, тем более что Жданов-то сказал, что история философии есть история возникновения и развития материализма». Я сказал: «Он говорит, в борьбе с идеализмом, значит, надо все-таки показать, с кем он борется». Он говорит: «А это пусть и делают там, на кафедре истории атеизма и религии». Я говорю: «Зиновий Яковлевич, но все-таки мы, историки философии, лучше можем показать это, чем люди, которые не занимаются историей философии». Ему это не очень понравилось, но он стерпел сначала, а потом дальше — больше. Студенты попросили спец-

курс по Гегелю. Я это сделал, и Белецкий совершенно взбесился. Потом, в 1948 году, вышла в «Коммунисте» статья моя и Светлова о немецкой классической философии как об одном из источников марксизма. Белецкий опять возмутился: «Что же Вы делаете, возрождаете осужденные партией взгляды!» Наша статья носила, конечно, умеренный характер. Мы, в частности, ссылались на сталинскую положительную оценку диалектики Гегеля, но о том, что философия Гегеля есть аристократическая реакция на французский материализм XVIII в. и Французскую революцию, мы, конечно, не писали. Эта формулировка Сталина не была опубликована, но все преподаватели философии о ней знали. Г.Ф. Александров, когда уже стал директором Института философии и пригласил меня заведовать сектором (по совместительству), рассказывал мне, что Сталин вызвал его и его заместителей и задал им вопрос: «Как Вы понимаете философию Гегеля?» Товарищи, так сказать, молчали, потупив взор, понимая, что надо не говорить, а слушать. Сталин сказал: «Вот Вы молчите, потому что не знаете, не понимаете, а это аристократическая реакция на Французскую революцию и французский материализм». Разумеется, я знал, что аристократическая реакция на Французскую революцию действительно существовала. Это были воззрения Жозефа де Местра, Бональда, Эдмунда Берка. Но Гегель к ним не имел отношения. Достаточно указать хотя бы на восхищение Французской революцией как «торжественным восходом Солнца». Я имею в виду историю философии.

Третье письмо профессора Белецкого Сталину было посвящено вопросу об объективной истине. Он вычитал в «Материализме и эмпириокритицизме» у Ленина какую-то фразу не очень складную, смысл которой состоял в том, что объективная истина есть объективная реальность. Он, между прочим, однажды спросил: «Как Вы понимаете объективную истину?» Я ответил: «По содержанию она, конечно, выражает объективную реальность, а по форме это все-таки знание, познание». — «Ну, знаете, — возразил он, — Вы противопоставляете форму и содержание». И вскоре начался спор, охвативший весь факультет. В конечном счете вызвали нас в партком и предупредили: «Перестаньте заниматься этой схоластикой». Но Белецкий настаивал все-таки на своем, и тогда вызвали нас в райком партии. И там сказали: «Предлагаем прекратить эту бесплодную дискуссию. Вопрос о том, что такое истина, решает Центральный Комитет партии».

А.К. А вот это стремление писать письма во власть, которое было у Белецкого, было потом и у других?

Т.О. Думаю, что многие писали, но повезло лишь Белецкому. К счастью, Сталин на письмо об объективной истине не ответил.

А.К. Как Вы это можете объяснить? Это комплекс неполноценности? Или это стремление этих людей как-то войти во власть?

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

Т.О. Это может быть и комплексом неполноценности. К тому же Белецкий был еще горбатым — человеком, обиженным природой. Потом писать, он не писал. Ему надо было как-то выделиться, хотя говорили, что, когда он учился в Институте красной профессуры, он был тихим человеком. Я думаю, что это желание выделиться, прославиться, использовать конъюнктурный момент. Действительно, он попал, что называется, в яблочко. Идет кровопролитная война, а люди пишут о том значении, какое имеет немецкая классическая философия. Я на своем опыте это почувствовал, потому что 22 июня, в день начала войны, я должен был читать лекцию заочникам о Фихте, и меня буквально выворачивало, потому что у меня все время было представление: речи Фихте к немецкой нации о том, что немцы самые лучшие и т.п., т.е. страшные, в общем, вещи. Ну, тогда шла война с Наполеоном, отсюда, вероятно, чудовищные преувеличения в речах Фихте. С трудом я прочел лекцию, остановившись только на его собственно философских взглядах. Так что Белецкий хорошо уловил подходящий момент. Сталин верно сказал, что чутье у него есть.

А.К. Когда началась война, Вы были уже взрослым человеком и состоявшимся ученым. Когда Вы надели шинель и в конце войны попали в Германию, было ли у Вас ощущение, что это та Германия, которая дала миру Канта, Гегеля, Шиллера? Как-то переживали Вы свою профессиональную соотнесенность с немецкой философией и свое присутствие в этой стране?

Т.О. Понимаете, в чем дело. Мы входили в населенные пункты: они были почти пустые. Народ убежал отсюда. Их настраивали так, что русские, дескать, придут и всех повесят. Ну, были, конечно, отдельные эксцессы, но, в общем-то, солдаты вели себя как положено. Вероятно, в отношении женщин были какие-то непотребные случаи. Был случай в каком-то монастыре — монахинь изнасиловали. По сравнению с тем, что делали немцы в нашей стране, и говорить нечего: спокойно вели себя. Но с населением в деревнях мы почти не сталкивались. Оставляли там какого-нибудь старика, в основном встречались малограмотные люди. Были какие-то магазины: зашел я в один такой, вижу там пачку с порошком, где написано: «Vernichtet Russen». Russen они называли тараканов, так же как мы их называем прусаками. Я говорю продавцу: «Что это у вас написано?» Он сильно побледнел, испугался, стал что-то лепетать, объяснять. Ни с какой интеллигенцией во время войны мне встречаться не приходилось. Иногда, конечно, попадались какие-то офицеры. Но были люди, знающие в своем деле, но за его пределами совсем неинтересные.

А.К. В костелы, храмы приходилось заходить?

Т.О. Это не столько в Германии, сколько в Австрии. Ведь когда мы осаждали Бреслау, то, естественно, не приходилось бывать в каком-либо храме. А вскоре после окончания войны меня отправили в Австрию. В Австрии я, ко-

нечно, общался уже с самыми разными людьми, с профессорами и обычными жителями, выступал с докладами перед ними, вел агитационную работу.

А.К. Люди удивлялись, что Вы — военный, офицер и в то же время доктор философии? Для них Вы были доктор, по всей видимости?

Т.О. В Германии нет ученой степени «кандидат наук». Уже после первой защиты диссертации становишься доктором философии. Мне было тогда 30 лет, и с их точки зрения это был вполне нормальный возраст для доктора философии. Но они, скорее, воспринимали меня как майора, как офицера, а вовсе не как ученого. Тем более что и разговор-то шел, скорее, о капитализме, о социализме, а вовсе не о каких-то философских темах.

А.К. Вернемся к факультету, куда в 1947 году Вы пришли. Если сравнивать МИФЛИ и философский факультет тех лет, где ощущалось больше интеллектуальной свободы?

Т.О. Мне кажется, философский факультет был интереснее, чем МИФЛИ. Удивительно, но философский факультет МИФЛИ очень беден научными кадрами, в отличие от исторического и филологического факультетов. На тех факультетах были очень интересные профессора: Косминский, Готье, Сказкин и др. У нас, правда, был В.Ф. Асмус, но его вскоре уволили. Был очень недолго Б.Э. Быховский, кажется всего два месяца. А диалектический материализм читал профессор Дмитриев из какой-то военной академии. Он плохо читал, даже по нашим студенческим понятиям, т.е. нечего было записать. Единственное, что отличало МИФЛИ, — это живая обстановка общения и внутри факультета, и между факультетами. Я к тому же был там председателем литературного объединения МИФЛИ.

А.К. Вы писали тогда стихи или прозу?

Т.О. Вообще я собирался быть писателем. Я печатался в «Красной нови», в других журналах.

А.К. Вы писали рассказы?

Т.О. Вот в книге, которая выходит к моему 90-летию, дан в заключение один из этих рассказов — мой первый рассказ, который я написал в 17 лет и который опубликовали в Москве и прислали мне гонорар в 600 рублей. Зарплата моя на заводе была 80 рублей. На эти 600 рублей я обошел пешком весь Крым. Я вообще был отменным пешеходом. Это сохранило мне здоровье.

А.К. Стихи тоже писали?

Т.О. Стихи писал, но это еще когда я жил на Украине. Потом мы переехали. Мою мать, преподавательницу математики, уволили, потому что она не знала украинского языка. И мы переехали в город Кольчугино Ивановской области, ныне Владимирской. И я стал работать на Кольчугинском металлообрабатывающем заводе, а до этого я работал на паровозоремонтном заводе в Днепропетровске.

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

А.К. Лосева Вы не застали на философском факультете?

Т.О. Лосева я не мог застать. Его уволил опять же по настоянию Белецкого, кстати сказать, как идеалиста. Я же пришел в середине 1947 года.

А.К. А Борис Александрович Фохт тоже уже не работал?

Т.О. Конечно. На философском факультете МГУ оказалось гораздо больше интересных людей, и сам факультет стал больше по сравнению с ИФЛИЙским. Я бы не сказал, конечно, что все кафедры были равноценны. Скажем, кафедра истории русской философии была довольно слабой. Кафедра диалектического материализма, несмотря на слабость Белецкого, была посильнее. Был там Ф.И. Георгиев — более-менее интересный человек. На кафедре исторического материализма были разные люди. Одно время ее возглавлял профессор Д.И. Чесноков — весьма заметная фигура в то время. Моя кафедра начала постепенно выделяться. Я ее переименовал после философской дискуссии: она перестала быть кафедрой истории западноевропейской философии и стала кафедрой истории зарубежной философии. И это обязало нас вести историю марксистской философии. Никто не хотел читать этот курс, пришлось мне, хотя до этого я не занимался этой тематикой.

А.К. То есть это, по сути, навело Вас на будущую специализацию?

Т.О. Я бы не сказал, что на специализацию, потому что если посчитать количество моих работ о Канте и Гегеле, то их не меньше. Но, конечно, это стало одним из направлений моей специальности. Это было вынужденное решение, тем более вынужденное, что после философской дискуссии Александров замыслил издание многотомного коллективного труда по истории философии, который вышел в шести томах. Александров пригласил меня, зная мои главным образом литературные способности. Я был членом редколлегии, редактировал тексты, которые поступали, причем редактировать приходилось почти все, в том числе и самого Александра.

А.К. В.Ф. Асмус хорошо писал?

Т.О. Асмус писал немножко суховато, но точно, четко, ясно. Я помню, там такой эпизод был: на заседании редколлегии М.Т. Иовчук спрашивает, обращаясь ко мне: «Вот там есть раздел о Беркли. Почему не показано, что Беркли — агностик?» Я говорю: «Потому что Беркли не агностик». Он, так сказать, на дыбы. То есть они понимали Сталина так: три черты материализма: первая — первичность материи, вторая — в противоположность идеализму материализм доказывает познаваемость мира, отсюда тезис, что все идеалисты — агностики, а я же толковал это иначе: что первая черта против объективного идеализма, вторая черта — против агностического идеализма типа Юма, а третья — против субъективного идеализма. Но члены редколлегии с этим не соглашались. Тогда Александров обратился к Асмусу, а тот говорит: «Конечно, Беркли не агностик». Тогда они умолкли, все-таки у Асмуса был авторитет.

А.К. Я читал Вашу последнюю статью в «Вопросах философии» о догматизации марксизма и внутренне присущем марксизму догматизме. Очень интересная статья, и удивительно, что Вы сохранили такой вот критический ум и способность не следовать догматическим предрассудкам.

Т.О. Я же сам повторял самозабвенно: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». А это же идеалистическая фраза.

А.К. Вот как действительно удавалось и удавалось ли в тех обстоятельствах работать на факультете недогматически? Как Вам удалось вообще остаться в профессии?

Т.О. Вот академик Л.Н. Митрохин в своем интервью как раз пытается это объяснить. Наверное, то, что я занимался главным образом ранним Марксом, т.е. периодом, когда Маркс еще не был Марксом, т.е. основателем учения, названного марксизмом. Однажды во Франкфуртском университете в 1971 году я выступил с докладом на эту тему. Один немецкий профессор надо мной смеялся: «Выходит по-Вашему, что Маркс, так сказать, постепенно стал Марксом». Ну, конечно, не сразу. Он именно шаг за шагом (Schrittweise) стал основателем нового учения. Неужели он родился, как Венера, из головы Юпитера? То, что я занимался ранним Марксом, выглядело, с одной стороны, немножко опасно. Дескать, человек копается в ошибках, в заблуждениях, в идеализме молодого Маркса. Но, с другой стороны, это в какой-то мере настраивало меня и слушателей против догматизма. И все-таки догматизм побеждал, и я повторял ленинскую явно непродуманную фразу: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

А.К. Опыт русской философии... Когда я читал Вашу статью, мне на ум приходили С.Н. Булгаков, «Карл Маркс как религиозный тип», и «веховские» рассуждения о том, что марксизм имеет в себе очень большой религиозный пафос. Это как-то повлияло на Вас? Вы были знакомы с бывшими легальными марксистами?

Т.О. Тогда нет. Однажды я писал курсовую работу о легальном марксизме. Но фактически я тогда читал только П.Б. Струве. А сейчас я пишу большую монографию, наверное, листов так на 40, если не больше. По крайней мере, уже листов 25 отпечатано, там я очень подробно разбираю и Булгакова, и, конечно, Струве, и М.И. Туган-Барановского, самого плодовитого из них.

А.К. Марксистского периода? Или уже после того, как Булгаков стал идеалистом?

Т.О. Моя будущая книга называется «Оправдание ревизионизма». Первая часть доказывает, что ревизионизм возник задолго до Бернштейна, что ревизионистами были народники в России. Ревизионистами были «легальные марксисты». Ревизионистами были члены Фабианского общества в Англии. Бернштейн находился в Англии 11 лет до того, как стал ревизионистом. Он

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

дружил с членами Фабианского общества, делал доклады. И вообще многие исследователи утверждают, что он у фабианцев воспринял свои ревизионистские идеи. Но это вопрос спорный, потому что все-таки он был социал-демократом. А они были против всякой партии, т.е. выступали за то, чтобы пропагандировать социализм в любой партии.

А.К. Когда Вы были заведующим кафедрой истории зарубежной философии (вот я не знал, что это Вы ее переименовали), была ли кафедра истории русской философии или отечественной? Как она тогда называлась?

Т.О. Кафедра истории русской философии. Потом она стала кафедрой и истории философии народов СССР.

А.К. Была какая-то связь между кафедрами? Не казалось ли Вам, что это разделение несколько искусственное?

Т.О. Это не могло казаться, потому что русская философия была в забвении до философской дискуссии 1947 года. И сам факт появления такой кафедры был очень важен, своевременен конечно же. Иное дело, что кафедра сразу взяла установку (ну опять же винить очень трудно того же И.Я. Ципанова) только на материализм, а об идеалистах ни слова.

А.К. А создана она была по инициативе М.Т. Иовчука? Или кто-то выше стоял за ним?

Т.О. На дискуссии по книге Александрова встали вопросы: «Почему нет истории марксистской философии?», «Почему нет истории русской философии?», «Почему нет истории китайской философии?» и т. д. Это почти все говорили. Выступления участников дискуссии напечатаны в первом номере «Вопросов философии». Вот почему мне и было предложено: «Давайте читайте курс истории марксистской философии». Иовчук тут, конечно, участвовал. Но он выполнял фактически указания. Он не мог управлять кафедрой, потому что он работал в ЦК КПСС, а потом его назначили в Белоруссии секретарем ЦК по пропаганде. Потом его за всякие амурные дела вместе с Александровым, так сказать, наказали, отправили в Свердловск.

А.К. Вы считаете, что там амурные дела были?

Т.О. Это точно, были. Дело в том, что они были почти у всех партийных руководителей. Но Хрущев очень не любил Александрова, потому что Александрову (как он мне рассказывал) пришлось по решению ЦК, когда Хрущев работал на Украине, проверять там работу, указывать на недостатки, что-то критиковать. Хрущев это запомнил. И когда Хрущев стал Первым секретарем ЦК КПСС, Александров в это время был министром культуры. И Хрущев уцепился за то, что он создал какую-то компанию, где-то сняли они квартиру и приглашали туда всяких женщин или своих подруг, я точно не знаю. Там бывал не один Александров, но и Иовчук, и Кружков, и еще кто-то, я уж не помню точно. К счастью, несмотря на мои дружеские отношения с Александровым,

ему не пришло в голову втянуть меня в эту компанию. Видимо, он считал, что не по чину, своих заместителей он втянул. Правда, Федосеев не участвовал в этом деле. Они разошлись с Александровым после того, как его выдворили из ЦК, тут и бывшая дружба ушла в небытие.

А.К. Вы вошли в Академию наук СССР членом-корреспондентом в 60-е годы?

Т.О. Меня избрали в 1966 году.

А.К. Кто тогда представлял философию? Академики, члены-корреспонденты?

Т.О. Академиком-секретарем формально считался Федосеев, но он был в это время вице-президентом АН СССР. Кто его замещал, я не знаю, поскольку я не был тогда еще в составе отделения. Кажется, Ф.В. Константинов, потому что он и стал вскоре академиком-секретарем нашего отделения. Мне просто повезло очень. Понимаете, в чем дело, кандидатов было 23 человека на два места. Мне казалось, что мои шансы невелики, потому что там были Д.И. Чесноков и другие маститые профессора. В общем, не только известные люди и отечественные партийные работники. И вдруг буквально в день выборов объявили решение президиума АН СССР, что надо избирать кандидатов не старше 55 лет. Сразу же отпали и Чесноков, и ряд других. И остались я, П.В. Копнин, М.Ф. Овсянников, еще кто-то, я их не помню. И в первом же голосовании я прошел.

А.К. Вместе с Копниным?

Т.О. Нет, Копнина забаллотировали. Оказывается, он вел себя немножко бестактно. Он работал в Киеве, но уже решено было назначить его директором Института философии АН СССР. И он всем говорил: «На днях стану вашим директором». Короче, он настроил против себя ряд членов отделения и поэтому не прошел. Не только в первом голосовании. Во втором голосовании он получил еще меньше голосов, а в третьем — еще меньше. Не знаю, как он себя вел, но я думаю, что он просто зазнался, что ли. Дынник мне рассказывал, что он ему говорил «Я Вас буду выдвигать», — и т.д. А Дынник был уже членом-корреспондентом, и ему плевать было на «буду Вас выдвигать», и он голосовал против Копнина, хотя лично против него ничего не имел. Так что прошел только я один, а второе место так и осталось незанятым. И Копнина мы избрали только в 1971 году или в 1970-м, не помню, т.е. незадолго до его смерти. Он был уже директором Института философии АН СССР.

А.К. Была какая-то неофициальная табель о рангах среди академиков? То есть Вы оценивали своих коллег таким образом, что вот этот человек, действительно, представляет что-то собой как профессионал. Неофициально, но существовал ли такой своеобразный гамбургский счет в философии?

Т.О. Насчет гамбургского счета. Было очень трудно избираться обыкновенному профессору, потому что тогда в основном избирали по должностному

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

признаку. Ильичев — секретарь ЦК, Константинов — зав. отделом науки, Федосеев опять-таки как заместитель Александрова был избран. И Иовчук, как заместитель Александрова, прошел, Александров сам себя избрал в академии в 1946 году. Был там и М.Б. Митин, избранный в 1939 году академиком по указанию И.В. Сталина. Но были, конечно, некоторые исключения. Скажем, был А.А. Максимов, который занимался философскими вопросами естествознания, он был старым большевиком. Я не знаю, когда его избрали. Был А.О. Маковельский. С нашего факультета я оказался единственным.

А.К. Это практиковалось в 30-е годы? То есть защиты не было? До 1936 года, кажется, вообще не было защит.

Т.О. Я не знаю точно, в каком году появилась защита диссертаций. Но мне кажется, что где-то в начале 30-х годов. Вот Асмус защищал свою докторскую диссертацию в начале 30-х годов, он мне говорил. Так что ситуация с избранием была сложной, трудной. Сплошь и рядом избрание было связано с личными отношениями. Скажем, А.Г. Егоров — приятный хороший парень, а как философ ничем не выделялся. Образование — Московский педагогический институт, затем работал в ЦК, потом в журнале «Коммунист». Очень благожелательный, с удовольствием печатал мои статьи и работы других молодых авторов.

А.К. А вот Ваш статус академика, члена-корреспондента до этого, и Ваша профессиональная сфера — история марксистско-ленинской философии, наверное, как-то привлекали к Вам внимание сильных мира сего, людей, которые входили во власть, были заинтересованы в сотрудничестве с учеными? Приходилось Вам с ними близко общаться? Я видел Ваше интервью по телевизору, где Вы об А.Н. Косыгине говорили как о Вашем друге.

Т.О. Эпизодически было так. Иногда совершенно непонятно. Например, готовили новый вариант конституции и пригласили меня в комиссию, которую возглавлял Косыгин. Там несколько комиссий было, а он возглавлял комиссию по вопросам собственности. Я пришел в эту комиссию, там сидят экономисты Леонтьев, Милейковский и др. Я спрашиваю человека, который меня приглашал, кажется помощника Косыгина: «А почему меня пригласили? Я ведь в этих делах не разбираюсь». — «Ну, из уважения к философии...» И вот я сижу и, конечно, молчу. Экономисты говорят, что при социализме существует лишь две формы собственности, известно какие. Потом Алексей Николаевич спрашивает: «Ну а у философа есть какое-то мнение?» А я вспомнил, что незадолго перед этим читал книгу К. Каутского «Социальная революция». Я, не ссылаясь на него, тем более что он в это время уже был почти врагом народа, говорю: «Мне кажется, что надо конкретизировать понятие собственности. Государственная собственность — это ясно. Но кроме государственной собственности есть общественная, а не государственная. Колхозы — это осо-

бый тип, это не просто кооперативы, поскольку они созданы путем революции сверху. Существует и кооперативная собственность, профсоюзная собственность, муниципальная собственность, и, наконец, есть частная собственность на средства производства». Тут Милейковский подскочил: «Какая там частная собственность!?» Я говорю: «Вот, скажем, колхозник, у него есть корова, овца, свинья. Вы что думаете, это просто мясо, которое он ест? Это средство производства. Он производит некий товар, продает на колхозном рынке и т.д. Это частная собственность на средства производства». Косыгин был удивлен, но сказал так: «Что же, давайте подумаем».

А.К. Ну а с самим Косыгиным Вам приходилось еще общаться?

Т.О. Потом уже, когда зять Косыгина, Д.М. Гвишиани, защитил кандидатскую диссертацию по теории менеджмента. Я был его фактическим руководителем, формально же числился Ю.К. Мельвиль, который навязывал ему тему «Американский персонализм». Вот тогда-то и пригласили меня Косыгины к себе. Мы с женой там неоднократно встречали Новый год, другие праздники, дни рождения членов семьи и т.д. Когда мне было 60 лет, Косыгин был у меня дома. А жена его вообще часто бывала у нас до самой своей смерти в 1967 году. Так что потом мы стали очень хорошо знакомы друг с другом. Меня на телевидении называли другом Косыгина. Это, конечно, неверно. Иное дело, что он ко мне хорошо относился. Помню такой эпизод. В апреле 1967 года я читал в берлинском Гумбольдтовском университете небольшой курс лекций, и вдруг как-то утром ко мне заходит какой-то человек, не представляется и просто говорит, чуть ли не приказывает: «Давайте собирайтесь, улетаем в Москву». Я говорю: «Позвольте мне собраться». Он отвечает: «Оставьте все вещи здесь». Я выражаю: «Как оставить?» — «Ну так, запрут комнату, и все, потом Вы опять вернетесь». И ничего не говорит о причине этой спешки. Примчались на аэродром. Оказывается, вылет самолета задержали. И вот приземляемся в Москве, тут меня уже ожидает машина. Шофер говорит: «Поехали к Косыгину». Я говорю: «Простите, но мне домой-то надо бы заглянуть». — «Да нет, не надо. Алексей Николаевич сказал, что прямо к нему». Я приехал и, конечно, почувствовал, что что-то такое с женой Клавдией Андреевной, потому что я знал, что она болеет, знал, что у нее рак кишечника. И действительно, как только приехал в Архангельское, А.Н. Косыгин говорит: «Клавдия Андреевна умерла. Я Вас вызвал, потому что она к Вам очень хорошо относилась. Она всегда о Вас так хорошо говорила. Она вас даже любила по-своему». Вот мы с ним после этого безвыходно провели, так сказать, день, ночь, пили коньяк, и он все рассказывал, как они в Сибири жили, как познакомился с Клавдией Андреевной, как отец не хотел сначала выдавать ее замуж. Я помню, что легли спать в три часа ночи. Я позвонил, конечно, домой, объяснил все жене. Косыгин попросил меня выступить на могиле у Клавдии Андреевны.

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

А.К. На Новодевичьем?

Т.О. Да. Нас два человека выступали. Я и Арам Хачатурян. Они были в очень хороших отношениях.

А.К. Она умерла не старой?

Т.О. Ей было около 60 лет. Она 1908 года рождения.

А.К. Но Алексей Николаевич потом уже не женился?

Т.О. Нет.

А.К. Он-то ее пережил надолго.

Т.О. Там болтали всякое о нем. Не женился, это точно. По-моему, он был однолюб. Других женщин для него, в сущности, не существовало.

А.К. Но Вы продолжали общаться с ним после?

Т.О. Конечно. Ведь мое-то 60-летие было через семь лет после смерти Клавдии Андреевны.

А.К. А что Вы о нем как о человеке можете сказать? Была в нем харизма высшего чиновника?

Т.О. Я бы сказал, что он был человеком, который хотел заниматься не политикой, а лишь экономикой. Он не любил Хрущева, очень не любил Брежнева. Когда я его спрашивал насчет программы перехода к коммунизму в 20 лет, входящей в Программу КПСС, он отвечал: «Меня это не касается, я в этом деле не участвовал». Но как-то, когда мы были наедине, я спросил: «Но цифры-то откуда взяли? Ведь это же должно через Вас проходить?» — «Нет, — говорит, — со мной не советовались». — «А вот Вы мне показали свой доклад, там другие цифры». А он отвечает: «Ну так что ж, ясно, что мы не выполняем то, что написано». Я говорю: «Так откуда же эти цифры?» Он молча указывает пальцем на потолок.

К сожалению, меня не было в Москве, когда он умер. Я опять был в Германии. Это было в 1980 году. Он меня предупреждал: «Знаете, что дружба со мной Вам помешает в академии на выборах?» Я спрашиваю: «С какой стати?» Он говорит: «Разве Вы не знаете, кто решает вопрос об избрании?» Я отвечаю: «Знать не знаю, а подозреваю». Он говорит: «Решает секретарь ЦК, вот кто решает».

А.К. Суслов?

Т.О. Суслов или Зимянин. «Это, — говорил Алексей Николаевич, — секретари ЦК решают, а ко мне они относятся неважно. Вот Вы заметили, что бывал у меня одно время часто в гостях Пономарев, а потом перестал ходить. И еще кое-какие товарищи были, тоже перестали ходить». Так что он был в положении отчуждения, несмотря на свой государственный пост. И действительно, в 1974 году на выборах в нашем отделении была одна вакансия, на которую подали заявления члены-корреспонденты А.Г. Егоров и я. Егоров очень боялся, что я стану тайно агитировать против него. А я ему сказал: «Я же по-

нимаю, ты директор Института марксизма-ленинизма». И действительно, он получил все шесть голосов. Там шесть академиков было. А я получила на один голос меньше: пять. И мне Федосеев сказал: «Я голосовал против Вас, потому что так надо». А Егоров мне говорит: «Ты хорошо поступил, ты никого не подначивал против меня. Я, конечно, понимаю, что ты в философии больше значишь. И я кое-что сделаю, все-таки М.А. Суслов-то мне родственник». Они были женаты на сестрах. И он, действительно, начал что-то там делать, старался. Однако потом приглашает меня к себе, не хотел по телефону это обсуждать, и говорит: «Я советовался в ЦК, а они говорят, что он к Косыгину ходит, и именно к нему, и в чем дело тут?»

А.К. Нет ли тут заговора какого?

Т.О. Ну прямо так не было. Но вопросы были такие: «Что он там нашел? Почему именно к нему? В чем дело?» Понимаешь, есть тут какая-то вот такая штука. «Ладно, — говорит, — я все равно что-то сделаю». И действительно, правда, не сразу, потому что потом в академии решили, что надо Д.М. Гвишиани избрать. А потом Егоров, ставший нашим академиком-секретарем, все-таки добился вакансии академии, причем вакансии совершенно определенной: две вакансии — для меня и для В.Г. Афанасьева. И сказал, что никому не рекомендует подавать заявления, вакансии лишь для нас двоих. Поэтому мы оба прошли единогласно.

А.К. Какой Афанасьев?

Т.О. Редактор «Правды».

А.К. Он тоже был избран академиком?

Т.О. Он был тогда членом-корреспондентом. И в 1981 году нас обоих избрали. Это Егоров все устроил, так что я ему очень обязан. А я говорю: «А почему сейчас не говорят, что ходил к Косыгину?» — «Ну что тут говорить, Косыгин-то год назад умер».

А.К. Теодор Ильич, на факультете Вы проработали около 15 лет?

Т.О. Да с 1947 по 1968 год.

А.К. Значит, 21 год. Сколько деканов за это время сменилось?

Т.О. Было на моей памяти три декана: первый — Д.А. Кутасов, второй — А.П. Гагарин, очень добрый человек, хотя в философии несильный, и третий — В.С. Молодцов, тоже хороший человек и тоже слабый в философском отношении. Затем, когда я уже собрался уходить, избрали М.Ф. Овсянникова, профессора моей же кафедры.

А.К. Потом он стал заведовать кафедрой эстетики.

Т.О. Да, он ушел с моей кафедры и стал заведовать кафедрой эстетики. Избрали его деканом. Но я уже не знаю, как он там работал. Мне он представлялся совсем не организационным работником.

А.К. Деканов тоже утверждал ЦК?

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

Т.О. Я думаю, что да. Потому что, скажем, заведующего кафедрой утверждали в Отделе науки ЦК КПСС.

А.К. Эта должность была как-то значима? В статусе университетском, научном? Декан философского факультета.

Т.О. Я не знаю точно, как это было. Я думаю, что утверждение в ЦК КПСС касалось гуманитарных факультетов. Едва ли в ЦК утверждали, скажем, заведующего кафедрой на мехмате.

А.К. За философским факультетом была репутация какого-то избранного факультета? Партийного факультета?

Т.О. Ну конечно.

А.К. То есть особый контроль, особое внимание?

Т.О. Ну конечно, недаром же у нас создали партком философского факультета.

А.К. А на других факультетах не было парткомов?

Т.О. Нет, партбюро и все. Да, собственно, не было оснований. Потому что на мехмате было только 6 процентов членов партии, а на философском коммунистов было процентов 20.

А.К. Среди преподавателей?

Т.О. Нет, среди всего состава, включая студентов и т.д. Чтобы создать партком, необходимо было иметь достаточно большое количество членов КПСС.

А.К. Вам приходилось некоторое время быть секретарем парткома?

Т.О. Когда создали партком, меня и вызвали в партком МГУ и сказали: «Так, партком философского факультета только что создан, надо, чтобы его возглавлял профессор». Вот, значит, меня и избрали секретарем парткома. Конечно, мне это было не с руки, потому что очень мешало другой работе. Поэтому я пробыл до следующих выборов, а потом отказался.

А.К. Если Вы еще не очень устали, может быть, еще несколько слов скажете непосредственно о Вашей работе? Даже не о том, что Вы пишете, потому что книжки Ваши постоянно появляются, например вышедшая в Санкт-Петербурге монография «История философии как философия». Расскажите о том, как Вы работаете. Как организуете свой рабочий день, строите свой рабочий график? Сколько времени проводите в библиотеках? Насколько со временем изменился этот Ваш график?

Т.О. Я работаю в библиотеках: ИНИОН, Исторической библиотеке и библиотеке бывшего Института марксизма-ленинизма, она называется теперь Библиотекой общественно-политической литературы. Приходится там работать в читальном зале, потому что в данное время читаю книги, которые на руки не выдаются, т.е. книги 100-летней, 150-летней давности и т.д. Скажем, тот же Бернштейн, его книга вышла более 100 лет тому назад, а статьи его — еще раньше. Правда, ИНИОН кое-что мне выдает на руки.

А.К. Вы читаете на всех европейских языках?

Т.О. В принципе я могу читать и по-итальянски и по-испански, но очень плохо. Мне сын дал оттиск испанского журнала, где говорится о моих работах, я смог прочесть, потому что это нетрудно. Но испанского философа я бы по-испански не прочел. А читаю я нормально, конечно, по-немецки, по-английски, по-французски.

А.К. И говорите на этих языках?

Т.О. Да, конечно. И говорю на них. Другое дело, что с разной, так сказать, свободой. По-немецки достаточно свободно. По-французски тоже достаточно свободно, я много бывал во Франции. По-английски менее свободно, потому что я в США был только один раз, в Англии — только один раз. Естественно, встречался и здесь с англичанами и американцами. С другой стороны, язык английский гораздо проще немецкого и даже французского.

А.К. А на Западе Вам приходилось общаться с коллегами? Преимущественно марксистами или с философами разных направлений?

Т.О. Со всякими. Одно время я дружил с Юргеном Хабермасом, пока не выступил против него в печати, чем его очень обидел.

А.К. Он воспринял это как личный момент?

Т.О. Да. Я читал лекции в Хельсинки, и он тоже читал лекции там. Мы встретились, и он мне говорит: «Я прочел Вашу статью о франкфуртской школе». Ее, значит, перевели на немецкий язык. «Вы пишете, что франкфуртская школа — отражение марксизма в мелкобуржуазном сознании. Значит, Вы считаете, что у меня мелкобуржуазное сознание?» — «Понимаете, — ответил я, — ведь Вы сами себя считаете марксистом, хотя и критическим. Если Вы придерживаетесь этих взглядов, то надо оценивать себя именно с классовых позиций». Он говорит: «Нет, я не принимаю таких позиций». Сейчас я тоже бы не принял этих позиций. После этого наши отношения осложнились, хотя мы встречались и после этого, но уже менее дружелюбно. А в 1971 году, когда я был в Мюнхене, он по своей инициативе меня встретил: «Вы первый советский философ, которого я встречаю». И мы с ним проговорили часа четыре за рюмкой вина и т.д. Но он тут же стал меня приглашать на разные симпозиумы, в частности в Югославию, в журнал «Праксис», куда я не мог поехать по известным причинам.

А.К. Свободного выезда из России у Вас не было?

Т.О. Нет, свободный выезд был. Но с Югославией наши отношения были особыми. И группа «Праксис» была ревизионистской. Конечно, в эти годы я уже мог поехать в любую страну. Меня даже не вызывали уже в райком партии, как тогда это было принято.

А.К. У Вас, как у Святослава Рихтера, была виза фактически во все страны мира?

«В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ О ФИХТЕ...»

Т.О. Конечно, нет. Выездную визу мне каждый раз оформляла академия. Это разные вещи.

А.К. На Ваш юбилей приедут коллеги европейские? Вы приглашаете кого-то из Германии?

Т.О. Я не знаю точно, может быть, кто-нибудь из Международного института философии, членом которого я являюсь, приедет. В Париже такой есть институт, что-то вроде академии, сто человек — его члены, среди них многие известные философы, тот же Хабермас, Поль Рикер, был также Карл Поппер, умерший в 2002 году. Много интересных людей там. Может быть, кто-либо приедет, поздравление же обязательно пришлют. Я перестал ездить на сессии этого института, потому что я решил: после 85 лет никуда за рубеж не ездить. Все-таки возраст есть возраст. И теперь я никуда не езжу. Уже лет пять примерно.

А.К. О философском факультете, где Вы проработали, имеете сейчас какую-то информацию? Присматриваетесь, прислушиваетесь, что там происходит?

Т.О. Конечно, имею информацию. Во-первых, я просматриваю Ваш журнал «Вестник Московского университета. Философия». Как раз вчера я смотрел его в библиотеке. Конечно, я знаком со многими профессорами философского факультета.

А.К. Согласились бы прочитать сейчас спецкурс или, может быть, какие-то разовые лекции?

Т.О. Тяжело мне, понимаете. Тяжело даже еще по одной другой причине: в результате моей многолетней преподавательской работы у меня развился хронический ларингит, т.е. расхождение связок. Мы с Вами говорим не на повышенных тонах, но стоит мне в большой аудитории поговорить час-полтора, как у меня садится голос. А он садится настолько, что я начинаю говорить шепотом. Но прочесть часовой научный доклад я, конечно, могу, а лекционный курс — уже нет.

А.К. У декана философского факультета В.В. Миронова есть сейчас идея такого курса, где 16 лекций прочтут 16 ученых-философов — представители разных школ, направлений.

Т.О. В таком смысле я, конечно, готов прочесть одну лекцию или две.

А.К. Спасибо большое, Теодор Ильич. Очень радостно видеть Вас в пре-красной интеллектуальной и физической форме.

Т.О. К сожалению, мы с Вами беседовали, а Вы не записывали ничего?

А.К. Все записывали. Камера стояла, все записывали.

Т.О. Хорошо.

ОПЕРЕЖАЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ

Интервью с профессором кафедры мировой и российской политики философского факультета Александром Митрофановичем Ковалевым провел доцент А.П. Козырев при участии студента К.К. Момджяна.

Интервью записано в МГУ в 2005 г.

Козырев. Александр Митрофанович, мне хотелось бы, во-первых, поблагодарить, что Вы согласились побеседовать, оставить в памяти факультета эту нашу встречу, и прежде всего хочется спросить: сколько лет Вы уже в философии, в политологии? Наверное, уже больше шестидесяти? Если считать от Вашего поступления в МИФЛИ, это 40-й год?

Ковалев. Да.

Козырев. Не жалеете, что выбрали именно эту специальность? Удивительно, в 40-м году, когда идеологическая ситуация была достаточно жесткая, представить себе, что можно творчески заниматься этими дисциплинами, тогда, наверное, было сложно. Почему Вы все-таки остановили свой выбор на политической философии?

Ковалев. Во-первых, я сам благодарю, что дали мне возможность сегодня высказаться. Я давно этот вопрос ставил, чтобы в анналах факультета оставили воспоминания наших многих профессоров, которые постепенно уходят. Так что я очень Вам признателен за это. Теперь насчет того, как я выбрал эту профессию. Я сам родился в деревне, в крестьянской семье. Но помню, что мой брат в 35-м году, это когда мне было 12 лет, написал: «Я сдал на два факультета — на автомеханический и на исторический». Это он написал мне из Москвы. И говорит: «Я не знаю, куда мне поступить». И я написал ему, 12 лет мне тогда было, еще и почерком таким, сами понимаете: «Поступай только на исторический факультет». И он, действительно, поступил на исторический факультет тоже ИФЛИ. И после его взяли в высшую партийную школу, он потом там стал секретарем обкома. Ну, это не важно. Поэтому у меня лет с 14–15 не было выбора, я только знал: либо философский, либо исторический. Другого для меня не существовало.

Козырев. Вы учились в сельской школе?

Ковалев. В сельской школе.

Козырев. В родном селе?

Ковалев. Да, это была Милославичская средняя школа. Меня потом там избрали секретарем комсомольской организации. Я получил там похвальную грамоту, тогда золотых медалей не было. И с похвальной грамотой меня сразу послали на философский факультет ИФЛИ. Ну и туда меня зачислили без экзаменов. Я имел право без экзаменов поступить. Поступил. Это был 40-й год. Вот сейчас я когда прохожу мимо наших охранников (раньше только одна старушка

сидела, а сейчас конвой стоит, чтобы пройти на факультет), я им говорю: «Я уже 63-й год хожу на философский факультет». И только в период войны, 5 лет, я с философским факультетом не был связан непосредственно. А так вся моя жизнь прошла на философском факультете. Что касается того, жалею ли я. Я ни в какой мере не жалею. И считаю, что если бы я другую линию избрал, то я был бы... Тем более (мы потом будем говорить) меня многие (когда я начал научный коммунизм) приглашали: и в ЦК, и в ИМЛ, и во многие организации. Но я все-таки с философского факультета никуда не ушел, хотя приглашения были.

Козырев. Год учебы в МИФЛИ, 40-й, 41-й... Первый курс Вы там закончили?

Ковалев. Первый курс закончил.

Козырев. Что осталось от этого в памяти?

Ковалев. В памяти осталось вот что. Вот тут вопрос я вижу у Вас: МИФЛИ как сталинский заповедник. Все это чепуха.

Козырев. Кстати, не мои слова это.

Ковалев. Я понимаю. Понимаете, учились в МИФЛИ тогда дочка Зиновьева. Он был посажен, а дочка Зиновьева почему-то училась.

Козырев. Тоже на философском?

Ковалев. Нет. По-моему, на экономическом. Потом мы еще тогда такого не ощущали. Никаких репрессий. Но что я помню. Я помню вот такой момент. Я пришел на комсомольское собрание, где выступает декан Гагарин Алексей Петрович. Он тогда не декан еще был. Он выступил и сказал, что надо среди комсомольцев организовывать порядок, дисциплину, воспитывать их, и спортом надо заниматься. Потом выступает Вербин, был такой на кафедре диалектического материализма, и говорит: «Мы знаем, чья это линия, это национал-социалисты так воспитывают свою молодежь», и в таком духе. Это на комсомольском собрании. И там шум, гам. Помню, я не выдержал и решил тоже включиться, и я сказал: «Товарищи, я вот тут приехал на первый курс учиться. Чему я могу учиться у вас?» И еще главное вот что. Я тогда говорил, ну, не по-белорусски, но с акцентом. Я как слово скажу, так хохот и аплодисменты. Я скажу — снова хохот и аплодисменты. Потом я сошел. Мне мои однокурсники: «Ты молодец, ты здорово выступил». Хотя, конечно, никакого там не «здорово». Так что, видите, вот такая была обстановка. Никакого «сталинского курса»...

Козырев. Это действительно было место в то время, где работали достаточно сильные профессора, была относительная свобода?

Ковалев. Вот это, действительно, было. Был какой-то там, ну я не знаю, заповедник — не заповедник, но там были собраны лучшие философские силы. И учились там потом Т.И. Ойзерман, А.А. Федосеев, многие другие философы. Так что, действительно, была создана очень интересная организация. И потом что еще меня поразило: он объединен был с философским факультетом в декабре 41-го года, в самый момент, когда была такая война. Ведь не до

этого. А его объединили. Это тоже доказательство, что к нему было внимание большое. Мне понравилось, что на философском факультете очень много было естественных предметов. Преподавали нам основы физики, основы биологии, основы химии. Очень была серьезная, хорошая подготовка, и нам читали лекции специалисты, но они нам не физику читали, не химию специально, а именно некоторые общие положения.

Козырев. Философские основания.

Ковалев. Философские основания. Это давало нам возможность для всеобъемлющего подхода. Это очень интересно.

Козырев. А читали естественники — представители этих специальностей?

Ковалев. Да, естественных факультетов. Но я сейчас уже не помню. Завадовский, такой был биолог. Это крупный академик. А он у нас читал лекцию. У нас были очень крупные специалисты. О.В. Трахтенберг, такой был историк философии, М.А. Дынник. Дынник, помню, пришел на первую лекцию и начал с таких слов: «Современная философия так же партийна, как и 2000 лет тому назад». С этого начал лекцию, с таким подъемом.

Конечно, был декан этого самого факультета Хасхачик. Наверное, Вам говорил о нем Василий Васильевич Соколов. Он заявил, когда все пошли на фронт: «Мои студенты воюют, и я тоже пойду на фронт воевать». Замечательный был человек. Поэтому обстановка была очень непринужденная. Никаких репрессий. Мы о них вообще не слышали. Я не знаю, может быть, первый курс для этого еще не созревший, но мы их не ощущали. Я Вам так совершенно искренне говорю. Так что была учеба интересной. Жили мы в общежитии, там 9—10 человек в комнате было.

Козырев. А где общежитие находилось?

Ковалев. Общежитие находилось на Стромынке. Мы считали так, я потом смеялся: «Кто не прошел школу Стромынки (это около Преображенской площади), тот не может быть полноценным молодым советским специалистом». Это такая шутка была. Там жило 6000 студентов. Это был, действительно, такой студгородок. И там остановка была такая — говорили, когда подъезжали: «Яуза, Стромынка, студгородок, дом сумасшедших», а там, действительно, Матросская Тишина была рядом. Это кондуктор объявлял так.

Козырев. А институт находился?

Ковалев. А институт находился в Ростокинском проезде в Сокольниках. Туда «Аннушка» ходила, трамвай такой, «А». Аннушка мы называли его. И мы садились и на трамвае туда уезжали. В Сокольниках было место хорошее.

Козырев. Спортом занимались?

Ковалев. Спортом? Ну тогда мало. Я сейчас больше занимаюсь. Я каждое утро бегаю по шесть кругов.

Козырев. Я знаю, что Вы бегаєте. Я думал, что это, может быть, еще с тех времен. Студент более ленив, чем профессор.

Ковалев (смеется). Нет, тогда мы не занимались. Но я еще раз говорю, что это была очень интересная пора. Вот весна, наступил уже май. Мы готовились к экзаменам. Ну, для меня, все гуманитарное я знал хорошо, оставалась одна математика. Для меня математика это самое, знаете (*проводит пальцем у горла*)... И вдруг, это было в воскресенье, готовился я сдавать последний экзамен, и вдруг передают по радио: «Слушайте важное правительственное сообщение». У нас такое было впечатление, что, наверное, еще мы отхватили кусок. Потому что тогда ведь было. Ну помните: Белоруссия, Украина, потом Эстония, Латвия, Литва. Мы думали, что еще какое-нибудь будет. И говорят, что даже такой анекдот ходил. Мы же говорили так, что «мы протягиваем руку братской помощи поработенным народам». И говорят, что Черчилль прислал Сталину телеграмму: «Господин Сталин, когда Вы перестанете протягивать руки?» И якобы Сталин ответил: «Тогда, когда Вы протянете ноги». А тут, понимаете, Молотов выступает, и каждое слово до сих пор я помню: «Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну». И мы сразу же были там, поехали в свой институт, моментально. Там собрались комсомольцы, и мы подали заявление о том, что мы добровольцами уходим в армию. Никто не давил, никто не заставлял.

Козырев. Вам было 18 лет?

Ковалев. Да. Тогда уже было 18 лет. Потому что поступил я в 17. А тут уже было 18 лет.

Козырев. Война была неожиданностью или Вы предчувствовали?

Ковалев. В общей сложности мы чувствовали, но в целом все-таки война была неожиданностью. Тем более что 14 июня было заявление ТАСС, в котором было заявлено, что германские войска концентрируются на наших западных границах, но эта концентрация происходит в результате того, что на отдых их посылают. Это объясняли потом так, что Сталин сказал: «Давайте дадим такое опровержение, если оно опубликовано будет в немецких газетах, то тогда они не начнут войну, а если оно не будет опубликовано, то надо ожидать войны». Это опровержение не было опубликовано в немецких газетах. Так что вот такая была ситуация. Нас записали добровольцами. Пригласили в военкомат: «Какая у вас военная специальность?» Ну какая специальность... Пока идите. И нас послали под Ельню копать противотанковые рвы. Там мы работали часов по 14. Такое было воодушевление. Но немцы выбросили десант сзади нас, а мы с одними лопатами. Мы тут все побросали, и кое-как спасли нас, и мы прибыли в Москву.

Козырев. Это было летом?

Ковалев. Это еще в июне месяце. Июнь—июль. И уже в самом конце июля нас вызвали в военкомат. И всех посылали в военное училище, потому что мы уже имели незаконченное высшее образование. Когда дошла очередь до

меня, я сказал: «Я прошу меня послать скорее на фронт, не посылать в училище, я сколько нужно отвоюю». — «А почему?» — подполковник спрашивает. «Я боюсь, что меня потом могут сделать офицером, меня не отпустят из армии, а я хочу снова на философский факультет». Он улыбнулся и пишет: «Направить в пехотное училище». И меня направили в пехотное училище. Вернее так: Тесницкие лагеря. Это под Тулой. Я сам был рядовым. Я был рядовым сам и видел, как там формировались маршевые роты. Я потом прочитал Астафьева, «Проклятый или убитый», про маршевую роту. Это меня совершенно потрясает сейчас. Ничего подобного там не было, это ерунда, он придумал это. Особенно меня поражает вот что: тогда ни в этих маршевых, ни во всех других, чтоб кто-то поднял руку на солдата или какая-то дедовщина была, вообще об этом никто не знал. Всю войну, никто вообще... чтоб старшина... А сейчас вот бьют солдат... Я недавно прочитал (роман-газету выписываю): один из них рассказывает, как он там жил (кстати, наш выпускник, нашего филологического факультета), и вот в этом романе опубликованы чудовищные вещи. А в то время ничего такого не было. Кормили нас там, конечно, не очень густо. Многие хотели быстрее на фронт попасть, потому что там давали паек, а тут... Ну, это понять можно. Мы два месяца пробыли в Тесницких лагерях, и нас бросили под Можайск. Можайское пехотно-военное училище. А немцы уже подходили к Можайску в это время. Это была осень. Можайское училище все было на фронте: курсантов посылали. Мы на обучение каждый день приходили с полными рюкзаками, со всей военной амуницией. Потому что в любое время могли немцы прорваться, и нас могли сразу послать на фронт. Но нас на фронт не послали, а поступил приказ училищу пешком направиться в город Иваново. И мы 300 километров шли мимо Москвы, на юге мы шли. И там видим: над Москвой самолеты, прожектора, и даже один, видимо, сбили самолет, мы видели, как это происходило. Жуткое зрелище. Но особенно меня поразило: мы остановились в какой-то деревне. И один хозяин, уже пожилой человек, говорит: «Как же вы допустили, немцы уже к Москве подходят? Я сколько воевал, Первую мировую воевал, близко не пускали, а тут немец вот уже близко...» И рыдал, плакал, и нам тоже хотелось плакать.

Момджян. А как Вы проводили время во время походов? Какая была атмосфера?

Ковалев. Атмосфера была такая: «Ребята, во что бы то ни стало разгромить немцев». Я потом Вам расскажу. Я попал под Сталинград, и обстановка была такая. Вот у нас было так: во-первых, мы знали, где враг, а где мы (сейчас мы это не очень хорошо представляем), и во-вторых, у нас не было дезертирства (ну отдельные случаи были, одного расстреляли, всех нас выстроили и одного расстреляли, он, по-моему, убежал из части, дезертир), но в принципе

у любого спросите: «Будем ли мы в Берлине?» — в этом не было никаких сомнений, мы считали, что мы будем в Берлине, чтобы там ни случилось. Вот такой был настрой.

Козырев. Вы, собственно, до Берлина дошли фактически?

Ковалев. Я не до Берлина, а дошел до Австрии. Шесть месяцев учебы в Иваново — и нам надели лейтенантские погоны. Мы ходили по Иваново, девушки посматривали на звездочки, а мы в этих погонах. И меня направили в Ковров, в 299-ю дивизию, командиром стрелкового взвода, там уже было 36 человек. И через несколько дней нам сказали, что будут маневры. Нам надели какие-то белые звезды, а тем красные или наоборот, — я не помню. Нас посадили в поезд, говорят, что это там надо будет на маневрах... Потом мы едем, едем, но видим, что тут не маневры, куда-то уже к Волге приближаемся. Нам говорят: «Это дивизию в Иран направляют». А наши войска тогда в Иране стояли. Но нас привезли на станцию Лапшинскую, под Сталинград, и выгрузили. Это было от Сталинграда, по-моему, 108 километров. И было приказано за четверо суток Сталинград пройти, потому что немцы прорвались в Сталинград. Когда мы подошли километров на 80 к Сталинграду, нас такое зрелище поразило... Было это ночью, и такой огромный бурый дым. Внизу пламя, а к облакам поднимается огромный столп красно-бурого дыма. Когда евреи шли по пустыне, то там столп огненный освещал им путь, вот тут примерно такое же жуткое зрелище: горел Сталинград. И мы подошли 9 августа 1942 года к Сталинграду, немцы прорвались уже к Волге, и мы с севера, километров 10 правее Волги, били в этот фланг. Враг бросил всю авиацию, нас бомбили страшно. Мы потеряли там многих, месиво было дня 3—4, но, несмотря на это, мы немцев немножко потеснили. Мы не прорвались туда, но все-таки значительные силы оттянули. Враг бросил их сюда, и Сталинград, таким образом, был спасен.

Козырев. Вы сейчас не были в Сталинграде в этот юбилей?

Ковалев. В этот юбилей не был, но я был раньше. У меня там были свои ученики. А в этот юбилей я ездил в Харьков. Там, под Сталинградом, было очень сложно, тяжело было. Но потом мы уже стали воевать в окопах. Мы их командиров никого не знали, а они наших знали почти всех. И вот, бывало, когда артиллерийский обстрел позиций совершали, оттуда кричат: «Тищенко, что ты там с ума сходишь!» Это был начальник артиллерии полка, наш Тищенко, вот они знали, что это он. Обычно было так: вечером подъезжала наша кухня и снаряды привозили. «Иван, ты снаряды привез, а почему мин нету?»

Козырев. Это немцы кричали?

Ковалев. Нет, это мы. А оттуда: «Рус, рус, прекрати шум!» Какую-нибудь мину бросят — и вроде прекратится. У них тоже так было, мы знали: завтрак, обед, ужин, и у них прекращалось... Это метров 300—400 были окопы.

Козырев. Вам не приходилось читать немецкую литературу? Сейчас перевели Э. Юнгера «В окопах Сталинграда».

Ковалев. Это я читал. Там многое правдиво описано. И так мы там стояли около шести месяцев. Не мылись. В баню сводят раз в месяц. И так стояли, и ничего не знали. И вдруг с правой стороны гул артиллерийской канонады. Мы не знали, что это, кто это, наши это или немцы. Потому что все тайно было. Да, кстати, еще, ребята, я прошел от Сталинграда до западной границы, я не видел этих самых заградотрядов. Вот некоторые говорят: вот заградотряды гоняли. Ей-богу, я не видел ни одного. Я говорю это, клянусь Вам. Не потому что я хочу что-то скрыть. Не было.

И мы не знали, что там. И потом только через 3 дня посмотрели: немцы оставили окопы. Оказывается, когда наши прорвались справа и там началась угроза окружения, они оставили эти окопы. Но у них совсем другие были окопы, там как квартира, обитая. Ну и оказалось потом, тут тоже надо было добивать. Добивали, и мы брали знаменитый Сталинградский тракторный завод. И там даже написано, что наша 299-я дивизия брала этот завод. Ну и когда мы взяли всех, это было уже весной. Мы оказались в глубоком тылу. И мы там побывали, нам месяц дали все-таки. Да и кстати пришли, мы же там сидели в окопах, ничего нет. А тут тоже ни одного дома, ничего. Все было разрушено. И мы где-то на втором этаже нашли какую-то комнату. И вот мы кое-как забили окна (все было разбито) и уже обставили. И, главное, мы там парашют немецкий взяли, и мы его развесили кругом.

Козырев. Типа шторм?

Ковалев. Да. И мы истопили печку, там печка была. Мы разделись, ну как дома были. И вдруг этот парашют вспыхнул, как порох, он весь был в пламени. Мы еле выскочили из этой комнаты. Это эпизод такой мелкий. И нас потом через месяц посадили в поезд и повезли под Курск. И когда мы ехали, немцы разбрасывали листовки: «Спасайся, кто может, псы — сталинградские головорезы едут», вот это мы были как головорезы. Приехали мы, и нас не на фронт, а поставили, организован был Сцепной фронт, у нас в тылу примерно 110 километров было фронта. Мы там месяца три были, окопы вырыли во весь рост, потому что ожидалось наступление немцев под Курском. Готовилось наступление, а мы стояли сзади, чтобы, в случае если они прорвут фронт, мы поддержали. А если они не прорвут фронт, те наши уже выдохнутся, а мы потом вступим свежими силами. Так что у нас был Сцепной резервный фронт. Им командовал Конев, а нашей армией командовал Монагаров. Вот я помню. Конечно, дедовщины не было, но что было. У нас был такой командир полка Бурцев (потом мне пришлось его выносить из боя, ну не важно). Его все боялись как огня. А приехал командующий армией делать смотр, проверять, Монагаров. Он командует, до сих пор помню: «А ну, командир батальона (или командир роты), командуй своей ротой». Тот

командует: «Шагом марш!» — «Отставить! Какая это команда? Разве это команда? А ну отставить, еще раз!» Так раза три-четыре.

Козырев. Это не дедовщина. Это старший офицер проявляет свои таланты.

Ковалев. Да, это совсем другое. Командир полка наш ходил рядом с ним вот так, руки ровно.

Козырев. А он был в звании...

Ковалев. Подполковника.

Козырев. А Монагаров?

Ковалев. Генерал-майор. Когда наш чуть-чуть опустит руки, он ему: «Ну-ка, руки». Это командиру полка. Командир полка был тоже большой начальник. Это все перед строем. Он спрашивает: «Ты кем бы в старой армии?» Это спрашивает Монагаров. «Я был унтер-офицер». — «А я был старший унтер-офицер, я морду имею право набить». Вот перед строем солдат такое было. Вот до сих пор помню этого Монагарова. Я потом его как-то встречал. Ну не встречал, я с ним не знаком, это было в Крыму. Он, оказывается, там доживал уже свои последние дни. Я вспоминал, какой он был.

Козырев. А из крупных военачальников Вам с кем-то приходилось встречаться во время войны или после?

Ковалев. С крупными я не встречался, но у меня был такой случай. Это когда мы уже вступили в бой. Был такой случай, кстати, с этим вот Монагаровым. У нас был (вот этого нашего командира полка сильно ранили, я его вытаскивал. Пионеры нашли, что я его вытаскивал, опубликовали в газете, но это все ерунда, не в этом дело). И прислали нам командира полка. А он был глухой. Очень плохо слышал. А я как-то случайно попал на наблюдательный пункт полка, а там вдруг звонок, и он мне говорит: «Возьми трубку, потому что я все равно не слышу». А мы три дня не спавши, не евши, еле-еле живые. И вдруг оттуда звонок: «Почему не наступаете? Что такое? Это же безобразие! Нельзя так, вы должны наступать! Где вы находитесь?» А я: «Вы приезжайте сами и посмотрите, где мы тут находимся» (мы же не знали, что командир, думали, может, какой-нибудь...). «Приезжайте сами», — и положил трубку. Через полминуты звонок: «Это кто там говорил?» Этот командир полка подошел: «Извините». А это командующий армией говорит. Тут я уже говорю: «Подполковник, берите сами». Он сам взял: «Да я не слышал, извините». Так вот замяли дело.

Козырев. А командующий армией это кто был?

Ковалев. Монагаров. Да. Я должен сказать, что я после уже встречался с Язовым. Это недавно было. Он маршал, министром обороны был. Это уже сейчас, недавно. Мы его принимали почетным членом Международной славы академии. Он много рассказывал, мы разговаривали с ним. Вот он единственный, с кем я из больших начальников знаком. А так я был лейтенант, потом старший лейтенант.

Козырев. В звании старшего лейтенанта окончили войну?

Ковалев. Да, я закончил войну в звании старшего лейтенанта. Можно много еще интересного рассказывать. Нас потом так вот держали. Потом, когда немцы начали наступление, их отбили. И потом уже началось наступление, нас ввели после того, как Курская битва уже более или менее шла уже. Не сумели они нас окружить, и мы начали наступление. Правда, до этого мы ходили из одной части в другую. То вперед пройдем, потом обратно. Мы говорили: «Что это за командующие такие? Что это за команды?» Оказывается, это мы маневрировали для того, чтобы показать немцам. А потом нас в бой ввели. Это были очень тяжелые бои. И бои под Харьковом, и бои под Полевым. Там как раз этого нашего Бурцева и ранило. Он пришел к нам. Я на передовой был. А било страшно. Мины и все это. А он подвыпивший пришел. И как мина где-нибудь рядом разорвется: «Э-э-э, мать твою, туда-сюда, неправильно стреляешь, как ты стреляешь!» И он несколько раз вот так матюгался, а потом вдруг мина как ударила. А это было рядом, метров 10, может, даже меньше. Ему тут руку оторвало. Я на себя его положил, тяжелый он. И я его оттуда вытащил, вот из этого. Ну а потом я с ним встречался уже после войны, в Курске.

Козырев. Вы, наверное, один из немногих у нас на факультете, кто всю войну прошел в действующей армии.

Ковалев. Я был на фронте до конца войны. Есть еще одна вещь такая. У нас был такой подполковник... Наверное, какое-то предчувствие, вот есть предчувствие, когда человек может умереть. Был у нас зам. командира полка по политчасти, Шкляр такой, подполковник. Я не знаю, я тоже пришел в штаб. Я тоже воевали дня три, и тоже ни дня ни ночи не было. И тут наконец все-таки кое-как немцев отбили, отошли — и затишье. И тут копают землянку этому командиру полка и заму. А я тут тоже что-то у них спрашиваю. И вдруг радия: этого подполковника вызывают в штаб дивизии. К нему обращаются: «Товарищ подполковник, Вас тут». Он говорит: «Скажи, что меня нет». — «А что сказать?» — «Скажи, что убит, ранен, пропал без вести, в общем, меня нет — и все». И только он это сказал, буквально через три минуты землянка готова, командир полка входит в землянку. Этот подполковник тут на ступеньках, а я сзади, тоже туда меня вроде приглашают. И в это время снаряд ударил рядом, и осколок поразил подполковника насмерть. И второй был такой случай с командиром. Он шел и говорит: «Ну все, наверное, мы идем сегодня в последний раз на передовую». Я говорю: «Ну что Вы, товарищ майор, ну это самое...» А он говорит: «Да нет...». И действительно, идем, снаряд под ноги ему вот так вот ударил, и он тут же был убит, а я рядом с ним вот так прошел.

Козырев. Вы как философ как это оцениваете? Это судьба?

Ковалев. Вообще здесь есть какое-то предчувствие. Если как философ, то я вообще считаю, что... Это кто выдвинул идею об опережающем отражении? Наш известный философ... Я просто сейчас фамилию забыл. Я считаю, что

есть опережающая активность, что человек уже к этому миру приспособлен. Он существует в нем. И он получает возможность иногда, не всегда, но иногда предчувствовать некий ход событий. Иначе объяснить невозможно. То, что, скажем, Пушкину предсказали в детстве, что он от белого человека погибнет на 37-м году. Это предсказание. Говорят, что когда Наполеон еще только сидел, ему сказали, что он станет императором и что потерпит поражение чуть ли не под Москвой. Вот такое было предсказание. Но кто это мог предсказать? Вот говорят, что Иоанну Павлу II тоже предсказали, когда он был простым ксендзом, что он будет Папой Римским. Так что я не знаю, как это.

Козырев. Может, человек верит в это предсказание и свою жизнь выстраивает так, что она уже идет к этому?

Ковалев. Это верно. Но стать императором по своему желанию довольно трудно. И Папой Римским тоже трудно. Это может быть. Но это пока для меня является тайной за семью печатями. Хотя я тут много писал. У меня есть такая книжка «Способ духовного производства в структуре общества», я там тоже попытался... но это трудная вещь.

Козырев. А Вы себя ощущаете больше философом или политологом?

Ковалев. Нет. Я философ. Я пришел в политологию, смотрю, и начал спрашивать: а законы в политике есть или нет? Вообще не слышали. Я звоню своему одному знакомому, а он написал словарь по политике, Халимов. Звоню: «Слушай, а законы в политике есть?» Он: «О таких мы и не слышали, не знаем». Я говорю: «А какая там наука, если нет законов?» Ну и тогда я написал такую статью: «Предмет, закон и категории в политике как науке», потому что я считаю, что иначе это не наука. Ну чему можно учить, если нет законов? Так что нет, в этом отношении я философ. Причем шел я так: сначала научный коммунизм, это целая эпопея...

Козырев. Ну об этом мы поговорим, я надеюсь.

Ковалев. Да. Потом после научного коммунизма я стал заниматься общими социологическими вопросами. Опубликовал книги «Общество и законы его развития», «Диалектика способа производства общественной жизни». Меня за это так стали разделять, но потом оказалось, что я был все-таки прав, а не они.

Козырев. Это было при А.Д. Косичеве?

Ковалев. Да. Это потом я Вам расскажу. Кстати, тут он опубликовал книгу воспоминаний, и, к моему удивлению, он там написал, что, когда я вернулся с фронта, меня студенты пятого курса избрали секретарем партбюро философского факультета. Так он написал, что тогда смутное было время на факультете, и фактически деканом факультета был студент пятого курса Ковалев, причем он справлялся со своей работой хорошо. Я даже был потрясен, что он такую мне характеристику дал.

Козырев. А это, действительно, был так? То есть Вы, действительно, фактически деканом были?

Ковалев. Фактически.

Козырев. Роль парткома была совершенно особая...

Ковалев. Дело не в этом. Это другой вопрос. Деканов меняли. Я когда пришел, Д.А. Кутасова сняли, не было никакого декана. 15 дней было собрание, деканов не было. Потом прислали, значит, одного. Владимир Федорович Берестнев... Он там побыл месяц, его сняли, прислали А.П. Гагарина, его сняли через некоторое время. Так что фактически года два с половиной такая вот была чехарда, а я был один секретарь. В то время секретарь и так вообще имел большой вес, ну а тут...

Козырев. Сколько лет Вы были секретарем? На пятом курсе? Или потом еще?

Ковалев. Секретарем я был два года, а потом я провел собрание, я как молодой философский юнга попал на корабль, и меня избрали замом секретаря парткома Московского университета, в то время это было примерно как проректор. Я был два или три срока замом секретаря, освобожденным причем. Там мне зарплату платили, а здесь я уже потом защитил диссертацию. Я был на подставки, а там я был на основной работе, 200 рублей получал.

Козырев. А как Вам удалось на пятом курсе стать секретарем парткома?

Ковалев. Вы знаете, 176 человек коммунистов у нас было... Это интересный вопрос, я Вам скажу. Сначала меня сделали заведующим агитпунктом, это по выборам в Верховный Совет. Мы, студенты, на этих избирательных участках дневали и ночевали, причем никто не заставлял, уже сами избиратели говорили: «Хоть бы быстрее эти выборы, чтобы студенты оставили в покое». Приходили, агитировали, ни убавить ни прибавить.

Козырев. Причем занимались этим бесплатно? Не как сейчас студенты в избирательных кампаниях.

Ковалев. Да ну что вы, ребята. Ну если бы кто сказал платить, да Вы что... Вообще ничего похожего не было. Или еще пример. Был такой случай в 48-м или 49-м, я не помню. Тогда весь университет выходил колоннами на Красную площадь, причем весь, весь состав. И колонна наша была, сколько там, 12 факультетов что ли было, около полукилометра. И философский факультет поставили в хвост колонны. И все говорили: «О, философы, да вас и близко пускать не надо, вы недостойны другого, вам место только в хвосте». Нам было это не очень приятно, конечно.

Козырев. А кто говорил это?

Ковалев. Ну, студенты других факультетов проходили: «А... ну правильно, философы». Но самое главное, что, когда шли по Красной площади, когда университет шел, Сталина не было на трибуне, а тут, когда мы подошли,

Сталин появился. Так нам весь университет потом завидовал, а мы ходили вот такие гордые... Еще на философском факультете было так: заем. Тогда заем после войны, это понятно, но требовалось 100%, чтобы все студенты, профессора подписались. Мы дали 254%. Философский факультет. Причем это тоже не давил никто. Наоборот, нужен был хороший умный человек, который сказал бы: «Ребята, вы тут не горячитесь, не надо». Вот такой был подъем после войны.

Козырев. Вот если к выборам теперь вернуться.

Ковалев. Провели избирательную кампанию. Тогда было такое: к шести часам пришли голосовать. К шести часам утра собралось 1300 человек к избирательному участку, чтобы первыми проголосовать. Даже из ЦК приезжали, а комнатка маленькая была, все не входят, на морозе стояли. Вот это наш философский факультет. А когда меня сделали заместителем секретаря партбюро, мне звонит зав. агитпунктом: «У нас 1300 человек пришло проголосовать».

Козырев. Был такой большой факультет?

Ковалев. 1300 человек со всех факультетов пришло голосовать. Это наши студенты их сагитировали. И меня потом секретарем. То есть сначала в партбюро. Партбюро тогда тайным голосованием тоже проходило. Членом партбюро — это ладно. И вдруг у нас на заседании меня кто-то предлагает секретарем. Вот Келле Владислав Жанович, был, кстати, моим заместителем по идеологии. Е.К. Войшвилло потом членом партбюро у меня был долгие годы.

Козырев. Ну, наверное, кроме Вашей активности, которую Вы демонстрировали, был еще и такой фактор: боялись, наверное. Видимо, матерые преподаватели, профессора боялись идти в партком? Время-то было такое неоднозначное...

Ковалев. Нет, ребята. Ей-богу, этого не было. Потом — да. Действительно, мы знали, что у нас арестовали. Но это тоже стало известно. У нас арестовали Козлова Дмитрия Федоровича. Он потом вернулся и был зав. кафедрой у нас на социологии. Но узнали мы об этом только на этом большом партийном собрании, когда стали говорить, что З.Я. Белецкий вот такой, потому что из-за него Д.Ф. Козлов арестован. Вот это уже тогда, а так... нет, ребята.

Козырев. А З.Я. Белецкий был чиновник, функционер или он был отчасти и ученый?

Ковалев. Больше всего он был, конечно, функционер. Ученый он был, конечно, слабый. Но он поднял тут такую бучу. У нас же было потом партийное собрание 15 дней. Вот через 4 месяца после того, как меня избрали секретарем, это собрание о космополитизме. И З.Я. Белецкого избрали в президиум.

Козырев. А оно начиналось как собрание о космополитизме?

Ковалев. О космополитизме. Но там ничего особого не было. У меня доклад был, ну я там кого-то покритиковал, кого-то похвалил, но это было нормальное, обычное собрание. Но потом оно превратилось в такое, что один мой

приятель не выдержал и прямо с места прокричал: «Товарищи, я на фронте был! Там было страшно, но на этом собрании страшнее». Вот это, действительно, было. Потом оно превратилось вот в такое вот. Понимаете, это жутко было.

Козырев. То есть З.Я. Белецкого критиковать поначалу не собирались?

Ковалев. Ну это как обычно, т.е. ему сделали какое-то замечание. Он, говорю, в президиум избран был.

Козырев. Но, значит, недовольство зрело, факультет был против него настроен?

Ковалев. Да, раз уж мы перешли к этому, надо сказать, что перед этим было три вещи. Первая вещь заключалась в том, что вышло три тома «Истории западноевропейской философии». Эти три тома получили Сталинскую премию. З.Я. Белецкий написал письмо в ЦК, на имя Сталина, что в третьем томе «Истории философии» допущен объективизм, нет партийности, нет критики по-настоящему.

Козырев. Кстати, интересно, а «объективизм», что в это понятие вкладывалось?

Ковалев. Объективизм — это, понимаете, такая беспартийность, грубо говоря. Вот есть партийность — это значит партийная идеология. Значит, тогда еще учили, наступательная. Но, во всяком случае, не оборонительная. Даже вот сейчас при выборах в Думу есть же яростные спорщики, борцы за свое, а есть люди, которых уже обвиняют, скажем, в объективизме. Он вроде за это, но в то же время не является активным борцом за эту идею. Вот поэтому он и обвинил их в объективизме.

Козырев. То есть отстраненность.

Ковалев. Отстраненность. То есть вот, понимаете, мы сейчас выиграли такую войну. Фашизм показал, что западный мир гнилой. А тут философия вроде, понимаете, ее восхваляют. И мне уже сам Белецкий рассказывал, мы с ним потом в хороших отношениях были. Хотя складывалось у меня с ним очень тяжело. Но потом он рассказывал: «Меня вызвал Г.М. Маленков, я пришел, сел. И мне еще сказали: “Приглашайте всех своих сторонников”. Я говорю: “У меня здесь никаких сторонников нет”. А эти три тома писали все: М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, П.Н. Федосеев, вся, так сказать, философская элита».

Козырев. Г.Ф. Александров?

Ковалев. Но Г.Ф. Александров там не сидел, потому что он был начальником управления пропаганды и агитации, а это управление было как секретарь ЦК по идеологии. А Г.М. Маленков сел: «Ну, товарищи, давайте». Вот они на него как понесли, на З.Я. Белецкого. А у него, действительно, медицинское образование. Он такой-сякой. Ну и З.Я. Белецкий говорит: «Я сижу, Г.М. Маленков выслушал. А они говорят: “Лишить профессорского звания”, — и т.д. А Г.М. Маленков выслушал и потом говорит: “Ну, товарищи,

спасибо за вашу информацию. Нам кажется, что критика З.Я. Белецкого бьет в цель». И на этом завершился заседание, и через три дня появилось известное решение ЦК, и там было написано: «Оставить Сталинскую премию за двумя, а с третьего тома премию снять». Вот это первый момент, о котором З.Я. Белецкий начинал уже говорить. Второе...

Момджян. А в чем была теоретическая нестыковка?

Ковалев. З.Я. Белецкого? Главное, он доказывал следующее. Первое — объективная истина. Ну что такое объективная истина? Мы считаем, что объективная истина — это правильное отражение того, что есть действительность. А он говорил: «Это ерунда, это идеализм. Объективная истина — это объективный мир, т.е. до человека и до человечества была объективная истина». Мы с ним не соглашались. Даже ходил такой рассказ. Дочка Сталина Светлана училась на историческом факультете. И вроде она услышала, что был шум по всему университету: «Что такое истина?» — и вроде к Сталину обратилась: «Что такое истина?» И вроде он открыл окно, показал и сказал: «Истина — это то, что вон там за окном». Вот ходила такая штука.

Козырев. То есть согласился с З.Я. Белецким практически?

Ковалев. Вроде так. Так что вот первый вопрос ... Второй вопрос, по которому он доказывал: мы знаем и говорим, что есть относительная самостоятельность идеологии, ну потому что она не тождественна бытию. А он говорил: «Это там есть относительная самостоятельность, где есть класс антагонистический. Вот антагонистический класс создает свою идеологию, и тогда она имеет относительную самостоятельность. А поскольку у нас бесклассовое общество, то у нас относительной самостоятельности идеологии быть не может». Вот это второй пункт, по которому расходились З.Я. Белецкий и все остальные. Если кто-нибудь что-нибудь начнет свое доказывать, он тогда: «Это не марксизм, это отход от марксизма». Вот так навязывал.

Козырев. У него были студенты, аспиранты?

Ковалев. Да, были. Он был заведующим кафедрой диалектического и исторического материализма. Эта кафедра преподавала во всем университете. Она была одна на все факультеты. На этой кафедре работали В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, который учебник написал по диалектическому материализму, Гольдентрихт; много работало таких, которые потом стали видными учеными. Это все первый момент. Второй момент. После войны уже Г.Ф. Александров опубликовал свою книгу «История западноевропейской философии». З.Я. Белецкий опять написал письмо в ЦК Сталину, что книга объективистская, не отражает новых веяний в идеологии, является книгой, которая дезориентирует советское общество, и т.д. По этой книге была организована известная философская дискуссия. Там фактически получил поддержку З.Я. Белецкий. Жданов выступил и фактически раскритиковал книгу.

Козырев. Эта дискуссия была на факультете?

Ковалев. Нет, это всесоюзная была.

Козырев. В Кремле?

Ковалев. Видимо, в Кремле. Ну, она в Колонном зале, может быть, даже проводилась. Это организовано было Кремлем, это всесоюзная дискуссия была.

Козырев. А кто там участвовал? Заведующие кафедрами?

Ковалев. Ну в основном, конечно, заведующие.

Козырев. Вы не были там?

Ковалев. Мы были тогда еще слишком молодые. Были студентами. Ну, собственно, я тогда еще только вернулся с фронта. Мы ее читали многие. На этой дискуссии Жданов выступил и фактически поддержал З.Я. Белецкого. А Александра не поддержал. Это первый момент. Белецкий поддерживал Т.Д. Лысенко и даже к нам его приводил. Я помню, что Лысенко у нас выступал, довольно примитивно выступал, но мы были студенты тогда еще. И мне З.Я. Белецкий потом рассказывал, что он редактировал его доклад на сессии ВАСХНИЛ, которая, в общем, поддержала Лысенко. Философская элита была против Белецкого, ну и против его кафедры, понимаете.

Козырев. А были еще тогда другие кафедры? Логики?

Ковалев. Была только кафедра логики. Ну, эстетики еще. Нет, по-моему, она еще тогда не выделилась. Вот только философии и логики, и все. Павел Сергеевич Попов такой был, известный философ. Тем более что других кафедр в университете не было. Только одна, она обслуживала факультет и весь университет. Второй момент, который предшествовал этому собранию, — это то, что вообще среди молодежи появилась такая, я считаю, здоровая тенденция. Тут всё навязывали партийность... А понимаете, поскольку мы войну выиграли, познакомились с Западом, то была тенденция, что надо ослаблять это. Одно дело было, когда на нас нависал фашизм. А тут надо было уже распускать некоторые вожжи. И это тоже толкнуло и привело к тому, что на факультете такая создавалась обстановка. Ну и третий момент, который сыграл роль, — это национальный. Тогда было много на факультете представителей еврейской национальности. Так что тут были социальные и идеологические причины. Был такой Дмитрий Иванович Чесноков, он был потом известным философом, и даже членом Политбюро был избран когда-то. А тогда он был главным редактором «Вопросов философии». Он выступил на этом собрании, которое открылось. Мы думали, что два дня оно продлится. Выступил и сказал: «Вот мы проверяли философский факультет (он у нас на учете не стоял) и пришли к выводу, что на философском факультете орудует антипартийная группа, возглавляемая профессором З.Я. Белецким». Антипартийная! Ну тут и началось, уже стали не критиковать Белецкого, а стали разоблачать. Выступали студенты, там какое-то собрание тайное проводили, закрытое... В основном студенты, понимаете, начали такую атаку.

Ну и профессора. Скажем, был такой Филипп Игнатьевич Георгиев, хороший профессор наш, диамат читал. Он встает на трибуну, берет книгу Рубинштейна «Основы общей психологии», поднимает ее и говорит: «Вот вам библия космополитизма и идеализма». Почему? А потому что он доказывает, что у Черчилля и у советского человека похожий общий аппарат мышления. Понимаешь, ну вот так... библия космополитизма. Вот такое, понимаете, было.

Козырев. З.Я. Белецкий не полетел после этого? Он остался?

Ковалев. З.Я. Белецкого вывели из президиума, а Д.И. Чеснокова ввели в президиум. И потом уже так... ну и, в конце концов, все, что начинается, то приходит к завершению. Вот даже такой был момент. Один кто-то выступил, я уже сейчас не помню, и сказал: «И Ковалев является пособником Белецкого». И тогда выступила такая шишка и сказала, что нет, Ковалев не является. Он действительно наши интересы защищает, и заплодировал зал. И меня в слезы, потому что, понимаешь, ну в то время...

Козырев. А Вы были чьим студентом?

Ковалев. Я был, вот в этом вся суть. Когда уже разоблачили вот этих всех, оказалось, что у меня уже кончается срок, т.е. я кончаю факультет и мне надо идти на кафедру какую-то. Мне даже в райкоме советовали: «Вам надо идти на другую кафедру.» А я говорю: «Нет, я могу только на диалектический и исторический материализм». И я пошел на кафедру З.Я. Белецкого, невзирая ни на что.

Кончается собрание. Прения. 76 человек выступили на собрании в течение 15 дней, и 58 человек представили свои тексты. Ну и поскольку я с докладом выступал, то заключать-то мне надо было. Все-таки, несмотря на то что я хоть и мальчишка был, но уже я тогда понимал, что если написать, что это антипартийная группа, то это значит посадить людей. А мы их разбирали, дали выговор, М.Я. Ковальзону дали выговор, Кошелевскому дали строгий выговор.

Козырев. А группа — это имелась в виду кафедра? То есть его коллеги по кафедре — это его сообщники?

Ковалев. Да. Сообщники. Потом мы с ними со всеми друзьями были. Они понимали, что я не мог по-другому. Причем так: требовали, допустим, исключить из партии, а я сказал: «Он заслуживает исключения, но нет, ему строгий выговор». А исключение из партии в то время — это политическая смерть.

Козырев. А Вы потом общались, говорите, с З.Я. Белецким?

Ковалев. Да.

Козырев. Он был заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов?

Ковалев. Он остался потом. Потом он стал гуманитарными факультетами заведовать. Это тоже целая история. Ну и самое главное вот что: я встаю и говорю в заключительном слове: «Собрание на философском факультете показало, что у нас сложилась беспринципная группа деятелей, действующая непар-

тийными методами». Только я закончил, тут: «Вот мы тут 15 дней доказывали, что это антипартийная группа. А Ковалев фактически говорит по-другому, стирает это дело». Чуть ли не на меня обрушились. Я тогда Д.И. Чеснокову, он же сидел рядом со мной в президиуме, говорю: «Дмитрий Иванович, Вы пустили эту формулировку — антипартийная, так что давайте-ка сами». А он уже тоже сам сообразил, что это слишком. Он, значит: «Товарищи, да я теперь, да я бы, может быть, и не стал бы теперь, это было в пылу полемики». Тогда один студент поднимается: «Так Вы снимаете свое обвинение?» — «Да, я бы сейчас не стал». — «Тогда я вношу, что это антипартийная группа». Тогда я опять встаю и говорю: «Товарищи, давайте мы не будем квалифицировать, какая это группа, а вот давайте фактически: за что вы хотите их привлечь к ответственности?» Было написано три четверти страницы, и с этим согласились, за что привлечь их к ответственности. В резолюции у нас было: «Считать невозможным дальнейшее пребывание на кафедре». А там: «Считать недопустимым дальнейшее пребывание в должности заведующего кафедрой». Вот такой был накал страстей.

Козырев. Видимо, у него была какая-то серьезная поддержка в ЦК.

Ковалев. Мы уже вывесили строгий выговор всем его сотрудникам. А сам он не являлся на собрания. То больной, то скажет, что не может. А тут каникулы уже. А это было в марте, тут и каникулы уже летние. После каникул я опять... А с меня народ требует: как же так Белецкого не разобрали! Я ему звоню: «Зиновий Яковлевич, приходите на бюро». — «Вам скоро позвонят из Секретариата ЦК». Я говорю: «Никаких звонков у меня не было, я хочу, чтобы...». Тут и, правда, приходят, я сидел в Библиотеке иностранной литературы, меня нашли где-то часов в 12 и срочно в ЦК. И вот я туда прихожу, там уже сидит секретарь парткома университета Прокофьев. А они тоже все обсудили, и партком утвердил все наши решения. Прокофьев потом стал министром просвещения. Прокофьев сидит там, а нас М.А. Суслов вызвал. И так мы сидим, он говорит: «Я вас пригласил по личному указанию товарища Маленкова». А Маленков в то время, это знаете... «Вот, понимаете, партийное собрание философского факультета поставило многие проблемы, которые надо будет рассмотреть. Но партийное собрание, во-первых, смешало теоретические и организационные вопросы. За теоретические вопросы вы вынесли взыскание З.Я. Белецкому, но этого не должно быть. Второе: сейчас на философском фронте главной опасностью является объективизм. И если мы ударим по З.Я. Белецкому, то это будет поднятие этого самого объективизма. Поэтому вот задача состоит в том, что вам надо отменить решение своего собрания, но только без ссылки на ЦК». — «Ну а как это будет сделано?» — «А это, — говорит, — сегодня в райкоме...» И вот в райкоме вызывают Келле, еще третьего, Кошелевского по-моему, на бюро райкома. А должен был взыскание

ОПЕРЕЖАЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ

утверждать не партком, а бюро Краснопресненского райкома. Ну они дрожат все, а мы уже знаем, что тут... Они пришли, их вызывают члены бюро. Сидят, первый инструктор говорит: «Вот, товарищи, партком Московского университета вынес взыскание товарищу Келле, мы считаем, что это не основательно и должны ограничиться этим обсуждением». Они ушам свои не верят. Выскакивают оттуда, как эти самые.

Козырев. Как новорожденные....

Ковалев. Да, наверное. Я просто там сказал: «Да вот тут мы смешали организационные вопросы и теоретические». После этого секретарь такой сидел, Самойлин, на меня через очки смотрит: «Ты секретарь?» — «Я». — «Вот тебе неделя срока, если не отменишь решения собрания, ты больше не секретарь». И мы потом это собрание еле-еле собрали. Сначала мы не собрание собирали, а актив. Приехали на актив 3 секретаря райкома. Видимо, им, так же как мне, сказали это в ЦК. Но это собрание было отменено, решение было отменено, но долго говорили, что отменено взыскание, а все обвинения остаются. А тут потом еще целая история. А.П. Гагарин приехал, декан, и потребовал, чтобы создали кафедру на философском факультете. Уже приказ был из министерства: создать кафедру под руководством А.П. Гагарина и З.Я. Белецкого. А я аспирант уже был, ну и как секретарь, так что я в курсе был. Вот они сидят и делают кафедру.

Козырев. А.П. Гагарину какую кафедру?

Ковалев. Философского факультета. А Белецкому предполагалось дать кафедру для университета. Через три дня звонок: не производить реорганизации кафедры. Так З.Я. Белецкий и остался. Потом уже, спустя года два, его перевели на кафедру гуманитарных факультетов, а так он и оставался на факультете. И мне пришлось, это молодому философскому юнге, направлять плавание корабля вот этого.

Козырев. Так все-таки к кому Вы потом пошли?

Ковалев. Пошел на кафедру З.Я. Белецкого. Научный руководитель у меня был со стороны. А я на кафедре З.Я. Белецкого был и вел семинары у него. У нас нормальные отношения были.

Козырев. Очень интересно, Александр Михайлович. Я надеюсь, что мы с Вами еще раз встретимся и поговорим о последующих событиях. О том, как Вы отделение создавали...

Ковалев. Ладно, давайте.

«Я ДОВОЛЕН ТЕМ, ЧТО СДЕЛАЛ...»

Беседу с профессором кафедры философии и методологии науки филологического факультета МГУ Александром Владимировичем Паниным провел доцент философского факультета МГУ А.П. Козырев при участии аспиранта Е.С. Соколова. Интервью записано в 2011 г. в МГУ

А.К. Александр Владимирович, какой сегодня экзамен принимали?

А.П. Свой. Философия и методология науки. Третий курс.

А.К. Ну и как результаты?

А.П. Нормальные. Вот логики, онтологи... Наша кафедра оказалась самой слабой группой из этих. А логики, онтологи неплохие. Особенно онтологи.

А.К. Как вообще ощущения от студентов: лучше, хуже за последнее десятилетие, если сравнивать с тем временем, когда Вы были деканом?

А.П. Мой опыт говорит, что в группе в 20–25 человек пришли учиться, работают и перспективны обычно человек 5–8 в лучшем случае. А остальные, так сказать, отбывают время: хотят получить корочку — и все. Эта пропорция сохраняется и сейчас.

А.К. Если один студент с курса становится философом, это уже хороший результат?

А.П. Уже неплохой, и я считаю, что большего и требовать нельзя. Это такой предмет. Это ж не физика, а философия.

А.К. Как у Вас возникла мысль поступить на факультет?

А.П. Меня тянуло к гуманитарным наукам, куда — я не знаю, но потом, когда я здесь покрутился, вызвала интерес философия. Меня привлекало сначала юридическое образование, но я понял, что там в то время фактически готовили милиционеров.

А.К. А школу Вы в Москве заканчивали?

А.П. Да. В районе Преображенки, 432-я школа. Мальчики и девочки в то время учились раздельно. Эпоха — послевоенная. Шпаны, хулиганья тогда и на улице и в классе было полно.

А.К. Круг общения был мужской в основном?

А.П. Мужской и жестокий. То, что у Высоцкого описано. Я в эту же эпоху родился, и такие же там ребята двора и школы...

А.К. А Вы были человек общительный, дворовый или больше книжки читали?

А.П. Дворовый. Безусловно, я дворовый. Воспитывался, рос во дворе, но семья интеллигентная, так что я крайностей не допускал.

А.К. А с девочками как выстраивалось общение, если школа раздельная?

А.П. Девочки были во дворе, в пионерском лагере — там был с ними контакт. Во дворе, правда, редкий случай, когда мы вместе играли. В основном ребята — одно, а девчата — другое.

А.К. Жили Вы тоже там, на Преображенке?

А.П. Да. Родился на Преображенке, на Стромынке, и жил там же.

А.К. Это еще район МГУшного общежития. Стромынка.

А.П. А я знаю это общежитие. Когда водил ребят по Москве, то приводил их к нему. К сожалению, мало кому известно, что это бывшее общежитие...

А.К. Здание сохранилось?

А.П. Сохранилось, но там другие учреждения. Там размещался какой-то Институт картографии, космонавт Савиных там был директором, я с ним контактировал. Сейчас что-то другое там. Иногда приезжаю в этот район. Детство вспоминаю с удовольствием, хотя не лучшее детство, но тем не менее. Все свое.

А.К. А вот это ощущение послевоенной Москвы. Вы ведь родились в 1936 году?

А.П. Да, я помню начало войны, и бомбежки помню, и немецкие самолеты над Москвой дважды видел.

А.К. В эвакуацию уезжали?

А.П. Уезжал в Свердловск и пробыл там года полтора-два. В школу пошел в 1944 году в Москве.

А.К. А вот эти мальчишки, которые с Вами играли, у них кто отцы были? Фронтовики? «Враги народа»? Как вот эта задела волна?

А.П. Из нашей коммунальной квартиры посадили одного «врага народа». Хороший рабочий: профессиональный, классный. Во время войны попал в плен, бежал, воевал во Франции и, видно, поэтому загремел. Считаю, никаким врагом народа он не был. В то время было достаточно неосторожного слова...

А.К. Ваш район был такой рабочий?

А.П. Рабочий. Преображенка это... И бандитский и рабочий. Я был там свидетелем ограбления банка, и другие подобные вещи хорошо помню. Так что я дитя войны в этом смысле. Ребята моего возраста были тогда шпана слишком молодая — мы не попали в передраги. А все, кто на 2, на 3 года старше нас, — все отсидели в тюрьме. В основном за воровство. Ну и поножовщина была.

А.К. Голодное детство было?

А.П. Как ребенок я этого не ощущал. Взрослые заботились.

А.К. А родители кем работали?

А.П. Отец у меня инженер был, инвалид войны. В 43-м году под Ржевом ранен.

А.К. Как отчество его?

А.П. Матвеевич.

А.К. Владимир Матвеевич.

А.П. Да, а дед был Матвей Филимоныч.

А.К. А мама?

А.П. Мама из деревни, Тульская губерния.

А.К. А деревня какая?

А.П. Деревня Ивановка. У них две там деревни — Ивановка и Барановка. Меня туда возили, но я деревню не помню, потому что мне было года два. Но бабка приезжала. Приезжали деревенские, рассказывали, что там творится, поэтому я в курсе дела был — жизни реальной.

А.К. А мальчишки, которые с Вами в школе учились, как определились в жизни потом? Куда поступили? Шли какие-то разговоры?

А.П. Сам я после 7-го класса ушел в автомеханический техникум при заводе имени Лихачева. Потом работал на заводе вплоть до того времени, как здесь поступил в аспирантуру. Так что я заводской был.

А.К. Значит, Вы работали на заводе и учились на факультете вечером?

А.П. Да, да. Из нашей группы вечерней — Г.Г. Майоров, В.М. Федоров. Еще Маша Миронова, она на психологическом отделении училась, тоже пересекались. Еще ребята были.

А.К. Вы на заводе кем работали? Мастером?

А.П. Начальником участка кузнечных цехов.

А.К. То есть трудовой день, а потом приходили на философский факультет и вечерние лекции, аудитории...

А.П. Да, да. У нас были хорошие преподаватели. Асмус лекции читал. Мельвиль. Потом Мелюхин. Правда, мы по молодости не всегда понимали масштаб такой личности, как Асмус. Хорошие отношения сложились у нас с Мельвилем.

А.К. Еще на Моховой учились, конечно?

А.П. Да, начинали на Моховой. И поступал я на Моховую, и председатель комиссии был Богатов, с Вашей кафедры нынешней.

А.К. Считают, что факультет был крайне идеологизированным, начетничество было. Это ощущалось или все-таки поляризация была какая-то?

А.П. Здесь надо было просто иметь ум. Идеологизация была страшная. И вот насчет моего деканства: когда я пришел, я до этого стажировался в Англии, потом в Америке, поэтому, если знаешь состояние философии за рубежом, здесь это ощущалось страшным образом. Причем идеологизация была примитивная до смешного. Вот такие вещи, допустим: читается тема «Материя и движение». Тут же указание: использовать работы Брежнева. Неизвестно, какие работы. «Малая Земля»? Ну какое отношение это к теории материи имеет? Умные люди это игнорировали. Но я скажу другое: при всей идеологизации, при всем начетничестве все-таки факультет был серьезной организацией, потому что были кадры хорошие. И тот, кто хотел учиться, мог тут получить знания. А вот этот нанос идеологический, эти охотники за блохами идеализма на теле марксизма — ну, их тоже хватало.

А.К. Сейчас вот вышел фильм «Отдел». Вы не смотрели?

А.П. Нет.

А.К. 8-серийный фильм про Мамардашвили, Ильенкова, Батищева, Зиновьева и так далее. Создатели, режиссеры считают, что был один сплошной мрак и был луч света в темном царстве — журнал «Проблемы мира и социализма».

А.П. Да не было этого. Было много у нас толковых философов. А что касается идеологии, умные люди занимались чем хотели, изучали что хотели. Отдельвались ритуальными фразами. Обязательно, что бы ты ни читал, хоть сапожное мастерство, но для начала требовалось процитировать Маркса, Энгельса, Ленина, чтобы войти, так сказать.

А.К. Ойзерман у Вас преподавал?

А.П. Тоже неплохо преподавал. Он был секретарем парткома, между прочим, заведующим кафедрой зарубежки, говорят. Канта хорошо читал. Правда, я лично на его лекциях не был. Зиновьева слушать довелось. Молодцов пригласил его на заведование кафедрой логики. Это тоже был важный факт.

А.К. Вы когда поступали, деканом кто был?

А.П. Молодцов. И заканчивал почти при Молодцове. Нет, уже Молодцова, по-моему, сменил Овсянников.

А.К. А когда остались на факультете? После аспирантуры?

А.П. После аспирантуры — да.

А.К. Кто Вас пригласил? Овсянников, заведующий кафедрой?

А.П. Нет, это, скорее, Коршунов, его заместитель.

А.К. Коршунов? Кафедра гуманитарных факультетов?

А.П. Да-да-да. С удовольствием его лекции слушал. Но были и лекторы-начетчики. Не хочу обижать память. Что было, то было.

А.К. А как Вам удалось отправиться на стажировки? Вы уже какое-то время проработали, получили доцента?

А.П. Нет, еще не был доцентом. Но я работал в ректорате помощником проректора гуманитарных факультетов. Это тоже, наверное, повлияло. Особых усилий не прилагал...

Я начинал там работать, когда ректором был математик Петровский. Потом за Петровским — Хохлов. Он раскованный, открытый человек был. По своему даже наивный, а с этой командой надо быть начеку.

А.К. Есть даже версия, что помогли ему уйти.

А.П. Я помню ситуацию, когда деканом хотели избрать Богомолова. Голова толковая. Он нам читал лекции: понятно, ясно, четко, определенно. Так вот, Хохлов хотел его провести. Наш совет забаллотировал Богомолова. Пообещали ректору Хохлову, что все будет нормально, и завалил. Он сказал: «Ну что ж, история разберется».

А.К. Была альтернатива: Богомолов — Косичев?

А.П. Богомолова хотели поставить деканом.

А.К. Вместо него сделали Косичева?

А.П. Да. А потом избрали Косичева.

А.К. Вам довелось, насколько я знаю, встречаться с очень известными людьми, с Поппером общались.

А.П. И с Айером, и с Поппером, и с Куном, и с Карлом Гемпелем. Я максимально использовал возможности для встреч с крупнейшими философами.

А.К. Насколько они доступны были? Вы, человек из Советского Союза...

А.П. Абсолютно доступны! Айер, например, в Англии считается крупнейшей фигурой, его произведения издаются и после его смерти. Открытый совершенно, приходишь, как к себе домой. И разговор у него открытый. Никакой враждебности. С Патмэном из Гарвардского университета такие же отношения, как это и полагается в университетской среде.

А.К. Вы как-то общение выбирали по научным интересам?

А.П. Философия и методология науки — в основном я на это ориентировался в беседах со многими ведущими философами. С Фейерабендом встречался, он друг Лакатоса. Руководитель у меня Лакатос был.

А.К. Он венгр — Лакатос?

А.П. Он венгр, но вообще он еврей Липшиц. Как он выжил во время войны, я не знаю. Но в Венгрии не было такого антисемитизма, это спасало. Лакатос у нас стажировался, он знает Щедровицкого. Когда я с ним в первый раз встретился, он спросил, как там Щедровицкий. Я коротко ему ответил: «В тени». Больше он ничего не говорил, все понятно. И его, Лакатоса-то, направили на стажировку на год на мехмат, потом отослали в Венгрию, ластучали свои же. А он такой открытый. Что-то не так сказал, все — тут же сигнал, утащили. Это было в 56-м году. Он уехал на Запад, получил место в Лондонском университете, сменив на кафедре Поппера.

А.К. Общение с Поппером науке было посвящено?

А.П. В основном науке. Я не стал вступать в идеологические споры, было о чем спорить, но я не стал. Мой принцип был: с кем я встречался, старался выяснить их собственную позицию по своим взглядам, уточнить то, что я думаю. Это удавалось в основном. Так было и с Куном, так было и с Поппером. И Попперу я, в общем-то, по общению понравился. Потом отношение изменилось. Наверное, благодаря окружению. Его использовали всюю.

А.К. Вы как бы сознательно афишировали, что придерживаетесь марксистской методологии?

А.П. Ничего я не афишировал в данном случае. Я просто давал понять: «Я хочу понять Ваши взгляды». В чем-то я согласен был и поддерживал, говорил, в чем-то был не согласен, но умалчивал, старался не вступать в споры: это некрасиво. Но были и общие разговоры. Был вот с Поппером такой разговор,

в частности почему Витгенштейна в Англии на ура приняли, а ведь это Англия, там чужаков отмечают. Вот Айер — это Айер, а кто такой Витгенштейн? А он там занял центральное место, потому что совпала общая настроенность философская. Аналитическая традиция она и в Англии, и Витгенштейн — он сразу там королем стал. А Поппера, так сказать, со скрипом принимали — и здесь и в Америке. Ну и вот мы обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что аналитическая традиция в Англии сильна. Даже обсуждали книгу «Алиса в стране чудес», она целиком аналитическая — «что вы думаете, что вы сказали» — в таком духе. Он с этим согласился в принципе. Ну и наше общение кончилось, и он меня на машине своей подвез, хотя у него не было прав. У него большая, хорошая машина, хотя и очень старая. И когда он садился за руль, то преображался: это связывало его с молодостью. Он купил этот «Остин Моррис» в 1946 году, когда переехал в Англию.

А.К. У вас остались фотографии с тех времен?

А.П. К сожалению, нет. Его фотографировать нельзя было, он не любит это дело. Меня предупредили, я не стал.

А.К. Как Вам кажется, есть какие-то национальные черты в философии, например англичане — эмпиризм. Философские склонности?

А.П. Безусловно. Национальный характер есть. Британец — это британец, у него свои нравы, свои обычаи. Вообще британское общество спокойное, размеренное. Допустим, знакомиться с людьми в Британии сложнее. Надо, чтоб тебя представили и так далее.

А.К. А вот у русского какие черты?

А.П. Что я буду говорить? Ты сам русский и сам знаешь наши нравы и обычаи.

А.К. Какая философия нам более по плечу?

А.П. Трудно сказать.

А.К. Почему мы так к марксизму прикипели?

А.П. Почему прикипели к марксизму, тут понятно: потому что Россия была проклятая страна, и люди ждали перемен ведь не просто так. Если бы хорошо жили и не проиграли войну Японскую, — неизвестно, что было бы.

А.К. Вы общались с Лотманом. Он говорил, что отношение к Священному тексту осталось то же самое, только вместо Библии положили Маркса.

А.П. Правильно.

А.К. Та же сакральная...

А.П. Да, сакрализация всего. Только не сакрализация, а идеологизация. Все должно быть марксистским. Вот деидеологизация философии — это первая задача, которую я поставил перед собой, благо складывались обстоятельства. Там ситуация в этом смысле была такая. В 1988 году меня избрали деканом, и я сменил Косолапова. Там много вариантов было, но остановились на мне.

До этого я был замдекана по науке. Ничем не примечательный, не особенный. Правда, я до этого организовывал Всесоюзную конференцию с размахом. Все выступали. Прибежали все академики, вот такая была конференция.

А.К. Чему она была посвящена?

А.П. Проблема философии марксизма и диалектического материализма. Кафедра-то была диалектического материализма. И она имела большой успех, меня там уже знали, поэтому меня в ректорат пригласили. Но потом делегация пришла с факультета во главе с парткомом и сказала: «Панин хороший человек, но в ректорат его не надо брать, потому что нарушится баланс на факультете».

А.К. А с Косичевым Вы проработали долго замдекана?

А.П. Не очень. Года два, наверное. Я, конечно, не был человек его круга, да ничего и не решал...

А.К. А предложение стать деканом поступило от кого, от ректора?

А.П. Ой, трудно сказать. Тут академики наши вмешались. Фролов тот же. Потому что там шла борьба между Фроловым, Косичевым, еще какими-то людьми: или факультет не хотел, или еще кто...

А.К. К Фролову очень плохо относился Косолапов, да?

А.П. Да. У них было противостояние, оба рвались в Центральный Комитет, прорвался Фролов.

А.К. А Косолапов тоже был членом ЦК?

А.П. Не знаю, но он был редактором журнала «Коммунист».

А.К. Да, он член ЦК.

А.П. Ну а потом перемены, Косолапова поэтому убрали: «Не наш человек, не горбачевский».

А.К. То есть Фролов Вас, условно говоря, двигал как своего человека?

А.П. Нет, сначала у Фролова свои кандидатуры были. А потом, когда этот расклад общий произошел, почему-то остановились на мне в конечном счете. Потому что и со стороны факультета была поддержка, и со стороны академиков тоже. Ну и соответственно факультет избрал почти единогласно, и Ученый совет: там меньше было «за», но все равно избрали достаточно большим числом голосов. Без проблем.

А.К. Когда Вы возглавили факультет, у Вас какое ощущение было? Что машина работала или что нужно срочно что-то менять?

А.П. Я знал состояние мировой философии более-менее, поэтому я сразу понял, что нужны радикальные изменения еще до 91-го года. Перестройка горбачевская была, между нами говоря, трепотня: ни методов перестройки, ни последовательности шагов, как в Китае: решим одно, потом другое, третье... Нет, у нас все — и это, и это, и это. Ну где силы взять? Но было у Горбачева и одно для нас хорошее: он начал проводить линию на свободу мнения, на

возможность отстаивания своей позиции. Вот это нас выручало, и мы на это давили. Это значит, что идеологический контроль теснился.

А.К. А была угроза вообще существованию факультета? Не было ли такого, что вот сейчас закроют?

А.П. Была, была, и я тоже чувствовал угрозу. «Не дай бог жить в эпоху перемен», а я вот попал.

А.К. Тогда же колоссальное было давление: «Огонек», «Московские новости» каждый день обрушивались...

А.П. Как везде: были заказные статьи против факультета, что вот тут коммунист на коммунисте сидит и коммунистом погоняет, что мы все тут против ельцинских реформ и т.д. Поджигали всячески старыми методами. Были вроде люди новые, новаторы, но в принципе действия те же самые. Приходилось сражаться, стоять. Скажу, в чем еще была угроза факультету. Могли бы и закрыть, радикальные перемены внести. По крайней мере дошло до того, что готовились к люстрации кадров — не философских, вообще всех общественных.

А.К. То, что в Германии произошло.

А.П. Да-да. Всех общественных наук. И уже подготовили проект приказа на этот счет. Мы поступали под эгиду Института философии — они должны были нас перевоспитывать. Люстрация на предмет приверженности к партизму: кто слишком привержен, от того надо избавляться. Нам попал этот проект приказа, еще там люди сообщили, и мне философское сообщество — УМО по философии — поручило пойти к министру и выяснить, что это.

А.К. Кто был тогда министром?

А.П. В.Г. Кинелев. Его заместителем был В.С. Меськов. А Меськова я рекомендовал в свое время, и он знал об этом.

А.К. И что министр?

А.П. Был страшный скандал. Инициативу проявили мы и Ленинградский университет. Но там были и экономисты ленинградские. А наши гуманитарии, историки промолчали. Хотя им тоже угроза была: давили, валили экономистов и всех. Значит, Кинелев пригласил директоров академических институтов: Института социологии, экономики, еще чего-то там, ну и Степин там был, конечно. Я в очень радикальной, даже скандальной форме начал выступать, говорить: «Что, вы нас хотите перевоспитывать Институтом философии? На каком основании? Во-первых, там половина наши выпускники — раз. А во-вторых, мы же учились по книгам академиков, которые в том же Институте философии. Что вы от нас хотите?» Все общество против, т.е. обществоведы. Кинелев говорит: «Это же не приказ». Я говорю: «Я знаю». В то время было так, что могли подписать, проходя мимо уборной, зайти и подписать...

А.К. Как Беловежскую Пущу.

А.П. Да. Ну, устроил я там, так сказать, скандал, противостоял, давил на Кинелева. Давить на академиков не надо было: они там же отказались от своих претензий на наше перевоспитание. Степин сразу сказал: «Мы не собираемся курировать философов», а я сказал, что у нас силы не хуже, чем в Институте философии. В каких-то областях мы дальше прошли, в каких-то отстаем. Допустим, в области философии науки лидерами они являются, но, с другой стороны, чем хуже ваших наши историки философии — Соколов, Майоров? Зачем нам это надо? Где провалы у них, там провалы и у нас — в то время так обстояло дело в области социальной философии.

А.К. А вот 91-й год, августовский путч. Я помню, были люди, которые очень хотели, чтобы все вернулось.

А.П. Хотели и фактически могли бы закрыть факультет. Особенно если бы люстрация была — это очищение путем жертвоприношения. Это латинский термин из Средневековья. Ну после нашего похода к министру я извинился перед ним за резкость.

А.К. Иногда надо быть резким.

А.П. Он понял. «Я, — говорит, — не обижаюсь».

А.К. С самого начала вашего деканства Вы стали создавать какие-то новые структуры, кафедру истории и теории мировой культуры (ИТМК).

А.П. Скажу об этом. Главный наш недостаток был в том, что у нас философию перевели из лоно академической науки в лоно идеологии. Вот это первое, с чем надо было бороться, чтобы вернуть философию в лоно науки. И оторвать ее от идеологии. Мы это сразу стали делать. Были у меня и конфликты с парткомом, он пытался что-то иногда диктовать, в то время он еще был, в 88-м году.

А.К. Пащенко?

А.П. Нет, Пащенко заместителем секретаря был. С ним у меня отношения очень хорошие. Там другие люди были. Но не очень жестокие. И так, главная задача была — деидеологизировать факультет, избавиться от идеологических структур. Второй недостаток, который наблюдался на факультете, — провинциализм философский. Мы отстали от мировой философской науки и даже от развития марксизма в других странах. У нас, мол, все свое здесь правильное, а там все происки. Это недопустимо. Далее, в других философиях развивались, вернее, решались важные проблемы. В экзистенциализме. Кстати, критика Сартра породила новый комплекс проблем и у нас. Мимо нас фактически прошел психоанализ. И так далее. Это такое провинциальное мышление. Поэтому контакт с зарубежными учеными — стояла такая задача. В-третьих, было старение кадров: 60 лет был средний возраст. Поэтому тогда еще я поставил задачу омолодить факультет. Вот попадал ты в эту категорию?

А.К. Конечно, Вы же меня взяли...

А.П. Я помню, в один год мы восемь выпускников наших взяли. И что важно: прошло много лет, эти все выпускники оказались хорошими людьми. Васильев стал заведующим кафедрой, Ю.Д. Артамонова — прекрасный специалист, Е.В. Брызгалина. И почти отсева у вас не было. Это люди, которые себя оправдали. Не все защитили вовремя докторские диссертации, но это другой вопрос.

А.К. То есть была определенная кадровая свобода?

А.П. И мы ею пользовались! Занимали ставки нашими выпускниками.

А.К. Вообще говоря, эти проблемы — кадровая и провинциальности — и сейчас стоят перед факультетом.

А.П. Проблема омоложения кадров постоянна. Когда мы взяли восемь человек, это было нечто! Потом мы использовали программу продвижения молодых доцентов. Ну сейчас опять, времени-то уже сколько прошло, процесс старения наблюдается. Должен быть какой-то механизм притока молодых кадров.

А.К. Скажите, а как Вы относитесь к формальным критериям, по которым могли бы оценивать преподавателей? Например, если преподаватель в течение нескольких лет не подготовил ни одной публикации, нужно как-то выносить это?

А.П. Как правило, должны быть публикации — это ясно. Но есть исключения, когда надо ценить педагогический талант. Я не буду персоналии сейчас называть. Есть масса таких, которые публикуются, но они — пустое место для факультета. Публикации разные, люди разные.

А.К. Когда человеку нечего сказать, он публикует только ради того, чтоб заполнить место.

А.П. Да-да. Или связи в издательстве. Но критерии, конечно, такие: чтобы преподаватель имел фундаментальную подготовку, был специалистом и чтобы в своей области он был общепризнан в научном сообществе, пользовался успехом у студентов, насколько это можно. Ну вот Асмус уже старый был, и его не очень ценил тот, кто не понимал. А тот, кто внимательно слушал, что он говорит, — это другое дело. Внешне он, так сказать, в глаза не бросался. А есть такие позеры и говоруны, что завораживают студентов. Потом смотрят конспекты, а там ничего в конечном счете.

А.К. Как мне Ойзерман говорил (я с ним интервью записывал), там критерий был такой: «Ты не будешь хорошим преподавателем, ты трепаться не умеешь!» Надо, говорит, уметь трепаться, чтоб быть хорошим преподавателем.

Е.С. Вообще, мне, например, кажется, что стоило бы ввести ряд критериев, среди которых были бы академические успехи, публикационная активность, с другой стороны, например, признание студентов, ну и признание коллег, т.е. некоторый ряд критериев, по которым могла бы проходить переаттестация.

А.П. В первую очередь это должен быть специалист в этой научной области, и в этом научном сообществе признанный специалист. Это элита, не все к этому...

А.К. На самом деле все формализовано, раз в пять лет человек проходит конкурс...

А.П. Это не решает проблемы. Можно пройти конкурс и ничего собой не представлять. Пройти по формальным критериям, а по существу он никому не нужен.

А.К. Александр Владимирович, если вернуться к ситуации с новыми кафедрами. Чья это была идея — создать кафедру ИТМК?

А.П. Идея была такая: войти в контакт с нашей ведущей интеллигенцией...

А.К. Ну а кто ее предложил?

А.П. Предлагал... Валерий Яковлевич Саврей с этим связан. Поскольку я с ним знаком, он предложил мне, я подумал и пошел в ректорат. Там один, не буду называть фамилии: «На фиг они вам нужны...» На факультете со стороны некоторых кафедр было сомнение: зачем там создавать, мы сами с усами. Я думаю: «Ну и создавали бы».

А.К. Зависть была определенная, да?

А.П. Да, и зависть. Ну это не очень серьезно все было, все смирились. А когда собралось это сообщество ведущих гуманитариев на факультете и мы открыли кафедру, вопросов не было никаких.

А.К. Это рейтинг факультета подняло до небес.

А.П. Резко. И в рамках университета к нам относиться стали по-другому...

А.К. Философский факультет сразу стал звучать.

А.П. Да, естественно, ходили на лекции профессора других факультетов, из Института философии ходили, когда выступал Аверинцев, Иванов или Лотман...

А.К. Из этого круга звезд кто Вам больше всего запомнился?

А.П. Ну я скажу так: они все были профессионалами высокого класса... Если есть какие-то у них пробелы, можно терпеть. Самое главное — их слушаешь не зря.

А.К. А в личном отношении с кем-то установились какие-то более тесные связи?

А.П. Ну, со всеми у меня нормальные отношения были, обсуждали. Вячеслав Иванов. Человек достаточно жесткий, со сложным характером. Но крупнейший ученый-лингвист, реформатор, так сказать, в этой области — в структурной лингвистике, ну и плюс историк нашей гуманитарной жизни, литературы и так далее. Ученик и друг Пастернака. Преподавал в зарубежных университетах, фигура солидная и крупная. И он возглавил кафедру.

А.К. А с Аверинцевым приходилось общаться?

А.П. С Аверинцевым и его женой, Натальей Петровной, мы же взяли и ее на факультет. Когда Аверинцев выступал в 6-й поточной аудитории, там буквально облепляли его трибуну.

А.К. А были противоречия на этой кафедре? Приходилось их решать? Например, Бибахин...

А.П. Это настолько были солидные фигуры, что...

А.К. Помните, Бибахина еще Вам пришлось увольнять, да?

А.П. Я не увольнял его! И никто его не увольнял. Он сам ушел.

А.К. Но Вы не в курсе, что у них там произошло?

А.П. Он прекрасный переводчик, он был посредником во многих вещах. Вот Деррида приезжал — он переводил, и т.д. Эта кафедра — блестящая удача факультета. Мы помогли реабилитировать Иванова, его же выгнали с филологического факультета ...

А.К. Многие люди просто профессоров получали на этой кафедре, да?

А.П. Да-да-да.

А.К. Аверинцев не был до этого профессором, он получил профессора на философском факультете, насколько я помню.

А.П. Я даже не буду говорить «получил». Для нас это честь... Он был член-корреспондент. Это блестящая плеяда. Арон Гуревич, медиевист с мировой известностью, читал курсы лекций. Он слепнуть начал, но мы его ценили. Они не унижались до склок между собой. Хотя было соперничество. Когда мы пригласили Лотмана, там были напряжения: кто важней в этой области. Я опять фамилии не буду называть, чтобы не обижать людей, тем не менее вот были такие чувства...

А.К. Я помню эту лекцию Лотмана, он один раз приезжал, по-моему.

А.П. Да, один раз, но мы его взяли на полставки конечно же.

А.К. Вы с ним тогда смогли пообщаться?

А.П. И общались, и обедали, и ко мне в кабинет часто приходил он, разговаривали. Он интересный собеседник, ну видели его лекции о русской культуре, вот он такой и есть открытый совершенно человек, уникальный. У нас было полное взаимопонимание.

А.К. И сейчас, когда уже время прошло определенное, т.е. это уже история факультета.

А.П. Еще Гаспаров у нас был.

А.К. Михаил Леонович, да. Хоть и недавняя, но история. А есть ли какие-то ощущения, что о чем-то Вы жалеете, что-то можно было сделать по-другому?

А.П. По-другому всегда все можно, но я считаю, что наши дела на факультете имели продолжение, и почти ничего из того, что мы делали, не провалилось. Вот эта плеяда гуманитариев, она ушла по состоянию здоровья. Арон Гуревич ослеп. Мелетинского только сманил к себе Афанасьев, но он тоже потом прекрасно читал лекции. Один из основных лекторов здесь был у нас. Аверинцев больной был уже тогда, а потом уехал за границу лечиться.

А.К. В Австрию.

А.П. Да. Иванов в Америку преподавать уехал. Ну они и тогда меня предупреждали: «Мы старые, готовьте замену». Мы, конечно, готовили. Вот, в частности, Доброхотова. Я ему «пробил» доцента, на эту кафедру перевел, сказал: «100% ты будешь заведующим». Так оно и случилось.

А.К. Наверное, нет музейных кафедр. То есть время меняется, кафедры изменяются, переструктурируются...

А.П. Ту пляяду жалко. Конечно, хотелось бы, чтобы они и сейчас работали, на любых условиях. И ректор это понял отлично и на базе этой кафедры, этих людей — они обратились с предложением — создал Институт культуры. Это выходит за рамки факультета, это при университете. И это очень здорово повлияло на развитие факультета, сказало на его репутации, на интересе к нему. Как я говорю, — это говорил и Гегель, и Маркс это повторял, — «фило-софия — это душа культуры».

А.К. Сегодня, Александр Владимирович, если бы Вас Миронов спросил, — а я думаю, что он Вас спрашивает, советуется, как с бывшим деканом...

А.П. Да.

А.К. Вот что-то такое аналогичное сделать, масштабное, чтобы резко поднять рейтинг факультета...

А.П. Миронов достаточно опытен, мы с ним 10 лет вместе работали. Премственность не утрачена. Все, что было сделано, — все сохранилось.

А.К. Но сегодня вот, если бы Вам сказали, Александр Владимирович: «Вот Вам 10 ставок, создайте новую кафедру. Прорывную». Какую бы кафедру Вы создали?

А.П. Я скажу, что мы сделали. Во-первых, провели реформы на кафедрах. Переименовали кафедры. Безусловно, мы убрали из названий всякую идеологию: «марксистско-ленинская этика», «марксистско-ленинская эстетика» — это номенклатура не мировая. Просто стали кафедры этики, эстетики. «Кафедра научного атеизма» — то же самое. Таких кафедр нет в мире. Есть кафедра философии религии. Но дело не в том, что переименовали кафедры, была задача-то другая — реформировать само их содержание, и в первую очередь ценилось создание новых программ, новых курсов, которые соответствовали бы переименованию кафедр и двигали их вперед. Должен сказать, что большинство заведующих кафедрами, даже очень консервативные люди, это все поняли и приняли. Яблоков провел колоссальную работу и превратил бывшую кафедру научного атеизма в отделение религиоведения. Мы его поощряли, все его просьбы выполняли, поддерживали. С другими кафедрами тоже проблем не было. Даже на политологии. Самой болезненной была ликвидация кафедры истории марксистско-ленинской философии. До этого было

очень просто: Маркс преподавался на кафедре зарубежной философии, а Ленин преподавался на кафедре истории русской философии, к чему мы сейчас вернулись. Отдельно еще создавать кафедру истории марксистско-ленинской философии — это ложный путь.

А.К. Да, тогда надо кафедру экзистенциализма, кафедру феноменологии отдельно создавать.

А.П. Тем более повторение. Все первоисточники на других кафедрах прорабатываются.

А.К. А сегодня, как Вам кажется, марксизм достаточно на факультете изучается?

А.П. Я думаю, что нет. У нас есть русская черта: если мести, то всех выметать к чертовой матери, а потом разбираться. Идиосинкразия к марксизму, которая вызвана идеологическим преподаванием философии, она так повлияла, что марксизм начал исчезать у нас из курсов, хотя были специалисты хорошие. Я вспоминаю такое: когда в первые годы приезжали иностранцы, мы рассказывали им про факультет, давали программы, они говорили: «Что-то у вас везде Маркс и Маркс?» Ехидно спрашивали. А через некоторое время, когда началась вся эта... они говорят: «А где у вас Маркс?» То есть прямо обратное. Маркс — классик мировой философии, общепризнанный в мире, он входит в десятку ведущих философов второго тысячелетия, но мы это в известной мере упустили. То есть надо было марксизм развивать уже без всяких идеологий, по крайней мере, ценные идеи марксизма, особенно его социальную теорию.

А.К. Сейчас с трудом уже найдешь специалиста, который хорошо бы знал историю марксизма. Строго говоря, как ее знал Ойзерман.

А.П. Да-да. Ну вот Ойзерман — раз. Теперь из истоков истории марксизма-ленинизма кто там был еще. Багатурия. Были специалисты на кафедре и по современному марксизму за рубежом. Все можно было делать нормально. Может быть, на кафедре зарубежки, но тем не менее. Мы в этом смысле то молимся, то сбиваем с ног.

А.К. «Крушение кумиров», как говорил Франк.

А.П. Это простая ситуация, которая для русского общества очень характерна: то поклоняться, то топтать... То, что Маркс — классик мировой философии, особенно социальной философии, — это факт. То, что Ленин — великий политический философ и опыт его политической деятельности надо изучать, очевидно. Но у нас все это завязано на идеологию. Я ценю работы Ленина, в «Материализме и эмпириокритицизме», если убрать грубые ходы мысли, связанные с идеологической борьбой, революцию и кризис в физике он описал прекрасно и наметил даже будущие исследования.

А.К. Но все-таки основная его задача была выступить против меньшевиков, которые вооружались махистской философией.

А.П. Он боролся, да. Но объективно: будучи юристом, он очень хорошо описал ситуацию в философии и естествознании в этот период. Есть недостатки, конечно, в марксистской философии. Я, например, считаю издержками негативное отношение к рыночной экономике.

А.К. Кого бы Вы еще поставили рядом с Марксом по влиянию на XX век из философов?

А.П. Их много. За какой период?

А.К. Я говорю о современности. Кого, Вы считаете, можно назвать титанами, определившими интеллектуальный горизонт современности?

А.П. В философии науки это, конечно, Поппер. Бертран Рассел, который боролся за мир и которого у нас называли агентом империализма. Рикёр. Я высоко ценю экзистенциализм, хотя мне не близка эта философия, но экзистенциалисты свое дело сделали — поставили ряд проблем, которые надо решать.

А.К. Помните, мы с Вами общались с Рикёром, когда он приезжал во французский коллеж в конце 90-х годов?

А.П. Да.

А.К. Это был замечательный опыт открытости по отношению к иностранным университетам, когда Вы стали деканом.

А.П. Мы были очень провинциальны тогда. Первое, что мы сделали, — провели курсы повышения квалификации для всех наших преподавателей. Договорились с Фондом Аденауэра, фонд выделил деньги, и мы пригласили ведущих университетских профессоров. Они читали лекции — для некоторых это была наука. Самое главное — обмен мнениями: что и как преподавать. Наши авторы говорили, что где-то у нас есть лучше специалисты, где-то хуже... Но этот обмен позволил выйти за рамки провинциализма. И тогда сложились прекрасные отношения с немецкой профессурой. Я устраивал им экскурсии по Москве.

А.К. Я помню, Вы и студентов водили по Москве.

А.П. Было такое. По петровским местам — я там вырос. Измайлово, Лефортово, Преображенка. Там и улицы называются фамилиями сержантов Преображенского полка. Моя школа, например, стояла на 9-й Роте. Устраивал я и по булгаковским местам экскурсии

А.К. В «нехорошую квартиру» заходили?

А.П. Много раз. Во все дома, где происходили события, навещались. И в дом, где жил булгаковский Шариков, и даже в магазин, рядом с которым его подобрал профессор, — он сидел под воротами Дома ученых. Были экскурсии по маршруту Маргариты, она вылетает из Танеевского переулка, Малой Власьевской, по Сивцеву Вражку, мимо Кремлевской больницы, по Калошину переулку и на Арбат. Все дома узнаваемы. Все там сохранилось. Бал сатаны — это американский Спасо-хаус. Литературоведы говорят, Булгаков многое взял из весеннего бала, на который его туда пригласили с женой.

Там и птиц экзотических завезли, растения. Сохранился и дом, где они уходили «к покою». Мансуровский переулок, дом 6, по-моему. Там жили братья Топлениновы, из Художественного театра. К этому имеет отношение и наш профессор Павел Сергеевич Попов. Кстати, есть другой, менее вероятный, правда, вариант, что дом, где жил мастер, — это дом Попова.

А.К. Булгаков — очень интересная фигура, он и писатель, и философ, и религиовед. Многие открывали для себя Евангелие через его интерпретацию.

А.П. Мне очень нравится эта интерпретация библейских сюжетов. Некоторые говорят, что это покушение на Истину. Я считаю, писатель имеет право на вымысел, в том числе и в этой области.

А.К. А вот как Вам кажется, нужно ли выстраивать взаимодействие философии и религии?

А.К. Не нужно никакого взаимодействия. Это самостоятельные формы общественного сознания — религиозное, философское.

А.К. А религиозная философия существовала?

А.П. Конечно, существовала. Почему нет? Это просто определенная философия, которая базируется на религиозных предпосылках. Но все-таки философия — это рациональное предприятие, религия — сакральное. Другое дело, что, например, философия занимается этическими проблемами, идеей блага. Ну и религия этим занимается. Значит, они в чем-то пересекаются. В чем особенность греческой культуры? В том, что философия стала самостоятельным родом знания.

А.К. За это жрецы, собственно, и убили Сократа?

А.П. Он переключил внимание с натурфилософии на этику, антропологию. Ну а убить всегда есть за что.

А.К. Ваша жена тоже занималась философией?

А.П. Занималась. Религиозной философией на кафедре так называемого «научного атеизма». Потом, правда, забросила. Она училась со мной в группе вечерников. Там были и Майоров, и Федоров, еще несколько человек. У нас хорошее преподавание было, хорошие преподаватели. Ну и люди выбирали это не просто так.

А.К. В следующем году мы восстанавливаем вечернее отделение...

А.П. Для некоторых это моральное удовлетворение. Некоторые технари хотят заниматься философией — надо такую возможность дать. И мистикой и магией пусть занимаются.

А.К. Тот информационный бум, который произошел, когда Вы уже ушли с деканства...

А.П. Понятно. Одна из технических новаций, которую мне пришлось проводить, — создание нашего компьютерного класса. Мы нашли деловых людей, которые дали средства, закупили первую партию компьютеров Apple и создали компьютерный класс. Ну и потом пошло-поехало. Миронов очень много внимания этому уделял.

А.К. Вы сами пользуетесь компьютером?

А.П. Не особенно активно.

А.К. Вы не «подсели», как говорится?

А.П. Нет. Только по мере необходимости. Навести справки. Но я знал, что для факультета это необходимо.

А.К. Как Вы думаете, сильно ли изменяется сознание в результате того, что люди переходят к электронным книгам, уходят из библиотеки в Интернет?

А.П. Психология мышления несколько меняется. Все-таки компьютер гонит твоё сознание, и ты не задумываешься, просто получаешь информацию. Книга заставляет размышлять. Не думаю, что печатная продукция выйдет из оборота, особенно у гуманитариев.

А.К. Присутствие книги в библиотеке — это фактически какое-то существо у тебя дома живет.

А.П. Конечно, ведь люди по многу раз обращаются к одной книге. Не думаю, что от книг откажутся.

А.К. Компьютер в каком то смысле профанирует текст. Он теряет свою сакральность.

А.П. Да-да-да. Смысловые оттенки пропадают. Это в известной мере примитивизирует мышление.

Е.С. Так говорили наверняка, когда переходили от свитков к рукописным книгам, а потом от рукописных книг к печатным. «Боже мой, ведь рукописная книга — это произведение искусства, а печатная обедняет и примитивизирует».

А.П. Тоже. Но рукописная книга — удовольствие слишком дорогое и не массовое. Это была информационная революция, когда вышла первая печатная книга. Очень большой проблемой было общение между учеными. Просто не хватало книг, поэтому ездили на стажировку в Александрию. Но разницы я не вижу, это зависит от культуры. Допустим, в Китае или Японии каллиграфия — существенная часть культуры.

А.К. Писатель Алексей Михайлович Ремизов был каллиграф, он надписывал книги... У нас есть каталог библиотеки Ивана Ильина. Здесь книги, надписанные Ремизовым, — совершенно потрясающе.

А.П. Все-таки иероглифы другой смысл имеют. В Китае любимое занятие в парке, на отдыхе — писать иероглифы. И когда наш академик, директор Института математики и механики Саркисян, писал иероглифы, китайцы были в полном отпаде. Есть прекрасная картина английского режисера Гринуэя про иероглифы: даже у ребенка это вызывает огромное удовольствие. Это целый мир.

Возвращаясь к реформам факультета. Мы создали кафедру философии и методологии науки, которую я возглавил. Мне говорили: «Ты под себя создаешь эту кафедру». Я отвечал: «Есть кафедра эстетики, философии искусства, а почему не может быть кафедры философии науки?»

А.К. А она оказалась очень востребованной.

А.П. Сейчас оказалась востребованной. Сдают кандидатский экзамен по истории и философии науки. Очевидно было, что нужно создавать такую кафедру. Возражали мне тогда и против названия. Говорили, что вы как позитивисты считаете, что наука — сама себе философия. Буржуазное течение...

А.К. Ну, сейчас очень много буржуазных течений превратилось в кафедры.

А.П. Дело не в буржуазности. Свои новые важные проблемы ставили экзистенциализм, аналитическая философия.

Создали кафедру антропологии. Инициатива была Фролова. У них там Институт человека, под него создали. Сейчас это штатная кафедра, хоть и возглавляет ее до сих пор Степин. Вот еще пример. Надо антропологию развивать? Безусловно. Вопрос: как это сейчас происходит? Какие там проблемы изучают?

А.К. Кто Вам более симпатичен из советских академиков?

А.П. Кедров, Копнин мне нравился, он член-корр. был, реабилитировал проблему философской веры. Вера у нас долгое время отождествлялась только с религией. Но есть ведь юмовское понятие believe. Вера — философское понятие, важное для теории познания.

У нас было политологическое отделение. Хрущевский «научный коммунизм» мы превратили в политологию, радикально поменяв содержание преподавания.

А.К. Панарина Вы пригласили?

А.П. Я пригласил из Института философии. Ректор дал ему квартиру. И он себя оправдал, толковый специалист, и работы его звучали.

А.К. Не жалеете, что политологи ушли на отдельный факультет?

А.П. Я тогда еще знал, что это случится. И всегда был готов. Политология должна была уйти рано или поздно — она поздно ушла. Я даже поджимал, не давал им ставки, потому что знал: уйдут — ставки к нам не вернуться.

Когда мы проводили реформы, даже люди с консервативным мышлением реагировали. Была, например, кафедра истории социально-политических учений, ее возглавлял Бочкарев, человек со старым мышлением. Но когда пришло время, он все понял и мгновенно реформировал кафедру, пригласил хороших преподавателей. Были, правда, отрицательные примеры: я хотел создать кафедру регионалистики, взяв за основу кафедру мирового политического процесса. Я говорил Павлову, ныне покойному, «давай», тем более были специалисты по английской, по немецкой политологии, сам Павлов был специалист по Тихоокеанскому региону. Нет, уперлись. В итоге после смерти Павлова кафедру закрыли. А политическая регионалистика сейчас бы процветала.

А.К. Это, наверное, нормально, когда кафедры открываются, закрываются, реформируются. Потому что, когда кафедры существуют по 50—100 лет, они коснеют.

А.П. Есть классические темы. Кафедра зарубежной философии должна быть. И она будет и 100 лет, и 1000 лет.

А.К. А может быть и разделение: античная, средневековая, современная философия.

А.П. Может быть. Могут быть и какие-то объединения. Но есть вечные названия, вечные проблемы.

А.К. Как говорится, есть «вопросы», но нет «ответов» философии.

А.П. Преемственность в философии — это проблемы, а не решения. Решают все по-разному.

Говорят, время отведено даже театру. Театр существует лет 20 и исчерпывает себя. Так, видимо, и в гуманитарных науках. Надо относиться к этому чутко, внимательно и вовремя что-то менять. Но сейчас я уже отключился от этого. Самое главное: все реформы которые проводились, развиваются сейчас. Мионов громадные силы вложил, и в политологию в том числе.

А.К. Как Вы считаете, философское образование должно идти по пути специализации или по пути универсализации? Может быть, философам нужно давать историю, филологию...

А.П. Специализации не избежать, если мы хотим готовить специалистов. Вопрос другой: стоит ли всех включать в эти группы? Я, правда, не знаю, как это сделать. Но науки без специалистов нет. Общие знания, но и специализация в узкой области.

А.К. Меня иногда обескураживает, что на факультете такой потенциал ученых, а студенты замыкаются в своей кафедре и просто не встречают большинство этих ученых, не слышат их.

А.П. Меня тоже эта беда тогда волновала. Раскол философских дисциплин, который произошел в сознании. Если я занимаюсь эстетикой, мне плевать на логику. Если я занимаюсь логикой, мне плевать на теорию культуры. Это черта наших философов. Но это неграмотно. Потому что философия единая. Все, что есть в философии, — онтология, теория познания, этика, эстетика, логика и т.д. Я считаю, философия начинается с логики, а кончается этикой. Как говорил Спиноза, венец философии — этика. А у нас пытаются преподавать философию без этики или преподавать этику без теории познания.

А.К. Что делать с этим? Как размыкать?

А.П. У меня нет рецепта. Здесь должен быть контакт между кафедрами.

Еще одна линия развития философии, которая нас тогда волновала, — это контакт с академическими институтами, с тем же Институтом философии. Примером служит здесь кафедра логики и отдел логики в институте — это практически одни и те же люди. Вспомните Смирнова, Зиновьева и др. Логика связаны давно. А между другими кафедрами такой связи нет. При Овсянникове была какая-то связь между эстетиками.

А.К. Институт философии пошел по своему пути. Они создали свою учебную структуру, ГУГН — Государственный университет гуманитарных наук.

А.П. Это другой вопрос. Им грозило чуть ли не расформирование, они ввели образовательную структуру. Но я говорю о науке. Основные кафедры должны быть связаны. Логически совместно учат студентов, разрабатывают программы, темы как единое сообщество.

А.К. Какой доклад Вы бы сделали, если бы выступали сейчас на мировом философском конгрессе?

А.П. Я не готов к такому вопросу. Нужно познакомиться с тем, что сейчас людям интересно. Но я не поеду, я свое уже отработал. И в целом я доволен тем, что сделал. Думаю, след в истории факультета и преемственность остались.

А.К. Шнитке при Вас приходил на факультет.

А.П. Да, я приглашал.

А.К. Любите музыку?

А.П. Люблю. Оперу люблю.

А.К. В этом мы совпадаем. Я тоже большой любитель.

А.П. Я с детства люблю. Я был в опере в эвакуации, в Свердловске, лет в 5—6 меня сводили на «Руслана и Людмилу». На всю жизнь запомнил. Я потом дома строил декорации. Симфонии — выборочно. У меня не хватает общей музыкальной культуры, потому что слушать серьезную музыку — это большой труд, и это требует образования.

А.К. В Большой театр ходили студентом?

А.П. Конечно. Всегда ходил. На оперу, на балет. Я люблю Верди, люблю русскую оперу. Расскажу такой интересный пример моего общения с иностранными философами: Поппер — меломан и теоретик музыки. У него есть статьи по теории музыки. И я ему привез набор пластинок Чайковского. Такое клише: кого любят на Западе? Чайковского, Рахманинова в первую очередь? И я спросил его: «Какую русскую музыку Вы считаете наиболее оригинальной?» Мусоргский!

А.К. Я уверен. Конечно.

А.П. Вот что значит грамотный в этой области человек. Там и новизна, и дух русский выражен. Великий композитор. Поппер меня этим просто убил. Знай я, привез бы Мусоргского.

А.К. В Европе ходили в оперные театры?

А.П. Я ходил на «Иисус Христос — суперзвезда». А больше нет, это достаточно дорогое удовольствие.

А.К. А кого из певцов любили?

А.П. Любил... Ну, бас... честно говоря, кроме Шаляпина я на другие басы не реагирую. Но знаю и Михайлова и Рейзена. Из теноров я любил Лемешева — не в пользу Козловского. Марио Ланца — классик. Карузо — вне обсуждений. Конечно, я обожаю Марию Каллас, она очень требовательная,

капризная, она и рано ушла. Но — певица. Нежданова, у нее своеобразный тембр голоса, она мне нравится. Много, очень много.

А.К. Взыскательный вкус у Вас.

А.П. Нет, не взыскательный. Я не специалист. Слушание музыки — это профессия, надо в этом разбираться, понимать.

А.К. Музыка помогает философии? Они связаны, на Ваш взгляд?

А.П. «Рождение трагедии из духа музыки»!

А.К. Шопенгауэр считал, что музыка — это бессознательная философия души.

А.П. Чем интересна музыка? Это наиболее абстрактный вид искусства. Там нет образности. И музыка передает дух искусства вообще. Потом это проникло и в живопись... Если море у Римского-Корсакова наглядно, то в основном, конечно, никакой наглядности нет. У Вагнера люблю некоторые вещи.

А.К. Сейчас бываете в театре?

А.П. Нет. Уже давно, по разным причинам. Это я слушаю на пластинках, у меня есть фонотека.

А.К. Слушаете на виниле?

А.П. У меня есть набор виниловых пластинок и хороший проигрыватель, с колонками, мощный.

А.К. Вы, Александр Владимирович, человек достаточно остроумный, я помню, Вы, когда лекции читали, все время рассказывали какие-то притчи, анекдоты, и часто методологические. Вот какой-нибудь анекдот философский...

А.П. Напомнить, какие были философские анекдоты? Ну, во-первых, диалектическая логика. Вы помните, что это такое? Вы знаете, что у нас кафедра была создана?

А.К. Да, один год была, по-моему.

А.П. Внук с философского факультета приезжает к бабке, она его кормит, поит. А потом спрашивает: «А чем ты занимаешься?» — «Бабка, я занимаюсь философией». — «А что это такое?» — «Я, — говорит, — занимаюсь диалектической логикой». Бабка говорит: «Ты мне объясни, что это такое». — «Бабка, это трудно объяснить тебе, ты же не понимаешь». — «Ну ты мне на пальцах объясни». — «Хорошо, я тебе объясню, что такое диалектическая логика. Мимо идут два человека, один грязный, другой чистый. Кто пойдет в баню?» Бабка говорит: «Ну грязный, ему помыться надо». — «Бабка, он потому и грязный, что не ходит в баню». — «А, ну тогда чистый, раз он любит мыться». — «А чистому-то зачем туда идти?» Бабка подумала: «Чертовщина какая-то». — «Ну вот этим мы и занимаемся». Ну, это старый, бородатый анекдот.

А.К. Диоген Лаэртский писал историю философии в анекдотах. Мы все сейчас воспринимаем очень серьезно и поэтому не до конца понимаем, что такое философия. Спасибо большое, Александр Владимирович, очень инте-

ресное интервью получилось. Может быть, еще Егор что-то спросит, он наш аспирант и сотрудник информационного отдела.

Е.С. Мне интереснее всего было, когда Вы рассказывали о проблемах, с которыми столкнулись. Многие из них до сих пор звучат очень насущно.

А.П. Я согласен, насущность копится. Контакт преподавателя и студента, спецкурсы, специализация и прочее. Есть проблемы.

А.К. Некоторые проблемы решаем мы, остальные сама жизнь решает. Все проблемы так или иначе решаются. Вопрос — как.

А.П. На факультете все-таки хорошее отношение к студентам, аспирантам. Хотя те проблемы, которые они ставят, не так-то легко решить.

Е.С. Было в то время, чтобы студенты приходили и говорили: «Этот курс нам не нравится, это не философия, не нужно нам его читать?»

А.П. Были такие вещи. Миронов лучше скажет, он десять лет заместителем по учебной работе был. Решалось по-разному. Иногда посылали комиссию, и считалось, что надо действительно закрыть, чтобы не раздражать студентов.

Е.С. Закрывали?

А.П. Да, могли отменить.

А.К. Я могу свидетельствовать, что можно было прийти к Вам и сказать: «Вот этого преподавателя мы хотим слушать». И его приглашали.

А.П. Суть перестройки в этом и заключалась — быть мобильным в этих вещах. Есть желание, есть договоренность с ученым — приглашайте кого угодно.

А.К. Это очень много дало.

А.П. Есть, конечно, классические курсы, которые нельзя менять, которые представляют основу философского образования. Если преподаватель профессиональную этику не нарушает и является специалистом, его менять не надо. А что касается спецкурсов, они иногда бывают излишними, неинтересными — и кафедры здесь должны соображать быстро.

Е.С. А вот вопрос специализации... У нас одна курсовая работа в год, которой, во-первых, мало для получения навыков письма, а во-вторых, это как раз и способствует появлению межкафедральных барьеров. Может быть, сделать, как в некоторых западных университетах, несколько письменных работ?

А.П. На Западе все экзамены сдаются в письменном виде. Это хорошая вещь.

Е.С. Может быть, она бы как раз способствовала интеграции философского знания?

А.П. В известной мере да. Безусловно. Но все зависит от отношений между кафедрами, они должны инициировать взаимодействие.

А.К. Еще раз большое спасибо.

«С УНИВЕРСИТЕТОМ У МЕНЯ СВЯЗАНА ВСЯ ЖИЗНЬ...»

Интервью с заслуженным профессором МГУ, лауреатом Ломоносовской премии, профессором кафедры истории зарубежной философии Геннадием Георгиевичем Майоровым провела ассистент философского факультета МГУ, кандидат философских наук Е.В. Терещенко.

Е.Т. Геннадий Георгиевич, расскажите прежде всего, почему Вы решили пойти в аспирантуру и потом остаться работать на философском факультете?

Г.М. С юности меня влекло в разные сферы. В школе я увлеченно занимался математикой, пытался открыть новые формулы, даже систему исчисления придумал свою, назвал ее теория связей. Это была очень общая теория, обобщающая все логические действия, производимые в математике. Потом я ее забросил. В школе многие предметы вызывали во мне живой интерес: история, литература. Только химия мне никогда не нравилась. Меня влекло либо на мехмат, либо на философский факультет. Но в моей семье отношение к философии было отрицательным. Ведь тогда под философией понимали диалектический и исторический материализм, т.е. марксизм. А мой отец был крупным государственным деятелем и пострадал от репрессий, едва не был расстрелян. Но меня влекло к философии. В школе я читал Фихте, втайне от родителей купил книжечку у букиниста, которая называлась «Назначение человека». И когда я открыл ее и прочитал, я понял, что есть нечто более серьезное и важное для души, для человечества, чем математика. Я тогда решил, что пойду только на философский факультет.

Я еще не знал тогда, что здесь работали выдающиеся ученые. Моим учителем стал Валентин Фердинандович Асмус — гордость советской науки, филолог, философ, историк. Он и поэтикой занимался, прекрасно играл на фортепиано, жил он рядом со мной, а я родом из Переделкина. Я слушал лекции этого замечательного человека, настоящего русского аристократа, благородного, с улыбающимися глазами... Он был утонченным человеком, очень любил музыку... И я решил, что он будет моим научным руководителем. Он меня взял, и после этого моя судьба была predetermined, уже на первом курсе. Поскольку моим любимым учителем стал Валентин Фердинандович, не осталось никаких сомнений в том, что я останусь именно на этом факультете. Мне повезло и с другими замечательными профессорами, которые в те времена у нас работали: Богомолов, Нарский, такой горячий-горячий, везде хотел создать что-то свое... В общем, разные очень были люди, но все были личности, и не на каждом факультете вы найдете такое скопление личностей, которое было тогда, в 60-е годы. Ну вот, я понял, что именно здесь мое место.

Е.Т. То есть можно сказать, что главным определяющим фактором были личности?

Г.М. Да, конечно, особенно на меня повлиял Асмус. Когда он отошел от работы, меня взял под свое руководство Василий Васильевич Соколов, тоже замечательный человек, тоже, так сказать, все регалии имеет высокие, лауреат... и все-все-все на свете. Вот это человек совсем другой, более демократичный, из простых вышел, но большая умница, большая умница, талантливый, даже очень... Он вел меня до защиты докторской, был моим наставником. Василий Васильевич достиг очень многого, был выдающимся ученым, написавшим очень много работ по разным периодам культуры, начиная с Античности и заканчивая современностью. У него есть и фундаментальные труды, например, последний огромный труд по истории философии. Так что мне очень повезло с руководителями.

Е.Т. Геннадий Георгиевич, выбранная профессия как-то повлияла на другие сферы Вашей жизни?

Г.М. Конечно, повлияла, потому что философия затрагивает личность человеческую полностью, в отличие от других наук. И, разумеется, вкус формирует — обязательно! Во-первых, вкус к точному, ясному мышлению. Если ты этим не овладел, то уже можно уходить из философии, ничего не получится. Во-вторых, уважение к науке вообще: философия — царица наук, руководительница всех их вместе взятых. Последние вопросы, высшие вопросы: что такое счастье? что такое благо для человека? каким он должен быть? что такое цивилизация? что такое культура? — это все решается в рамках философии. Высшие вопросы, они все только здесь и решаются. И поэтому это действительно некоторая, так сказать, кульминация всех наук, высшая точка. Выше философии только мудрость. Но мудрость приобретается опытом, а не обучением. Философия приобретается в том числе и обучением, конечно, если есть дарование какое-то. Но иногда в философию идут по ошибке люди, и потом у них ничего не получается. А если ты угадал свое призвание, пришел сюда по призванию, то все получится у всех.

Е.Т. Как в семье оценивали Ваш выбор, Вашу деятельность?

Г.М. Отец был против моего поступления на философский факультет. У меня были математические наклонности, и он ожидал, что я пойду в какой-нибудь математический или физический вуз. Он очень расстроился, когда я, не говоря ему ни слова, подал документы на философский факультет и поступил.

Но я вообще-то с родителями жил врозь... Я на даче жил, а они в квартире, потому что с отцом у нас были сложности в отношениях, жуткие сложности: я был непослушный. Я был своевольный: что я решил, уже очень трудно было изменить, а он тоже был своевольный, властный очень был отец. Конечно, царствие небесное, человек он был талантливый очень, настрадался много, репрессирован был, случайно не был расстрелян, пережил много, потом на фронт пошел, там ранен был раза два-три. В общем, он такой был — личность была большая тоже...

А если еще говорить о людях, для меня особенно важна была мама. Отец меня не любил, меня любила мама. И может быть, она привила мне какие-то нежные чувства, материнская любовь она гуманизм прививает... да, способность прощать и... так далее. Отцовская, она такая — крутая любовь... И мама, поскольку знала, что отец меня, так сказать, чуть-чуть третирует, она меня больше жалела, чем старшего брата. И так повелось дальше: старший брат — папин, а я — мамин...

Е.Т. Интересно, а чем ваш старший брат занимается?

Г.М. Геолог. Ну, геология инженерная, без его подписи ничего не строится. Он главный геолог Москвы.

Е.Т. Я знаю, что Вы специалист по Боэцию...

Г.М. Да. Боэций — это легендарная личность, у него была страшная и совершенно неповторимая судьба. Это мыслитель, который предвосхитил гуманизм эпохи Возрождения. Он был одним из тех средневековых авторов, которые имели очень большое влияние и популярность в эпоху Ренессанса. Одним из главных героев моих работ был также Августин Блаженный, знаменитый святой. Он построил философию истории. Он при жизни вел всю западную культуру Европы, его знали все ученые, философы. Вся его жизнь была борением с собой, его влекла любовь... Этот человек стал классиком средневековой мысли.

Е.Т. Выбор этой темы предполагался Вашими личными симпатиями?

Г.М. В какой-то степени это так. Я очень многое люблю. Я переводил и издавал Цицерона. Кроме того, я читаю курс истории античной философии, в частности древнегреческой, пишу статьи об этом периоде, например, в своих общих работах я рассматриваю деятельность Платона, Плотина, Аристотеля. Античности посвящена моя книга «Философия как искание Абсолюта». Меня интересовало появление самой идеи философии. Этому посвящены три главы книги. В них я говорю о том, как родилась философия, о ее дальнейших перспективах, о ее разделении на два типа — позитивистскую и мистическую. Эта книга вышла большим тиражом, выдержала два издания. В ней я также формулирую свое понимание философии. Для меня это было особенно важно, потому что марксизм распространил, на мой взгляд, ложное понимание философии: он рассматривал ее как одну из наук. Я доказываю, что философия — это не наука, это другой род духовной деятельности, как искусство, например. У философии свои законы, они не совпадают с законами математики, физики и всей науки в целом. Развитие науки происходит по определенным законам. Философия же не имеет окончательных результатов, это вечное движение. Она занимается проблемами, которые нельзя разрешить окончательно. В то время как в науке всегда можно вывести конечный результат.

Е.Т. Геннадий Георгиевич, а как Вы думаете, повлияла ли историческая ситуация, изменения в нашей стране в 90-е годы и в настоящий момент на развитие философского факультета?

Г.М. У меня лично никаких перемен не было. Я никогда не был марксистом, и только Господь Бог и благоприятные обстоятельства помогают моим книгам выходить в свет. Мне очень повезло с издателями моих книг. Некоторые рисковали. Но я писал так, чтобы все было очень убедительно, опирался на первоисточники, то есть на тексты. Меня трудно было осудить, потому что я постоянно ссылался на исторические факты, на исторические мнения, на великих философов. Таким образом, получалась историческая концепция философии без какого-либо марксизма.

Е.Т. Изменилась ли ситуация на философском факультете именно после перестройки?

Г.М. Конечно, ситуация изменилась. Но для меня как писателя, философа ничего не изменилось, потому что я никогда не лицемерил и выбирал темы, где можно было не врать. Я писал о Лейбнице, великом немецком философе, о Беркли. О них разрешалось писать, но у нас многие боялись это делать, потому что в таком случае нужно было навешивать ярлыки «субъективный идеалист», «реакционный мыслитель». Я никогда себе не позволял подобного, это нечестно. Я никогда не писал о тех, кого я не люблю. Как я мог про великого Лейбница сказать, что он должен был быть материалистом. Я не могу его причислить никоим образом к материалистам, он великий идеалист. Или Платон — чистейший идеалист, прекрасный писатель, гениальный философ. И надо сказать, что люди все-таки никогда не были полностью мерзавцами. Никогда. Они с удовольствием читали мои книжки, ни один не написал доноса. А могли бы написать: в толстой книге не было ни одной ссылки на Маркса и Ленина...

Е.Т. Сейчас, как Вы считаете, для философии создались более благоприятные условия?

Г.М. Конечно! Сейчас абсолютно либеральная атмосфера, но возникла противоположная крайность. Очень многие пишут чистейшую халтуру, читать невозможно. Сейчас идет соревнование в оригинальности, кто оригинальнее напишет, чтобы получить славу человека-новатора. А за этой оригинальностью стоят такая пустота и такой сумбур, что страшно все это читать. Сейчас очень много халтуры. Свобода имеет две стороны. С одной стороны, она открывает путь творчеству, а с другой — открывает путь для проходимцев. Есть смышленные проходимцы, которые знают, на какие нажать клавиши, чтобы заиграло то, что хочется.

Е.Т. Это можно, пожалуй, назвать характерной чертой нашей современной культуры...

Г.М. Да, и везде — в философии, в искусстве — то же самое. Считается, чем более вызывающе написано, тем талантливее.

Е.Т. Геннадий Георгиевич, а вы можете вспомнить какой-то такой случай, наиболее запоминающийся — может быть, волнующий... может, забавный...

может быть, даже анекдотический... То, что связано именно с вашей работой на факультете и философией...

Г.М. Анекдотических, пожалуй, не было, не было... а забавные...

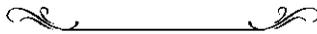
Е.Т. Это тоже ведь специфика философского факультета, возможно... А приятные воспоминания?

Г.М. Приятные... Ну приятных очень много! Самое запоминающееся — мой недавний юбилей, когда мне исполнилось 70 лет. Замечательно. Искренне. Прекрасная обстановка. Мои коллеги специально подготовили доклады, устроили конференцию. Особенно мне понравилось, что пришли многие мои студенты. Меня привел в восторг доклад Михаила Анатольевича Гарнцева. Он понравился не только мне, но и моему зятю, доктору филологических наук. Он занимается темами, близкими к философии. Я благодарен всем, кто пришел. Мне было очень приятно, что пришло так много людей. Таков итог моего длительного пребывания в университете, с которым у меня связана вся жизнь.

Е.Т. Вы бы хотели, чтобы Ваши внуки были философами?

Г.М. Нет. У моих внучек совсем другие наклонности. Одна из них еще учится в гимназии, она очень способная, но своенравная, поэтому она сама будет решать, куда ей идти и что делать дальше. Вторая немножко другая, но она больше увлекается музыкой. Так что из них двоих философией может увлечься скорее Саша, младшая, потому что она все решает сама, никого не слушает, в меня пошла. Так что как она решит, так и будет.

Е.Т. Спасибо Вам огромное за беседу.

Научное издание

**ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Под редакцией *А.П. Козырева*

Техническое сопровождение,
редактура и расшифровка интервью

*Г.В. Жданова, Е.А. Калинин,
Е.С. Соколов, Д.Ю. Черников*

Редакторы *Т.М. Ильенко, И.Е. Новикова, Н.А. Любимов*

Переплет *В.А. Чернецова*

Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*

Технический редактор *Э.С. Кондрашова*

Корректоры *В.В. Конкина, Н.И. Коновалова,
Е.А. Пермякова, Г.Л. Семенова*

Компьютерная верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 05.12.2011.
Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Академия.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,0 + 0,5 п.л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 30,7.
Тираж 1000 экз. Изд. № 9620. Заказ № 4267.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: 629-50-91. Факс: 697-66-71.
939-33-23 (отдел реализации).
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru
Сайт Издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Адрес отдела реализации: Москва, ул. Хохлова, 11
E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-33-23.
Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-211-06301-3

9 785211 063013